

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ
АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Д. Ф. Марков (председатель), *В. Н. Виноградов*,
И. С. Миллер, *А. С. Мыльников* (заместители председателя),
Л. А. Обушенкова (ответственный секретарь),
Г. Л. Арш, *В. А. Дьяков*, *В. И. Злыднев*,
Т. М. Исламов, *Б. Н. Путилов*, *Л. Н. Смирнов*,
Б. Ф. Стахеев, *В. И. Фрейдзон*

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ
АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.
КОНЕЦ XVIII В. — 1849 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1980

В книге комплексно исследован и обобщен обширный материал по истории освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи (конец XVIII в.— революция 1848—1849 гг.). На основе сравнительного анализа авторы воссоздают картину социально-экономического, политического и культурного развития народов габсбургской монархии до революции 1848—1849 гг., характеризуют социальный состав, структуру и программы освободительных движений. Подробно рассмотрены революция и контрреволюция 1848—1849 гг.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Дьяков, Т. М. Исламов, И. И. Лециловская, И. С. Миллер,
А. С. Мыльников, В. И. Фрейдзон (ответственный редактор)

ВВЕДЕНИЕ

Данный труд является одним из исследований, проводимых Институтом славяноведения и балканистики по комплексной проблеме «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму».

Сравнительно-исторические исследования, способствующие выяснению характера исторического развития отдельных народов и целых регионов, являются важной задачей исторической науки. В. И. Ленин указывал, что «сравнение политического и экономического развития разных стран [...] имеет громадное значение с точки зрения марксизма»¹. Оно позволяет глубже изучить общие закономерности, яснее представить исторический процесс в целом, своеобразное и общее в истории каждой страны или народа. Такого рода исследования необходимы для понимания экономических, социальных, политических, идеологических и культурных отношений между народами.

Одним из обширных географических комплексов, которому во многом были присущи общие черты исторического развития, являются Юго-Восточная Европа и восточная часть Центральной Европы.

В отличие от Западной Европы здесь сложились многонациональные государства, и в XIX в., в частности в Австрийской империи, национальный вопрос стал одним из центральных. Это означает, что здесь одним из основных проявлений социально-политического угнетения являлся гнет национальный и что буржуазно-демократические преобразования (победа над феодализмом и ликвидация его остатков) не могли быть осуществлены (или завершены) без решения национального вопроса. Борьба за национальное освобождение, за свободу Отечества в этих условиях являлась одной из важных форм освободительного движения.

В рамках указанного территориального комплекса каждый из входивших в него регионов (или субрегионов, если весь комплекс считать регионом) представлял собой в социально-экономическом и политическом отношениях особую общность, в пределах которой историческое развитие народов находилось в тесной взаимозависимости. Одним из таких исторически сложившихся и существовавших в интересующую нас эпоху регионов являлась Австрийская империя, другим — балканские владения Османской империи².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 268.

² Мы не видим принципиальных различий между взглядами историков, считающих Австрийскую империю и Балканы регионами в составе всего ареа-

По значению национального вопроса для политической жизни и для судьбы этих государств Австрийская и Османская империи имели много общего. Но многое в общественно-экономической эволюции австрийского региона отличало его от европейских владений османской Турции. Это — «пруссий» путь развития капитализма в земледелии и нарастающий в XIX в. темп развития промышленности. В Османской же империи, в обстановке господства крайне тяжелых форм эксплуатации, доведших массу крестьян до полного обнищания, отсутствовали основные условия развития капиталистической экономики, прежде всего — неприкосновенность частной собственности. Невыносимый гнет вызывал освободительную борьбу народов Балканского полуострова и ее крайне острые формы — вооруженные восстания. Главной силой этих восстаний было крестьянство. Борьба народных масс против военно-феодальной системы османского владычества являлась вместе с тем борьбой за национальное освобождение.

В Австрийской империи все возрастающая роль имперских экономических центров и имперского рынка оказывала противоречивое воздействие на развитие отдельных национальных областей и в связи с этим на политическую позицию различных обуржуазивающихся слоев. Несмотря на феодальный гнет в первой половине XIX в. и значительные остатки феодализма после революции 1848—1849 гг., условия Австрийской империи — крупного помещичье-буржуазного государства — открывали определенные, хотя и весьма различные, возможности для поступательного социально-экономического развития угнетенных наций, и часть обуржуазивающихся слоев общества в той или иной мере приспособлялась к этим условиям. Социально-экономические и внешнеполитические обстоятельства приводили к тому, что центробежные, радикальные национально-освободительные тенденции здесь боролись с тенденциями сохранения империи. Это открывало Габсбургам простор для политических маневров.

Но эти маневры смогли лишь отсрочить распад габсбургской монархии. Накануне революции 1848 г. кризис феодальной системы, в частности, проявился в венгерском национально-освободительном движении. Венгерская революция едва не привела к распаду империи в 1848—1849 гг. В буржуазную эпоху, после 1848 г., движения общедемократического характера, в том числе национально-освободительные, вновь привели империю в состояние хронического и все более углублявшегося

ла Центральной и Юго-Восточной Европы, и других ученых, предпочитающих определять их как субрегионы, а названный комплекс — как регион. Существенно, что те и другие признают наличие в XIX в. определенных общих черт в положении всех стран этого комплекса (или региона) и, вместе с тем, — весьма важных различий между отдельными группами этих стран.

внутриполитического кризиса. В сущности это был кризис как политической, так и социальной структуры Австрийской монархии. Господство австро-венгерских помещичье-капиталистических кругов над народами империи, несмотря на те «клапаны», которые до поры до времени правящим кругам удавалось открывать, все более становилось несовместимым с потребностями общественно-политического прогресса многонационального населения государства, потребностями и интересами народных масс, выдвигавшимися развитием капитализма.

После 1848 г. попытки Габсбургов править государством с помощью абсолютистских методов потерпели неудачу. Австро-венгерский компромисс 1867 г. вывел империю из кризиса, но лишь временно. Более того, новое (дуалистическое) устройство государства, которое в дальнейшем уже не поддавалось реформированию, в условиях нараставшего с конца XIX в. освободительного движения, прежде всего движения рабочего класса и широких народных масс, не оставляло реальных возможностей для очередного крупного политического маневра правящих кругов австро-венгерской монархии.

Одна из великих европейских держав на протяжении столетий, Австрийская империя, устоявшая в войнах против Наполеона I и после 1815 г. являвшаяся оплотом реакции в Европе, стала быстро клониться к упадку. В 1815 г. Габсбургам еще удалось расширить свои владения за счет итальянских и югославянских земель. Однако прочно удержать свои захваты они уже не смогли. В 1859 и 1866 гг. большинство итальянских территорий было ими утеряно. И главное, им не удалось воспрепятствовать объединению Италии и объединению Германии. В 1878 г. монархия оккупировала населенные южными славянами Боснию и Герцеговину. Но это еще больше усугубило кризис ее господства над народами и обострило противоречия на Юго-Востоке Европы. Символично, что не в последнюю очередь ввиду неспособности справиться с усиливавшимся югославянским освободительным движением, в частности в Боснии и Герцеговине, габсбургская монархия, поддержанная германским империализмом, в 1914 г. сделала решающий шаг в развязывании мировой войны. Разгромив Сербию, немецкая буржуазия намеревалась «задушить национальную революцию южного славянства»³.

Авторский коллектив настоящего труда поставил перед собой задачу исследования важной части проблематики истории освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму, выяснения социальных основ и программно-идеологических принципов различных течений в национальных движениях или, иначе говоря, задачу анализа отношения к национальному воп-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.

росу разных классов и общественных слоев этих народов на различных этапах их истории.

Выделяя с практической научной целью в качестве основного (но не единственного) объекта изучения особую сферу общественных отношений, отношения национальные, историю национально-освободительных движений, необходимо иметь в виду неразрывную связь этой сферы со всей общественной жизнью народов. Собственно национальная проблематика является частью (хотя весьма специфической) и особым проявлением социально-политической проблематики в целом. Национально-освободительные движения в Австрийской империи являлись неотъемлемой частью всемирно-исторической борьбы народов против феодального и — во все возрастающей мере — капиталистического гнета и эксплуатации, но частью, которой были присущи свои особенности.

Задача монографии — определить общие черты и закономерности развертывания национальных движений в пределах региона, выяснить взаимодействие, с одной стороны, экономических и социальных процессов, с другой — национально-идеологических и политических, показать в конечном счете определяющую роль первых и воздействие последних на общество. Основная задача исследования вынуждала авторов ограничить целесообразными рамками изложение вопросов, выходящих за пределы того, что необходимо для характеристики «национальных» движений, понимаемых в широком смысле.

Изучение истории национальных движений в Австрийской империи представляет особые трудности ввиду разнообразия конкретных национальных, социальных и политических отношений между отдельными народами, глубоких различий в уровне их экономики, в социальной структуре (более того — в структуре одного и того же народа в разных географических районах), в историческом прошлом, традициях, особенностях национального самосознания, внешних связях и пр.

В данном исследовании много места уделено общему и национально особенному в историческом развитии народов. Игнорирование (как и преувеличение) роли национальных моментов в историческом развитии ведет к вульгаризации, искажению исторического процесса. Историко-материалистический метод требует не противопоставлять классовый подход национальным моментам, а объяснять последние с классовых позиций. В истории не существовало национальных движений «вообще», внеклассовой национальной борьбы и абсолютного «общенационального духа», не зависящего от интересов классов, составляющих нацию. Но классовая борьба, как движущая сила истории, коренные социально-экономические интересы тех или иных классов и общественных слоев — проявлялись во взаимодействии с национальным моментом, который накладывал отпечаток на политическое развитие.

Внимание авторского коллектива сосредоточено преимущественно на идеологии и программах национальных движений, на системе взглядов и требований представителей разных общественных слоев в национальной области (в сфере языка, шире — культуры, политических национальных прав, территориальных вопросов). Их исследование в развитии возможно лишь на основе знания эволюции общественного базиса и хода социально-политической борьбы. По словам В. И. Ленина, «национальная идеология» создавалась целой эпохой — длительным процессом «массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе»⁴.

История освободительных движений ставит перед исследователем проблемы оценки роли отдельных классов и общественных слоев в движении, соотношения борьбы народных масс против эксплуатации с национальным движением, значения и внутреннего содержания имевшего место в ряде случаев временного, весьма неустойчивого и полного противоречий сотрудничества различных социально-политических течений и группировок в борьбе за национальное освобождение, условий общественно-экономического (капиталистического) развития народов, входивших в состав многонационального государства, и другие. Изучение истории народов, находившихся под властью Австрийской империи, позволяет сделать обоснованные выводы по некоторым из этих вопросов.

Актуальность данного труда связана с тем, что в сознании народов живы традиции эпохи формирования наций и национально-освободительных движений. Борьба за национальное освобождение являлась одним из существенных элементов общественно-политической жизни народов, и ее изучение необходимо для понимания исторического процесса в целом и многих современных явлений. Кроме того, реакционная историография идеализирует национальные взаимоотношения в Австрийской империи, стремясь изобразить габсбургское государство как образец («модель») объединения народов Европы, либо, наоборот, абсолютизирует национальные противоречия, отрывая их от конкретных социальных условий. Изучение истории габсбургской монархии доказывает необоснованность подобных концепций, дает возможность выяснить глубокие причины неспособности помещичье-буржуазного общества с его национализмом, шовинизмом и классовым эгоизмом разрешить национальные противоречия в Центральной и Юго-Восточной Европе и показать несостоятельность буржуазно-националистических методов их разрешения.

Проблемы национальных движений в Австрийской империи имеют обширную сферу для сравнений и обобщений, ибо они

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

рассматриваются применительно к определенной всемирно-исторической эпохе — эпохе смены формаций, перехода от феодализма к капитализму и «окончательной победы капитализма над феодализмом»⁵. Как отмечал В. И. Ленин, эпоха, о которой идет речь, начавшись Великой французской буржуазной революцией XVIII в., завершилась примерно в 1871 г.⁶

С конца XVIII по 70-е годы XIX в. народы, входившие в состав Австрийской империи, жили в условиях кризиса и ликвидации основ феодализма, развития капитализма и его утверждения, становления классов буржуазного общества. Указанные процессы вызвали консолидацию новых социально-этнических общностей — наций и подъем национально-освободительных движений. Венгерская, итальянская, румынская и славянские нации в основном прошли этап формирования в эпоху, являющуюся предметом данного труда. Особенным был путь развития господствовавшей в габсбургской монархии немецкой (австронемецкой) народности. Общенемецкое этническое самосознание совмещалось с особым самосознанием австрийских немцев; длительное взаимодействие разных факторов привело к тому, что формирование особой австрийской нации завершилось лишь в XX в. Складывавшиеся в XVIII—XIX вв. нации соответствовали развивавшимся производственным отношениям капитализма, т. е. являлись социально-этническими общностями буржуазного общества, — именно в этом смысле обычно применяется формулировка «буржуазные (или капиталистические) нации». В настоящем труде термин «нация» используется как идентичный только что приведенным, что допустимо для эпохи, о которой идет речь.

Относительно национальных процессов в Австрийской империи здесь же уместно упомянуть, что на их развертывание наряду с другими оказало воздействие обстоятельство, входил ли тот или иной народ полностью (или в основной массе) в состав Дунайской монархии — как чехи, венгры, словаки, словенцы, хорваты — или его основное ядро находилось вне владений Габсбургов, — таковы поляки, украинцы, сербы, румыны, итальянцы.

Для Австрийской империи это была эпоха значительного роста производительных сил общества, паровых машин, железных дорог и пароходов — эпоха промышленного переворота. Несмотря на серьезное экономическое отставание габсбургской монархии от буржуазных государств Западной Европы, и здесь промышленный переворот, развернувшийся после наполеоновских войн, быстро изменял структуру общества. Нарушались традиционные экономические отношения и связи, усиливалась подвижность населения, исчезал застойный быт.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

В этих условиях в Австрийской империи выявились две тенденции, присущие национальным взаимоотношениям при капитализме вообще: национальная дифференциация, сплочение отдельных наций, борьба против гнета, за национальную государственность и суверенитет, и другая — все большее экономическое и культурное сближений наций, интернационализация всей жизни общества. В среде формировавшихся угнетенных наций эти тенденции воплощались в различных идейно-политических течениях в зависимости от конкретных условий — от эволюции экономики и социальной структуры наций.

Изживший себя феодальный строй в Австрийской империи рухнул в 1848 г. Борьба народных масс смела главные препятствия для капиталистического развития габсбургской монархии. Но революция потерпела поражение, и это обусловило ограниченный характер и методы проведения назревших социально-политических преобразований. Ставя вопрос о завершении буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин отметил: «В Австрии она началась 1848 годом и закончилась 1867»¹. Основные буржуазные реформы при этом после 1848 г. осуществлялись сверху, путем компромисса старой власти с помещиками и буржуазией. Данный путь развития Австрийской империи предопределил особенности и судьбу (временную неудачу) национальных движений входивших в ее состав угнетенных народов.

Хронологические рамки целого ряда исследований, предпринятых Институтом славяноведения и балканистики, определяются содержанием исторического процесса в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Кроме важных соображений общего характера (см. выше характеристику эпохи, данную В. И. Лениным), следует иметь в виду, что конец XVIII в. ознаменовался первыми проявлениями национальных движений. В конце 60 — начале 70-х годов XIX в. утвердился капитализм, завершился ряд буржуазных реформ в Австро-Венгрии, стабилизировался ее общественно-политический строй, и хотя буржуазно-демократическое преобразование было неполным (здесь, особенно в восточных областях, сохранились полуфеодалные отношения, а во всей империи — национальный гнет), произошел спад национально-освободительных движений примерно на четверть века.

Эпоха, большая часть которой рассматривается в книге, нередко именуется эпохой «национального возрождения» или «пробуждения». Эта терминология получила признание в публицистике и буржуазной историографии некоторых народов еще в XIX в. При этом имелось в виду возрождение национального языка и культуры, а затем и политической жизни после длительного периода упадка, явившегося следствием национально-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

го порабощения (чехи, болгары и др.). Указанные термины не употребляются в научной исторической литературе ряда стран Центральной Европы. Тем не менее мы полагаем, что их применение допустимо в марксистской исторической науке, однако лишь условно, учитывая, что под «эпохой национального возрождения» мы в сущности понимаем время перехода от феодализма к капитализму, период, которому присущи взаимосвязанные процессы в сферах общественно-экономической, идейно-политической и культурной жизни — становление классов буржуазного общества и на этой основе формирование наций, подготовка и развитие освободительных движений. Национальное возрождение — органическая часть комплекса процессов периода перехода от феодализма к капитализму.

Переходные эпохи, периоды смены формаций представляют особенно сложный объект изучения. Для анализа исторического процесса решающее значение имеет определение, какой класс определяет лицо эпохи. Главной особенностью эпохи, являющейся предметом нашего внимания, было то, что в ее центре находилась поднимающаяся буржуазия, которая, отстаивая свои классовые интересы, в определенной (убывающей) степени выражала интересы общенациональные. Тогда для прогресса «главной пружины было движение буржуазии против феодально-абсолютистских сил»⁸, «в разных странах представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (например, часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»⁹.

В этих условиях выдвижение национальных требований в той же мере вызывалось задачами поступательного развития общества, как и требования конституционного строя и соответствующих буржуазно-демократических свобод. Устранение национального гнета являлось одним из существеннейших элементов буржуазно-демократических преобразований. Ликвидация феодального порядка и абсолютизма, воссоединение национальных территорий, повсеместное распространение национального литературного языка и национального самосознания, национальный суверенитет и, непосредственно или в тенденции, создание независимого национального государства, — все это, как и конституционный строй, были условия более свободного социально-экономического развития, безраздельного господства буржуазии, обеспечения наилучших условий для удовлетворения ее классовых интересов, но вместе с тем — для формирования классового самосознания и развития классовой

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 140.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

борьбы трудящихся. Стремление свергнуть иноземный гнет волекало в политическую жизнь народные массы, поднимало их на борьбу против остатков средневековья, за демократию и социальный прогресс.

Таким образом, национальные движения, как правило, имели прогрессивное содержание. Но уже в ту эпоху во многих ситуациях проявились ограниченность и своекорыстие имущих классов угнетенных наций, их страх перед массовыми движениями, поиски компромисса с реакционными правительствами, игнорирование жизненных интересов огромного большинства «своих» народов, нежелание поднять народные массы на демократическую революцию и поэтому неспособность добиться национальной свободы. Эти существенные черты обуржуазивающихся слоев были характерны для интересующего нас региона ввиду особенностей его исторического развития: относительной слабости национальной буржуазии, переплетения интересов ее более богатых, преимущественно торгово-ростовщических, слоев с интересами помещиков, совместной с ними эксплуатации миллионных масс крестьянства, ее выступления в эпоху, когда в более развитых буржуазных странах уже выявились острые социальные противоречия капитализма.

В отличие от Западной Европы, где ниспровержение феодализма было осуществлено народными массами под руководством революционной буржуазии, в Австрийской империи буржуазия при всей своей оппозиционности феодализму оказалась неспособной к последовательной борьбе за демократическое преобразование общества, с которым было связано национальное освобождение.

За «свой» национальный рынок, экономическое и политическое сплочение национальной территории и развитие национальной культуры буржуазия боролась под флагом своей классовой идеологии — национализма; она использовала национализм для политического подчинения народных масс и обеспечения привилегий для своего класса и для своей нации, для укрепления буржуазно-помещичьего строя. Вместе с тем борьба за решение общенациональных задач до поры до времени сдерживала развитие классового самосознания трудящихся масс угнетенных народов, одним из основных эксплуататоров которых по мере развития капитализма все более становилась «собственная» национальная буржуазия, осложняя процесс освобождения трудящихся от влияния буржуазной (националистической) идеологии.

Историческое значение для национальной судьбы народов приобрело революционное движение рабочего класса, его борьба за демократию, социализм и, вместе с тем, за национальное освобождение и торжество интернационализма. В новых исторических условиях рабочий класс и его марксистско-ленинские партии стали наследниками самых передовых демократических,

прежде всего интернационалистических, традиций эпохи национально-освободительных движений.

Как отмечалось, основное место в труде занимает анализ и сравнение идейно-политических принципов и программ национальных движений, изменявшихся с эволюцией общественной структуры народов и в связи с политической обстановкой. Наряду с этим в книге приводятся сведения об экономическом и социальном развитии имперских областей, то есть об изменениях в сфере базиса — основе исторического процесса. Соответствующее место занимает характеристика тактики (форм, методов, ориентации) национальных движений и результатов освободительной борьбы.

В последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в. (до революции 1848 г.) одной из основных форм освободительного движения большинства народов австрийского государства была борьба за утверждение своих позиций как самостоятельных этнических общностей, формирование основ национальной культуры и национального самосознания, выработка общенационального литературного языка, внедрение его в общественную жизнь, развитие просвещения на родном языке и т. п., наконец, становление освободительной антифеодальной идеологии, идейная подготовка политической борьбы. Общественные движения некоторых народов перешли к политической борьбе в предреволюционные десятилетия, другие — лишь в годы революции. Естественно поэтому, что указанные выше проблемы занимают в монографии весьма значительное место. Тем не менее проблемы формирования национальных культур рассматриваются лишь в той мере, в какой они отражались в развитии идеологии, и как компонент, средство и форма национально-освободительного движения. То же следует сказать о формировании национальных литературных языков, о деятельности их выдающихся кодификаторов и т. д.

Среди круга вопросов, относящихся к сфере национального самосознания и идеологии, специального рассмотрения потребовала проблема так называемой славянской взаимности (солидарности, взаимопомощи). Вопросы славянской общности, языкового родства, близости происхождения, исторических связей славян, значительного общего культурного наследия ряда славянских народов волновали деятелей национальных движений и во все большей мере широкие слои населения, существенно сказывались на идеологии национальных движений; эти проблемы интересовали не только самих славян, поскольку история славянских и неславянских народов развивалась в тесном взаимодействии.

Структура труда определяется его содержанием: монография состоит из двух основных частей в соответствии с социально-политическими условиями, в которых развивались освободительные движения, и достигнутым ими уровнем. Эти части

посвящены периоду кризиса феодализма (I) и буржуазной революции 1848—1849 гг. (II).

В каждом из двух периодов в центре внимания авторов находятся различные процессы: в первом — проблемы зарождения и формирования национальных движений и их идеологии, во втором — сложнейший комплекс общественно-политических противоречий, присущий периоду революции.

Естественно, что в работе — первой такого рода — не было возможности с равной степенью полноты охватить всю обширную и разнообразную проблематику истории освободительных, прежде всего национально-освободительных движений региона. Это связано со значительной неравномерностью монографической разработки отдельных вопросов; поэтому и в содержании материала и в его подаче есть определенная неровность.

Перед авторами не стояла задача последовательного изложения истории каждого народа, в частности его освободительного движения. Эти сведения приводятся в мере, необходимой для уяснения условий, в которых были сформулированы программы, получили развитие те или иные идеологические принципы и методы борьбы. В общих чертах изложение новой истории народов Австрийской империи имеется в трудах: «История Польши», т. I—II, М., 1954—1956, «История Чехословакии», т. I—II, М., 1959; «История Югославии», т. I, М., 1963; «История Италии», т. II, М., 1970; «История Румынии. 1848—1917». М., 1971; «История Венгрии», т. I—II, М., 1972, и более подробно — в специальных исследованиях, список которых помещен в конце книги и ссылки на многие из которых в ней приводятся. Характеристика исторического развития Австрийской империи в XIX в. имеется в названных обобщающих трудах, а также «Германской истории в новое и новейшее время», т. I, М., 1970.

В обсуждениях и рецензировании данного труда на разных этапах его подготовки приняли участие сотрудники научных учреждений и высших учебных заведений Москвы и Украинской ССР, а также ученые зарубежных социалистических стран — Венгрии, Польши, Чехословакии и Югославии, многие советы и замечания которых учтены в работе. Коллектив авторов и редакционная коллегия выражают всем товарищам, давшим письменные и устные отзывы, глубокую благодарность.

Обсуждение труда дало возможность полнее учесть достижения современной историографии ряда социалистических стран. Редколлегия считала практически невозможным поместить в книге историографический очерк, так как такой обзор должен был бы охватить совокупность как старой и современной буржуазной литературы, так и марксистскую литературу всех социалистических стран.

Обобщающие разделы подготовили: глава 1: § 1 — Т. М. Исламов, в § 2 и 3 — Т. М. Исламов и А. С. Мыльников; в главе

2 — В. А. Дьяков, А. С. Мыльников (§ 9 совместно с В. И. Фрейдзоном); в главах 3, 4, в главе 5 § 1—4, 6 — А. С. Мыльников (§ 3 главы 4 совместно с Т. М. Исламовым); введение, текст о русско-сербских связях в главе 4, § 5 главы 5 по с. 339, § 2 и 6 главы 8 — В. И. Фрейдзон (в § 2 тексты о революционной солидарности народов — В. С. Бондарчук, Ф. И. Стеблій); в § 4 главы 5 часть текста об австрославизме, § 5 главы 5 от с. 339, главу 6 и § 1, 3, 4 главы 8 — И. И. Лещиловская; § 5 главы 8 — И. И. Лещиловская, В. И. Фрейдзон.

Авторами текстов по истории отдельных народов являются: об итальянцах — В. С. Бондарчук; чехах — К. П. Гогина (разделы по социальной структуре и экономике) и А. С. Мыльников; о венграх и румынах — Т. М. Исламов; поляках В. А. Дьяков (в части I) и И. С. Миллер (в части II); словаках — Л. П. Лаптева; сербах и хорватах — И. И. Лещиловская; украинцах Буковины и Закарпатья — Н. М. Пашаева, Галиции — Ф. И. Стеблій; словенцах — И. В. Чуркина. Часть текста по экономике Галиции написана К. П. Гогиной.

В обобщающие разделы включены фрагменты текстов по истории отдельных народов, представленные соответствующими авторами. В работе авторского коллектива на ранней стадии подготовки труда участвовала З. Я. Тальвирская; представленный ею материал использован в данной книге. В главу I вошли тексты по экономике, отредактированные на ранней стадии подготовки монографии К. П. Гогиной.

Научно-вспомогательную работу на разных этапах осуществляли М. Ю. Досталь, В. В. Кирина, Н. Е. Костыгова, Д. Ф. Поплыко, Г. Ю. Харциева.

В настоящем издании применена следующая система ссылок: подстрочно даются ссылки лишь на труды классиков марксизма-ленинизма; ссылки на книги и сборники статей приводятся в тексте путем обозначения порядкового номера издания в общей библиографии, помещенной в конце книги, и соответствующих страниц (например: [372, с. 10]), а в ряде случаев — только номера издания (для сборников указывается также фамилия автора статьи: [Tibenský, 749]). На журнальные статьи ссылки в тексте содержат фамилию автора и год выпуска издания [Koságy, 1971], полные же сведения даются в алфавитном списке статей в конце книги. Там же находится указатель сокращений названий журналов, продолжающихся изданий и научных учреждений. Ссылки на источники обозначены знаком * (см. список источников).

Библиография составлена Т. В. Владиславлевой, картографические работы выполнены Б. Г. Галковичем.

Часть первая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ ДО 1848 Г.

Глава I

МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Многие характерные черты развития общественной мысли, генезиса программ и форм освободительных движений подвластных Габсбургам народов, более того, весь ход социальной и национальной борьбы в Австрийской империи на протяжении длительного времени, предшествовавшего революции 1848—1849 гг., в числе прочих причин были обусловлены особенностями исторического процесса складывания державы Габсбургов как государства многонационального.

Остановимся на некоторых важнейших политических и социально-экономических аспектах этого сложного и противоречивого процесса.

1. Образование многонациональной империи

Возникновение в Дунайском бассейне многонационального государства было следствием комплекса причин, в ряду которых одной из важных явилась военная опасность для расположенных здесь стран со стороны Османской империи. Вторгшиеся в середине XIV в. на территорию Балканского полуострова турки-османы к исходу столетия сокрушили Сербское и Болгарское государства и готовились к дальнейшей экспансии. Турецкое завоевание не только лишало болгар и сербов государственной независимости, но несло с собой и жестокий военно-феодальный гнет. Поход против турок войска крестоносцев во главе с королем Венгрии Жигмондом (Сигизмундом) Люксембургским в 1396 г. завершился поражением под Никополем. Агрессия Османского государства в Европе была временно приостановлена вторжением в Анатолию Тимура и поражением, нанесенным им в 1402 г. турецкому султану Баязиду I. Но в начале 40-х годов XV в. османская экспансия возобновилась.

В 1440 г. на венгерский престол был избран польский король Владислав, ставший под именем Уласло I государем «земель венгерской короны св. Иштвана» (Стефана). Этот политический акт отражал стремление значительной части венгерских феодалов получить поддержку извне в борьбе с турками. Военные действия объединенных христианских сил под командованием опытного венгерского полководца Яноша Хуньяди в 1443 г. были успешны. Результатом их стал подписанный в июле 1444 г. мир, оставлявший под властью венгерского короля Северную Сербию. По настоянию папского легата Чезарини война была возобновлена. Однако 10 декабря 1444 г. под Варной войска Уласло были разгромлены, сам король погиб в бою. Катастрофа под Варной предрешила судьбу последнего оплота Византийской империи: в 1453 г. пал Константинополь, затем под власть султана перешли сохранявшие еще независимость феодальные княжества в Морее. Верховная власть султана распространилась на Валашское и Молдавское княжества на Нижнем Дунае и на Крымское ханство. Над государствами Центральной Европы и прежде всего над Венгрией нависла смертельная угроза.

Хотя в конце XV в. Венгрия была сильным государством и время царствования сына Яноша Хуньяди Матьяша (Корвина), избранного королем в 1458 г., ознаменовалось рядом военных побед, османская угроза вновь побудила венгерских феодалов искать поддержки извне. После смерти Корвина в 1490 г. на престол был призван вновь представитель династии Ягеллонов чешский король Владислав, племянник погибшего под Варной. Владислав питал надежды на объединение под одной короной Венгрии и Чехии и рассчитывал на помощь мощного польско-литовского государства. Однако объединения сил государств, находившихся под властью Ягеллонов, не произошло.

В 1515 г. в Вене состоялась встреча главы Священной Римской (Германской) империи императора Максимилиана Габсбурга с Ягеллонами — королем Венгрии и Чехии Владиславом и его младшим братом королем Польши и великим князем Литвы Зыгмунтом (Сигизмундом). Было достигнуто соглашение подновить династические узы заключением браков между детьми Владислава Ягеллона и внуками императора Максимилиана с признанием за Габсбургами права наследования в том случае, если прервется чешско-венгерская линия династии Ягеллонов. Польская линия Ягеллонов устранилась от участия в политических событиях Дунайского бассейна, поскольку внимание Сигизмунда и польско-литовских феодалов было сосредоточено на войне с Русским государством. Владислав и венгерские феодалы стремились опереться на поддержку императора Максимилиана: его комплекс наследственных земель, ядром которого было герцогство Австрия, граничил с Венгрией и Чехией.

Под Австрией уже тогда понималась группа земель с немецким и словенским населением. Со времени Великого переселения народов эта территория оказалась одной из зон наиболее интенсивного этнополитического развития. С конца VIII в. она попала в орбиту Франкского государства. К VII—IX вв., когда эти земли уже были заселены славянскими племенами, относится начало германской колонизации, преимущественно выходцами из Баварии. Историческое, политическое и этническое становление Австрии оказалось запечатленным и в ее названиях — «Ostarrichi», «Marca Orientalis» («Восточная марка»). Майнцские маркграфы Бабенберги, чьим ленным владением «Восточная марка» становится с 976 г., добились в 1156 г. возведения ее в ранг имперского герцогства. Этот год и считается временем основания Австрийского государства. Возникшая на землях, расположенных к югу от Дуная по обоим берегам реки Эннс, Австрия в XII—XIV вв. приобрела за деньги или получила по наследству Штирию, Каринтию, Крайну и Тироль. С 1282 г. она переходит в руки Габсбургов.

Первый из этой династии на престоле Священной Римской (Германской) империи Рудольф I (1273—1291), победив чешского короля Пршемысла II Оттокара, овладел Австрией и превратил ее в основу родового могущества Габсбургов. Хотя после смерти в 1308 г. Альбрехта I, сына Рудольфа, императорская корона Габсбургами надолго была потеряна и ведущая роль в империи перешла к династии Люксембургов (королей Чехии), Габсбурги продолжали укрепляться в альпийских землях, завязывали новые династические союзы. Женившись на дочери и наследнице последнего представителя династии Люксембургов императора Сигизмунда проложила Альбрехту II Габсбургу путь как на императорский трон, так и на престол Венгрии и Чехии.

Первое объединение основных государств Дунайского бассейна под властью Габсбурга оказалось кратковременным — с 1437 по 1439 г. Но с этого времени одной из целей династической политики императоров стало овладение государствами Дунайского бассейна.

Так в лице австрийских Габсбургов в этом регионе Европы возникла сила, все более настойчиво претендовавшая на роль лидера. С самого начала процесс этот был отмечен внутренними противоречиями между объективной необходимостью объединения сил расположенных здесь государств, чего, как отмечал Ф. Энгельс, «потребовали уже интересы обороны»¹, и политическими видами Габсбургов, стремившихся к утверждению и расширению своего господства в Европе.

К реализации своих планов Габсбурги продвигались упорно, причем не столько путем войн, сколько благодаря династи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 472.

ческим бракам, закреплявшим политическое сближение государств. Поговоркой стало двустишие Матиаша Корвина:

Bella gerant alii. Tu, felix Austria, nube;
Nam quae Mars aliis, dat tibi regna Venus.

Пусть воюют другие! Ты же, счастливая Австрия, заключай браки...
Венера вознаградит тебя тем, что обычно дает Марс.

После гибели бургундского герцога Карла Смелого в 1477 г. Фридрих III сумел женить на его дочери и наследнице Марии своего сына Максимилиана. В результате этого под власть Габсбургов перешли богатые Нидерланды. Следующим этапом стала женитьба сына Максимилиана — Филиппа на Хуане, дочери и наследнице Фердинанда и Изабеллы, королевской четы, завершившей объединение Испании. Уже через год после Венского съезда 1515 г. внук императора Максимилиана I Карлос I стал королем Испании, а в 1519 г. вступил на императорский престол под именем Карла V. Мощь объединенных под властью Габсбургов государств была гигантской. Карл V обратил ее на борьбу с реформацией в Германии и в своих нидерландских владениях, а в международной политике — на борьбу с Францией. Его сын Филипп II унаследовал Испанию с ее заморскими владениями, Нидерланды, часть Италии. Между испанской и австрийской ветвями династии сохранялись контакты и общность внешнеполитической ориентации. Управление австрийскими землями император передал брату Фердинанду, женившемуся согласно договоренности на дочери Владислава Ягеллона Анне.

Между тем турецкая агрессия в Европе возобновилась. В 1521 г. пал Белград, а 29 августа 1526 г. при Мохаче небольшое войско короля Венгрии и Чехии Лайоша (Людовика) Ягеллона было разгромлено, а сам он погиб. Поскольку с его смертью оборвалась венгерская и чешская линии Ягеллонов, в действие вступил заключенный в Вене договор о престолонаследии.

Если в Чехии воцарение Фердинанда Габсбурга осуществилось беспрепятственно, то в Венгрии часть феодалов отказалась признать его королем и избрала вместо него воеводу Трансильвании Яноша Запольяи. В развернувшуюся войну вмешались турки. В 1529 г. их войска осадили Вену. С этого времени на полтора столетия территория Венгерского королевства стала полем почти непрерывавшихся сражений. Центральная часть Венгрии со столицей Будой с 1541 г. была присоединена султаном непосредственно к своим владениям. Трансильвания же с прилегающими районами Венгрии по левому берегу Тисы стала вассальным княжеством, признающим верховную власть Турции.

Но в западной, юго-западной и северной части королевства Фердинанду Габсбургу удалось закрепить свою власть — это

была в основном территория Западной Венгрии, Хорватии и Словакии. В итоге в Дунайском бассейне под властью Габсбургов возникло многонациональное государство.

Сколачивая вокруг наследственных земель ядро новой централизованной монархии, Фердинанд, едва воссев на чешский престол, в нарушение собственных клятвенных обещаний (перенести резиденцию в Прагу, править королевством при участии чешских советников и т. д.) шаг за шагом стал лишать земли чешской короны атрибутов их государственности. Однако попытки интеграции «мирными» средствами не дали желаемого эффекта. Ей сопротивлялись не только народные массы, но и феодальные сословия.

Это затянувшееся более чем на сто лет сопротивление чужеземному гнету по старой гуситской традиции часто облекалось в религиозную оболочку, т. к. преобладающее место в Чехии принадлежало протестанству, а главной опорой новой власти являлась католическая церковь. Ее ударным отрядом был орден иезуитов, пользовавшийся покровительством австрийских властей.

Восстание чешских протестантов против феодально-клерикальной реакции в 1618 г. положило начало Тридцатилетней войне, в которую оказалась втянутой вся Европа. Конференция чешских сословий, объявив Габсбургов низложенными, избрала королем главу немецкой Протестантской унии курфюрста Фридриха Пфальцского, зятя английского короля Якова I. Выступление на стороне чехов Трансильвании поставило габсбургскую державу в критическое положение. Армия трансильванского князя Габора Бетлена, освободив северо-западную Венгрию, включая населенные словаками земли, в ноябре 1619 г. подошла к Вене. Однако мятеж части венгерских феодалов заставил Бетлена снять осаду.

Судьбу Чехии решило сражение 8 ноября 1620 г. у Белой Горы, когда чехи и их союзник Фридрих Пфальцкий были разбиты габсбургским полководцем Тилли.

За исключением, пожалуй, самих наследственных земель Габсбургов, нигде в Центральной Европе торжество контрреформации не явилось столь всеобъемлющим, как в чешских землях. Была осуществлена насильственная рекатолизация протестантского населения, огромные земельные владения — до трех четвертей всей помещичьей земли — перешли к наемникам-авантюристам из Австрии и других стран Европы, служившим под габсбургскими знаменами. Одним из следствий этого стало существенное изменение этнического состава господствующего класса Чехии и Моравии. Управление чешскими землями осуществлялось непосредственно из Вены, а сословные сеймы, в которых доминирующее положение занимали католические прелаты, потеряли былое значение. Политическое влияние городов и низшего дворянства было сведено к нулю. Габсбурги про-

возгласили свое право на чешскую «корону св. Вацлава» наследственным, лишив тем самым чешские сословия важного инструмента политического влияния, каким являлось право выбора короля. В довершение ко всему немецкий язык стал официальным языком страны, что служило ее систематической германизации и вытеснению чешского языка из общественной жизни.

Завершивший Тридцатилетнюю войну Вестфальский мир 1648 г. закрепил политическую раздробленность обескровленной Германии. Последующие десятилетия оказались заполненными дипломатической и военной борьбой за гегемонию в Германии между Габсбургами и французскими Бурбонами.

В 60—80-х годах XVII в. Османская империя возобновила свою агрессию в Центральной и Восточной Европе. Летом 1683 г. армия османов вновь очутилась у ворот Вены. Покинутую императорским двором и состоятельными бюргерами столицу в течение двух месяцев мужественно оборонял в основном городской трудовой люд и студенты, пока не подоспели на помощь войска под командованием польского короля Яна Собеского.

С исторической победы Собеского под Веной в сентябре 1683 г. начался закат османского могущества на европейском континенте. Против турок выступала «Священная лига», в состав которой входили Австрия, Польша и Венеция, а с 1686 г. и Россия. Большую роль в ходе войны сыграли освободительные восстания поработанных османами народов. Важнейшим результатом войны было освобождение Венгрии, которое в основном завершилось в 1697 г. после победы Евгения Савойского под Сентой. Карловицкий мир 1699 г. отдал под власть Габсбургов почти всю Венгрию, Славонию и Трансильванию.

В Венгрии «освободители» вели себя как завоеватели. Через неделю после заключения мира военный совет в Вене решил распустить венгерские полки, проделавшие вместе с войсками союзников весь турецкий поход. Было решено также срыть 20 венгерских крепостей, а в пограничных с Османской империей крепостях разместить немецкие и сербские отряды. Верный слуга Габсбургов епископ Колонич издал распоряжение, приглашавшее иностранцев на льготных условиях поселиться в Венгрии. Результатом было превращение древней венгерской столицы Буды по существу в немецкий город и появление новых немецких поселений в западной Венгрии.

Сербские поселения в Венгрии (вплоть до Буды и Сент-Эндре) и Хорватии создавались со времен османского завоевания Балканского полуострова в XV—XVI вв. Когда в 1690 г. турки вытеснили габсбургскую армию с Балкан, в Венгрии, главным образом на юге королевства, было поселено около двухсот тысяч сербов, покинувших свою родину во главе с патриархом Арсением Черноевичем. Сербам в лице их высшего

духовенства были даны императорские «привилегии» на создание собственных школ, церквей и монастырей. Высшая сербская православная иерархия стала верным Габсбургам богатым феодальным землевладельцем. Ее власть распространялась на сербов Венгрии и хорватских земель, а также влахов и остальных православных подданных Габсбургов.

Спротивление в Венгрии новым завоевателям в 1703 г. вылилось в войну, которую возглавил Ференц Ракоци II. Главным очагом этой освободительной войны, в которой активное участие принимали крестьяне — вlahи, словаки и особенно закарпатские украинцы, стали северо-восточные районы страны. Быстро освободив северо-восток и север, в 1704 г. войска куруцев («крестоносцы») подошли к австрийской границе. Венгерское государственное собрание в 1705 г. отказалось признать королем нового императора Иосифа I и провозгласило Ракоци правящим князем Венгрии. Первоначальным успехам князя, показавшего себя даровитым полководцем, организатором и дипломатом, способствовала международная обстановка начала XVIII в., прежде всего война за испанское наследство (1701—1714). В этой войне против Франции — главного соперника Вены — с Габсбургами объединились Англия, Голландия и ряд других государств. Разгром французских войск в 1704 г. позволил Австрии собрать силы для борьбы с Венгрией, внести раскол в лагерь повстанцев.

Воспользовавшись отъездом Ракоци в Варшаву для переговоров с Петром I, соглашательская часть дворянства в 1711 г. заключила с Габсбургами Сатмарский мир, который в общей форме, без всяких гарантий подтвердил конституционные права Венгрии и Трансильвании. На этих условиях венгерская армия сложила оружие.

Война за испанское наследство принесла Габсбургам новые территориальные приобретения. Мирные договоры 1713—1714 гг. признали их власть над значительной частью Италии и Южными Нидерландами (совр. Бельгия). Выйдя победительницей в новой кампании с Турцией, Австрия принудила ее поставить подпись под Пожаревацким договором 1718 г., по которому к Габсбургам перешли часть Боснии и Сербии с Белградом, Срем, Западная (Малая) Валахия и Темешварский (Тимишский) Банат. Австрия приобрела право беспошлинной торговли в османских владениях и свободу судоходства по Дунаю, Черному и Средиземному морям.

Хотя императору Карлу VI (1711—1740) не удалось восстановить мировую державу Карла V, Австрия стала одной из крупнейших континентальных держав. Но территориальные приобретения этих десятилетий создавали в политической жизни монархии Габсбургов сложную государственно-правовую ситуацию. В частности потому, что, в отличие от земель чешской короны, Венгерское королевство, или «земли короны св. Иштва-

на» (Стефана), не входило в состав Священной Римской империи. Это породило почти неразрешимые трудности для Габсбургов, в политике которых все более чувствовалось стремление к централизации подвластных им, но разнородных в этническом, экономическом, культурном и государственно-правовом отношении земель.

Габсбурги, считавшиеся венгеро-хорватскими королями с 1526 г., а фактически вступившие во владение страной лишь в начале второго десятилетия XVIII в., повторить то, что они совершили в Чехии и Моравии, не смогли. Им никогда не удалось добиться слияния Венгерского королевства с «наследственными» землями, превратить его в составную часть собственно Австрии. В этом состояло коренное отличие положения Венгрии и Хорватии от статуса чешских земель, отличие, во многом объясняющее различие исторических судеб этих народов на протяжении последующей истории Австрийской империи.

Все же после победы над куруцями Ракоци австрийское правительство провело ряд мер, направленных на укрепление своих позиций в Венгрии. Финансируемое казной планомерное массовое заселение освобожденных от османов, разоренных и обезлюдивших территорий Венгрии привело к существенным сдвигам в их этнической структуре. Проводившаяся властями колонизация осуществлялась по определенной системе: предпочтение отдавалось немцам-католикам преимущественно из юго-западной Германии, затем прочим немцам, а после этого давались разрешения всем остальным, в том числе сербам и влахам. За колонистами закреплялись налоговые и правовые привилегии. Государственное собрание Венгрии в 1722—1723 гг. освободило от налогов переселенцев-земледельцев на 6, а ремесленников на 15 лет. Если с 1526 по 1720 г., т. е. спустя двести лет после османского нашествия, численность населения в Венгрии лишь восстановилась (3,5—4 млн. человек), то к 1787 г. оно достигло уже 8,5 млн. человек, включая колонистов [784, с. 159].

Важнейшим актом, определившим взаимоотношения династии с Венгрией, Хорватией, Трансильванией и другими землями, была так называемая Прагматическая санкция. Провозглашенная Карлом VI в 1713 г., она хранила свою юридическую силу вплоть до распада монархии [901; 1085].

Происхождение первого общего для всех габсбургских владений закона обычно связывается с правом наследования по женской линии. В действительности значение Прагматической санкции выходит за пределы династического права. Важнейшим принципом санкции было положение о «неделимости» входящих в монархию земель и королевств и их обязательство о совместной обороне.

Существенным для Вены правовым следствием Прагматической санкции явился окончательный отказ венгерского дворян-

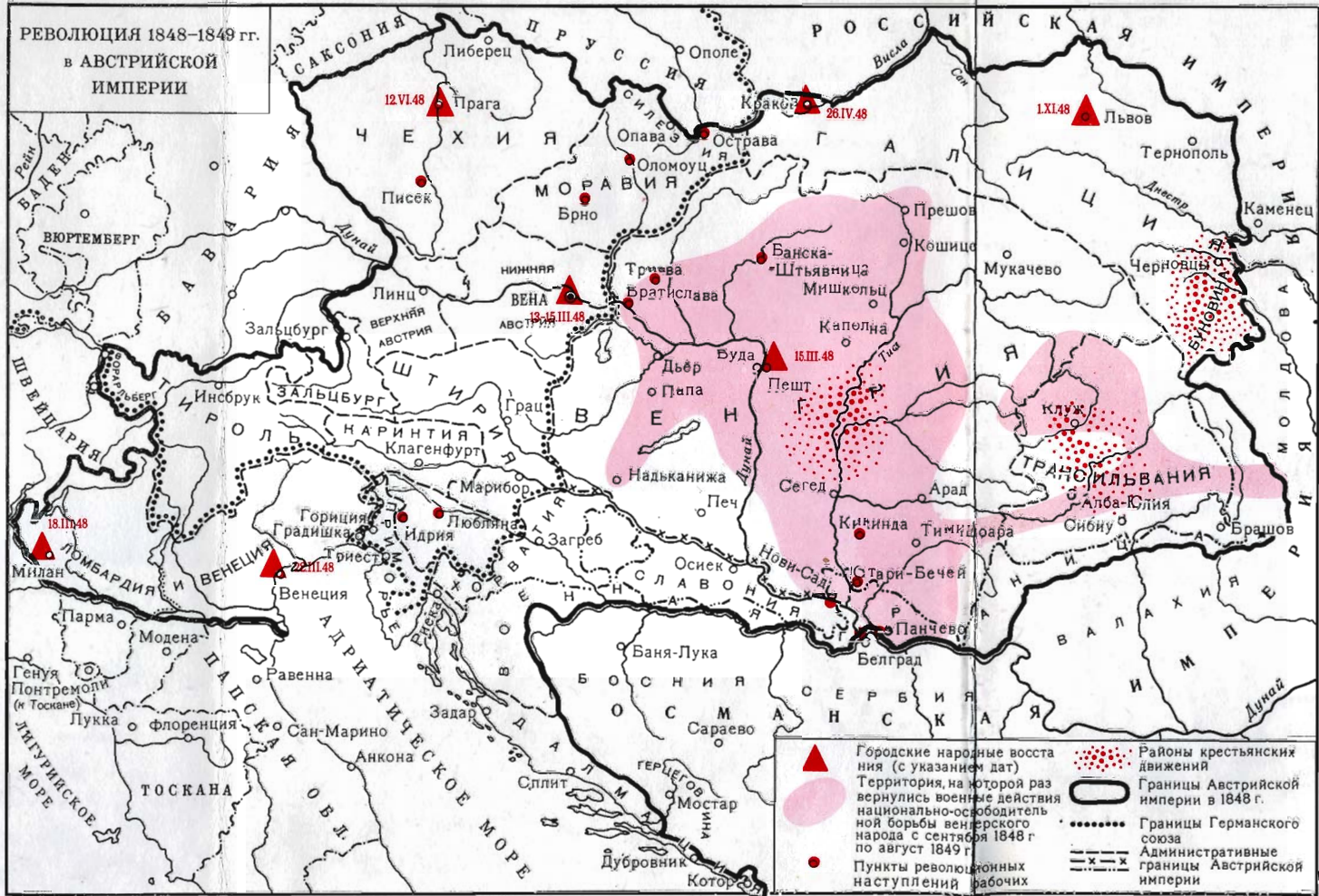

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РОСТ АВСТРИИ (до 1790 г.)

- „Наследственные земли“ Габсбургов в 1525 г.
- „Земли Чешской короны“, присоединенные в 1526 г.
- в 1675 г.
- в 1714 по 1720 г.
- Сицилия – с 1720 по 1735 г.
- в 1735 г.
- в XVII в.
- Граница владений Габсбургов в Венгрии по Вашварскому миру 1664 г.
- Завоевания Австрии в XVIII в.
- Территории, утраченные Австрией к 1790 г.
- Границы владений Габсбургов в 1790 г.
- Границы других государств в 1790 г.
- Границы Священной Римской империи в 1790 г.

- „Земли Венгерской короны“, присоединенные в 1526 г.
- в XVII в.
- Граница владений Габсбургов в Венгрии по Вашварскому миру 1664 г.
- Завоевания Австрии в XVIII в.
- Территории, утраченные Австрией к 1790 г.
- Границы владений Габсбургов в 1790 г.
- Границы других государств в 1790 г.
- Границы Священной Римской империи в 1790 г.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг.
в АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

- Городские народные восстания (с указанием дат)
- Территория, на которой разворачивались военные действия национально-освободительной борьбы венгерского народа с сентября 1848 г. по август 1849 г.
- Пункты революционных наступлений рабочих
- Районы крестьянских движений
- Границы Австрийской империи в 1848 г.
- Границы Германского союза
- Административные границы Австрийской империи

ства от старинных привилегий избирать короля и права оказывать ему вооруженное сопротивление.

Утверждением Прагматической санкции Габсбургам удалось дополнить персональную унию, связывавшую подвластные им страны, реальной унией, сделав тем самым важный шаг в сторону централизации монархии.

В 30-х годах XVIII в. для Австрии началась полоса внешнеполитических неудач. В результате войны за польское наследство (1733—1735) она потеряла свои владения на юге Италии (Королевство Обеих Сицилий), перешедшие под власть испанской линии Бурбонов. Новая война с Турцией завершилась в 1739 г. подписанием Белградского мира, по которому Австрия потеряла свои приобретения 1718 г., кроме Баната и Срема.

В 1740 г. умер Карл VI, не оставив мужских потомков. Державы, когда-то обязавшиеся «уважать» Прагматическую санкцию, образовали антиавстрийскую коалицию в составе Франции, Испании, Баварии, Саксонии и Пруссии. В начавшейся войне за австрийское наследство (1740—1748) участники коалиции поставили перед собой целью расчленение габсбургского государства. Уже в 1740 г. прусский король Фридрих II захватил Силезию. Наследственные земли вместе с Чехией предназначались баварскому курфюрсту Карлу-Альбрехту Виттельсбаху. На Бельгию претендовала Франция, на итальянские владения — испанские Бурбоны, а на Моравию — Саксония. Эта цель была близка к осуществлению в первой фазе войны, когда франко-баварские войска заняли Верхнюю Австрию и Чехию.

Союзица Габсбургов Россия в это время была втянута в войну со Швецией, а другая союзица — Англия предпочитала воевать на морях. В этой критической ситуации Мария-Терезия, юная наследница Карла VI, приняла решение просить помощи у Венгрии. Государственное собрание в Пожони (совр. Братислава) решило выделить для ведения войны помимо дворянского ополчения 13 пехотных полков и 100 тыс. гульденов. Но королева вынуждена была принять ряд условий, в числе которых важнейшими были: необлагаемость налогами дворянской земли, свободный вывоз скота в Германию и Венецию через Австрию, возвращение Венгрии части отобранных у турок территорий, независимость венгерской придворной канцелярии и венгерской палаты (финансовое ведомство) от австрийских властей.

В законы, принятые венгерским государственным собранием в сентябре 1741 г., было также включено обещание королевы управлять венгерскими делами посредством венгров и жить по возможности в Венгрии. Во исполнение данных обещаний в 1743—1744 гг. участки Военной границы по Тисе и Марошу были ликвидированы, а их территория вошла в состав соседних комитатов. Часть поселившихся там сербов предпочла венгерскому господству эмиграцию в Россию. Чтобы успокоить оставшихся, Мария-Терезия разрешила под присмотром королевских

комиссаров созвать «сербский конгресс» (собор), т. е. собрание знатных духовных и светских лиц. Однако она утвердила лишь одно из выдвинутых им требований — о создании специального придворного органа для руководства делами, касавшимися сербского населения. В 1745 г. была учреждена «иллирийская комиссия», переименованная спустя два года в «иллирийскую депутацию». Одновременно были урегулированы и отношения с Трансильванией, которая последней из входивших в монархию земель в 1745 г. признала Прагматическую санкцию. Трансильванское государственное собрание отменило старинные законы о свободе выбора монарха и праве сопротивления ему, об ограничении свободы католической церкви, а также договоры, заключенные с Портой [89, т. 1, с. 421]. Взамен двор, презрев права владшского большинства населения, признал права и привилегии трех господствующих «наций» — венгерского дворянства, секеев (мадьярская этническая группа) и саксов (немецкая этническая группа), уклонившись вместе с тем от объединения Венгрии и Трансильвании. Возведением последней в ранг великого княжества в 1765 г. была подчеркнута ее административная обособленность.

Консолидировав свою власть в Венгрии и Трансильвании, династия сумела выстоять в тяжелой войне. Монархия не распалась, хотя и пережила неудачи на дипломатической арене и на полях битв. Но с богатейшей провинцией — Силезией Габсбургам все же пришлось расстаться (Австрия сохранила лишь небольшую ее часть).

Дрезденский мир с Пруссией (1745 г.) и Аахенский с Францией и Испанией (1748 г.) лишили Габсбургов помимо большей части Силезии также Пармы и Пьяченцы на севере Италии, возвратив им Бельгию и титул императора Священной Римской империи, которым стал муж Марии-Терезии Франц-Стефан Лотарингский.

Аахенский мир явился исходным пунктом радикальной переориентации габсбургской внешней политики. Мария-Терезия и ее одаренный дипломат Антон Кауниц убедились в ненадежности и, главное, малой эффективности союза с морскими державами — Голландией и Англией; последняя к тому же склонялась к сближению с врагом Австрии — Пруссией, ставшей крупной державой Европы. По мнению Кауница, опорой новой системы могла стать только вековая соперница — Франция. Это и произошло в 1756 г., когда был заключен поразивший Европу франко-австрийский союз, направленный против Британии и Пруссии. Еще раньше Мария-Терезия достигла договоренности о совместных действиях с российской императрицей Елизаветой.

Однако основная цель Австрии — возвращение Силезии — в Семилетней войне (1756—1763) достигнута не была.

Сложившееся к концу 60-х годов XVIII в. соотношение сил в Европе позволило Австрии расширить свои границы на востоке.

Приняв участие в первом разделе Польши, она присоединила в 1772 г. значительную часть ее южных земель в качестве Королевства Галиции и Лодомерии. В 1775 г. за посредничество при заключении Кючук-Кайнарджийского мира Порты с Россией Габсбурги получили Буковину.

Однако потеря Силезии, военно-дипломатическая активность Фридриха, Губертсбургский и Парижский мирный договоры 1763 г., закрепившие место Пруссии в европейском концерте, — все это показывало, что в лице вышедшей на международную арену агрессивной Пруссии Вена столкнулась с опасным конкурентом. Австро-прусское соперничество в германских делах становилось отныне важным аспектом политики Габсбургов. Это подтвердилось уже во время войны за баварское наследство (1778—1779), когда противником Австрии выступила Пруссия.

Поэтому стремление Габсбургов к экспансии на Востоке все более сочеталось с мерами по укреплению своих позиций в Германской империи. После смерти Франца Лотарингского титул императора перешел в 1765 г. к его сыну Иосифу II, тогда же объявленному соправителем своей матери Марии-Терезии. Став после ее смерти австрийским монархом, Иосиф обратил особое внимание на усиление влияния Вены в немецких землях. С этой целью, в частности, он добивался обмена отдаленной Бельгии на соседнюю Баварию, почти уговорив баварского курфюрста.

Во внутриимперской борьбе за гегемонию издавна считалось важным овладение курфюршествами, правители которых с XIII в. имели право избрания императора. В XVIII в. таких курфюршеств насчитывалось восемь. Обмен, затеянный Иосифом, в случае успеха, сулил бы ему, уже обладавшему титулом чешского короля, возможность получить дополнительный голос на имперских съездах.

Но в этот момент противником гегемонистских замыслов Вены снова выступила Пруссия. Сколотив антигабсбургскую коалицию протестантских и части католических правителей Германии и заручившись поддержкой Франции, Фридрих II сорвал дипломатический ход Вены. Это привело не только к ослаблению позиций Австрии в империи, но и к охлаждению отношений с Парижем. Во второй половине 1780-х годов у Габсбургов фактически остался единственный союзник — Россия. Поэтому летом 1787 г. Иосиф II поспешил в Херсон для встречи с Екатериной II.

Демонстрация прочности австро-русского союза не остановила готовившуюся к войне Порту. Уже в августе 1787 г. началась русско-турецкая война, а в следующем году в нее вступила Австрия. Турецкий поход был крайне непопулярен почти у всех народов монархии, исключение составляли лишь сербские просветители Й. Раич и Д. Обрадович, ожидавшие от совместных

действий России и Австрии освобождения своей родины. Но император не был удачлив на поле брани. Взятие Белграда и успех у Фокшан не скрасили горечи многочисленных поражений.

Смерть в 1790 г. Йосифа II и кратковременное правление его брата Леопольда II (1790—1792) совпали по времени с историческими событиями начавшейся во Франции революции, которая получила могучий резонанс во всех странах Европы, в том числе и в Австрии. Война с Турцией еще не была закончена, а уже назревал новый конфликт с Пруссией. На Францию в качестве союзника рассчитывать не приходилось — более того, ее следовало теперь опасаться в первую очередь. Леопольд проводил подчеркнуто осторожную политику в отношении нового режима в Париже, несмотря на отчаянные мольбы о вмешательстве его сестры Марии-Антуанетты. «У меня есть сестра — королева Франции, — писал Леопольд II. — Но Священная империя не имеет сестры, и Австрия тоже» [1082, с. 103].

С целью нейтрализовать прусского соперника Вена при посредничестве Англии в июле 1790 г. пошла на заключение Рейхенбахской конвенции с Пруссией. Австрия обязалась заключить мир с Османской империей на условиях сохранения статус-кво (что и было осуществлено в 1791 г. Систовским миром). Берлин обещал воздержаться от антиавстрийских интриг в Бельгии, Венгрии и Галиции. Но главный смысл Рейхенбахского соглашения, как показали события, заключался в создании под эгидой Англии антифранцузской контрреволюционной коалиции.

Рост революционных волнений на Рейне и в Бельгии, вдохновителем которых была новая Франция, чье существование само по себе бросало вызов легитимистскому порядку в Европе, заставил вековых противников сблизиться друг с другом. В феврале 1792 г. дело дошло до австро-прусского союза, а в апреле — и до объявления войны Франции. Это произошло вскоре после смерти Леопольда, при императоре Франце, вступившем на престол весной 1792 г. На протяжении последующих двух десятилетий, вплоть до падения Наполеона, границы державы Габсбургов неоднократно и весьма причудливо менялись.

Участница почти всех антифранцузских коалиций, Австрия терпела в этих войнах чувствительные поражения. По Кампо-Формийскому миру 1797 г. она лишилась Бельгии, потеряла Ломбардию с Миланом, хотя и была вознаграждена за эти потери территорией уничтоженной Венецианской республики, включая Истрию и Далмацию.

Когда в мае 1804 г. Наполеон стал императором, Франц Габсбург ответил на это 14 августа 1804 г. провозглашением себя императором Австрии. Так, в результате импульса извне, уже давно сложившийся конгломерат габсбургских земель получил официальное оформление. Патент о создании Австрийской империи фиксировал сохранение Венгрии ее конституции, а наследственными землями — их связи с Германской империей.

Двойственное положение императора Франца сохранялось недолго: после поражения в новой войне с Францией и создания под протекторатом Наполеона Рейнского союза, объединившего все германские государства, кроме Австрии и Пруссии, Франц 6 августа 1806 г. официально отказался от титула императора Священной Римской империи, прекратившей свое существование.

В войне 1805 г. Наполеон занял Вену и решил исход войны в сражении под Аустерлицем (Славков в Моравии). Заключенный в декабре 1805 г. Прессбургский мир лишил Австрию ее владений в Южной Германии и Тироля, а также земель на Адриатике, доставшихся ей после уничтожения Венецианской республики. Габсбурги оказались вытесненными из Германии и Италии.

В 1809 г. после сражения под Ваграмом австрийская столица вновь была занята французскими войсками. По Шёнбруннскому миру Австрийская империя потеряла Зальцбург и часть Верхней Австрии, перешедших к Рейнскому союзу, значительную часть словенских и хорватских земель, превращенных в Иллирийские провинции Французской империи (сюда вошли Далмация, Приморье, Крайна, части Каринтии, Хорватии и Военной границы за р. Сава), польские земли, захваченные ею при третьем, а частично и при первом разделе Польши и ставшие теперь частью вассального Наполеону Варшавского княжества, Тарнопольский округ Галиции, переданный России.

Лишенная морского побережья, Австрия присоединилась к созданной Наполеоном континентальной блокаде. Выдав в 1810 г. замуж за Наполеона свою дочь Марию-Луизу, Франц I уже не помышлял о борьбе против могущественного зятя. Как сателлит Франции, Австрия направила свои войска для участия в походе «великой армии» Наполеона против России в 1812 г. После того как русский народ нанес сокрушительный удар агрессору, Австрия успела примкнуть в 1813 г. к шестой антифранцузской коалиции. Тем самым она оказалась в числе победителей, решавших судьбу народов континента.

На Венском конгрессе 1814—1815 гг. одну из ведущих ролей играл князь Клеменс Меттерних, австрийский министр иностранных дел. Конгресс не только вернул монархии все владения, за исключением Бельгии, но и обеспечил ее гегемонию в Центральной Европе, особенно в Италии и Германии. Став членом вновь созданного Германского союза и закрепив за собой пост постоянного председателя его союзного сейма, Австрия сделалась гарантом раздробленности Германии и сохранения в ней феодально-абсолютистских режимов. Таковую же роль она стала играть и на Апеннинском полуострове, благодаря обладанию Венецией и Ломбардией и насаждению в герцогствах Парма, Модена и Тоскана отпрысков габсбургского дома. Будучи членом Священного союза, империя выступала врагом всех освобо-

дительных движений в течение десятилетий, предшествовавших новому туру революций, охвативших континент в 1848 г.

От Венского конгресса до 1848—1849 гг. политико-административная структура империи Габсбургов оставалась почти неизменной. Она включала так называемые наследственные земли (Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Тироль, Приморье, Форарльберг и Зальцбург), земли «короны св. Вацлава» (Чехия, Моравия и небольшая «австрийская» часть Силезии), земли короны св. Иштвана (Венгерское королевство с присоединившимся к нему еще в XII в. Хорватским королевством), королевство Галиции и Лодомерии (т. е. территории, полученные в результате разделов Польши, к которым в административном отношении была присоединена Буковина), и Ломбардо-Венецианское королевство, состоявшее из северных итальянских областей, попавших вновь под власть Вены после 1815 г. Вдоль рубежей с Османской империей протянулась Военная граница. Так выглядела к середине XIX в. многонациональная империя Габсбургов, по определению Ф. Энгельса, — «лоскутная, составленная из унаследованных и наворованных клочков»².

2. Этнополитическая структура и механизм господства Габсбургов

Этнополитическая структура Австрийской империи отражала и в свою очередь во многом обуславливала специфическую систему национального угнетения подвластных Габсбургам народов. Одна из существенных особенностей, с которой правительству приходилось считаться, заключалась в сравнительной малочисленности в империи господствующего национального — немецкого — элемента, насчитывавшего около 23% всего населения.

По приблизительным данным, в середине XIX в. население Австрийской империи имело следующий этнический состав (в тыс. человек) [543, с. 32—44; 954, с. 146—148]:

немцы	— 7 917	украинцы (русины)	— 2 622
мадьяры (венгры)	— 5 419	хорваты и сербы	— 2 619
итальянцы	— 5 042	поляки	— 2 183
чехи	— 4 053	словаки	— 1 722
румыны (влахи)	— 2 640	словенцы	— 1 081

Критерием этнической принадлежности служил язык, поэтому, как правило, данные о народах, находившихся в более благоприятных условиях (немцы, итальянцы, поляки, венгры), завышались; обращает на себя внимание соединение в одной рубрике хорватов и сербов по признаку общности языка.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 471.

Следует учитывать, что у многих народов на начальном этапе складывания нации нередко применялись локальные и иные исторически возникшие этнонимы. Так, часть формировавшейся румынской нации, проживавшая в Трансильвании и Банате, до середины XIX в. часто именовалась влахами (олахами); в княжествах же Валахии и Молдове бытовали соответствующие локальные этнонимы (валахи, молдаване). Представители формировавшейся хорватской нации в разных провинциях именовали себя хорватами, славонцами, далматинцами и т. д. В словенских районах наряду со словенцами (в Штирии) существовало самоназвание краинцы (в Крайне), а в чешских землях — чехи, мораване, силезцы (в последнем случае это относилось и к чехам, и к полякам). Сербы нередко называли себя также «рацы» и «влахи», а в западноукраинских землях был распространен этноним «русины».

Приведенные данные позволяют заключить, насколько пестрой была этническая карта империи. Это относилось уже к собственно австрийским, так называемым наследственным землям, из которых лишь Верхняя и Нижняя Австрия, а также Зальцбург имели однородное немецкоязычное население. В Тироле оно составляло большинство (56%), Штирия и Каринтия также представляли собой области со смешанным населением — немецкоязычным в северных и словенским в южных частях. Крайна была заселена словенцами, которые преобладали и в Приморье (кроме Истрии).

Что касается остальных земель монархии, то там этническая разнородность была еще большей. При этом угнетенные в своем большинстве славяне были территориально и административно разобщены. Наиболее разителен, пожалуй, пример сербов. Число их в середине XIX в. в венгерских комитатах составляло до 300 тыс., в Хорватии и Славонии — примерно 150 тыс., на Хорватско-славонской и Банатской военных границах — более 300 тыс. Все эти земли формально или фактически принадлежали Венгерскому королевству; кроме того в Далмации (в составе Австрии) имелось более 80 тыс. сербов (около $\frac{1}{5}$ населения). Таким образом, основной территорией расселения сербского народа в Австрийской империи являлись южные комитаты Венгерского королевства, часть исторической территории Срема. За этими районами утвердилось наименование Воеводины, и руководители сербского национального движения добивались их административного объединения. Наряду с сербами в Воеводине проживали румыны, немцы, венгры и др. Ядром сербских районов являлись Бачка, часть Баната и часть Срема. Не следует упускать из виду, что здесь речь идет лишь о сербах в пределах империи. Кроме того, они населяли территории, находившиеся под властью Османской империи, в том числе полунезависимую Сербию (сербская государственность стала возрождаться в результате народных восстаний 1804—

1813 и 1815 гг.). Наконец, существовала крайне близкая Сербии по этническому составу фактически независимая Черногория.

Произвольно разорванной оказалась этническая территория польского, украинского, итальянского и румынского народов, частью входившая в пределы Австрийской империи.

Польские по основному составу населения области габсбургской империи — западная часть Галиции и цешинская часть Силезии — была лишь назначительной частью этнической польской территории. Остальные польские земли находились под властью царизма (в 1815—1831 гг. — автономное Королевство Польское) и Пруссии. До 1846 г. существовала также карликовая Краковская республика (Вольный город Краков).

Украинцы в Австрийской империи населяли восточную часть Галиции (в Западной Галиции проживало также около 100 тыс. украинцев) и северную часть Буковины, где имелись также польское, немецкое и еврейское меньшинства (вместе — до 30%), а также северо-восточные комитаты Венгерского королевства (совместно с венгерским, словацким и другим населением). Часть украинского народа (формирующейся нации), попавшая под власть Габсбургов, именуется в книге «западными украинцами», а соответствующие территории — «западноукраинскими». Основная часть украинского народа находилась за пределами Австрии — в Российской империи.

Преобладающую часть жителей многонациональной Трансильвании и восточной части Баната составляли вlahи — часть формировавшейся румынской нации, которая населяла также Дунайские княжества — Валахию и Молдову. В Трансильвании имелось значительное венгерское (секлеры, секеи) и немецкое (саксы) население (вместе — свыше $\frac{1}{3}$ общего числа в 2,1 млн. жителей в 40-х годах XIX в.) [99, с. 57].

В составе габсбургской монархии находились и итальянцы. В основном они проживали в захваченных Веной северных итальянских областях, после 1815 г. объявленных Ломбардо-Венецианским королевством. Итальянцы населяли юг Тироля, составляя 44% жителей провинции; итальянское меньшинство имелось в Приморье и небольшое — в Далмации.

Территории, населенные чехами, словаками и словенцами, полностью входили в Австрийскую империю. Но и они были административно разобщены. В чешских землях наряду с чехами компактно проживали немцы (особенно на северо-западе). Словенцы населяли Крайну (свыше 400 тыс. человек в 40-х годах XIX в.), Приморье (свыше 180 тыс. человек), южную часть Штирии (около 360 тыс. человек) и Каринтии (около 100 тыс. человек); в двух последних провинциях они составляли $\frac{1}{3}$ населения. Кроме того, десятки тысяч словенцев жили в Венецианской области, а также в западных комитатах Венгерского королевства.

Словаки, целиком находившиеся в составе Венгерского королевства, были раздроблены между его северными комитатами, где жили значительные группы венгерского и немецкого населения.

Наконец, хорваты оказались раздроблены в составе Венгерского королевства — между Хорватией и Славонией (около 900 тыс. человек), Риемой (Фиуме) с округой, венгерскими комитатами, Хорвато-Славонской Военной границей (более 300 тыс. человек), лишь формально считавшейся частью королевства; хорватскими по основному составу населения были провинции под непосредственной властью Австрии: Далмация (около 350 тыс. человек) и Истрия (более 150 тыс. человек). Часть хорватов проживала в районах, находившихся под османским господством.

Такова была эта «путаница из десятка языков и наций», но, как подчеркивал Ф. Энгельс, путаница «организованная»³.

Габсбурги, оказавшись во главе обширного полиэтничного государства, издавна пользовались методами разобщения и противопоставления друг другу подвластных народов и государственных объединений. Особое внимание их было обращено на Венгерское королевство, обладавшее давними государственно-правовыми традициями и претендовавшее на определенную автономию. В качестве примера сошлемся на образование новых участков так называемой Военной границы — полосы военных поселений, преимущественно с хорватским, сербским и владшским населением (их именовали граничарами), возникавших с XVI в. вдоль южных рубежей монархии. В результате значительная часть земель вдоль границы с Турцией была изъята из состава Венгрии, соответственно Хорватии, и поставлена под прямое управление Вены (хофкригсрат) в качестве Военной границы. Австрийское правительство извлекло при этом ряд выгод. Это позволило ему уклониться от возвращения Венгрии и Хорватии значительных территорий, не оспаривая при этом их юридической принадлежности. Триединое королевство, как исторически назывался комплекс территорий, состоявший из Хорватии, Славонии и Далмации, было раздроблено. Лишь в 1745 г. по настоянию венгерских и хорватских сословных собраний к Хорватии были присоединены под названием Славонии жупании (комитаты), расположенные между Дравой и Савой — Пожегская, Вировитицкая и Сремская. В отличие от Хорвато-Славонской Военной границы хорвато-славонские жупании назывались «гражданской Хорватией» или «провинциалом». Наконец, Далмация, захваченная Габсбургами в результате уничтожения Венецианской и Дубровницкой республик, была присоединена к собственно австрийским землям и стала управляться непосредственно из Вены, хотя юридически (как и Воен-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 471.

ная граница) принадлежала к землям венгерской короны. Военная граница рассматривалась Габсбургами не только с оборонной точки зрения, но и как средство шантажа и давления на Венгрию. В Трансильвании, например, новые ее участки создавались в XVIII в. практически при отсутствии турецкой угрозы. Двор лишь прикрывался ею, окружая беспокойную Венгрию полукольцом таких поселений и рассчитывая на разжигание противоречий между венграми и граничарами.

Подобные меры с середины XVIII в. приобрели известную целенаправленность и затем вошли составным компонентом в систему политики централизации, которую с 1740-х годов начало проводить правительство Марии-Терезии.

В предшествующий период разнородные земли Габсбургов с государственно-правовой точки зрения объединялись фактически по принципу личной унии. Война за австрийское наследство показала, насколько шатким оказался этот средневековый принцип в условиях изменившейся внутри- и внешнеполитической обстановки. Необходимость упрочения позиций австрийских правящих кругов, потребности укрепления общеавстрийских государственных органов для порабощения подвластных народов, подавления крестьянских восстаний и других форм классовой борьбы трудящихся, наконец соображения финансово-экономического характера вызвали к жизни начатый Марией-Терезией курс на централизацию государственного управления многонациональной монархией.

Реформы Марии-Терезии коснулись почти всех сторон государственной жизни и общественной деятельности, в первую очередь администрации и финансов. Усиление власти феодально-абсолютистского государства и расширение его функций в области финансово-экономической, военной и управления могло иметь место только при урезывании налоговых привилегий и политических прав феодальных сословий и местных сословных учреждений. Одной из далеко идущих мер Марии-Терезии была ликвидация в 1749 г. чешской придворной канцелярии как самостоятельного ведомства. Вместо него была учреждена смешанная чешско-австрийская канцелярия, с 1762 г. получившая наименование объединенной чешско-австрийской придворной канцелярии. Из ведения ее были изъяты судебные дела и переданы в Верховную судебную палату.

Директориуму, выполнявшему одновременно функции министерств внутренних дел и финансов, спустя некоторое время были подчинены также «коммерческие комиссии», которым предписывалось «позаботиться о развитии торговли и мануфактуры». Внешними и военными делами ведали соответственно государственная канцелярия и придворный военный совет.

Эти реформы не относились к восточной части монархии — к Венгерскому королевству (включая Хорватию) и Трансильванию. Безуспешность попыток сломить сопротивление венгерского

и хорватского дворянства, упорно цеплявшегося за свои права и налоговые привилегии, вынудили двор временно отказаться от намерения распространить на них абсолютистскую централизацию. Высшим исполнительным органом для Венгрии остался учрежденный в 1724 г. наместнический совет в составе 22 членов (4 «князя церкви», 10 магнатов, 8 дворян). Возглавлял его обычно палатин (эрцгерцог-наследник) или кто-нибудь из представителей аристократии. Подобные же функции в Трансильвании уже с 1693 г. выполнял губернум.

Австрийский абсолютизм стремился также подчинить курсу централизации и финансовым соображениям правительства города. Этим целям служило ограничение городского самоуправления, привилегий цехов, а также учреждение мануфактур.

Административные, финансовые и другие реформы Марии-Терезии несли на себе известный отпечаток просветительской идеологии, в 1740—1770-х годах распространявшейся в разных слоях австрийского общества. Они во многом встречали сочувствие у государственного министра Кауница, влиятельного лейб-медика императрицы Герхарда ван Свитена, ее сына и соправителя Иосифа. Их предложения легли в основу ряда мер, составлявших систему австрийского «просвещенного абсолютизма». А заслуга претворения этих предложений в жизнь принадлежала государственному совету, созданному в 1760 г. Формально совет, состоявший из восьми лиц и заседавший нередко под председательством самой императрицы, не являлся исполнительным органом. Он лишь «координировал» деятельность придворных административных органов и, самое главное, представлял императрице проекты реформ. С годами, взяв на себя функции контроля над всей центральной администрацией, совет оказывал возрастающее влияние на внутреннюю политику монархии, несмотря на то, что его компетенции не подлежали дела Венгрии, итальянских провинций и Бельгии.

Государственный совет сыграл особенно большую роль в реорганизации в духе принципов «просвещенного абсолютизма» системы образования, юриспруденции и судопроизводства, в пересмотре взаимоотношений государства и церкви. Так, в январе 1770 г. был введен в действие единый для наследственных земель (включая чешские) уголовный кодекс, положивший конец помещицкому произволу и феодальной анархии в правосудии. Вслед за тем в соответствии с рекомендациями просветителей, в первую очередь Беккариа и Вольтера, указ Марии-Терезии от 1776 г. отменил пытки при допросах, а также жестокие формы смертной казни. Последняя стала возможна только с санкции монарха. Организация мастерских и мануфактур при тюрьмах позволила сделать их источником доходов казны. Особенно прибыльными оказались женские тюрьмы, превращенные в предприятия по производству волокна и тканей.

Важные, имевшие далеко идущие последствия для народов монархии изменения произошли в системе образования и просвещения. Благодаря предпринятым в 60—70-х годах реформам, Австрия одной из первых в Европе приступила к созданию сети школ на казенные средства. Государством были организованы учебные заведения по подготовке специалистов для промышленности, торговли и даже для работы на поприще дипломатии (Ориенталистская академия). Стараниями ван Свитена большое внимание уделялось естественным наукам, в частности медицине [656].

Главным результатом реформы системы образования был подрыв безраздельного господства церкви в этой области, приспособление образования к практическим нуждам общества, хотя предложение одного из инициаторов реформы И.-А. Пергена о полной секуляризации школы и передаче школьного дела полностью в руки государства (этатизации) и было отвергнуто.

О классовой природе и политической направленности этих реформ уже тогда свидетельствовал сам граф Перген. Он считал, что для широких масс и крестьянства в особенности достаточно усвоения элементарных знаний — чтения, письма и арифметики. Образование, по его мнению, должно служить воспитанию у подданных любви к монарху и отечеству, а также послушания, смиренности и верности. По замыслу августинца И.-И. Фелбигера, которому в 1774 г. Мария-Терезия поручила проведение в жизнь реформы, каждое село и небольшой городок должны иметь начальную школу, округ — «главную школу», в которой учеников следовало обучать также геометрии, истории, сочинению, а провинциальные центры — училища для подготовки учителей («нормальные школы») [1097, с. 243]. Преподавание в элементарных школах должно было вестись на родном языке, а в остальных на немецком. Тот же принцип соблюдался и в Венгрии, где «Радио эдукационис» Марии-Терезии был провозглашен в 1777 г. В Венгрии языком преподавания в средних школах была латынь, а немецкому обучали в учебных заведениях всех ступеней.

Реформы в области образования были связаны с радикальным пересмотром отношений церкви и государства в духе принципов просвещенного абсолютизма. Католическая церковь, и в особенности иезуиты («Орден Иисуса»), рассматривались просветителями как оплот мракобесия и суеверия и служили основной мишенью их сарказма. Образуя государство в государстве, подкрепляя свое влияние огромными богатствами (в Австрийской монархии к 70-м годам XVIII в. имелось свыше двух тысяч монастырей, 45 тысяч монахов и монахинь, а также 5600 неподвластных никаким законам иезуитов), католическая церковь неизбежно должна была вступить в противоречие с интересами абсолютистской централизации. Во второй половине

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ АВСТРИИ в 1790–1797 гг.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
АВСТРИИ в 1801–1815 гг.**

XVIII в. во всей католической Европе назревала потребность в обуздании церкви, в ограждении государства от ее вмешательства в чисто мирские дела. Подобные настроения росли и в лоне самой церкви, о чем свидетельствовало появление различных течений «реформированного католицизма» или «католического просвещения». Из них в Австрии наибольшее распространение получил янсенизм, влияние которого испытывал ван Свитен и некоторые другие сановники, а также масонство [1136, с. 162; Benedikt, 395].

Набожная императрица неодобрительно относилась к подобного рода «опасным» увлечениям. Но ее недовольство вызывало упорное нежелание церкви поступиться хотя бы частью доходов в пользу казны. В остальном, будучи ученицей отцов-иезуитов, она беспощадно искореняла в монархии иноверие, особенно протестантизм, считая его «сатанинской заразой». Спасаясь от преследований, тысячи протестантов вынуждены были переселиться из земель чешской короны в прусскую Силезию. «Неисправимых еретиков» из собственно австрийских территорий переселяли в Венгрию. Еще более жестоким гонениям подвергались евреи.

Под давлением обстоятельств и влиянием министров Мария-Терезия была вынуждена ограничивать привилегии католического духовенства. Наиболее значительным шагом в этом направлении было изгнание иезуитов в 1773 г., после провозглашения папской буллы о ликвидации «Ордена Иисуса». Конфискованное у ордена имущество послужило базой финансирования школьной реформы [1139, с. 85—90].

Ликвидация могущественного ордена явилась решающим шагом на пути создания той системы, которую принято называть «йозефинизмом» в узком смысле (в более широком смысле этим термином обозначаются не только церковно-политические мероприятия абсолютизма, но и вся австрийская разновидность Просвещения). Важнейшими элементами йозефинизма было обособление австрийской католической церкви путем устранения жесткой опеки римской курии и создание некоей разновидности государственной церкви на основе умеренных философско-теологических принципов просвещения, что превращало церковь в более эффективный инструмент борьбы против революционных движений [1136, с. 161].

Вступив на престол в 1780 г., Иосиф II приступил к претворению в жизнь своих давно выношенных замыслов. Он задался целью превратить свою монархию в образцовое государство «просвещенного абсолютизма» с единой централизованной администрацией.

В целях дальнейшего усиления центральной власти и ослабления позиций сословий на местах Иосиф провел в 1782 г. административную реформу. Управление наследственными землями и Галицией было централизовано в новой Объединенной

богемско-австрийской придворной канцелярии во главе с графом Л.-И. Коловратом-Краковским. 12 земельных правительств были заменены шестью губерниями, созданными невзирая на традиционные сословные учреждения коронных земель.

Еще более круто Иосиф, демонстративно отказавшийся от коронования чешским и венгерским королем, обошелся с восточной половиной монархии. Трансильванская и Иллирийская канцелярии слились с Венгерской. Декретом 1785 г. Иосиф II ликвидировал комитатскую систему, нанеся тем самым удар по сословной конституционности Венгрии. Вся страна вместе с Трансильванией, Хорватией и Славонией была разделена на 10 административных округов, управляемых комиссарами. Государственным органам на местах были подчинены также и города, на самоуправление которых Иосиф II смотрел крайне отрицательно. Процесс централизации нашел проявление и в области судебной системы. Одновременно со слиянием австрийских и чешских государственных и судебных органов происходило постепенное растворение чешского права в общеавстрийском законодательстве.

Прогрессивные сами по себе меры по ликвидации средневековых сословных институтов и феодальной конституционности, в совокупности с другими социально-экономическими реформами йозефинизма способствовавшие в той или иной мере созданию предпосылок для перехода к капитализму во всех уголках монархии, оказали противоречивое влияние на национальное развитие не немецких народов. Как указывал К. Маркс, главная цель реформ Иосифа «состояла в централизации и полной германизации австрийской монархии»⁴.

Отмеченная Марксом черта политики йозефинизма ярко проявилась в попытке навязывания немецкого языка всем народам монархии в качестве официального. Согласно майскому, 1784 г., указу, с 1 ноября 1784 г. дела правительственных учреждений, а с 1 ноября 1785 г. также местных органов власти, должны были вестись на немецком языке, который спустя три года становился также языком обучения в школах [179, с. 235].

Эта мера ущемляла чувства народов, которые находились на пороге пробуждения к национальной жизни, и, задуманная как орудие абсолютистской централизации, одновременно оказалась средством самоутверждения зарождавшейся австронемецкой буржуазии, выражавшим ее стремление к гегемонии во всей монархии.

Йозефинистское церковное законодательство носило прогрессивный характер. Декрет «о веротерпимости» от 13—25 октября 1781 г., объявивший «терпимыми» только протестантскую (ее евангелическую и кальвинистскую разновидности) и православную (включая униатство) религии, официально допускал

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 106.

свободу отправления не католических культов. Но это отнюдь не означало их равноправия с государственной католической церковью. Значение декрета состояло в том, что, регулируя взаимоотношения государства и его не католических подданных, он открывал последним доступ к государственной службе и расширял их возможности в сфере торгово-промышленной деятельности.

Продолжая политику «огосударствления» католической церкви, т. е. ослабления ее экономического и политического влияния, Иосиф изъяснял цензуру из рук духовенства, одновременно значительно смягчив ее. Не случайно на десятилетие правления Иосифа приходится оживление наук, особенно общественно-политических, и публицистики, ибо, борясь в духе «просвещенного абсолютизма» против обскурантизма, Иосиф поощрял издание критических сочинений. Австрийские границы временно оказались широко открытыми для произведений европейских просветителей; многие из них переводились и издавались в монархии.

Тяжким ударом для католической олигархии явился указ 1781 г. о ликвидации монастырей и монашеских орденов, не занимавшихся воспитательной или лечебной деятельностью. Такая участь постигла более четырехсот монастырей. На их базе и за счет конфискованного у них имущества создавались новые церковные общины и молельни, ибо «просвещенный монарх» желал, чтобы по возможности каждая отдаленная деревушка империи располагала собственным священником и молельней. Священники должны были быть, по замыслу Иосифа II, «духовными чиновниками» монархии, и поэтому государство взяло в свои руки дело подготовки священнослужителей. Для этой цели в 1784 г. во всех провинциях были созданы «генеральные семинарии», причем семинаристы обязаны были учить языки народов монархии, чтобы быть в состоянии читать проповеди и «правильно выражать свои мысли на национальном языке». В соответствии с этим в братиславской семинарии, например, их обучали не только венгерскому, но и славянским языкам. Священнослужителям было предоставлено широкое поле деятельности в учебных заведениях, и не только в «тривиальных» (начальных), но и в средних и высших. Деятельность преподавателей, учебники и учебные программы были поставлены под бдительный контроль чиновников.

Помимо распространения религии и религиозной морали, системе народного образования отводилось большое место в деле германизации, в особенности средним, так называемым нормальным, школам с немецким языком преподавания по всей империи. Перед ними была поставлена задача создания основ «австрийского национального воспитания». Образцовой для всех земель стала нормальная школа, организованная в Праге Ф. Киндерманном. В ее типографии печатались популярные

книги, учебники, ежемесячники и даже детская газета (1787—1788 гг.) на немецком и чешском языках. Школа сыграла большую роль в распространении грамотности и образования в западной части монархии. Благодаря усилиям Киндерманна, ставшего в 1775 г. старшим школьным инспектором Чехии, за 5 лет (до 1780 г.) здесь было учреждено 1315 школ, а в 1790 г. их число превысило две тысячи. Во Львове в 1783 г. был основан генеральный семинарий для украинцев греко-католического (униатского) вероисповедания с украинской типографией. Здесь были собраны 250 детей из разных областей империи.

Церковно-школьные реформы, система йозефинизма в целом, несмотря на ярко выраженные его централизаторско-абсолютистские и германизаторские устремления, способствовали созданию предпосылок для распространения грамотности и появлению у всех народов национальной интеллигенции, выдающиеся представители которой были или считали себя йозефинистами.

Однако на практике система Иосифа II оказалась недолговечной. Бюрократическая централизация, не считавшаяся с политическими традициями и этнокультурными особенностями земель монархии, одностороннее покровительство экономическому развитию австро-чешских земель за счет интересов других земель и народов монархии, насильственное насаждение немецкого языка, произвол чиновничества и полиции, откровенное недовольство помещиков и высшего клира, неудачная внешняя политика — все это стало дополнительным источником новых социальных противоречий и политических конфликтов. Уже в середине 1780-х годов йозефинизм вступил в полосу кризиса. Особенно тревожным было положение в Венгрии.

Возросшие в связи с турецкой войной тяготы, всеобщее недовольство насильственным набором солдат в армию и реквизицией продовольствия позволили венгерскому дворянству в 1788—1789 гг. организовать широкое сопротивление австрийской администрации и парализовать снабжение габсбургских войск. О серьезности обстановки свидетельствовало полицейское донесение 1789 г., гласившее, что венгерские дворяне «запаслись оружием и держат в конюшнях лошадей своих оседланными, дабы всякую минуту быть готовыми к восстанию». Лидеры венгерской дворянской оппозиции даже завязали переговоры с Пруссией и Веймаром о лишении Габсбургов прав на венгерскую корону и избрании королем герцога Карла-Августа Веймарского.

Стараниями тайной полиции император был осведомлен о заговоре. Знал он и о росте антиавстрийских настроений дворянства, о случаях вооруженного сопротивления крестьян властям. Таким образом, начавшаяся в 1789 г. во Франции буржуазная революция, которой предстояло потрясти феодально-абсолютистский строй во всей Европе, застала империю Габ-

сбургов в состоянии сильнейшего внутреннего брожения. Все это вынудило императора признать свое поражение. 18 декабря 1789 г. Иосиф обратился к населению Венгерского королевства с рескриптом на немецком и венгерском языках, обещая восстановить конституционный строй, комитатскую систему и созвать государственное собрание. 28 января 1790 г. следует указ Иосифа II об отмене по всей монархии изданных им декретов за исключением трех — о веротерпимости, отмене крепостничества и оплате низшего духовенства.

«Просвещенный абсолютизм» иосифовского толка не мог ни устранить фундаментальных причин кризиса феодальных отношений, ни приспособить существующий строй к нуждам и потребностям новых, буржуазных сил. Наметившийся уже в начале царствования Иосифа II разрыв между государственной властью и ее социальной базой — привилегированными сословиями, источник могущества которых (феодалная собственность на землю) оставался нетронутым, превратился к исходу 1780-х годов в пропасть.

Австрийское правительство, чтобы спасти феодально-абсолютистский строй, было вынуждено после смерти Иосифа II изменить тактику. Но новый монарх Леопольд II, прославивший в Италии как правитель Тосканы «просвещенным», выжидал.

По совету хорватского бана венгерского аристократа графа Ф. Балашша, Леопольд, чтобы оказать давление на венгерское движение, воспользовался отклонением государственным собранием просьбы сербского митрополита М. Путника от февраля 1790 г. о подтверждении сербских церковно-школьных привилегий и о приглашении представителей православного населения на сессию собрания. В марте Леопольд сам послал приглашение на государственное собрание митрополиту и семи другим сановникам православной церкви. После этого он принял делегацию сербских епископов, предложив ей добиваться «полного отделения от венгерской нации и создания собственного особого земского управления». В сентябре 1790 г. Леопольд, идя навстречу требованию православной иерархии и части сербов-дворян, созвал в Темешваре (Тимишоара) представительный конгресс (собрание) сербов. Но в факте созыва собора и на его заседаниях нашли отражение антифеодалные настроения сербского (и вообще православного) населения, в том числе граничар,— нежелание мириться с тенденцией восстановления власти венгерской аристократии [Petrović, 1067].

Руководители зарождавшегося сербского национального движения мечтали о создании в составе империи особой сербской области во главе с воеводой, подчиненным королю-императору (так появилось название «Воеводина»). Но Леопольд, не желавший разрыва с венгерским дворянством, не думал заходить так далеко. Он похвально отозвался по поводу «поведения» собора, обещая лишь учредить при дворе специальную инстан-

цию по сербским делам. В конце концов дело ограничилось учреждением в начале 1791 г. «иллирийской канцелярии» во главе с Ф. Балашша, имевшей не больше власти, чем «иллирийская депутация» времен Марии-Терезии, и распущенной после того, как отпала надобность шантажировать Венгрию.

Перейдя осенью 1790 г. в наступление, пригрозив применить вооруженную силу, Леопольд вынудил венгерское дворянство сдать свои позиции. Государственное собрание согласилось избрать местом своих заседаний Пожонь вместо Буды, короновать Леопольда венгерской короной и избрать его сына палатином. Так был восстановлен нарушенный Иосифом мир между «нацией и короной», служивший основой внутренней стабильности монархии вплоть до окончания наполеоновских войн.

Мир этот, несмотря на успех двора, был компромиссным. Отпечаток компромисса между венским централизмом и венгерским партикуляризмом лежал почти на всех законах, принятых государственным собранием 1790—1791 гг. и утвержденных королем.

Тогда же хорватское сословное собрание (сáбор), опасаясь централизаторской политики Габсбургов, отказалось от большей части автономных прав Хорватии в пользу венгерских властей.

Начавшийся в последние месяцы жизни Иосифа II процесс перерождения «просвещенного абсолютизма» в абсолютизм реакционный завершился в царствование сына Леопольда II императора Франца II. Новый император правил исключительно посредством полиции и армии чиновников. Этому повороту содействовало также изменение как внутренней обстановки, так и международного положения империи.

По мере углубления революции во Франции, в особенности после казни королевской четы и утверждения якобинской диктатуры, в Австрийской империи всю политику господствующего класса стал определять неприкрытый страх за безопасность существующего строя. Франц отклонял предложения о реформах даже тогда, когда этого требовала необходимость организации отпора захватчикам.

Заигрывание Бонапарта с Венгрией, равно как и возникавшие у французов время от времени, в зависимости от военно-политической обстановки, планы отделения от монархии наряду с Венгрией также Чехии и т. п., были не более чем переходящими факторами в завоевательной стратегии французского императора, к тому же не получившими широкого отклика: у большинства венгерского дворянства, например, страх перед революцией и Наполеоном перевешивал чувства сословного патриотизма. Государственное собрание выполняло все требования двора о поставке продовольствия и рекрутов для австрийской армии. И в критических для монархии ситуациях 1805 и 1809 гг., когда Австрия была фактически беззащитна, а армии

Наполеона стояли у ворот Венгрии, получавшей редчайший шанс обрести независимость, дворянство ничего не сделало, чтобы воспользоваться им. Союз дворянства с австрийским абсолютизмом, заключенный в 1791 г., выдержал и это испытание.

В течение трех десятилетий, следовавших за Венским конгрессом, общественно-политическая жизнь страны задышалась под тяжестью доведенной до совершенства «меттерниховской» полицейско-цензурной системы. Режим, заповедью которого было подавление всякого вольнодумства в самом зародыше и любыми средствами, возглавляли император Франц и его министр иностранных дел и фактический глава правительства Меттерних. После смерти в 1835 г. своего повелителя Меттерних вплоть до революции 1848 г. играл ведущую роль в австрийской политике, поскольку преемник Франца, большой Фердинанд, активного участия в государственных делах не принимал.

Сложившаяся в этот период система хотя и названа «меттерниховской», своим сохранением не в меньшей мере обязана самому монарху, который на протяжении долголетнего правления являлся ее главным вдохновителем. Такие понятия, как «народ», «конституция», были абсолютно несовместимы с духом этой системы. Император и министр были одержимы страхом перед революцией, которая им мерещилась повсюду. Меттерних подогревал страх императора, дабы самому стать незаменимым гарантом легитимного порядка в монархии. И он действительно сделался таковым в глазах Франца, который завещал своему сыну Фердинанду «ничего не менять», во всем полагаться на Меттерниха и не принимать никаких решений, не выслушав его.

В «активе» Франца и его министра было подавление революции в Неаполитанском королевстве и организация интервенции против революции на Пиренейском полуострове в начале 20-х годов. Меттерних, заслуживший прозвище «великого инквизитора Европы», пытался, и небезуспешно, распространить австрийскую систему полицейского надзора на весь континент. Его стараниями в европейских столицах, особенно германских и итальянских государств, были созданы «черные кабинеты», в которых работали специалисты по перлюстрации писем.

Составной частью меттерниховской системы была политика подавления всех народов монархии, включая австрийских немцев. Главной тенденцией австрийской национальной политики было держать в узде одни угнетенные народы с помощью других, используя действительные, мнимые или подогреваемые «сверху» разногласия между ними. Такой подход был менее всего изобретением Меттерниха — он давно стал уже чем-то само собой разумеющимся для австрийских правящих кругов. В 1791 г., например, Кауниц писал: «Чем явственней намерение сделать из Венгрии, Трансильвании или иллирийской нации

единое целое, тем более необходим принцип «разделяй и властвуй» [1121, с. 23]. В более циничной и откровенной форме сущность подобной политики была позднее разъяснена императором Францем в одной из бесед с французским послом: «Каждый следит за своим соседом. Они не понимают друг друга, они ненавидят друг друга. Из антипатии рождается порядок, из их взаимной ненависти — всеобщий мир» [Непгу, 538].

Политика «сдерживания» была дифференцированной, имела свою специфику на разных этапах. Так, в Ломбардии и Венеции, находившихся в опасном соседстве с центрами возникших в 1807 г. организаций карбонариев, Меттерних допускал известный либерализм в экономической политике в расчете на то, что это заставит местное население забыть о своей национальности. Иными были мотивы и средства, лежавшие в основе галицийской политики двора. Определяющими для Вены являлись международные аспекты польской проблемы. Для Меттерниха было важным добиться, чтобы поляки здесь чувствовали себя «галицийцами, а не поляками». В этих целях, в частности в 1817 г., в несколько измененном виде была восстановлена словенская конституция 1775 г. и провинциальный сейм, состоявший из четырех курий (духовенства, крупных помещиков, шляхты и городов). Некоторое расширение сферы применения польского языка в учебных заведениях, объективно ущемлявшее интересы украинского большинства населения Галиции, несколько не затронуло позиций немецкого языка, который остался официальным языком суда и администрации [593, с. 167—168]. Что же касается национально-политических объединительных целей поляков, то они всегда подавлялись и стали особенно жестоко преследоваться после событий 1830—1831 гг., хотя на Галицию восстание не распространилось. В борьбе против польского освободительного движения Австрия действовала рука об руку с царской Россией.

Наряду с польской проблемой австрийский абсолютизм был озабочен и югославянским вопросом, между прочим и потому, что Австрии приходилось считаться с четырехлетним (1809—1813 гг.) существованием «Иллирийских провинций». Хотя ими правил находившийся в Лайбахе (Любляне) французский генерал-губернатор маршал Мармон, оккупационная администрация, впервые объединившая в одной провинции ранее разрозненные югославянские территории, в определенной мере содействовала их буржуазно-национальному развитию. Введение «кодекса Наполеона», создание школьной сети со словенским и хорватским языками обучения, издание газет на тех же языках, назначение на административные посты представителей местного населения не прошли бесследно. Учитывая эти обстоятельства, восстановленная австрийская власть не осмелилась целиком и сразу уничтожить нововведения.

Возвратившись из поездки по бывшей «Иллирии», Меттерних

представил в 1816 г. императору меморандум о создании «Королевства Иллирия» в составе Далмации, части Хорватии к югу от Савы, Крайны, Истрии и словенской части Каринтии. Создание такого католического образования, указывал он, тесно связанного с Австрией, было бы выгодно как противовес против роста русского влияния среди южных славян и, кроме того, сделало бы «более управляемой» Венгрию [Наас, 1970]. Это «королевство» просуществовало до 1822 г.

Но император опасался проведения даже таких мер. Он оставил без внимания составленный Меттернихом в 1917 г. проект децентрализации административной структуры путем создания провинций Иллирия — Далмация, Богемия — Галиция, Внутренняя Австрия, Венгрия, Трансильвания и итальянской.

Считая размеры и «привилегии» Венгрии чрезмерными, несовместимыми с единством монархии, а потому подлежащими упразднению, Меттерних в 1811—1812 годах выдвинул план «амальгамации» королевства, т. е. низведения Венгрии до ранга ординарной провинции, имея в виду прежде всего уничтожение исторической конституции страны. После провала этой затеи Меттерних добивался ликвидации «невыносимого дуализма» между Венгерским королевством и остальными землями преимущественно политическими и административными способами. Использование нараставших национальных противоречий в империи занимало не последнее место в его арсенале. С этой точки зрения 30—40-е годы XIX в. имели особое значение.

Революции 1830 г. во Франции и Бельгии, а также польское восстание 1830—1831 гг., поставившие под вопрос незыблемость системы Священного союза, были восприняты ее творцами как подлинная катастрофа. «Уничтожено дело всей моей жизни», — воскликнул Меттерних, узнав о начале революции в Париже. Уже на Лайбахском конгрессе Священного союза (1821 г.) Меттерних, провозгласивший конец эпохи революций в Европе, теперь повсюду на континенте видел результаты подрывной деятельности «революционных сект», «радикалов», «анархистов», «коммунистов», руководимых из единого центра, находившегося якобы в Париже, и на этом основании настаивал на организации интервенции против революций во Франции и Бельгии.

Еще большую тревогу в венских придворных кругах вызвало восстание в соседнем Королевстве Польском. Меттерних тотчас поставил в известность «об этой новой катастрофе» палатина Венгрии эрцгерцога Иосифа, рекомендовав ему прекратить заседания государственного собрания. О том, что предосторожность не была лишней, свидетельствовали вспыхнувшие в 1831 г. под влиянием польского восстания волнения словацких, украинских, венгерских, отчасти владшских крестьян и городской бедноты, названные «холерным бунтом», а также распространившееся на десятки комитатов движение солидарности венгерской общественности с борьбой польских повстанцев.

Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», Вена в 1840-х годах сделала ряд уступок словацкому и особенно хорватскому движениям, разрешив издание газет и оказав известную поддержку культурно-просветительским начинаниям иллиризма и деятельности его лидера Л. Гаю, вызывавшей особый интерес министров Меттерниха и Коловрата, которые стремились разжечь венгеро-хорватские противоречия. Гаю была оказана денежная поддержка. Это было элементом политики Вены по отношению к движениям славянских народов, находившихся под властью Габсбургов. Но вместе с тем в меморандуме от 9 марта 1843 г. «Состояние славянства и его влияние на монархию», составленном Меттернихом для императора, говорилось об опасностях «подъема славизма» [Haas, 1970].

Из этого документа можно заключить, что правители монархии понимали политическое значение усиления освободительного движения славянских народов после 1815 г. и роль в этом процессе различных факторов: французской революции и введения конституции в Королевстве Польском, польского восстания, воздействия «мадьяризма» на другие «племена, особенно на славянские». «Важной задачей правительства» в этих условиях, настаивал канцлер, является «надзор» за славянами с учетом специфики каждой национальности и их взаимоотношений. Документ содержал важную для понимания австрийской политики мысль, за которую ухватилась монархическая контрреволюция пять лет спустя. «Сегодня от правительства зависело бы довести борьбу между национальностями Венгрии до открытой схватки...», — писал канцлер [Haas, 1970].

Расчеты Меттерниха на использование нараставшего межнационального конфликта в монархии вообще, и в ее восточной половине в особенности, отнюдь не были построены на песке. В течение двух десятилетий в возглавлявшемся среднепоместным дворянством венгерском оппозиционном движении, по мере его радикализации и перехода руководства в руки Лайоша Кошута и его сторонников, борьба за национальную независимость все более сливалась с социально-экономическими и политическими устремлениями, направленными к буржуазным преобразованиям. Оппозиции удалось поставить на службу этим целям старые, унаследованные от средневековья лозунги и институты — государственное собрание, заседавшее в 30—40-х годах почти непрерывно, комитатские собрания и другие учреждения. «В период с 1830 до 1848 г. в одной только Венгрии, — писал Ф. Энгельс, — была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций»⁵.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.

Габсбурги вынуждены были считаться с ситуацией, стремясь, где только это представлялось возможным, обратить ее в свою пользу. Маневрирование, заигрывание и давление стали средствами «умиротворения» Венгрии — одной из важнейших задач австрийской внутренней политики. Своеобразие статуса Венгерского королевства во многом определило расстановку политических сил в Австрийской империи и динамику национально-освободительных движений в рассматриваемый период и позднее.

В Галиции австрийские власти в 40-х годах XIX в. использовали для борьбы с польской шляхетской революционностью острый социальный конфликт между крестьянами и помещиками. Разжигание национальных и даже социальных противоречий являлось существенным аспектом механизма господства Габсбургов. Не меньшую роль в нем играло и применение государственно-правовых рычагов. Характерно, что ни провозглашение Австрии империей, ни перекомпоновка ее границ в период наполеоновских войн и после их завершения не побудили Габсбургов отказаться от архаической административной структуры, в основе которой, как отмечал Ф. Энгельс, лежало «бессистемное нагромождение самых противоречивых обычаев и законов»⁶. И это лишь отчасти было данью земскому консерватизму дворянства. Несмотря на неудобства, «лоскутность» облегчала правительству управление подвластными народами.

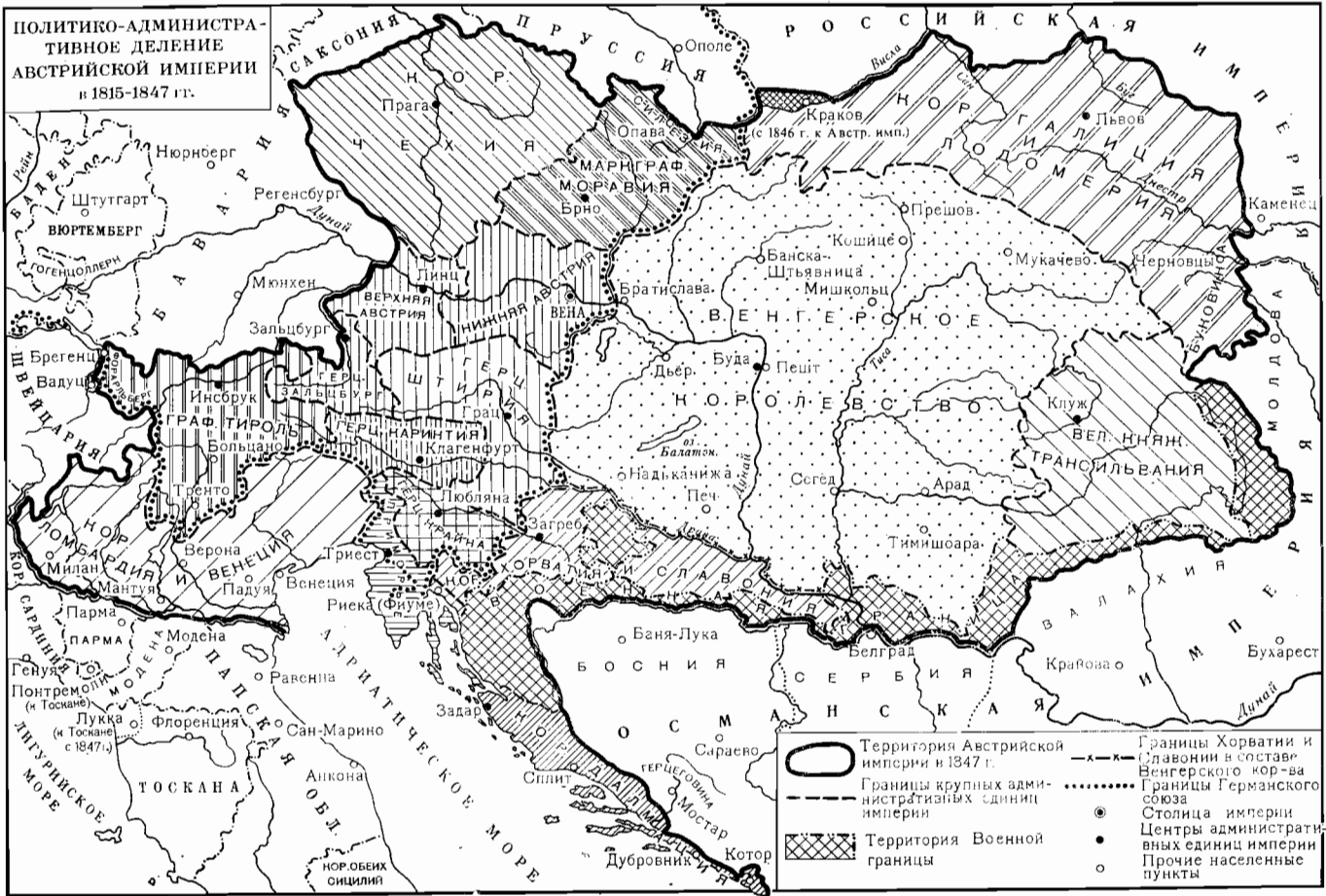
С этой точки зрения земли Габсбургов в том виде, в каком они как целое сложились к первой половине XIX в., могут быть разделены на три группы.

Во-первых, здесь были территории, обладавшие правами некоторой внутренней автономии. К ним, прежде всего, должны быть отнесены Венгерское королевство и Трансильванское великое княжество. В рамках Венгерского королевства известной автономией обладала Хорватия. Она имела сословное собрание (сáбор) и как целое была представлена в венгерском государственном собрании. Комитаты (жупании) Славонии посылали туда вплоть до 1848 г. депутатов каждый в отдельности. Сохранение в Венгрии, Трансильвании и Хорватии «исторического государственного права» оказало влияние на развитие общественной мысли, складывание идеологических программ и расстановку сил национально-освободительных движений.

Вторую группу составляли территории, управлявшиеся непосредственно из Вены, но формально обладавшие земскими сословными учреждениями. Наиболее ярким примером были земли «чешской короны св. Вацлава». Габсбурги и после 1620 г. сохранили существовавшее здесь деление на Чешское королевство, маркграфство Моравию и герцогство Силезию. Большая

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 471.

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1815-1847 гг.

	Территория Австрийской империи в 1847 г.		Границы Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства
	Границы крупных административных единиц империи		Границы Германского союза
	Территория Военной границы		Столица империи
			Центры административных единиц империи
			Прочие населенные пункты

часть последней, впрочем, в результате войны за австрийское наследство, с 1740-х годов отошла к Пруссии, а оставшаяся часть при Иосифе II была объединена с Моравией. Несмотря на централизаторскую политику Марии-Терезии и особенно Иосифа II, чешский и моравский сеймы были сохранены в качестве рудиментарных символов «автономии». Но и при совершенном бессилии этих сословных органов, их нельзя игнорировать, если не в политическом, то в своего рода психологическом отношении: подобная ситуация с конца XVIII в. и до революции 1848—1849 гг. время от времени использовалась дворянством чешских земель для давления на Вену в защиту своих средневековых привилегий под демагогическими лозунгами борьбы за национально-культурные права чешского народа. Требования административного объединения чешских земель, выдвигавшиеся в рядах чешского национально-освободительного движения, в рассматриваемый период неизменно встречали негативное отношение со стороны австрийских властей.

Симптоматичным оказалось то, что Габсбурги были настроены против ликвидации средневекового раздробления земель монархии. Более того, в целях разобщения сил угнетенных народов Вена в ряде случаев считала даже уместным, как отмечалось выше, обновление этой практики. Так, по соображениям борьбы с венгерским движением Трансильвания в 1765 г. была объявлена великим княжеством, а земли, отошедшие в 1772 г. от Польши, были названы королевством Галиции и Лодомерии (в которое до середины XIX в. на правах особого округа входила Буковина) с восстановлением в 1817 г. провинциального сейма. По этому же стереотипу часть итальянских земель, захваченных Габсбургами, была после 1815 г. объявлена Ломбардо-Венецианским королевством.

Поскольку в двух последних случаях речь шла о народах, основная этническая территория которых лежала за пределами Австрийской империи, эти «конституционные» переделки означали на деле заигрывание с местным дворянством. Сходные цели политического лавирования с циничным использованием в ряде случаев патриотических настроений в отдельных землях (например, в 1809 г. в Чехии) преследовали и планы административных перетасовок, с которыми выступал в 1810-х годах Меттерних.

Наконец, третью группу составляли территории, населенные народами, не обладавшими какой-либо государственно-правовой организацией и разобщенными в этническом и административном отношении. Территории этих народов оказались инкорпорированными в существовавшие государственно-правовые структуры: в таком положении были словаки, сербы и украинцы в составе Венгерского королевства, влахи (румыны) в Трансильвании и Банате, украинское население в Галиции и Буко-

вине, непосредственно управлявшиеся из Вены словенские земли, Военная граница, Далмация и т. д.⁷

Как можно заключить из сказанного, механизм господства Габсбургов в обширной империи, разнородной в экономическом, политическом, культурном и этническом отношении, формировался на протяжении длительного времени. Основные контуры его, сложившиеся уже в XVIII в., приняли затем те черты и особенности, которые и составили основное содержание меттерниховской системы в первой половине следующего столетия.

Сюда относились бюрократическая централизация в сочетании с консервацией средневековых сословных институтов в той мере, в какой это казалось правительству приемлемым или терпимым; создание новых «королевств» или обещания призрачной автономии в качестве приманки отдельным отрядам национальных движений; использование этнических противоречий с одновременным проведением курса германизации доступных для правительства сфер общественной жизни. Иными словами — балансировать, чтобы не упасть, разделять народы, чтобы властвовать над ними. Это был целенаправленный курс, основанный на понимании правящими кругами своих классовых интересов: менялась тактика, но стратегия оставалась неизменной. Разумеется, Габсбурги были вынуждены считаться с реальным соотношением социальных и политических сил в стране и за рубежом, прибегая к нажиму или уступкам, сообразовываясь с силой оппозиции в отдельных землях монархии. В частности, камнем преткновения на пути устремлений Вены в рассматриваемый период оказалось венгерское освободительное движение.

В результате в середине XVIII в. зародились, а в первой половине XIX в. более отчетливо оформились, различия позиции правительства по отношению к западным и восточным частям империи. Эти различия находили отражение не только в политическом, но и в экономическом развитии Дунайской монархии.

3. Основные тенденции экономического развития

Возникновение в Дунайском бассейне державы Габсбургов повлекло за собой для включенных в ее состав народов важные экономические последствия. Они были прежде всего свя-

⁷ В исторической литературе применяются названия «чешские земли», «хорватские земли» для обозначения совокупности исторических провинций — административных единиц Австрийской империи. Наряду с ними используются этнотерриториальные названия — Словения, Словакия, не составлявшие особых административных областей. Этническая территория хорватов выходила за пределы Хорватии, Славонии и Далмации (Триединого королевства), тогда как часть этих исторических провинций была населена сербами.

заны со стремлением правящих кругов к достижению хотя бы относительного хозяйственного единства подвластных им территорий.

В этом процессе можно выделить две ведущие тенденции. С одной стороны, это были особенности экономической эволюции отдельных земель, к моменту их включения в состав Австрийской монархии и позднее находившихся на разных уровнях экономического развития. С другой стороны — потребности внутримперской интеграции, оказывавшие с течением времени все большее воздействие на политику Вены.

Эти тенденции были взаимосвязаны благодаря самому факту существования государства Габсбургов и отразили как объективную потребность в экономической интеграции земель, оказавшихся в границах единой империи, так и корыстные виды австрийского правительства, стремившегося упрочить свое господство, и, наконец, центробежные явления, зависевшие от характера местного социально-экономического развития.

В совокупности обе названные тенденции пробивали себе дорогу и определяли экономическое развитие Австрийской монархии.

Вплоть до революции 1848—1849 гг. в экономике Австрийской империи сохранял господство феодализм. Однако задолго до этого уже стали проявляться признаки его разложения и складывания новых буржуазных отношений.

События Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., значительная часть которых разыгралась на территории габсбургской державы, нанесли огромный урон производительным силам⁸. Это способствовало временной консервации феодально-крепостнического способа производства. Именно во второй половине XVII в. в основном завершился процесс так называемого второго издания крепостничества, в наиболее полной форме воплотившийся в землях чешской короны.

Помещичье хозяйство, оставаясь барщинно-крепостническим, становилось все более товарным. И хотя крестьянские массы вели постоянную борьбу за свои права, до определенного момента государство не вмешивалось в юридические отношения между помещиками и крепостными. Впервые это вмешательство было вызвано крестьянским восстанием в Чехии в 1680 г. и заключалось в регулировании барщинных повинностей крестьян, хотя на практике оно означало усиление эксплуатации. В последующие десятилетия феодальное государство неоднократно обращалось к урегулированию взаимоотношений между крепостными и помещиками, что само по себе уже свидетельствовало о напряженности ситуации в деревне.

В обстановке консервации крепостнических отношений усиление эксплуатации трудящихся лишь на какое-то время способ-

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 433.

но было решить проблему доходности хозяйства. Потенциальные возможности такого курса были ограничены, более того, в конечном счете они вели экономику в тупик. Первые признаки этого стали проявляться еще со второй половины XVII в., когда ухудшилось экономическое положение габсбургской монархии, все более отстававшей в своем развитии от ведущих европейских государств того времени.

Уже в середине XVII в. жители моравского города Брно (Брюнна) мещанин П.-Г. Моргенталер и адвокат Ш. Малнвский направили на имя императора проекты учреждения в монархии капиталистических мануфактур. В последующие десятилетия в Вене выступили сторонники австрийского меркантилизма И. Бехер, Ф. Хёрнигк, В. Шредер и другие. Наибольшей известностью пользовался среди них Ф. Хёрнигк, автор популярного трактата «Австрия превыше всего, если только она пожелает этого» (1684 г.). Здесь были сформулированы классические «десять правил меркантилизма», в том числе требования максимального использования природных и хозяйственных ресурсов страны, развития ремесел и промышленности для переработки местного сырья, государственной поддержки коммерции и мануфактур. Расширению идей меркантилизма содействовали и некоторые шаги правительства, из которых особую важность имело учреждение в Вене в 1655 г. коммерц-коллегии во главе с Бехером.

С начала XVIII в. внимание правительства к развитию отечественной промышленности усилилось, чему содействовали нужды армии. Ф. Энгельс отмечал: «...развитию промышленности способствовал большой рост постоянных армий... (В Австрии — с 1673 по 1705 г. с 60 000 человек до 132 000)»⁹. Все большее развитие в чешских и австро-немецких землях получает помещичье предпринимательство и, особенно, крестьянские промыслы. Они стимулировали распространение факторской системы. В ряде случаев факторы (скупщики) снабжали производителей сырьем и давали заказы на изделия. Это свидетельствовало о повышении роли торгового — отечественного и зарубежного — капитала, содействовало развитию сельских промыслов и рассеянной мануфактуры.

Ввиду экономической выгоды помещики и казна шли на некоторую поддержку деревенских ремесел и уже на рубеже XVII—XVIII вв. пытались несколько ограничить цеховую монополию. Приняты в 1731 г. генеральный цеховой патент, а в 1739 г. генеральный артикул ограничили автономию цехов и усилили контроль за ними со стороны государства. Еще более антицеховая политика правительства вырисовывается с середины XVIII в., когда ряд ремесел был объявлен свободным от цеховых ограничений.

⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. 10, с. 305.

Проникновение в деревню торгового капитала, развитие сельских промыслов, втягивавшихся в сферу рассеянной мануфактуры, подготавливали условия для возникновения централизованных мануфактур, которые sporadически появлялись еще в конце XVII в. С начала следующего столетия развитие мануфактурного производства убыстряется, причем его ведущими зонами становятся Силезия, Чехия, Нижняя и отчасти Верхняя Австрия. Государство постепенно, хотя и не без колебаний, встает на путь протекционизма. Об этом свидетельствовали патенты 1724 и последующих годов, содержавшие ряд льгот владельцам мануфактур и защищавшие их путем покровительственных пошлин от конкуренции.

Новый этап в экономической политике Габсбургов начинается с 1740-х годов. Реформы в финансово-экономической области сделались безотлагательными после потери большей части богатой и густонаселенной Силезии. Побуждала к тому не только необходимость компенсации утраченных доходов, но и пример эффективного «хозяйствования» в провинции централизованной прусской администрации, сумевшей выжать из нее вдвое больше того, что удавалось добывать при медлительной австрийской системе, опиравшейся на сословные учреждения. Следуя прусскому образцу, по инициативе губернатора австрийской части Силезии Ф.-В. Хаугвица, были приняты меры по реорганизации фискального дела и управления сначала в Силезии, а затем в Крайне, Градишке, Горице, Каринтии и Штирии. Смысл их сводился к бюрократизации органов исполнительной власти, к упорядочению системы взимания налогов и постепенному их распространению на имущество помещиков и церкви.

Продолжая начатый еще ранее курс на ограничение цеховых привилегий, правительство во второй половине 40-х годов объявило льготкачество, выделку хлопчатобумажных тканей и шерсти внецеховыми ремеслами. Был отменен запрет на применение в промышленности женского и детского труда.

В обход цеховой монополии двор выдавал разрешения на производство определенных видов продукции, обычно до того в стране непроездившейся. Государство предоставляло предпринимателям денежные премии. Как только производство данной продукции достигало уровня, достаточного для обеспечения внутреннего рынка, вводился запрет на ее импорт. В случае финансовых затруднений или банкротства подобных предприятий казна брала их под опеку. При надобности специалистов и квалифицированных рабочих выписывали из-за границы. Немаловажным было обеспечение религиозной свободы, облегчившее возможность поселения в городах не католикам [Otruba, 1142]. Вмешательство абсолютистского государства в экономическую жизнь городов западной части государства — Австрии (включая Чехию, Моравию, австрийскую Силезию), несмотря на многочисленные неудачи, оказало бла-

гоприятное влияние на развитие промышленности. Иначе обстояло дело в Венгрии.

Тенденция к централизации рычагов хозяйственной жизни в руках государства встретила в восточной части монархии с условиями, отличавшимися от австро-чешских. Превратить венгерский город в надежный источник доходов казны и в оплот абсолютистской централизации путем ограничения сферы действия сословной конституции и дворянской юрисдикции — такова была двуединая цель двора, которая с особым усердием осуществлялась с 40-х годов XVIII в.

Городское развитие в Венгрии было гораздо более медленным, чем в чешских и собственно австрийских землях. В середине XVIII в. двор прилагал усилия к увеличению числа свободных королевских городов [951, с. 180—181; 675, с. 23—24]. Это явление было характерно только для Венгерского королевства.

В отличие от западной части монархии в Венгрии власти, ссылаясь на налоговые привилегии дворян, не оказывали поддержки предпринимательской деятельности аристократии.

В начале 70-х годов XVIII в. в чешских землях имелись 32 мануфактуры, в собственно австрийских землях их было 26 (20 из них в Нижней Австрии), а в Венгрии — всего 19 [Отгуба, 1142].

Ограниченная поддержка абсолютизмом буржуазно-бюргерских элементов свободных королевских городов сводилась на нет не только сопротивлением реакционного венгерского феодального класса, но и всей экономической политикой двора в отношении Венгрии. С этой точки зрения решающее значение имела общая таможенно-торговая политика Вены. Начало этой политике было положено введением в 1754 г. таможенного устава, сущность которого сводилась к установлению низких пошлин на ввоз австрийских промышленных изделий в Венгрию (до 5% их стоимости) и венгерского сырья в Австрию (не более 2% стоимости). Изделия же венгерского ремесла и промышленности, ввозившиеся в Австрию, облагались почти столь же высокими пошлинами, как и иностранные товары. Импортируемые Венгрией непосредственно из-за границы (то есть минуя Австрию) товары облагались в размере от 5 до 20% стоимости, а с 1755 г. — 30%, в то время как тариф на австрийский импорт в Венгрию не превышал 3% [778, т. 2, с. 474—475]. Все это означало практически прекращение торговли Венгрии с соседними странами, особенно с Германией и Польшей, и монополизацию ее внутреннего рынка в интересах развивающейся буржуазии западной части монархии — Австрии.

Венцом экономической политики абсолютизма явился таможенный устав 1775 г., сплотивший в единый хозяйственный организм территорию наследственных земель (включая чешские земли и исключая Галицию, Тироль, Приморье) путем отмены

остававшихся там еще внутренних пошлин и почти герметическо-го закрытия внутреннего рынка монархии от иностранной конкуренции. В интересах австрийских производителей были установлены высочайшие ввозные пошлины на предметы роскоши, к которым были отнесены также водка и вино. Экономическая политика, выраженная в установлениях 1754—1775 гг. и исходившая из фискальных интересов казны, была дискриминационной в отношении промышленного развития Венгрии и покровительственной в отношении Австрии.

Результатом подобных шагов правительства стало складывание не одного, а двух внутренних рынков — австрийского и венгерского. По замечанию чехословацкого историка, «политика венского двора была направлена на то, чтобы создавать в Венгрии важнейший источник для прямо и косвенно покровительствуемой индустрии австрийских и чешских земель. Хозяйственная политика венского правительства в отношении Венгрии была прямым следствием тщетности попыток создания австрийской заморской колониальной империи» [Novotný, 1962]. Например, для удовлетворения потребности стекольной и текстильной промышленности чешских земель в сырье, в особенности в красителях, в Банате производились поташ, индиго, кнапп, пенька, шелковичный кокон и т. д. Здесь австрийские власти делали опыты с выращиванием хлопка и риса, тутовых деревьев.

В интересах австрийско-чешской промышленности двор регулировал вывоз продукции венгерского сельского хозяйства в Австрию и за границу, куда доступ ей закрывался, если промышленным центрам наследственных провинций грозил неурожай. К концу 70-х годов 87% вывоза из Венгрии направлялось в Австрию, оттуда же Венгрия получала 85% всей импортируемой продукции [778, с. 478—486]. С другой стороны, в лице Чехии и Моравии, Вены и Верхней Австрии сельское хозяйство аграрной Венгрии приобрело надежный рынок сбыта, что способствовало расширению товарного производства.

Несмотря на определенные успехи, выразившиеся в оживлении экономической жизни западной половины империи, реформы Марии-Терезии не достигли первоначально поставленной задачи. Правда, монархии удалось повысить государственные доходы, но казна к концу правления Марии-Терезии была пуста. Непомерно разросшаяся армия (к 1769 г. насчитывавшая 200 тыс. человек) и войны поглощали намного больше средств, чем удавалось выжимать из подданных [Отруба, 1142; 377, с. 19]. Не видя более разумного выхода, государство прибегало к налоговому прессу, то есть душило ту самую промышленность, которой покровительствовало.

Уже в начале 40-х годов XVIII в. в наследственных землях были приняты законодательные акты, лишившие дворянство и духовенство их налоговых привилегий. Согласно положению о налоге от 1743 г., содержащему зачатки всеобщего прогрессив-

ного подоходного налога, священники, как и военные и помещики, обязаны были уступать казне десятую часть средней суммы доходов. Всеобщий характер носили и введенный позднее налог на наследство и подушный налог. Для учета источников доходов при Марии-Терезии была проведена первая всеобщая перепись земельных владений [824, с. 398; 179, с. 5].

Наконец, абсолютистская власть была вынуждена более решительно, чем прежде, вторгнуться в область взаимоотношений помещика и крепостного. К этому она была принуждена и классовой борьбой крестьянства и потребностями мануфактурного производства, которое нуждалось в свободной рабочей силе.

Крестьянские волнения первой половины 60-х годов, охватившие практически всю монархию и принявшие особый размах в Чехии, Моравии, австрийской Силезии, а также в западных комитатах Венгрии, заставили двор осуществить в 1767—1778 гг. ряд мер в области аграрных отношений, важнейшей из которых был «Урбарий Марии-Терезии» от 1767 г. К этому побуждала также заинтересованность казны в поддержании жизнеспособности крестьянского хозяйства — главного источника налоговых поступлений и рекрутов. Действие урбария, в отличие от других терезианских реформ и вопреки воле венгерского дворянства, распространялось и на Венгрию.

Сущность урбария сводилась к упорядочению повинностей крестьян согласно величине и качеству надела (плодородие почвы, условия транспортировки урожая и др.) и сокращению барщины для крепостных, имевших полный надел, с 5—6 дней до 3-х дней в неделю, а в Австрии, за исключением Штирии, до 2-х дней. Помещику запрещалось произвольно увеличивать повинности, размеры которых были точно установлены, присоединять крестьянский надел к домену или сгонять крепостного с надела без суда. Было ограничено право помещика творить суд над крепостными. Важное значение имело гарантирование права свободного перехода и обеспечение крестьянам права на превращение надела в наследственное владение путем его выкупа. Последнее создавало предпосылки преобразования части крестьянских держаний в буржуазную собственность.

Таким образом, реформа лишь систематизировала эксплуатацию путем ее ограничения и смягчения помещичьего производства. С 1775 по 1782 г. было опубликовано несколько патентов, дополнительно регулировавших и ограничивавших барщину в разных землях монархии.

В отличие от Марии-Терезии, совершавшей реформы с оглядкой на влиятельные круги общества и никогда не позволявшей себе оторваться от собственного класса, Иосиф, уверовавший во всемогущество власти, действовал без колебаний. Патент 1781 г. упразднил прикрепление крестьян к земле, объявив их лично свободными подданными в Чехии, Моравии, Силезии и

Галиции, несколько позднее — в Штирии, Каринтии, Крайне, а также в Венгрии (в 1785 г.). Бывшие крепостные приобрели право выбирать себе местожителство, заниматься ремеслом, вступать в брак без разрешения помещика, заключать сделки по купле-продаже, освобождаться от повинностей путем выкупа по соглашению с землевладельцами [179, с. 380—420]. Но этот прогрессивный акт предусматривал лишь возможность замены барщины денежной компенсацией, причем предполагалось, что крестьянин мог распоряжаться 70% дохода своего хозяйства. Изданный в развитие этого патента в 1783 г. указ о выкупе барщины крестьянами практических результатов не имел.

В целях повышения доходов казны была предпринята попытка сведения многочисленных налогов к единому подоходному налогу на основе учета земельных владений и их доходов — крестьянских, помещичьих, казенных и церковных [947]. Исключение было сделано лишь для горно-лесистого Тироля. Смерть императора в феврале 1790 г. помешала принятию соответствующего закона [798, т. 2, с. 307; Engel-Janosi, 1959].

Личное освобождение крестьян, и в частности право их выхода, смягчило испытывавшийся мануфактурами острый дефицит в рабочей силе и оказало влияние на развитие промышленности. За семь лет — 1783—1790 гг. — число занятых в ремесле и промышленности Нижней Австрии и Чехии удвоилось [Otruba, 1142; 1081, s. 285], увеличившись с 94 тыс. до 182 тыс. человек. Хлынувший в города поток мало- и безземельных крестьян привел к сдвигам в этносоциальной структуре городского населения. Естественно, что процесс вытеснения немецкого элемента шел особенно интенсивно в промышленно развитых городских центрах национальных районов империи.

С большой настойчивостью продолжалась политика ограничения сферы действия цехов и поощрения капиталистической мануфактуры. В 1784 г. был запрещен ввоз из-за границы в Венгрию и австрийские земли, за исключением Тироля и Галиции, всех товаров, которые производились в наследственных землях или без которых «легко можно обойтись». К предметам роскоши Иосиф II отнес не только бриллианты, фарфор, часы, но и одежду, текстиль, ткани, почти все металлические изделия, а также вино, масло и сыр.

Продолжалось наступление государства на цеховой строй. От тисков регламентации освобождались все новые профессии и ремесла. При Иосифе, считавшем, что «каждому должно быть позволено зарабатывать свой хлеб любым способом», «свободными» стали практически все виды ремесел, не требовавшие специальных знаний, а также профессии учителя, аптекаря, художника, скульптора и др.

Во имя повышения конкурентоспособности австро-чешских промышленных изделий на венгерском рынке, они были освобождены не только от вывозных (из Австрии) пошлин, но и от

ввозных (в Венгрию). Тем не менее в правление Иосифа II в Венгрии наблюдалось оживление мануфактурного производства в отраслях, которые не представляли угрозы для австрийской промышленности.

В последующие десятилетия, несмотря на отмену многих реформ Иосифа II, правительство в отношении экономического развития западной и восточной частей Австрийской монархии по преимуществу придерживалось курса, основы которого были заложены еще в середине XVIII в.

Военные события последних лет этого и начала следующего столетия, в особенности континентальная блокада, оказали противоречивое воздействие на экономику империи. Они явились одной из причин кризиса отраслей, работавших на экспорт (производство стекла и полотна). Наоборот, отрасли, страдавшие ранее от английской конкуренции, получили значительное развитие (хлопчатобумажная, сукнодельная). В связи с увеличением военных поставок возросла продукция металлургии. Отмена континентальной блокады показала техническую отсталость промышленности Австрийской империи. Большинство отраслей переживало кризис, продолжавшийся до конца 20-х годов. Многие мелкие предприятия разорились; в то же время укрепились позиции крупных мануфактур, вставших на путь механизации производства.

На рубеже XVIII—XIX вв. в сфере промышленности наметились сдвиги, возвещавшие о начале промышленного переворота, который в основном развернулся после наполеоновских войн. Отмена личной зависимости крестьян ослабила препятствия на пути капитализма в промышленности, но сохранявшиеся цеховые привилегии в городском ремесле и феодальные отношения в сельском хозяйстве существенно тормозили подъем промышленного производства и развитие рынка. Тормозящее воздействие феодализма на промышленный переворот особенно сказалось в длительной технической отсталости тех отраслей, которые непосредственно зависели от феодальной собственности на землю (горнодобывающая, стекольная, металлургическая). Как и на Западе, промышленный переворот начался в текстильной промышленности, охватив прядение, затем механизация медленно проникала в другие отрасли. Вытеснение ручного труда машинами, как подчеркивал Ф. Энгельс, вело «к гибели сначала мануфактуры, а затем постепенно и самой старой феодальной домашней промышленности»¹⁰.

Вынужденное идти на уступки буржуазным отношениям и проводить протекционистскую политику в области промышленности и коммерции, правительство там, где представлялось возможным, охраняло феодальные порядки в деревне. Сочетание этих тенденций, характерных для эпохи кризиса феодализма и

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 474.

формирования капиталистического уклада, проявилось в развитии империи в целом и отдельных ее областей.

Экономическая политика правительства, с середины XVIII в. направленная на покровительство чешско-австрийской промышленности в ущерб промышленному развитию восточной части монархии, в конце XVIII — первой половине XIX в. привела к углублению существенных различий в экономическом положении западной и восточной частей империи.

В собственно австрийских немецкоязычных землях первая паровая машина, ввезенная из Англии, появилась в 1816 г. С 1830-х годов применение паровых машин, причем не только иностранного, но и отечественного производства, неуклонно расширяется. В 1830—1840-х годах все отрасли текстильной промышленности здесь были охвачены промышленным переворотом. Тогда же развернулось более широкое применение паровых машин в пищевой промышленности, машиностроении и металлургии. Все же главными отраслями являлись хлопкопрядильная и ткацкая промышленность. Верхняя и Нижняя Австрия к середине XIX в. превратились в центр производства трикотажа. В Нижней Австрии важную роль играло изготовление шелка-сырца и шелковых тканей. Тяжелая промышленность развивалась медленнее. По производству металла на первом месте стояла Верхняя Австрия, которая давала в 1846 г. до 37% металлических изделий. Ведущее место в экономике принадлежало Вене, где к исходу периода находилось 425 промышленных предприятий.

Несмотря на политику покровительства австрийской промышленности, абсолютизм сдерживал капиталистическое развитие даже в метрополии. Так, цеховой строй до конца XVIII в. сохранял господство в Верхней и Нижней Австрии, в частности в Вене. В начале 1820-х годов венские власти, опасаясь чрезмерного роста промышленного населения Вены, в котором они видели источник социальных потрясений, а также в угоду цехам, прекратили выдачу разрешений на создание в столице новых фабрик. Лишь в середине 30-х годов, уступая буржуазии, власти пошли на ослабление пут, стеснявших развитие промышленности в Вене. Высокие пошлины, установленные ради пополнения казны, заставляли промышленников ограничивать ввоз сырья, а иногда и свертывать производство.

Наряду с собственно австрийскими территориями, ведущую роль в экономике империи играли земли чешской короны. Со второй половины XVIII в. они выделялись уровнем развития промышленности и буржуазных отношений. «Из всех земель, составляющих Австрийскую монархию,— читаем мы в одном из французских трудов начала XIX в.,— Чехия принадлежит к тем, где находится наибольшее число мануфактур»^{1*}.

Несмотря на то что большую часть промышленной продукции давало ремесленное производство, основным типом пред-

приятия с конца XVIII в., определявшим прогрессивную линию развития, стала капиталистическая мануфактура. С этого времени структура промышленности в чешских землях становится многоотраслевой. Ведущую роль в ней играло текстильное производство, наряду с которым была развита пищевая, стекольная, бумажная, кожевенная промышленность, а также обработка дерева и камня, металлургия и добыча полезных ископаемых. К 1841 г. на чешские земли приходилось более половины всех текстильных изделий (75% сукна и шерсти, 43% — хлопчатобумажных, 38% — льняных изделий), 78% изделий из стекла, 50% производства пива, около 25% железа и металлоизделий, производившихся в монархии [Purš, 1954]. Основная отрасль тяжелой промышленности, металлургия, развивалась медленнее. На долю чешских земель приходилась $\frac{1}{5}$ продукции железа, производившегося в империи. В 30-е годы в самостоятельную отрасль промышленности выделяется машиностроение (первые крупные заводы: Луза в Шлапанице близ Брно, Брайтфельда в Праге и др.). В 1846 г. только в Чехии имелось 18 машиностроительных заводов и 148 механических мастерских [833, с. 125]. Большинство этих предприятий принадлежало иностранцам (немцам из Германии, англичанам, французам).

Ожесточенная борьба между цеховым ремеслом и капиталистическими мануфактурами и фабриками в чешских землях шла на протяжении всей первой половины XIX в., когда со всей очевидностью проявилось превосходство фабричного производства.

В начале XIX в. в текстильном производстве началось применение паровых машин. Первая из них была установлена на сукнодельной мануфактуре Бюнша в Брно в 1814 г. С конца 30-х годов перестройка захватила транспорт, а затем металлургию, машиностроение, горнодобывающую промышленность. К середине XIX в. в чешских землях было полностью механизировано прядильное и ситценабивное производство и заложена основа тяжелой промышленности [922].

Словенские земли по уровню экономического развития шли вслед за собственно австрийскими и чешскими областями. Главной их отраслью промышленности было горное дело. В Каринтии и Верхней Крайне добывалось железо, развивалась обработка металлов (производство гвоздей в Кроче, Камне-Горице; в местечках Каринтии и в Тржиче — серпов, кос, топоров, лопат, ножей и др.; в Боровле — ружей, дроби и т. д.). В XIX в. начали развиваться новые для словенских земель промышленные отрасли — стекольная, бумажная, сахарная. На крупных стекольных заводах в Целе и Мариборе (Марбурге) было занято более 200 рабочих. Развивалось и текстильное производство, которое существовало преимущественно в виде сельских промыслов, объединенных с конца XVIII в. в систему рассеянных мануфактур. Однако в конце XVIII — первой половине XIX в.

большую часть промышленной продукции давало ремесло, развивавшееся как в городах, так и в деревне, где оно переживало в это время подлинный расцвет.

Ограничение цехового строя в габсбургской монархии во второй половине XVIII в., дополненное отменой цехов Наполеоном I в Иллирийских провинциях (эта мера была оставлена в силе австрийским правительством), ускорили процесс разложения ремесла. В металлургии, стекольном, бумажном производстве мелкие предприятия в первой половине XIX в. вытесняются капиталистическими мануфактурами. Процесс превращения мануфактур в фабрики был медленным. Лишь в середине 30-х годов XIX в. в некоторых отраслях начался промышленный переворот (хлопкопрядение, мукомольная промышленность, лесопильни и т. д.).

В сельском хозяйстве наследственных земель сохранялось господство феодальных отношений. Правда, антифеодальная борьба крестьян заставила правительство издать в 1775 г. закон о барщине. Вводился единый принцип установления размеров повинностей, в основу которого было положено материальное состояние крестьян, определявшееся по сумме уплачиваемого ими государственного налога — контрибуции. Одним из средств урегулирования барщинных отношений в чешских землях призвана была стать так называемая «раабизация», начавшаяся в том же 1775 г. и названная по имени инициатора этого эксперимента придворного советника Ф.-А. Рааба. Он видел выход в парцелляризации поместий с последующей сдачей их в постоянную аренду крестьянам. Однако Раабу лишь частично удалось осуществить свои планы.

Для помещичьих хозяйств Чехии, Моравии, Нижней Австрии и некоторых других районов западной части империи, которые в начале XIX в. стали применять прогрессивные методы хозяйствования (мелиорация, удобрения и др.), была характерна связь с рынком, порождавшая их многоотраслевую структуру. Наряду с пивоваренными и винокуренными заводами, мельницами, маслобойками, сахароварением, в поместьях находились металлургические и стекольные заводы, а кое-где до конца XVIII в. и текстильные мануфактуры.

Тяга помещиков к промышленному предпринимательству отражала нерентабельность барщинного земледелия. С начала XIX в. отдельные помещики стали применять прогрессивные методы ведения хозяйства, в том числе перевод крестьян на денежный оброк. К 1840-м годам в Моравии была частично проведена замена отработочной ренты денежной. В 1843 г. ландтаг Нижней Австрии поставил вопрос о коммутации барщины и десятины, однако правительство предоставило возможность помещикам договариваться об этом с крестьянами.

Большинство же помещиков предпочитало увеличивать барщинные и другие повинности крестьян. Их примеру следовали

зачастую и новые помещики из числа разбогатевших торговцев и промышленников, в этом отношении показателен пример семьи Цойсов в Словении.

В целом сельское хозяйство конца XVIII — первой половины XIX в. носило экстенсивный характер. В нем было занято подавляющее большинство населения. Крестьянское хозяйство находилось на низком уровне (трехполье), но и здесь в первой половине XIX в. расширились посевы льна, свеклы, конопли. Отмена в 1781 г. личной крепостной зависимости способствовала более интенсивному процессу имущественной дифференциации в деревне, который наиболее активно протекал в Верхней Австрии и чешских землях, в Штирии, Каринтии, где проживало немецкое и словенское население, и в Крайне. По мере разорения крестьян повышалось значение деревенских промыслов. В Южной Каринтии и Крайне, например, многие безземельные крестьяне становились к XIX в. рабочими рассеянных мануфактур, в то время как в деревнях интенсивно выделялась небольшая прослойка зажиточных крестьян, кроме земледелия связанных с побочными занятиями: сельские старосты, торговцы, корчмари и т. п.

Важную роль в развитии буржуазных отношений играла коммерция, значение которой повышалось по мере роста городов и развития путей сообщения. С 1831 г. началось пароходство по Дунаю, важное для внутримперской торговли. С 1832 г. осуществляется строительство железных дорог, первоначально на конной тяге. В 1841 г. правительство приняло программу создания железнодорожной сети с узловыми станциями в Вене и Праге, но к 1846 г. было построено только 148 км пути. В эти годы развиваются и внешнеторговые связи Австрийской империи. В 1833 г. в Триесте было основано общество морских перевозок и торговли «Австрийский Ллойд», которое к 1848 г. владело 26 пароходами. Все это способствовало установлению устойчивых экономических связей между разными частями империи.

Независимо от административного разделения земель чешской короны, экономические связи между Чехией, Моравией и австрийской Силезией в первой половине XIX в. все более усиливались, причем крупнейшим экономическим центром становится Прага (население города в 1794—1846 гг. возросло с 74 тыс. до 115,5 тыс. человек) [102, т. 1, с. 334]. С 1839 г. на железной дороге Прага — Брно (Брюнн) паровозы сменили конную тягу. В 1840-е годы была построена железная дорога Прага — Оломоуц (Ольмоуц). Чешские земли играли значительную роль во внутренней и внешней торговле империи. Целые отрасли промышленности большую часть продукции производили на экспорт: полотно, сукно, стекло, в том числе зеркала, хрусталь и другие изделия. Чешские земли были основным поставщиком промышленных товаров в Венгерское королевство и в Галицию.

В отличие от чешских земель, в словенских землях в рассматриваемый период единый экономический центр не сложился. Наибольшее значение имели Любляна, Клагенфурт (Целовец), на рубеже Словении — Триест (Трст), треть населения которого составляли словенцы, а вне словенских земель — Грац. Словенские районы при этом обладали различной торговой ориентацией. Словенская Каринтия была тесно связана с собственно австрийскими территориями, а Южная Штирия и Крайна — с югославянскими землями (Воеводина, Хорватия, Приморье). Это не могло не сдерживать образования единого словенского внутреннего рынка.

Вместе с тем чешские и словенские земли составляли неразрывную часть формировавшегося австрийского рынка. Как и в промышленности, решающие позиции в торговле здесь принадлежали австронемецкому капиталу. Впрочем, в мелкой, особенно розничной торговле в чешских и словенских землях значительную роль играли национальные элементы. Они составляли сильную конкуренцию австронемецкой буржуазии.

Наполеоновские войны нанесли серьезный ущерб экономике Далмации, в первую очередь судостроению и судоходству, которые ранее были важными отраслями хозяйства этой провинции. Далмация переживала хозяйственный застой. Кроме удаленности ее от экономических центров империи, такое состояние объяснялось политикой Габсбургов. В 1820-х годах вследствие правительственного запрета прекратилась традиционная караванная торговля, которая питала хозяйственную жизнь далматинских городов. Господствующей формой производственных отношений в деревне оставалась феодальная в своем существе, наследственная аренда за часть урожая (так называемый колонат). В Далмации, где главными отраслями промышленности были судостроение, виноделие, маслоделие и солеварение, и в Истрии, где наибольшее развитие получили винодельческая, лесная и шелковая отрасли, доминировал капитал итальянской и италянизированной буржуазии. Этому содействовала географическая близость к итальянским владениям Габсбургов.

Ломбардо-Венецианское королевство к середине XIX в. представляло собой наряду с Пьемонтом экономически наиболее развитую часть Италии. Но сельское хозяйство по-прежнему доминировало. Оно отличалось относительно высокой продуктивностью и значительным развитием капиталистических отношений. В конце XVIII — первой половине XIX в. капиталистический уклад возобладал в том районе Ломбардской долины (между реками Тичино, По и Аддой, к югу от Милана), где господствовала крупная земельная собственность дворян, сдававших свои владения в длительную аренду буржуа — предпринимателям [944, с. 95; 583, с. 7]. В восточных районах долины По, особенно в Венето, капиталистические фермы играли менее значительную роль. В 20—40-е годы XIX в. в сельском хозяйстве Ломбар-

дии и Венеции происходил медленный, но неуклонный подъем, связанный с совершенствованием ирригационной системы, ростом обрабатываемых площадей, улучшением агрикультуры и специализацией производства. Важнейшей отраслью сельского хозяйства северной Италии было шелководство.

Промышленность в Ломбардии была более развита, чем в других итальянских областях. Домашнее производство крестьян, ремесло и мануфактура (преимущественно рассеянная) все еще преобладали. Но на протяжении 20—40-х годов наметились новые черты: ускорялся процесс отделения промышленного производства от земледелия, возникали новые отрасли производства, умножалось число централизованных мануфактур, вводились технические новшества. Хотя и в скромных размерах начинали применяться машины и пар.

Главной отраслью промышленности в Ломбардии и Венето было производство шелка-сырца и крученого шелка, которое стимулировалось возрастающим спросом на него за границей [561, с. 16—17; 114, т. 2, с. 306]. Расширение внутреннего спроса на ткани породило в Ломбардо-Венецианском королевстве новую, быстро развивающуюся отрасль промышленности — производство хлопчатобумажной пряжи. Хлопчатобумажная промышленность Ломбардии ближе всего подошла к утверждению фабричной системы. С растущим применением в 1820—1840-х годах машин и начавшимся железнодорожным строительством связано возникновение в Ломбардии производства оборудования для текстильной промышленности и первых мелких машиностроительных предприятий.

Экономика Ломбардо-Венецианского королевства, несмотря на очевидные успехи промышленного развития, к середине XIX в. оставалась сугубо аграрной. Это находило подтверждение в структуре ее внешней торговли. Экспорт из Ломбардии и Венето состоял почти целиком из шелка, вывозившегося в виде полуфабриката (крученого шелка) или шелка-сырца. Однобокая торговая ориентация Ломбардии и Венето во многом обуславливалась политикой Австрийской империи в отношении итальянских владений. Большие доходы от торговли шелком использовались на содержание австрийских войск и полиции и на покрытие дефицита казны. Запретительные пошлины и тарифы преследовали цель сдержать развитие тех отраслей производства (например, металлургической и ткацкой), которые могли бы превратить их в конкурентов собственно австрийской промышленности. Ломбардо-Венецианское королевство выступало на европейском рынке в качестве поставщика сырья, а его экономические связи с западноевропейскими странами были несравненно более обширными, чем с итальянскими государствами.

Таким образом, несмотря на господство феодальных порядков в деревне, в экономической жизни австрийско-чешских, а также словенских и итальянских земель Габсбургов к середи-

не XIX в. произошли серьезные сдвиги. Они были связаны с процессом промышленного переворота. О темпах капиталистической индустриализации свидетельствовал, например, такой факт. Если к началу 1830-х годов в Австрии насчитывалось 11, а десять лет спустя — 218 паровых машин, то в середине столетия их число достигло 656.

Однако процесс индустриализации обладал двумя особенностями. Во-первых, он отличался крайней неравномерностью. Так, в 1841 г. Нижняя Австрия давала 16% промышленной продукции областей вне «земель венгерской короны», а остальные наследственные земли вместе взятые — 15%. Одновременно, Ломбардо-Венецианское королевство давало 27% (это связано с производством шелка), а Чехия, Моравия и Силезия — 34%, на долю же Галиции приходилось только 7,5%. Во-вторых, доминирующую роль играла текстильная промышленность. В начале 1840-х годов на ее долю приходилось свыше 43% промышленной продукции монархии.

В отличие от западного, преимущественно чешско-австрийского комплекса, экономическое развитие Венгерского королевства с Хорватией и Трансильванией, Галиции и Буковины протекало в гораздо менее благоприятных условиях.

Политика правительства, с середины XVIII в. направленная на превращение этих областей в аграрно-сырьевой придаток западных провинций, сдерживала их промышленное развитие и обуславливала аграрный характер местной экономики. А это, в свою очередь, способствуя консервации феодальных отношений, деформировало и замедляло процессы буржуазного развития.

Влияние этих факторов в полной мере ощущалось в экономической жизни земель короны св. Иштвана, где могущество феодальных сословий в почти нетронутым виде сохранялось и в первые десятилетия XIX в. Сказывались и демографические факторы, принимая во внимание, что военные события XVIII в., а также эпидемии, поразившие страну в 20—40-е годы XIX в., унесли около полумиллиона жизней. Тем не менее в рассматриваемый период обнаружился, хотя и далеко не равномерный, рост населения — с 9,3 млн. в 1787 г. до 14,5 млн. в 1846 г. (при этом в собственно Венгрии прирост составил 50%, в населенных саксами районах Трансильвании — 88%, а в Хорватии и Славонии — только 30%) [784, табл. 6]. Следствием демографического развития, тесно связанного с развитием экономическим, явилось усиление роли городов и сдвиги в структуре их населения.

В 80-х годах XVIII в. из 77 городов лишь в 14 число жителей, имевших гражданские права, превышало тысячу [778, т. 2, с. 479]. Своеобразие развития городов Венгерского королевства заключалось в том, что оно оставалось тесно связанным с сельским хозяйством: города выступали не только как центры

переработки и сбыта сельскохозяйственного сырья, но и как центры земледелия. Значительная роль в социально-экономическом развитии принадлежала и так называемым сельским городам — местечкам, находившимся под юрисдикцией феодалов. Часть местечек к 40-м годам XIX в. разными путями достигла ранга свободных городов. Число местечек и количество проживавшего в них населения в первой половине XIX в. росло (с 548 в 1787 г. до 611 в 1808 г. и 751 в 1842 г., а население с 1,4 млн. человек в 1785 г. до 1,7 млн. человек в 1841 г.). Между тем число жителей свободных городов в 1840-е годы превысило 540 тыс. человек [784]. Тенденции усиления хозяйственного значения местечек свидетельствовали об их ведущей роли в постепенном преобразовании аграрных отношений, в ослаблении экономических позиций феодального класса.

Первые мануфактуры в Венгрии появились только в конце XVIII в. Они создавались помещиками и носили крепостной характер. В целях защиты промышленности западных провинций монархии на основе мануфактур в Венгрии требовалось получить разрешение Вены. Деятельность мануфактур дополнялась сельскими промыслами, которые испытывали сильную конкуренцию со стороны городских цехов.

То, что промышленное развитие в конце XVIII — начале XIX в. оказалось монополизированным помещиками, тормозило рост мануфактур, а затем и предприятий фабрично-заводского типа, ориентируя их, к тому же, главным образом на переработку сельскохозяйственного сырья и ископаемых. В первую очередь это были мельницы, спирто-водочные и сахарные заводы, отчасти также текстильные и горнорудные предприятия. Все это сдерживало прогресс технической базы промышленности.

Вплоть до 40-х годов XIX в. буржуазным элементам был закрыт доступ в промышленную сферу. Лишь в начале этого десятилетия за лицами недворянского происхождения было признано право на основе промышленных предприятий и приобретение земельной собственности. Однако только около одной пятой части всех основанных тогда предприятий, например по переработке сахарной свеклы, находилось в руках выходцев из буржуазной среды. Примерно так же обстояло дело и в области производства чугуна и железа.

Некоторое ускорение темпов роста фабрично-заводской промышленности наблюдалось с середины 40-х годов, в результате чего к середине века количество машин в восточной половине империи достигло 85. В 1841 г. из 225 паровых машин, имевшихся в промышленности империи, на венгерскую часть приходилось лишь 7; в начале 40-х годов XIX в. из 8,2 тыс. зарегистрированных предприятий в Венгерском королевстве было 875. В 1845 г. стоимость промышленной продукции на единицу населения в Нижней Австрии (с Веной) составила 77 флоринов (форинтов), в Чехии — 27, в Галиции — 8, в Вен-

герском королевстве — 5 [Novotný, 1962; 89, т. 2, с. 54—55]. В 40-х годах начали вырисовываться контуры будущего районирования крупной промышленности. Новый район капиталистической промышленности стал складываться вокруг Пешта. За короткий срок здесь выросли мощные для своего времени мельницы, заводы сельскохозяйственного машиностроения, верфи, литейный завод, шелкоткацкая фабрика и другие предприятия. В 1780—1848 гг. население Пешта — Буды возросло с 13 до 110 тыс. человек. Пештский промышленный комплекс превратился в экономический центр Венгрии.

Старейшими промышленными областями королевства были Трансильвания, где ведущую роль играли горнорудная промышленность и металлургия, возникшие еще в средние века, и северо-запад (венгерские и преимущественно словацкие территории), где имелись сырье, энергетические ресурсы и избыток рабочей силы. Основными отраслями промышленности здесь стали металлургия, производство текстиля, изделий из стекла, фарфора, дерева, бумаги и т. п.

Не случайно в промышленности Словакии, прежде всего в текстильном производстве, рано стали появляться мануфактуры — в Банска-Бистрице (1725 г.), в Шаштине (1736 г.) и других местах. Постепенно определились районы преимущественного развития отдельных видов производства: обработки металлов и полотна в Спишко-Шаришской области, кожи и гончарных изделий в Поважской, сукноделия — в Поннтранской и Западно-Словацкой. Важнейшим экономическим центром Словакии была Пожонь (Братислава), четверть населения которой уже в 1782 г. составляли ремесленники [Spiesz, 739].

В конце XVIII в. был основан ряд новых мануфактур в кожевенном и фаянсовом производстве, а также в области металлургии. В 1811 г. возникло Римамуранское железоделательное акционерное общество. Почти все мануфактуры принадлежали помещикам, казне и инациональным предпринимателям. К тому же вследствие неблагоприятной экономической политики правительства большая часть централизованных мануфактур к концу XVIII в. прекратила свое существование. В итоге мануфактуры не смогли стать здесь базой для развития фабричного производства. Основную массу промышленных товаров на протяжении первой половины XIX в. в Словакии давало цеховое ремесло и сельские промыслы. Прядильные машины, появившиеся в Словакии еще в 1780-х годах, не озаменовали поэтому начала промышленного переворота. Этот процесс начался в Словакии лишь в 40-е годы XIX в. и протекал не в текстильном производстве, к тому времени находившемся в упадке, а в мельничном деле и сахароварении.

Закарпатье, примыкавшее к восточной, более отсталой части Словакии, было близко к ней и в отношении уровня экономики. Большие природные богатства (соль, руда, лес) практи-

чески еще не разрабатывались. В городах преобладало цеховое ремесло. Большинство городов имело аграрный характер [128].

Одной из наименее развитых в промышленном отношении частей королевства были южные районы — Воеводина и Тимишский Банат. Здесь на протяжении всей первой половины XIX в. господствовало ремесленное производство. До 1840-х годов мануфактуры насчитывались единицами. Это были железные и медные рудники в Банате, разработки селитры в Бачке и Среме. К середине XIX в. в Нови-Саде (Нёйзац, Уйвидек) возникли винокуренное, табачное и шелкопрядильное предприятия. Все они принадлежали помещикам и австронемецким предпринимателям. В Тимишском Банате, в основном населенном влахами, промышленность концентрировалась в Тимишоаре — кирпичные заводы, пороховая и текстильная мануфактуры.

Хорватия и Славония, входившие как автономное королевство в состав земель короны св. Иштвана, т. е. Венгерского королевства, в первой половине XIX в. представляли собой аграрные области с низким уровнем развития промышленности. В 1839 г. в более значительных городах здесь проживало 45,8 тыс. человек (5,6% населения). Простая кооперация и мануфактура получили наибольший удельный вес в лесной, поташной, деревообрабатывающей промышленности, начавшей интенсивно расти со второй четверти XIX в., в мукомольной, пищевой и других отраслях, занятых переработкой сырья и производством полуфабрикатов. В 30-х годах XIX в. появились небольшие фабрики. Первая паровая машина в хорватских землях была установлена в Риеке на бумажной фабрике (1835 г.). Промышленное предпринимательство в Хорватии и Славонии осуществлялось в немалой степени австронемецким и иностранным капиталом [406].

Сельское хозяйство, основанное на феодально-барщинной эксплуатации крестьян, оставалось основой экономики Венгерского королевства. В середине 1840-х годов по сравнению с последними десятилетиями XVIII в. произошло повышение урожайности зерновых (примерно на 50% на душу населения) [874, т. 1, с. 388—389]. Оно было достигнуто в основном за счет освоения новых площадей при помощи ирригации и осушения болотистых земель (в частности, в Воеводине), выкорчевывания лесов, сокращения площади пастбищ и лугов, а также благодаря специализации производства. Значительно увеличилось производство сравнительно новых для Венгерского королевства культур — картофеля (особенно в Закарпатье), риса, индиго и табака (в южных районах), а также продукции садоводства, овощеводства и виноградарства. Продолжался рост животноводства (Альфелд).

В силу неразвитости капиталистических отношений и отсутствия денежных ресурсов помещики продолжали наделять земель крестьян, чтобы обеспечить свои хозяйства дешевой рабочей

силой. По весьма преувеличенным данным, с 1780 по 1828 г. количество наделов зависимых крестьян увеличилось почти вдвое [Makkai, 1968; 392^a, с. 121]. Другие источники выявляют неуклонное уменьшение с последней четверти XVIII в. до середины XIX в. количества находившихся в крестьянском пользовании земель (с 79% всех угодий до 37%) и постоянное увеличение размеров помещичьей запашки (с 21% в 1768 г. до 63% в 1848 г.) [Шульга, 1964]. Важное значение имело положение закона, принятого государственным собранием в 1836 г., о разделе пастбищ. Его разрешалось проводить в том случае, если того желал помещик или же большинство наделных крестьян [473]. Крестьянам подобное разделение пастбищ было выгодно тем, что оно являлось шагом на пути создания свободной буржуазной собственности. Помещикам же потому, что производилось в соответствии с количеством скота. Пользуясь этим положением, они присваивали большую часть пастбищ. Кроме того, помещики приобрели право пользования общинными пастбищами в тех местах, где прежде его не имели. Все же до 1848 г. более двух третей пастбищ находилось в общинном пользовании. Длительное время в сельском хозяйстве Венгерского королевства господствовал двухпольный севооборот. К середине XIX в. почти на всей территории страны он уступил трехполью, которое практиковалось примерно на 66% пахотных земель. В Трансильвании продолжало удерживаться двухполье.

Несмотря на более замедленные темпы экономического развития земель Венгерского королевства, здесь к 1840-м годам наметились некоторые сдвиги. Подъему хозяйственной жизни во многом способствовало усиление экономических связей как между отдельными районами королевства, так и с Австрией, улучшение условий транспортировки продукции, создание кредитно-денежных учреждений. Важную роль при этом сыграло наличие австрийского рынка и формирование внутреннего венгерского рынка.

Военная конъюнктура последнего десятилетия XVIII в. и первого десятилетия XIX в., а затем вступление соседних австрийских земель в стадию промышленного переворота обеспечили венгерскому хозяйству устойчивый рынок сбыта сельскохозяйственных товаров и некоторых видов промышленной продукции, в которых нуждалась промышленность западных провинций, особенно железа и чугуна. Если до конца XVIII в. Венгрия вывозила сюда главным образом вино, то к середине XIX в. она стала постоянным экспортером зерна, причем в увеличивавшемся количестве. Ускорившийся переход крестьян к товарному производству, побуждавший все чаще приобретать необходимые изделия, одежду и прочее, решающим образом стимулировал оформление внутреннего рынка.

Процесс этот имел особенности, вызванные многонациональным составом Венгерского королевства. Национальные районы

играли важную роль в развитии экономики. Так, словацкие земли вывозили в западные провинции сельскохозяйственную продукцию (хлеб, вино, табак), сырье (шерсть, лен, конопля), полуфабрикаты (железо). Воеводина, ставшая в первой половине XIX в. житницей страны, экспортировала пшеницу и кукурузу. Ее торговый центр Земун превратился в крупнейшего посредника во внешней торговле империи с балканскими странами, прежде всего — с Сербией. В хозяйственной жизни Хорватии и Славонии большую роль играла транзитная торговля. Однако развитие связей Словакии, Воеводины, Закарпатья происходило в рамках общевенгерского рынка. Наметились некоторые сдвиги в развитии хозяйственных взаимосвязей между хорватскими землями. Впрочем, Далмация и Истрия сохранили хозяйственную обособленность. Административное и таможенное разобщение этнических территорий, население которых, исключая словаков, лишь частью проживало в пределах Венгерского королевства (сербы, украинцы, хорваты, вlahи), препятствовало складыванию национальных рынков, тормозило консолидацию сформировавшихся наций.

Развитие внутренних экономических связей способствовало накоплению денежных средств. Частично они вкладывались в промышленность. В накоплении торгового капитала ведущую роль играли районы, близкие к австрийскому рынку и связанные с ним удобными путями сообщения — северо-западный, задунайский и в особенности центральный (Пешт—Буда). Последний аккумулировал четверть доходов, образовавшихся в сфере товарооборота.

Благоприятные условия для развития кредитно-денежных учреждений создал закон государственного собрания 1840 г., обеспечивший безопасность кредита. Тогда же был учрежден ряд сберегательных касс (первая еще в 1833 г.). В них вкладывались средства торговцев, помещиков и предпринимателей. В 1836 г. была учреждена Всеобщая сберегательная касса в Брашове (Брашшо, Кронштадте; Трансильвания), а спустя три года — Первая Пештская сберегательная касса, в числе учредителей которой были 221 помещик и чиновник и 149 торговцев. В 1840 г. возник Первый венгерский коммерческий банк, в котором ведущую роль играл торговый капитал (542, т. I, с. 108). В 1846 г. в Хорватии, в Загребе (Аграме) на акционерных началах открылась Первая хорватская сберегательная касса с капиталом в 40 тыс. форинтов. Накануне революции в Венгрии было уже 36 кредитных учреждений.

Большое значение для развития торговли в Венгерском королевстве имело регулирование в 1840-х годах стока Дуная, Тисы и других рек. В 1838 г. по Саве прошел первый пароход. Образованное в середине 40-х годов Австрийское пароходное общество эксплуатировало 32 парохода. Тогда же началось строительство железных дорог (первый участок проложен в

1846 г.) — между Братиславой и Трнавой (на конной тяге), затем линии Пешт—Вац, Пешт — Сольнок.

Соседние с Венгерским королевством Галиция и Буковина развивались во многом в сходных направлениях. Хозяйственное положение Галиции в конце XVIII — первой половине XIX в. определялось как предшествующим состоянием ее экономики в составе Речи Посполитой, так и политикой австрийских властей, заинтересованных в том, чтобы сохранить Галицию в качестве аграрного района.

Западная и Восточная Галиция представляли собой аграрный край, 90% населения которого было занято в сельском хозяйстве. По данным 1841 г., на Галицию с Буковиной приходилось лишь 3,4% промышленных предприятий австрийской части империи, тогда как здесь жило 28,7% населения [1058]. Почти половина промышленных предприятий занималась добычей и первичной переработкой сырья (соль, железо, поташ, спирт-сырец и т. п.). Текстильных, кожевенных, металлообрабатывающих предприятий было мало. Цеховое ремесло в городах в конце XVIII в. переживало упадок, обусловленный отсутствием достаточного рынка сбыта. Во второй половине XVIII в. в Галиции появились мануфактуры. Большая часть их находилась в руках помещиков и была основана преимущественно на труде крепостных крестьян. Вследствие низких издержек производства вначале они успешно конкурировали с городским ремеслом и с иностранной фабричной продукцией. Но к середине XIX в. большинство крепостных мануфактур прекратило существование.

С конца XVIII в. развиваются также мануфактуры, принадлежащие буржуазии (табачные, кожевенные, пороховые). Большая часть их была расположена в Восточной Галиции, в районе Львова (около 50 предприятий, из них 34 во Львове).

Существенным фактором развития производства в Галиции были старинные деревенские промыслы: производство полотна, сукна, гончарных и столярных изделий, обработка камня (жерна и др.), кузнечный промысел. На рубеже XVIII—XIX в. на границе Цешинской Силезии и Западной Галиции складывается важный центр сукноделия. Уже в конце XVIII — начале XIX в. большая часть продукции деревенских промыслов скупалась купцами. Процесс перерастания мануфактур в фабрики развивался чрезвычайно медленно. Первый паровой двигатель мощностью в 16 л. с. был установлен лишь в конце 30-х годов на мельнице в Пшемысле (Перемышле). В 40-е годы еще два двигателя появились на Тосмачевском сахарном заводе. До 1847 г. в промышленном производстве Галиции применялось не более пяти паровых двигателей [1058].

Промышленное развитие Буковины было направлено на разработку природно-сырьевых ресурсов. В 1841 г. здесь насчитывалось 26 мануфактур, в городах преобладало цеховое ремесло.

На протяжении первой половины XIX в. сельское хозяйство Галиции, как Западной, так и Восточной, продолжало оставаться основой экономики. Ведущую роль играло экстенсивное зерновое земледелие. Восточная Галиция стала важным поставщиком скота на рынки западных земель империи.

Для всей Галиции, за исключением горных деревень, было типичным фольварочное помещичье хозяйство, основанное на барщинном труде. Значительная часть помещиков сдавала имения в аренду. Галицийская деревня поражала современных наблюдателей нищетой и малоземельем крестьян. К середине XIX в. 44% всех крестьянских хозяйств имели наделы менее 5 моргов (менее 3 га). В то же время появилась группа зажиточных крестьян — кметей, а также загородников, богатевших за счет аренды панских мельниц, корчем или выполнения административных функций в поместьях.

Высокий уровень барщины вел крестьянские хозяйства к деградации и побуждал крестьян к активной борьбе против помещичьего гнета. Под воздействием крестьянского движения в начале 40-х годов XIX в. в среде части галицийских помещиков возникли проекты аграрных реформ, и сословный сейм приступил к обсуждению вопроса о замене барщины денежным чиншем (оброком). Но дискуссии в сейме не дали результатов. Решающую роль в судьбе барщины в Галиции сыграло восстание 1846 г., охватившее как Западную, так частично и Восточную Галицию. Подавив восстание, власти вынуждены были пойти на уступки крестьянству. В 1846—1847 гг. были отменены некоторые повинности крестьян (подводная, принудительный наем), сокращена барщина на 27%, несколько расширены права крестьян на их земельные наделы. Эти незначительные уступки не удовлетворили крестьян, и их волнения продолжались вплоть до революции 1848 г.

Экономика помещичьего хозяйства носила рутинный характер. В начале XIX в. лишь небольшая прослойка дворян интересовалась новой агротехникой, вводила травопольный севооборот, применяла удобрения. В этих хозяйствах появились и первые машины: сеялки, жатки, молотилки. В конце XVIII в. развивалось винокурение, охватившее к середине XIX в. 80% галицийских деревень. Стремясь найти выход из кризиса, многие помещики расширяли хозяйства за счет крестьянских земель. Только в Восточной Галиции с 1787 по 1842 г. они захватили 6,7% наделов.

Как и в Галиции, барщина и иные повинности лежали в основе феодальной эксплуатации крестьян Буковины.

Почти вся торговля в Галиции находилась в руках инационального капитала. Центрами ее были многочисленные ярмарки и базары, в том числе специализировавшиеся на продаже отдельных видов продукции. В 40-е годы возникли первые кредитные учреждения — помещичье кредитное общество (1841 г.)

и сберегательная касса (1844 г.). В эти годы галицийские помещики предпринимали меры, чтобы проникнуть на европейские рынки. Они высказывались за улучшение путей сообщения, организацию пароходства на Днестре, очистку русла Вислы и ее притоков, создание акционерного общества для постройки в Галиции железной дороги.

На собственно австрийский, чешский и венгерский рынки поступал галицийский скот, зерно, шерсть, водка, грубое полотно. Наличие таможенной границы с Российской империей (Королевством Польским и Приднепровской Украиной) хотя и затруднило, не смогло полностью прервать исторически сложившиеся торговые связи Галиции с этими областями. Сельскохозяйственные продукты и сырье из Галиции экспортировались и на европейские рынки: в Англию и Германию — зерно, шерсть, поташ, во Францию и Германию — водка, в Россию — соль и т. д. В связи с общим экономическим кризисом к середине XIX в. экспорт этих товаров сократился. В то же время слабое промышленное развитие Галиции тормозилось потоком изделий из австрийско-чешского экономического района. По мере улучшения в 30—40-е годы XIX в. путей сообщения фабричная промышленность западных областей монархии все более овладевала галицийским рынком.

Особую область в восточной части монархии по военно-ленному устройству и системе управления представляла Военная граница. Здесь безраздельно господствовала австрийская военщина, добивавшаяся полной милитаризации хозяйственной и общественной жизни. Проживавшее здесь мужское население от 16 до 60 лет было обязано нести военную службу, а в мирное время само себя содержать.

Основной экономики Военной границы были граничарские задружные хозяйства. Поскольку задруги (большие семьи, в которых сохранялась общая собственность всех членов) кормили и одевали солдат, а также содержали престарелых и инвалидов, власти препятствовали их распаду. Обязанности и права граничар определялись законом 1807 г. Граничары являлись наследственными держателями участков земли на условии несения военной службы. Они выполняли также общественные повинности и платили налоги. При всей задавленности граничар тяготами и поборами производственная основа их хозяйств была более обеспеченной, нежели крестьянских в «гражданской» Хорватии и Славонии. В ряде районов Военной границы интенсивно развивались товарно-денежные отношения [679, с. 10].

Основные тенденции экономического развития Австрийской империи в целом и отдельных ее земель в рассматриваемый период отчетливо отразили нарастание кризиса феодализма и формирование буржуазных отношений. При этом развитие капиталистических форм хозяйства обладало рядом особенностей.

Во-первых, оно происходило не столько на базе ликвидации местных цеховых ремесел, хотя этот процесс и имел место, сколько путем создания параллельно с ними мануфактур, а затем фабрик и заводов. Во-вторых, экономика империи сохраняла преимущественно аграрный характер и сельское хозяйство преобладало над промышленностью даже в австрийско-чешском территориальном комплексе. В-третьих, сохранение цехов и феодальных отношений в сельском хозяйстве вплоть до революции 1848—1849 гг. тормозило развитие производительных сил. Генезис капитализма охватил преимущественно сферу промышленности, лишь незначительно проникая в сельское хозяйство. Такое положение вело к тому, что капиталистическая промышленность принадлежала в основном австронемецкому и иностранному капиталу, а в промышленном предпринимательстве была значительная доля участия помещиков — последнее тормозило техническое перевооружение ряда отраслей производства. Наконец, развитие отдельных частей империи отличалось крайней неравномерностью.

Промышленная гегемония чешских земель и Нижней Австрии с Веной, вследствие поощрительной политики правительства, начиная со времени Марии-Терезии, сдерживала рост крупной индустрии как в остальных наследственных землях, так и в восточной половине империи, превращая их в рынок сбыта промышленных изделий, а в значительной степени и обрекая на роль аграрно-сырьевого придатка экономически более развитых районов.

Отмеченная неравномерность развития отражалась на темпах капиталистической индустриализации отдельных районов и на складывании рыночных связей между ними. Так, начало промышленного переворота в чешских и собственно австрийских землях приходится на конец XVIII — начало XIX в., в Ломбардо-Венецианском королевстве на 1820-е годы, в словенских землях на 1830-е годы, в Венгерском королевстве на 1840-е годы и т. д. Индустриализация не только не выравнивала исторически сложившихся различий между отдельными районами, но и обостряла их. Восточная часть монархии на целую стадию промышленно-технического развития отставала от австрийско-чешских областей. Когда на западе в 1840-е годы полным ходом шла замена мануфактур фабрично-заводским производством, в Венгерском королевстве, не говоря уже о Галиции и Буковине, ведущее положение продолжало занимать цеховое ремесло, хотя и находившееся в состоянии разложения. Эти различия отразились и на особенностях складывания внутреннего рынка, имевших социально-экономические последствия.

Одним из результатов хозяйственной политики венского правительства по отношению к различным частям монархии явилось то, что в рассматриваемый период единый общеимперский рынок еще не сложился, хотя развитие и шло в направлении к

этому. Пока же он состоял как бы из двух, связанных определенным образом между собой внутренних рынков: один охватывал преимущественно западные области, другой — восточные. В обстановке многонациональной «лоскутной» империи интеграционные процессы сочетались с тенденцией к формированию местных национальных рынков.

Наиболее полно в конце XVIII — первой половине XIX в. экономическое сплочение национальной территории прослеживается на примере чешских земель. Вместе с ростом городов и выделением районов в основном сельскохозяйственной или промышленной специализации, это стало базой возникновения чешского внутреннего рынка. Характерно, что требование политического объединения Чехии, Моравии и австрийской Силезии, отражавшее их экономическое сплочение, стало одним из важнейших лозунгов чешского национального движения в 1848 г. Однако у других народов формирование национальных рынков к середине XIX в. только начиналось.

Итак, неравномерность развития отдельных частей империи привела к возникновению в первой половине XIX в. двух основных экономических регионов: промышленно развитой западной части (австрийские немецкоязычные, чешские и в меньшей степени словенские земли, к которым экономически и географически примыкало Ломбардо-Венецианское королевство) и аграрной восточной части (Венгерское королевство, Галиция и Буковина).

Следовательно, процессы экономического развития и внутриимперской интеграции земель Габсбургов были отмечены крайней противоречивостью и незавершенностью. Это нашло отражение и в их социальных структурах и в особенностях общественно-политической мысли и программ национально-освободительных движений угнетенных народов.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ФОРМИРУЮЩИХСЯ НАЦИЙ

Политическое и экономическое положение Австрийской империи в эпоху позднего феодализма и характер хозяйственного развития отдельных ее частей во многом обусловили направленность процессов эволюции классовой структуры и особенности формирования социальной основы освободительных движений угнетенных Габсбургами народов. Прежде всего эти факторы предопределили относительную слабость национальной буржуазии, преимущественно инонациональный состав промышленной буржуазии, в большинстве случаев — замедленные темпы формирования пролетариата, длительное сохранение промежуточных городских слоев, связанных с мелким производством, сохранение огромного влияния как в экономике, так и в политической жизни крупных землевладельцев, отстававших феодальные порядки. Это были социальные структуры, присущие эпохе перехода от феодализма к капитализму. И как всякое явление переходного характера они отличались неустойчивостью и противоречивостью.

Здесь необходимо отметить следующее. При капитализме классы непосредственно выражают экономическую структуру общества, тогда как при феодальном строе существовали классы-сословия, прослойки-сословия, представители которых различались более или менее строго установленными правами и обязанностями, т. е. их принадлежность к данному классу или слою общества была закреплена юридически. Эти сословия лишь в основном (но не полностью) совпадали с соответствующими классами. Так, не всякий дворянин по сословию являлся феодалом в собственном смысле слова (землевладельцем и эксплуататором крестьян) и т. п. Но дворянское сословие в целом обладало правами, которых другие сословия были лишены. В эпоху позднего феодализма и формирования буржуазного уклада происходил сложный процесс фактического распада старых сословий, феодальной социальной структуры. Продукты ее разложения служили строительным материалом для формирования классов буржуазного общества. В дальнейшем изложении в первую очередь мы остановимся на сословиях (классах и прослойках) феодального общества, а затем на формирующихся классах и слоях общества буржуазного.

Структура общества в Австрийской империи юридически сохраняла сословный характер вплоть до революции 1848—1849 гг. Об этом, в частности, свидетельствовала регламентация прав-привилегий сословий — светских и духовных феодалов (в пре-

делах каждой из этих групп существовали градации), крестьянства и горожан. Об удельном весе каждого из классов-сословий в рамках австрийской феодальной системы можно судить по нормам представительства в земских учреждениях — в государственных собраниях Венгрии и Трансильвании, в хорватском саборе, в чешском или галицийском сеймах и т. д. Преобладающее место в них принадлежало церковной иерархии, а также магнатам и другим группам дворянства. Крестьяне в подобных органах вообще представительства не имели. Что касается горожан, то в их положении особенно ярко отразились противоречия переходной эпохи. В государственно-правовом отношении города во многом сохранили средневековый статус. Так, в «наследственных» землях и в Венгерском королевстве они делились на «свободные» королевские и местечки (сельские). Первые пользовались самоуправлением и подчинялись короне, вторые фактически либо формально принадлежали феодалам. Города сами могли выступать в качестве феодалов, поскольку им принадлежали деревни с феодально-зависимым населением. В чешских землях после 1620 г. почти все города лишились прав сословного представительства на сеймах. В чешском сейме, например, было представлено всего четыре города, причем все вместе они имели один голос. В Венгерском королевстве на сессии государственного собрания приглашались представители только королевских городов, да и то каждый раз по специальному указу. Ярко выраженный сословный характер имели и органы местного управления — комитаты, возникшие в Венгерском королевстве в XIII в. и удержавшиеся в таком виде до 1848 г. В них решающее слово принадлежало магнатам и высшему духовенству, хотя в первой половине XIX в. руководящая роль в ряде комитатов переходила к среднему дворянству.

Сословная структура общества все более приходила в противоречие с процессами социально-экономического развития. Приблизительно с конца XVII — начала XVIII в. она стала подтачиваться буржуазными отношениями. Вытекавшие отсюда социальные последствия, разумеется, не могли быть предусмотрены сословной системой и соответствующим ей законодательством. Симптоматично, что до середины XVIII в. учреждение новых мануфактур в Австрийской монархии регулировалось не общими правилами, а однократно выдававшимися центральной властью привилегиями, т. е. носило характер феодальных привилегий. В Венгрии специальные подтверждения из Вены были обязательными для основания мануфактур вплоть до конца XVIII в. О вынужденном компромиссе свидетельствовало и антицеховое законодательство, которое, облегчая положение сельских и отхожих промыслов, не покушалось на существование цехов. При всех ограничениях эти средневековые корпорации удержались до 1848 г.

Но именно потому, что новые социальные структуры не получали соответствующего правового оформления, складывание буржуазных слоев, предпролетариата или буржуазной интеллигенции до определенного времени происходило в недрах старых сословных рамок — либо приспособляясь к ним, либо как-то их трансформируя. По мере развития капитализма отмеченное противоречие нарастало. Оно подготавливало те социальные и адекватные им правовые перемены, которые были законодательно закреплены в эпоху буржуазных революций.

Этот процесс и по содержанию и по времени обладал в отдельных землях определенной спецификой, которая отражалась на особенностях формировавшихся освободительных движений.

1. Дворянство

Дворянство безраздельно господствовало в Австрийской империи, составляя социальную базу феодально-абсолютистского режима. Однако многонациональный, угнетательский характер габсбургского государства не мог не сказываться на различиях в положении дворянства разных земель и вытекавшем отсюда отношении его как к центральной власти, так и к общественно-культурному развитию и освободительному движению народов.

В «наследственных» землях, включая земли чешской короны, дворянство в основном носило австро-немецкий характер. Это обстоятельство подчеркивалось, например, тем, что многие магнатские семьи — Кауницы, Коловраты, Ауэрсперги, Турны и другие владели поместьями не только в Чехии и Моравии, но и в Нижней и Верхней Австрии, Штирии и иных землях, выступая в таком случае как «чешские», «моравские», «австрийские» или «штирийские» и т. п. помещики. Этнические аспекты при этом играли минимальную роль: «чешским» помещиком по местонахождению своих владений был канцлер Меттерних.

В чешских землях после Тридцатилетней войны дворянство в основном было германизировано. Большой удельный вес среди крупного дворянства в XVIII — первой половине XIX в. принадлежал феодальным семьям, предки которых прибыли в XVII в. из-за рубежа. В середине XVIII в. число таких семей значительно превышало количество местных знатных родов: 95 против 58 в Чехии и 70 против 48 в Моравии [892, с. 217—227]. Впрочем, и старые дворянские роды за малыми исключениями утратили национальный характер. Многие их представители достигали высокого положения не только в земской администрации, но и в Вене.

В эволюции дворянства чешских земель надо указать на следующее. Во-первых, его малочисленность: около 300 семей в середине XVIII в. в Чехии, где тогда проживало примерно 2,2 млн. населения, во-вторых, процесс его расслоения и поляризации. Вплоть до 1848 г. в сеймах дворянское представительство

ство делилось на две группы — панов и рыцарей. Но численность рыцарского сословия, включавшего в свой состав мелкую шляхту, неуклонно уменьшалась. Наоборот, по мере укрепления позиций крупного дворянства (панов), втягивавшегося в товарно-денежные отношения, оно начинает преобладать в структуре дворянства. Но если экономически бессильное мелкопоместное дворянство и утрачивало свои позиции, то в правовом отношении его привилегии сохранялись. Многие представители мелкого дворянства играли роль в общественно-культурной жизни чешских земель. Однако, цепляясь за свои привилегии, мелкое дворянство нередко занимало более консервативные позиции по сравнению с крупными феодалами (например, в вопросе об отмене личной крепостной зависимости крестьян). Среднее дворянство по существу исчезло. Это составляло особенность дворянства чешских земель, во многом объясняющую его позицию по отношению к национально-освободительному движению.

К середине XIX в. в дворянстве чешских земель, в составе которого, как указано, доминировали паны, определились две группировки: консервативная и либеральная. Сторонники первой упорно настаивали на сохранении своих привилегий, выступали против отмены барщины. К либералам принадлежали главным образом круги, втянутые в буржуазное предпринимательство. Они были против крайностей феодальной системы и соглашались идти на уступки в вопросе уничтожения барщины, но только при условии выкупа. Дворянство за редкими исключениями не ощущало себя национально чешским сословием. В зависимости от нахождения поместий, оно именовалось «богемским», «моравским» или «силезским». И если отдельные его представители объявляли себя «чешскими патриотами», то воспринимали патриотизм как земское, а не как национальное понятие. Подобный патриотизм был связан с защитой ими сословных интересов. Он являлся реакцией на централистскую политику правительства, которая ущемляла некоторые привилегии дворянства.

Конечно, фрондерские настроения этого немецкоязычного или даже двуязычного дворянства чешских земель могли при определенных условиях объективно смыкаться с интересами чешского национального движения. Это находило отражение в поддержке земским сеймом некоторых национально-патриотических акций путем выделения средств, создания учреждений типа Чешского музея и т. п., а также выражалось в индивидуальном меценатстве. И хотя подобные факты нельзя игнорировать, земский патриотизм дворянства и национально-патриотическая деятельность были явлениями различными.

Во многом сходная ситуация существовала и в землях, населенных словенцами, где дворянство было также инонациональным, в основном австронемецким и отчасти итальянским (последнее относилось и к Далмации). Но в отличие от чеш-

ских земель с достаточно устойчивыми и замкнутыми наследственными дворянскими родами, здесь в конце XVIII — первой половине XIX в. ряд помещичьих семей разорился. Поместья их перешли в руки торговцев и откупщиков недворянского происхождения. Так, накануне 1848 г. из 176 помещиков в Цельском округе около 50 не имели дворянского звания. В то же время некоторые из старых дворянских семей — Ауэрсперги, Турны, Ламберги, владевшие поместьями и в чешских землях, приспособивались к развитию капиталистических отношений. Они открывали промышленные предприятия, занимались торговлей. Среди помещиков — выходцев из богатых буржуа, было известное число лиц словенского происхождения, получивших дворянское звание. Большинство из них перенимало язык и обычаи австронемецкого и итальянского дворянства. Они считали для себя зазорным называться словенцами. Только немногие из них сочувственно относились к словенскому национальному движению. Примером здесь может служить семья баронов Цойсов, ставшая к концу XVIII в. наиболее богатой в Крайне. Начиная с первого словенского мецената Сигизмунда (Жиги) Цойса, они считали своим долгом покровительствовать словенским культурным учреждениям.

В соседнем Ломбардо-Венецианском королевстве в первой половине XIX в. дворянство занимало ключевые позиции в экономике. Даже в области Венето, уступавшей Ломбардии по уровню концентрации земельной собственности, дворянству принадлежало от $\frac{1}{3}$ до половины обрабатываемой земли [400, с. 162—163], причем в провинциях Падуя, Полезине, Тревизо и Верона от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ владений были размером свыше 100 га. В результате реформ Марии-Терезии и Иосифа II и особенно антифеодальных преобразований республиканских и наполеоновских властей в конце XVIII — начале XIX в. феодальные привилегии дворянства (экономические и юридические) были в основном упразднены, и дворяне владели землей на правах буржуазной собственности.

Верхушка дворянства, состоявшая из аристократических семей Милана и Венеции, в основном оставалась верна традиционно городскому образу жизни. Ее связь с фамильными владениями (достигавшими порой 50 и более га) сводилась к получению арендной платы от капиталистических арендаторов или ренты от управляющих. С ликвидацией феодалов, майоратов и фидейкомиссов усилилась эрозия дворянского землевладения (особенно в венецианских провинциях) в результате скупки земли буржуазией. Но наряду с оскудением части патрицианских семей, некоторые группы дворян (особенно ломбардских) приспособились к утверждавшимся капиталистическим отношениям. Эти дворяне применяли более совершенные методы обработки почвы, разводили молочный скот, строили сыроварни и шелкопрядильни. Такие хозяйства втягивались в связь с

рынком. Дворяне, превращавшие свои имения в капиталистические предприятия, по свидетельству современников, становились «агрономами, мануфактуристами, коммерсантами... и увеличивали свои доходы благодаря отречению от аристократических предубеждений» [583, с. 56]. Яркими представителями обуржуазившейся ломбардской аристократии были графы Ф. Конфалоньери и Порро-Ламбертенги. Не ограничиваясь хозяйственной деятельностью в имениях, они путешествовали по Франции и Англии, знакомясь там с «прогрессом века», добились устройства в Милане газового освещения и введения пароводного сообщения по р. По, были инициаторами создания школ по ланкастерскому методу обучения. Среди этой группы дворянства получили распространение либеральные и патриотические идеи, которые к началу 20-х годов XIX в. привели Конфалоньери и его единомышленников на путь борьбы с Австрией с целью освобождения Ломбардии.

В восточной части Австрийской империи дворянство отличалось не только большей численностью, но и более неоднородной социальной, политической и этнической структурой.

Сказанное в первую очередь относится к Венгерскому королевству и Трансильвании.

Согласно данным 1786—1787 гг., в Венгерском королевстве насчитывалось 330 тыс., а в Трансильвании — 66 тыс. дворян. К 1848 г. количество дворян составило в Венгерском королевстве, включая Хорватию и Славонию, примерно 468 тыс. человек, или 3,8% населения, а в Трансильвании — 92 тыс. человек, или 3,4% населения княжества [778, т. 5, с. 12]. Неравномерным было территориальное размещение дворянства. В силу исторически сложившихся условий (опустошений, вызванных османским игмом и антитурецкими войнами, а также характером миграционных процессов XVIII в.) наибольшей плотностью отличалось дворянское население на окраинах королевства; примерно половина дворян накануне революции была сосредоточена в 11 комитатах, четвертая часть в комитатах Боршод, Хевеш, Пожонь, Сатмар и четвертая часть в комитатах Марамарош, Саболч, Веспрем, Ваш, Зала и Загребской жупании Хорватии. Отчасти это были территории, где большинство населения составляли словаки. В каждом из названных комитатов проживало не менее 20—30 тыс. дворян. В Трансильвании и в экономической и в общественно-политической сфере дворянство, мадьярское по преимуществу, играло менее значительную роль, чем в королевстве.

Основой могущества дворянства, в первую очередь аристократии, была монополия на земельную собственность. Однако в имущественном отношении дворянство не было однородным. Эстергази, Каройи, Палффи, Фештетич, Эрдеди, Шенборн и другие магнаты были владельцами не только огромных поместий, лесов и лугов, но и — в совокупности — нескольких мил-

лионов крепостных крестьян. В Трансильвании пять магнатских семей (Бетлен, Эстерхази, Телеки, Банффи, Кемень) владели свыше 300 тыс. хольдов земли [1022, с. 172—173].

Несколько десятков родов — 3 княжеских, 80 графских и 95 баронских в Венгерском королевстве, 11 графских и 20 баронских — в Трансильвании составляли вершину феодальной иерархии. Остальная часть дворянства состояла из средних и мелких помещиков, владения которых порой не превышали размеров полного крестьянского надела. Многочисленным был слой обедневших или безземельных дворян — «boskoros» («лапотных»). Имущественная дифференциация среди дворянства ускорила в первой половине XIX в. Обедневшие слои постепенно лишались освященных традициями и сословной конституцией привилегий. Так, согласно закону 1836 г. дворянин, сидевший на крепостном наделе, был обязан выполнять все повинности наряду с крестьянами.

Но в целом дворянство в Венгерском королевстве и в Трансильвании сохранило свои права-привилегии вплоть до революции, в том числе — свободу от налогообложения и несения воинской службы, неприкосновенность личности, монополию на занятие высших должностей, избирательное право. Последнее, впрочем, корректировалось на практике имущественным цензом: здесь связь между экономическим положением дворянства и его политическими правами ощущалась наиболее полно.

Символом политической автономии Венгерского королевства считались государственное собрание во главе с палатином, как совещательный орган при короле, и комитатские собрания, как органы местного самоуправления. В XVIII в. решающее слово в них принадлежало аристократии, а в первые десятилетия XIX в. инициатива переходила в руки среднего дворянства. Дворяне-однодворцы обладали правом голоса только в комитатских собраниях, на которых избирали делегатов в государственное собрание. В связи с этим заинтересованные группы крупного и среднего дворянства стремились привлечь на свою сторону во время выборов дворян-однодворцев, обеспечивая их на время проведения комитатских собраний едой, транспортом и деньгами. Наличие сословного представительства и усиление в нем роли среднего дворянства имело существенное значение для венгерского освободительного движения и оказало влияние на его взаимосвязи с движениями других народов земель св. Иштвана.

Преобладающая часть дворянства Венгерского королевства (кроме Хорватии и Славонии) была по происхождению мадьярской или мадьяризованной. Мадьяры, а отчасти и немцы, составляли и преобладающую часть господствующего класса в Трансильвании и играли ведущую роль в местном государственном собрании. Что касается влашского дворянства, то в его руках находилась лишь администрация полка влашских грани-

чар в Насоде. Влашское дворянство было относительно мало-численным: если общее число дворян Трансильвании в середине XVIII в. доходило до 6,7% населения, то оно составляло менее 2% [89, т. 1, с. 418—419]. Лишь отдельные дворянские семьи румынского происхождения, растворившиеся в венгерской аристократии края (Иошика, Майлат, Нопча и другие), сумели достичь высших ступеней феодальной иерархии. В составе влашского дворянства преобладало мелкое, сохранившее этническое самосознание. Не ассимилировались и фэгэрашские бояре. Но ни те, ни другие сколько-нибудь существенной роли в национальном движении не играли.

Наиболее сложным этносоциальным составом отличалось дворянство тех районов Венгерского королевства, где по преимуществу проживало славянское население. При этом ситуация в украинских, словацких, сербских и хорватских землях была во многом различной.

В Закарпатье поместья принадлежали дворянам мадьярского и немецкого происхождения. В Словакии земельная аристократия была мадьярской. Магнаты, владевшие здесь латифундиями, в первой половине XIX в. были почти без исключения равнодушны или даже враждебны к национальным устремлениям — словацким или венгерским. Хотя среднее дворянство в языковом отношении до 1848 г. было еще не полностью мадьяризовано, оно считало себя принадлежащим к «государственной венгерской нации» и не сочувствовало национальным словацким идеям. В отличие от крупных дворян, которые вместе со столь же космополитичным высшим католическим клиром составляли главную опору феодальной реакции, среднее дворянство было подвержено либеральным настроениям. Но заинтересованные в экономических связях с западной половиной империи и в обеспечиваемых из Вены политических привилегиях, дворянские либералы шли на компромисс при решении наиболее острых вопросов как в социальной, так и в национальной сферах. В горных комитатах оставалось обедневшее или разорившееся мелкое дворянство словацкого происхождения. Живя главным образом трудом своих рук, но обладая личной свободой и имея больше, чем крестьяне, возможностей для получения образования, данная категория (земляне) составляла значительный источник формирования словацкой интеллигенции.

В южных районах Венгерского королевства (Бачка, Банат, Баранья) дворянство в основном было мадьярским и немецким. Весьма малочисленное дворянство сербского происхождения в социально-экономической области имело много общего с венгерскими помещиками. Сближению между ними содействовали и политические факторы. В 1791 г. сербское дворянство было уравнено в правах с венгерским. Это открыло для него перспективу повышения своей роли в масштабах Венгрии. А то,

что политические права оно получило из рук государственного собрания, оказало на него немаловажное моральное воздействие и содействовало его мадьяризации [235, т. 3, с. 72, 78, 91].

Оттесняемые в местной общественной жизни духовенством и начинавшими претендовать на главенство торговцами, сербские дворяне, за исключением немногих, не проявляли активности в национальной сфере. Более того, они стремились найти выход из экономического тупика и повысить свою политическую роль при поддержке сильного господствующего класса Венгрии. Некоторых сербских дворян привлекал венгерский либерализм, из их среды вышли активные участники революции.

Своеобразием этнического состава и правового положения отличалось дворянство в Хорватии и Славонии. По данным 1786—1787 гг. здесь числилось 22 тыс. дворян в основном хорватского происхождения. Хорватское дворянство имело свой сословный орган — сабор, или «Собрание сословий и чинов королевства Хорватия, Славония и Далмация». Кроме депутатов от дворян, сюда входили представители духовенства и королевских городов. Во главе сабора стоял бан — наместник короля (императора), возглавлявший одновременно хорватские вооруженные силы. Сабор занимался решением внутренних вопросов Хорватии и Славонии (Далмация, как указано выше, управлялась непосредственно из Вены), исключая вотирование налогов. Это право, прежде принадлежавшее сабору, было последним в 1790 г. передано венгерскому государственному собранию.

В имущественном отношении хорватское дворянство делилось на земельную аристократию, средних и мелких помещиков, а также массу однодворцев. Аристократия играла заметную роль в экономике и политической жизни страны. Торгуя зерном, скотом и другими продуктами сельского хозяйства и промыслов, организуя на капиталистических началах промышленное производство в поместьях, богатые помещики относительно безболезненно приспособивались к новым условиям. Что касается политических расчетов, то они толкали хорватскую знать в один лагерь с венгерским господствующим классом. Известное значение имели в данном случае многовековые связи хорватских областей с Венгрией, принадлежность некоторых аристократов к венгерской национальности, родственные отношения, а также и то, что ряд крупных хорватских помещиков имели земли в Венгрии. Но главное — местная знать не забыла, что лишь совместными усилиями ей и венгерскому дворянству удалось сломить централизаторские устремления Иосифа II. Перед абсолютистскими тенденциями двора она видела гарантию сохранения своих привилегий в союзе с венгерским дворянством, в первую очередь с его средним слоем, оппозиционным к венскому правительству.

Иным было положение среднего и особенно мелкого хорватского дворянства. Под воздействием экономических трудностей и крестьянского движения, нараставшего как в хорватских землях, так и во всей империи, эта часть помещичьего класса поняла необходимость ликвидации политических преград для накопления капитала и убеждалась в неизбежности либеральных реформ. Вместе с тем она стремилась к ослаблению административной зависимости Хорватии и Славонии от Венгерского королевства. Поэтому среднее и мелкое хорватское дворянство выступало против намерений венгерского среднего дворянства заменить применявшийся в официальной жизни Хорватии и Славонии латинский язык венгерским. Это имело не только престижное, но и материальное значение. Деятель иллиризма Б. Шулек в 1844 г. писал, что в случае объявления официальным венгерского языка, хорваты, не владевшие им, потеряют свои места на службе^{2*}. Оказавшись лицом к лицу с нараставшим венгерским либеральным движением и опасностью мадьяризации, большинство небогатого дворянства Хорватии и Славонии воспринимало и поддерживало хорватские национальные идеи — конечно в той мере, в какой это допускали интересы привилегированного сословия.

Положение, аналогичное венгерским «лапотным» дворянам, занимала беднейшая часть хорватского дворянства, однодворцы из общины Турополе близ Загреба. Почти не отличавшиеся от крестьян в экономическом и культурном отношении, туропольцы пользовались дворянскими привилегиями, кроме права на владение заселенными крестьянами землями, и правом самоуправления. Туропольцы держались за свои привилегии и видели гарантию их сохранения в тесном политическом контакте Хорватии с Венгрией. Они явились поэтому опорой мадьяронской (провенгерской) группировки в хорватских областях.

Относительно многочисленную группу населения составляло дворянство Галиции и Буковины. В 1840 г. на 4763 тыс. жителей Галиции насчитывалось 32 212 дворян, права которых были подтверждены правительством [1170, с. 58]. В этническом отношении это были преимущественно польские или полонизированные роды. В Восточной Галиции часть в основном мелкого дворянства имела украинское происхождение. Преобладающими среди дворян Буковины были вlahи.

Галицийское дворянство состояло из разнородных групп — магнатов, средних помещиков и мелких шляхтичей. Многочисленная мелкая шляхта, как правило, проживала на землях магнатов. Наиболее значителен был ее удельный вес в Восточной Галиции. В Буковине мелкое дворянство составляло примерно 90% всех землевладельцев. К категории мелкой шляхты относились лица, хотя формально и обладавшие дворянскими правами, но весьма разнившиеся между собой по имущественному положению. Прежде всего это была так называемая око-

личная шляхта — однодворцы, обладавшие наследственным земельным наделом без крепостных — подобная категория, как мы видели, была распространена и среди дворян Венгерского королевства. Другой многочисленной категорией польского дворянства в Галиции была безземельная шляхта. К ней относились деклассированная «голота», формально не связанная с остальным сословием, многочисленная группа неимущей шляхты, служившей ранее в магнатских войсках, упраздненных после перехода Галиции под власть Габсбургов, а также младшие сыновья мелких дворян, совладельцы надела или маленького имения, не порвавшие связи со своим сословием. Одни представители неимущей шляхты служили в имениях крупных помещиков, другие арендовали землю для обработки.

С 1782 г. в Галиции ввели запись в дворянские метрики. В результате этого «голота» почти не попала в дворянство. Ограничено было и число однодворческой, а также служилой шляхты. Однако польское уездное общество помещиков включало в качестве своих членов всех арендаторов, иногда в него входили даже управляющие из дворян. Идеологически все эти категории составляли одно целое с мелкими помещиками. Как и последние, арендаторы наиболее жестоко эксплуатировали крестьян.

Поскольку переход к наемному труду грозил и тем и другим разорением, они по большей части выступали против социальных преобразований. В то же время близкий контакт мелких помещиков, шляхтичей — арендаторов и служащих имений с крестьянством убеждал наиболее дальновидных из них, что существующее положение не может дольше сохраняться. Именно это способствовало распространению в их среде демократической пропаганды. Но классовые интересы определяли неустойчивость их демократических программ и колебания, вызываемые революционными выступлениями крестьян.

Что касается дворянской верхушки, то, недовольная правительством в период реформ 1770—1780-х гг., она с начала XIX в., по мере усиления классовой борьбы в деревне, переходила от пассивной лояльности к активной поддержке Габсбургов, подготавливая тем самым почву для своего политического господства в крае.

В Восточной Галиции дворянство, по данным 1776 г., составляло 3,6% населения. Подавляющая часть помещиков принадлежала к польской шляхте. Но в конце XVIII — первой половине XIX в. дворянское достоинство и небольшую часть имений приобрели купцы армянского и еврейского происхождения, немецкие, венгерские и чешские чиновники. Однако они быстро растворились в массе польской шляхты [695, с. 21—22].

Удельный вес в Восточной Галиции феодальных земельных собственников украинского происхождения был незначительным. В первой половине XIX в. происходила колонизация по-

следних украинских знатных родов: Комарницких, Левицких, Папар, Туркуродов и других. Несколько таких семей сохранилось среди небогатых помещиков (Дверницкие, Сабатовские, Федоровичи, Левицкие) [259, с. 79].

Сравнительно многочисленным было мелкое украинское дворянство, достигавшее нескольких десятков тысяч человек. Эта прослойка, по положению немногим отличавшаяся от крестьян, состояла из потомков обедневших феодалов, свободных поселенцев и жителей шляхетских деревень Прикарпатья. Отдельные представители этой группы попадали в разряд мелких служащих имений, чиновников и духовенства. В целом экономически слабое украинское дворянство, оттесненное польской шляхтой на задний план, не было способно на самостоятельные действия. И если некоторые его представители и проявляли интерес к украинскому национальному движению, то, как правило, вносили в него дух консерватизма и сервилизма.

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд общих выводов относительно характера эволюции, состава и политической роли дворянства в империи Габсбургов.

Во-первых, дворянство не было однородно имущественно. Оно распалось на аристократию, среднее и мелкое дворянство, причем его общая численность и характер межгрупповых границ в разных землях были различны. Часть дворянства Ломбардо-Венецианского королевства, Чехии, Моравии, Штирии, Каринтии, Крайны, Венгерского королевства и некоторых других районов втягивалась в капиталистическое предпринимательство и в разной степени обуржуазивалась. Имели место и случаи включения в дворянское сословие разбогатевших недворян. В западной части империи, где дворянство было малочисленным, процесс его дифференциации наряду с укреплением позиций крупных собственников повлек за собой, как это ясно прослеживается в чешских землях, фактическое исчезновение среднепоместного и резкое ослабление мелкого дворянства. В противоположность этому в Венгерском королевстве и Галиции происходило усиление роли среднего дворянства в общественной жизни. Здесь существовал и значительный слой деклассированного и мелкого служилого, часто — безземельного дворянства и однодворцев. По имущественному положению эта категория мало отличалась от крестьян в деревне и различных элементов недворянского происхождения в городе. Многие ее представители участвовали в национально-освободительных движениях.

Во-вторых, дворянство не было однородно в этническом отношении. В этом смысле территории, на которых проживали угнетенные народы Австрийской империи, можно разделить на несколько групп. С одной стороны, это были земли, где дворян-

ство по большей части состояло из инонациональных, прежде всего немецких, или утративших связи с национальной средой (ассимилированных) элементов. В западной части это были земли чешской короны, территории, населенные словенцами, Далмация (кроме Дубровника). Здесь господствующий класс был в основном германизирован, а отчасти романизирован. Это не исключало того, что в его среде могли получить распространение идеи «земского» патриотизма. В восточных провинциях дворянство было полностью или в значительной мере мадьяризировано (словацкие земли, Закарпатье, Воеводина, Трансильвания) или полонизировано (Восточная Галиция). В Буковине в составе господствующего класса преобладали вlahи. Инонациональное или ассимилированное дворянство было враждебно национальным устремлениям словацкого, украинского, сербского или влашского населения.

Отмеченные черты в положении дворянства отражали исторические и экономические различия между западным и восточным подрегионами империи. Имущественная, сословная и этническая неоднородность дворянства дополнялась конфессиональными различиями.

2. Духовенство

Габсбургское государство складывалось в конфессиональном отношении как католическая монархия. Католицизм рассматривался в качестве религии государственной, и в определенные периоды, особенно в конце XVII — первых десятилетиях XVIII в., отступление от него приравнивалось к политическим преступлениям. Но и после провозглашения Иосифом II патента о веротерпимости католицизм хотя и в смягченной форме оставался господствующей религией, поддерживаемой государством.

Все же на практике существовали различия в религиозной принадлежности подданных в западной и восточной частях монархии. Наиболее последовательно борьба против «еретиков» велась в австрийских и особенно чешских провинциях. Присоединив земли чешской короны под лозунгом борьбы с протестантством, Габсбурги беспощадно повели здесь борьбу с религиозно-политической оппозицией. В союзе с государством католическая церковь вела миссионерскую деятельность. Укреплялись и создавались новые монастыри и другие центры монашеских католических орденов. В первой половине XVIII в. в чешских землях насчитывалось до 250 монастырей, коллегий и резиденций различных орденов — иезуитов, пиаристов, бенедиктинцев и других, не считая белого духовенства [892, с. 257]. Наиболее мощным был орден иезуитов, который здесь в 1750 г. имел 1239 членов и располагал 26-ю коллегиями, 25-ю семинариями, 13-ю резиденциями, 12-ю миссиями [18а,

с. 252]. Занимая официозное положение в делах культуры, он оказывал значительное идеологическое воздействие на население. И все же несмотря на численный рост католического духовенства [1137, с. 169], во многих сельских местностях и даже городах, преимущественно в восточных районах чешских земель, вплоть до 1781 г. священники-протестанты действовали более или менее открыто.

Следует поэтому предостеречь от упрощенного представления о всеилии католической церкви в Австрийской монархии. Государство с начала XVIII в. приступает к более решительному вмешательству в дела, которые прежде считались прерогативой церкви. Сперва это касалось дел о «еретиках» (в порядке исключения с 1720-х гг. разрешалось учреждать в монархии мануфактуры иноверцам и приглашать для работы в них мастеров независимо от вероисповедания), школьного и книжного дела, цензуры. Во второй половине XVIII в. государство проявило заинтересованность и в церковных имуществвах. Это была, разумеется, политика, продиктованная политическими и экономическими потребностями феодально-абсолютистского государства, в ряде случаев — независимо от личных симпатий монархов.

В восточных областях католическая церковь также занимала господствующее положение. Однако наряду с ней в Венгерском королевстве и Трансильвании определенными правами пользовались протестанты-кальвинисты и лютеране. Сюда в XVIII в. неоднократно депортировали из чешских земель тайных протестантов и сектантов. К указанным церквам принадлежала часть мадьярского, словацкого и немецкоязычного населения. В 1774 г. Мария-Терезия предоставила протестантам некоторые привилегии, касавшиеся отправления культа и гражданского состояния. После присоединения Галиции императрица разрешила сооружение здесь четырех лютеранских церквей. Кроме того, в Восточной Галиции, Закарпатье, Буковине, Трансильвании, Банате существовали православная и униатская церкви. По данным 1780 г. в Венгерском королевстве примерно на 3 млн. католиков приходилось около 1,5 млн. приверженцев других конфессий [179, с. 610]. Их положение было легализовано патентом 1781 г.

К 1788 г. в «наследственных» землях было зарегистрировано около 150 протестантских общин. В Венгрии их было намного больше — 748 (1784 г.). Для государственного контроля за протестантскими церквами была создана консистория. Сами же кальвинисты и лютеране не имели строго централизованной организации. Во главе их конфессий стояли формально избравшиеся верующими руководители-пресвитеры. Православные и униаты имели в качестве духовного главы митрополитов.

Католическая церковь в монархии представляла собой хорошо сплоченную, строго централизованную организацию, во

главе которой в Австрии и в Венгрии стояли архиепископы-примасы. До середины XVIII в. католики подчинялись непосредственно Ватикану. Однако уже в 1746 г. Мария-Терезия провозгласила, что ни одна папская булла не может быть объявлена во владениях Габсбургов без разрешения монарха. Этот запрет был подтвержден патентом Иосифа II в 1781 г. Годом позже ликвидируется административная связь между членами местных монашеских орденов и их руководителями (генералами), пребывавшими в Риме.

До определенного времени католическая церковь являлась не только важнейшим идеологическим институтом, но и крупным земельным собственником. В конце XVII в. в Чехии ей принадлежало 12%, в Моравии — свыше 21% земли [467а, с. 65]. Уже в середине XVIII в. имели место попытки секуляризации государством церковного, прежде всего монастырского землевладения. Опять-таки при Марии-Терезии началось ограничение числа монастырей, реализация церковной собственности без разрешения светских властей была запрещена. После роспуска в 1773 г. ордена иезуитов их многочисленные поместья перешли в руки государства. Часть иезуитских поместий в чешских землях была использована при проведении Раабом парцелляризации и передачи земли крестьянам в аренду.

Более решительно курс на секуляризацию церковной собственности продолжил Иосиф II. Только в Чехии и Моравии с 1782 по 1784 г. было секуляризовано 55 монастырей [1139, с. 119].

Подобные меры вызывали недовольство духовенства. В 1790 г. моравские прелаты сетовали на то, что уменьшение численности монастырей вредно отражается на престиже духовного сословия, а высшее австрийское духовенство протестовало против обязательного внесения церковных капиталов в казну. Хотя система церковного йозефинизма в целом и не пережила своего вдохновителя, многие экономические ее результаты сохранились.

Это не мешало, однако, представителям духовенства — как католического, так и других конфессий — обладать земельной и иной собственностью, особенно в восточной части монархии. Огромными латифундиями владели эстергомский и надьварадский архиепископы, эстергомский и эгерский главные капитулы. Богатые землевладельцы имелись и среди униатского духовенства украинского происхождения. Так, львовский митрополит владел, например, четырьмя селами, капитул — шестью, пшемысльский епископ — тремя^{3*}. Крупным землевладельцем был сербский карловицкий митрополит.

Духовенство не было однородным по имущественному и правовому положению. В особенности это относится к духовенству католическому. Строгая иерархия в сочетании с дробностью

чинов влекла за собой и его значительную дифференциацию. Так, согласно патенту Леопольда I о податях, выплачиваемых духовенством (1690 г.), все духовенство во владениях Габсбургов делилось на 11 групп, а в пределах их по большей части еще и на несколько подгрупп. К исходу XVIII в. отмеченное расслоение усилилось.

Различия в положении духовных лиц вытекали уже из организационной структуры католической церкви и ее места в социальной системе. Следствием этого было то, что, например, в сеймах заседали представители не всего духовенства, а лишь высших его ступеней — прелаты. Они обычно занимали лояльную позицию по отношению к правящим кругам.

В отличие от духовенства других конфессий, церковнослужители-католики были обязаны придерживаться обета безбрачия. Это накладывало отпечаток на весь уклад их жизни, включая вопросы передачи имущества по наследству. Кроме того, в составе католического духовенства было немало выходцев из низших сословий, в том числе — из крестьянства, ремесленников и т. п. Подчеркивая, что в эпоху феодализма «католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние...», К. Маркс добавлял: «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»¹.

Для национально-освободительных движений эта особенность пополнения духовенства, которая относилась не только к католикам, но и к другим конфессиям, прежде всего — к протестантам, имела далеко идущие последствия. Церковнослужители средних ступеней, а особенно низшее, преимущественно сельское духовенство, непосредственно смыкались с национальной интеллигенцией. Сходство условий жизни и интересов, культурно-языковая близость к широким слоям населения — эти факторы стимулировали их интерес к национальной проблематике, хотя и не без большего или меньшего налета клерикализма. Не случайно, что в чешских землях из среды католического духовенства, а в словацких землях и в собственно Венгрии из числа протестантского, а частью и католического вышло немало деятелей культуры, сторонников национально-культурных движений. Точно так же и основную часть словенской интеллигенции в конце XVIII — первой половине XIX в. составляли представители католического духовенства, главным образом низшего и среднего. Многие из священников происходили из крестьян и занимались крестьянским трудом. Зажиточные крестьяне отдавали своих детей учиться большею частью в духовные семинарии. Бывали случаи, когда настоятели сельских приходов, ис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 150.

полнявшие одновременно обязанности учителей, посылали в семинарии за свой счет одаренных учеников из крестьянских детей с условием, что те после учебы примут сан священника. Среди первых словенских просветителей преобладали священники, что тормозило здесь развитие демократической идеологии.

Значительную роль играло католическое духовенство и в хорватском национальном движении. При этом, в отличие от чешского, словацкого или словенского движений, нарастание мадьяризации толкало в Хорватии и Славонии даже высшее католическое духовенство к некоторой, весьма, впрочем, ограниченной поддержке освободительной борьбы. Требования венгерского дворянства отменить действовавшие здесь законы, ограничивавшие права протестантов, стремление ввести в церковную жизнь венгерский язык побуждали католическое духовенство в хорватских землях выступать за создание независимой от Венгрии церковной организации.

Особо следует сказать о сербском православном духовенстве, которое руководило не только церковной, но и общественно-культурной жизнью сербского населения Австрийской империи. Влияние церковной иерархии, центр которой находился в г. Сремски-Карловци, определялось ее богатством, привилегиями и организацией, которая сплачивала силы духовенства. И хотя в обстановке социальных и политических сдвигов первой половины XIX в. она была силой, мешавшей подлинно прогрессивному развитию, в условиях угнетения сербского населения православное духовенство оставалось немаловажным фактором национального сопротивления. Политические события первой половины XIX в. (нарастание угрозы насильственной мадьяризации, обострение межнациональных противоречий в Венгерском королевстве) побуждали сербский клир концентрировать внимание на национальной проблематике.

В среде православного духовенства не угасала надежда на восстановление независимого Сербского государства. Сербские восстания против власти османов, а затем и образование Сербского княжества укрепили в сербском духовенстве веру в возможность таких перемен, которые не только гарантировали бы ведущее положение клира в местной сербской среде, но и расширили его права. К тому же, среди священников имелись передовые люди, тянувшиеся к поискам новых форм жизни. Все это делало сербскую церковь в какой-то мере и на определенных этапах союзником прогрессивных сил национального движения. До определенного времени во многом сходное положение занимала православная церковь у влашского населения Венгрии и Трансильвании. До начала XVIII в. она являлась фактически единственным каналом культурной связи между населением разных территорий. В народе православие именовалось «влашской религией» и, как и у сербов, ассоциировалось с этнической принадлежностью. В конце XVII в. правительству

удалось провозгласить унию, однако ее осуществление происходило медленно, натолкнувшись на сопротивление крестьянства [770, с. 70—71]. Если в начале 1760-х годов к униатской церкви принадлежало 25 174 владских семей, то к православной — 127 712 [516, т. 2, с. 284]. Однако благодаря поддержке правительства и эффективной организации, униаты в первой половине XIX в. добились успехов в повышении образовательного уровня владской элиты, рекрутировавшейся из среды мелких дворян, торговцев и зажиточных крестьян. За несколько десятилетий греко-католическая церковь привлекла на свою сторону почти половину владов Трансильвании. Конфессиональный раскол стал фактом. Униатская церковь в рассматриваемые десятилетия принимала на себя функцию политического представительства румынского национального движения. Что же касается румынской православной церкви, то она, несмотря на тесные связи с сербским духовенством, такой роли в этот период не играла. И религиозно-церковная общность православных владов с сербами не стала основой для развертывания совместных национально-культурных акций. Более того, с первых десятилетий XIX в. господство сербской иерархии все более становится в тягость банатским владом. Более сложной и в значительной мере негативной была роль униатского духовенства в западноукраинских землях. Высшее униатское духовенство, оторванное от народа, почти полностью полонизированное, в большинстве своем способствовало политике денационализации украинцев. Таковой была деятельность епископа Н. Скородинского (1788—1805 гг.) и митрополитов А. Ангелловича (1808—1814 гг.) и М. Левицкого (1816—1858 гг.). Лишь отдельные представители высшего духовенства, осознавшие опасность курса на окатоличивание и полонизацию галицийских украинцев и боявшиеся потерять свое влияние на массы, добивались в 1840-х годах увеличения сети приходских школ, поддержки украинской культуры и языка. Но в политическом отношении они занимали верноподданническую позицию, оказывая консервативное влияние на украинское движение. Наоборот, низшее духовенство и учившаяся в униатских богословских заведениях Львова и Вены украинская молодежь с заинтересованностью относились к национальному движению.

Касаясь места духовенства в социальной структуре национально-освободительных движений, нельзя не отметить его противоречивости. С одной стороны, католическая иерархия в западных провинциях Галиции, а отчасти и в Венгерском королевстве, выступала в роли партнера аристократии. Во многом близкое, хотя и не лишнее отмеченных выше черт своеобразие, положение занимало высшее православное и униатское духовенство. Но, с другой стороны, это было сословие особого рода уже потому, что принадлежность к нему для католиков не могла передаваться, а для других конфессий — не обязатель-

но передавалась по наследству. Это обстоятельство в сочетании с социальной и конфессиональной неоднородностью церковнослужителей, при наличии к тому же у части из них индивидуального или корпоративного интереса к национально-культурной проблематике, как бы выводило духовенство за рамки традиционных представлений о феодальных сословиях. К тому же, отдельные представители высшего духовенства втягивались в капиталистическое предпринимательство (например, в 1810 г. львовский митрополит А. Ангеллович выстроил железоплавильный завод) [Карпинец, 1937; 35]. В рассматриваемые десятилетия в целом происходила трансформация части духовенства в своеобразные социальные группы, связанные не только с сословной организацией, но и с процессом классовобразования буржуазного типа.

3. Крестьянство

Классом-сословием, противостоявшим феодалам, было крестьянство, которое составляло подавляющее большинство (более 80%) населения Австрийской монархии. В рассматриваемый период в его правовом и имущественном положении происходили значительные изменения, связанные с усиливавшимся кризисом феодализма и развитием товарно-денежных отношений. И хотя вплоть до 1848 г. крестьяне продолжали выполнять феодальные барщинные и другие повинности, отмена в 1780-х годах личной крепостной зависимости имела важное значение в ускорении социального расслоения деревни.

Ранее всего оно стало ощущаться в чешских землях. Об этом свидетельствовал уже патент Марии-Терезии 1775 г., в основу определения размеров барщинных повинностей и податей положивший имущественное состояние крестьян. Последние были разделены на одиннадцать категорий, что свидетельствовало о значительном расслоении деревни. В дальнейшем этот процесс усиливался.

Население чешской деревни делилось в первой половине XIX в. на крестьян, имевших наделы, и на малоземельных и безземельных. В зависимости от размера наделов и характера повинностей наделные крестьяне в свою очередь подразделялись на седлаков и халупников. Зажиточные седлаки стали одной из важнейших категорий крестьянства: им удалось еще перед 1848 г. накопить деньги для выкупа от барщины; впоследствии седлаки стали ядром формировавшейся сельской буржуазии. Средние и мелкие крестьяне, испытывая острый недостаток в земле, тягловой силе и денежных средствах, в значительной части разорялись и попадали в зависимость от седлаков. Положение всех крестьян усложнялось тем, что на них тяжелым бременем лежали государственные налоги. Несмотря на некоторые меры правительства, в первой половине XIX в. шел про-

цесс отчуждения помещиками крестьянских земель. Малоземельные крестьяне — домкаржи имели небольшой приусадебный участок и вынуждены были прирабатывать отхожими промыслами или же наниматься на работу к помещикам и седлакам. К этим способам пропитания прибегали также безземельные — батраки (подруги) и челядь (слуги). Все это влекло за собой обострение борьбы между беднотой и сельской верхушкой [Алексашкина, 324].

В словенских землях крестьянство было единственным многочисленным классом-сословием, словенским по языку. Состав его уже во второй половине XVIII в. был сложным. Так, например, в Камницком округе Крайны по переписи 1754 г. 46,1% населения составляли кметы (крестьяне, имевшие наделы) и 51,1% — разные категории малоземельных (кайжары) и безземельных (гостачи) крестьян. Да и кметы владели наделами разной величины: полными, половинными, четвертями, третями. Некоторые из кметских хозяйств содержали 6—8 работников, а до одной трети кметов их вообще не имели [58], с. 169]. Накануне революции 1848 г. в Крайне и Штирии дифференциация словенских крестьян увеличилась еще больше. Несколько медленнее развивался этот процесс в Каринтии. Крайна и Штирия стали областями мелкого и мельчайшего крестьянского землевладения, где подавляющее большинство населения было не в состоянии существовать за счет собственного хозяйства и представляло резерв дешевой рабочей силы [Valenčič, 1958]. В Штирии и Каринтии часть крестьян, воспользовавшись соответствующим указом Марии-Терезии, к середине XIX в. выкупила наследственное право на надел. После наполеоновских войн правительство вынуждено было оставить в силе некоторые законы, введенные французами в Иллирийских провинциях (уплата крестьянами налога непосредственно государству, право на раздел участков, отмена патримониального суда).

В Ломбардо-Венецианском королевстве крестьянство к середине XIX в. составляло не менее половины населения. Большинство крестьян здесь не имело собственной земли и находилось в положении исполщиков, арендаторов или сельскохозяйственных рабочих. Лишь в горных районах была прослойка крестьян, обладавших карликовыми участками земли, чаще всего менее 1 га. Опутанные долгами, лишаясь важнейшего хозяйственного подспорья из-за отчуждения общинных земель, эти крестьяне теряли свои parcelлы и подвергались пролетаризации. В холмистой местности, где преобладали виноградники и плантации шелковицы, под воздействием буржуазных отношений была почти полностью вытеснена традиционная система массерии — крестьянской аренды сроком от 3 до 9 лет, обеспечивавшая относительную устойчивость хозяйства больших патриархальных крестьянских семей. В первой половине XIX в.

все большее распространение вместо этого стали получать видоизмененные формы ипольщины (договоры смешанного типа, зерновая аренда). Они подчинили крестьянские хозяйства большому контролю землевладельца и обеспечивали увеличение его доли продуктов при выплате натуральной ренты. Такое усиление эксплуатации крестьян вело к их постоянной задолженности землевладельцам. Оно вынуждало крестьян, придавленных нищетой, регулярно прирабатывать на шелкопрядильнях, выполнять на дому заказы мануфактуристов или наниматься на строительные и дорожные работы. Скучное питание крестьян сделало пеллагру хроническим заболеванием деревни.

Деревенские массы Ломбардии и Венето были далеки от развивавшегося здесь национально-освободительного движения. Однако ряд обстоятельств делал крестьянство силой, потенциально враждебной Австрии. Так, ипольщики и мелкие арендаторы несли на себе возрастающее бремя налогов, установленных австрийскими властями. Кроме того, в отличие от итальянских государств, где устойчивой абсолютистских режимов во многом обуславливалась традиционной верой крестьян в монарха, крестьянство Ломбардии и Венето не испытывало подобных чувств к инациональным австрийским монархам. Это создавало возможность втягивания крестьян в национальное движение при условии сочетания национальных программ с социальными. Однако разрешение этой задачи крайне затруднялось тем, что влиятельные дворянско-буржуазные группы, поддерживавшие национальное движение, разделял глубокий социальный антагонизм с эксплуатировавшимся ими крестьянством.

В Венгерском королевстве размеры барщинных и иных повинностей феодально-зависимого крестьянства устанавливались на основе договоров или согласно обычаю. Объем крестьянских повинностей был определен урбарием 1767 г. (за исключением Трансильвании). Для Славонии урбарий был утверждён в 1756 г., для Хорватии — в 1781 г. Хотя акт 1767 г. считался временным, составление соответствующего уложения затянулось на десятилетия, ибо феодально-помещичий класс бдительно охранял свои права и привилегии не только от посягательств крестьянства, но и королевской власти, пытаясь свести до минимума вмешательство последней в «свои дела» [778, т. 2, с. 430]. Государственное собрание 1792 г. ограничилось продлением срока действия урбария. Практическим результатом явилось признание свободы перехода крепостных с согласия помещика. Это означало по сути дела лишь включение в свод венгерских законов патента Иосифа II 1781 г.

Таким образом, правовое положение крестьянства в сущности оставалось неизменным вплоть до второй половины 30-х годов XIX в. Сохранились и основные категории зависимого крестьянства: крестьянин с наделом, желлер с домом и без

дома. К желлерам относились крестьяне, не имевшие или почти не имевшие тяглого скота и наделов. Ввиду отмеченной ранее тенденции к увеличению помещичьей запашки, доля желлеров возросла с 6,2% в 1787 г. до 13,2% в 1828 г. За это же время доля наделных крестьян в общий их массе сократилась с 66,6% до 52,2% [1078, с. 293].

В результате сложилась большая прослойка крестьян, которых урбарий Марии-Терезии не коснулся. Обрабатываемые ими земли, как помещичьи, не подлежали налогообложению. Эти крестьяне, подвергавшиеся наибольшей эксплуатации и произволу, составляли значительную прослойку населения северо-восточных районов — Закарпатья, комитатов Сатмар, Саболч, Земплен, а также части населенных словаками территорий (комитаты Гёмёр, Шарош, Сепеш, Абауи).

С развитием товарного производства в первой половине XIX в. существенное значение для крестьян приобрели различные виды аренды. Первой, исторически сложившейся областью распространения аренды являлся Банат, где после изгнания турок образовался значительный фонд казенных земель.

Крестьяне не только арендовали земли у казны или помещика, но и сами сдавали ее в аренду преимущественно крестьянам же, как бедным, так и зажиточным. Вторые вступали на путь капиталистических методов хозяйствования. В значительных масштабах такая форма аренды наблюдалась в северо-восточных районах, где кустарные промыслы и отходничество становились главным источником доходов бедноты. В целом три указанные формы аренды способствовали ослаблению уз, привязывавших крестьянина к земле и к помещику.

Об углублении кризиса феодального строя помимо аренды свидетельствовала также купля-продажа земли, хотя и распространенная в скромных масштабах. Она стала чаще практиковаться после принятия в 1844 г. закона, признававшего право крестьян на приобретение недвижимости. Острая нужда помещиков в деньгах побуждала их продавать землю крестьянам [1100, с. 107].

В то же время в 1836 г. государственное собрание подтвердило зафиксированные в урбарии размеры барщины [779; 473]. При условии расширения помещичьей запашки это вело к увеличению барщины нередко в два раза против обычных норм (3—4 дня в неделю). Подобные явления, в частности, имели место в центральных районах, в Славонии и Закарпатье [Шульга, 1964].

Реформы 1836 г. носили отпечаток противоречий, присущих переходной эпохе. Гарантирование барщины не было однозначно направлено на консервацию феодальных отношений. Оно скорее отражало тенденцию к созданию благоприятных условий для капитализации помещичьего хозяйства путем применения феодальных методов. Упомянутый закон был принят на первом

этапе так называемой «эпохи реформ», после крупного крестьянского восстания 1831 г. в северо-восточных районах (Словакия). Вопрос об отмене крепостничества стал тогда предметом политической борьбы и в среде господствующего класса. Закон 1836 г. предусматривал некоторое чисто формальное ограничение помещичьего произвола в отношении крепостного в делах, подлежащих судебному разбирательству. При этом отмена дополнительных, незначительных натуральных повинностей не вела к ущемлению экономических интересов помещиков. Наоборот, последние получили возможность более эффективной эксплуатации крестьянства путем интенсификации барщинного труда.

Реформа 1836 г. не решила главного — ликвидации феодальных повинностей. После долгих дебатов этот вопрос был снят с повестки дня государственного собрания 1832—1836 годов. Помимо повинностей в пользу помещика крестьянство, занесенное в урбаральные списки, обязано было нести налоговое бремя в пользу государства, поскольку дворянство Венгрии от налогов было освобождено. На плечи крестьян ложились также рекрутчина, постой, перевозки солдат и т. д.

В 1840 г. венгерское государственное собрание узаконило факультативный выкуп крестьянами повинностей. Но серьезного практического значения закон не имел: так, до 1848 г. в Хорватии и Славонии почти никто из крестьян не освободился от зависимости.

В горных районах Словакии крестьяне страдали и из-за нехватки плодородных земель. Поскольку здесь обнищание крестьян достигло крайней степени, они были вынуждены заниматься домашними ремеслами или наниматься батраками. Небольшая часть словацких крестьян откупилась от помещиков, чтобы заниматься ремеслом.

Противоречие между помещиками и крестьянами, между военной бюрократией и граничарами было главным социальным противоречием в Воеводине. Антагонизм усиливался принадлежностью большей части помещиков к венгерской и немецкой национальностям, высших властей на Военной границе — к немецкой, а крестьян и граничар к сербской национальности; социальные противоречия переплетались с национальными и религиозными. Так, конечной целью крестьянского восстания 1807 г. в Среме и выступления граничар в 1808 г. в Банате было национальное освобождение и присоединение к восставшей Сербии [43, с. 42—44; Гаврилович, 1956].

В целом экономическое и правовое положение крестьянского населения Венгерского королевства было значительно более тяжелым, чем в западных областях империи. Для немадьярского населения оно усугублялось национальным гнетом как со стороны австрийских, так и со стороны венгерских господствующих классов.

В момент присоединения Галиции к монархии Габсбургов крестьяне составляли почти 90% ее населения. В 1846 г. из 4 774 тыс. человек 4 млн. человек принадлежали к крестьянскому сословию [253, с. 291].

Перед разделами Польши крестьяне были полностью закрепощены. Конституция 1768 г. впервые запретила помещикам самовольно лишать жизни своих подданных. В ближайшие годы после перехода края под власть Габсбургов на галицийских крестьян было распространено действие австрийского законодательства, которым регламентировался размер барщины, устанавливался запрет на сгон крестьян с земли и т. д. Личная зависимость крестьян в Галиции была отменена патентом 1782 г. Впрочем, благодаря многочисленным оговоркам, которых добилась шляхта, патенты о крестьянах существовали в значительной мере номинально. Вообще для Галиции эти акты имели меньшее значение, чем для западных земель империи, где существовали многочисленные города и создавалась промышленность. Но, конечно, значение их не следует недооценивать; по сравнению со временем Речи Посполитой юридическое положение крестьян Галиции улучшилось, и это способствовало их наивному доверию к австрийскому монарху.

В восточной части края удельный вес свободных крестьян в общей массе крестьянства был меньшим, чем в западной. Большинство зависимого крестьянства находилось в помещичьих, часть в казенных, церковных и монастырских имениях. Все же процесс социальной дифференциации крестьянства, хотя и медленно, углублялся и здесь. Наиболее богатую, хотя и малочисленную часть (в 1819 г.—12,5, в 1847—1859 гг.—8,3%) представляли крестьяне, размеры наделов которых составляли свыше 11 га и которые были хорошо обеспечены рабочим скотом. В своих хозяйствах и для выполнения барщины они все чаще использовали труд батраков.

Большинство надельного крестьянства (в 1819 г.—60,6%, в 1847—1859 гг.—68,3%) составляли малоземельные крестьяне. Их наделы (менее 5,6 га) не обеспечивали прожиточного минимума. Имелось значительное, не поддававшееся учету число крестьян безземельных и бездомных. Эта масса бедноты (загородники, халупники и др.) и служила источником дополнительной рабочей силы для помещичьих имений. На протяжении первой половины XIX в. количество богатых хозяйств почти не увеличивалось. Зато бурно возрастало число малоземельных и безземельных хозяйств, что служило признаком пауперизации крестьянства [47, с. 235—255].

В целом крестьянство в изучаемый период в основном еще удерживало черты феодального класса-сословия. Несмотря на отмену в начале 1780-х годов личной зависимости, масса сель-

ского населения подвергалась феодальной эксплуатации. Поэтому в отношении к господствующему классу крестьяне выступали как целое. Однако под влиянием социально-экономических сдвигов и классовой борьбы характер этой зависимости претерпевал изменения и в разных землях не был одинаков. Имущественное, а в какой-то мере и социальное расслоение крестьянства, возвещавшее о развитии в деревне буржуазных отношений, более всего ощущалось в чешских и итальянских землях. В восточных провинциях этот процесс только начинался, причем в Галиции и Буковине феодальные отношения оставались на протяжении большей части рассматриваемого времени почти в неприкосновенности.

Крестьяне всей Австрийской империи вели постоянную борьбу против усиления феодальной эксплуатации. Против помещиков повсеместно выступали они еще как единое целое. Естественно, что в наиболее передовых в социально-экономическом отношении районах проблема ликвидации феодального строя была поставлена крестьянством раньше. Так, в ходе классовой борьбы чешское крестьянство выступало сперва за урегулирование повинностей, затем за ограничение и, наконец, за отмену барщины. Требования «свободы», под которой понималась полная ликвидация феодальных институтов, были открыто выдвинуты ими в ходе крестьянского восстания в чешских землях в 1775 г. [883, с. 33]. Наиболее крупное крестьянское восстание в Австрийской империи вспыхнуло в Трансильвании в 1783—1784 гг. под руководством Хорни, Клошки и Кришана [Berlász, 1060a]. В начале XIX в. в связи с наступлением помещиков на права крестьян-кметов усилилась классовая борьба в деревнях Хорватии и Славонии. Новая волна крестьянского движения поднялась в 30—40-х годах XIX в. (вооруженные выступления в Загребской жупании 1830 и 1846 гг.). Глухое брожение в связи с голодом и эпидемией тифа имело место накануне 1848 г. [354, с. 191—194; 43].

Крестьяне в Галиции сопротивлялись увеличению повинностей на протяжении всего XVIII в. Накануне разделов Польши антифеодальная борьба крестьян достигла значительного размаха. После присоединения к Австрии борьба крестьян не утихала. Во главе крестьянского сопротивления обычно оказывались крестьяне более зажиточные и, главное, грамотные. Крестьяне в это время требовали смягчения феодального гнета, не выступая еще против самой системы феодализма. Крестьянские выступления, как правило, были направлены против произвола помещиков, которые накладывали на крестьян дополнительные повинности. На Буковине наиболее значительное крестьянское восстание произошло в 1843 г. Одним из его руководителей был Лукиан Кобылица, впоследствии знаменитый вождь крестьян.

Соотношение между классовой борьбой крестьянства и на-

циональным движением было различным в зависимости от того, принадлежал ли класс помещиков-землевладельцев к данной нации или был инациональным. В первом случае ненависть крестьян к своим угнетателям приводила к таким социальным и политическим коллизиям, которые затрудняли или делали невозможным сближение между национальным и крестьянским движениями. Этим пользовались австрийские власти. Наиболее показательным примером могут служить обстоятельства восстания 1846 г. в Галиции, когда польское крестьянство не только не поддержало действий польского шляхетского национально-освободительного движения, но помогло австрийским властям в борьбе против него. Угроза применения Веней «галицийских методов» нависла над национальным движением в других районах. Так, итальянская национальная буржуазия Ломбардии испытывала боязнь социального протеста не столько со стороны едва зародившегося промышленного пролетариата, сколько со стороны крестьянства, в эксплуатации которого она принимала широкое участие. Итальянские имущие классы также помнили о драматических событиях 1799 г., когда силам монархической реакции удалось использовать стихийный протест крестьянства, озлобленного тяжестью французской оккупации, как орудие борьбы с республиканцами и прогрессивными силами. И здесь и в других землях дворянство и связанные с ним круги, исходя из своих корыстных интересов, относились настороженно к перспективам включения крестьянских масс в национально-освободительное движение, опасаясь, что это может дать толчок к усилению социальной борьбы в деревне.

Таким образом, сословно-классовый эгоизм имущих слоев, поддерживавших национальные движения, сковывал размах освободительной борьбы, а неумение или нежелание связать требования национальные с требованиями социальными приводило к равнодушию или по крайней мере к нейтральности подавляющего большинства крестьянства по отношению к национальным движениям. Все же роль крестьян в движении объективно была велика, поскольку крестьянство уже в первой половине XIX в. послужило базой его развития не только в деревне, но и в городе. Например, онемеченное в значительной мере к середине XVIII в. городское население чешских земель после отмены личной зависимости крепостных стало с 1780-х годов все более пополняться отчасти за счет выходцев из зажиточного крестьянства, вливавшихся в буржуазные слои, а главным образом за счет деревенской бедноты, которая являлась источником рабочей силы в промышленности.

Потенциальную базу для национального движения крестьянство представляло повсеместно, однако в том случае, когда помещик принадлежал к другой национальности, это проявлялось раньше. Так было у чехов, словенцев, в Восточной Галиции, Буковине (среди украинцев), Воеводине (у сербов), Тран-

сильвании. В упомянутом восстании влашских крестьян 1783—1784 гг. уже сказались этнические аспекты [498а].

Вообще было бы ошибочно делать вывод о безразличии крестьянства к национальной проблематике. Конечно, в деревне в центре внимания массы народа стояли прежде всего социальные и религиозно-политические требования. Это отвечало положению крестьянства как класса-сословия позднефеодального общества. Но крестьянские массы составляли преобладающую часть угнетенных народов. Именно крестьянство повсеместно сохраняло верность родному языку и традиционным обычаям. Уже это свидетельствовало о его несомненном, хотя бы в большинстве случаев и стихийно выраженном, этническом самосознании. Несомненно, например, сочувствие воеводинских сербов и граничар к Первому сербскому восстанию (1804—1813 гг.).

Вот почему в конце XVIII — первой половине XIX в. многие деятели национальных движений обращали внимание на роль крестьянства как своеобразного «резервуара народности». В 1778 г. венгерский просветитель Д. Бешенеи писал: «Пока крестьяне будут говорить по-венгерски, господам тоже нельзя его забывать... Каждая нация лучше всего узнается по языку» [82, с. 41]. Ведя в начале XIX в. во многом сходную борьбу за развитие чешской культуры, Й. Юнгмаң протестовал против третирувания в «образованном обществе» чешского языка как «мужичьего» [669, с. 57].

Объективно социально-политические требования крестьянства менее всего были безнациональными. Борьба против феодального строя в сущности была направлена на создание условий для ускоренного формирования нации. О взаимосвязи социального и национального в крестьянской среде свидетельствовали и памятники фольклора, и социальная практика, в том числе лозунги многих народных движений рассматриваемого периода (например, стремление обучать детей на родном языке и др.). Но в сознании крестьянства национальная проблематика воспринималась как подчиненная более важным, насущным требованиям социально-политического характера.

В зависимости от зрелости процессов национального развития, от степени административного разобщения этнической территории, национального состава дворянства и других факторов этническое самосознание в среде крестьянства могло принимать профессиональную или региональную окраску (сербский крестьянин называл себя, например, православным, чех из Моравии — «мораванином», «ганакон» и т. д.) [Смирнов, 140]. Конечно, при этом в первой половине XIX в. имели место сильные черты самосознания феодальной народности, что свидетельствовало о сложности и неравномерности вызревания национального самосознания в среде крестьянства,— процесса, связанного со становлением элементов буржуазного общества и различного по интенсивности у разных народов.

В крестьянстве передовые деятели национальной культуры находили обильный материал для своего творчества, они творили для крестьянства, в нем черпали уверенность в будущем.

Крестьянство было не только хранителем культурных традиций, но и их творцом. В рассматриваемое время было создано немало памятников народной культуры, отразивших классовую борьбу крестьян, их причастность к развитию национальной культуры. Все это делало крестьянство важным компонентом национально-освободительных движений даже тогда, когда широкие слои деревни еще не принимали непосредственного участия в организованной политической борьбе.

4. Ремесленники и мелкие торговцы

Характерной чертой социального развития рассматриваемой эпохи было сохранение слоя населения, связанного с мелким ремесленным производством и торговлей.

Весьма значительным был этот слой в чешских землях, где, несмотря на временный упадок в XVII в., города и местечки, особенно те, которые подпадали под юрисдикцию феодалов, сохранили экономическое значение. С юридической точки зрения ремесленники и торговцы принадлежали, как правило, к мещанству (бюргерству), т. е. к горожанам, обладавшим определенными правами. Однако уже во второй половине XVII в. в этой среде выделяется разбогатевшая влиятельная прослойка, тогда как часть обедневшего мещанства обладала этими правами лишь номинально. Отмеченный процесс усилился с середины XVIII в., когда ряд ремесел был объявлен свободным от цеховых ограничений, а в чешских землях шел рост товарно-денежных отношений, заметно интенсифицировавшийся вследствие реформ 1780-х годов. Качественно новый этап наступил с промышленным переворотом, под влиянием которого все больше ремесленников разорялось. Тем не менее численность этого слоя не уменьшалась, а порой и возрастала за счет лиц, связанных с обслуживанием городского населения (пекари, мясники, трактирщики, портные и др.).

В целом мещанство в социальном отношении было слоем неустойчивым, подверженным расслоению по мере роста буржуазных отношений. В этническом отношении оно не было однородным, хотя среди ремесленников и мелких торговцев, особенно в небольших городах и сельской местности, немалую долю составляли лица чешского происхождения или знавшие чешский язык. Эта доля увеличилась после отмены в 1781 г. личной зависимости крестьян и провозглашения патента о веротерпимости. Связь с национально-культурной традицией определенной части мещанства, не прерывавшаяся даже в периоды максимальной германизации [838, с. 87—92], а особенно обострение национальных противоречий в результате конкурентной

борьбы с горожанами нечешского происхождения, привели к тому, что из среды чешских ремесленников и мелких торговцев вышло значительное количество деятелей национального движения.

В провинциях, где преобладало словенское население, городские цеховые ремесленники в большинстве своем индифферентно относились к вопросу о своей этнической принадлежности, владея как словенским, так и немецким языками. Часть их, более грамотная, считала себя немцами. Но с начала XIX в. положение стало меняться. Увеличился приток в города словенского населения из деревни. Кроме того, цехи с их немецкими традициями потеряли почти всякую роль. Это в известной степени повысило словенское национальное самосознание горожан. Еще большее влияние на него оказало наступление немецкого капитала на мелких собственников. В борьбе против него они стали проникаться национальными чувствами и настроениями.

В многочисленных городах Ломбардо-Венецианского королевства существовал широкий слой ремесленников разных специальностей, подмастерьев, мелких лавочников и торговцев. Тяжесть налогов на предметы первой необходимости, установленных австрийцами, ложилась преимущественно на их плечи и это — наряду со всей системой господства Габсбургов — в немалой степени способствовало тому, что именно среди данной категории городского населения были особенно остры антиавстрийские настроения.

По переписи 1842 г. в землях венгерской короны один ремесленник приходился на 78 человек, а общая их численность достигала 117 тыс., тогда как данные 1846 г. говорят о 233 тыс. ремесленниках (один на 51 жителя) [496, т. 1, с. 492]. Большая часть ремесленников проживала в существовавших с XVI в. королевских городах и была охвачена цеховой организацией. Свои социальные интересы ремесленники долгое время отстаивали упорным сопротивлением возникновению новых цехов и ограничением допуска в старые. Антицеховое законодательство привело к существенному ослаблению цеховой монополии и в ряде мест Венгерского королевства. Конкурентами цехов в районах более интенсивного промышленного развития становятся не только мануфактуры и фабрики, но и внецеховые ремесленники — контари, а также крестьяне, занимавшиеся сельскими промыслами. В цехах росли противоречия между мастерами и подмастерьями, причем последние в ряде случаев заручались помощью со стороны контарей. Внутрицеховые конфликты принимали порой острые формы, как это, например, имело место в 1843 г. в г. Секешфехерваре, в 1845 г. в Буде; для усмирения демонстрации подмастерьев 1831 г. в Пеште были применены войска. Здесь же спустя четыре года происходила крупная забастовка подмастерьев-обувщиков [2, с. 22—24]. Подобные факты свидетельствуют, что в лице массы ре-

месленников венгерское освободительное движение имело потенциального союзника.

Несколько иначе обстояло дело в национальных районах Венгерского королевства. В словацких землях ремесленники были неоднородны в этническом отношении и сколько-нибудь значительного интереса к национальной проблематике не проявляли. В Воеводине, где среди этого слоя было немало сербов, цехи в первой половине XIX в. еще переживали свой «золотой век» [235, т. 3, с. 105] и социальная дифференциация в них была небольшой. В Хорватии и Славонии, где значительная часть мелких торговцев и ремесленников пребывала до 1848 г. в феодальной зависимости, противоречия в среде горожан ощущались сильнее. Стремления массы мещан далеко не всегда совпадали с интересами городской верхушки. Но показательно, что во время крестьянского восстания 1807 г. в Среме мещанство, заинтересованное в ликвидации власти феодалов, все же осталось в стороне от восстания [43, с. 61, 210].

В Галиции и Буковине в конце XVIII — первой половине XIX в. цеховые ремесленники играли заметную роль в жизни городов и местечек, хотя мастеровые в последних по образу жизни мало отличались от крестьян. Значительное развитие цехи получили во Львове и Кракове (здесь, например, в 1840-х годах на 42—43 тыс. населения числилось около 3 тыс. цеховых ремесленников) [1170, с. 24, 28]. Цеховая ординация, введенная в Галиции в 1778 г. и действовавшая до 1859 г., частично ликвидировала или ослабляла цеховые привилегии, хотя основа цеховой организации сохранялась. Внецеховые ремесла росли медленно. В отличие от прежнего состава цехов, новое пополнение их, особенно — внецеховые ремесленники, состояло в основном из местного населения, т. е. поляков в Западной и украинцев в Восточной Галиции. Это усиливало их связи с национальным движением.

Таким образом, сословие ремесленников переживало сложные процессы. Конкуренция с промышленностью в подавляющем большинстве случаев оказывалась невозможной. Это вело не только к упадку цеховой системы, но и к перерождению ремесленников как социального слоя феодального общества в общественную группу буржуазной социальной структуры. Параллельно с этим среди них увеличивался удельный вес местных, национальных элементов. Во многом сходным было положение мелких торговцев. Инонациональные элементы, в ряде земель преобладавшие среди них, постепенно теряли значение, во-первых, за счет втягивания в эту сферу представителей основной национальности данной области, а во-вторых, в результате усвоения частью из них языка и обычаев местного населения.

Социально-экономические интересы и политические устремления ремесленников и мелких торговцев, страдавших и от феодальных стеснений, и от развивавшегося капитализма, были внутренне глубоко противоречивы. Мещанство стремилось к освобождению от феодальной зависимости, но цеплялось за старые цеховые привилегии. Это делало ремесленно-торговый слой одновременно и антифеодальным и реакционным. В западных провинциях империи с их достаточно интенсивной городской жизнью (особенно в чешских землях) этот социальный слой был и более многочисленным и играл большую роль, чем в восточных. Но и здесь и там при определенных условиях мелкие торговцы и ремесленники составляли резерв национальных движений. Потенциальная сила этого резерва возрастала по мере развития буржуазных отношений.

5. Буржуазия

До сих пор речь шла о классах и социальных группах, связанных с сословной организацией феодального периода и испытывавших на себе влияние новых, капиталистических форм организации. Обратимся теперь к рассмотрению социальных структур, появление которых являлось следствием разложения феодализма и роста буржуазных отношений.

В чешских землях крупная торгово-промышленная буржуазия возникла еще в мануфактурный период. Она становилась одним из источников формирования промышленной буржуазии, которая долгое время носила австронемецкий характер. Дворянские и мещанские владельцы мануфактур, торговцы-факторы, разбогатевшие цеховые мастера составили социальную основу формирования класса промышленной буржуазии.

Незадолго до революции 1848 г. возникла и чешская национальная промышленная буржуазия. Для нее была характерна связь с земледелием и с пищевой промышленностью: пивоварением, производством спирта, мельничным делом, сахароварением и производством оборудования для пищевой промышленности, а также сельскохозяйственных машин и орудий. Покровительственные пошлины, премии и субсидии, государственные заказы — все это определяло экономическую зависимость чешской промышленной буржуазии от австрийских властей и обуславливало ее политическую деятельность.

Словенская буржуазия возникла и развивалась прежде всего как сельская, связанная в основном с торговлей, ростовщичеством, откупам на налоги, землевладением. Еще в середине XVIII в. часть зажиточных крестьян, занимаясь скупкой сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, заводила дело в городах, скапливала значительные средства. Такой путь, например, прошла семья известного деятеля словенского национального движения Янеза Блейвейса и другие.

Вплоть до 40-х годов XIX в. словенские буржуа почти не вкладывали свои капиталы в промышленность и были связаны с остальными формами капитала и с полуфеодальной эксплуатацией земельных участков, что сказалось на консерватизме их взглядов. Крупная же буржуазия в словенских землях была итальянской (преимущественно из Триеста) или австронемецкой. Стремившаяся потеснить своих соперников на рынках часть словенской буржуазии стала поддерживать словенское национальное движение, особенно в 30—40-е годы XIX в. Она откликнулась на призыв словенских «будителей», ибо борьбу за национальные права связывала с борьбой против засилья немецкого капитала. Однако словенская буржуазия поддерживала в национальном движении, как правило, наиболее умеренные течения.

Развивавшийся в Ломбардии и Венето капитализм носил «преимущественно аграрный характер» [114, т. 2, с. 321], и большая часть буржуазии этих областей была связана прямо или косвенно с сельским хозяйством. Кроме того, политическая раздробленность Италии и порядки, установленные Австрией в ее итальянских владениях, создавали множество препятствий для промышленного предпринимательства. Значительную группу ломбардской буржуазии составляли предприниматели-аграрии. Это были капиталистические арендаторы, обладавшие денежными средствами, собственным инвентарем и стадами рогатого скота. Арендуя участки земли площадью в несколько сот га (в восточной части долины По некоторые из них сосредоточивали у себя до 800 га) [Della Peruta, 1951], аграрии вели крупное интенсивное хозяйство с использованием наемного труда. В Ломбардо-Венецианском королевстве землевладельцами были многие горожане — промышленники и торговцы, мелкие буржуа, чиновники, военные, лица свободных профессий, разбогатевшие крестьяне, управляющие и агенты дворян-землевладельцев. С сельским хозяйством была связана торговая буржуазия, особенно скупщики и экспортеры шелка, сыра, зерна и вина. Оптовые торговцы шелком, концентрировавшие у себя значительные капиталы, выполняли одновременно функцию банкиров.

Среди промышленной буржуазии в Ломбардо-Венецианском королевстве было немало предпринимателей из Франции, Германии и Швейцарии, которые проявляли нередко большую инициативу и готовность вкладывать капитал в промышленные предприятия, чем местная буржуазия, боявшаяся риска и предпочитавшая традиционные инвестиции в землю, торговлю шелком и государственные займы. Однако в 40-е годы XIX в. в связи с оживлением промышленно-торговой конъюнктуры и значительным накоплением капиталов ломбардская буржуазия участвует в организации механических и машиностроительных мастерских, предприятий коммунального обслуживания и паро-

ходного сообщения. Крепнувшая буржуазия все острее тяготилась австрийским господством с его притеснениями в экономической области, полицейским произволом и политическим бесправием итальянцев, хотя между отдельными слоями буржуазии было большое различие во взглядах на цели и методы национально-освободительной борьбы.

Связь с землей, общность интересов сближали богатую аграрную и торговую буржуазию с дворянством, в частности с ее обуржуазившимися группами. Блок этих слоев цементировался совместной эксплуатацией крестьян, расхищением общинных земель, враждебным отношением к возможным преобразованиям в деревне в пользу крестьянских низов, стремлением сохранить в неприкосновенности дворянско-буржуазную монополию на землю, обеспечивавшую им дешевый труд крестьян. Необходимость обеспечить безопасность их собственности и социальный мир в деревне волновала эти дворянско-буржуазные круги не в меньшей мере, чем проблема национальной независимости. Поэтому они представляли наиболее умеренный, консервативный фланг антиавстрийской оппозиции [Della Peruta, 1953], правее которого стояла часть дворянства, которая поддерживала режим.

В Венгерском королевстве формирование буржуазии отразило своеобразие экономического развития земель короны св. Иштвана. Значительная часть возникавших здесь промышленных предприятий принадлежала в первой половине XIX в. австро-немецкому капиталу. В особенности это касалось производства сахара и бумаги, обработки текстильного сырья. Вместе с тем часть мадьярской аристократии (И. Сечени, К. Коллер, П. Эстерхазы и другие) проявляла интерес к развитию национальной промышленности по обработке сельскохозяйственного сырья [2, с. 31]. Однако более сильные позиции, которые занимал австро-немецкий капитал, позволяли ему определять направление развития промышленности королевства.

Это явилось побудительной причиной к повышению экономической активности среднего дворянства, в интересах которого по инициативе Л. Кошута в 1844 г. было учреждено Общество защиты отечественной промышленности. Венгерская промышленность росла в эти годы более интенсивно. Только в первой половине 1840-х годов возникло 95 предприятий, принадлежавших выходцам из венгерского купечества и обуржуазивавшегося среднего дворянства [2, с. 32]. Фактически инициативу буржуазного развития Венгерского королевства приняло на себя в большой степени среднее венгерское дворянство. Это во многом определяло его тактику в национально-освободительной борьбе накануне, а затем и в ходе революции 1848—1849 гг.

В еще большей степени отмеченные черты проявились в ходе формирования буржуазии в национальных областях Венгерского королевства.

В Словакии первоначально буржуазия была инациональной: в 1825 г. здесь имелся лишь один мануфактурист словацкого происхождения [739, с. 26]. В местечках и центрах промыслов начала формироваться словацкая торговая буржуазия. Это были торговцы шафраном, полотном, маслом, кружевами, металлическими изделиями, которые держали в экономической зависимости десятки и сотни своих односельчан — мелких производителей, использовали наемную рабочую силу и вырабатываемые крестьянами изделия скупали и продавали по всей Австрийской империи и в других странах Европы. Торговцы изделиями домашних промыслов создали группу формирующейся буржуазии, которая по численности и богатству превосходила немецких торговцев, живших в городах. Но это были выходцы из зависимого крестьянства; рассеянные по мелким местечкам и селам, они не могли создать экономического, культурного и общественного центра. К буржуазным элементам можно причислить в той или иной мере цеховых мастеров, мельников, пивоваров, корчмарей, мясников, подавляющее большинство которых были словаками.

Сербская городская буржуазия в первой половине XIX в. находилась в стадии формирования, но уже играла весьма заметную роль в экономике Венгрии. В XVIII в. сербы-торговцы держали в своих руках значительную долю товарооборота как Венгрии, так и Хорватии. В обстановке хозяйственного подъема конца XVIII в. выдвинулся ряд торговцев, которые совершали солидные коммерческие сделки с торговцами из Риеки, Триеста, Граца, Вены, Пешта, из других имперских городов и Турции [283, т. 6]. Особо следует отметить тесные связи воеводинских торговцев (в первую очередь из Земуна) с Сербией [57, т. 1]. Это были не только деловые, но также личные и родственные связи. В годы восстаний торговцы Воеводины оказывали многостороннюю помощь повстанцам в Сербии.

Еще в XVIII в. горожане-сербы проявляли высокую общественную активность в рамках сербских «привилегий». Горожане, возглавляемые сербскими торговцами из Буды и Пешта, боролись против давления церкви, своеволия духовенства. И церковная иерархия в какой-то мере считалась с настроением торгово-ремесленного сословия, тем более что оно давало большие пожертвования на ведение общественных и церковных дел. Одновременно горожане в XVIII в. были наиболее деятельной силой в борьбе против центрального правительства, католического клира и венгерского дворянства не только за сохранение церковной и школьной автономии, но и за расширение самоуправления сербского населения и прогрессивные реформы [132, с. 243—247]. В то же время совместные акции по защите сербских привилегий сглаживали конфликт между торгово-ремесленной средой и церковной иерархией. Впрочем, экономическая незрелость, сложные условия национального развития при на-

личии венгерского и австрийского гнета — все это сдерживало наступательный порыв молодой сербской буржуазии, создавало предпосылки для политических компромиссов.

В связи с хозяйственной отсталостью Хорватии и Славонии там не сложилось влиятельного слоя национальной городской буржуазии. На протяжении первой половины XIX в. она была связана в первую очередь с торговым капиталом и наиболее ранними формами промышленного капитализма; лишь отдельные представители буржуазии обладали солидными капиталами. Многие средние и даже крупные торговцы экономически зависели от австрийских и иностранных торгово-промышленных фирм. Отличительной чертой национальной городской верхушки в первой половине XIX в. была ее экономическая, а в известной мере даже социальная и политическая связь с обуржуазивающимися помещиками. Более богатые буржуа, обходя закон о сословном владении землей, а после 1844 г. пользуясь правом покупать дворянские владения, обзавелись поместьями и приобщались к дворянскому образу жизни. Буржуазию и небогатое либеральное дворянство сближала заинтересованность в обеспечении условий для буржуазного развития. Но и те и другие стремились разрешать общественные проблемы путем соглашения с правящими кругами. Названные социальные группы объединяла бóльшая заинтересованность в австрийском, нежели в венгерском рынке. И для втянутых в товарооборот помещиков, и для буржуазии вопрос о рынке сводился к сбыту продовольствия, полуфабрикатов и сырья. Наконец хорватская буржуазия понимала, что реализация национальной программы венгерского либерального дворянства еще более сузит ее права и что только свободное национальное развитие Хорватии и Славонии будет способствовать ее экономическому и политическому росту.

Буржуазное развитие Трансильвании, где ключевые экономические позиции принадлежали венгерскому господствующему классу, во многом напоминало процессы, происходившие в Венгерском королевстве. Собственно влашские буржуазные элементы были заняты преимущественно в посреднической торговле и в весьма малой степени в предпринимательской деятельности. Они почти полностью были сосредоточены в городах Сибиу (Надьсебене, Германштадте) и Брашове.

Как в Западной, так и Восточной Галиции, в связи со слабым развитием мануфактур, ремесла и торговли городская буржуазия была малочисленной и экономически слабой. Притом почти вся она была инонациональной: немецкой, еврейской, армянской. Политические позиции западногалицийской буржуазии характеризовались неустойчивостью, что объясняется переплетением ее интересов с интересами польских помещиков, а также заинтересованностью тех и других в поддержке австрийских властей.

Что касается формирующейся украинской буржуазии, то она состояла главным образом из мелких торговцев и ремесленников. Из украинских промышленников получили известность выходец из мелких торговцев Вапинский (конец XVIII — начало XIX в.) [965, с. 106] и львовский кондитер И. В. Товарницкий (1840-е годы). Украинская городская буржуазия не играла заметной политической роли и могла отстаивать свои интересы лишь вместе с украинской феодальной церковной верхушкой, ориентированной на правящие круги. К национальному движению она примкнула лишь в 1848 г.

В Буковине элементы буржуазного развития были связаны с инонациональным населением городов и лишь отчасти с зажиточной частью села. До середины XIX в. здесь не сложилось социальной прослойки, которую можно было бы отнести к украинской буржуазии.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода в землях угнетенных народов Австрийской империи шел процесс формирования буржуазии как класса капиталистического общества. Но процесс этот отличался противоречивостью. По большей части крупная и средняя промышленная и торговая буржуазия пополнялась, особенно на первых порах, за счет предпринимателей инонационального (немецкого, итальянского, еврейского, армянского и т. п.) происхождения, а также местного обуржуазивавшегося дворянства. В целом буржуазию здесь представляли, употребляя определение В. И. Ленина, «разные слои *имущих* товаропроизводителей»². Такое положение отражало как общие тенденции экономической и социальной жизни Австрийской империи, так и особенности положения подвластных ей народов.

По мере дальнейшего развития в чешских землях, Словении, Ломбардо-Венецианском королевстве, в собственно Венгрии, Воеводине, Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. складывалась национальная буржуазия. Она формировалась за счет выходцев из зажиточных слоев деревни, ремесленников, мещанства, деклассированного дворянства. Не без труда завоевывая себе место в торговле и промышленности, она приобретала влияние в общественной жизни. Существенные различия в уровне развития отдельных частей империи, разнородность самой буржуазии, пребывавшей еще в процессе становления, приводили к заметным различиям в ее политической позиции. Буржуазия инонационального происхождения и примыкавшая к ней часть буржуазии национальной была связана с дворянством и применяла феодальные формы эксплуатации. Социально и этнически неоднородная, малочисленная и политически непод-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

готовленная национальная буржуазия в большинстве случаев была далека от того, чтобы стать ведущей силой освободительных движений. Характерно, что, как правило, она обычно выступала в политическом союзе с теми или иными группировками дворянства.

Особое место принадлежало поэтому мелкой буржуазии. Ввиду экономической слабости, а также близости к широким слоям местного городского и сельского населения, из рядов которого она выходила, мелкая буржуазия особенно остро ощущала национальное угнетение. В. И. Ленин подчеркивал, что по сравнению с буржуазией крупной, мелкая буржуазия «наиболее патриотична»³. Необходимость борьбы за место в жизни, против конкуренции инонациональных элементов сделали мелкую буржуазию активным участником многих национальных движений.

6. Пролетариат

Одновременно с возникновением мануфактур, а затем фабрик и заводов наметился процесс формирования пролетариата. Этот новый класс на протяжении длительного времени складывался за счет беднейшего крестьянства, разорившейся части ремесленников, городских низов. По мере развития мануфактур местные ресурсы рабочей силы начинали играть все большую роль. И если мануфактуристы-помещики имели возможность применять труд крепостных, то предприниматели мещанского происхождения должны были искать рабочую силу в первую очередь среди лиц, свободных от крепостной зависимости, т. е. до 1781 г. из числа разорявшихся городских ремесленников и пауперов. Последние составляли сравнительно большую часть населения, возрастание которой отражало усиливавшийся кризис феодального строя.

Характерно, что уже со второй половины XVII в. и особенно в следующем столетии правительство приняло серию законов против бродяжничества и нищенства. Уличенных в этих занятиях лиц помещали в «работные дома», где они фактически находились на положении заключенных. После отмены личной крепостной зависимости ряды пролетариата пополняли выходцы из деревни. Однако и тогда нехватка рабочей силы для промышленности не прекратилась, о чем свидетельствовали случаи соперничества между мануфактурами за ее привлечение. Исползовался также труд женщин и детей. Положение рабочих было тяжелым, рабочий день продолжался по 12—14 часов. Этот процесс, столь типичный для эпохи первоначального накопления и исследованный К. Марксом в первом томе «Ка-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 213.

питала», был прологом образования в Австрийской монархии промышленного пролетариата.

В Чехии и Моравии на первых этапах промышленного развития рабочий класс в основном формировался из рядов работников старых централизованных мануфактур и ремесленников. По мере развития капитализма последние разорялись и становились рабочими прежде всего на тех предприятиях, конкуренция которых заставила их свернуть свое самостоятельное производство. Выходцы из этих социальных категорий, почти все — немцы, преобладали в старых промышленных районах в северной части Чехии. Что касается чешской прослойки среди рабочих, то она в этой части страны росла относительно медленно. Наоборот, в новых промышленных центрах (Остравско-Карвинский, Кладненский, Пльзеньский и др.), главным источником формирования рабочего класса стало местное, в подавляющем большинстве чешское крестьянство. По мере перехода помещичьего хозяйства на наемный труд возникла еще одна категория — депутатов — сельскохозяйственных рабочих, труд которых оплачивался путем предоставления им жилья, продуктов питания и огорода.

Число наемных рабочих чешского происхождения было значительным еще в мануфактурный период. Почти каждый из них имел земельный участок. Они были связаны с сельским хозяйством, хотя главным источником существования для них уже являлся наемный труд в промышленности. Среди рабочих преобладали надомники, работавшие для рассеянных мануфактур (прежде всего ткацких и прядильных). По мере появления крупных текстильных предприятий, вытеснявших мануфактуры, надомники теряли связь с землей и превращались в настоящих промышленных рабочих. Однако в ряде случаев, например в горнодобывающей промышленности, некоторая часть рабочих продолжала сохранять связь с земледелием (коровольники).

К 1840-м годам формирование рабочего класса в Чехии продвинулось далеко, а общая численность его достигала примерно полумиллиона человек. Однако характерные для мануфактурной стадии полупатриархальные взаимоотношения предпринимателя с работником исчезли не сразу [941]. Тем не менее, пролетариат начинал осознавать свои интересы, о чем свидетельствовали первые стачки и требования улучшения условий труда, относящиеся еще к XVIII в.

В первых десятилетиях XIX в. происходило дальнейшее обострение классовой борьбы, проявлявшейся в подачах петиций хозяевам предприятий и властям, а также забастовках. Так, снижение заработной платы вызвало в 1843 г. сильные волнения в Брно. На этой почве в следующем году в Праге и Либерецком крае начались рабочие выступления. В июне 1844 г. произошло восстание пражских рабочих, которое К. Маркс по-

ставил в один ряд с известным восстанием силезских ткачей в том же году⁴. Пражское рабочее восстание получило отзвуки среди пролетариата других городов, и Ф. Энгельс подчеркивал, что «революционный пражский пролетариат... уже в 1844 г. в течение трех дней был полным хозяином Праги»⁵. Борьба против капиталистической эксплуатации усиливалась в среде чешского пролетариата стремление к единству действий с рабочими других национальностей.

Ввиду еще недостаточной социальной консолидации сколько-нибудь самостоятельной роли в тот период в национальном движении чешский рабочий класс не играл [Novotný, 537, t. 3], однако чешским рабочим не было чуждо сознание своей этнической принадлежности.

В словенских землях в XVIII — первой половине XIX в. наряду с горными предприятиями, существовавшими с XVI в., труд наемных рабочих стали применять текстильные, бумажные, стекольные и другие мануфактуры. В сельском хозяйстве также более широко начал использоваться наемный труд безземельных крестьян. На положении наемных рабочих фактически оказалось и большинство подмастерьев в городах. Многие горняки, рабочие мануфактур, некоторые подмастерья имели крохотные земельные наделы. На мануфактуры часто нанимались крепостные крестьяне. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то многие из них имели дома или даже хозяйства в деревне и зимой занимались ремеслом и торговлей; поденный труд на чужой земле не был для них единственным источником существования. Лишь в немногих старых промышленных центрах, например в Идрии, имелось много потомственных рабочих.

Тяжелые условия существования ставили для рабочих на первый план борьбу за улучшение своего материального положения. Однако не оторвавшись от сельского хозяйства, большинство рабочих еще не осознавало своих специфически пролетарских интересов. Их социальная борьба часто, например в Каринтии, сливалась с антифеодальной борьбой крестьян. Замученные непосильным трудом, они не видели в национальных требованиях средства улучшения своего положения.

Промышленный пролетариат в Ломбардии и Венето к середине XIX в. находился на начальной стадии формирования. Большинство занятых в промышленности составляли крестьяне-надомники, или ремесленники, работавшие самостоятельно или связанные с рассеянной мануфактурой. Однако численность рабочих, занятых на централизованных мануфактурах, росла. Слой фабричных рабочих существовал в шелкопрядильном, хлопчатопрядильном, ткацком и механическом производстве;

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 312.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112.

уже появились предприятия, объединявшие под одной крышей несколько сот рабочих. В текстильном производстве широко применялся женский и детский труд, только в Ломбардии в 1840 г. работало около 38 тыс. детей.

В Ломбардской долине, в районах распространения крупной капиталистической аренды, большинство сельского населения состояло из сельскохозяйственных рабочих. Рабочие, занятые уходом за скотом, а также в луговом хозяйстве получали жилище, клочок земли под огород и кукурузу и оплату натурой и деньгами. Имея работу и жилье в течение года, они находились в лучшем положении, чем наиболее многочисленная категория поденщиков, чей труд использовался на рисовых полях, на уборке зерновых. Переходя от имения к имению в поисках заработка, страдая от малярии, поденщики владели нищенское существование. В целом пролетариат Ломбардской долины в первой половине XIX в. еще не конституировался как класс.

Формирование пролетариата в восточных провинциях значительно отставало от темпов этого процесса в чешско-австрийских и итальянских областях. Сказанное прослеживается на примере Венгерского королевства, капиталистическая индустриализация которого, как отмечалось, отставала на целую фазу от западных территорий монархии.

Здесь в первой половине XIX в. оставались еще актуальными вопросы, возникавшие перед правящими кругами в чешско-австрийской зоне многими десятилетиями ранее. Один из таких вопросов заключался в борьбе с так называемым нищенством и бродяжничеством. Опасаясь неблагоприятных для себя последствий от существования значительного контингента деклассированных и пауперизированных элементов, венгерские правящие круги, как ранее венское правительство в «наследственных» землях, шли на создание разного рода благотворительных обществ и на организацию принудительного труда. Работные дома, представлявшие собой в сущности тюрьмы-мануфактуры, были созданы в Пеште и ряде других городов. Об отношении властей к обитателям подобных заведений можно судить по Пештскому работному дому, в уставе которого, принятом за два года до революции, он был назван «пристанищем для людей безнравственного образа жизни» [2, с. 33]. Усиливавшийся кризис феодальной системы обусловил образование в крупных экономических центрах Венгерского королевства резервной армии рабочей силы. Это были разорившиеся цеховые ремесленники, безземельные крестьяне-желтеры, батраки, нищие. Из них-то и формировался местный пролетариат.

По данным 1846 г., на 528 промышленных предприятиях, действовавших в Венгерском королевстве, было занято свыше 23 тыс. наемных рабочих, не считая горняков, численность которых достигала 40—56 тыс. человек [496, т. 1, с. 442]. С са-

мого начала рабочий класс здесь был многонациональным с преобладанием мадьяр и немцев. Это отражало отмеченные выше особенности капиталистической индустриализации королевства. Заметную часть пролетариата Венгрии составляли словаки. В Хорватии и Славонии к середине XIX в. в ремесле и капиталистической промышленности было занято всего 8 тыс. наемных рабочих. В Закарпатье, Воеводине и ряде других периферийных районов в рассматриваемый период рабочий класс фактически еще не появился. Малочисленный, не сложившийся в сколько-нибудь устойчивое социальное целое, пролетариат в Венгерском королевстве тем не менее становился все более важным резервом освободительной борьбы.

Еще менее был он развит в Галиции, где основную массу работников мануфактур составляли феодально зависимые крестьяне. Лишь на немногих городских мануфактурах основную массу рабочих составляли вольнонаемные. На 44 мануфактурах Львова в конце 40-х годов XIX в. насчитывалось, например, около тысячи вольнонаемных рабочих, рекрутировавшихся из ремесленников, батраков, поденщиков и т. д. [117, с. 181]. Аналогичным было положение в Кракове, где в 1838 г. было зарегистрировано свыше 500 вновь прибывших, причем 80% из них были приехавшие в поисках работы подмастерья, рабочие, батраки и т. д. [1170, с. 23]. Величка, где находились соляные копи, в 1840 г. имела около 800 рабочих из окрестного польского населения [1165, с. 97—102].

Большинство рабочих, особенно в сельской местности и небольших городах, было связано с сельским хозяйством и опутано многочисленными нитями феодальной зависимости. Национальный состав рабочих был пестрым. Квалифицированная их часть чаще всего была немецкого, чешского, еврейского происхождения. Основную массу вспомогательных рабочих составляли польские и украинские крестьяне или недавние выходцы из крестьян [965].

В целом процесс формирования рабочего класса в Австрийской империи в первой половине XIX в. находился на начальной стадии. Он не завершился даже в относительно более развитом австрийско-чешском экономическом районе, а в остальных областях лишь начинался. Все же в наиболее капиталистически развитых районах (Нижняя Австрия, Чехия, Ломбардия и Венето) наемный труд проникал не только в промышленность, но и в сельское хозяйство. Зарождавшийся пролетариат уже заявил о себе первыми актами классовой борьбы. Что касается национальных движений, то если рабочие принимали в них участие, они не выступали в качестве самостоятельной силы.

7. Интеллигенция

Интеллигенцией принято называть социальную группу, которая состоит из лиц, профессионально занимающихся умственным трудом (разумеется, самоназвания этого слоя в период, о котором идет речь, не существовало). Этот слой был призван удовлетворять интеллектуальные и идеологические потребности основных социальных групп общества, прежде всего — господствующего класса. В этом состоит главная характеристическая черта положения интеллигенции, которая, как подчеркивал В. И. Ленин, «не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы»⁶. В то же время интеллигенция как определенная социальная группа имеет и свои собственные интересы, которые, впрочем, подчинены той главной функциональной роли, которая определяет в конечном счете ее появление в системе социальной структуры периода разложения феодализма и развития буржуазных отношений.

Развитие капитализма вело к быстрому количественному росту интеллигенции, к существенному изменению ее социального облика. Она все более демократизировалась за счет выходцев из разночинных кругов города, из трудовых слоев деревни, из среды низшего духовенства.

В чешских землях интеллигенция в изучаемый период была пестрой в социальном и этническом отношении. Высший ее слой составляли выходцы из немецких или германизированных дворянских семей, а отчасти из разбогатевших и утративших национальный облик горожан. Часть этой интеллигенции служила правительству (например, в качестве чиновников) и была глубоко чужда, а порой и враждебна интересам чешского национального движения. Иначе обстояло с такими категориями, как учителя и низшее духовенство, подавляющее большинство которых являлось людьми неимущими и близкими к массам как по материальному положению, так и по национальной принадлежности. Именно эти группы чешской интеллигенции заняли ведущее место в национальном движении [632, с. 41—61].

Словенская интеллигенция была немногочисленной. При этом подавляющую ее часть в конце XVIII — первой половине XIX в. составляли священники. Из двадцати словенских национальных деятелей, живших в Любляне в 1828 г., лишь пятеро не принадлежали к духовенству. Многие представители интеллигенции германизировались или италянизировались. В 30—40-х годах положение стало несколько изменяться. В связи с увеличением словенского населения городов росла и прослойка словенской светской интеллигенции.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 191.

Ломбардо-Венецианское королевство стало в первой половине XIX в. важнейшим очагом итальянской национальной культуры. Только в Ломбардии в 1820—1840-х годах издавалось 22 «серьезных» журнала и газеты. Значительная по численности местная интеллигенция выдвинула целый ряд видных писателей, поэтов и ученых, чье творчество получило известность во всей Италии и содействовало развитию итальянского национального самосознания и культуры. В основном интеллигенция формировалась из буржуазных и либерально-дворянских слоев и была настроена антиавстрийски.

В Венгерском королевстве интеллигенция, пестрая в этническом отношении, складывалась в основном теми же путями, что и в западных провинциях. Однако наличие автономии Венгрии приводило к преобладанию в среде интеллигенции лиц мадьярского происхождения, в том числе — из рядов мелкого и среднего дворянства. Определенная часть ее была связана с венгерским государственным аппаратом, а также с экономической деятельностью в сфере сельского хозяйства и нарождавшегося капиталистического предпринимательства (промышленные предприятия, торговля, кредит).

По мере укрепления национального движения увеличился удельный вес словацкой патриотически настроенной интеллигенции. Примерно третья часть ее, выступавшая на страницах печати, происходила из так называемых живностенских кругов (мелкие ремесленники и торговцы и др.), в редких случаях — из батраков. Каждый пятый представитель словацкой интеллигенции был выходцем из евангелического духовенства. Небольшую часть составляла учительская (одна четырнадцатая) и чиновная среда [Нишко, 739].

В конце XVIII — первой половине XIX в. в Воеводине шел интенсивный процесс формирования сербской интеллигенции, тесно связанной с национальной буржуазией. С 1773 до 1827 г. право быть адвокатами получили 227 сербов; накануне революции 1848 г. насчитывалось около 400 сербов учителей, около 30 врачей [235, т. 3, с. 105]. Избыток здешней интеллигенции стал переселяться на Балканы, особенно в освобожденную Сербию [282, с. 81—82]. Рост сербской интеллигенции сопровождался развитием ее самосознания, стремлением обеспечить соблюдение национальных прав сербского населения. Она превратилась в активную силу освободительной борьбы.

Близкое к интеллигенции положение занимали сербы и хорваты — офицеры Военной границы, в среде которых углублялось недовольство австрийским засилием на руководящих должностях, политическим бесправием и притеснениями со стороны высших чинов.

Для хорватской интеллигенции, по происхождению буржуазной и дворянской, необходимой предпосылкой улучшения условий и расширения сферы деятельности было удаление

преград, которые мешали экономическому и общественно-политическому развитию Хорватии и Славонии. Недовольство хорватской интеллигенции усугублялось попытками мадьяризации края. Введение в Хорватии и Славонии в качестве официального венгерского языка означало для местной интеллигенции ослабление ее общественных позиций, отстранение от службы и лишение средств к существованию. Все это обуславливало ее активную роль в национально-освободительной борьбе.

В процессе формирования румынского национального движения важную роль идеологов и организаторов играли в нем интеллигенты — сперва духовного (главным образом униатского), а затем и светского происхождения. Влашские буржуазные круги оказывали формирующейся интеллигенции материальную помощь, субсидируя периодическую печать и культурно-просветительные учреждения.

Западногалицийская интеллигенция была по преимуществу польской. Генетически она была связана с различными социальными слоями, в том числе с ремесленниками и крестьянами. Но главным источником ее формирования была неимущая и мелкая шляхта.

В период до Венского конгресса, когда шло формирование первого поколения галицийской интеллигенции, едва ли можно говорить о национальных противоречиях между украинской и польской интеллигенцией. Противопоставление было в основном религиозным, и именно в этой форме оно культивировалось правительством. В первые годы австрийского господства в связи с бойкотом со стороны польской шляхты нового государственного аппарата кадры восточногалицийского чиновничества (которое, разумеется, лишь в небольшой части можно включать в интеллигенцию) частично пополнялись (особенно в судах и городских магистратах) за счет выходцев из низшего украинского духовенства и мелких дворян. Однако в дальнейшем их допускали, и то в ограниченном количестве, лишь к низшим должностям. В целом прослойка украинских чиновников была мало заметной. К тому же она в основной массе подвергалась колонизации.

Интеллигенция, складывавшаяся в Восточной Галиции за счет выходцев из разных социальных групп, в большинстве своем была инонациональной, главным образом польской. Особенно незначительным был удельный вес украинцев среди светской интеллигенции. Деятели, участвовавшие в украинском национально-культурном движении, вышли из низшего духовенства. Наиболее активно проявила себя в 1830-х годах учащая молодежь, в особенности воспитанники духовной семинарии во Львове.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода шел процесс формирования национальной интеллигенции, пополнявшейся из разных слоев тогдашнего общества, ее диффе-

ренциация и определение места в освободительной борьбе угнетенных народов. В состав интеллигенции вливалось все больше представителей социальных слоев, по своему положению (объективно) враждебных феодально-абсолютистскому строю. По мере укрепления буржуазных отношений и втягивания в освободительные движения все более широких масс коренного населения местная интеллигенция становилась национальной, т. е. сохраняла и осознавала свою этническую принадлежность к этому населению.

Роль интеллигенции в истории общественных движений в Австрийской монархии была вообще велика, ибо, как подчеркивал Ленин, «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»⁷. Как правило, из интеллигенции вырастали идеологи и политические вожди национального движения, а немногие наиболее радикальные и лучшие ее представители в большей или меньшей мере приближались к осознанию интересов трудящихся, прежде всего крестьянства, а также демократических слоев городского населения.

8. Роль городов в общественной жизни

Города занимали особое место во всех общественных движениях эпохи перехода от феодализма к капитализму как центры экономики, национальной культуры и политической жизни.

В чешских землях после трагических событий 1620 г. королевские города длительное время переживали хозяйственный упадок, а в политическом отношении перестали играть какую-либо роль. В лучшем положении оказались поместные (т. е. находившиеся под юрисдикцией феодалов) города. Рост численности городов и местечек наметился в чешских землях лишь с середины XVIII в. После отмены в 1781 г. личной зависимости крестьян численность городского населения стала существенно возрастать за счет выходцев из деревни. По данным 1846 г., в чешских землях было 405 городов и 466 местечек. Но кроме Праги (в 1841 г.— 115 тыс. человек) и столицы Моравии Брно (около 36 тыс. человек) всего лишь пять городов имели более 3 тыс. жителей [682, с. 87]. К середине XIX в. в городах проживало примерно 10% населения чешских земель.

В восточных провинциях монархии городская жизнь была менее интенсивной, причем города зачастую являлись центрами земледелия. Всего население городов Венгерского королев-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343-

ства в 1840 г. насчитывало более 400 тыс. человек, включая 50 тыс. человек в городах Хорватии и Славонии. В Трансильвании городское население составляло 140 тыс. человек [784, табл. 6]. Везде города были невелики, лишь в пяти из них проживало более 20 тыс. человек. Как и в чешских землях, в Венгерском королевстве и Трансильвании важное место в возникновении социальной структуры буржуазного типа принадлежало городам и местечкам, находившимся под юрисдикцией помещиков.

В целом города на западе и на востоке империи в последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в. играли все большую роль в общественном и культурном развитии.

В эпоху перехода от феодализма к капитализму прежний, отмеченный средневековыми и корпоративными чертами город эволюционировал в сторону города капиталистического. В социальной сфере это приводило к значительному увеличению трудового населения городов и к концентрации в них интеллигенции, а в сфере этнической в большинстве случаев — к увеличению среди горожан удельного веса основной национальности края, неодинаковому в разных землях.

Изменение структуры городского населения, естественно, приводило к усиливавшемуся вовлечению его в национальные движения. При этом у народов, не имевших собственного феодального господствующего класса, зрелость, активность и влияние национального движения находились в решающей зависимости от того, какую роль в этом движении играли городские центры, в какой степени здесь концентрировалась национальная буржуазия, трудовые, плебейские слои, учащаяся молодежь и интеллигенция.

Вместе с тем роль города зачастую была противоречивой. В чешских землях, например, город долгое время был не только центром притяжения патриотических сил, но и очагом германизации. В еще большей степени это можно сказать о городах, расположенных на территориях, заселенных словенцами. В Словакии вообще отсутствовал общенациональный городской центр. В городах Венгерского королевства поток германизации порой сталкивался с мадьяризаторскими устремлениями венгерских правящих кругов. В Галиции города являлись в ряде случаев центрами полонизации украинского населения. Все это создавало дополнительные сложности, влекло за собой обострение межнациональных противоречий.

Но именно поэтому городские центры сыграли важную роль в выработке идейных основ национально-освободительных движений. Впереди других в этом отношении шли чешские земли (Прага, Брно), Ломбардо-Венецианское королевство (Милан, Падуя, Венеция), Венгрия (Пешт, Буда) и Воеводина (Нови-Сад). Крупную роль сыграли города в развитии словенского (Любляна), польского (Краков), украинского (Львов), хорват-

ского (Загреб, Карловац) движений и т. д. По мере роста буржуазных отношений в пределах Австрийской империи в качестве национально-организующих центров порой выступали города, находившиеся вне этнической территории данного народа. Известна, например, роль Вены в словенском и чешском национальных движениях или Пешта — в истории сербской, словацкой, а также украинской культур.

9. Социальная эволюция и общественные движения

Под воздействием коренных перемен в экономической жизни в Австрийской империи шел неуклонный процесс разложения феодализма и создания социальной структуры буржуазного общества. На этой основе формировались этносоциальные общности, присущие капиталистической стадии развития — буржуазные нации.

В Дунайском бассейне процесс складывания наций начался и протекал в рамках возникшего ранее крупного централизованного полиэтнического государства, в котором австронемецкий этнос был господствующим, а венгерский одновременно господствующим и зависимым. Это не могло не воздействовать на ход общественного развития, и в период перехода от феодализма к капитализму приводило к обострению межнациональных противоречий. Данное обстоятельство отражало отмеченные Ф. Энгельсом различия в этнонациональном развитии на Западе и Востоке Европы⁸.

Антифеодальное движение в Австрийской империи в 30—40-е годы XIX в., когда кризис феодально-абсолютистского строя достиг кульминации, развивалось в сложных социальных условиях. В части собственно австронемецких земель, прежде всего в экономически развитой Нижней Австрии эти условия были более зрелыми, чем даже во Франции в 70—80-е годы XVIII в. Франция кануна великой революции переживала мануфактурный период, тогда как в наиболее передовых в экономическом отношении районах Австрии после наполеоновских войн происходил промышленный переворот и формировались классы промышленной буржуазии и фабрично-заводского пролетариата. Это относится и к чешским землям, особенностью которых, однако, было то, что крупная буржуазия и большая часть средней здесь была немецкой, как, впрочем, и значительная часть рабочего класса.

Существенно отличалась от этой ситуация в остальной, большей части габсбургской монархии. За исключением отдельных промышленных очагов, рабочий класс здесь едва начал формироваться, национальная буржуазия была в основном торго-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 250.

ростовщической, кое-где и землевладельческой, слабое промышленное производство, как правило, находившееся в руках немецких предпринимателей, не перешагнуло за рамки мануфактуры, причем преимущественно рассеянной, а основная часть неземледельческого трудового населения была занята ремеслом. Более того, экономика некоторых областей империи не достигла даже мануфактурной стадии, а немногочисленное городское население состояло из полупатриархального мещанства.

С другой стороны, наличие национальных противоречий в габсбургской монархии приводило в лагерь противников феодально-абсолютистского строя часть представителей феодального класса. В результате возникали такие сложные переплетения национальных и социальных интересов и, соответственно, такие внутренне противоречивые социально-политические блоки, которые на Западе были немыслимы, ибо там противостоящие классовые силы выступали в более или менее отчетливом виде.

Существенной чертой социального развития Австрии, ее собственн австронемецких, чешских и словенских земель в первой половине XIX в. был процесс обуржуазивания части дворян-землевладельцев, применявших наемный труд как на промышленных предприятиях, созданных в имениях, так и в земледелии (наряду с трудом зависимого крестьянства). В то же время значительная часть формирующейся буржуазии (немецкой, чешской и словенской) приобретала землю и, подобно дворянам-помещикам, эксплуатировала наемный труд и труд зависимого крестьянства. Это сближало буржуазию с дворянством, вызывало распространение умеренно-либеральных взглядов (позднее, в 1848 г., способствовало созданию либерально-консервативных блоков). В отличие от Франции, австронемецкая буржуазия поэтому искала соглашения с дворянством, с его либеральной частью, и не противопоставляла столь решительно интересы «всего народа» интересам помещиков (другим обстоятельством, определявшим такую позицию буржуазии в 40-х годах, был еще и ее страх перед пролетариатом). Противник феодально-абсолютистского строя, буржуазия опасалась и массовой революционной борьбы. Все это сказалось на ходе событий революции 1848—1849 гг.

В восточной части империи, в условиях, когда национальная буржуазия была слабой, а дворянство (у венгров и поляков) очень сильным, общие интересы буржуазного преобразования представляли по преимуществу либеральные (обуржуазивающиеся) помещики-землевладельцы. Поэтому либерализм здесь, при всей его оппозиции феодально-абсолютистской системе, стал весьма ограниченным и особенно враждебным коренным интересам крестьянства. Однако национальное неравноправие, глубокие экономические противоречия между Венгрией, в частности венгерским дворянством, и габсбургскими властями ре-

волюционизировали это умеренно-либеральное в социальной сфере национальное дворянство. О роли национального момента свидетельствует следующее. Оппозиция абсолютизму со стороны немецкого либерального дворянства в австронемецких, чешских и словенских землях была весьма умеренной, хотя процесс его обуржуазивания продвинулся значительно дальше, чем в восточной части монархии. Но для дворянства здесь отсутствовал национальный момент — один из важных факторов политических противоречий в Австрийской империи вообще.

Таким образом, в большей части Австрийской империи в борьбе против феодально-абсолютистского строя крупная роль принадлежала дворянству, крестьянским массам и плебейским и мелкобуржуазным слоям городов, тогда как буржуазия (в отличие не только от Франции, но и западных районов Австрийской империи) оказалась на втором плане. Эта ситуация усугублялась тем, что на востоке империи буржуазия по преимуществу была инонациональной.

Особо значительная роль крестьянства как массовой базы оппозиции старому строю возрастала потому, что в ряде случаев антифеодальная борьба была для крестьян борьбой против национального гнета. Темная и забитая, в большинстве своем лишенная политического сознания, крестьянская масса оставалась, однако, такой силой, с интересами и настроениями которой так или иначе вынуждены были считаться все остальные классы и социальные группы, особенно тогда, когда антифеодальная борьба в деревне усиливалась.

Деспотизм режима, произвол бюрократии, национальная дискриминация, социальное угнетение в условиях общественно-экономических сдвигов конца XVIII — первой половины XIX в. вызывали все растущее возмущение, стимулировали пробуждение общественной мысли, национального самосознания разных социальных слоев и народов Австрийской империи.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Противоречия между процессом перерастания феодальных народностей в буржуазные нации и социально-политическими условиями, в обстановке которых этот процесс осуществлялся, лежали в основе зарождавшихся национально-освободительных движений. При этом социальная антифеодалная борьба масс переплеталась и взаимодействовала с борьбой угнетенных народов за национальные права. Степень глубины и интенсивности зарождавшихся движений, их место и роль во внутриполитической жизни Австрийской империи зависели от конкретных условий, положения тех или иных народов, порождая особенности развития общественной мысли, программ, форм и методов освободительных движений, а тем самым и логику внутренней связи между ними.

С учетом этого обратимся к характеристике основных черт и особенностей общественной мысли и освободительной борьбы народов, территория которых полностью или частично оказалась под скипетром австрийских Габсбургов. Рассмотрение этих вопросов важно для понимания общей картины и динамики общественно-политического и культурного развития угнетенных народов Австрийской империи в эпоху, предшествовавшую революции 1848—1849 гг.

1. Венгры (мадьяры)

Венгерское национально-освободительное движение занимает, без сомнения, особое место в истории Австрийской империи. И прежде всего потому, что Венгерское королевство было в рассматриваемый период крупной структурной единицей империи, сохранившей не только определенную автономию, но и известную хозяйственную обособленность от остальных земель — не случайно «амальгамация» Венгрии всегда являлась мечтой Меттерниха. Вместе с тем Венгерское королевство представляло многонациональную страну, и, будучи объектом угнетения со стороны Вены, оно в лице мадьярского господствующего класса выступало угнетателем по отношению к другим народам. Это обстоятельство накладывало отпечаток на генезис венгерской общественной мысли и на выработку программных основ освободительного движения.

Начало формирования идейных и политических установок этого движения относится к последней трети XVIII в. и тесно связано с воздействием идей Просвещения, которое сохранялось и в первой четверти следующего столетия. В целом это начальный этап венгерского освободительного движения.

Важнейшими внешними факторами, способствовавшими перерастанию сословного «национализма» в национальное движение буржуазного типа, политически возглавлявшееся дворянством, явились Семилетняя война, период «просвещенного абсолютизма» 1780-х годов и события Французской революции 1789 г. Первыми проводниками новых идей в Венгрии стали студенты, обучавшиеся в университетах Галле, Иены, Эрфурта и других германских городов, протестанты из Саксонии и чешских земель, нашедшие убежище в Венгерском королевстве [525; Sugar, 1958]. Важную роль сыграли основанные в начале 60-х годов XVIII в. в Вене венгерская лейб-гвардия и Терезианская военная академия, а также превосходная для своего времени дворцовая библиотека, открытая для публики. После пятилетней службы в Вене лейб-гвардейцы возвращались домой духовно обогащенные, остро ощущая отсталость родной страны, нетерпимость царивших в ней условий. Из их рядов вышли многие венгерские просветители, составившие костяк венгерских йозефинистов.

Королевским лейб-гвардейцем был выдающийся венгерский мыслитель и поэт Дьердь Бешенеи [1118]. Считается, что появление его «Трагедии Агиса» в 1772 г. открыло эпоху Просвещения в Венгрии. Вместе с товарищами по гвардии (Барчай, Бароци), он, будучи в Вене, создал организационные основы движения, сущностью которого являлось использование в венгерских условиях рационалистического мировоззрения французских просветителей и энциклопедистов и соединение его с идеей независимости. При участии кружка Бешенеи или под его влиянием родилась новая венгерская публицистика.

С 1780 г. в Пожони (Братислава) стала выходить первая на венгерском языке газета «Мадьяр хирмондо» («Венгерский вестник»). Не без умысла она сообщала читателям, что каждая нация Европы и Америки уже имеет газеты на родном языке, что в Англии крестьяне свободны и обязаны помещику платить лишь арендную плату. Вслед за тем венгерские газеты основываются в Вене и Буда. Примечательным событием становится появление первых на венгерском языке журналов. Соратник Бешенеи Йозеф Пейчели, переводчик произведений Вольтера и Юнга на венгерский язык, в 1789—1792 гг. издавал в Комароме научно-популярный журнал «Минденеш дьйюйтемень» («Собрание всякой всячины»), который сыграл большую роль в распространении идей Просвещения. Но самым выдающимся органом венгерского Просвещения был основанный в Кошице поэтом и виднейшим организатором литературы Ференцем Ка-

зинци литературный журнал «Мадьяр музей» («Венгерский музей», 1787—1792 гг.).

Стержневой проблемой венгерского Просвещения почти с его зарождения становится проблема родного языка, его культивирования и обновления, обеспечения ему достойного места во всех сферах жизни общества. В нем просветители видят магическое средство возвышения своего народа до уровня передовых. Первым эту задачу сформулировал тот же Бешенеи, причем еще до того, как германизаторские распоряжения Иосифа II сделали проблему венгерского языка предметом политической борьбы.

В брошюре «Мадьярство» (1778 г.) Бешенеи, сетуя на тех, кто склонен предать забвению родной язык (он имел в виду аристократию), подчеркивал, что «каждая страна сама заботится о своем языке, на нем учится, судится, торгует, общается и обогащается». Отвергая мнения о несовершенстве венгерского языка и ссылаясь на пример английского, он доказывал, что ни один язык сразу не достигал совершенства и что «все нации становились просвещенными на своем языке, на чужом же — никогда»^{4*}. С целью усовершенствования венгерского языка Бешенеи в 1781 г. выдвинул проект создания Венгерского ученого общества, одной из главных задач которого было бы распространение венгерского языка и науки среди всех сословий страны. Однако прогрессивные патриотические мысли сочетались у Бешенеи с консерватизмом в общественно-политической сфере.

Движение за венгерский язык, начатое первыми просветителями, во второй половине 80-х годов, в связи с патентом Иосифа II о введении немецкого языка, приобрело широкий размах и антигабсбургскую направленность. Оно стало «исходным пунктом борьбы против феодализма, начальной формой борьбы за буржуазное единство нации, против феодального, сословного «разделения» ее на дворянство и крепостное крестьянство» [937, с. 12].

Идеи ранних представителей Просвещения получили популярность среди прогрессивно мыслящих дворян и интеллигенции, особенно северных и северо-восточных районов королевства, традиционно являвшихся базой антигабсбургских движений. В этих районах, где преобладали средние и мелкие поместья, появился новый тип обуржуазивавшегося помещика, резко отличавшегося от уповавших на труд крепостных крупных землевладельцев других районов Венгрии. Кроме того, дискриминационная религиозная и экономическая политика Вены, ударившая по благополучию протестантского дворянства севера и северо-востока королевства, дала новую пищу его оппозиционности [Balázs, 1964].

Одной из важных форм культурно-просветительской деятельности стали многочисленные, возникшие еще в начале 60-х го-

дов XVIII в. полуполигальные масонские ложи, превратившиеся в 80-х годах по существу в организацию дворянской оппозиции. Масонские ложи северной части Венгерского королевства (преимущественно словацкие земли), связанные с польским масонством, сыграли важную роль в распространении идей Просвещения, а несколько позже и йозефинизма, особенно после патента о веротерпимости, открывшего широкий доступ протестантам к должностям в комитатах. Одним из первых, в 1760 г., возник прешовский филиал Варшавской ложи, затем — филиалы в Кошице, Мишкольце, Банска-Штьявнице, Пожони (в 1777 г.). Их члены набирались в основном из числа чиновников низших рангов, служащих рудников, преподавателей школ и горной академии. В начале 70-х годов XVIII в. были организованы ложи в Буде и Пеште, которые вместе с ложами в Хорватии-Славонии — Осиеке (Эссек), Загребе, Вараждине — объединились под руководством И. Драшковича в независимую от венских, пражских и других центров так называемую Обсервацию лож земель венгерской короны, в которой преобладали дворяне и аристократы [1055, с. 28—30]. «Обсервация» ставила перед собой политические и социальные цели, а этническая неоднородность южновенгерского масонства влекла за собой его терпимость в национальном вопросе в сравнении с масонскими ложами на севере королевства, в которых преобладали мадьяры.

После издания Иосифом II патента 1785 г. о полицейском контроле над масонским движением, центр его в Венгрии переместился в Буду и Пешт, а само движение перешло на нелегальное положение. С этого времени масонские ложи принимают антигабсбургскую направленность. Масонскому дворянству принадлежала идея детронизации Габсбургов, инициатива выступлений в пользу возведения венгерского языка в ранг государственного, создания венгерской армии и внешнего представительства, а также превращения крепостных в свободных собственников.

С масонством был связан один из виднейших лидеров дворянского движения, просветитель-экономист словацкого происхождения Гергей Берзевици, видевший в завоевании национальной независимости главную гарантию экономического подъема Венгрии.

Рассматривая развитие монархии сквозь призму «Духа законов» Монтескье, он находил, что причина ее бедствий заложена в «скверных принципах правления» во всех подвластных Габсбургам странах, «принципах, неразумность которых нигде так ясно не проявляется, как в Венгрии». Однако в этом, по мнению Берзевици, повинны не только действия Иосифа II, но и недостатки самой венгерской конституции, закрепляющей «чрезмерное неравенство сословий» [374]. Отмечая разнородность составных частей монархии, Берзевици писал, что «никогда нельзя будет влить в одну форму нидерландцев с хор-

ватами; бессмысленно пытаться ввести в Милане такую же систему правления, что и в Галиции». Повторяя формулировки «Общественного договора» Руссо, Берзевици считал необходимым органическое слияние двух противоположных начал — сословного и буржуазного [545, с. 125; 1053, с. 90]. Вместе с тем он осуждал предоставление королю неограниченной власти.

В трактате, написанном по поводу указа Иосифа II 1786 г. о переписи дворянского имущества для обложения его налогами, Берзевици особое внимание уделил доказательству тезиса о том, что венгерская нация, представленная дворянством, — свободный народ, завоевавший некогда Венгрию и владеющий ею по праву завоевания [374, с. 288—289]. (Мадьяры поселились в Подунавье в конце IX—X в., создав здесь раннефеодальное государство). В этом источник личной свободы дворян и их имущества. «Теория завоевания» служила тогда обоснованию суверенитета Венгрии против венского абсолютизма, а затем, по мере обострения национального конфликта, оправданию мадьярской гегемонии в многонациональной Венгрии. Опираясь на момент мирного освоения венгерскими племенами территории королевства, сторонники этой концепции искали доводы в пользу «законности» венгерского господства в праве «завоевания».

После начала французской революции Берзевици считал, что дворянство должно освободить крепостных, провозгласить независимость королевства (включая Трансильванию и Хорватию, а также Галицию) и предложить корону английскому принцу. Он осуждал политику Вены, стремившейся ограничить промышленное развитие Венгерского королевства, и в 1797 г. писал: «Нашу родину довели до состояния, которое принято называть колониальным» [524, с. 7—8].

Более радикальную в социальном плане программу выдвинул, одновременно с Берзевици, будущий якобинец Йозеф Хайноци. Она включала выкуп барщины и прочих феодальных повинностей, признание за крестьянством права приобретения собственности, всеобщее налогообложение и др. [595]. Будучи йозефинистом, он сначала полагал, что венгерская конституция должна быть изменена сверху, при помощи имперских властей [550; 379]. Вплоть до 1792 г. он не терял надежды на сотрудничество дворян в проведении буржуазных реформ, в особенности в ликвидации монополии цехов, в урегулировании крестьянских повинностей, в развитии торговли и промыслов.

В отличие от Хайноци Игнац Мартинович, будущий лидер якобинского движения, не питавший иллюзий в отношении дворянства, выступал решительным сторонником буржуазного преобразования венгерского общества волей «просвещенного монарха». С подобными рекомендациями он обращался к двору, советуя ему опираться на буржуазные элементы города и крестьян, а не на духовенство и помещиков [776, с. 64, 71].

Умеренность, проявлявшаяся в выступлениях бывших йозефинистов в конце 80-х — начале 90-х годов, имела своим источником реальную оценку соотношения сил, размаха дворянского движения. Предложения Хайноци были направлены в этот период если не к полной ломке сословной конституции, то к раздвижению рамок «дворянской нации», включению в нее буржуазии и крестьянства путем предоставления им гражданских и политических прав. Условием представительства «третьего сословия» в государственном собрании, из которого, по мнению Хайноци, следовало исключить аристократию и клир, должно было стать владение землей. Поэтому он настаивал на признании за крестьянами права собственности. Осуществление этой минимальной программы представлялось ему первым шагом к буржуазному равенству в духе принципов Декларации прав человека, проект которой был опубликован в венгерской печати за несколько дней до утверждения его национальным собранием в Париже.

Множество проектов общественно-политических реформ, выдвигавшихся прогрессивными представителями венгерской общности, носили на себе отпечаток идей французской революции. За несколько лет в Венгрии было выпущено не менее 300 листовок, брошюр и трактатов на общественно-политические темы [1055, с. 51]. Четыре из восьми венгерских газет симпатизировали французской революции. Профессор права Д.-А. Белнай, обращаясь к государственному собранию, называл крепостных истинными носителями идеи родины и предлагал уничтожить «узурпаторскую феодальную систему» [525; 1055]. В брошюре графа А. Баттяни выдвигались требования уничтожения всяческих привилегий, упразднения церкви как общественного института, всеобщего налогообложения, созыва избираемой народом ассамблеи и провозглашения республики [525, с. 14].

Весной 1790 г. на сцену выступили буржуазные элементы города и крестьянство. Первые стремились к ликвидации дворянского засилья в городах и использовали для этого форму петиций; однако эта кампания, инициаторы которой находились в связи с тайной австрийской полицией, охватила всего лишь 10 городов с Пештом во главе.

Гораздо более масштабным и серьезным было антифеодальное движение крестьян. Начавшись в Трансильвании, оно распространилось по восточной, северо-восточной и западной частям королевства, т. е. наряду с венгерским им было охвачено славянское и владшское крестьянство. Отказ от выполнения «несправедливых» повинностей, а кое-где и попытки возвращения отнятых крестьянских земель, были наиболее радикальными его формами. Требования крестьян формулировались ими на сходках, а также в листовках и памфлетах, написанных деревенскими священниками и писарями, «лапотными дворяна-

ми», а от их имени нередко... агентами двора, пытавшимися нейтрализовать более грозное для Австрии дворянское движение подстрекательством крестьян против помещиков. Агенты двора распространяли среди сельских жителей легенды о «добром короле» — покровителе крестьян, и «злодее-помещике» [Mályusz, 1931; 89, т. 2, с. 26].

Движение в Венгрии сделалось угрожающим, как только оно стало перерастать рамки сословной оппозиции недовольного реформами Иосифа II дворянства и принимать национальный характер. Дополнительным толчком к этому явилась турецкая война и возросшие в связи с ней тяготы. Озлобление населения набором солдат и реквизицией продовольствия позволили комитатскому дворянству в 1788—1789 гг. организовать широкое сопротивление австрийской администрации и парализовать снабжение габсбургских войск. Венгерская дворянская оппозиция в лице ее лидеров братьев Орци, О.-П. Балоба и Й. Подманицки в 1788—1789 гг. завязала переговоры с пруссаками и Веймаром на предмет лишения Габсбургов прав на венгерскую корону и избрания королем герцога Карла-Августа Веймарского. Веймарский канцлер Гете, одобрявший эти планы, считал необходимым подождать с их осуществлением, пока не станет очевидной готовность внешних и внутренних врагов австрийского дома к решительным действиям [582]. Одновременно велось подстрекательство крестьян со стороны венгерских помещиков против двора. Усиливались антиавстрийские настроения в комитатских собраниях. События в Венгрии сыграли не последнюю роль в отмене большинства патентов Иосифа II, последовавшей в начале 1790 г.

Отмена реформ, однако, не означала полного восстановления старых порядков. Отступление абсолютизма не принесло успокоения, наоборот, возбуждение и невиданная ранее политическая активность находила новые формы проявления. Развернувшаяся с начала 1790 г. подготовка к открытию государственного собрания, включавшая избрание комитатами депутатов и выработку наказов, создала легальную почву для формирования общественного мнения и выдвижения политических требований. Возвращение в Буду короны св. Иштвана, незаконно увезенной в 1783 г. в Вену, послужило поводом к внушительной антигабсбургской демонстрации в пользу восстановления государственной самостоятельности. Под предлогом эскортирования короны на пути из Вены в Буду дворянство создавало вооруженные отряды. Вскоре и этот предлог был отброшен. В комитатах началась подготовка к созданию национальных вооруженных сил и созыву дворянского ополчения.

К весне 1790 г. движение в Венгрии приобрело ярко выраженный национальный характер. Отличительная его черта в этот период — переключение борьбы за национальную независимость со стремлением поместного дворянства к упрочению

феодалных привилегий. Подобное сочетание двух начал с упором на мотивы национального характера обеспечило комитатам руководящую роль в движении, которая отныне сохранилась за ними вплоть до революции 1848 г. Комитаты, особенно наиболее активные в общественно-политическом отношении,— Пожонь, Нитра, Фейер, Боршод, Земплен, Саболч, Бихар, Пешт и другие, присваивая себе функции общенационального рупора, подобно «третьему сословию» во Франции, разрабатывали политическую платформу движения. В ее основе лежал проект конституции, составленный О.-П. Балогом и ставший предметом дебатов в государственном собрании 1790—1791 гг.

Идейную основу проекта, направленного прежде всего на ограждение интересов помещиков, представляла причудливая смесь положений венгерской феодальной конституции с идеями, заимствованными у Руссо и Монтескье, и с лозунгами французского национального собрания. Требования проекта сводились к следующему: ежегодный созыв государственного собрания без королевской санкции; передача законодательной инициативы и власти исключительно «народу» (король имеет право на утверждение законов и одноразовое вето, при вторичном принятии законопроекта король обязан его утвердить); предоставление исполнительной власти сенату, избираемому государственным собранием (сенат вправе отменить любое «незаконное» распоряжение короля) [393, с. 5—6; 621, т. 5, с. 56].

Таким образом, конституционный проект урезывал прерогативы короны. Однако государственное собрание представляло не «третье сословие», а «исторические» сословия, и двери его были закрыты для недворян. Буржуазные элементы города, как и крестьянство, согласно проекту, по-прежнему оставались бесправными.

Осенью 1790 г., используя изменения в международной обстановке (соглашение в Рейхенбахе), социальную демагогию и разжигание национальной розни, Леопольд II вынудил венгерское дворянское движение к отступлению. После этого государственное собрание, став сговорчивее, согласилось избрать местом своих заседаний Пожонь вместо Буды, короновать Леопольда II венгерской короной и избрать его сына Александра-Леопольда палатином.

Так был восстановлен нарушенный Иосифом II мир между «нацией и короной», служивший основой внутренней стабильности монархии в течение последующих десятилетий, вплоть до окончания наполеоновских войн. Мир этот, несмотря на успех двора, был компромиссным. Отпечаток компромисса между венским централизмом и венгерским партикуляризмом лежал почти на всех законах, принятых государственным собранием в 1790—1791 гг.

Законы государственного собрания, утвержденные королем, признавали конституцию и государственную самостоятельность королевства, которое должно было управляться «свободно, согласно собственным законам и обычаям» и независимо от других провинций монархии. Право издания, отмены и толкования законов принадлежало собранию вместе с королем. Было признано равноправие протестантских и православной церквей, право свободного переселения крестьян.

В языковом вопросе венгерское движение, однако, потерпело чувствительное поражение. Правда, корона обязалась не вводить в королевстве чужого языка. Но попытка венгерского дворянства ввести в Хорватии венгерский язык привела к конфликту, в котором двор встал на сторону хорватов.

Борьба за превращение венгерского языка в официальный являлась одной из главных целей движения уже на этом этапе. В ней отчетливо проступали все сильные и слабые стороны, сочетались прогрессивные и реакционные националистические элементы движения. Законное стремление усовершенствовать родной язык, обеспечить ему достойное место путем признания его официальным языком государства в условиях многонациональной страны должно было задеть интересы других народов и обернуться в конце концов нетерпимым национализмом господствующей нации.

Эта сложная ситуация почти с самого зарождения венгерского освободительного движения усугублялась попытками навязать венгерский язык народам королевства. Подобными побуждениями руководствовались не только оголтелые шовинисты или реакционеры; они не были чужды и представителям венгерского просветительского движения (Д. Бешенеи, А. Дугонич, Ф. Казинци). Ш. Дечи, в частности в трактате «Паннонский феникс или восставший из пепла венгерский язык» (1790), призывал к «незаметной мадьяризации» посредством школы и церкви [1118, с. 62]. Его работа оставалась программным документом мадьяризации, и в первые десятилетия XIX в. Ф. Казинци, выдающийся деятель национальной культуры, призывал даже изгнать «из нашей родины тех, кто пользуется венгерским хлебом и воздухом и несмотря на это отказывается учиться венгерскому».

Видному ученому-лингвисту и поэту Миклошу Реваи также казалось недалеким время, когда благодаря образованию «словак, серб, влах, немец» охотно станут мадьярами. А публицист и проповедник Й. Пейчели в 1790 г. наивно полагал, что спустя 50 лет все жители Венгрии и Трансильвании станут «урожденными мадьярами» [488, т. 3, с. 273].

Таким образом, в течение одного десятилетия идея венгерского языка превратилась в мощную силу, используемую в политических целях и направленную на создание одноплеменного государства. Идея эта, по своему содержанию и ха-

рактору чисто буржуазная, имела мало общего с феодальной концепцией «нацио хунгарика», а основой для нее служило истолкование венгерскими идеологами опыта Англии и Франции. В то же время патриотизм все более перерастал в проповедь национальной венгерской исключительности.

С 1790-х годов предпринимались попытки использования венгерского языка в официальной практике, наталкивавшиеся на сопротивление Вены. Тем не менее, несмотря на усилия венского абсолютизма столкнуть венгерское движение с национальными устремлениями других народов королевства, в этот период оно главным острием своим было направлено против австрийского абсолютизма — общего и главного врага всех угнетенных народов империи.

Постепенно в Венгрии складывалось республиканское движение. Уже весной 1793 г. радикальные представители дворянства и интеллигенции восьми комитатов, преимущественно северо-востока, разработали платформу действий, которые в конечном счете должны были привести к установлению в Венгрии республиканского строя с двухпалатным парламентом, а также к ликвидации аристократии как сословия.

Особым радикализмом отличались взгляды группы интеллигенции, с которой сблизился Игнац Мартинович. Философ-естествоиспытатель, бывший придворный хирург и тайный осведомитель Леопольда II, он первоначально возлагал надежду на «просвещенного» монарха. В начале 1793 г. вернувшись в Венгрию, он был готов служить двору путем организации выступлений протестантов, крестьян и угнетенных национальностей против венгерского дворянства и заодно выдавать их руководителю полиции. Мартинович сошелся с радикальной группой венгерского республиканского движения, которую назвал «якобинской сектой». Вместе с видным венгерским якобинцем Яношем Лацковичем он осенью 1793 г. разработал проект конституции, рассчитанный на привлечение и умеренных кругов дворянства. Проект интересен не только тем, что предлагал учреждение конституционной монархии с двухпалатным парламентом, включавшим представителей «третьего сословия», но и тем, что содержал, вероятно, впервые в европейской истории, предложение о решении национального вопроса на принципах территориальной автономии. В нем речь шла о преобразовании королевства в некое подобие федерации путем создания трех автономных провинций с учетом этнического состава населения — Славоники (северо-западные комитаты), Иллирики (в составе Хорватии, Славонии, Далмации и части южных комитатов Венгрии), Валахии (Трансильвания и Банат). Этим, очевидно не в последнюю очередь, объясняется распространение республиканского движения на Трансильванию и Хорватию [393, с. 64].

Весной 1794 г. во главе с Мартиновичем было создано тайное «Общество реформаторов» и еще более строго законспирированное «Общество свободы и равенства» (последнее было более узким и более радикальным). Программа первого общества, названная «катехизисом», призывала венгров следовать польскому примеру, устранить короля и монархию и издать законы, «одинаково хорошие для дворян и недворян». Ставилась цель преобразования королевства в федеративный союз национальных провинций (с самоуправлением и собственной конституцией), которые должны были сплотиться для организации обороны от внутренних и внешних врагов. На второе общество возлагалась задача осуществления союза с крестьянством и организация восстания с привлечением крестьян, горожан, а также граничар. Созданная таким образом Венгерская республика должна была конфисковать имущество церкви, государства и бежавших врагов революции и установить союзные отношения с Францией, Турцией и поляками.

Заговорщическая тактика, а главное, отсутствие достаточно широкой социальной базы (прежде всего среди самой политически активной части общества — дворянства) и незрелость социально-экономических и общественно-политических условий едва втягивавшейся в капиталистическое развитие страны должны были обречь на поражение республиканское движение, цели которого были внушены французским примером более, чем местными условиями, и оказались чересчур смелыми для тогдашней Венгрии [1095, с. 171]. Хотя заговор был раскрыт уже в июле 1794 г., массовые аресты последовали лишь осенью, после того как многие его участники были выданы Мартиновичем. Австрийский суд приговорил 18 из 58 обвиняемых к смертной казни, остальных к длительному тюремному заключению. Среди них были выдающиеся деятели венгерского Просвещения и культуры Ференц Казинци и Янош Бачани. 20 мая 1795 г. у стен крепости Буда были казнены Игнац Мартинович, Йожеф Хайноци, Ференц Сентмарян, Янош Лацкович и граф Якаб Жиграи, а 4 июня Пал Ез и Шандор Соларчик [89, т. 2, с. 35—37].

Разгром якобинской группировки явился тяжелым ударом для всего прогрессивного движения в Венгрии. Тем не менее якобинство не исчезло бесследно, и дух непокорности продолжал жить в сердцах наиболее стойких патриотов. Австрийская реакция спустя два года после расправы устами министра полиции должна была признать, что в Венгрии ей не удалось «вырвать корни опасного яда» [Koságy, 1971].

В то же время подавляющая часть венгерского дворянства, напуганная венгерскими якобинцами, пошла на сотрудничество с Веней и безучастно отнеслась к посулам в ее адрес со стороны Наполеона (прокламация «К венграм» 15 мая 1809 г.). Мысль о завоевании независимости с иностранной помощью и

создании конституционной национальной монархии привлекла в Венгрии очень немногих, среди которых достойны упоминания Гергей Берзевици и поэт Янош Бачани. Оба они — видные деятели Просвещения, были замешаны в якобинском заговоре и выступали с антифеодальных позиций. Берзевици в 1809 г., еще до наполеоновской прокламации, составил проект венгерской конституции, который, в противоположность прокламации, содержал широкую программу буржуазных преобразований. Их осуществление связывалось с французской помощью (отмена крепостничества, конфискация церковного имущества, уничтожение десятины, наделение крестьян землей и др.). Бачани после года, проведенного в австрийской крепости Куфштейн, в 1809 г. бежал в Париж и принимал участие в редактировании венгерского текста наполеоновской прокламации. В 1815 г. он был схвачен австрийской полицией и до конца жизни находился в заключении.

Вплоть до второй половины 20-х годов XIX в. венгерское национальное движение, лишенное политических форм самовыражения, практически оказалось отброшенным к исходным позициям начального этапа Просвещения.

После наполеоновских войн, когда экономическая основа союза венгерского дворянства с австрийским абсолютизмом дала глубокую трещину, на первый план явственно выдвинулись проблемы развития национальной культуры, ставшей выразителем идей национальной независимости и буржуазного прогресса. Культивирование венгерского языка и его обновление, освобождение от тяжеловесных форм и архаизмов — все это одновременно было призвано служить и национально-политическим целям. Не случайно, что инициатором и лидером движения за модернизацию языка и литературы выступил писатель и поэт, а главное — выдающийся организатор прогрессивных сил венгерской культуры Ференц Казинци, проведенный более семи лет в подземельях крепости Куфштейн. Стараниями Казинци начала складываться национальная литературная жизнь. Возникают новые театральные труппы, в музыкальной жизни находит отражение народное творчество, жанр «вербункош» (народных песен), возникновение которого относится к эпохе освободительной войны куруцев, наполняется новым содержанием. Важными вехами национального развития становятся основание Национального музея (1802 г.) и Венгерской академии наук (1825 г.).

Новый этап венгерского освободительного движения наступает с 1825 г., когда на передний план вновь выдвинулась политическая борьба, тогда как национально-культурные проблемы отодвинулись на второй план. Эти последние перед революцией 1848—1849 гг. два десятилетия венгерской истории получили название эпохи реформ. Июльский переворот во Франции, польское восстание, а также волнения крестьян в восточ-

ных и северо-восточных районах королевства («холерный бунт») придавали движению за реформы всеобщий характер, ускоряли поляризацию социальных сил.

Венское правительство, вынужденное считаться с растущим сопротивлением комитатов, саботировавших набор рекрутов в армию и уплату незаконно введенных налогов, разрешило созыв государственного собрания. Однако подавляющее большинство его членов не в состоянии еще было осознать жгучую необходимость осуществления буржуазных преобразований и прежде всего облегчить участь многомиллионного крестьянства. Они настаивали лишь на соблюдении короной сословной венгерской конституции.

Лишь немногие наиболее дальновидные представители господствующего класса ощущали необходимость осуществления радикальных структурных перемен, чтобы вывести страну из застоя. Инициатором буржуазных преобразований выступил один из крупнейших магнатов, граф Иштван Сечени. Его программа была разработана в трех нашумевших работах 1830—1833 гг. — «Кредит», «Свет», «Штадиум» («Стадия»).

Сечени не только теоретически обосновывал необходимость реформ. Он находился в центре острой политической борьбы между силами прогресса и реакции. С именем Сечени связаны основание национальной Академии наук, сооружение первого постоянного моста между Будой и Пештом, урегулирование стока рек для облегчения судоходства по Дунаю и Тисе, учреждение первого Экономического общества, первых паровых компаний и кредитных учреждений.

Прежде всего, согласно программе Сечени, следовало главную отрасль венгерской экономики — сельское хозяйство — перевести на рельсы капиталистического развития и вовлечь в хозяйственные связи все отдаленнейшие уголки королевства. Но, доказывал он, это невозможно осуществить ввиду отсутствия у подавляющего большинства землевладельцев капитала. Хорошо налаженная система кредита — вот то, по мнению Сечени, волшебное средство, при помощи которого венгерское общество может совершить скачок из средневековья в цивилизацию XIX в. А для этого, по мысли Сечени, необходимо предпринять ряд социально-политических мер. Во-первых, следует отменить авицитет — старинный запрет помещику свободно распоряжаться земельной собственностью. Во-вторых, превращение земли в предмет купли и продажи, в товар должно сопровождаться заменой малопродуктивного труда феодально зависимых крестьян наемным трудом, ибо ни одна страна не приходила, по его словам, к расцвету «палкой и кнутом». Кроме того, Сечени предлагал упразднить десятину, ликвидировать цеховые ограничения в интересах развития ремесла и промышленности.

Программа Сечени отличалась широтой постановки вопросов и объективно носила прогрессивный характер. Но слабость ее заключалась в том, что социально-экономические преобразования, буржуазные по сути, должны были, по замыслу автора, осуществляться в интересах крупного землевладения и под руководством аристократии. Вместе с тем критика Сечени политики абсолютизма, в особенности в экономической, торговой и таможенно-тарифной областях, не влекла за собой постановку проблемы национальной независимости. Более того, Сечени не скрывал скептического отношения к возможности существования Венгрии в качестве суверенного государства, ввиду того, что она окружена германским миром, с одной стороны, и славянским — с другой.

Будущее страны он видел только в рамках империи Габсбургов и в союзе с династией, будучи убежден в том, что феодализм может быть устранен при помощи абсолютистского режима. В этой своей части программа Сечени не выражала устремлений основной массы венгерской дворянской оппозиции.

В 1840-х годах руководство освободительным движением окончательно перешло к Лайошу Кошуту, выражавшему настроения среднего обуржуазивавшегося дворянства. В отличие от деятелей типа Сечени, надеявшихся на преобразования с помощью династии, Кошут и его сторонники стремились достичь цели на путях политической организации прогрессивных сил. Кошут отстаивал в крестьянском вопросе лозунг «свободная земля и свободный человек», подразумевая под этим выкуп повинностей и ликвидацию крепостничества. Эти требования отвечали также интересам части аристократии, одним из представителей которой был Лайош Баттяни. Эта, наиболее дальновидная часть магнатов, понимая, что сохранение существующего положения чревато опасностями для их классовых интересов, пришла к выводу о необходимости ликвидации, хотя и постепенной, дворянских привилегий и предоставления всем жителям Венгерского королевства политических прав. Важным рупором взглядов Кошута в начале 1840-х годов стала газета «Пешти хирлап». В 1847 г. происходит дальнейшее сближение оппозиционных сил, включавших как магнатов во главе с графом Лайошем Баттяни, так и мелких дворян, которых возглавляли братья Мадарасы. Стремление сохранить единство движения вынуждало Кошута делать уступки умеренным деятелям оппозиции, а половинчатая позиция вызывала недовольство среди левых его сторонников [89, т. 2, с. 71].

Одним из эффективных средств и политической формой борьбы против иноземного абсолютизма, за восстановление государственной независимости стало в эти годы движение за утверждение прав венгерского языка в качестве официального языка королевства. Этой цели служил ряд законов, принятых государственным собранием в 1805, а особенно в 1830, 1832—1836,

1843—1844 гг. [358, с. 116—118]. Но руководство венгерским движением не желало признать столь же обоснованные языковые требования невенгерских народов. Подобные устремления объявлялись покушением на неделимость венгерского государства. Законы 1840-х годов о введении венгерского языка в качестве языка обучения во всех школах (за исключением Хорватии), о записях актов гражданского состояния на венгерском языке служили целям принудительной мадьяризации. Особенно усердствовала администрация комитатов, население которых частично или преимущественно состояло из словаков, немцев, сербов, влахов и украинцев.

Мадьяризаторские устремления венгерского движения, добивавшегося утверждения буржуазных отношений, опирались на выгодное дворянству ложное отождествление государства с нацией, выраженное в лозунге «одно государство — одна нация». Этот принцип, возникший, как отмечено выше, еще в 1790-х годах, получил в 1830—1840-х годах широкое распространение среди участников мадьярского движения. Традиционное феодальное понятие «нацио хунгарика», наполняясь буржуазным содержанием, приобретало еще в ту пору, когда мадьяры были нацией угнетенной, свойственные буржуазному национализму черты нетерпимости и даже агрессивности. Венгерская «политическая нация», по замыслу дворянских идеологов, должна была вобрать в себя все народы страны. Формула «политической нации» сочетала этнический момент — защиту свободного развития складывающейся мадьярской нации — с государственно-правовым принципом, т. е. с притязаниями мадьярских господствующих классов на гегемонию во всем многонациональном Венгерском королевстве (и даже на мадьяризацию всего населения).

При этом венгерская оппозиция полагала, что предоставлением невенгерским народам буржуазных прав и свобод она лишит национальные движения почвы и сделает их союзником в борьбе против венгерского абсолютизма и против распространения влияния России среди славян Венгрии («панславизма»). Один из лидеров оппозиции Ф. Пульски выражал уверенность, что «всеобщая свобода и уничтожение крепостнических цепей положит конец национальному подстрекательству как у протестантских словаков, так и у православных сербов и румын» [191, т. 2, с. 283]. Такую позицию разделяли и другие видные лидеры движения за реформы, включая Вешеленьи и Кошута.

В противоположность этому И. Сечени осуждал попытки принудительной мадьяризации невенгерского населения и указывал на ее бесперспективность и опасность с точки зрения интересов государства. Сечени не отрицал идеи мадьярской гегемонии, но предупреждал, что насильственная мадьяризация не может иметь успеха: «слабым венгерским кувшином нельзя бить по славянскому и немецкому каменному сосуду», — утверж-

дал он, подчеркивая, что в противном случае и венгерский суд «вскоре будет разбит вдребезги» [1054, с. 105, 181—190].

Рассуждения Сечени вызвали резкий отпор со стороны Кошута, Вешеленьи и других вождей либерального дворянства. Слои дворянства, в большей мере связанные с буржуазными интересами, были и более националистическими. В то же время Сечени встретил понимание со стороны лидеров невенгерских народов. В январе 1843 г. хорват Л. Гай приветствовал в своей газете речь Сечени в Венгерской академии наук, группа словацких интеллигентов благодарила Сечени за ту же речь в специальном письме, о ней положительно отозвался сербский журнал.

Как уже отмечалось, действенными центрами венгерского общественного движения 30—40-е годы XIX в. стали комитатские собрания. Они выносили решения и принимали меры по расширению сферы применения мадьярского языка. Об этом узнавала практически вся страна, поскольку каждый комитат считал своим долгом извещать о своих решениях остальные комитаты. В сочетании с публичным характером заседаний государственного собрания и эффектом, который порождался периодической печатью, общественное мнение было информировано о событиях в национальных масштабах. А это оказывало огромное влияние на формирование национального самосознания венгерской нации.

Постепенно вытеснялось сознание «венгерской» феодальной общности (хунгаристское сознание). Подрывались устои концепции «дворянской нации» (нацию хунгарика), которая включала в свой состав лишь привилегированные сословия, невзирая на их этническую принадлежность, ставила вне рамок «нации», а тем самым и конституции огромное большинство венгерского и других народов и теоретически обосновывала лишение их политических прав. Тенденция к расширению рамок нового понятия нации одновременно сопровождалась ростом недовольства против высшего слоя дворянской «нации» — аристократии, космополитической по образу жизни и преданной чужеземному абсолютизму. По мере того как в моду входили национальные венгерские обычаи, музыка, фольклор, танцы, не говоря уже о родном языке, предметом острых нападок и ядовитых насмешек становились не только чужеземные чиновники, «немецкие» привычки, но и «собственные» аристократы, говорившие на венгерском языке с иностранным акцентом или вовсе его не знавшие.

В канун революции в венгерском национально-освободительном движении зародилось течение, отражавшее социальные устремления эксплуатируемых масс. Мировоззрение Михая Танчича, Шандора Петёфи и других видных представителей этого демократического, плебейско-крестьянского направления общественной мысли Венгрии складывалось под влиянием передовых европейских идейных течений и в первую очередь французского

Просвещения и утопического социализма. Заимствованные отсюда идеи всеобщего равенства и естественного права служили идеологическим оружием в борьбе Танчича против крепостничества, за обеспечение крестьянину достойных человека условий существования. Борясь против привилегий дворянства, он утверждал право на равенство всех членов общества, и в первую очередь крестьян. Причину социального неравенства Танчич, вслед за французскими просветителями, искал в нарушении господствующими классами естественного права, в несовершенстве и несправедливости существующих законов, наивно полагая, что для устранения социального зла и гнета достаточно будет провозгласить закон, объявляющий всех жителей равными. Тогда, писал он, этот закон «сойдет в одну нацию всех людей, живущих в нашей стране, разных по обычаям и языку... прославит нашу страну, навеки утвердит ее национальное величие» [297, с. 122].

Революционное значение программы Танчича состояло в бескомпромиссной критике крепостничества, в решительном отстаивании безвозмездной отмены барщины и предоставления крестьянам земли без выкупа. Требование раздела земли с установлением максимального размера участков, в том числе и для помещиков (до 40 хольдов), и право на владение собственностью вообще Танчич связывал с трудом, являвшимся в его глазах единственным источником права на землю: «...лишь тот, кто работает, трудится на своей земле, может по справедливости назвать ее своей», — писал он.

Танчич допускал возможность преобразования общества на «разумных» началах «сверху», правителями, но основные свои надежды на коренные социальные изменения он возлагал на народ. В пробуждении народа к активной деятельности он и видел свою задачу, будучи убежден в том, что «угнетатель не может осуществить своих намерений там, где нет рабских душ», ибо в противоположном случае «виноват сам народ». В соответствии с теоретическими построениями «утопического коммунизма» Танчич еще до революции 1848 г. называл «незабываемым и самым страшным фактом человеческой истории», «первейшим преступлением общества» против человека «право на частную собственность»^{5*}.

На крайнем фланге венгерских демократов в канун революции находились выдающийся венгерский поэт-публицист Шандор Петёфи, историк и публицист Пал Вашвари, Йожеф Мадарас и другие представители «Молодой Венгрии» — кружка революционно настроенной молодежи, во главе которого с 1846 г. стал Петёфи. Они были сторонниками широких преобразований при решающем участии масс и посредством революции [89, т. 2, с. 72—74]. При существенных противоречиях между радикально-демократическим и либеральным течениями в социальной сфере их сближала борьба за национальную независимость.

Процесс поляризации классовых сил венгерского национально-освободительного движения, ускорившийся во второй половине 1840-х годов, привел к возникновению в 1847 г. двух первых в истории Венгрии политических партий — Консервативной (Д. Аппони, П. Сечени, А. Вай) и Оппозиционной во главе с Л. Баттяни, Л. Кошутом, Ф. Пульски, Ф. Деаком. Первое столкновение обеих партий произошло на сессии государственного собрания в 1847 г., где оппозиции удалось добиться утверждения нижней палатой проекта закона о выкупе барщины. «В Венгрии сейм подготавливает революционные законопроекты», — писал об этом Ф. Энгельс¹.

Но дворянский либерализм в тех формах, которые сложились в эпоху движения за реформы, сумел лишь подойти к решению коренных социальных, политических и национальных проблем. Поляризация сил в рядах национально-освободительного движения и усиление тенденций к достижению национальной независимости Венгерского королевства непосредственно подвели венгерское движение к революции.

2. Итальянцы *

То обстоятельство, что итальянское освободительное движение в Австрии протекало на части коренной этнической территории, насильственно включенной в состав габсбургской монархии, создавало предпосылки для возникновения связей освободительной борьбы в австрийской части итальянских земель с общетальянским общественным движением. Но на итальянской территории исторически существовало несколько государств, что не могло не накладывать на ход освободительной борьбы дополнительного отпечатка.

Политическое влияние Австрии в рассматриваемый период выходило далеко за пределы Ломбардо-Венецианского королевства. В той или иной форме и степени оно распространялось на Тоскану (где, кстати, с 1737 по 1860 г. с небольшими перерывами правили члены Габсбургско-Лотарингской династии), Парму и Королевство Обеих Сицилий. В то же время государственно-политическая раздробленность, крайняя слабость внутризкономических связей и широкое распространение диалектов обуславливали отчужденность населения отдельных областей страны и облегчали вмешательство в ее дела более сильных соседних государств. Борьба за объединение страны являлась

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 476—477.

* Итальянское освободительное движение составляет весьма обширную тему; так как оно в меньшей мере, чем остальные, было связано с внутрявстрийским комплексом проблем, то в книге приводятся лишь сжатые, наиболее важные сведения по истории борьбы итальянского народа против габсбургской власти.

первоочередной задачей итальянской общественности и освободительного движения.

В Италии в XVIII в. господствовало регионально-партикуляристское сознание, жители полуострова считали себя не итальянцами, а венецианцами, пьемонтцами, миланцами, римлянами, неаполитанцами и т. д., т. е. не сознавали своей принадлежности к одному народу. Представление о национальной общности населения различных итальянских государств было чуждо не только широким народным массам, но, за небольшим исключением, также имущим и образованным слоям общества. И если, скажем, в польской общественной мысли не только до, но и после разделов государства сохранялось представление о единстве народа и его культуры, то здесь такое представление предстояло еще выработать и внедрить в идеологические концепции национально-освободительной борьбы. Эту задачу поставили перед собой во второй половине XVIII в. итальянские просветители.

Г. Филанджери, Ф. Альгаротти, Ф. Галеани-Напионе, П. Верри, Дж. Карли и ряд других мыслителей эпохи итальянского Просвещения отстаивали идею единой итальянской нации и стремились доказать, что все итальянцы, несмотря на их территориально-государственную разобщенность, обладают общей родиной. В 1766 г. Дж. Карли напечатал в миланском журнале «Иль'Каффе» статью «О Родине итальянцев», представлявшую одно из наиболее ярких свидетельств пробуждающегося национального сознания. Карли страстно ополчился против «общего для Италии обычая называть иностранцем того, кто не родился и не живет внутри городской стены». Карли приходилось с горечью доказывать, что уроженец любой области Италии, житель любого государства полуострова является «итальянцем» и что употребление самого этого понятия столь же правомерно в Италии, как понятие «француз» и «англичанин» во Франции и Англии [945, с. 51—53]. Другой представитель просвещения А. Джезовези пришел к мысли о необходимости государственного объединения Италии как главного условия преодоления ее экономической и социальной отсталости. Однако этот вывод носил еще абстрактный характер и сочетался с признанием исключительно мирных методов общественных преобразований, в сотрудничестве с просвещенными монархами при сохранении существовавшей государственно-политической системы.

Глубокие идейные сдвиги произошли в период французской буржуазной революции и наполеоновского господства в Италии. Именно в 90-е годы XVIII в. родилось и приняло необратимый характер движение за национальное объединение и независимость Италии (Рисорджименто).

На первых порах оно развивалось в теснейшей связи с борьбой патриотов за осуществление буржуазно-демократических идеалов, усвоенных под воздействием французской революцион-

ной идеологии. Это движение объединяло представителей буржуазной и дворянской интеллигенции, мелкой буржуазии, духовенства, чиновников, военных и частично городских низов. В сознании его участников республиканско-демократические идеи неразрывно переплетались с национально-патриотическими устремлениями. Заимствованный у революционной Франции лозунг «единой и неделимой республики» на итальянской почве обретал новый смысл, ибо его осуществление было невозможно без ликвидации раздробленности Италии и ее национального объединения. Распространению этого лозунга, стимулировавшего развитие национального сознания, способствовал проведенный осенью 1796 г. в освобожденной от австрийцев Ломбардии публичный конкурс работ на тему: какая форма «свободного правления» наиболее соответствует интересам Италии? Победитель конкурса М. Джойя и многие другие его участники (М. Гальди, Л'Аурора, Латтанци, Ланчетти), опираясь на теорию «естественного права» и народного суверенитета, призывали в своих политических трактатах к слиянию Италии в единую республику. В отличие от просветителей XVIII в., ограничивавшихся констатацией самого факта существования итальянского народа, публицисты и идеологи революционной эпохи подчеркивали необходимость практической борьбы за объединение Италии как необходимой предпосылки образования нации и обретения ею подлинной независимости.

Национальная проблема, осознанная в 90-е годы уже не одиночками, как прежде, а целыми слоями итальянского общества, была, таким образом, выведена из сферы научных или литературно-риторических построений и сформулирована буржуазно-республиканскими идеологами в качестве конкретной задачи, требующей разрешения путем создания общенационального демократического государства.

Однако крайняя сложность этой задачи и слабость демократических и патриотических сил, не имевших прочной опоры в массах, особенно среди крестьянства, побуждали большинство идеологов и участников республиканского движения отводить основную роль в объединении Италии сначала республиканской Франции, как носительнице передовых идей и социального прогресса, а после 18 брюмера — Бонапарту. Это требование учащается в конце 90-х годов, когда слабые, не связанные между собой «дочерние» республики легко рушились под напором войск антифранцузской коалиции и внутренней реакции. В частности, в июле 1799 г. группа республиканцев из Ломбардии, Пьемонта, Неаполя, Венеции и Рима направила парижским властям петицию, осуждавшую Директорию за поддержание раздробленности страны и призывавшую объявить «все народы Италии — от Альп и до Сицилии ...абсолютно независимыми и свободными избрать такую форму демократического правления, которую они сочтут наиболее отвечающей их благу» [945, с. 177]. Но эти

обращения были тщетны, ибо политика Директории и Наполеона заключалась в сохранении раздробленности Италии для удержания ее под французским господством.

Крушение надежд на объединительную миссию Франции и возмущение грабительской политикой французской буржуазии привели часть патриотов на антифранцузские позиции и побудили их — в связи с крахом наполеоновской империи — к попыткам обеспечить поддержку дела независимости Италии со стороны Англии и даже Австрии. Эти иллюзорные надежды отразились, например, в статуте «Общества гвельфов» (1813 г.), которое, добиваясь национальной независимости, объявляло себя под покровительством Англии как державы, якобы «наиболее расположенной к национальному движению в Италии» [945, с. 259—261]. Еще дальше пошли представители зародившегося карбонарского движения, представившие в 1813 г. английскому правительству проект создания конституционной монархии в Италии во главе с выборным монархом, которым мог стать и член английского королевского дома. С другой стороны, в 1814 г. секретарь временного правительства Милана Гауденцио де Пагаве доказывал в своей записке, что Австрии следует поддержать создание независимого итальянского королевства в качестве противовеса экспансионистским устремлениям Пруссии и России. Подобные проекты, помимо неосведомленности их авторов о намерениях великих держав, отражали слабость и дезориентацию итальянского национального движения.

С крушением Наполеона политическая раздробленность Италии была закреплена в результате восстановления абсолютных монархий. Их опорой стала Австрийская империя. И отныне итальянское национально-освободительное движение приобрело антиавстрийскую направленность.

В период Реставрации четко определились те сдвиги в настроениях социальных слоев, выступавших за обновление итальянского общества, которые обнаружили себя еще в наполеоновский период. Итальянская буржуазия в большинстве своем отвернулась от республиканизма и перешла на монархические позиции в надежде, что ей будет предоставлена доля участия в государственном управлении. Поскольку абсолютные монархии и стоявшие за ними реакционные силы не склонялись к компромиссу, стесняли экономическую деятельность буржуазии и обрекали ее на политическое бесправие, последняя стала готовиться к открытой борьбе за свои политические притязания. Главным из них было требование конституции — по образцу испанской 1812 г. или французской 1814 г. Либерально-конституционная программа получила популярность среди участников подпольного политического движения, охватившего тогда почти всю Италию; она возобладала в тайном обществе «Итальянская федерация» в Ломбардии и Пьемонте, среди карбонариев в Неаполитанском королевстве, в Папском и других государствах цент-

ральной Италии. Конституционалисты намеревались открыть буржуазии доступ к власти, в частности путем предоставления избирательных прав обуржуазившимся землевладельцам, численность которых значительно выросла за годы французского господства в результате антифеодальных преобразований. Эта программа вызвала к жизни проекты объединения Италии в форме федерации монархий. Поскольку же подобные проекты были тогда неосуществимы, задача национального объединения страны фактически отодвигалась в годы Реставрации на задний план.

Наряду с конституцией достижение национальной независимости оставалось важнейшей целью патриотического движения. Вытеснение Австрии из итальянских земель представляло настоятельную проблему прежде всего для патриотических сил Ломбардо-Венецианской области. В поисках путей ее разрешения они обращаются к соседнему Пьемонту (Сардинскому королевству), надеясь использовать традиционное стремление правящей Савойской династии к расширению своих владений с тем, чтобы изгнать австрийцев, добиться слияния Ломбардии и Венеции с Пьемонтом и создать Североитальянское конституционное королевство во главе с монархом из Савойского дома [91, т. 2, с. 90]. В самом Пьемонте эти идеи получили признание либерального дворянства и буржуазии, участвовавших в заговорщическом движении. В частности, в 1814 г. здесь появилась брошюра А. Боцци, стремившегося обосновать особую роль савойской монархии в решении итальянской национальной проблемы [945, с. 271].

Одновременно с распространением в тайных обществах либерально-конституционных идей в период Реставрации сложилось легальное идейное и культурное движение либерального толка, центрами которого стали Ломбардия и Тоскана. Многие поэты, писатели, публицисты и ученые, представлявшие передовую буржуазно-дворянскую интеллигенцию, использовали свои работы по истории, языкознанию, литературоведению и экономике для развития национального сознания и воспитания в обществе идеалов национальной независимости и свободы. Одни, как Л. Берше, отстаивали равенство всех народов и недопустимость угнетения одного народа другим [484, с. 80]. Другие, развивая концепцию нации на основе естественно-правовой доктрины, прихотили, подобно Д. Романьози, к утверждению «принципа национальности», понимаемого как право каждого народа быть хозяином своей судьбы [484, с. 100—101]. Большинство же, опираясь на концепции романтизма с его обостренным интересом к проблеме национального своеобразия народов, стремилось выявить итальянскую национально-историческую традицию и с ее помощью обосновать право Италии на независимое национальное существование, на экономический и духовный прогресс по образцу других европейских стран. Поиски такой

традиции побуждали многих представителей этого течения изображать католическую религию и церковь как неотъемлемую часть национального историко-культурного наследия и союзника в борьбе за объединение страны. Таким образом, формировавшаяся в годы Реставрации умеренно-либеральная буржуазная идеология приобретала в значительной мере клерикальную окраску.

В начале 30-х годов XIX в., после тех поражений, которые потерпели карбонарии и другие тайные общества во время революций 1820—1821 и 1831 гг., итальянское национально-освободительное движение вступило в новый этап. Предшествовавший период показал, что революционное движение, ограниченное рамками только одного итальянского государства или части итальянской территории, не имело шансов на успех в борьбе с главным противником — Австрийской империей. Поэтому родилось стремление пересмотреть прежнюю стратегию и методы и выработать такую программу действий, которая позволила бы придать освободительной борьбе общенациональный характер. Эту задачу попытался разрешить Джузеппе Мадзини, выдвинувшийся в 30-е годы как руководитель и идеолог революционного крыла итальянского национального движения.

На протяжении более чем трех десятилетий революционная деятельность Мадзини была безраздельно подчинена одной цели — воссоединению Италии. Призыв к борьбе за единую Италию пронизывает все написанное Мадзини в 30—60-е годы — программные документы основанных им революционных организаций («Молодой Италии», «Партии действия» и другие), бесчисленные статьи, воззвания, письма. Никто с такой последовательностью не отстаивал мысль, что без завоевания единства — и притом только в форме унитарного общенационального государства — Италия не сможет существовать как суверенная, свободная нация. «Без единства,— писал Мадзини,— нет подлинной силы в Италии. Без силы — невозможна независимость, без независимости нет свободы» [800, т. 2, с. 68]. Только создание единого отечества сделает итальянскую нацию реальностью, ибо нация для Мадзини не ограничивалась этническими и географическими признаками: это «общность граждан, сплотившихся на основе равенства гражданских и политических прав, с общей целью развития и прогрессивного совершенствования социальных сил и действия этих сил» [800, т. 3, с. 64]. Следовательно, объединение страны Мадзини связывал с политическим обновлением и демократизацией общества, с задачами социального прогресса, ведущего к утверждению социальной справедливости в ее мадзинистском понимании.

Придя к выводу, что итальянское национальное движение не может рассчитывать на помощь извне, Мадзини доказывал, что только «итальянская инициатива», т. е. усилия самой нации, связанные с широким участием народа в борьбе, сможет обе-

спечить победу над Австрией и привести к объединению страны. Отвергая конституционно-монархические планы образования в Италии федерации монархий, Мадзини призывал свергнуть реакционные режимы и установить в стране единую республику с всеобщим избирательным правом и национальным собранием в качестве законодательного органа. На этот путь Италию могла привести, по мнению Мадзини, общенациональная революция, в которую предстояло вовлечь городские и сельские массы посредством пропаганды, организации восстаний и партизанской войны. Впрочем, выдвинутая им программа социальных преобразований носила весьма ограниченный характер, ибо, опасаясь оттолкнуть от себя земельную буржуазию и либеральное дворянство требованием социальных преобразований в деревне, Мадзини исходил из неприкосновенности частной собственности. Поэтому интересы крестьян, составлявших подавляющую массу того «народа», к которому апеллировал Мадзини, в его программе фактически не нашли отражения. Стремясь преодолеть этот недостаток, Мадзини провозгласил девиз «Бог и народ», посредством которого он надеялся внедрить в сознание масс религиозно-этическую концепцию, объявлявшую участие в борьбе за свободную Италию религиозным долгом каждого итальянца.

Мадзинистская программа решения национальной проблемы, несмотря на ее слабости, была наиболее передовой для своего времени. На многие годы она стала знаменем революционных демократических сил, хотя попытки самого Мадзини и его последователей в 30—40-е годы претворить ее в жизнь не увенчались успехом.

Уже в первой половине 30-х годов Мадзини провозгласил необходимость противопоставить священному союзу монархов «священный союз народов», и с этого времени идея солидарности и братства европейских наций перед лицом деспотизма становится неотъемлемой частью политической программы Мадзини. Естественными союзниками итальянского освободительного движения он считал поработанные народы Австрийской и Турецкой империй, прежде всего славян и венгров, подчеркивая, что у итальянцев, поляков, чехов, южных славян и венгров общая цель — борьба с Австрийской империей и ее ликвидация в качестве условия создания независимых национальных государств. «В Австрийской империи,— писал он в 1843 г.,— развивается движение славянских народов ... которое, объединившись однажды с нашими усилиями, сотрет Австрию с карты Европы» [800, т. 24].

Дух самопожертвования, горячее стремление к свободе и зрелость национального сознания, проявленные поляками в выпавших на их долю испытаниях, привели Мадзини к мысли, что Польша должна сыграть руководящую роль в национальном движении славян [800, т. 36, с. 131]. Именно полякам,

утверждал он в конце 40-х годов, предстоит «выступить в авангарде всех славянских народов, которые под воздействием национальных устремлений пришли сегодня в движение от берегов Балтики до Адриатического побережья» [801, с. 297]. Будучи знаком с идеями австрославизма, Мадзини оценивал его резко отрицательно, как намерение «изолировать дело чехов от дела других славянских народов империи» [800, т. 36, с. 130]. В 40-е годы Мадзини придавал все большее значение национальному движению южных славян, склоняясь к мысли, что в совместной борьбе с итальянцами они смогут разрушить Австрийскую империю. В целом накануне революции 1848 г. у Мадзини сложилось убеждение в наличии у славянских народов больших революционных потенций. В то же время Мадзини начинает более сдержанно относиться к венгерскому национальному движению в связи с тем, что его руководители проявляли нежелание учесть национальные чаяния и права других народов в пределах будущего венгерского государства [800, т. 36, с. 150].

В 40-е годы XIX в. в условиях экономического прогресса буржуазные круги Северной Италии проявляют растущее недовольство раздробленностью страны, сковывавшей их инициативу. Такие настроения явились одним из факторов, определивших новый подъем либерально-буржуазного движения, особенно в Пьемонте. Ускорение буржуазной эволюции этого государства (обусловленное отчасти реформами, проведенными королем Карлом-Альбертом) привело к превращению пьемонтских либералов в ведущую группу итальянского либерального движения. Не случайно, что именно Пьемонт выдвинул в 40-е годы ряд публицистов и идеологов, чьи выступления в печати получили широкий отклик в Италии.

Книги и статьи В. Джоберти, Ч. Бальбо, М. Д'Адзелио, Д. Дурандо, И. Петтити и других пьемонтских либералов объединяло стремление наметить такой путь достижения национальной независимости и единства Италии, который исключал бы революцию и народные выступления. В противовес решительно осуждавшимся революционным методам выдвигался принцип сотрудничества либеральных сил с монархами при условии проведения ими реформ, которые позволили бы буржуазии контролировать правительственную политику. Освобождение же Ломбардии и Венеции от австрийского гнета ставилось всецело в зависимость от возникновения в будущем благоприятной ситуации на международной арене. Одновременно намечались варианты сплочения итальянских монархий в федерацию под скипетром того или иного правителя.

По существу либеральные идеологи 40-х годов отстаивали в более развернутой форме некоторые идеи, выдвинутые либералами предшествующих поколений. Например, тезис либерально-католической идеологии 10—20-х годов о «национальной функ-

ции» католической церкви в Италии в средние века трансформировался в сочинениях Джоберти (особенно в нашумевшей книге «О духовном и гражданском первенстве итальянцев») в признание возможности союза папства и патриотического движения и в открытый призыв к созданию такого союза как неперменного условия возрождения Италии. Благодаря провозглашению этой неогвельфистской программы, предполагавшей выполнение католической церковью национальной миссии, Джоберти удалось вызвать брожение среди духовенства, а затем и переход части его к поддержке национального движения².

Характерной чертой широкой идейно-пропагандистской кампании, развернутой либеральными кругами в 40-е годы, было также признание некоторыми видными ее участниками Пьемонта и Савойской династии как силы, призванной возглавить национальное движение, распространение среди пьемонтских умеренных надежд на короля Карла-Альберта как будущего национального лидера. Наконец, в выступлениях либеральных публицистов более настойчиво, чем в прошлом, звучали экономические требования, непосредственно отражавшие интересы буржуазных слоев — создание национального рынка на базе немедленного заключения таможенного союза между итальянскими государствами, введение общего торгового законодательства, унификация денежной системы, строительство единой железнодорожной сети и др.

В целом либеральному течению удалось в 40-е годы XIX в. активизировать общественное мнение и ускорить сдвиги в среде господствующих классов, подготовившие изоляцию реакционных сил. Основание в 1847 г. газеты «Рисорджименто» во главе с графом К. Кавуром знаменовало превращение либерально-умеренного движения из идейного в политическое, стремившееся направить усилия патриотических сил в русло выдвинутой им программы.

3. Поляки

При рассмотрении польского освободительного движения на территориях, вошедших после разделов Польши в состав Австрийской империи, следует принимать во внимание две особенности. Во-первых, оно было связано с общим ходом борьбы всего польского народа за социальное и национальное освобождение, за восстановление независимости и достижение единства разобщенной территории; во-вторых, соответствующие события в

² Неогвельфизм — либерально-католическое движение XIX в., пытавшееся возродить идею средневековых гвельфов о папстве как главном защитнике свободы Италии.

Галиции являлись в большинстве случаев лишь периферией общепольского движения.

Наиболее активную роль играли в нем выходцы из шляхетского сословия, поэтому движение получило название шляхетского. Однако, пользуясь этим термином, необходимо учитывать далеко зашедшее расслоение польской шляхты, которая в рассматриваемый период включала в свой состав, с одной стороны, крупных магнатов и богатых землевладельцев, а с другой — не только бедные, но и неимущие слои, быстро терявшие связи со своим классом. Главным образом за счет этих слоев шло пополнение рядов формирующейся польской интеллигенции, выходцы из них становились мелкими чиновниками, унтер-офицерами и офицерами низших рангов, а также ремесленниками, торговцами и т. д. Часть мелкой шляхты видела выход в возврате к старым порядкам и всячески поддерживала магнатов. Другая же, все возрастающая часть выступала за более или менее радикальные преобразования буржуазного характера; в ее идеологии национально-освободительные стремления тесно соединялись с антифеодальной настроенностью. Именно такого рода переплетение обуславливало революционность польской шляхты.

Польское освободительное движение в Галиции прошло в своем развитии несколько этапов: 1772—1814 гг., 1815—1831, 1832—1840 и 1841—1847 гг. На каждом из этих этапов идеология и методы освободительной борьбы претерпевали изменения. На протяжении 1772—1814 гг. определяющее воздействие на польскую общественно-политическую мысль в целом оказывали просветительские идеи и политические программы, выдвигавшиеся в процессе борьбы с иноземными захватчиками, в особенности на Четырехлетнем сейме и в ходе восстания под руководством Тадеуша Костюшко. Граница, которая с 1772 г. отделяла земли, захваченные Австрией, от остальной Польши, конечно, трансформировала восприятие событий общепольского масштаба; тем не менее эти события имели значительное, а иногда и решающее влияние на западногалицийское общество.

Последствием ликвидации польской независимости явилось развертывание национально-освободительной борьбы, в которой на первом этапе принимали активное участие почти исключительно представители дворянства. В то же время продолжались направленные против них антикрепостнические выступления крестьян. Поскольку правительства стран-захватчиков поддерживали устои крепостничества, постольку складывались объективные предпосылки, во-первых, для магнатско-шляхетского лоялизма по отношению к австрийским, прусским и русским властям на захваченных польских землях; во-вторых, для превращения крестьянских выступлений из антипомещичьих в антиправительственные; в-третьих, для постепенного сближения между чисто социальной струей освободительного движения и

его чисто национальной струей, сближение, которое шло параллельно с формированием нации.

Называя время с 1764 по 1870 г. эпохой складывания польской нации, Т. Лепковский справедливо отметил, что фундаментальное противоречие эпохи составляла борьба между крестьянами и землевладельцами [753, с. 194]. Одним из наиболее ярких документов, отражавших чаяния крестьянства, был проект «Плебейского статута», найденный в 1767 г. в западноукраинском местечке Торчин (близ Луцка) и потому получивший название «Торчинского манифеста». Резко критикуя крепостнический гнет, автор «Торчинского манифеста» пытался доказать, что равенство сословий является традицией польской истории, и ссылаясь при этом на первых польских королей, избранных «из простого народа». В «Манифесте» излагались экономические требования крестьянства. Характерно, что автор документа исходил из распространенного тогда представления, согласно которому в понятие «нация» включались лишь привилегированные сословия [83, т. 1, с. 88—89].

Яркую картину борьбы вокруг крестьянского вопроса дают материалы Четырехлетнего сейма (1788—1792), в ходе которого правящие круги Польши под угрозой окончательной ликвидации национального государства пошли на максимально возможные для них уступки в социальной сфере. Принятая сеймом Конституция 3 мая 1791 г. с идейно-политической точки зрения была детищем польского Просвещения. Такие видные его деятели, как С. Сташиц, Г. Коллонтай, Ф. Езерский являлись идеологами прогрессивного шляхетско-буржуазного блока конца 80 — начала 90-х годов XVIII в. Заслуга просветителей заключалась в том, что они, пропагандируя и развивая достижения западноевропейской мысли, совершили ту революцию в умах, без которой невозможно становление нового, буржуазного по своему существу мировосприятия. Просветители, в частности, выражали несогласие с тем, что понятие «нация» идентифицировалось, как мы видели на примере «Торчинского манифеста», со шляхетским сословием. Так, Ф. Езерский писал: «Если нация не имеет общих законов для всех жителей своей страны, если в нации имеется только одно сословие, обладающее исключительными привилегиями, которые возвышают его над другими людьми, в таком случае нация не может быть устойчивой» [83, т. 1, с. 479].

Не удовлетворившая и крестьянство, конституция 1791 г. вызвала ожесточенное противодействие со стороны магнатов и консервативной шляхты. Именно на этой почве возникла в 1792 г. Тарговицкая конфедерация, подготовившая отмену Майской конституции и второй раздел Польши. К. Маркс с полным основанием отмечал: «Конституция достаточно глубоко задела привилегии аристократии, чтобы побудить ее открыто предать Польшу России, и в то же время она была слишком поверх-

ността, чтобы вдохновить громадное большинство населения — сельский люд — на народную войну»³.

Восстание 1794 г., развертывавшееся в основном на территории Речи Посполитой, оказавшейся под властью царя, оставило неизгладимые впечатления и на остальных польских землях. Столкновения начались у границ Галиции, а «Акт восстания», провозгласивший Костюшко руководителем повстанцев, выдвигал на первый план политические цели борьбы, в то время как социальные излагались в туманных выражениях. Их реализация откладывалась на неопределенное время [83, т. 1, с. 512, 515]. О социально-политической программе самого Костюшко накануне событий можно судить по его «Мемориалу о Польше» (1793 г.). «Поляки, — говорится там, — в новой стране, которая будет находиться в процессе преобразования, сумеют достигнуть тех же результатов, каких достигла французская революция» [83, т. 1, с. 518—524]. Сложившуюся в ходе восстания позицию по крестьянскому вопросу отразил обнародованный в мае 1794 г. «Поланецкий универсал». Этот акт, готовившийся при участии Коллонтая, объявлял личность крестьянина свободной и разрешал ему переселение при условии уплаты долгов помещику и государственных податей. Земли, находившиеся в пользовании крестьян, должны были перейти в их наследственное владение, однако право собственности на землю ставилось в связь с выполнением повинностей помещикам. Крестьянам-повстанцам предоставлялся ряд льгот. Хотя «Универсал» и являлся шагом вперед по сравнению с Конституцией 3 мая 1791 г., он не создал условий для широкого участия крестьянства в восстании.

Эти и последующие события общепольского масштаба, неизменно находили отклик в Галиции. В эпоху Четырехлетнего сейма галицийский вопрос стоял в центре дипломатической игры, которая велась правительствами, участвовавшими в разделе Польши. Так, в 1789 г. Пруссия пыталась вовлечь Речь Посполитую в войну с Австрией, обещая ей возвратить Галицию. Эта идея увлекла и галицийскую верхушку, которая прислала в Варшаву депутацию для налаживания контактов. В 1790 г. львовскому комитету, который должен был готовить восстание, удалось легализовать свое существование созданием депутации галицийского дворянства для изложения его нужд перед Леопольдом II. После подписания Австрией и Пруссией декларации в Рейхенбахе подготовленный галицийскими магнатами проект конституции, предусматривавшей реставрацию автономной сословной монархии, был погребен в недрах венских канцелярий. Но тайный львовский комитет не прекратил своего существования.

Во время восстания Костюшко этот комитет принял название львовской «Централизации». Она служила главным связую-

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 14, с. 153.

щим звеном между польскими патриотами, находившимися в стране, и политической эмиграцией во Франции и Турции. Руководящие деятели «Централизации» (прежде всего ее глава В. Дзедушицкий), выступая за восстановление независимости Польши, не были сторонниками изменения ее социального строя [97, т. I, с. 463].

Начавшиеся в 1790-х годах войны против Франции заставили австрийское правительство не только увеличивать налоговое бремя, но и ввести рекрутскую повинность, которая особенно враждебно воспринималась в тех польских землях, которые находились под властью Австрии с 1795 по 1809 г. Менее чем через три года после подавления восстания Костюшко в Седлецком округе австрийцами была раскрыта крестьянская организация, во главе которой стоял землемер Ф. Гожковский. Распространитель идей «коллонтаевской кузницы», объединявшей цвет польского просветительства, и член варшавского Якобинского клуба периода восстания, Гожковский в 1797 г. подготовил воззвание к крестьянам, начинавшееся словами: «Свобода — Равенство — Республика». В воззвании говорилось: «Всякая крепостная зависимость и господство уничтожаются [...]; Все люди [...] являюся равными, свободными и братьями, с нынешнего дня каждый будет работать только на себя самого и на общее благо нации» [83, т. I, с. 590—591]. Вскоре (в 1797—1798 гг.) была ликвидирована и львовская «Централизация». Эти события говорят о том, что в польских землях, входивших в состав Австрии, освободительная борьба не замерла и после ликвидации Польского государства.

Определенный отзвук в Галиции имела, несомненно, и деятельность Общества польских республиканцев, возникшего в Варшаве в 1798 г. Оно пыталось пропагандировать заимствованные из Франции идеи буржуазного республиканизма [601, с. 111—196].

Большой отклик в Польше, не исключая и галицийских земель, получила вышедшая в 1800 г брошюра «Могут ли поляки добиться независимости?» Изданная анонимно в Париже, она была написана при участии секретаря Костюшко — Ю. Павликовского и получила одобрение вождя недавнего восстания. Текст брошюры призывал к проведению таких социальных реформ, которые бы подняли на борьбу за независимость страны все крестьянство. Именно в этом, а не во внешнеполитических обстоятельствах, авторы видели условие успеха. Социально-политические идеи, содержащиеся в этой брошюре, получили известность, но число их сторонников было незначительным. Для большинства восстановление независимости Польши почти безраздельно отождествлялось с именем Наполеона.

Поражение Пруссии привело к созданию в 1807 г. зависимого от Франции Варшавского княжества. Осуществленные там реформы были половинчатыми, действовали недолго, но оказа-

ли большое влияние на идейно-политическую ситуацию в польском освободительном движении, в том числе на территории Австрийской империи. Многие поляки видели в Варшавском княжестве зародыш возрождаемого Францией польского государства, хотя для этого не было сколько-нибудь существенных оснований.

Значительная часть галицийской шляхты, напуганная социальными реформами в Варшавском княжестве, высказалась против политического слияния с ним, опасаясь введения в Галиции «кодекса Наполеона». Часть галицийской шляхты поэтому мечтала о восстановлении Польши под протекторатом российского императора, который едва ли позволил бы колебать устои крепостнических порядков. Однако постепенно преобладающее влияние получила в этой среде проавстрийская ориентация. Она подогревалась надеждами на автономию Галиции в составе габсбургской монархии. Венский конгресс 1815 г. несколько скорректировал границы австрийской Галиции, но существенно не изменил ориентации влиятельных кругов польской шляхты, державших курс на сотрудничество с австрийскими властями.

Решением Венского конгресса была образована формально независимая карликовая Краковская республика, находившаяся под надзором представителей Австрии, Пруссии и России. Но в экономической сфере она обладала значительной независимостью. Краков был «вольным городом», где со всех польских земель концентрировались те элементы, которые готовы были вести борьбу за восстановление независимости.

После Венского конгресса наступил следующий, второй этап польского освободительного движения, продолжавшийся с 1815 по 1831 г. Большинство польских землевладельцев стали более или менее последовательными сторонниками соглашения с захватчиками; в их деятельности классовый интерес перевешивал интересы общенациональные. Говоря об этой части польского общества применительно к Галиции, С. Кеневич пишет: «Если в этой среде и думали об отчизне, то о той старой, шляхетской, и даже в голову никому не приходило, чтобы люди не из дворянского сословия могли иметь в Польше какие-либо права» [692, с. 28].

Среди тех, кого такая ситуация не устраивала, преобладала мелкая и неимущая шляхта, особенно ее деклассированная часть — мелкие чиновники и служащие, учителя, врачи и представители других групп развивающейся интеллигенции, а также определенная прослойка мещанства. В разных частях польских земель на этой социальной основе возникали конспиративные организации, немногочисленные и недолговечные, иногда преимущественно просветительские, иногда провозглашавшие необходимость восстания, но откладывавшие его начало на неопределенные сроки.

Заключительный документ Венского конгресса требовал, чтобы в разделенных частях Польши не проводилась денационализация, чтобы там сохранялись национальные учреждения и национальное представительство. Соответственно с этим и формулировали свои требования галицийские легалисты, ссылаясь, кроме всего прочего, на пример Королевства Польского в составе Российской империи, где существовало польское войско и собственные учреждения, был сейм с представительством от шляхты и мещанства, а делопроизводство и обучение велись на польском языке. Австрийские власти, вынужденные иногда идти на уступки, принимали все меры для того, чтобы свести их к минимуму.

Подновленное после 1815 г. законодательство оставляло галицийский сословный сейм в почти полной неприкосновенности. В нем имели право участвовать высшее духовенство, главы магнатских семей и шляхтичи, платившие не менее 500 злотых урбарнального налога. Представителями мещанства были бургомистр Львова и избранный горожанами делегат, причем вместе они обладали одним голосом; кроме этого с 1820 г. в сейме стал заседать ректор университета. По вопросам, имевшим существенное значение, сейм мог только принимать согласованные с местными австрийскими властями петиции, которые затем отправлялись в придворную канцелярию.

Одним из наиболее болезненных в Галиции был вопрос о языке дискуссий в сейме, делопроизводства в государственных учреждениях и преподавания в учебных заведениях. Вопрос этот всплывал неоднократно, и даже некоторые высшие австрийские сановники считали необходимым отказаться от латыни, ограничить употребление немецкого, а расширить применение польского языка. Но Вена крепко держалась за старые порядки. В 1820 г. сейм принял адрес с просьбой не требовать от депутатов знания немецкого языка. Но не помогли ни напоминания об опасности социальных конфликтов, ни ссылка на итальянские провинции, где местный язык был введен в делопроизводство,— Вена осталась непреклонной. При этом вопрос о праве украинского населения Галиции на применение родного языка даже не возникал.

Вопрос о преподавании на польском языке в университете был также далек от решения. Власти использовали позицию многочисленной немецко-чешской профессуры, которая добивалась отказа от средневековой латыни, но высказалась за употребление немецкого, а не польского языка.

Оценивая восстание 1830—1831 гг., Ф. Энгельс положительно отзывался о поведении господствующего класса Польши на поле боя, но резко осудил его за трусливость в сейме и нежелание сделать необходимые уступки народу. «Скажем прямо,— заявлял он,— восстание 1830 г. не было ни национальной революцией [...] ни социальной или политической революцией;

оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция»⁴. Восстание 1830—1831 гг. замкнуло пятнадцатилетие, которое историки называют временем расцвета шляхетской революционности в ее классической форме [1052]. Эта система взглядов начала складываться раньше и существовала в последующие десятилетия, постепенно сдавая свои позиции. Длительное преобладание шляхетской революционности объяснялось тем, что до 1831 г. «в Польше не существовало ни одной из важнейших экономических, политических и идейно-теоретических предпосылок для начала народной, антифеодальной революции, революции прежде всего крестьянской» [753, с. 354].

Одним из типичных идеологов шляхетской революционности являлся М. Мохнацкий. Он был участником конспирации накануне вооруженного выступления и одним из видных деятелей левого крыла движения в ходе восстания 1830 г. Как и деятели эпохи Просвещения Мохнацкий возмущался тем, что нацией в Польше было принято называть только шляхетское сословие. Вместе с тем он был убежден, что основной силой освободительного движения, его гегемоном может быть только шляхта. «Шляхетский элемент,— заявлял он,— является свежим воздухом нашей страны» [825, с. 161].

И само восстание 1830 г. и обострившиеся идейно-политические дискуссии находили широкий отклик в польских землях, подвластных Габсбургам. В первые недели после начала вооруженной борьбы у губернатора Галиции Августа Лобковица сложилось впечатление, что на ее территории «материал для восстания готов и недостает только вождя, духа инициативы, отправного пункта» [692, с. 42]. Во Львове брожение более всего чувствовалось среди ремесленников и рабочих. С энтузиазмом встретила известия из Варшавы значительная часть галицийской шляхты; по свидетельству мемуариста Г. Богданьского эти известия производили впечатление «даже на тех [...] которых раньше вопрос о восстании ни в коей мере не беспокоил» [692, с. 41]. Когда повстанческие власти из Варшавы дали понять, что на австрийской территории они ничего предпринимать не собираются, начались побеги в Королевство Польское для вступления в ряды повстанцев. Инициативу проявили студенты и гимназисты старших классов; бежали ремесленные подмастерья и мелкие чиновники. Общее число беглецов установить невозможно: мемуаристы называли 15 и даже 30 тысяч, а губернатор Лобковиц говорил о 3 тыс. человек. Австрийские власти смотрели на побеги сквозь пальцы, так как были заинтересованы в оттоке беспокойного элемента из Галиции.

Из имущих шляхетских семей на непосредственное участие в восстании решились немногие, в основном молодежь. Неко-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 492.

торые помогали раненым и интернированным повстанцам, собирая средства на нужды восстания. С марта 1831 г. во Львове находился комиссар повстанческого Национального правительства Изидор Петровский, который был австрофилом и противником распространения вооруженной борьбы за границы Российской империи. Он поддерживал связи с помещичьим по составу полулегальным комитетом, который был создан в мае 1831 г. и возглавлялся К. Красицким. Комитет собирал пожертвования, на которые закупалось оружие и амуниция для «Надвислянской легии», формировавшейся главным образом из уроженцев Галиции.

Отказ от восстания на галицийской территории вызывал недовольство общественности и в Варшаве и во Львове. Но слабый радикальный лагерь не мог отважиться на борьбу с Австрией наперекор Национальному правительству и местным помещикам [692, с. 48].

1832—1840 гг. стали переломным этапом для идеологии и политических программ польского освободительного движения. Обусловливалось это прежде всего социально-экономическими сдвигами, которые привели к изменениям в составе и мировоззрении его участников. Воздействие на идеологический процесс оказало также изучение опыта восстания и предпринятой в 1833 г. попытки возобновить вооруженную борьбу, опираясь главным образом на группы «эмиссаров» из эмиграции. Основной базой этих групп, руководимых Ю. Заливским, являлась Галиция. Еще в ходе подготовки экспедиции Заливского велись споры о целях выступления и о том, каким образом и насколько широко в борьбу следует вовлекать крестьянство. Более радикальные элементы, связанные с И. Лелевелем, выступали за демократизацию задач и сближение с крестьянами; однако руководители экспедиции склонялись к традиционной программе восстановления государственной независимости при минимальных изменениях социального характера. Соответственно и повстанческие группы, вторгнувшиеся ранней весной 1833 г. в Королевство Польское, не имели единой линии поведения.

Не прошло и месяца как большинство партизанских групп, действовавших на территории Королевства Польского, оказалось в руках властей или было вынуждено возвратиться в Галицию. Продолжая скрываться во Львове, Заливский распространил воззвание, текст которого отражал идейную борьбу среди «эмиссаров» и тех, кто их поддерживал. «Многие,— говорилось в воззвании,— утверждают, что Заливский хочет ограбить шляхту и обогатить крестьян». Опровергая такие слухи, воззвание осуждало «угнетение человека человеком», но в то же время защищало «право собственности». Социальная программа автора воззвания резюмировалась следующей фразой: «Страна, которая отберет собственность, чтобы дать ее другим, должна заплатить за нее по самой справедливой цене: купить она мо-

жет только излишки, обременяющие собственника, чтобы передать их немущим, и тем самым сделать их равноправными гражданами» [560, т. 3, с. 306].

Из оставшихся в Галиции участников экспедиции сформировалось радикальное течение, считавшее, что пора отказаться от ограниченного понимания движения как чисто национального. Так, Г. Дмоховский в 1834 г. сообщил эмигрантскому руководству о намерении отказаться от «узкой формулы национальности» и постараться воскресить «великую мысль Бестужева о союзе всех славян». Письмо попало не к Лелевелю, а к стоявшему на более умеренных позициях В. Петковичу, который порекомендовал «эmissарам», чтобы они «выбрали лучший путь и не думали, будто патриотизм является эгоизмом, не ждали бы советов от французских радикальных газет, но искали бы выход в собственных сердцах и чувствах нации».

В 1832—1833 гг. в Галиции существовали две организации — «Союз двадцати одного» и «Безыманный союз», которые затем распались из-за противоречий по крестьянскому вопросу. После краха попытки возобновить вооруженную борьбу, после заключенного через несколько месяцев соглашения между Россией, Австрией и Пруссией о взаимной выдаче дезертиров и политических преступников, оппозиционность имущей шляхты в Галиции снизилась. Приверженцы карбонаризма, число которых среди «эmissаров» росло, действовали среди студенчества и львовских мещан. Первые карбонарские пятерки К. Борковский создал во время экспедиции Заливского, а в ноябре 1833 г. в дер. Жепневе состоялось учредительное собрание нового «Союза друзей народа», на котором присутствовали эмигранты К. Борковский, Ф. Бобинский, Г. Дмоховский и другие, а также владелец Жепнева галицийский помещик К. Дзедушицкий. Основной задачей «Союза» была пропаганда демократических идей для подготовки нового восстания [692, с. 92—93].

Спасаясь от ареста, эмигранты вскоре вынуждены были выехать из Галиции, в основном — в Краков. «Союз» стал менее радикальным. Галицийские конспираторы фактически порвали связи с западноевропейским карбонаризмом и с демократической эмиграцией. Провозглашая лозунг «объединение народа во имя улучшения его судьбы», они занимались лишь уговорами, призывая шляхту улучшить положение крестьян раньше, чем это сделает правительство.

В Кракове развитие шло аналогичным путем: сначала там действовала организация, похожая на «Безыманный союз», затем Н. Новицкий создал ответвление «Союза друзей народа», которое не проявляло большой активности. В начале 1835 г. видный деятель эмиграции и известный поэт С. Гоциньский пытался осуществить реорганизацию краковского подполья, чтобы усилить противодействие правым силам во главе с А. Хель-

целем. Все более острое идейно-политическое размежевание среди польских патриотов — вот наиболее характерная черта общественного движения тогдашней Галиции и тесно связанной с ней Краковской республики [896, с. 224].

К аристократическому направлению, связанному со сторонниками А. Чарторыского, принадлежали, кроме Хельцеля, П. Попель, А. Велепольский, К. Свидзиньский, близок к нему был и поэт В. Польш. Печатным органом этого направления стал «Квартальный науковы». Деятельность демократического направления связана с именами Н. Новицкого, Л. Лукашевича и других. Их воззрение отражал «Повшехны паментник наук и умеентности», редактировавшийся Л. Зенковичем [655, с. 188—194].

В 1835 г. на базе конспиративных кружков в Кракове возникла демократическая организация «Содружество польского народа», к которой Гошиньский присоединил и львовских конспираторов. Параллельно, поддерживая тесную связь с Галицией, действовал Шимон Конарский, который создал сеть «Содружества польского народа» на Правобережной Украине, в Литве и Белоруссии. Внутри «Содружества» выделилось умеренно-либеральное течение в лице Ф. Смольки, Р. Хеферна, Т. Райского, которые противодействовали радикально настроенным деятелям Л. Залескому, С. Малиновскому, Я. Шепановскому. Борьба между этими течениями влияла на состав руководящего органа «Содружества», на его программно-тактические установки, а в июне 1837 г. она привела к расколу и возникновению «Всеобщей конфедерации польской нации», куда вошли лица, требовавшие энергичной подготовки к вооруженной борьбе (Малиновский, Залеский и др.). После занятия Кракова войсками трех держав в начале 1846 г. конспиративная деятельность развертывалась в основном на территории Галиции, причем базой «радикалов» стали окрестности Тарнова.

Идейно-политические расхождения между конспираторами были значительными, причем они существовали как внутри «Содружества польского народа» (это название сохранялось в Варшаве и западных губерниях России), так и внутри созданной в 1837 г. «Всеобщей конфедерации польской нации», деятельность которой развертывалась главным образом в Галиции. Г. Эренберг, например, видел в «Содружестве» нечто вроде духовного ордена для распространения демократических идей до тех пор, пока все поляки не станут демократами, после чего осуществится коренная перестройка общества. Исходя из этого, Эренберг отверг попытки А. Венжика присоединить варшавских конспираторов к «Всеобщей конфедерации», переориентировать их на подготовку к восстанию и на вовлечение в организацию всех тех, кого можно уговорить взяться за оружие независимо от их идейной позиции. Программные документы «Всеобщей конфедерации», заявлял Эренберг, не могут быть приняты, ибо

провозглашенная в них задача ускорить возрождение Польши скрывает под собой ненужную «горячку несерьезных людей»^{6*}.

Вопросы такого рода были связаны с оценкой роли крестьянства и шляхты, с отношением к патриотизму и классовому солидаризму. Эренбергом было создано популярное в те годы стихотворение, призывавшее крестьян к открытому вооруженному выступлению против помещиков и весьма популярное среди конспираторов. Однако не исчезли и настроения классового мира, стремления доказать необходимость сотрудничества между панями и хлопами. Особенно это чувствовалось в Западной Галиции, где конспираторы тесно соприкасались с зажиточной шляхтой. Даже такой радикально настроенный деятель, как С. Малиновский, подвергся воздействию этой среды и в самом конце 1837 г. после ряда арестов в Западной Галиции прислал в Варшаву письмо с предложением временно отказаться от пропаганды демократических правил, а «руководствоваться такими, которые будут приличными нынешнему просвещению, в особенности высшего класса людей». При этом Малиновский заявлял, что «основанием будущих его правил станет христианизм, приближенный по возможности к католицизму, и польский патриотизм, который довольно еще имеет силы для воспламенения чувств». У руководящих деятелей варшавской организации «Содружества польского народа» рассуждения Малиновского вызвали резко отрицательное отношение^{7*}.

Письмо Малиновского отражало усиление во Львове умеренных тенденций. Городские низы еще шли за радикалами, но учащаяся молодежь и представители так называемого образованного общества склонялись к мыслям об отказе от курса на революционное выступление. Когда Гощинский, опасаясь ареста, покинул город, львовская организация «Содружества польского народа» была распущена. Студенты Э. Хшонстовский и Р. Херман, связанные со Смолькой и его единомышленниками, образовали общество, которое называли «Молодой Сарматией».

Конспиративные организации второй половины 30-х годов отличались идейной и политической неоднородностью. Но в них преобладали радикально-демократические тенденции. Как заявлял один из арестованных конспираторов, в большинстве своем они «хотели соединиться с крестьянами, чтобы вызвать революцию, после которой должна была наступить свобода без князей, монахов и господ, угнетающих народы...» [Woyty, 1962]. Массовые аресты участников конспирации нанесли серьезный удар по «Всеобщей конфедерации». Но прав С. Кеневич, считая, что парализовало ее руководящий орган не это, а недостатки программы и тактики — «страх перед радикализмом» [692, с. 163].

Летом и осенью 1838 г. «Содружество польского народа» и «Всеобщая конфедерация польской нации» фактически прекратили существование под ударами австрийской, русской и прус-

ской полиции. Сохранились лишь «Молодая Сарматия» и созданная ранее организация в австрийских войсках. Особенность этой организации, состоявшей на 40% из офицеров, заключалась в том, что она объединяла представителей разных народов Австрийской империи: из 60 арестованных — 36 носили польские и украинские фамилии, 14 были немцами, 5 — итальянцами, 5 — чехами и югославянами. Основателем организации, которая сначала была составной частью галицийской конспирации, а затем выделилась в Союз военнослужащих-демократов, являлся поляк Ю. Прагловский, а фактически ее руководителем — хорват, подпоручик Т. Дмитрасинович. В конце 1839 г. Союз был разгромлен [692, с. 172—176].

Одновременно подверглись разгрому остатки других организаций. Напуганные заговорами, власти арестовывали не только «неустойчивую» молодежь, но и лидеров умеренной оппозиции, в том числе будущих столпов галицийского национал-либерализма Ф. Смольку и Ф. Земьялковского. Следует подчеркнуть, что возникновение на территории Галиции смешанных в национальном отношении конспиративных организаций имело определенную традицию и ранее. Еще в 1835 г. был раскрыт тайный «Союз мужей», состоявший из солдат и унтер-офицеров пограничной службы в Тарновском и Жешовском округах. Анализ состава Союза показал, что это была общеавстрийская организация, в которой руководящее ядро состояло из чехов, а участвовали уроженцы Галиции, Трансильвании и др. [Борис, 1971].

Социальный состав участников движения в Галиции в 30-е годы изменился за счет заметного снижения дворянского элемента. Конспиративные организации 1830-х годов стали важным звеном в развитии галицийского общества, первой политической школой образованной части городского населения, лишь в незначительной мере связанной по происхождению с дворянством [692, с. 227].

Для последнего этапа, который приходится на 1841—1847 гг., было характерно перемещение центра освободительной борьбы в основном на территорию Королевства Польского. Что касается роли галицийских конспиративных организаций для польского движения в целом, то они в течение ряда лет являлись связующим звеном между польской эмиграцией на Западе и польскими землями, находившимися под властью России.

После разгрома конспиративных организаций и умеренной оппозиции снова выдвинулась на первый план деятельность галицийского сейма. В 1842—1845 гг. в сейме было рассмотрено несколько помещичьих проектов крестьянской реформы — на более серьезную постановку вопроса депутаты не имели права. Наиболее либеральный проект Т. Василевского предусматривал передачу крестьянам земли с освобождением их от барщины при условии выплаты чинша, идущего на вознаграждение по-

мещиков. Мотивируя необходимость уступок, Василевский ссылался на бессилие помещиков и властей перед натиском антифеодальных выступлений крестьянства.

Национальная программа помещичье-либерального лагеря не выходила за рамки лояльности, не шла дальше надежд на упрочение автономных прав Галиции в Австрийской империи. Постепенно на такие же позиции переходили и бывшие участники конспирации — деятели умеренного крыла, в том числе Смолька, Земьялковский и др.

Для польского освободительного движения в целом первая половина 40-х годов была периодом дальнейшей демократизации социального состава его участников и их идеологии. В конспиративных организациях продолжает расти удельный вес деклассированной шляхты, мещанства и даже крестьян [401, с. 185]. Начало 40-х годов ознаменовалось выходом на арену борьбы революционного демократизма, который окончательно сложился в мировоззрении Э. Дембовского, П. Сцегенного и их единомышленников.

Конспиративная организация Сцегенного в 1844 г. готовила восстание в Келецкой губернии, т. е. в пограничной с Австрией части Королевства Польского. Сцегенный и его единомышленники выступали за ликвидацию революционным путем крепостнических порядков, за бесплатную передачу крестьянам обрабатываемых ими участков, за ликвидацию сословных различий и создание республики. Решение национального вопроса представлялось им одним из результатов социальной революции, причем будущее государство, в которое войдет Польша, рисовалось как демократическая федерация славянских народов. В мировоззрении Сцегенного содержались некоторые элементы утопического социализма [505].

Дембовский идейно и организационно возглавлял «Союз польского народа», действовавший в Королевстве Польском в 1840—1843 гг. [Djakow, 1973]. Будучи выходцем из состоятельной дворянской семьи и отдавая должное историческим заслугам отдельных представителей шляхты, Дембовский резко отрицательно относился к шляхетскому сословию [82, т. 3, с. 160], выступая за вовлечение в освободительную борьбу народных масс, в особенности крестьян и ремесленников. В статье «Революция и народ» (1846 г.) он отвергал утверждения тех, кто считал, что галицийские крестьяне «деморализованы правительством». «Любите только народ и возвещайте ему социальную правду,— писал Дембовский,— и он поверит вам и пойдет за вами хотя бы в самый ад» [82, т. 3, с. 298, 300]. Глубокие социальные преобразования он считал важнейшей целью революции.

Соратником Дембовского по революционной пропаганде среди крестьян был Ю. Госляр, выходец из низов, с большими материальными трудностями закончивший гимназию в Тарнове,

когда революционное подполье имело там прочные корни [1087, с. 32—37]. Обращенное к крестьянам воззвание, которое Госляр написал в 1845 г., осуждало шляхту. Призывая крестьян свергнуть угнетателей, Госляр заявлял, что сделать это могут только они сами. Считая социальные преобразования наиболее важными задачами революции, Госляр в то же время пытался втолковать крестьянам и необходимость национально-освободительной борьбы против держав-захватчиков [83, т. 3, с. 370—374].

События 1846 г., подготавливавшиеся местными революционными силами в сотрудничестве с действовавшей в эмиграции Централизацией, должны были охватить все польские земли. Однако значительные выступления произошли лишь в Кракове и Галиции. Наиболее энергичным и радикальным среди тех, кто готовил выступления, был Дембовский. Умеренные круги галицийской конспирации и полулегальная шляхетская оппозиция занимали по отношению к готовящимся событиям негативную позицию [Миллер, 1949]. Социально-политическая программа Краковского восстания складывалась в результате компромисса различных идейных сил, среди которых единомышленники Дембовского не были самой влиятельной. Социальные преобразования, намечаемые повстанцами, сводились к ликвидации сословных и иных привилегий, к обеспечению за счет общественных средств инвалидов, а также к уничтожению повинностей крестьян по отношению к помещикам с передачей в собственность участков земли, которые находились в их пользовании. Но за помещиками сохранялись огромные земельные массивы, а вопрос о наделении землей малоземельных и безземельных крестьян был фактически обойден. Что касается национальных задач, то речь шла об одновременном выступлении на всей территории бывшей Речи Посполитой и о том, что Польша должна «подняться и срастись», что поляки не должны «исповедовать чужую веру, говорить на чужом языке и быть рабами», что они не могут дать «погибнуть самому святому праву национальности». В то же время манифест повстанцев предостерегал от разжигания национальной вражды и подчеркивал, что вести борьбу нужно «не с народами, но с угнетателями» [1170, с. 264].

Осведомленные о подготовке восстания, власти трех держав решили заранее оккупировать территорию Краковской республики. Однако австрийские войска, напуганные слухами о громадных толпах крестьян,двигающихся якобы с разных сторон, оставили город. Некоторые из краковских консерваторов сумели занять посты в повстанческих органах. По словам Хельцеля, их заботой было «делать сколько возможно меньше и не в революционном духе» [83, т. 3, с. 308]. Дембовский, ставши секретарем повстанческого диктатора Яна Тыссовского, противодействовал такого рода тенденции. В воззвание «Ко всем поля-

кам, умеющим читать», Дембовский внес важные уточнения, касающиеся социальной программы восстания: наказание помещиков, которые не захотят признать отмену крепостных повинностей; обязательство обеспечить землей безземельных крестьян; создать для ремесленников государственные предприятия и т. д. [83, т. 3, с. 303].

Политическая отсталость крестьянских масс Галиции, вместе с провокационной политикой австрийских властей создали обстановку, которая привела к «галицийской резне». В результате стихийных выступлений крестьян пострадала масса помещичьих имений, погибли или были ранены сотни шляхтичей, в том числе и те, кто участвовал в восстании против иноземных захватчиков или готов был присоединиться к повстанцам. Так, Госляр, который отправился поднимать крестьян на восстание против крепостничества, был схвачен ими как помещичий агент, избит и передан полиции [1087, с. 134—139].

Такой поворот событий произвел тяжелое впечатление на участников восстания. Возражая скептикам, которые утратили веру в народ, Дембовский выступил со статьей, доказывающей, что «народ и революция — это два неотделимых друг от друга понятия» [83, т. 3, с. 300]. По его мнению, взаимное непонимание является виной «галицийской экс-шляхты», которая либо не хотела начинать социальной революции, либо не могла доходчиво объяснить ее цели. Для сближения с крестьянством было организовано шествие повстанцев из Кракова за Вислу, где Дембовский погиб от пули австрийских карателей.

Революционные события 1846 г., «побочным продуктом» которых явилась в немалой мере крестьянская реформа 1848 г. в Галиции, оказали огромное влияние на польское освободительное движение. В событиях 1846 г. ярче, чем когда-либо раньше, проявилась взаимосвязь между социальными и национальными аспектами освободительного движения, причем выяснилось, что путь к независимости Польши ведет через глубокие социальные преобразования, способные привлечь на сторону национально-освободительной борьбы народные массы и прежде всего крестьянство. Отмечая это, Ф. Энгельс писал: «Особенно со времени краковского восстания 1846 г. борьба за независимость Польши одновременно является борьбой *аграрной демократии* — единственно возможной в Восточной Европе — против *патриархально-феодального абсолютизма*»⁵. Конечно, к «аграрной демократии» основоположники марксизма причисляли лишь самых радикальных участников польского движения, в частности Дембовского и его единомышленников. Именно их имел в виду К. Маркс, когда на митинге по случаю второй годовщины событий 1846 г. говорил: «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, были

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 353.

глубоко убеждены в том, что только демократическая Польша может быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»⁶.

Если в 1846 г. на одном полюсе завершилось формирование революционно-демократического течения или аграрной демократии, то на другом оформился альянс либерализма с консерватизмом. Для условий Галиции это означало отказ всей умеренной оппозиции от связей с нелегальными организациями, от ориентации на демократическое решение программных требований и от курса на вовлечение в борьбу крестьянства, переход умеренных на позиции правого крыла движения и сближение того, что можно назвать внепарламентской оппозицией, с деятелями сейма.

4. Чехи

После насильственного включения земель чешской короны в состав державы Габсбургов было сознательно сохранено их средневековое деление на собственно Чешское королевство и маркграфство Моравию (к нему в конце XVIII в. была присоединена «австрийская» часть Силезии). В результате чешское национальное движение развивалось на этнической территории, которая полностью находилась в габсбургской империи. Это обстоятельство отличало чешское движение от условий в которых разворачивалась освободительная борьба итальянского и польского народов, этнические территории которых были разобщены между несколькими государствами. Это, казалось бы, сближало условия развития чешского общественного движения с венгерским. Однако различия между ними были значительными. Во-первых, в чешских землях с особой силой ощущалось воздействие контрреформации, а также германизации, принявшей к исходу XVIII в. особенно острый характер. Во-вторых, чешское общество, как отмечалось выше, относилось к типу так называемых неполных социальных структур. Шляхта, за немногими исключениями, оказалась денационализированной, причем мелкопоместное и среднее дворянство как политическая сила сошло на нет. Австронемецкая земельная аристократия в чешских землях лишь время от времени заигрывала с идеями патриотизма в целях сохранения своих сословных привилегий от централизаторских поползновений Вены [Urfus, 1973]. В ходе развития буржуазных отношений ключевые позиции в чешской экономике заняли капиталистические предприниматели инационального происхождения, на протяжении большей части рассматриваемого времени сохранявшие преобладаю-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 490.

щую роль и затруднявшие формирование национальной промышленной буржуазии. Эти факторы накладывали отпечаток на развитие чешской общественной мысли и культуры, которая — и это необходимо здесь отметить — многими аспектами была связана с национальным движением в Словакии.

Формирование программы чешского национально-освободительного движения заняло несколько десятилетий и прошло в своем развитии два основных этапа. На первом, который завершился приблизительно к концу 20-х — началу 30-х годов XIX в., преобладали требования языково-культурного характера. Их выработка была связана с переменами в общественной мысли XVIII в., происходившими под воздействием идей Просвещения.

Идеи раннего просветительства стали проникать в чешские земли в начале XVIII в., внося принципиально новый элемент в интеллектуальную жизнь общества, до того находившегося почти исключительно под влиянием духа контрреформации. Первоначально распространявшиеся среди узкого круга образованной шляхты, идеи Просвещения вскоре проникли в более широкие круги общественности, а к середине столетия были уже налицо неоднократные попытки использования их в области науки и художественной культуры. Период с 1740 по конец 1770-х годов в духовной жизни чешских земель может быть определен как раннепросветительский [838]. Выступившие в эти десятилетия просветители подвергали критике феодально-клерикальную идеологию, осуждали суеверия и религиозный фанатизм, отстаивали требования духовной свободы, веротерпимости, эмансипации личности, а в ряде случаев высказывались за смягчение или даже отмену крепостного права. Однако особенности социальной эволюции, недостаточность, в отличие, например, от Венгрии, «давления снизу» — все это предопределило умеренность общественно-политической позиции почти всех просветителей в чешских землях. Мироззрение подавляющей их части отразило идейные искания мещанских кругов и связанной с ними интеллигенции, как правило, происходившей из непривилегированных слоев чешского общества.

Другая особенность эволюции идей Просвещения в чешских землях заключалась в их дифференциации в зависимости от отношения к чешской национально-культурной традиции. Самые первые носители просветительских идей были к этой проблематике практически индифферентны. К середине XVIII в., однако, все большее влияние получили, с одной стороны, приверженцы концепции австрийского Просвещения, сформулированной «венскими великанами», особенно И. Зоненфельзом, а с другой — сторонниками общегерманского истолкования просветительских идей, наиболее ярким приверженцем которых в Чехии стали Карл Сейбт и его последователи.

В борьбе с теми и другими с 60—70-х годов XVIII в. берет начало третье направление, основоположники которого —

Г. Добнер, Ф. Пельцль, М. Фойгт и ряд других стремились использовать идеи Просвещения в интересах развития чешской общественной мысли, науки, национальной культуры. При этом происходила переработка отечественной патриотической традиции, очищение ее от груза контрреформации и синтезирование ее позитивных черт с просветительскими идеями. Это направление, которое может быть определено как национально-просветительское, сыграло огромную роль в разработке идей национального сознания. Показать окружающим народам, особенно немецкоязычным соседям, богатое наследие чешской культуры, пробудить у соотечественников гордость за дела предков, развивать чувство национального патриотизма — таково содержание и смысл деятельности ранних просветителей.

Благодаря их усилиям и отражая общие перемены в социальной и духовной жизни чешских земель, с конца 1770-х годов просветительское движение переживает свой расцвет, порождая феномен чешского Просвещения. В области общественной мысли он сохраняется примерно до начала 1790-х годов, но в сфере художественной культуры просветительские идеи удерживаются и в первые десятилетия XIX в., переплетаясь с романтическими веяниями, которыми охарактеризовано развитие чешской общественной мысли первой трети XIX в. [187].

Одним из наиболее ярких представителей чешского Просвещения стал выдающийся филолог и общественный деятель Й. Добровский. Еще в начале своей деятельности он подчеркивал роль крестьянства как хранителя традиций национальной культуры [1110]. Поддерживая позитивные меры Иосифа II, в частности, отмену личной крепостной зависимости, провозглашение веротерпимости, борьбу с крайностями клерикализма, Добровский внес значительный вклад в развитие прогрессивной чешской культуры и в разработку проблем славянской общности. Показательно, что Добровскому принадлежало первое чешское пособие по изучению русского языка, изданное в Праге в 1799 г., во время нахождения здесь русских войск под водительством А. В. Суворова [494, с. 36]. Выражением политических взглядов Добровского стала его речь «О преданности и приверженности славянских народов австрийскому правящему дому», произнесенная в 1791 г. в Праге в присутствии премьера Иосифа II императора Леопольда II. Подчеркнув, что чехи, наряду с остальными славянскими народами составляя большинство Австрийской монархии, могли бы явиться оплотом ее могущества, Добровский отмечал, что в положении славян произошли большие перемены. При этом он сослался, в частности, на Россию, подчеркнув рост политического влияния Русского государства**. Характерно, что, в отличие от представителей шляхты, ратовавших после смерти Иосифа II за восстановление «земской конституции» [Kutnar, 1968; Urfus, 1971]. Добровский не связывал защиту национальных прав чеш-

ского народа с отказом от прогрессивных реформ Иосифа II. Наоборот, именно в период нового наступления реакции он и такие просветители, как К.-Р. Унгар, Ян Ганке и ряд других, выступили в защиту реформ 1780-х годов. Они противостояли попыткам внедрения в чешское движение феодально-клерикальных норм и представлений, наиболее заметным защитником которых был чешский математик и католический проповедник Ст. Выдра [396; Фука, 1957].

После вступления на престол императора Франца (1792 г.) правительство стало проводить реакционную политику, что означало серьезную преграду на пути развития просветительской идеологии. Это, а также менявшиеся внутри- и внешнеполитические условия требовали дальнейших идейных исканий. Середина 1790-х годов — первое десятилетие XIX в. стали, таким образом, переходным временем, когда шли напряженные поиски новых программных установок национального движения. Решающий вклад в это был внесен Й. Юнгманом.

Сын крепостного, прошедший курс философского и юридического факультетов Пражского университета, Юнгман стал одним из крупнейших общественно-культурных деятелей чешского национального возрождения. Филолог и историк культуры, публицист и поэт, библиограф и педагог, он внес значительный вклад в формирование национальной культуры и упрочение чешско-русских связей. Ошеломляющее впечатление на современников произвел публицистический трактат Юнгмана «О чешском языке», опубликованный в первом журнале на чешском языке «Гласатель чешки» («Чешский глашатай») (1806 г.). Здесь, а также в журнале «Виденские новины» («Венская газета») (1813—1814 гг.), Юнгман страстно отстаивал право чешского языка на самостоятельное развитие. Доказательство жизнеспособности чехов он видел в том, что они сумели пронести свое национальное существование через все испытания прошлых веков [1108, с. 144]. Юнгман считал язык формой философского воплощения мировой идеи [184, с. 3] и именовал его «палладиумом национальности» [669, с. 221]. В духе романтической гиперболизации язык для него — суть народной жизни.

Для Юнгмана языковая принадлежность тесно связывалась с принадлежностью социальной. Немецкий язык для него не только язык угнетателей, но и язык шляхты, равнодушной или даже враждебной простому народу, говорящему по-чешски [669, с. 39—40, 229]. Этот вывод имел далеко идущие последствия для ориентации прогрессивного крыла чешского общественного движения. Ибо, в отличие от предшественников и многих современников, еще питавших наивную веру в возможность привлечения на свою сторону дворянства или в сотрудничество с венским правительством, Юнгман заявлял, что основой жизнеспособных сил нации является прежде всего крестья-

янство, оставшееся верным родному языку и народным обычаям. «Не будем стыдиться крестьян,—воскликнул он,—они наши сограждане, наши братья» [669, с. 57].

Сила воздействия Юнгмана была велика, и вскоре вокруг него объединились многие представители патриотической молодежи 1810—1820-х годов — А. Марек, Й. Камарит, В. Ганка, Фр.-Л. Челаковский, В. Свобода и многие другие.

Выступая как противник габсбургского господства, Юнгман не выдвигал тогда тезиса об отделении Чехии от Австрийской империи. Вместе с тем Юнгман и многие его приверженцы считали, что свою свободу чехи сумеют получить лишь в единении с русскими и другими славянскими народами [669, с. 147].

Он неоднократно высказывал утопическую идею о создании единого славянского литературного языка. Юнгман сознавал политический смысл своих — в особенности в годы борьбы с Наполеоном — мечтаний. Но в конце жизни он объяснял, что не связывает образование единого славянского литературного языка с политическим объединением славян^{9*}. Главным для характеристики деятельности Юнгмана и его последователей являлось то, что мечтая об общеславянском языке, с трепетной любовью относясь к России и русской культуре, они неутомимо работали над развитием чешского национального языка [Мыльников, 993], обогащали его лексикой русского и других славянских языков.

Критикуя политику германизации, Юнгман вместе с тем высоко оценивал прогрессивную немецкую культуру, сочинения Гердера, Виланда, Лессинга, Гете и Шиллера, отчасти переводя их на чешский язык. Восхищался он и «здравой философией» Вольтера.

Несмотря на языковой в целом характер программы Юнгмана, он много размышлял и о социально-политических аспектах положения чешского народа. Он выражал надежду на скорую отмену барщины в деревне, выступал сторонником буржуазного развития чешских земель. Вместе с тем Юнгман подметил ограниченность и формальный характер требований буржуазии в период французской революции («французы провозгласили свободу и равенство на словах, а не на деле») ^{10*}.

При всей симпатии Юнгмана к народу, он никогда не рассматривал его как самостоятельную творческую силу. Он остался на просветительских позициях. Умеренные, но буржуазные по сути идеалы развития общества Юнгман надеялся реализовать с помощью абсолютистских учреждений (вера в мудрого монарха).

В позиции Юнгмана было много от старого просветительства, но в ней чувствовалось и увлечение новыми идеями прогрессивного романтизма. Рационализм, восходивший к идеям чешского Просвещения, сочетался у Юнгмана с романтизмом,

получившим распространение в чешских землях в начале XIX в. Влияние романтизма прослеживается в эти десятилетия в художественной литературе (Фр. Челаковский, К.-Г. Маха) и в науке (В. Ганка, Фр. Палацкий и др.). Оно выражалось в повышенном интересе к народному творчеству, в собирании и обработке фольклора, в увлечении стариной и ее идеализации. В этом смысле Юнгмана можно считать одним из основателей эстетики чешского прогрессивного романтизма. В наиболее полном виде эта позиция Юнгмана нашла выражение в его «Истории чешской литературы»^{11*}.

Несмотря на утопичность многих представлений, языково-культурная программа, а главное — практическая деятельность Юнгмана, проникнутые общеславянскими и чешско-русскими симпатиями, имели для своего времени положительное значение. Они не только открывали перспективы борьбы за национальные права чешского народа, но, пробуждая чувства национальной гордости и уверенности в успешном ее исходе, приобретали мобилизующее значение. В этом смысле «филологизм» юнгмановцев отвечал интересам народа. Деист-вольтерьянец и романтик, враг деспотизма и сторонник «просвещенной» монархии, противник шляхты и попутчик шляхетско-либеральной доктрины лояльности венскому правительству, борец за культурное сотрудничество славян и сторонник чешско-русских связей, Юнгман в 1800—1820-е годы отразил силу и слабость формировавшегося чешского буржуазного общества, умонастроения выдвинувшего его социального слоя.

Параллельно с развитием общественной мысли выработались основные формы национально-культурного движения. Одной из наиболее типичных форм на первом этапе стали так называемые «защиты языка». Жанр «защит», не составлявший, впрочем, монополии чешских земель, восходил здесь к концу XVII — началу XVIII в. К середине XVIII в. он превратился в инструмент борьбы за национальные права [Prokeš, 1925]. В полную меру старый жанр «защит» смогли воскресить, наполнив его национально-просветительским содержанием, Ян Ганке и филолог К. Тамм. Публицистический трактат Ганке, написанный по-немецки, «Рекомендация чешского языка и литературы» (1783) носил политическую, пройозефинскую направленность. В том же 1783 г. увидела свет «Защита чешского языка от злобных его хулителей» Тамма — замечательный памятник национально-апологетической публицистики. Тамм написал свой трактат по-чешски, т. е. сознательно ориентировал его на широкие слои народа. Он выступал против тех, кто не любит своего языка, прежде всего — против шляхты. Трактат Тамма пронизывала сила обличения, страстность, сознательно прокламируемая связь с интересами чешского национального мещанства [Chalupy, 1883]. Публицистические элементы языковых «защит» можно обнаружить и в трудах В.-М. Крамерну-

са, И. Добровского, В. Тама, Яна Рулика, А. Пухмайера, Яна Пресля, Фр. Челаковского и других представителей чешской науки и литературы конца XVIII и первых десятилетий XIX в. [674, с. 95].

Своеобразной формой чешской возрожденческой публицистики стали нашумевшие фальсификаты — Краледворская и Зеленогорская рукописи, «открытые» В. Ганкой в 1817—1819 гг. Дебаты об их подлинности создали обширную литературу. Ведущие деятели чешского национального возрождения, в той или иной степени подвергнувшись влиянию романтизма, признавали рукописи подлинными. Едва ли не один Добровский считал Зеленогорскую рукопись подложной [1107, т. 2, с. 523—544]. Лишь в последние десятилетия XIX в. фальсификация обеих рукописей была доказана [949].

Чешские просветители, долгое время печатавшие свои труды на немецком языке или латыни, все более начинают обращаться в своей литературной и научной деятельности к народному языку. Создание основ художественной и научно-популярной литературы на чешском языке, которая отразила бы современные потребности общества и ориентировалась прежде всего на его непривилегированную, демократическую часть, становится к исходу XVIII в. актуальнейшей задачей. Решить ее суждено было В.-М. Крамериусу, организовавшему в 1790 г. «Чешскую экспедицию», первую чешскую национально-просветительскую книгоиздательскую и книготорговую фирму. Почти за два десятилетия ее существования были изданы около 100 книг, а также периодически выходившая «Патриотическая газета». «Чешская экспедиция» сыграла огромную роль в сплочении сторонников развития чешского языка, деятелей прогрессивной культуры чешского народа [846, с. 177—225]. В первые десятилетия XIX в. общественное внимание к национальному книжному делу продолжает расти [186, с. 130—138].

Едва ли не на втором месте по значимости после книжного дела стоял театр. Борьба за создание постоянного чешского театра велась еще в последние десятилетия XVIII в. В 1780-е годы в Праге возникает чешский любительский театр. Хотя по большей части чешские оригинальные и переводные пьесы не отличались высокими художественными достоинствами, они обеспечили создание спектаклей, проникнутых демократическими, зачастую антидворянскими настроениями. В. Тамм и М. Копецкий были активнейшими деятелями этого движения [Титова, 298; 493а, т. 1]. Успехи, достигнутые к началу XIX в. в этой области, были во многом предопределены тесной связью чешских драматургов с национальными традициями. В начале 1820-х годов делаются попытки основания постоянного театра. В 1824 г. наметилось оживление деятельности старого Сословного театра, во главе которого находился драматург Ян Штепанек. Он и замечательный комедиограф В. Клищера содейст-

вовали обогащению национального репертуара. Пражский театр стимулировал оживление сценической деятельности в провинции (493а, т. 2).

Борьба за национальные права требовала объединения сил. Уже в 1770-х годах в чешских землях появились научно-культурные объединения, ставившие своей задачей развитие чешского языка, изучение истории и культуры [838, с. 137—187]. Они подготовили возникновение около 1774 г. Чешского общества наук. В следующие годы разного рода объединения, кружки, библиотеки для чтения создаются в Праге и других городах. Жизнь диктовала необходимость дальнейшего соединения усилий просветителей. В какой-то мере эта задача была решена в 1818 г., когда в Праге был основан Национальный музей, центр по изучению истории и природы Чехии [607, т. 1]. Заметную роль в развитии национальной науки и культуры сыграл «Часопис Чешского музея» («Журнал Чешского музея»), начавший издаваться на чешском и немецком языках с 1827 г. под редакцией Фр. Палацкокого. В эти же годы начинают возникать читательские общества и народные библиотеки. Первое — Радницкое читательское общество — было основано неподалеку от Пльзена в 1818 г. поэтом А. Пухмайером [708, с. 149].

1830—1840-е годы ознаменовались подъемом прогрессивной культуры в чешских землях. Одним из важнейших центров ее становится «Общество для научного развития чешского языка и литературы» при Национальном музее, или «Чешская матица», основанная в 1830—1831 гг. Среди учредителей находились И. Юнгман, естествоиспытатель и литератор Ян Пресль и Фр. Палацкий. Чешская матица сделалась не только издательством, но и средоточием активных сил национального движения. Членство в матице становится патриотическим долгом — перед революцией число лиц, материально поддерживавших ее, достигло 2329 человек [1076, с. 35, 54, 83]. Правда, одну из основных задач, во имя которых матица была создана, — выпуск чешской энциклопедии — тогда осуществить не удалось. Но вклад Чешской матицы в издание литературы на чешском языке был огромен. Благодаря ее усилиям именно в два предреволюционные десятилетия были заложены прочные основы чешской художественной и научной (популярной) литературы нового времени.

Большой заслугой матицы была поддержка издания пятитомного «Чешско-немецкого словаря» И. Юнгмана (1835—1839 гг.) и «Славянских древностей» П.-И. Шафарика (1837 г.). «Словарь», над которым Юнгман при бескорыстной помощи со стороны своих учеников и последователей трудился большую часть жизни, сыграл выдающуюся роль в кодификации национального литературного языка. Он был встречен современниками как крупное событие не только научного, но и общественного значения.

Широкий отзвук приобрели и «Славянские древности» Шафарика. Словак по происхождению, он по окончании в 1817 г. Йенского университета работал в Братиславе, а с 1819 по 1833 г. в Нови-Саде, где был директором и преподавателем сербской гимназии. Уже в этот период Шафарик опубликовал ряд работ, сделавших его имя известным научной общественности славянских стран. Большое влияние оказали на него гуманистические идеи Гердера [185; 877]. В изданной на немецком языке книге «История славянского языка и литературы» (1826) Шафарик показал богатство литератур славянских народов и их историко-культурную общность, смело выступив против шовинистических и националистических предрассудков части западных ученых по отношению к культуре славянских народов [Напиш, 1927]. В других работах, относящихся к годам пребывания в Нови-Саде, Шафарик обратился к недостаточно разработанным вопросам происхождения славянских народов. По приглашению Юнгмана, Палацкого и др. Шафарик в 1833 г. переселился в Прагу, где включился в чешское общественное движение. Основной труд Шафарика — «Славянские древности» — отличался широтой охвата материала и методом его сравнительно-исторического анализа. Шафарик обосновывал индоевропейское происхождение славян и раскрывал их вклад в мировую историю. «Славянские древности» на долгое время сделались подлинной энциклопедией славяноведения. Они принесли автору европейскую известность и были переведены на русский, польский, немецкий и, частично, французский языки. И все же этим их значение не исчерпывалось. Это было не только глубоко научное, но и в лучшем значении публицистическое произведение, исполненное уверенности в торжестве идей гуманизма и свободы. Современники оценили его как вызов угнетателям, терзавшим порабощенные народы, как своего рода историческое обоснование национально-освободительной борьбы чешского и других славянских народов [Мыльников, 271]. Не меньший резонанс получила научно-популярная «Славянская этнография» Шафарика (1842). Здесь содержались основные сведения по истории, культуре и статистике славянских народов, а помещенная в книге карта демонстрировала многочисленность славян.

В эти же годы начинает выходить в свет пятитомная «История чешского народа в Чехии и Моравии» Палацкого — сперва на немецком (1836—1867), а затем и на чешском (1848—1876) языках. Исходя из трактовки чешской истории как конфронтации славянского мира с германским, Палацкий осмыслил ее как борьбу чехов за свое освобождение. Важнейшим этапом ее Палацкий считал гуситское движение XV в. «История» Палацкого явилась отражением тех перемен, которые происходили в жизни чешских земель в два предреволюционные десятилетия. Она явилась событием общественной жизни, оказала

значительное влияние на подъем национального движения и дальнейшее развитие чешской культуры [Hanzal, 1976].

Важными органами формирования национально-патриотического общественного мнения стали в 1830—1840-е годы прогрессивные журналы: «Кветы» («Цветы»), во главе которых долгое время стоял замечательный драматург и писатель Й.-К. Тыл, «Ческа вчела» («Чешская пчела»), в начале 1830-х годов редактировавшаяся поэтом Фр. Челаковским, а в 1846 — начале 1848 гг. — талантливым поэтом-сатириком К. Гавличеком-Боровским, одновременно руководившим единственно дозволенной политической газетой на чешском языке «Пражске новины» («Пражская газета»). Несмотря на цензуру, чешская периодическая печать превращалась в арену идеологической борьбы представителей самых разных направлений освободительного движения.

На рубеже 20—30-х годов чешское освободительное движение вступило в новый, политический по преимуществу, этап своего развития, предшествовавший революции. События 1830 г. во Франции и особенно в соседней Польше заставили пересмотреть многие привычные представления «языкового» периода, составлявшие основу юнгмановской программы. Шафарик именно в период польского восстания понял реакционную сущность царизма. «Величие, которому все мы удивляемся, является на самом деле ужаснейшим военным деспотизмом», — писал он о режиме Николая I. Но называя царизм «немецко-скандинавско-монгольским», он замечал, что осуждает только русское правительство, но не народ [185, с. 20; 316, с. 165]. В 1835 г. в редактировавшейся Челаковским газете «Пражске новины» было помещено сообщение о прибытии Николая I в Варшаву и о его речи, исполненной угроз по адресу польского народа. Газета сравнила эту речь с тем, как обращались «татарские ханы к русским князьям»^{12*}. В позиции Шафарика и Челаковского отразилась дальнейшая дифференциация в рядах национального движения.

Прежде всего это коснулось «ученой дружины» юнгмановцев. Сам Юнгман до конца жизни остался верен своим языково-культурным представлениям. Его идеи сохраняли также привлекательность и для части сторонников национального движения, прежде всего там, где борьба за чешский язык и литературу еще сохраняла злободневность, например, в Моравии, где в 1830—1840 гг. протекала деятельность местных просветителей А. Шемберы, Фр.-М. Клацеля и Фр. Трки. Но в собственно Чехии простое повторение идей Юнгмана оказывалось уже недостаточным. Одни из юнгмановцев (Марек, Ганка) переходили на более консервативные позиции, а другие, подобно Челаковскому, пусть непоследовательно, склонялись в сторону демократического направления, постепенно набиравшего силы [Никольский, 1954].

Среди демократически настроенной мелкобуржуазной интеллигенции 1830-х годов были лица разных воззрений и судеб: поэт-романтик К.-Г. Маха, прогрессивный критик В. Небеский, педагог и общественный деятель К. Амерлинг, литераторы Ян Томичек и К. Кампелик, будущие радикальные демократы К. Сабина и Э. Арнольд. Все они были горячими сторонниками развития родного языка и литературы, проявляли внимание к проблемам чешско-славянской общности и чешско-русских связей, с уважением относились к «филологизму» Юнгмана и его школы.

Вместе с тем они отличались от патриотов предшествующих десятилетий. Молодежь интересовалась политикой, симпатизировала польским повстанцам, идеям демократии, революционного преобразования общества. Недоверие к шляхте, с которым мы встречаемся уже ранее, стало типичным для демократического течения и запечатлено в нелегальных брошюрах [610, с. 92—93], а также в создании легальных, полуполигальных и тайных обществ, иногда политического или карбонарского типа [Novak, 1953; Důma, 1958; 1080].

Впрочем, это демократическое направление было аморфным. Оно не могло сохраниться в обстановке усложнившихся классовых противоречий, наиболее значительным проявлением чего стал выход на историческую сцену чешского пролетариата, который уже во время июньского восстания ткачей 1844 г., по словам Ф. Энгельса, «в течение трех дней был полным хозяином Праги»⁷. На основе идейного брожения в чешских землях в 30—40-е годы XIX в. происходило складывание двух основных направлений («партий»), столкнувшихся в период революции 1848 г.—национально-либерального и радикально-демократического.

Либеральное направление тоже не было однородным. К нему в разное время примыкали такие несхожие деятели, как видный историк Фр. Палацкий, историки Ян Воцель и В. Томек, поэт и историк К. Эрбен, поэт и журналист К. Гавличек-Боровский, литератор Я. Малый, юрист Фр. Браунер, Фр. Ригер и др.

Фр. Палацкий начал научно-общественную деятельность на рубеже 20—30-х годов. Как и юнгмановцы, ставя в центр внимания «принцип национальности» (который в самом общем смысле означал естественность и правомочность стремлений каждого народа к свободному развитию), Палацкий шел несравненно дальше деятелей культуры начала XIX в., а в ряде вопросов противостоял им (в оценке царизма и чешско-русских связей). В отличие от Юнгмана Палацкий был тесно связан с дворянскими кругами, при содействии которых был в 1838 г. провозглашен «историографом Чешского королевства».

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112.

Уже в 1820-х годах он выражал уверенность, что именно от привлечения высшего дворянства зависит успех национального движения [303, с. 62]. В этот период буржуазные симпатии Палацкого были еще скрыты за рассуждениями о борьбе за национальные права [Šmerda, 1976].

Положение меняется в последние предреволюционные годы, когда идеологи либералов Палацкий, Воцель, Браунер, Ригер открыто связали себя с буржуазным развитием чешских земель (Urfus, 1964). Воцель, например, в 1845 г. прямо увязал «принцип национальности» с развитием промышленности, рассматривая развитие чешской промышленности как средство защиты национальных прав чешского народа. О том что судьба последнего всецело зависит от его промышленной конкурентоспособности, Воцель писал в 1847 г.^{13*}

При этом чешские буржуазные либералы вели курс на союз с дворянством. Палацкий, а в 1840-е годы Ригер и Браунер стремились «убедить» шляхту добровольно отказаться от части своих средневековых привилегий.

Позиция либералов стимулировалась оживлением политической активности местного дворянства. В 1820—1840-е годы среди части богатой шляхты получило распространение меценатство. Штернберги, Коловраты, Лобковичи, Чернины, Кинские и др. покровительствовали некоторым деятелям национального движения, участвовали в создании Национального музея, субсидировали издание книг. В политических брошюрах идеологи шляхты выдвигали требования исторических прав земель чешской короны. Шляхта стремилась сохранить все, что возможно из своих привилегий. В обстановке подъема национального движения в чешских землях в 1840-е годы идеологи консервативного шляхетского направления предпринимали попытки использовать его в своих интересах. Характерной фигурой был граф Л. Туна, связанный и с дворянством Чехии, и с австрийской бюрократией. В 1842 г. он сформулировал программу ограниченных преобразований в Австрийской империи с целью сохранения феодального режима. Это сочеталось у Туна с мыслями о развитии чешского языка и литературы. В совокупности с меценатством Туна подобная позиция временно делала его «своим» в либерально-буржуазных кругах [Novak, 1956].

При всех, порой значительных различиях воззрений представителей либерального течения, они отражали коренные интересы формировавшейся чешской буржуазии, стремившейся одолеть сильных австронемецких конкурентов и недовольной стеснением, которое чинило правительство развитию капитализма. Либералы стремились к замене феодальных порядков буржуазными. Но путь к преобразованию общества видели только в реформах.

Политической программой чешских либералов с 1840-х годов и до первой мировой войны становится так называемый

австрославизм, согласно которому национальные проблемы славянских народов, подвластных Габсбургам, наилучшим образом могут быть решены в рамках Австрийской империи. Австрославизм чешских либералов включал идею превращения Австрии в федеративную конституционную монархию с предоставлением автономии чехам и другим народам. Мысли об отношении славян Австрийской империи к Габсбургам можно найти в трудах ряда чешских просветителей от Пельцля до Добровского — последний изложил их в упомянутой выше речи 1791 г. «О преданности и приверженности славянских народов австрийскому правящему дому». В русле этих представлений развивал свои взгляды и Л. Тун, которого поэтому нередко именуют приверженцем дворянского австрославизма.

Что касается чешской либерально-буржуазной программы австрославизма, то обоснование ее связывают с именем К. Гавличка-Боровского, рассмотревшего в статье «Славянин и чех» (1846) содержание, цели и задачи национального движения^{14*}. Не веря в скорую ликвидацию самодержавно-крепостнического строя России, Гавличек выдвинул ориентацию на Австрийскую империю [1018]. Глубинные причины этой ориентации заключались в социально-экономических и политических интересах растущей чешской буржуазии, успешно развивавшей свою предпринимательскую деятельность на территории монархии. Гавличек исходил из того, что «славяне... не являются одним народом». «Время и обстоятельства,— подчеркивал он,— уже издавна разделили великое множество людей славянского происхождения на четыре нации...», в связи с чем славянство является только «географическим и научным» понятием [619, с. 33]. Гавличек полагал, что славяне состоят из четырех наций (русских, поляков, чехов и иллиров, т. е. южных славян), аналогичных другим европейским нациям. Опровергая романтическую теорию «единого народа», Гавличек выступал за взаимное обогащение культур братских славянских народов. «По причине значительного сходства славянских языков для каждого славянского народа полезно и необходимо как можно больше друг с другом литературно общаться и извлекать для себя пользу из их литератур, языков и национальных особенностей», — писал он.

Гавличек считал, что австрийское государство является «лучшей гарантией сохранения нашей и иллирийской национальности» и что в их интересах — укрепление Австрийской империи [619, с. 56—57]. Последний тезис составлял квинтэссенцию австрославизма.

Буржуазно-либеральная ограниченность определяла многие выводы автора. Отрицая идиллические представления о славянстве, Гавличек вместе с тем отрицательно относился к стремлению словаков утвердить себя в качестве особой нации, иронически упрекал польскую эмиграцию в планах «легкомыс-

ленной революции». Негативное отношение Гавличека к царизму побудило правого либерала Яна Малого упрекнуть его в неверной оценке России вообще. «Мы,— писал Малый,— умеем проводить различие между русским правительством и русским народом. С первым мы не хотим ничего иметь общего, народ же не осуждаем» [494, с. 134]. В данном случае Малый лишь повторил то, что до него уже было выработано передовой чешской мыслью, начиная с Шафарика и Челаковского. Да и сам Гавличек стоял по сути дела на такой же позиции. Противник полицейского самодержавия Николая I, он высоко оценивал качества русского народа, его обычаи, культуру. В 1845—1850 гг. в «Картинах из России» он знакомил чешских читателей с жизнью братского народа, был одним из лучших переводчиков на чешский язык произведений Н. В. Гоголя. И после поражения революции, в 1850 г., он твердо скажет, что всегда нужно отличать русский народ («наши славянские братья, народ великий, добродушный, очень способный и живой») от царского правительства [262, с. 87].

Как и всякая либеральная программа, австрославизм отразил боязнь и неверие чешской буржуазии в творческую активность народных масс. Эту черту можно найти уже в позиции первых просветителей, искавших силу, способную реализовать национальную программу, вне народа,— или со стороны просвещенной шляхты (М.-А. Фойгт, Ф.-М. Пельцль), или просвещенного монарха (И. Добровский, В.-М. Крамериус и йозефинисты 1780-х годов). Курс на сотрудничество с австрийским правительством и местным дворянством для проведения реформ, взятый либералами с 1830-х годов, был продолжением отмеченной тенденции.

В 1833 г. по инициативе шляхты, связанной с предпринимательством, в Праге было образовано Объединение к поощрению промышленности в Чехии, носившее на первых порах сословно-дворянский характер. Друг Юнгмана естествоиспытатель Ян Пресль был долгое время здесь едва ли не единственным представителем чешского национального движения. Спустя десять лет руководители Объединения были вынуждены открыть доступ в него буржуазии. Вожди чешской национально-либеральной партии постарались воспользоваться этим для приобретения ключевых позиций в Объединении. За ближайшие два года его членство возросло в два раза и к 1845 г. достигло 630 человек. Среди них были видные деятели либерального толка — Ф. Ригер, П. Троян, Ф. Браунер, А. Штробах и др. Еще одним опорным пунктом либералов стала основанная в Праге в 1846 г. «Мещанская беседа», своего рода клуб чешской буржуазии [750, с. 94].

Не только в Праге, но и во многих других местах возникали в эти годы культурно-общественные объединения либерально-национальной направленности. Опорой либералов стали биб-

лиотеки и читательские союзы, деятельность которых оживилась на рубеже 1830—1840-х годов [Fiček, 1094, с. 165]. Особенно бурно процесс этот протекал в 1840-х годах.

Именно тогда политика либералов начинает встречать противодействие в левых кругах, отражавших настроения мелкой буржуазии, интеллигенции, крестьянства, формировавшегося пролетариата. Средоточием радикальной мелкобуржуазной интеллигенции с 1845 г. сделался тайный кружок, позднее получивший название «Чешский рипил». В него входили К. Сабина, Э. Арнольд, И.-В. Фрич, В. Вавра-Гаштальский, Ян Кнедльганс-Либлинский, К. Сладковский и др. Чешские радикальные круги стремились установить контакт с революционно настроенными немецкими демократами — одним из руководителей кружка «Чешский рипил» был немец Л. Рупперт.

Эти годы были временем выработки тех программных требований, с которыми мелкобуржуазные радикальные демократы публично выступили с первых же дней революции. Понимая значение национальных лозунгов, они стремились связать их с лозунгами социальными. В этом заключалось их наиболее существенное отличие от либералов. Арнольд позднее писал: «Для меня при моих патриотических стремлениях дело идет не просто о национальности, а, прежде всего, об освобождении народа» [367, с. 469].

Постепенно оттачивались радикально-демократические лозунги — борьба против абсолютизма, феодализма и привилегий дворянства, за улучшение положения рабочих, за разрыв с католицизмом [303, с. 56; 708, с. 217]. Позитивные требования их, однако, были весьма неопределенными. Такие деятели «Чешского рипила» как Э. Арнольд, К. Сабина и Ф. Гавличек целью освободительного движения считали социализм, трактованный ими в духе французского мелкобуржуазного утопического учения.

К началу деятельности радикальных демократов идеи утопического социализма получили в чешских землях некоторое распространение. Следует указать, в частности, на трактат чешского математика и общественного деятеля Б. Больцано «О наилучшем государстве». Он описывал социализм как социально-этическую систему, построение которой считал возможным путем «морального исправления» общества [882, с. 84—93].

История радикально-демократических групп, еще недостаточно исследованная, свидетельствует о стремлении передовых, революционно настроенных участников общественного движения к консолидации своих рядов. Известно, что сторонники радикальных взглядов стремились использовать для их пропаганды разного рода культурно-просветительные кружки и объединения. Так, в одном из пражских кружков активное участие принимал рипилист Й. Менцль, ремесленник-жестянщик по профессии^{15*}. Общая идейная и организационная слабость

радикалов не позволила им тогда занять сколько-нибудь заметное место в руководстве национально-освободительным движением, в котором господствовали лидеры либерально-буржуазного направления.

Тем не менее само по себе появление в Чехии радикального течения свидетельствовало о растущем недовольстве в народных массах существующим положением. В одном из полицейских донесений конца 1847 г. говорилось: «Будущее внушает опасения, потому что... это бедственное состояние может вызвать в низших слоях населения коммунистические идеи» [120, с. 41—42]. В такой обстановке приближался революционный 1848 год.

5. Словаки

Зарождение словацкого национально-освободительного движения, выработка его идеологических установок происходили, в сравнении с остальными угнетенными народами Австрийской империи, за исключением, быть может, украинцев, в особо сложных и неблагоприятных условиях. В отличие от чешских земель, формально обладавших «земскими» учреждениями, словаки не имели никаких атрибутов автономии. Более того, их этническая территория, полностью входившая в состав земель короны св. Иштвана, административно была разобцена по отдельным комитатам, а органы местного управления всецело находились в руках мадьярских дворян. Словацкое население, конфессионально разделенное между католицизмом и протестантством, не имело своей (национальной) церковной организации. У словаков не было ни своих городских центров, которые могли бы стать средоточием национальной культурной деятельности, ни «своего» господствующего класса, остатки которого (мелкие «земляне») в XIX в. растворялись в среде мадьярского дворянства [Butvin, 991]. В результате словацкое движение должно было не только спланивать силы для борьбы за национальное и социальное освобождение — формировавшейся нации предстояло бороться за признание самого права на свое существование. Одной из характерных черт словацкого национального возрождения было существование тесных словацко-чешских культурных связей.

Начало словацкого национального движения, относящееся к 1780-м годам, связано с просветительной общественной мыслью. Все его видные представители — И. Байза, А. Бернолак, Ю. Фандли, Ян Грдличка, Ю. Рибай, Ю. Палкович, Б. Таблиц — являлись ревностными пропагандистами идей Просвещения. Опираясь на идеи рационализма, они боролись с суевериями и предрассудками, стремились к освобождению человеческой личности от влияния идей контрреформации. Но, применяя

философию эпохи Просвещения к местным нуждам, деятели словацкого общественного движения с самого начала обратили первостепенное внимание на воспитание национального самосознания, на изучение словацкой истории и выработку литературного языка [Tibenský, 995, s. 103; 835].

Для небольшого народа, жившего в условиях двойного мадьярско-австрийского гнета, без социально-экономического центра и без государственно-правовых традиций эти вопросы имели большое значение. И не случайно, что все более пробивала себе дорогу — еще в десятилетия, предшествовавшие национальному возрождению — мысль о принадлежности словаков к «великому славянскому племени» [1075; Tibenský, 991]. Под воздействием идей эпохи Просвещения, в частности, не без примера наиболее близкого словакам в этнокультурном отношении чешского народа, мысль эта оказывается в центре внимания уже первых идеологов зарождавшегося национального движения.

В 1780 г. Ю. Папанек, священник в Оляши на венгеро-хорватской границе, словак по происхождению и самосознанию, опубликовал на латинском языке «Историю словацкого народа». Он выступил против венгерского историка Ш. Салади, утверждавшего, что словаки появились в Европе лишь в период Великой Моравии. Папанек доказывал автохтонность словаков на территории Венгерского королевства. Его мысли нашли приверженцев, и другой словацкий будитель Ян Грдличка в статье «Словацкий народ» (1785 г.) не только пропагандировал труд Папанека, но и определил границы современного расселения словаков.

Пробуждавшееся словацкое национальное самосознание настоятельно требовало выработки адекватной языковой формы его выражения. Это было тем более актуально, что до конца XVIII в. словаки пользовались в качестве языка литературы и письменности так называемой библичтиной, т. е. чешским языком протестантской Кралицкой библии XVI в. Инициатива создания собственного литературного языка, основанного на родной речи, исходила в рассматриваемый период из рядов словацкого католического духовенства. В 1787 г. А. Бернолак, возглавлявший группу «патриотических филологов» — студентов братиславской генеральной семинарии, издал на латинском языке «Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах», в котором обосновывал право словацкого литературного языка на самостоятельное существование. В последующие годы он опубликовал работы по грамматике и лексике словацкого языка: «Grammatica slavica» (1790 г.) и «Etymologia Vocum Slavicarum» (1791 г.) [Matovčík, 739]. Основной труд Бернолака — шеститомный «Словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» был после его смерти издан Палковичем в Буде в 1825—1827 гг.

Реформа Бернолака и предложенный им новый литературный язык — так называемая бернолаковщина — получила широкое распространение среди словацких католиков [Tibenský, 739]. В 1789 г. в Трнаве было основано Словацкое ученое товарищество, во главе которого встал Бернолак, а в числе его активных членов были Ю. Фандли, О. Месарош и другие видные представители словацкой культуры. Товарищество имело филиалы в Нитре, Ровне, Банска-Бистрице, Кошице, Рожняве и в других местах Словакии, а также в Вене. Это объединение содействовало пропаганде бернолаковщины, издавало книги экономического, сельскохозяйственного, медицинского и религиозного содержания [Miškovič, 739; Valent, 739].

Вершиной деятельности первого поколения бернолаковцев были монументальные труды, вышедшие в 20-х годах XIX в.: шеститомный пятиязычный словарь Бернолака и перевод Библии на словацкий язык. Крупный поэт, священник Ян Голлый оставил много переводов из античной поэзии, а также собственные произведения, например, героическую поэму «Святополк» [Nabovštiaková, 869]. Бернолаковская кодификация словацкой лексики и грамматики имела несомненное значение для воспитания национального самосознания, для преодоления диалектной разобщенности словаков. Но кодифицированный Бернолаком язык не стал единым литературным словацким языком [Смирнов, 309].

Культурная активность интеллигентов-евангеликов особенно оживилась после сессии венгерского государственного собрания 1790—1791 гг., решения которого несколько улучшили положение приверженцев евангелического вероисповедания и дали возможность добиться успехов в школьном деле. Поскольку в Венгрии не было высшей евангелической школы, юноши продолжали образование в немецких протестантских университетах, где изучали естественные науки, философию, усваивали прогрессивные идеи. В 1793 г. в Йене Ю. Палкович основал первый словацкий просветительный кружок.

Лидеры евангелической интеллигенции, на которых большое воздействие оказали труды И. Добровского, в конце XVIII — начале XIX в. исходили из концепции «чехословацкого» племени «славянского народа» и ратовали за сохранение единого для чехов и словаков литературного языка. В своих стихах, относящихся к началу XIX в., Таблиц воспевал «милую нам Славию», которая, по его мысли, соединяла все славянские народы, но прежде всего словаков и остальных славян Венгрии, а также словаков и чехов [Tibenský, 995]. В этом русле представлений шло в начале XIX в. формирование словацкой интеллигенции.

В противовес бернолаковцам, евангелические будители также создали ряд ученых обществ. В 1801 г. в Братиславе было образовано Общество чехословацкой литературы и языка.

Результатом деятельности Общества было учреждение в 1803 г. при Братиславском евангелическом лицее кафедры чешско-словацкого языка и литературы [Čarľovič, 749], профессором которой на протяжении почти полувека являлся Палкович [441, с. 83]. Он сотрудничал с чешскими просветителями, особенно с В.-М. Крамериусом, делал переводы из древнегреческих философов, издавал и писал календари, занимательные и поучительные сочинения для народа, экономические и медицинские труды и даже учебник в стихах под названием «Знакомство с родиной». Самым значительным его трудом был чешско-немецко-латинский словарь. В 1812—1818 гг. Палкович издавал «Тыденник» («Еженедельник»), в котором уделял много внимания актуальным вопросам словацкой жизни, а также чешским и общеславянским проблемам [1117]. Но Общество при Братиславском лицее просуществовало недолго.

В 1810 г. Таблиц создал Ученое общество горной области с центром в Банска-Штьявнице [441, с. 85—93]. В 1812 г. при местном лицее была основана кафедра чешско-словацкого языка. Таблиц прежде всего обращал внимание на вопросы развития словацкой культуры. Главную роль он отводил распространению чешского языка в Словакии, стремясь к языковому и литературному единству двух народов. Вопросы эти с середины 1820-х годов выдвигаются в словацкой общественной мысли на одно из первых мест. В своем первом крупном труде «История славянского языка и литературы» (1826) П.-И. Шафарик признавал словацкий язык и литературу самобытными. Он считал, что язык чешской библии, выполнивший функции литературного языка словаков, требует существенной реформы, в частности обогащения словакизмами, чтобы не остаться архаическим языком касты священников. Это были поиски «среднего пути» между чешским языком и бернолаковщиной. Вместе с тем Шафарик скептически оценивал духовные и материальные возможности словаков, их способность к самостоятельному существованию как нации. «Чешско-словацкий» язык Шафарика (и Коллара) не мог стать фактором объединения патриотических кругов словаков [Смирнов, 309].

В 1820-х годах участники словацкого национального движения обращаются к таким новым формам общественной жизни, как читательские кружки и объединения подписчиков периодических изданий. В 1826 г. в Пеште возникли читательский кружок и славянская библиотека. Кружок выписывал чешские, сербские, польские и русские журналы. В 1827 г. появляются кружки при евангелическом лицее в Шопроне, Братиславе и Кежмароке.

Убеждение словаков в том, что они составляют часть большого славянского мира, усилилось в годы побед русского оружия над Наполеоном. Поколение патриотов, выступившее в 1810—1820-х годах, стремилось применить в словацких интере-

сах идеи славянской общности, обогащая их разработку использованием трудов Гердера, Гегеля, а также французских просветителей XVIII в., особенно Вольтера и Руссо [1101, с. 167]. В начале 1820-х годов, в связи с обсуждением государственным собранием вопроса о признании мадьярского языка официальным языком Венгерского королевства, усиливаются попытки со стороны мадьярского дворянства к ассимиляции словацкого населения. Это привело к обострению словацко-мадьярских противоречий. Протест против мадьяризации носил не только национально-языковой характер, но и отражал социальный конфликт между дворянством и словацким феодально зависимым крестьянством.

Основной фигурой словацкого национального движения в 1820—1830-е годы стал Ян Коллар. Он родился в 1793 г. в семье зажиточного крестьянина. Интерес к родной литературе и истории славян пробудился у Коллара в Братиславском евангелическом лицее, в частности под влиянием произведений словацких (Таблиц, Рожнай, Палкович) и чешских (Юнгман, Пухмайер) авторов и окончательно сложился во время обучения в Иенском университете (1817—1819). Вернувшись на родину, Коллар получил место помощника евангелического священника в Пеште, где, несмотря на упорное противодействие немецкой буржуазной среды, сумел создать особую словацкую евангелическую общину и развернуть пропаганду патриотических и гуманистических идей.

Уже в 1824 г. в поэме «Дочь Славы» Коллар воспевал многовековую борьбу славянских народов против иноземных угнетателей и их грядущее освобождение и национальное величие. В поэтической форме Коллар выразил свои взгляды на судьбы славянских народов и на необходимость укрепления их единства. Эти идеи были затем сформулированы им в трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836). «Племя» (или нацию) Коллар вслед за Гердером рассматривал как общность языка, быта, нравов и национального характера. Он исходил из того, что славянские народы не смогут обеспечить себе существования без установления теснейших связей друг с другом, особенно с русским народом. «Чрезмерное» дробление славянства на отдельные «племена» также, по мысли Коллара, чревато для них опасностью, — ослаблением сил в борьбе с более сильными соседями. Поэтому Коллар признавал жизнеспособность лишь четырех славянских народов: русского, чехословацкого, польского и иллирийского, или иначе — четырех «племен» «славянского народа». Коллар отказывался при этом считать словаков самостоятельным народом или племенем «славянского народа», как не признавал самобытность и жизнеспособность некоторых других славянских народов. Словаков он считал частью «чехословацкого племени», а литературным языком их — реформированный чешский

(«библейский») язык. Коллар ратовал не просто за тесный союз, но и за слияние словаков с чехами, доказывая выгоду этого прежде всего для самих словаков.

Коллар выступал за сближение всех славян путем взаимного изучения и употребления четырех главных славянских языков — русского, польского, чешского и иллирийского (сербского). Утопическая теория Коллара, хотя и была проникнута романтическим идеализмом, способствовала культурному сближению славянских народов. Несмотря на то, что Коллар не говорил о создании общеславянского государства, его теория стала основой идеи небольшой части славянской интеллигенции о политическом объединении под эгидой России. Немецкая и венгерская публицистика использовали выход трактата для усиления кампании против «панславизма».

Деятельность Коллара составила эпоху в словацком национальном возрождении. Его сочинения произвели большое впечатление в славянских землях, но представители каждого национального движения трактовали колларовские идеи по-своему.

Коллар вступил в конфликт с бернолаковским крылом национального движения, не признававшим теорию о четырех «племенах». Бернолаковцы считали, что семь или восемь славянских «племен», в том числе и словаки, способны к самостоятельному культурному развитию и национальной жизни, т. е. фактически считали их особыми народами. Действительно, теория Коллара, отрицавшая «целесообразность» самобытного развития ряда славянских народов, тормозила прогресс их национальной жизни. Она противоречила объективному ходу этнического развития словацкого народа и достигнутому уровню его национального самосознания. Дальнейший процесс формирования словацкой нации усугублял это противоречие, что становилось все более ощутимым с 1840-х годов. Идеи Коллара о «четырех племенах» не могли встретить сочувствие также среди словенцев и украинцев. Вместе с тем его призывы к взаимопомощи славян, проникнутые искренней заботой об их будущем, нашли положительный отклик у многих деятелей национальных движений.

В эти годы в самом словацком национально-освободительном движении начали происходить существенные перемены. Если в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX в. оно было делом горстки интеллигентов, главным образом священников, и не имело серьезной поддержки со стороны более широких слоев, то с 30-х годов XIX в. ввиду социальных перемен в движении все большую роль начинает играть светская интеллигенция — учителя, адвокаты, врачи, чиновники и учащая молодежь, численность которой выросла в связи с развитием школьного образования.

Фактором, способствовавшим активизации национального

движения в 30-х годах, оказалась усиливающаяся политика мадьяризации. Венгерское государственное собрание 1832—1836 гг. приняло закон, предписывавший постепенно вводить во все учреждения венгерский язык и требовавший обязательного знания его от чиновников. Мадьяризация способствовала сближению словацкого католического и евангелического духовенства. В 1834 г. в Буде возникло Общество любителей словацкого языка и литературы. Председателем его стал Коллар, большинство членов принадлежало к группе бернолаковцев. В 1836 г. Общество издало первый выпуск своего литературного альманаха «Зора» («Заря»), где были опубликованы работы представителей обеих конфессий. Авторы писали как на чешском, так и на словацком литературном языке в различных его вариантах. В 1834—1835 гг. вышел сборник Коллара «Народные песни венгерских славян». Это было первым результатом сотрудничества протестантских и католических деятелей. Сборник показал богатство и разнообразие народного словацкого языка. Все острее становится вопрос о создании единого литературного словацкого языка. В 1836 г. К. Кузmani начинает издавать в Банска-Бистрице литературный журнал «Гронка», где был опубликован «Трактат» Коллара. Однако несмотря на взаимный интерес бернолаковцев и сторонников «библичности» к деятельности друг друга, конфессиональные противоречия между ними сохранялись.

Вместе с двумя литературными языковыми нормами фактически разрабатывались две концепции национальной идеологии. Надконфессиональную культурную организацию в Словакии первой четверти XIX в. создать не удалось. Но национальное самосознание проникло уже в разные слои интеллигенции, и стремление к объединению усилий представителей католического и протестантского течений общественного движения все более становилось необратимым процессом [Butvin, 1963].

В 30-е годы в национальное движение активно включается студенчество. Еще в 20-х годах лицеисты восторгались поэмой Коллара, многие знали ее наизусть. В 30-х годах при евангелических лицеях и гимназиях постепенно возникла сеть словацких самообразовательных кружков. Наибольшим авторитетом пользовалось Общество чешскословацкого языка и литературы, созданное при Братиславском лицее. Его члены читали не только Коллара, но и стихи бернолаковца Яна Голлого, особенно его эпические произведения, сюжеты для которых он черпал из истории Великоморавской державы. Студенты увлекались Мицкевичем и Пушкиным. Члены кружка читали политические брошюры, в том числе польские и французские, следили за бурными дебатами в государственном собрании, которое заседало в Братиславе, за венгерской политической публицистикой. Братиславский кружок был самым активным и поддерживал связь со студенческими организациями в Кежмароке, Прешо-

ве, Левоче и других местах [Вакош, 373, с. 51]. В этом кружке воспитывалось поколение «штуровцев», названное так позднее по имени их лидера Людовита Штура.

Так подготавливался переход национального движения от языково-культурной фазы к этапу политической борьбы. Впрочем, ввиду сложных условий, в которых существовало словацкое освободительное движение, в том числе из-за угрозы мадьяризации, языковые требования долго сохраняли актуальность. Все это привело к своеобразному переплетению в 1830—1840-х годах языково-культурных и политических аспектов в общественной жизни Словакии.

В 1835 г. Штур стал фактическим руководителем Чешско-словацкого общества при Братиславском лицее (с 1837 г.— Институт чешско-словацкого языка и литературы). Сын сельского учителя-протестанта, Штур с юных лет проявлял глубокий интерес к современной культуре и национальной борьбе словацкого и чешского народов. Подобно многим юношам из словацких протестантских семей, Штур учился в Галльском университете (1838—1840), затем преподавал в Братиславском лицее [766]. В 1836 г. он сформулировал программу развития национального сознания широких слоев народа. Предполагалось использовать церковь, школы, где обучение велось бы на родном языке и в народном духе, литературу, подъему которой должны были содействовать периодические издания. Последние предполагалось основывать с помощью организаций, создаваемых народом под руководством интеллигенции [373, с. 251—262]. Когда Штур в 1843 г. был отстранен от кафедры в лицее, в знак протеста его многочисленные ученики перешли в лицей г. Левоче. Словацкое студенческое движение достигло в этот период вершины своего развития. В 1845 г. возник Общесловацкий союз студенческой молодежи под руководством Яна Франциси. Годом раньше была создана общесловацкая культурная организация — общество «Татрин» в Липтовски-св.-Микулаше во главе с М. Годжей, единомышленником Штура. «Татрин» стал центром всех словацких национально-культурных сил.

В отличие от Коллара, штуровцы стремились к политическому сотрудничеству славянских народов как к средству освобождения от национального гнета. Важной составной частью их мировоззрения были либерализм, русофильство и полонофильство. Штуровцы поддерживали контакты с польскими нелегальными обществами и отдельными лицами и получали от них представление об идеях польско-русского революционного сотрудничества и федерации свободных славянских народов. Все это выходило за рамки колларовской концепции славянской взаимности, которая формально не касалась политических вопросов.

Но главное различие заключалось в том, что Штур и его соратники исходили из веры в самобытность словаков как от-

дельного, хотя и родственного чехам, славянского народа. Словаки должны быть прежде всего словаками, так как только потому, что они словаки, они являются славянами,— писал в 1838 г. в своем дневнике штуровец И.-М. Гурбан [Nagaxsim, 995]. Все они были убеждены, что основой каждого славянского «племени» является народная масса, и национальные стремления будут тем успешнее воплощаться в жизнь, чем больше патриоты будут опираться на свой народ. Цель развития славянства штуровцы представляли как сплочение развитых в культурном и социальном отношении самобытных «племен» (т. е. фактически — народов) на основе их духовного единства. Такому единству не должно препятствовать существование разных языков и литератур.

Новое понимание славянской общности предполагало укрепление сотрудничества с другими славянскими народами. В начале 40-х годов интенсивно развиваются связи с Россией, чему способствует пребывание в Словакии русских славистов. Русские ученые поддержкой национальных начинаний словаков возбуждали у них надежду на помощь России. В среде словацкого национального движения, которое на практике в это время стремилось к решению национального вопроса в рамках Венгерского королевства, вместе с тем зрели идеи, клонившиеся к признанию гегемонии царизма над славянством. Этому способствовало влияние гегелевских философских взглядов о развитии мирового духа и гердеровских оценок славянства, но главное, очевидно, было не в философских влияниях, а в трудной национально-политической ситуации.

Штуровское русофильство и его понимание славянства, будучи определяющим, не явилось единственным направлением в словацкой общественной мысли 40-х годов. Существовало и прогрессивное русофильство, сущностью которого была идея братства славянских народов, свободных в социальном и политическом отношении. Эту точку зрения формулировал поэт-демократ Янко Краль, который считал, что будущее славянства заключено в развитии духа свободы и социальной справедливости.

1840-е годы, когда вырабатывалась новая культурно-политическая программа словацкого национально-освободительного движения, были временем подготовки революции в Венгрии. Происходило обострение не только австро-венгерских, но и словацко-венгерских противоречий, особенно когда начал свою деятельность граф К. Зай, генеральный инспектор евангелической церкви в Венгрии, словак по происхождению. В 40-е годы Зай стал видным деятелем венгерской антигабсбургской оппозиции. Он провозгласил программу скорейшей мадьяризации словаков. Вслед за тем как в альманахе словацких студентов лица в Левоче были помещены стихи, выразившие «всеславянскую» идею, Зай ликвидировал студенческие языково-лите-

ратурные кружки во всех лицах. С целью усилить мадьяризацию средствами церковной пропаганды, он провел ряд мер, способствовавших проникновению венгерских кальвинистов в руководство церковными учреждениями Словакии. Такая политика вызвала первую акцию противодействия: в 1842 г. делегация словацкой евангелической интеллигенции представила императору петицию.

В этом документе не только содержались жалобы на насильственную мадьяризацию и попрание национального достоинства словаков, но и излагалась определенная культурно-языковая программа. Составители петиции просили императора выполнить ранее данное обещание о назначении словаков на должности цензоров, создать кафедру славистики в Пештском университете, продлить на новый срок функции профессоров братиславской кафедры чешско-словацкого языка, ввести словацкий язык для преподавания в школах на территории Словакии и вообще защитить словаков от мадьяризации их учебных заведений [496, т. 1, с. 516]. Петиция вызвала лишь репрессии против словацкого движения. Одновременно стала разгораться идеологическая борьба в печати. Словаки, не имея тогда своих постоянных журналов, вынуждены были выступать в заграничных органах; ряд статей Штура был в 1842 г. опубликован в «Аугсбургер альгемайне цайтунг». В брошюре «Старый и новый век словаков», не увидевшей света в то время, Штур полемизировал с идеями мадьяризации на основе историко-правовых аргументов. Он доказывал, что теория господства мадьярской нации прежде служила средством сохранения монополии дворянства на владение землей, а в новых условиях используется для обоснования идеи главенства мадьяр в едином государстве. Однако в этой полемике Штур доходил подчас до явно реакционных утверждений. Так, в одной из брошюр (1845) Штур защищал Священный союз и полицейский режим Меттерниха [Dubnický, 766].

Главным в развернувшейся полемике был вопрос о способности словаков к самостоятельному политическому развитию. В противоположность венгерской либерально-дворянской публицистике, утверждавшей, что словаки навсегда останутся лишь этнографической группой, Штур доказывал способность словаков стать «субъектом политического права».

Словацкая интеллигенция считала, что обеспечить более широкую поддержку национальным требованиям возможно лишь средствами пропаганды на понятном народу языке. Тот чешский язык, которым пользовалась евангелическая интеллигенция как литературным, носил в значительной мере книжно-церковный характер. В начале 1843 г. у Штура и его сторонников возник план создания надконфессионального словацкого языка. Трибуной штуровцев для первых публичных выступлений на новом словацком языке стали «Словенске народни но-

вины» («Словацкая национальная газета»), на издание которой Штуру после долгих хлопот удалось в 1845 г. получить разрешение. Основой нового словацкого литературного языка стал широко распространенный среднесловацкий народный говор. Пропагандировали этот язык прежде всего Гурбан и Годжа, а также многие представители молодого поколения интеллигенции. Однако главная заслуга в обосновании необходимости перехода к новому словацкому литературному языку, его кодификации, а также в конечной победе его над «бернолаковщиной» и «библичтиной» принадлежит Штуру. Эти задачи он выполнил в основном сочинениями, опубликованными в 1846 г.: «Словацкий язык или необходимость писать на этом языке» и «Наука речи словацкой».

Штур исходил из концепций Коллара, но подверг их кардинальному пересмотру. Из старой словацко-славянской идеи о самобытности славянских племен Штур выводил особую словацкую этническую самобытность.

Штуровская кодификация литературного словацкого языка натолкнулась на сопротивление не только чешских буржуазно-либеральных кругов, но и Коллара. Против Штура выступил и Шафарик. Чешский музей издал книгу, направленную против идеи создания словацкого литературного языка. Составителем книги был Коллар^{16*}.

Введение штуровцами нового литературного языка было важным прогрессивным событием. Победа этого языка в 50-х годах XIX в. обуславливалась тем, что он отвечал жизненным потребностям развития словацкой нации. Закрепление национального языка в литературе способствовало делу воспитания словацкого национального самосознания, давало словакам возможность бороться против ассимиляции. В результате кодификации словацкого литературного языка и развития Штуром словацкой национальной идеологии был в принципе решен ряд главных вопросов словацкого языково-литературного возрождения.

Не ограничиваясь этим, штуровцы выдвинули ряд экономических и политических требований. Они видели, что народные богатства Словакии находятся в чуженациональных руках и считали это причиной отсталости Словакии. И хотя Штур не сразу пришел к мысли, что феодализм тормозит экономическое развитие Словакии, однако в 40-х годах он сознавал, что феодальный порядок идет к гибели, что он несправедлив и против него надо бороться. В ряде статей своей газеты Штур затронул вопросы экономики, социальной и политической обстановки в стране [Mesároš, 766]. В 1846 г. Штур выступил с требованием ликвидации феодальной зависимости крестьян [1041, с. 205]. Здесь он стоял на платформе либерального движения наиболее прогрессивных представителей венгерского дворянства во главе с Кошутом. Наконец в статье «В чем причина нашей

нищеты» [1041, с. 298] Штур подверг сокрушительной критике феодальный порядок, проанализировав причины отсталости крестьянства и всей венгерской экономики. Он пришел к выводу, что пока не будут ликвидированы феодализм и дворянские привилегии, невозможно будет свободное развитие промышленности. В 1847 г. перед открытием комитатского собрания в Братиславе Штур выработал программу требований словацкого национального движения и постепенно публиковал ее в своей газете под рубрикой «Наши надежды и наши требования к будущему сейму». Штур требовал не только обеспечения национально-культурных прав словаков; в его программе ставился вопрос о ликвидации феодальных повинностей за выкуп, который взяло бы на себя государство, о ликвидации панского суда и управления, об обеспечении политических прав народа, чтобы он мог в местных органах управления и через своих представителей в сейме защищать свои интересы, о реформе управления королевскими городами по принципу народного представительства, о ликвидации дворянских привилегий и установлении равноправия граждан, обложении дворян налогами наравне с остальным населением, обеспечении недворянским слоям участия в деятельности всех учреждений посредством народного представительства [Mesaroš, 766]. В сущности в данных вопросах Штур присоединился к программе буржуазного преобразования Венгрии, выдвинутой мадьярской оппозицией. Революционизирующее значение имело распространение этой программы среди народа, которому веками внушалось, что крепостничество есть «воля божья» и что разделение людей на крестьян и дворян есть «вечный закон».

Штур опирался на различные слои населения, главным образом на мещанство, в некоторой мере на крестьян. Штуровцы создавали воскресные школы, организовывали читательские кружки, благодаря их усилиям за несколько лет возникло пятьсот обществ трезвости, среди которых, например, общество в Банска-Штьявнице насчитывало до 3 тыс. человек. Вместе с тем Штур искал поддержки и со стороны мелкого словацкого дворянства («землян»), старался привлечь на свою сторону богатых буржуа словацкого происхождения. Это предопределило ограниченность его программы, в связи с чем в словацком движении перед революцией появилась радикальная оппозиция против линии Штура. Оппозиция желала более последовательного демократизма в самом национальном движении и углубления социальной программы. Создалось радикально-демократическое крыло, представителями которого были Я. Краль, Ш. Дакснер и Ян Францисци, некоторое время к ним примыкал Й.-М. Гурбан. Краль считал, что газета Штура не имеет «политической линии и принципов». Указанная группа находилась в контакте с радикальной демократической венгерской интеллигенцией, которую возглавлял Шандор Петёфи.

Таким образом, накануне революции 1848 г. словацкое национальное движение достигло значительных успехов. Оно создало идейные и организационные предпосылки для деятельности в сфере культуры, хотя противоречия между различными конфессиями еще не были полностью преодолены. Наконец были заложены основы словацкой национальной идеологии и предпринята попытка выработать словацкую политическую программу. Однако по вопросу о целях и методах движения достигнуть единства не удалось, а существовавшая тенденция углубить его демократическую направленность не получила организационного закрепления. Вместе с тем отсутствие четких демократических принципов в системе взглядов Штура оставляло возможность для спекуляций реакционных сил.

6. Хорваты

Провозвестниками освободительных идей в хорватских землях в конце XVIII — начале XIX в. явились лица, связанные с местной торговой средой или отражавшие ее интересы. На первое место выдвигалась борьба за общенациональный литературный язык.

Административно-политическая и языковая разобщенность, при которой происходило формирование хорватской нации, делала эту проблему особенно острой. Официальными языками в разных частях Триединого королевства считались латынь, немецкий и итальянский. В быту дворянских и буржуазных кругов в Хорватии и Славонии, а также на Военной границе господствовал немецкий, а в Далмации и Приморье — итальянский язык. С конца XVIII в. мадьярское дворянство стало навязывать населению Хорватии, Славонии и Приморья венгерский язык. У самих же хорватов единый литературный язык отсутствовал. В ходу были три диалекта — штокавский в Славонии, Далмации и на Военной границе, кайкавский в Хорватии, чакавский в Приморье (такие названия диалектов получили по обозначению местоимения «что»). К XIX в. на основе первых двух диалектов существовали два относительно развитых региональных литературных языка.

Языковая ситуация усложнялась неупорядоченностью орфографии местных наречий, строившейся по принципу обозначения хорватских звуков несколькими буквами латинского алфавита. Языковая проблема сводилась к объединению хорватской нации на базе единого литературного языка и утверждению национального языка в жизни общества. Прогрессивная мысль развивалась от общих рассуждений в защиту родного языка и расширения сферы пользования им, от догадок касательно потребностей и направления языкового развития хорватского народа к более глубокому пониманию национальных задач, к конкретным указаниям путей объединения хорватов на основе

единого литературного языка, наконец, к осознанию тесной связи языковой проблемы с политическим положением хорватского народа.

В 1796 г. Й. Шипуш из г. Карловаца в брошюре «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям», изданной на кайкавском наречии, высказался за создание для населения Хорватии, Славонии и Далмации единого литературного языка на базе одного из наиболее распространенных диалектов. Вскоре последовали другие выступления в печати по языковой проблеме. В 1815 г. А. Миханович издал в Вене на кайкавском диалекте брошюру «Слово отечеству о пользе писания на родном языке». Здесь содержался первый публичный протест против официального употребления латыни и призыв к соотечественникам развивать и использовать родной язык. В эти годы имели также место выступления в пользу единого литературного языка Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии на штокавской основе.

В 1830 г. Людевит Гай, находившийся под сильным влиянием идей Шафарика и Коллара, издал в Буде на кайкавском диалекте и немецком языке брошюру «Краткая основа хорватско-славянского правописания». В ней он предложил преобразовать орфографию кайкавского диалекта по чешскому образцу. Опираясь на опыт хорватского писателя XVII в. П.-Р. Витезовича, Гай положил в основу нового правописания принцип обозначения каждого звука посредством одной буквы с использованием для этого надстрочных (диакритических) знаков. Автор брошюры высказался за орфографическую унификацию языков всех южных славян, пользовавшихся латиницей, на базе нового правописания и за их культурное единение.

В 30-е годы XIX в. в печати появились стихотворения П. Штооса, И. Кундека, Д. Раковаца, выражавшие любовь к отечеству и родному языку, проникнутые заботой о судьбах родины и верой в ее будущее.

В 1832 г. увидела свет брошюра молодого юриста И. Деркоса на латинском языке «Гений отечества над спящими своими сыновьями». Она в основном была посвящена вопросам литературного языка, но затрагивала и политическое положение хорватских земель. Автор отстаивал территориально-политическую целостность Триединого королевства и его независимость от Венгрии. При этом Деркос опирался не только на традиционное идеологическое оружие хорватского дворянства — историческое государственное право, но, впервые, — и на национальный фактор — языковое родство разных частей хорватского населения. Деркос доказывал необходимость и возможность развития отечественного языка. Он выдвигал в качестве ближайшей задачи создание единого литературного языка для Хорватии, Славонии и Далмации путем слияния диалектов, высказывался за создание единого литературного языка на што-

кавказской основе для всего южнославянского населения, кроме Штирии, Каринтии и Крайны (т. е. словенских районов).

Феодальное хорватское дворянство в новой обстановке, перед лицом укрепления национальных буржуазных сил, угрозы мадьяризации и развития венгерского либерального движения сознавало, что ему грозит потеря привилегий и подчинение мадьярскому дворянству. Отсюда возникало его стремление к защите и упрочению особого статуса Триединого королевства. Вынужденные в какой-то мере приобщиться к идеям общественного прогресса, помещики рассчитывали использовать их для обеспечения своих интересов и положений.

Идеологом консервативного хорватского дворянства и одним из представителей его в государственном собрании Венгерского королевства явился граф Янко Драшкович. В 1832 г. он выпустил брошюру под названием «Диссертация». Она была задумана как напутствие хорватским делегатам, отправлявшимся на сессию государственного собрания. Но значение ее было несравненно шире. Драшкович высказывался в пользу внесловного образования и замены во внутренних делах Хорватии и Славонии латинского языка национальным. Показательно, что «Диссертация» была написана на новоштокавском диалекте. Это означало стремление автора к созданию единого литературного языка хорватов на народно-разговорной основе, общей с сербской. Драшкович касался не только национально-культурных проблем. Он обращал внимание на хозяйственное развитие Риеки (Фиуме) — самого важного адриатического порта Венгерского королевства, на необходимость учреждения хорватско-венгерского торгового общества, основания венгерского государственного банка и на другие вопросы политического и экономического развития. Не допуская перемен в аграрных отношениях, он соглашался только на частичное налогообложение помещиков. Его идеалом уже в тот период была экономически сильная «Великая Иллирия». С этим понятием он связывал объединение хорватских земель со Словенией, Боснией и Герцеговиной в королевство в рамках Австрийской империи. В этом вопросе Драшкович полагался на помощь Вены. В целом его программа имела консервативный характер. И если в ней имелась доля дворянского либерализма, то она была рассчитана на то, чтобы создать благоприятные условия экономическому, политическому и национально-культурному развитию территориально расширенной Хорватии в рамках феодального государства Габсбургов.

Таким образом, к середине 30-х годов XIX в. в разных кругах хорватского общества сложилось сознание неотложности образования общенационального литературного языка, расширения его общественных функций и целесообразности духовного сближения хорватов с родственными народами, в первую очередь с сербами. В первых десятилетиях XIX в. в кайкавской

Хорватии были предприняты попытки литературного использования штокавского диалекта. Эти начинания не получили развития, но остались свидетельством складывавшегося понимания национальных нужд хорватов.

В 1835 г. молодой адвокат Гай стал издавать в Загребе на кайкавском диалекте газету «Новине хорватске» с литературным приложением «Даница хорватска, славонска и далматинска» («Хорватская, славонская и далматинская денница»). Газета явилась идейным и организационным центром, объединившим патриотически настроенных хорватов, а также некоторых представителей других южнославянских народов. Тем самым были заложены организационные основы освободительного движения. Начался новый период в развитии хорватской общественной мысли, прежде всего, ее буржуазного направления.

В этом общественном движении, которое по своей ведущей идее получило название «иллиризма», существовали разные идейные течения. Инициативным и направляющим выступал буржуазно-дворянский лагерь, объединявший передовую часть дворянства, формирующуюся буржуазию, интеллигенцию, в том числе часть духовенства и студенчества. Выразителями буржуазных идеалов в 30—40-х годах XIX в. выступали представители интеллигенции и небогатые дворяне. Теоретические и программные положения этого направления были сформулированы в статьях Л. Гая, Л. Вукотиновича, И. Кукулевича-Сакцинского, в брошюрах Д. Раковаца «Маленький катехизис для взрослых» (1842 г.), Б. Шулека «Каковы намерения иллиров?» (1844 г.) и периодической печати. Тот факт, что носителями буржуазных идейных тенденций являлись либеральные дворяне, наложил отпечаток на хорватскую общественную мысль, придав ей вместе с тем черты дворянской ограниченности.

Теоретические основы разных лагерей в иллирийском движении совпадали. Это касалось прежде всего основополагающей идеи об этническом родстве и общности исторических судеб славянских народов. Однако для передовых и консервативных деятелей внешне сходные теоретические построения служили разным классовым целям и из них делались неодинаковые практические выводы.

Идейным знаменем хорватских буржуазно-дворянских сил в 30—40-х годах XIX в. была мысль о «Великой Иллирии». Этим понятием носители буржуазной идеологии охватывали Хорватию, Славонию, Далмацию, Истрию, Каринтию, Крайну, Штирию, южную часть Венгрии, Сербию, Боснию, Черногорию, Болгарию и Албанию^{17*}, т. е. все южнославянские и частично соседние неславянские земли. Но практически хорватские национальные деятели сводили «Великую Иллирию» к сербско-хорватско-словенским областям. Гай и его последователи исходили при этом из того, что территорию «Великой Иллирии» издавна якобы населял один народ, который они именовали

«иллирами». Доказательство автохтонности южных славян на Балканском полуострове вело к выводу об их неотъемлемом праве на свободное национальное развитие.

Мысль о национальной общности южных славян была рождена буржуазными идеологами как средство преодоления раздробленности хорватов и опора для защиты их национального существования и развития. Эта идея родилась и как противодействие националистическим замыслам мадьярского дворянства. Наконец, субъективное восприятие хорватскими деятелями южных славян как единого народа опиралось на крепнувшие экономические и общественные связи между южнославянскими землями, что было закономерным следствием развития капитализма.

У южнославянской, в том числе и хорватской, общности в прошлом всегда было сознание южнославянского родства. И представление об их культурно-бытовой близости, общности происхождения и исторического развития в течение веков выражалось понятиями «иллиры» и «Иллирия». Эти названия широко использовались не только в литературе (в том числе — в дворянской публицистике), но и в официальных документах. Так что представители новых общественных сил в своих идеологических послылках опирались на известные традиции.

Однако выдвинутое хорватскими буржуазными идеологами положение о «Великой Иллирии» отнюдь не было простым воссозданием бытовавших в предшествующую феодальную эпоху воззрений. Оно было связано с формированием хорватской нации, отражая в то же время неразвитость ее самосознания. Направленная против локальной психологии и провинциализма, идея «Великой Иллирии» родилась в начале складывания хорватской нации, когда осознание последней своей самобытности еще перекрывалось традиционным этническим южнославянским самосознанием. Но идея «Великой Иллирии» соответствовала объективной тенденции к сближению южнославянских народов, и в этом состояло ее прогрессивное содержание. В то же время, представляя южных славян в национальном отношении как единое целое, концепция «Великой Иллирии» не отвечала задачам их национального развития.

В начале 40-х годов XIX в. под воздействием политической борьбы буржуазные идеологи сформулировали положение о «Венгерской Иллирии» как части «Великой Иллирии». «Венгерская Иллирия» территориально отождествлялась с Триединым королевством в самых широких исторических его границах^{18*}. При этом хорватские деятели руководствовались как национальным, так и историческим государственным принципом. Идея «Венгерской Иллирии» включала принцип территориально-политической целостности основного комплекса хорватских земель и была направлена против попыток венгерского дворянства отделить от Хорватии Славонию.

Исходя из представления о национальном единстве южных славян, Гай в 1835 г. в качестве цели иллиризма выдвинул идею объединения южнославянских народов, в первую очередь хорватов, сербов и словенцев, на основе единого литературного языка^{19*}. Эти планы были продиктованы стремлением создать барьер против денационализации южных славян и в первую очередь самих хорватов. Интеграция на базе литературного языка должна была стать формой сплочения южнославянских сил. Однако эти замыслы не могли полностью осуществиться ввиду отсутствия у южных славян, кроме хорватов и сербов, общей народно-разговорной основы и потребности каждой из формирующихся южнославянских наций в литературном языке, способном обеспечить ее сплочение и развитие. В 1836 г. Гай сформулировал ближайшие задачи иллиризма. Они сводились к пробуждению и воспитанию патриотизма, повышению духовной культуры, созданию и развитию единого литературного языка и всестороннему духовному сплочению славян «Великой Иллирии»^{20*}. Формулируя эти задачи, Гай ориентировался на все южное славянство. Но объективно они могли иметь только хорватское национальное значение.

Центральной темой публицистических статей и заметок в хорватской печати в это время был вопрос о национальном литературном языке. Опираясь на идеи немецких просветителей, прежде всего И. Гердера, хорватские прогрессивные публицисты настойчиво писали о неразрывной связи между судьбами национального языка и судьбами народа, о важнейшей роли национального языка в жизни народа и т. д.

Гай и его единомышленники имели в виду прежде всего национальные судьбы хорватов, заботились о том, чтобы уберечь их от мадьяризации и германизации, хотя само представление о «хорватах» у них было еще нечетким и неустойчивым. Поэтому иллирийское движение с самого начала не только объективно, в силу исторических условий, но и сознательно было направлено в сторону решения культурно-идеологических задач в первую очередь хорватского национального развития.

Связь культурно-просветительных вопросов с политическими понимали сами деятели иллиризма. С начала 1840-х годов программа либерального направления в иллиризме получила отчетливо политический характер и хорватскую направленность. В центре внимания идеологов либерализма стали задачи общественно-политического развития Хорватии и Славонии. Но в культурно-идеологическом отношении программа по-прежнему сохраняла широкий южнославянский аспект. В 1841 г. Гай выдвинул лозунг: «Да хранит бог конституцию венгерскую, королевство хорватское и народность иллирийскую!»

Либеральные деятели стремились к административно-политическому воссоединению основных хорватских земель и их автономии в составе Венгерского королевства. Но в качестве

ближайшей задачи они выдвигали защиту «муниципальных прав» — политических свобод и привилегий Триединого королевства, истари определявших его особое положение в системе Венгерского королевства и Австрийской империи в целом. Либералы требовали также восстановления хорватского наместнического совета (веча) — высшей административной власти в Хорватии и Славонии. По-прежнему выступая в защиту национального языка, либералы в 1842 г. еще весьма осторожно, а в 1844 г. (в бесцензурной печати) со всей категоричностью поставили вопрос о введении его в официальную жизнь Хорватии и Славонии.

Формально либералы придерживались традиционного дворянского лозунга «защиты муниципальных прав», олицетворявших некогда политические привилегии хорватского феодального господствующего класса. Однако в новых условиях в устах либералов он означал требование самостоятельного политического и национального развития хорватов и не был связан с сословно-политическими интересами дворянства. Это подтверждается позицией либералов по вопросу политического устройства Хорватии и Славонии. Тем не менее пользование дворянской политической терминологией, объяснявшееся как условиями меттерниховского режима, так и недостаточной идейно-политической зрелостью социально неразвитых буржуазных слоев, отражало тяготение либералов к политическому блокированию с консервативным дворянством на поприще национальной борьбы.

Либералы выражали неудовлетворенность существующими порядками и высказывались за административные реформы. Но действительные их стремления в политической области шли гораздо дальше. В проекте программы Национальной партии (так именовали себя сторонники иллиризма с 1843 г.), составленном в 1846 г. Вукотиновичем, предусматривались преобразование хорватского сабора и венгерского государственного собрания на началах народного представительства. Это означало превращение их в буржуазные парламенты. Предлагалась также модернизация жупанийского (комитатского) и городского управлений, уравнивание всех слоев населения в несении общественных обязанностей, пересмотр закона о гражданских правах. В проекте программы значились ликвидация старинного дворянского права касательно родовых земель, выкуп барщины и т. д. [Šidak, 1960]. Документ был проникнут заинтересованностью в буржуазном преобразовании политического и социального строя. По неизвестным причинам проект не был формально принят в качестве программы партии.

Выступая за развитие экономики, либералы, однако, слабо разработали свою экономическую программу. Аграрный вопрос, важнейший социальный вопрос эпохи, получил признание буржуазных идеологов на рубеже 30—40-х годов XIX в. под решающим влиянием антифеодальной борьбы крестьян, но всегда со-

хранял в программе либералов подчиненное значение. В этом проявилась ограниченность либерализма. Мысль о реформах стала появляться в печати с начала 40-х годов. Накануне 1848 г. со всей четкостью было заявлено о необходимости освободить крестьян от барщины, ввести всеобщее налоговое обложение и всеобщую воинскую повинность. В 1847 г. в скупщину Вараждинской жупании был внесен конкретный проект освобождения крестьян за выкуп^{21*}. Но, выступая за ликвидацию феодальных отношений, либералы опирались на буржуазно-помещичьи интересы.

В культурно-просветительной области либералы настаивали на учреждении кафедр национального литературного языка в учебных заведениях Хорватии и Славонии, развитии школьного дела, организации национального театра, научного общества, университета, устройстве ремесленных и торговых школ с национальным языком преподавания.

Они были первыми деятелями, которые выступили не только за национально-политическую самостоятельность, но и за буржуазное переустройство общественно-политической структуры Хорватии и Славонии. Но классовая природа либерализма в совокупности с общей отсталостью хорватских земель и сложными условиями национального развития определили умеренность и незрелость хорватской либеральной мысли.

Либеральный лагерь не был идейно однородным. В результате его дифференциации накануне 1848 г. стали складываться элементы буржуазно-демократического течения, связанного с интересами мелкособственнических слоев населения. Впрочем, до 1848 г. оно открыто о себе не заявляло.

Большая часть дворянства, духовенства и отдельные аристократы представляли консервативное направление в иллиризме. Хорватское дворянство на протяжении веков вело борьбу за политические права Триединого королевства, которые в эпоху феодализма по существу означали привилегии господствующего класса. Вековой опыт политической борьбы облегчил для части дворянства известную идеологическую перестройку в новых общественных условиях, постепенное усвоение национальных идей, понимаемых, однако, сообразно со своими классовыми интересами.

Идейно-политические позиции консервативно-дворянского направления в основных чертах были изложены Драшковичем еще в «Диссертации». В период иллиризма они получили дальнейшее развитие. В эти годы Драшкович принял концепцию славянской общности и южнославянского единства, выдвинутую Гаем и его единомышленниками. Но у него она служила феодально-дворянским интересам. Драшкович выступал за воссоединение с Хорватией и Славонией Далмации и Военной границы, восстановление банской власти во всей полноте, сохранение хорватских «муниципальных прав», восстановление хорватского

наместнического веча. Он признавал необходимость развития национального хорватского литературного языка и культуры вообще.

Для деятелей иллиризма вопросы развития общехорватского литературного языка и национальной культуры оставались в поле зрения и в дальнейшем, когда на первый план выступили задачи политической борьбы. Важнейшей общественной акцией иллиризма явилась реформа литературного языка, предпринятая Гаем.

С середины XVIII в. региональный литературный язык на новоштокавском диалекте переживал у хорватов процесс кодификации. Этот литературный язык был принят деятелями иллиризма в качестве общенационального литературного языка. Гай и его последователи рассматривали этот литературный язык как общий для всех южных славян. В действительности же он стал лишь языком хорватской литературы. В годы иллиризма были разработаны и основные нормы этого литературного языка. Вместе с тем общность диалектной основы литературных языков сербов и хорватов, установившаяся в результате реформ Людевита Гая и Вука Караджича, создала возможность осуществления идеи общего литературного языка.

В годы иллиризма были заложены основы хорватской национальной культуры. Главным содержанием культурного процесса того времени была борьба против обветшалых теорий, взглядов и представлений, против приниженности и насильственной денационализации хорватов, за свободу нации и общественное переустройство на прогрессивных началах. Деятели иллиризма создали первые органы национальной периодической печати. С 1836 г. издания Гая стали выходить на новом литературном языке и именоваться «Илирске народне новине» и «Даница илирска». В 1842 г. было основано научно-художественное издание «Коло». Важным фактором формирования национальной культуры было творчество поэтов и прозаиков времени иллиризма: И. Мажуранича, С. Враза, И. Кукулевича-Сакцинского, Л. Вукотиновича, Д. Деметера и других. Передовая художественная литература, опиравшаяся на народное творчество, имела большое значение для развития национального самосознания хорватского народа. С именами участников иллиризма связаны важные шаги в развитии хорватской науки, в первую очередь истории, этнографии, географии и лингвистики, в наибольшей мере содействовавших воспитанию национального самосознания.

В 1838 г. Гай открыл в Загребе собственную типографию. С 1838 г. в Вараждине, Карловаце, Загребе, а затем в других городах стали возникать читальни, где сосредоточилась национальная общественно-культурная деятельность. В 1842 г. при загребской читальне был организован фонд для издания и распространения книг на хорватском языке — Матица иллирская.

При загребской читальне был основан национальный музей. Читальня много сделала для развития национального театрального искусства, хотя профессиональный хорватский театр создать в эти годы не удалось. В 1840 г. в Загребе было организовано «Первое хорватское музыкальное общество», преследовавшее задачу развития и популяризации хорватского музыкального искусства. В 1846 г. состоялась премьера первой национальной оперы «Любовь и ненависть» В. Лисинского. В 1846 г. деятели иллиризма добились организации в Загребской академии кафедры национального языка и литературы. В том же году в Загребе был открыт Народный дом, где разместились культурно-просветительные учреждения и общества. Загреб становился культурным национальным центром хорватских земель.

Представители иллиризма установили и расширили культурные и научные связи с другими славянскими, в первую очередь южнославянскими, народами.

С 1841 г. сторонники иллиризма, объявившие себя Иллирийской партией, вступили на путь политической борьбы. Она вернулась в жупанийских скупщинах и саборе. Противниками были так называемые мадяроны.

Эта группировка, именовавшая себя Хорватско-венгерской партией, оформилась в 1841 г. Она отражала интересы крупных помещиков, которые, стремясь сохранить свои экономические и политические привилегии, блокировались с венгерским господствующим классом против централистской политики австрийского двора. Массовой базой мадяронов были дворяне-однодворцы из привилегированной общины Турополе.

Социально-политическая платформа мадяронов получила выражение в инструкциях Загребской жупании 1845—1847 гг. своим посланцам в сабор и государственное собрание. Целью мадяронов было укрепление политических связей Хорватии и Славонии с Венгрией. Мадьяроны выступали за их административное единство и постепенное политическое слияние, соглашались с введением венгерского языка в качестве официального в хорватских землях. Они настаивали на сепаратном развитии литературного языка кайкавских хорватов вне связи с остальными частями хорватского народа и тем более с другими южными славянами, видя в изолированности Хорватии условие сохранения ею политических связей с Венгрией. Вместе с тем мадяроны, стремясь к сплочению с венгерским средним дворянством, соглашались с некоторыми либеральными реформами в общественной жизни^{22*}. В мадяронской партии принимали участие немногие искренние сторонники либеральных идей, которых привлекали буржуазные и антиавстрийские устремления Кошута. Однако самостоятельной роли в партии они не играли. В целом мадяронская программа была антинациональной и реакционной.

Борьба между сторонниками иллиризма и мадьяронами составила заметную страницу в истории общественного движения в хорватских землях накануне революции 1848 г. Наибольшего драматизма она достигла в Загребской жупании. В 1842—1843 гг. в Загребе во время выборов должностных лиц жупанийского управления произошли открытые столкновения между иллирами и мадьяронами. В 1845 г. очередные выборы также закончились стычкой. Вмешавшиеся в конфликт войска открыли огонь по участникам иллирийского движения. В результате с их стороны было убито 15 человек и 30 ранено, было ранено также 9 солдат. Это кровавое событие всколыхнуло всю Хорватию и Славонию.

В середине 40-х годов XIX в. большинство в жупанийских скупщинах составляли сторонники иллиризма. Это позволило им использовать скупщины для противодействия националистическому курсу мадьярского дворянства.

Еще в 1840 г. сабор впервые принял решение просить императора о введении национального языка в академии и гимназиях в качестве обязательного предмета. В 1843 г. И. Кукулевич-Сакцинский выступил в саборе впервые на хорватском языке, что явилось важным политическим событием. С того же года в саборе появились политические группировки — иллирийская и мадьяронская. Со второй половины 1840-х годов сторонники иллиризма имели в саборе большинство.

В 1845 г. сабор просил императора о воссоединении Далмации с Хорватией и Славонией, восстановлении хорватского наместнического веча, учреждении при венгерской придворной канцелярии хорватского отделения, основании в Загребе университета, введения в академии и гимназиях кафедр национального языка и литературы и т. д. Через два года сабор вынес решения, направленные на защиту автономии Хорватии и Славонии, а также о воссоединении хорватских земель и использовании национального языка в официальной жизни.

Упорную борьбу хорватские представители, опиравшиеся на инструкции сабора, вели в государственном собрании Венгерского королевства, отстаивая автономию и политическое единство Хорватии и Славонии. Особой остроты национальные противоречия достигли на сессии собрания в 1847 г.

Гай и его ближайшие соратники в 1840-х годах установили конспиративные связи с белградскими агентами польской аристократической эмиграции, «панславянским» обществом в Белграде и другими единомышленниками в южнославянской среде с целью подготовки государственного объединения южных славян.

Деятели иллирийского движения пытались оживить хорватскую экономику. В 1841 г. по их инициативе в Загребе было основано Хорватско-славонское сельскохозяйственное общество. В 1844 г. было организовано национальное пароходное общест-

во «Слога». Через два года в Загребе открылось первое кредитно-финансовое учреждение — сберегательная касса.

На Хорватско-славонской Военной границе, за исключением Срема, где сложилась особая ситуация в связи с развитием сербского национального движения, общественные акции до 1848 г. развивались в культурно-просветительном русле иллиризма.

В Далмации, где официальным считался итальянский язык, интерес хорватской и сербской общественности к родному языку стал возрождаться в 20-х годах XIX в. С 1836 г. доктор права Б. Петранович стал издавать кириллицей научно-литературный альманах «Србско-далматински магазин» (с 1838 г. выходил в Задаре). Он поддерживал объединительные идеи иллиризма. С 1844 г. в Далмации стал выходить журнал «Зора далматинска», объединивший вокруг себя местные литературные силы. В содержании и направлении этого издания отразилась вся сложность идеологического развития хорватского общества в этой провинции.

Немногочисленная часть не только хорватской, но и сербской интеллигенции и духовенства Далмации осознавала необходимость объединения всех хорватов и сербов на основе единого литературного языка, административно-политического воссоединения Далмации с Хорватией. Кое-кто мечтал о самостоятельном политическом союзе южных славян, однако открыто дискуссии велись только по литературно-языковым проблемам. Противоречивой была позиция задарского профессора А. Кузманича, редактора журнала «Зора далматинска», и его ближайших единомышленников. Кузманич был противником засилья итальянского языка в Далмации, сторонником просвещения широких слоев населения и духовного объединения всех хорватов, однако на далматинской языковой основе. В важном вопросе литературного языка, связанном с проблемой политического развития хорватского народа, он занимал позицию, которая объективно тормозила объединение хорватов на основе единого литературного языка, диктовавшееся процессом формирования нации. Он питал иллюзии относительно исторической роли Далмации как ядра национальной консолидации хорватов. В действительности эта провинция в силу своего периферийного положения и отставания в общественном развитии от Хорватии не могла стать центром хорватской национальной общности.

В журнале «Зора далматинска» сотрудничали также лица, отстаивавшие изолированность Далмации от Хорватии. В этом отношении выделялись статьи священника Ш. Стáрчевича, сторонника провинциальной обособленности Далмации, выражавшего клерикальные консервативные взгляды.

Идеологическая борьба в хорватской среде Далмации определяла колеблющуюся линию журнала «Зора Далматинска».

Но в целом противники иллиризма имели здесь перевес. Поэтому направление журнала, особенно с 1846 г., в конечном итоге было сепаратистским [Vince, 925]. Это объяснялось узостью экономических связей Далмации с Хорватией, хозяйственным и культурным тяготением части имущих слоев провинции к Италии, экономической разьединенностью самой Далмации. Известную роль играли боязнь югославянской буржуазии и дворянства Далмации мадьяризации в случае соединения Далмации с Хорватией, а также позиция австрийских властей, не желавших упрочения внутринациональных связей хорватов.

В Истрии признаки национального самосознания у хорватов стали обнаруживаться только в 40-х годах XIX в.

Таким образом, разобщенность хорватских земель, неравномерность вызревания в отдельных их частях буржуазных отношений, влияние дворянской идеологии, слабость социальной основы освободительного движения — эти факторы влекли за собой неравномерность и верхушечный характер национально-го движения в различных частях хорватских земель.

7. Словенцы

Словенское национальное движение зарождалось на административно разобщенной этнической территории. Сложные условия гористой местности, где население каждой котловины жило обособленно, и вытекавшие отсюда трудности общения с соседними районами, наличие ряда (по крайней мере, восьми основных) диалектных групп, социальное и политическое угнетение населения со стороны абсолютистского государства и австро-немецких феодалов, австрийские провинции с их традициями и местными органами управления — все это способствовало консервации локального, «земского» патриотизма, тормозило складывание общесловенского национального самосознания.

В такой обстановке в словенских землях во второй половине XVIII в. возникает движение за развитие культуры и языка. Общественная мысль, формировавшаяся в эти десятилетия, испытывала большое влияние идей Просвещения. Известное значение имел и пример других славянских народов. Ранними словенскими просветителями были католические священники. Национально-просветительские идеи причудливо сочетались в их мировоззрении с грузом клерикализма и «земского» патриотизма. Первый словенский просветитель М. Похлин, издавший в 1768 г. «Краинскую грамматику», был убежден в существовании самостоятельного краинского языка. Подобных взглядов в значительной степени придерживались и такие ранние словенские просветители, как О. Гутсман и Б. Кумердей [580, т. 5, с. 81]. С конца 1770-х годов к просветительскому движению примыкают и представители светской интеллигенции. Вместе с

Похлиным в кружок янсенистов, сплотившийся в 1779—1783 гг. вокруг люблянского епископа К. Герберштейна, одного из видных сторонников церковных реформ Иосифа II, входили А. Линхарт и Б. Кумердей. Целью кружка, объединявшего более 20 человек, провозглашалось изучение словенского языка и близких ему наречий, развитие национальной литературы. Первым, кто со всей определенностью заявил, что словенцы составляют единый народ, был Линхарт. В книге (на немецком языке) «Опыт написания истории Крайны и других южных славян Австрии» (1789—1791 гг.) он показал, что современные словенцы, несмотря на наличие диалектных групп, составляют этническую общность. Вывод Линхарта имел принципиальное значение для формирования словенской национальной идеологии. Такие его сторонники в первой половине XIX в., как филолог Е. Копитар, поэты В. Водник и Ф. Прешерн активно выступали против «земского» патриотизма и пропагандировали общесловенское национальное сознание.

В конце XVIII в. возник кружок барона С. Цойса, богатейшего помещика Крайны и поклонника французских энциклопедистов. Высшим достижением кружка Цойса явилось издание с 1797 по 1800 г. первой словенской газеты под редакцией В. Водника. В эти же годы Кумердей создал «Патриотический проект, как наиболее успешным образом обучить краинское население письму и чтению», в котором обосновывал необходимость обучения детей на родном языке. Этот лозунг стал одним из главных требований словенского национального движения на протяжении всего XIX в. Будучи инспектором школ в Крайне, Кумердей при помощи Линхарта старался проводить свои идеи в жизнь.

Уже с первых шагов развития в словенской национально-просветительской идеологии наметились идейные различия. Наряду с носителями консервативных взглядов (Кумердей) формируется прогрессивное крыло, одним из наиболее ярких представителей которого был Линхарт, сторонник антифеодальных идей французской буржуазной революции. Он продемонстрировал антипатию к феодалам, перенеся в своем переводе действие пьесы Бомарше «Женитьба Фигаро» в словенские земли. Еще более решительную антифеодальную позицию занял священник М. Куральт. Будучи профессором во Львове, он выражал симпатии к французской революции, за что его выслали на родину. Здесь Куральт развернул агитацию среди крестьян, говоря, что улучшить их положение может только Франция и что священники обманывают народ [Вгеп, 1919]. За это он был заключен в монастырскую тюрьму. Близок к Линхарту и Куральту был первый словенский поэт и создатель первого словенского школьного учебника В. Водник. В своих стихах он в идеализированных тонах воспел труд словенских крестьян.

Учреждение Наполеоном Иллирийских провинций, в которых

оказались объединенными большинство словенских и часть хорватских земель, оказало значительное влияние на развитие политической мысли словенцев. Один из создателей первой политической словенской программы («Объединенная Словения», 1848 г.) А. Глобочник отмечал, что сама идея объединения словенцев появилась со времени Иллирийских провинций и еще в начале 40-х годов обсуждалась в кругах национальной интеллигенции [Лопчаг, 1912].

Франкофилами в Иллирийских провинциях являлись часть местного дворянства, духовенства и интеллигенции, более богатые слои буржуазии, участники масонских лож. Из словенских просветителей сторонником французских властей выступил Водник, которому импонировало введение французами словенского языка в начальных школах и некоторых учреждениях. Но деятельность кружка Цойса с приходом французов в Люблянупрекратилась.

В 1810 г. в Граце, где учились словенские студенты, было создано Словенское общество во главе с Я. Примцем, первым профессором словенского языка в местном лицее. Однако оно просуществовало недолго [751, т. 2, с. 36].

После падения наполеоновской империи и утверждения системы Священного союза национальное движение в Словении оказалось в тяжелом положении. От просветительской деятельности был отстранен Водник, занимавший прогрессивные позиции. Определился круг национальных деятелей консервативного направления. Наиболее ярким его представителем стал Е. Копитар. Крупный филолог, внесший значительный вклад в кодификацию словенского языка и в научную разработку славяноведения в целом, он придерживался консервативно-охранительных, проавстрийских взглядов. Деятельность Копитара и немногочисленного круга формирующейся национальной интеллигенции в эти годы (М. Равникар, А. Кремпл и др.) ограничивалась переводами на словенский язык книг религиозного содержания и попытками введения этого языка в школьное преподавание. Крупным достижением этого периода было учреждение кафедры словенского языка в Люблянском лицее в 1817 г. Борьба за кодификацию и закрепление в литературе словенского языка представляла для формирования словенской нации первостепенную задачу. Отмеченная выше обстановка ставила на повестку дня выработку норм национального литературного языка как одного из важнейших средств формирования национального самосознания.

Основы словенского литературного языка были заложены в период реформации XVI в. протестантскими деятелями П. Трубаром, А. Богоричем и Ю. Далматинном. Тогда же был создан словенский алфавит на базе латиницы, написана грамматика и выпущены первые книги на словенском языке, в основном переводы религиозных сочинений. Некоторые из них впоследствии

были использованы католической церковью. В целом же традиция словенского книгоиздательского дела была чрезвычайно слабой. До последней четверти XVIII в. оригинальной художественной литературы не существовало. Подобно Линхарту, показавшему этническое единство словенцев, Копитар в грамматике, изданной в 1808—1809 гг., доказал, что существует единый словенский язык. Создание этой грамматики трудно переоценить, ибо правила, закрепленные в ней, лежат в основе современного словенского литературного языка.

Однако вывод Копитара не сразу вошел в лингвистическую практику. Если на рубеже XVIII—XIX вв. литераторы писали на языке протестантов XVI в., пользуясь алфавитом и грамматикой Богорича, то в 1820-х годах появились две новые грамматики, написанные Ф. Метелко и П. Дайнко. По поводу их применения в 20—30-е годы в литературных кругах разгорелись жаркие дискуссии. Часть авторов, главным образом в Крайне, писала на основе грамматики Метелко (метелчица), а другие, преимущественно штирийцы, — на основе грамматики Дайнко (дайнчица). Но и тогда еще сохранялись, хотя и немногочисленные, приверженцы богорчицы. Против этого разнобоя выступили деятели культуры, группировавшиеся вокруг альманаха «Краньска чбелица» («Краинская пчелка»), выходившего в 1830, 1832, 1834 и 1848 гг. Во главе альманаха стоял Ф. Прешерн. Он и его сотрудники явились идейными наследниками Линхарта и Водника. Благодаря стараниям этой группы удалось добиться у австрийских властей признания богорчицы единственным словенским алфавитом. Кроме того, стараниями издателей «Краинской пчелки» славенский язык был очищен от ряда устаревших форм, успешно решались вопросы его кодификации. Позднее под влиянием иллиров богорчица была заменена так называемой гаицей. В гаице, заимствованной хорватом Л. Гаем у чехов, каждый звук выражался одной буквой. Поскольку этот принцип был принят у большинства других славян, пользовавшихся латиницей, освоение его словенцами облегчало их культурное общение с другими народами. Эти перемены имели значение для развития словенского языка и явились достижением языково-просветительского этапа движения.

Время, когда вырабатывались принципы литературного языка, ознаменовалось и сдвигами в освободительном движении. С конца 1820-х годов под влиянием социальных изменений в его ряды вливаются более широкие круги интеллигенции. Подавляющее большинство ее стояло за развитие литературы на базе словенского языка. Лишь небольшая часть стремилась к осуществлению идей иллиризма. В языковом плане уже к середине 30-х годов победило первое направление, представленное творчеством Прешерна. Это дало возможность развиваться словенской литературе на языке, понятном крестьянам.

Прешерн выступил против учения Коллара о «четыре-х племенах».

Вокруг руководимой Прешерном «Краинской пчелки» группировались прогрессивные деятели: энциклопедически образованный филолог М. Чоп, сын хлеботорговца А. Смоле, а позднее — ссыльный поляк Э. Корытко, сторонник антиклерикальных, радикальных взглядов. Однако ясной политической программы они не имели, хотя в альманахе прослеживается интерес к светской тематике и сочувствие к крестьянству. В деятельности этого круга сказалась слабость передовой интеллигенции, выражавшей настроения формировавшейся буржуазии. С середины 30-х годов влияние «Краинской пчелки» падает. Отчасти это было связано с преследованиями со стороны властей. Кроме того, один за другим ушли из жизни соратники Прешерна — Чоп, Корытко, Смоле.

Усиливается консервативное направление, социальную базу которого составляли духовенство, цеховые мастера, чиновники, часть словенской буржуазии, связанной с ростовщичеством, землевладением, торговлей. Его главным идеологом был Я. Блейвейс, сын онемеченного краинского купца. Консерватор по убеждениям, Блейвейс умел вовремя применить популярные в народе радикальные лозунги, выхолащивая их смысл. Он проводил более гибкую политику, чем крайне правое крыло консерваторов во главе с Л. Ераном. С 1843 г. Блейвейс стал издавать словенскую газету «Кметийске ин рокоделске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), долгое время являвшуюся единственной газетой на словенском языке. Появление ее было важной вехой в истории национального движения, несмотря на ее консервативный характер. Главными читателями газеты являлись сельские священники и отчасти крестьяне (в Штирии). Газета способствовала распространению национального самосознания в широких слоях населения.

Главным лозунгом консерваторов было: «Все для веры, отечества и императора». Борьба за национальные права была для них неотъемлемая от верности австрийской монархии и католицизму.

В первой половине XIX в. национальное движение в Крайне и южных районах Каринтии и Штирии переживало подъем, слабее оно было в Приморье. Здесь наряду со словенской буржуазией имелась гораздо более сильная итальянская и больший размах получило итальянское национальное движение. К нему примкнула часть антиавстрийски настроенных местных словенских интеллигентов. В Прекомурье и Венецианской Словении национальное движение практически отсутствовало.

Сознание этнической общности с другими славянскими народами появилось у словенских протестантских деятелей эпохи реформации (А. Богорич — XVI в.). В конце XVIII в. Линхарт указывал, что словенцы принадлежат к великому славянскому

«племени». Линхарт отмечал, что «славяне по числу и могуществу являются величайшими в Австрии, и поэтому Австрия должна по справедливости называться славянским государством, как и Россия» [580, т. 5, с. 84]. Эти взгляды Линхарта содержали зародыш австрославистских идей.

Среди словенских национальных деятелей эти идеи первым подхватил и трансформировал соответственно своим убеждениям Копитар. По его мнению, династия Габсбургов была призвана стать главой всех славян, особенно западных. Для этого он предполагал сделать Вену центром славяноведения и подчинить ее идейному влиянию интеллигенцию славянских народов Австрийской империи. Главным препятствием в осуществлении «призвания Австрии» возглавить славянские народы Копитар считал Россию [751, т. 2, с. 28—30]. Австрославизм Линхарта и Копитара не был одинаковым. В то время как Копитар не выходил за рамки легитимизма, Линхарт подразумевал новую организацию многонационального государства [Zwitter, 1955].

Идеи тесной близости и солидарности с другими южнославянскими народами возникли здесь несколько позже. Правда, первый импульс они получили уже в период существования Иллирийских провинций. Значительный отклик среди словенской интеллигенции в 30—40-е годы XIX в. нашли идеи иллиризма. Особенно их поддержали национальные деятели Штирии и Каринтии, т. е. областей, где угроза германизации для словенцев была особенно велика. Слабо связанная с народом словенская интеллигенция в Штирии и Каринтии считала, что противостоять онемечиванию можно только опираясь на более развитое и имеющее более глубокие традиции национальное движение хорватов. Но словенские иллиры в своем большинстве, признавая культурное и этническое единство южных славян, не хотели полностью отказываться от своего языка.

В 1828 г. серб М. Балтич создал в Граце Иллирийский клуб, в который входили жившие там словенцы (например, С. Кочевар) и хорваты (Л. Гай). В Штирии к иллиризму примкнули как представители духовной (А. Мурко, Д. Трстеньяк, П. Дайнко), так и светской интеллигенции (С. Враз, Ф. Миклошич). В Каринтии, в Клагенфурте, при богословской семинарии образовался кружок иллиров, одним из членов которого был М. Майр-Зильский [485, с. 17—19]. Сочувствовал иллиризму и будущий Левантинский епископ А.-М. Сломшек.

В Крайне угроза германизации была значительно меньшей, чем в Штирии и Каринтии, и словенская буржуазия чувствовала себя уверенней. Но и здесь, в Любляне, в 1839 г. возник кружок иллиров.

Несмотря на неверную идею, заложенную в мировоззрении части словенских иллиров — идею национального единства южных славян и отказ от родного языка, — иллиризм сыграл роль

в развитии словенского национального движения. Иллиры способствовали расширению национального самосознания в словенском народе (правда, в форме южнославянского сознания). Некоторые из них, собирая для издания народные песни (например, Враз, Маяр, Трстеняк, Ярник), объезжали словенские области, беседовали с крестьянами и священниками. Иллиры содействовали укреплению связей словенцев с другими славянами — чехами, хорватами, словаками, русскими. И, наконец, распространяя идеи славянской взаимности, они, естественно, выступали поборниками веротерпимости.

Социальные убеждения словенских иллиров отличались большим разнообразием. Так, примыкавший к ним Сломшек стоял за сохранение феодальных отношений. Но в их среде, чаще среди сельских священников, имелись люди радикальных взглядов, враждебные помещикам [889, с. 333—335]. Большинство же иллиров были либералами, сторонниками выкупа феодальных повинностей крестьян.

Иллиризм оставил след в Словении, явившись предшественником идеи югославизма. Но он не мог пустить здесь корни, так как опирался на хорватско-сербский язык.

Особую роль в судьбе словенцев многие просветители отводили России. Уже в конце XVIII в. Кумердей высоко оценивал значение самого факта существования русского государства для славянских народов. В 1799 г. Водник в газете «Люблянские новости» приветствовал войска Суворова, проходившие через Словению. Еще раз словенцы встретились с русскими в 1810 г., когда матросы Сенявина, интернированные французами, совершали переход из Триеста в Петербург. Участник похода В. Бронеvский писал о словенцах: «Для них теперь нет ничего приятнее, как говорить о России [...] и о счастье быть русским. Мечтания их простираются гораздо далее, нежели можно было бы ожидать от их ограниченных познаний в политике [...] и как бы правительство, коему они будут подвластны, ни было попечительно, они всегда помышлять будут о России с восхищением»^{23*}.

В целом в рассматриваемые десятилетия деятельность крайних будителей более всего способствовала созданию общесловенской культуры, определяла главное направление развития словенского национального движения. К середине XIX в. большинство словенских национальных деятелей придерживалось той точки зрения, что словенцы являются единым народом, но еще в 1848 г. находились политики, которые заявляли: «Мы хотим быть друзьями с нашими соседями словенцами и хорватами, оставаясь все же крайцами» [908, т. 1, с. 49]. Что же касается народных масс, то среди них провинциальное сознание сохранялось еще дольше.

До 1848 г. национальное движение развивалось вне связи с классовой борьбой словенского крестьянства. Некоторые дея-

тели этого движения, как например барон Цойс, сами подавляли волнения крестьян в своих поместьях, другие, например, Водник, Куральт, Прешерн, Смоле, сочувственно относились к их тяжелой доле. Но и они не могли и не хотели возглавить борьбу крестьян за отмену феодальных повинностей. Что же касается помещиков, то нередко они знали язык «своих» крестьян и не препятствовали культурным акциям словенских патриотов, пока не было речи о политическом движении.

Начальный этап словенского национального движения имел большое значение в последующих судьбах борьбы за освобождение. Линхарт и Копитар историческими и филологическими аргументами обосновали национальную общность словенцев. Возникли первые словенские периодические издания, стали издаваться книги светского содержания. Во время Иллирийских провинций словенцы впервые почувствовали возможность политического объединения своей этнической территории. Общесловенское национальное самосознание сделало заметные успехи в борьбе с локальным, «земским» патриотизмом. В течение всего рассмотренного периода, вплоть до революции 1848 г., словенское общественное движение решало задачи просветительского, языково-культурного характера. Переход его к фазе политической борьбы оставался делом будущего.

8. Сербь

Идеологические явления, связанные с формированием сербской нации, ранее всего проявились в Воеводине. Здесь уровень экономического и общественного развития был более высоким, чем в других землях, где жили сербы. В первой половине XIX в. основными центрами культурной жизни были Нови-Сад, Сремски-Карловци, а также Пешт.

Зачинателем сербской общественной мысли, проникнутой идеями Просвещения, был Досифей Обрадович. Хотя элементы просветительских взглядов нашли отражение еще в предисловии-манифесте З. Орфелина к «Славяносербскому магазину» 1768 г. [Костић, 1973], именно Обрадович впервые определил насущные задачи сербского общественного развития.

Обрадович был выходцем из семьи мелкого ремесленника и торговца в Тимишском Банате, учился ремеслу; некоторое время был монахом, затем учительствовал в Далмации, слушал лекции в германских университетах. Он объехал почти всю Европу, был в Малой Азии. В 1811 г. во время сербского антиосманского восстания он перебрался в Сербию, где вскоре стал близким соратником Кара-Георгия, членом государственного совета. Обрадович оказывал сильное влияние на внешнюю политику восставшей Сербии [132, с. 30, 69, 97, 115].

По широте кругозора и по идеологическому воздействию на общество Обрадович был крупнейшим деятелем своего времени

на Балканах. Система его взглядов сложилась на базе предшествовавшего развития сербской общественной мысли и под влиянием европейского Просвещения. Идеи Просвещения Обрадович переработал и приспособил к сербским условиям.

Как убежденный сторонник идей Просвещения, Обрадович выступил в печати уже в 1783 г. Последователь рационалистической философской концепции с ее культом «здравого смысла», Обрадович подверг резкой критике православную церковь и религию. Хотя в этой борьбе сербский просветитель не был последовательным, но его критические выступления против церкви были первым в сербских условиях открытым вызовом духовной монополии православной иерархии.

Считая совершенствование разума основной предпосылкой общественного прогресса, Обрадович разработал широкую программу культурного возрождения сербского народа. Центральное место в ней занимало обоснование необходимости замены церковнославянского языка в сербской литературе народным. Обрадович подошел к вопросу о подъеме культурного уровня сербского народа с точки зрения демократической и общенациональной. Он не только обосновал, но своим литературным творчеством внес реальный вклад в развитие сербской национальной культуры. Все его творчество было проникнуто активным напряжением феодального мира, церковно-религиозного миропонимания, страстной борьбой за просвещение и прогресс. Оно характеризовалось гуманистическим устремлением, самоотверженным патриотизмом и освободительным пафосом сербского просветителя.

До Первого сербского восстания Обрадович, будучи сторонником «просвещенного абсолютизма», мечтал о национальном освобождении только той части сербов, которая находилась под османским гнетом. Он связывал освобождение сербов и других южных славян с политикой Австрии и России. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. открыло новые перспективы. Находясь в восставшей Сербии, Обрадович освободился от иллюзий о прогрессивной миссии на Балканах империи Габсбургов и выступил сторонником ориентации на Россию. Его идейное развитие шло от умеренного просветительства до сторонника буржуазной революции.

Деятельность Обрадовича оказала огромное влияние на передовую общественную мысль не только сербов, хорватов, но и других балканских народов.

Консервативное течение в сербской общественной мысли отражало устремления большей части православного духовенства, немногочисленных дворян, офицерства, зажиточной части горожан. Главой консервативного направления в конце XVIII—первых десятилетиях XIX в. был митрополит Стеван Стратимирович, библиофил, основатель гимназии и богословского училища в г. Сремски-Карловци.

Внимание консервативной среды было сосредоточено на положении сербов в габсбургском государстве. Однако единства взглядов по этому вопросу не было. Феодално-клерикальная верхушка и часть горожан стремились укрыться от давления австрийского абсолютизма, венгерского дворянства и католической церкви за щитом привилегий православной церкви. В конце XVIII в. сербские консервативные круги настаивали на юридическом признании венгерским государственным собранием своих привилегий. Последние были для сербского духовенства также основой гегемонии над православным не-сербским населением, прежде всего влахами. На Темешварском соборе 1790 г. впервые было сформулировано положение об образовании на территории Баната (присоединение которого к Венгрии юридически еще не было оформлено) особой автономной единицы для православного населения Венгерского королевства [Petrović, 1067, с. VI—VIII]. Немногочисленные сербские дворяне во главе с С. Текели настаивали на равноправии православных с католиками, естественно, в соответствии с словесным принципом [235, т. 3, с. 27—28].

В кругах сербского духовенства традиционной была идея сербской государственности. Надежды на воссоздание Сербского государства как наследника бывшего Душанова царства усилились в конце XVIII в. в связи с политическими событиями на Балканах: русско-турецкой и австро-турецкой войнами. Когда же началось Первое сербское восстание, в сербских консервативных кругах Австрийской монархии победа Сербии над Османской империей рассматривалась как условие воссоздания Сербского государства в тех или иных его границах, на феодальной или полуфеодальной основе, и как важная предпосылка, открывающая благоприятные перспективы для сербов в монархии [43, с. 210]. Новисадский епископ Й. Йованович еще в 1788—1789 гг. с согласия двора содействовал развитию этнического движения в Сербии, вошедшего в историю по имени его организатора — торговца Кочи Анджелковича под названием «Кочиной краины». В 1805 г. в послании населению Боснии, Сербии, Болгарии, Валахии, Молдовы и остальных вилайетов Османской империи он выразил идею образования независимого государства от Черного до Адриатического моря во главе с русским великим князем Константином [Милутиновић, 1954]. В ходе Первого сербского восстания митрополит Стратимирович направил об этом русскому правительству секретный меморандум [233, ч. 1, с. 28—30].

Подобные проекты касались лишь османских владений. Хотя перспектива независимости представлялась сербскому духовенству заманчивой, оно отнюдь не было расположено портить отношения с могущественными Габсбургами. В годы Первого сербского восстания Стеван Стратимирович информировал о событиях в Сербии венский двор и командование Военной границы.

После Венского конгресса стабилизация реакционных порядков заглушила в сербском обществе надежды на возможность близких перемен. С другой стороны, Второе сербское восстание (1815—1817 гг.), положившее начало развитию политически самостоятельной Сербии, и новые явления в жизни сербов к северу от Савы и Дуная толкали передовых деятелей к более углубленному изучению национального процесса, к решению культурных задач сербского народа. Заложенные Обрадовичем основы новой концепции культурного развития сербов получили продолжение в трудах Вука Стефановича Караджича.

В 1818 г. он издал словарь с грамматикой народного языка сербов, где сформулировал принципы их нового литературного языка. В основу Караджич положил южный диалект. Каждый звук народной речи он предложил обозначить одним графическим знаком. Вся реформаторская деятельность Караджича в области литературного языка была углублением идеологической концепции, в основе которой лежал новый взгляд на национальную общность сербов и понимание ее связи с единым литературным языком на базе народной речи.

У сербов в начале XIX в. господствовал литературный язык, являвшийся синтезом народного и церковнославянского языков. Представители разных общественных направлений расходились во взглядах на степень участия и включения церковнославянских языковых элементов в структуру нового литературного языка^{24*}. Сам по себе подобный путь, как показывал опыт русского народа, мог привести к созданию национального литературного языка, способного выполнять широкие социальные функции и удовлетворять духовные потребности народных масс. Но в конкретных условиях жизни сербов дуализм в вопросе о литературном языке означал серьезную уступку клерикальным кругам и препятствие на пути сближения сербов и хорватов.

Языковая реформа Караджича натолкнулась на противодействие со стороны высшего духовенства и части сербской интеллигенции. Самыми активными противниками Караджича и защитниками церковнославянского языка были митрополит Стратимирович и председатель Матицы сербской Сава Текели. Консервативные круги видели в сохранении церковнославянского языка в церкви, литературе и школе олицетворение своего верховенства в сербском обществе. Замена этого языка народным воспринималась иерархией как удар по ее положению. В толковании духовенства церковнославянский язык был символом православия. Поэтому покушение на его позиции в условиях постоянного давления со стороны католицизма воспринималось и как покушение на веру [132, с. 178]. Многие представители интеллигенции опасались резкого разрыва с многовековой литературной традицией, отдаления от России. Сказывалась и неразвитость сербского народного языка, его

неспособность в то время к выражению философских понятий, большое отставание от потребностей времени.

Переломным для судеб сербского литературного языка явился 1847 г., когда поэт Б. Радичевич издал свои «Песни», а великий черногорец митрополит Петр II Пётрович Негош — поэму «Горный венец». Это были подлинно художественные произведения на народном языке. В том же году филолог Дж. Даничич в труде «Бой за сербский язык и правописание» научно обосновал правильность языковых принципов Караджича.

Подъем национальной культуры находился в центре внимания деятелей сербского национального движения. В 1826 г. в Пеште по инициативе молодого юриста Й. Хаджича, находившегося в дружеских контактах с преподавателем новисадской гимназии Г. Магарашевичем, была основана упоминавшаяся выше Матица сербская. Наряду с Хаджичем членами-учредителями этой просветительной организации были шесть сербских торговцев. Первоначально основной задачей матицы была поддержка первого сербского журнала «Сербский летопис», который выходил с 1825 г. под редакцией Магарашевича. Но вскоре матица превратилась в центр развития сербской национальной культуры. В 1838 г. при ней путем частных пожертвований была основана библиотека, с 1842 г. — музей [173].

Сербская общественная мысль находила с середины 1820-х годов выражение на страницах периодических изданий — журнала «Сербский летопис», который после Г. Магарашевича редактировался адвокатами Т. Павловичем и Й. Суботичем, газеты «Сербске народне новине» («Сербская национальная газета») с литературным приложением «Сербский народный лист», редактором которых был Павлович. Здесь пропагандировались идеи славянского единства в духе Добровского и Шафарика. Издатели этих органов так или иначе считали себя идейными последователями Обрадовича²⁵ *. Они действительно развили и углубили его взгляды по некоторым вопросам, но в целом у них не было ни смелости обличительной критики, ни страстности в борьбе за народность культуры, ни глубины понимания национальных задач, ни демократизма, свойственных выдающемуся просветителю. Они достаточно определенно отразили умеренно-буржуазный характер сформировавшегося сербского движения.

Под влиянием идей, исходивших из Загреба, в сербской среде возникло течение, близкое по своим тенденциям к иллиризму (П. Йованович, П. Стаматович). Но большая часть сербских общественных деятелей выступила против объединительных принципов, выдвигаемых Гаем и его последователями. Причины этого состояли в развитии сербского национального самосознания, великосербской тенденции буржуазии, влиянии верхов клира, противившихся сближению с хорватами-католиками.

Литература, ставившая вопросы общественного развития сербов, в целом до середины 40-х годов XIX в. имела культурно-просветительную направленность. Вместе с тем поддержка воеводинскими торговцами повстанческой Сербии, издание в 1813—1821 гг. в Вене газеты Дм. Давидовичем, выход в 1838 г. политической газеты под редакцией Павловича — все это было показателем того, что со времени Обрадовича в сербской буржуазной среде, идейно и организационно раздробленной, подспудно зрели политические освободительные тенденции, ощущалась потребность общественных перемен. Накануне 1848 г. либеральные идеи проникли в печать. Наиболее активно их пропагандировал адвокат Ю. Михайлович из Срема. Выражая стремление к буржуазным свободам и общественно-политическим реформам, Михайлович в то же время недооценивал значение национального вопроса для сербов. Он безоговорочно поддерживал венгерский либерализм [44, с. 81—84].

Под влиянием роста сербского национального самосознания Суботич в 1840 г. обратился к новому истолкованию понятия нации. Он понимал под «народом» (нацией) общность людей, объединенных узами «крови», духовной близостью (единством интересов, намерений и цели), именем и языком. Исходя из условий жизни сербов, Суботич подчеркивал, что наличие «отечества», т. е. государственности, не является обязательным признаком «народа». Считая православие одним из самых важных достояний сербов, он тем не менее заявлял, что и вероисповедание не является условием существования «народа»^{20*}. Такая постановка вопроса диктовалась великосербскими претензиями буржуазии в отношении других южных славян, разделенных религиозными различиями. Важнейшую роль в деле подъема культуры народа Суботич отводил церкви, школе и литературе. Так был очерчен практический круг деятельности и задач сербского национального движения.

И действительно, 1830—1840-е годы были отмечены организацией во многих местах Воеводины читален, литературных, общеобразовательных, хоровых и иных кружков. Такие кружки создавались сербскими студентами, учившимися в Пеште, Сегеде и Братиславе. В начале 1848 г. студенческие объединения в Пеште, Братиславе и Прешове вступили в тайный контакт с организацией белградских лиценстов «Дружина сербской молодежи». В первой половине XIX в. были также заложены основы сербского национального театра. Зачинателем театрального движения был И. Вуич, стараниями которого были созданы любительские труппы в Пеште, Сегеде, Буде, Тимишоаре, Панчеве. В 1838 г. Нови-Саде возникло «Передвижное театральное общество», которое в течение десяти лет давало представления в городах Воеводины и Хорватии.

В целом сербское общественное движение в рассматриваемое время носило преимущественно культурный характер.

9. Влахи (румыны)

Формирование румынского национального движения в габсбургской монархии происходило при отсутствии «своего» феодального господствующего класса (кроме Буковины) и в условиях политической разобщенности населения, проживавшего как в пределах монархии Габсбургов, так и в составе соседней Османской империи (Валахия, Молдова). Впрочем, существенные различия в социально-экономическом уровне и образе жизни романоязычного населения по обеим сторонам границы не представляли непреодолимого препятствия для их взаимного общения.

Временами, если это не шло вразрез с видами Вены, контакты владх Австрийской империи с их соплеменниками в княжествах Валахии и Молдове были интенсивными. Следует учитывать, что обе эти турецкие провинции издавна являлись рынком сбыта изделий мелкой промышленности трансильванских городов. В этой оживленной торговле наряду с саксами, немцами, армянами, греками все большее участие принимали влахи — купцы и ремесленники Трансильвании и Венгрии.

Другим важным каналом общения являлись миграции населения между двумя империями. Отсутствие в княжествах элементарных условий безопасности не только имущества, но и личности даже в мирное время вынуждало часть населения искать убежища в империи Габсбургов [566, с. 28]. Это было особенно характерно для последней трети XVIII и первых десятилетий XIX в. Первая «коллективная эмиграция» имела место в 1769 г., а после 1800 г., в связи с усилением фанариотского гнета, такого рода явления становятся массовыми. По свидетельству очевидцев, в 1802 г. Бухарест покинуло почти все валашское его население, в 1821 г. во время восстания Т. Владимиреску 17 тыс. валахов поселились на границах Трансильвании [566, с. 29]. В итоге, более благоприятные условия экономического, социального и культурного положения романоязычного населения австрийской монархии привели к тому, что Трансильвания сыграла важную роль в зарождении и развитии буржуазного национального самосознания и культуры.

В Трансильвании в середине XVIII в. представители формирующейся национальной интеллигенции задумывались над настоящим и прошлым своего народа. Целое поколение писателей, публицистов, ученых, учителей, вдохновленное идеями европейского Просвещения, прямо или косвенно связанное с православной и греко-католической (униатской) церковью Венгрии и Трансильвании, в особенности с униатской, распространяли румынское национальное сознание в Валахии и в Молдове [642, с. 88]. Основополагающие элементы созданной ими идеологической концепции — латинское происхождение родного языка, римское, а затем и дакийское происхождение

романоязычного этноса (идея «дакороманизма»), непрерывность его пребывания на данной территории (идея «континуитета») — были впервые выдвинуты и развиты униатскими священниками С. Мику-Клайном, П. Майором и Г. Шинкаи, знаменитой «трансильванской триадой». Представители «триады» выковали то идейное оружие, которое служило не только культурно-просветительским и в перспективе — политическим задачам влахов Трансильвании и Венгрии, но и повороту духовной жизни Дунайских княжеств от консервативных византийско-православных традиций к буржуазно-национальным воззрениям.

Важной вехой этого процесса, происходившего в остром столкновении с преобладающим греческим влиянием, явилась модернизация, а точнее латинизация литературного языка на основе древнеримских образцов. Трансильванцы Мику и Шинкаи в 1780 г. выпустили грамматику на латинском алфавите. П. Майор, полагая, что его родной язык происходит от вульгарной латыни, боролся за его «чистоту» путем приближения орфографии к итальянской. Латинизация литературного языка сопровождалась не менее резким отходом от народного языка, что вызвало споры и возражения. Этого не могли не принять во внимание и сами трансильванские просветители. Изданный ими в Буде монументальный словарь «Лексикон Буденсе» (1825 г.) явился попыткой расширения словарного запаса за счет народной лексики.

Идеализация прошлого, поиски предков, мнимых или подлинных, но в любом случае как можно более древних и могущественных, — явление характерное для многих угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в особенности после выхода в свет трудов Гердера о славянах, — стало фактором в процессе формирования румынского национального самосознания, сопровождало слияние восточнороманского населения Венгерского королевства, Трансильвании и Дунайских княжеств в единую румынскую нацию. В течение всего XIX в. концепция эта, обогащаясь новыми элементами и наполняясь новым социальным содержанием, сохранила в неизменном почти виде сущность и основную аргументацию.

Концепция «трансильванской школы» была изложена в меморандуме первого униатского епископа Трансильвании Иннокентия Мику «Супплекс Либеллус», врученном Марии-Терезии в 1744 г. Политическое требование — предоставление политических, социальных и экономических прав валахам наравне с другими «нациями» княжества, как народу самому многочисленному и несущему главное бремя налогов, в нем подкреплялось «исторической» аргументацией: вlahи — народ, проживающий на этой территории со времени Траяна [916; 414].

Важным элементом «трансильванской» концепции являлось осознание и популяризация идей исторической и этнической общности восточнороманского этноса по обе стороны Карпат,

сознание, укреплявшееся благодаря хозяйственным и этнокультурным связям Трансильвании с Молдовой и Валахией, где, несмотря на засилие фанариотов, была жива традиция былой государственности времен Михая Храброго. Отмеченные тенденции культурно-национального развития трансильванских влахов нашли свое ясное выражение в петиции — «Влашском супплексе» 1791 г. (*Supplex Libellus Valachorum*). Ведущую роль в его составлении играли униатские епископы в городах Блаж и Орадя (Надьварад), а также православный епископ в Сибиу. Оформление текста было поручено секретарю трансильванской канцелярии в Вене И. Мехеши, которому помогали известный врач, лингвист, переводчик и просветитель И. Пиариу-Мольнар, историк Г. Шинкаи, один из авторов теории о романском происхождении румын, и блажский монах П. Майор.

Национальные требования трансильванских влахов были сформулированы этой группой от имени «всего народа», под которым подразумевались священнослужители, дворянство, торговцы, военнослужащие, задолго до того, как появился тот класс, чьи интересы в конечном счете выражал «Супплекс» — национальная буржуазия. Характерно, что сами буржуазные элементы, например, купцы Сибиу, Брашова и других городов, мало интересовались политической борьбой [911, с. 448]. В петиции содержались требования закрепить за «влашской нацией» гражданские и государственные права, уравнивать положение православного духовенства и дворянства с аналогичными правами привилегированных сословий венгров, саксов и секеев, соблюдать принцип «справедливого представительства» при выборах депутатов в государственное собрание, комитатские органы и при назначении чиновников для всех народов, проживающих в Трансильвании [911, с. 245—273].

Наряду с требованиями буржуазного характера документ содержал ряд положений, не выходящих за рамки обычных для того времени сословно-феодалных представлений и сословно-конституционного права. Тем не менее петиция была прогрессивным для своего времени документом. И именно потому, что она представляла определенную угрозу политической гегемонии венгерского дворянства, саксонского патрициата и знати секеев, она была единодушно отклонена как венгерскими, так и саксонскими депутатами государственного собрания. Та же судьба постигла и вторую петицию, которая была представлена на рассмотрение собрания в 1792 г., несмотря на то что эта петиция была более умеренной [1079, с. 20—21].

Следует заметить, что, в ряду общеполитических факторов этого времени, на влашскую элиту оказало известное влияние особое положение православной сербской церкви и созыв Темешварского собора 1790 г.

Практическим результатом двух «супплексов» явилось лишь официальное признание свободы исповедания православной ре-

лигии в Трансильвании и права влахов-неуниатов занимать посты, не предназначенные для представителей четырех «принятых» церквей (католической, кальвинистской, лютеранской и униатской). Петиционное движение 1791—1792 гг. завершило подготовительный этап национального движения влахов, в котором наряду с церковными и культурно-просветительскими устремлениями происходила кристаллизация и политических требований.

Восстановление союза венгерского среднепоместного дворянства с австрийскими правящими кругами, отмена реформ Иосифа II и отклонение влашской петиции отбросили национальное движение на несколько десятилетий назад. Оно потеряло политический характер и почти до середины 30-х годов XIX в. проявлялось преимущественно в области языка, литературы, искусства и в исторических исследованиях.

С конца 90-х годов XVIII в. появляются новые культурные и просветительные учреждения, в особенности начальные школы. В городах Орадя и Беюше росла численность влашской интеллигенции. Все больше молодежи поступало в венгерские и саксонские средние школы Трансильвании и Баната, в которых латынь постепенно вытеснялась венгерским и немецким языками. Трансильванская интеллигенция, включая и влашскую, получила возможность расширить свой кругозор и познакомиться с идеями выдающихся представителей европейской культуры — Руссо, Вольтера, Монтескье, Лейбница, Гроция и Клопштока. В распространении западноевропейской культуры большую роль сыграли саксы, которые, несмотря на противодействие венских правителей, учились в немецких университетах в Лейпциге, Иене, Гейдельберге, Тюбингене или получали оттуда литературу [916].

Кадры местной интеллигенции, обучавшейся на родном языке и воспитанной в национальном духе, готовились только в Блаже. Здесь функционировали единственные в Трансильвании неполная средняя школа и гимназия, где география и закон божий преподавались по-румынски. Росту национальной интеллигенции в целом мешало не только отсутствие средних школ. Не в меньшей мере он задерживался из-за национального неравноправия и сословных ограничений.

Идеи, выдвинутые «триадой», на рубеже XVIII—XIX вв. нашли воплощение в учебниках, хрестоматиях по истории, литературе и языку, в словарях, грамматиках и других книгах, выпускавшихся типографиями Вены, Буды, Пешта, а несколько позднее и Клужа (Коложвара). Так складывались культурно-просветительские основы будущего национального движения.

В первые десятилетия XIX в. в углублении процесса формирования нации у влахов и усилении национального сознания решающая роль принадлежала литературе, языку и народному образованию. Начатая после церковной унии и продолженная

«трансильванской школой» латинизация языка, принимавшая порой абсурдные формы, постепенно приспособлялась к реальным условиям культурного развития народа, отдельные части которого испытывали языковые влияния иноязычного этнического окружения. В ходе создания норм литературного языка все более учитывались народная лексика и языковые заимствования. В грамматиках и «Румыно-немецком лексиконе», изданных И. Будаи-Деляну, язык вlahов, хотя и выводился из вульгарной латыни, но включал употреблявшиеся населением сербские и русские слова и выражения. Вместе с тем исключались немецкие и мадьярские слова, которыми пользовались жители Венгрии и Трансильвании, а также греческие и турецкие заимствования, имевшие распространение в Дунайских княжествах. Опубликованный в 1825 г. «Лексикон Буденсе» Майора и его сотрудников явился первым сводом румынской лексики.

По мере развития буржуазных отношений на южных окраинах Венгрии, населенных преимущественно вlahами, сербами и немцами (швабами), завязывался новый клубок противоречий, которым суждено было сыграть роль в событиях 1848 г. и оказать воздействие на ориентацию вlahов Баната.

В 1814 г. банатские православные вlahи, возглавляемые священниками П. Иорговичем и М. Никоарэ, выступили с коллективной петицией, в которой, ссылаясь на «иллирийские привилегии» и положения «Супплекса», потребовали равных с сербами прав, освобождения вlahских школ от контроля сербской церковной иерархии, назначения епископом Арада вlahа и т. д. Требования петиции подкреплялись аргументацией, почерпнутой из «Супплекса». Под петицией стояла выразительная подпись: «все вlahское духовенство и весь вlahский народ». Эта петиция стала исходным программным документом складывавшегося национального движения вlahов Баната [863, т. 1, с. 138—142; 911, с. 420].

Движение за реформы распространилось и на Трансильванию. Здесь его возглавляли мадьяры Я. Бетлен, Д. Кемень и М. Вешелень — убежденный противник австрийского абсолютизма. В трактате «Ложные суждения» [1838 г.] Вешелень писал, что успех дворянства в борьбе за независимость возможен лишь при поддержке его крестьянством. Вдохновленный революционными событиями 1830 г. в Европе, он организовал выступление трансильванских комитатов за созыв государственного собрания. Это собрание, открывшееся в 1834 г. в Клуже, способствовало оживлению румынского национально-освободительного движения.

Еще в канун открытия собрания православный епископ Вазул Мога совместно с блажским епископом-униатом И. Леменьи составил петицию, повторяющую «супплексы» 1791—1792 гг. В 1837 г. государственному собранию была представлена новая

петиция, написанная самим Могой и направленная против привилегий саксов в Заксенланде. Петиция требовала допуска влахов на службу в учреждения и цехи Заксенланда, открытия в Сибиу православной семинарии, освобождения православных священников от барщины и десятины [1079, с. 69; 959, с. 135]. Петиция не имела последствий. Воспользовавшись обострением противоречий в государственном собрании между мадьярами и саксами по поводу объявления в Трансильвании венгерского языка официальным, Мога и Леменьи выступили с новой, более решительной петицией.

Угроза принудительного введения венгерского языка послужила поводом к расширению рамок политического движения румын. В борьбу включились более широкие круги интеллигенции [465]. Наступил конец безраздельной гегемонии церкви в румынском движении. На политическую арену вышло новое поколение интеллигенции, выросшей в Брашове, Блаже, Сибиу, Тыргу-Муреше. В Брашове, расположенном вблизи границы Валахии с Трансильванией, возник новый культурный и политический центр национальной буржуазии. Видные представители молодого поколения национальных деятелей в лице Г. Барициу, С. Барнуциу, Т. Кипариу, приложившие большие усилия для просвещения народа, стремились и к буржуазным преобразованиям.

Важную роль в пропаганде национальных идей в Трансильвании и Венгрии сыграл первый румынский периодический орган — «Газета де Трансильвания», основанная в Брашове Барициу в 1838 г. Отстаивая интересы румынской буржуазии, газета призывала влашское население участвовать в развитии торговли, промышленности и транспорта. Несмотря на симпатии к крестьянству, Барициу и его сторонники уклонялись от высказываний по вопросу отмены барщины, призывали крестьян не допускать насильственных действий [1079, с. 501]. Осуществление своих национальных чаяний газета возлагала на австрийского императора. В этом вопросе руководители румынского движения не знали колебаний. В ноябре 1845 г., обращаясь к народу и православному духовенству, Барициу убеждал их поверить, что самые тяжелые времена влахов уже позади, что «под отеческой защитой австрийского дома» их «ждет счастливое будущее» [360, т. 2, с. 179]. Поэтому, в частности, газета призывала к соблюдению нейтралитета в венгерско-саксонском языковом конфликте.

Несмотря на ограниченность и лояльность своих позиций, брашовская группа немало сделала в интересах развития румынского литературного языка, но и в этом вопросе, когда он становился предметом политических страстей, выступала крайне осторожно. Она требовала лишь употребления родного языка в начальных и средних школах и церквях, а также опубликования на нем распоряжений властей. Касаясь проблемы

нии Трансильвании с Венгрией, Барициу подчеркивал, что и в этом случае влахи останутся под властью своего монарха. В противоположность прогабсбургским настроениям руководителей румынского движения Трансильвании, значительная часть владшской буржуазии Баната совместно с венгерским оппозиционным движением боролась против австрийского гнета. Несмотря на очевидные слабости румынского национального движения, оно способствовало росту национального самосознания и национального единства румын в Венгрии и Трансильвании, что сделало его одним из важных политических факторов буржуазной революции 1848 г.

10. Украинцы

Национальное движение украинского населения Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья возникало в трудных, пожалуй, наиболее неблагоприятных сравнительно с остальными угнетенными народами Австрийской империи условиях. Отсутствие класса «своего» национального дворянства и государственно-правовых традиций дополнялось общей замедленностью экономического развития восточных окраин Австрийской империи. Западноукраинское население было разобщено в административном отношении. К тому же, как известно, основное этническое ядро украинского народа вообще лежало за пределами монархии Габсбургов. Подобная ситуация оказывала противоречивое воздействие на местное общественное движение: с востока пришло много прогрессивных идей, но вместе с тем в западноукраинских землях рождались явления этнокультурного регионализма в области языка, письменности и национального самосознания, что усложняло процесс консолидации украинской нации. Идеологические и общественно-культурные сдвиги, отражавшие рост буржуазных связей и насущные потребности этнического развития, нашли проявление и в западноукраинских землях. В 80-е годы XVIII в. в Восточной Галиции получили распространение идеи Просвещения, глашатаями которых выступили главным образом члены возникшей во Львове масонской ложи — профессора Львовского университета И. Мартинович, А. Гильтенбранд, Г. Улих и другие, прививавшие эти идеи студенческой молодежи [166]. Во Львовском университете началось формирование философских взглядов одного из видных представителей просветительства и материализма, будущего профессора Петербургского университета П. Д. Лодия.

Идеи Просвещения находили отзвук среди отдельных представителей низшего духовенства. В частности, элементы просветительских взглядов заметны в обращении сельского священника И. Фалецкого из с. Шерины на Лемковщине к импе-

ратору Иосифу II (1785 г.) в защиту обездоленного украинского крестьянства [315, т. 19, с. 396].

В начале 90-х годов XVIII в. в Восточной Галиции распространялись идеи французской революции. В пропаганде их значительную роль сыграл «Дзеник патриотычных политыкув» («Журнал политиков-патриотов»), одним из редакторов которого с 1794 г. был профессор университета М. Гарасевич, украинец по происхождению [122, с. 55—66]. Однако эпоха реакции, последовавшая за разгромом так называемого якобинского движения в монархии (1795 г.), надолго затормозила дальнейшее распространение прогрессивных идей в Восточной Галиции.

Оживление общественно-политической мысли наметилось лишь после окончания наполеоновских войн, в связи с активизацией культурно-просветительной и научной деятельности ряда представителей украинской либеральной интеллигенции во втором и третьем десятилетиях XIX в. Характерной ее чертой было усиление интереса к истории и жизни народа, народной речи и фольклору, попытки поднять народное образование и доказать принадлежность галичан к украинскому народу.

Пионером в этом деле стал И. Могильницкий. Являясь школьным инспектором Перемышльской епархии, он развил деятельность по организации школ, издал ряд учебников: «Букварь славено-русского языка» (1816 г.), «Правила школьные» (1817 г.) и другие. Опираясь на многочисленные требования крестьянства обучать детей на родном языке, он развернул борьбу за преподавание его в школах. В начале 1820-х годов он написал «Грамматыку языка славено-рускаго», своеобразным предисловием к которой должен был стать его труд «Відомість о русском языке». Грамматика осталась в рукописи, а предисловие было напечатано на польском языке в 1829 г. Труд Могильницкого был первым в XIX в. основательным исследованием об украинском языке в Галиции. Автор выступил против попыток отрицать самобытность украинского народа и его языка, дал очерк истории Украины и ее западной части — Галичины. Он называл украинский язык одним из восточнославянских языков. Одновременно с Могильницким самобытность украинского народа и его языка отстаивали профессор Львовского университета И. Лавровский, М. Гриневецкий и другие [49, с. 53—71], поддерживавшие научные связи с учеными России. Их деятельность подготавливала почву для развития национально-освободительного движения в Восточной Галиции.

Новый этап в развитии общественно-политической мысли и освободительного движения в Восточной Галиции наступил в 1830—1840-х годах. Он характеризовался демократизацией социального состава и идеологии участников, а также усилением политической направленности борьбы. Одним из факторов,

способствовавших этому, явилось развивавшееся в сопредельных польских землях национально-освободительное движение, превратившееся в сильный и постоянно действующий очаг не только всеславянского, но и общеевропейского масштаба. В сфере влияния этого движения оказалась и Восточная Галиция [Аб, 1888].

Представители украинской молодежи принимали участие в польских нелегальных буржуазно-демократических организациях 30—40-х годов. Их привлекали прогрессивные программы этих организаций, с успехом деятельности которых они связывали надежды на лучшее будущее своего народа. Одной из первых польских организаций, действовавших и среди украинской молодежи, был «Союз друзей народа» (1833—1835). В состав «Союза» входило 12 семинаристов-украинцев (М. Минчакевич, Г. Кульчицкий и другие), составлявших отдельную секцию (роту). Воспринимая прогрессивные принципы «Союза», украинские студенты не соглашались, однако, со взглядами своих польских товарищей, будто галицийские украинцы — часть польской нации, отстаивали национальное достоинство своего народа. Р. Крижановский, бывший некоторое время руководителем роты, на собраниях подпольщиков заявлял, что украинцы «должны быть сами для себя так, как они этого хотят». Во время дискуссии об устройстве будущей польской республики украинские студенты высказывались за федерацию, на что вынуждены были согласиться и сторонники централизованной власти [Стеблій, 1968].

На Восточную Галицию распространялась в 1835—1837 гг. деятельность «Содружества польского народа», в состав которого вошли многие участники прежнего «Союза друзей народа». Отдельные представители демократического крыла этой организации, выступавшие за социальную революцию, стремились вести революционную антикрепостническую пропаганду среди ремесленников и крестьян Восточной Галиции. Инициатором ее стал И. Кульчинский, связной между Главным собранием и руководителем групп «Содружества» на Украине, в Литве и Белоруссии Ш. Конарским. По его примеру в революционную агитацию включился К. Ценглевиц, автор стихов революционного содержания, написанных на украинском языке с целью распространения их среди крестьян. Ему принадлежал также образец агитационной беседы под названием «Инструкции для учителей руського народа», в которой австрийский император, помещики и духовенство изображались врагами, а крестьяне призывались к борьбе за свое социальное освобождение, которое должно было привести и к национальному освобождению Польши [Стеблій, 1972]. Революционной агитацией занимались также Ю. Горошкевич И. Гудзак, М. Попель. В «Письмах к друзьям народа» Горошкевич выступал за упразднение феодально-крепостнического строя, установление

имущественного равенства, создание республики [49, с. 228], а Попель в стихотворении «Русин на празднике» призывал к восстанию против австрийского господства.

В «Содружестве», как и в «Союзе друзей народа», продолжались дискуссии по национальному вопросу. В 1836 г. группа украинских членов потребовала учесть в уставе интересы украинского народа и изменить название организации на «Содружество польского и украинского народа». Когда же руководство отказалось учесть это требование, некоторые из них объединились в отдельное «Руськое коло» [338, с. 266].

Пытались распространить свою деятельность на Восточную Галицию «Союз мужей» [Борис, 261], а также «Всеобщая конфедерация польской нации», в составе которой действовал созданный во Львове «Союз вольных галичан», имевший своих сторонников среди украинских студентов [702, с. 39—49]. В состав «Союза сыновей отчизны», являвшегося подготовительным звеном «Молодой Сарматии», входило несколько десятков представителей украинской студенческой молодежи и низшего духовенства ^{29*}.

Несмотря на репрессии 1838 и 1840—1841 годов попытки ведения революционной агитации в Восточной Галиции в 40-е годы XIX в. продолжались ^{30*}. Широкие размеры приобрела агитация среди крестьян Восточной Галиции, проводившаяся польскими революционными демократами Э. Дембовским, Ю. Госляром, Л. Мазуркевичем и другими. Их деятельность реакционные круги изображали как распространение «коммунистических идей» ^{31*}. Революционные демократы призывали народные массы к борьбе против феодализма, за власть народа, ликвидацию социального и национального угнетения, за союз народов против абсолютистского режима. С большой симпатией относились они к украинскому народу.

Своей агитационно-пропагандистской деятельностью революционные демократы готовили к 1846 г. национально-освободительное восстание, которое призвано было решить и задачи буржуазной революции. В восстании приняли участие и некоторые украинцы ^{32*}, преимущественно из молодежи, а также отдельные солдаты австрийской армии, украинцы по происхождению. Шестеро из них добровольно присоединились к восставшим, были зачислены в национальную армию и пребывали в ее составе до капитуляции [Нефедов, 261].

Участие представителей украинского населения в тайных польских буржуазно-демократических организациях, равно как и пропагандистская деятельность польских революционеров, оказали положительное влияние на развитие украинского освободительного движения. Благодаря этому передовые идеи эпохи — свободы, равенства, демократии — проникали во все более широкие слои населения Восточной Галиции, втягивали в движение новые силы.

Наиболее ярким проявлением процесса демократизации состава и идеологии украинского освободительного движения стала деятельность просветительского кружка «Руськая троица», сформировавшегося в начале 30-х годов среди студенческой молодежи Львова. Основателями кружка были М. Шашкевич, Я. Головацкий, И. Вагилевич и их единомышленники. Поставив своей целью трудиться за благо народа, ради подъема его сознания, во имя украинской демократической литературы в Восточной Галиции, они начали деятельность с изучения украинской и славянской истории и филологии, сбора устного народного творчества и памятников старины, этнографических исследований.

Огромное влияние на формирование их идейно-эстетических принципов оказало развитие передовой общественной мысли в России и на Украине, связанное с движением декабристов и их идейным наследием, а также творчество выдающихся представителей новой украинской литературы — И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, Е. Гребенки, П. Гулака-Артемовского и других. В начале 40-х годов отдельные члены «Руськой троицы» уже ознакомились с ранними произведениями Т. Шевченко. Благодаря связям с прогрессивными польскими литераторами и фольклористами, преимущественно участниками освободительного движения (А. Белевским, К. Вуйцицким, Ж. Паули, В. Подем, Л. Семенским, К. Туровским), они знакомы с актуальными вопросами освободительной борьбы и развитием литературы в Польше. Установление же дружественных связей с чешскими литераторами Я. Коубеком, К. Запом, Ф. Яхимом, проживавшими во Львове, способствовало их более близкому знакомству с проблемами национального движения в Чехии, Словакии и других славянских странах.

Суровая крепостническая действительность, подъем освободительного движения в Австрийской империи и других странах Европы пробудили у юношей желание бороться против существующего строя, с помощью печатного слова пропагандировать освободительные идеи. 1835—1837 гг. стали периодом наиболее активной деятельности кружка. Его участники занимались переводами произведений славянского эпоса и фольклора, а также публицистики (Коллар), выступали в защиту родного языка против попыток навязывать ему латинский алфавит, работали над составлением грамматики этого языка, предприняли, хотя и тщетную, попытку издания украинской газеты, положили начало созданию школьных учебников на родном языке («Читанка» Шашкевича, 1834, издана в 1850 г.) [329].

Но самое большое значение имели подготовка и издание ими в конце 1836 г. в Буде литературно-научного альманаха «Русалка Днестровая». Альманах, знаменовавший собой начало новой украинской литературы в Восточной Галиции, был пронизан антикрепостническими мотивами. В программном стихот-

ворении «Воспоминание» Шашкевич напоминал о героических временах «русской славы» эпохи Ярослава Мудрого, противопоставляя их печальной крепостнической действительности и сравнивая австрийское господство с татаро-монгольским игом. В предисловии к циклу народных дум и песен, написанном Вагилевичем, была нарисована картина жестокой эксплуатации украинского крестьянства польскими и украинскими помещиками. Мотивы антикрепостнической борьбы звучали в помещенных в альманахе народной песне о Довбуше, стихотворениях «Погоня» Шашкевича, «Мадей» Вагилевича, особенно в рассказе «Елена» Шашкевича, в котором были изображены народные мстители-опришки — защитники от помещичьего своеволия.

«Русалка Днестровая» была направлена своим содержанием против национального угнетения, отстаивала идеи родства русского и украинского народов. Как свидетельствует содержание альманаха, «Русская троица» выступала вместе с тем как пропагандист идей славянской солидарности, направленной против австрийского абсолютизма [315, т. 16, с. 37—38]. Составленный на народном разговорном языке с применением фонетического правописания, сборник был напечатан гражданским шрифтом.

Создание «Русалки Днестровой» приветствовалось передовой общественностью. Зато со стороны светских и духовных властей Галиции издание было встречено враждебно. Составители «Русалки Днестровой» были отданы под надзор полиции. Львовская цензура в 1837 г. запретила альманах. Губернское управление приказало в 1845 г. весь тираж «Русалки Днестровой» уничтожить, передав лишь один экземпляр в университетскую библиотеку^{33*}. Конфискованные экземпляры альманаха случайно сохранились в цензурном комитете и были выпущены в свет во время революции 1848—1849 гг. Всего же к читателям, и то преимущественно за пределами Галиции, дошло лишь немногим более 200 экземпляров.

После запрещения «Русалки Днестровой» и расправы над «Русской троицей» ее члены были лишены возможности вести общественно-культурную деятельность. Однако они не отказались от своих идейных принципов и патриотических намерений, стремились и далее распространять передовые идеи. Особенно острую антикрепостническую направленность приобрела публицистическая и издательская деятельность Я. Головацкого, установившего контакты с чешскими радикалами Й. Подлипским и Ф. Кампеликом, участниками политического подполья в Вене, сторонниками федерации славянских демократических республик [Борис, 261, с. 161—165]. В «Журнале Чешского музея» в 1841—1842 гг. Головацкий опубликовал очерк «Путешествие по Галицкой и Венгерской Руси», в котором с большой силой обличал феодально-крепостнический строй [Полянина, 1970].

Важное значение имели подготовка и издание Головацким в Вене (1846—1847 гг.) литературного альманаха «Венок руси-

нам на обжинки» (т. I—II). На содержании «Венка» сказалась тяжелая рука цензуры. Но благодаря стремлению издателя отстаивать основные идейные принципы запрещенной «Русалки Днестровой» (оттуда был перепечатан ряд произведений), книга сыграла значительную роль в общественной и культурной жизни Восточной Галиции. Хотя и с опозданием, она донесла к многочисленным читателям главные идеи «Руськой троицы».

Особенно большой общественный резонанс вызвала публицистическая статья Головацкого «Положение русинов в Галиции», напечатанная под псевдонимом Гаврило Русин в немецком лейпцигском журнале «Ярбюхер фюр славише литератур, кунст унд виссеншафт» («Ежегодник по славянской литературе, искусству и науке», 1846 г.). В ней он резко выступил против феодально-абсолютистских порядков, антинародной политики австрийского правительства и господствующих классов и выдвинул ряд конкретных требований об улучшении социального положения населения Восточной Галиции и подъеме его национальной культуры: освобождение народных масс, прежде всего крестьянства, от гнета помещиков, бюрократии и ростовщиков путем отмены барщины или замены ее чиншем; подъем «среднего сословия», т. е. населения, занятого в мануфактуре и ремесле; подъем промышленности, а также культуры и благосостояния путем распространения среди народа общепользных знаний на родном языке; введение школьного обучения на родном языке с целью подготовки национальной интеллигенции; развитие литературы, исторических традиций, основание журналов.

Деятельность «Руськой троицы» вошла яркой страницей в историю освободительного движения Восточной Галиции. Своим служением народу, борьбой с помощью печатного слова за его социальное и национальное освобождение, пропагандой идей сотрудничества славянских народов, пионерской ролью в деле создания литературного языка на основе народного разговорного языка в западноукраинских землях, выступлениями в защиту этого языка, начинаниями по составлению его грамматики, созданию школьных учебников и т. п. «Руськая троица» получила признание передовой общественности и завоевала широкий круг сторонников среди украинской интеллигенции, стремившейся продолжить ее прогрессивные традиции.

Новые веяния в общественной и культурной жизни народов Австрийской империи, в частности в Восточной Галиции, стали докатываться и до населенной украинцами Северной Буковины. Носителями освободительных идей там нередко являлись участники галицийского антикрепостнического подполья. У одного из них в 1837 г. было найдено революционное воззвание к украинскому народу. Среди черновицких студентов в 1840 г. была выявлена «Инструкция для учителей руського народа» К. Ценглевича. П. Головацкий, работая учителем в Буковине с 1843 г., немало потрудился над распространением там «Венка

русинам на обжинки». Среди буковинской интеллигенции пользовалась популярностью статья Я. Головацкого «Положение русинов в Галиции».

Доходили до Буковины также концепции славянской взаимности. В 40-е годы здесь стали распространяться идеи освобождения славянских народов и единения их в республиканскую федерацию³⁴ *. Эти передовые идеи были известны также в Закарпатье. Несмотря на тяжелые цензурные условия, туда проникали книги, изданные на Украине и в России. Уже в начале XIX в. в Закарпатье пользовалась успехом «Энеида» Котляревского. Впоследствии туда поступали новые издания произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Г. Квитки-Основьяненко, П. Гулака-Артемовского, Е. Гребенки, поэтов-романтиков, «Руськой троицы», сочинения деятелей словацкого национального возрождения (Коллара, Штура) [336, с. 203; 170, с. 46; Рот, 81]. Передовую часть закарпатской интеллигенции привлекало освободительное движение в Венгрии.

Сочувствием к угнетенному народу и демократическими тенденциями было пронизано творчество закарпатских народных поэтов И. Югасевича и И. Репы, осуждавших в своих стихотворениях пороки феодального общества. Поэт В. Довгович клеймил лицемерие, эгоистическую мораль господствующих классов, писал памфлеты на высшее духовенство, сатиры, эпиграммы и т. п. Большинство его произведений вошло в рукописный сборник «Стихотворения Василия Довговича» (1832 г.), а некоторые были напечатаны.

В 30—40-е годы началась общественная и литературная деятельность закарпатских просветителей А. Духновича и А. Павловича. Значительным событием стало издание Духновичем букваря (1847 г.). Павлович в своих произведениях реалистически изображал крепостную действительность, подневольную жизнь крестьянства Закарпатья [169].

Украинское национально-освободительное движение играло важную роль в распространении антикрепостнических, антиабсолютистских и национально-культурных идей, в сплочении передовых сил на борьбу против феодально-монархического строя. Передовые представители западноукраинской общественной мысли и культуры боролись за языково-культурное единство всего украинского народа. Они широко использовали опыт культурного развития Приднепровской Украины, России, завязывали связи с национально-освободительным движением поляков, чехов и других угнетенных народов Австрийской империи.

* * *

Условия, в которых развивалась общественная мысль и национально-освободительные движения угнетенных народов Австрийской империи, были весьма различны. К тому же различия эти сами по себе были достаточно разнородными.

В одних случаях они вытекали из того, что в состав монархии входила лишь часть коренных этнических территорий и развивавшееся здесь движение оказывалось связанным с процессами, которые протекали у народов вне Австрийской империи (поляки, сербы и др.). Но это обстоятельство, отличавшее их от национально-освободительных движений народов, которые полностью или в основном проживали под скипетром Габсбургов, далеко не всегда было определяющим.

Несравненно большую роль в период до 1848 г. играли такие факторы, как существование у отдельных народов «полных» (венгры, итальянцы, поляки, хорваты) или «неполных» (чехи, словаки, словенцы и др.) социальных структур феодального общества в сочетании с наличием или отсутствием сословных представительных учреждений и степенью их общественного влияния. Нельзя, например, сопоставлять в этом смысле венгерское государственное собрание с чешским и моравским сеймами, но нельзя и не видеть, что сохранение земских сеймов даже при отсутствии национального дворянства в чешских землях создавало дополнительные благоприятные условия для национального движения, которых были лишены народы, не имевшие ни того, ни другого (пример словаков или словенцев подтверждает это наблюдение). Наконец, имело идейно-психологическое значение и наличие государственно-правовых традиций или независимого государства перед вхождением отдельных народов в состав Дунайской империи. С этой точки зрения, например, венгерское или чешское движения обладали той аргументацией, которой были лишены словаки, словенцы или украинцы.

Все отмеченные обстоятельства приводили к тому, что не был одинаковым исходный уровень зарождавшихся национально-освободительных движений, а следовательно и задач, которые они были призваны решать. Если в одних случаях речь шла о продолжении идейно-культурных процессов, которые начались в той или иной форме до включения отдельных народов в состав габсбургской монархии, то в других случаях проблемы этнотерриториальной и этнокультурной консолидации, включая выработку национального литературного языка, оказывались непреодолимым условием дальнейшего развития национально-освободительного движения; последнее опять-таки у тех или иных народов могло иметь стадиальные различия. Так, вопросы кодификации чешского литературного языка во многом отличались от аналогичных задач, которые решались в словацком, сербском или хорватском движениях. Поэтому у части народов (венгры, итальянцы, поляки) обращение к культурно-языковой проблематике тесно переплеталось с самого начала с формами политической борьбы, тогда как у остальных народов культурно-языковой и политической этапы национальных движений достаточно четко могут быть отделены друг от друга. При этом,

в частности, у сербов, словаков, словенцев и украинцев вплоть до 1848 г. задачи первого этапа не были полностью решены.

Наконец, развитие всех рассмотренных выше движений не протекало изолированно. В большей или меньшей степени они оказывались связанными друг с другом. И не только потому, что развивались в рамках одного государства, но и в силу общего для них буржуазного характера. Чешская общественная мысль оказывала воздействие на развитие идеологии и культуры ряда других славянских народов, решавших вслед за ней во многом сходные задачи. Вместе с тем уже на этом этапе проявилась ограниченность и классовая эгонстичность буржуазных сил, возглавлявших те или иные движения. Так, венгерское движение, направленное против угнетательской политики австрийских правящих кругов, в свою очередь пыталось приоткрыть национальные движения других народов, проживавших в землях короны св. Иштвана. Точно так же лидеры либерального крыла чешского национального движения отрицательно отнеслись к языковой реформе Штура, отразившей объективный и прогрессивный процесс складывания словацкой нации. Число примеров, подтверждающих сказанное, можно увеличить.

Из приведенных наблюдений можно заключить, что различия между разными отрядами национально-освободительных движений были многоплановыми, лежали на разных уровнях социального, политического и культурного развития. Именно поэтому лишь различиями нельзя характеризовать процессы национально-освободительной борьбы в рассматриваемый период. За различиями стояли глубинные причины, отразившие ход развития и противоречия эпохи разложения феодализма и постепенного складывания буржуазных отношений в условиях национального угнетения со стороны правящих кругов Австрийской империи. Это придавало национально-освободительным движениям черты несомненного типологического сходства.

Все это обусловило характер и основные направления связей национально-освободительных движений, к рассмотрению которых мы и обратимся.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
И ВНУТРИИМПЕРСКИЕ СВЯЗИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

По мере формирования общественной мысли и идеологических принципов национально-освободительных движений в Австрийской империи, наряду с возникновением контактов между ними, уже с XVIII в. все более усиливался интерес к общественному развитию за рубежом.

В основе различий или, наоборот, взаимного тяготения между общественными движениями (как свидетельствовал, например, опыт венгров, итальянцев и поляков) лежали в первую очередь не этнические, а социально-политические факторы, главным образом отношение к габсбургскому государству и будущей национальной государственности соответствующих народов. Эти факторы выступали в данном случае в качестве типологизирующих. Но с другой стороны, преимущественно для движений, переживавших «культурно-языковой» этап, существенную роль играли и моменты этнокультурной общности. Они лежали в основе тех «сил национального сцепления» и «национальных симпатий», которые отмечались В. И. Лениным в качестве факторов межнациональных отношений¹. В Австрийской империи это последнее относилось к движениям славянских народов, но могло распространиться и на другие этнические общности (итальянцы, вlahи).

Таким образом, связи национально-освободительных движений носили многоплановый характер и требуют комплексного рассмотрения с учетом соотношения социально-политических и этнокультурных элементов.

**1. Общественные движения
в среде угнетенных народов монархии Габсбургов
и идейно-политическое развитие в Западной Европе**

На более раннем этапе национально-освободительного движения преобладал интерес к интеллектуальному развитию эпохи Просвещения; он был связан с эволюцией идей просветительского типа в габсбургской монархии в целом. При этом прогрессивным деятелям приходилось преодолевать все те препятствия, которые воздвигало австрийское правительство на

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 344.

пути проникновения в пределы империи прогрессивных идей из-за рубежа.

Вплоть до цензурной реформы 1780 г. контроль за печатью был направлен на недопущение к распространению книг, покушавшихся на подрыв «авторитета католической религии». Несмотря на враждебность Марии-Терезии к просветительской идеологии, распространение многих ее постулатов в «наследственных» землях и Венгерском королевстве было облегчено проведением на рубеже 1740—1750-х годов реформ университетского образования и цензуры, положивших начало отстранению иезуитов от руководства духовной жизнью.

Впрочем, ослабление цензурных стеснений в Австрии было крайне робким. Если в начале 1750-х годов правительство позволило продавать «Дух законов» Монтескье, то большая часть сочинений Вольтера, Руссо, Кребильона, Дидро и других по соображениям «охраны от осмеяния религии» оставались под запретом, хотя с 1754 г. профессорам университетов и разрешалось приобретать для служебного пользования книги антиклерикального содержания [345, с. 111]. С 1752 г. в Вене начинается издание на немецком и французском языках произведений зарубежной, преимущественно французской, драматургии, в связи с учреждением здесь придворного французского театра. В последующие десятилетия в Вене были изданы пьесы Вольтера, Руссо и Дидро, философский роман Мармонтеля «Велизарий» и некоторые другие произведения авторов, в принципе в австрийской монархии запрещенных.

Географический диапазон интереса, который питали образованные предшественники угнетенных народов Австрии к освободительным движениям Запада, был широким. Хотя события американской революции 1776 г. не вызвали, кажется, заметных откликов, личность Б. Франклина в начале XIX в. стала привлекать к себе все большее внимание. В чешских землях среди первых пропагандистов его литературного — в основном педагогического — наследия были Й. Юнгман, Я. Гибль и Ф. Кампелик. Наибольшее значение имели сочинения Франклина, изданные Кампеликом в 1838 г. В предисловии он именовал Франклина «мудрым человеком» и подчеркивал его заслуги не только перед наукой, но и как законодателя [Šindelář, 1956]. Это был максимум возможного в подцензурной печати. Не менее любопытны отклики в чешской печати 1830-х годов на движение в Канаде за автономию, что, несомненно, было созвучно настроением чешской общественности в связи с попытками сословий устроить в земском сейме оппозицию политике Вены.

Длительное влияние на общественно-политическую мысль и культуру угнетенных народов габсбургской монархии оказала Великая французская революция 1789 г. Это естественно. «Весь XIX в., тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, — подчеркивал В. И. Ленин, — прошел под знаком

французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали французские революционеры буржуазии»².

Не только в сочинениях передовых мыслителей, но в самой жизненной практике миллионов людей была доказана несостоятельность идейных принципов средневековья о божественном происхождении монархической власти и вечности существующего строя, основанного на господстве аристократии, сословных привилегиях немногих и несправии масс. Революция распространила представления о нации как о свободном от сословных перегородок сообществе политически равноправных людей.

В габсбургской монархии переворот в мировоззрении, произведенный в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в., сильнее всего сказывался в среде венгерского, польского и итальянского освободительных движений. Но влияние его прослеживается и в национальных движениях других угнетенных народов габсбургской монархии. Во всех случаях, впрочем, степень усвоения и восприятия идей французской революции соотносилась с теми целями и задачами, которые непосредственно стояли перед общественными силами, участвовавшими в движениях, с их интересами.

События французской революции повлекли за собой серьезные перемены во внутренней политике Вены, неблагоприятно сказавшиеся на распространении в землях Габсбургов в первой половине XIX в. передовой зарубежной мысли. Крушение режима Бурбонов вызвало не только отзвук в подцензурной печати, но и живой интерес в народе, а в Венгрии стало стимулом «якобинского» движения. Актуальность происходившего во Франции усиливалась тем, что бушевавшая там революционная гроза стояла головы Марии-Антуанетте Габсбургской.

Опасаясь радикализации общественного мнения, правительство издало в 1790-х гг. ряд декретов, которыми ставило преграды проникновению в монархию зарубежной литературы, в особенности произведений французских просветителей. Была учреждена «комиссия рецензий» для просмотра всего, что было легально издано в период правления Иосифа II. В начале XIX в. цензурные строгости еще более усилились.

Тем не менее ни тогда, ни ранее габсбургские земли не находились в состоянии духовной изоляции. Представление о выпуске в монархии трудов просветителей дают подсчеты переизданий сочинений Вольтера, Монтескье и Руссо. Так, всего было выпущено 56 изданий произведений Вольтера на немецком (Вена и Прага) и венгерском языках. В Вене с 1752 по 1790 г. издано 50 его произведений (из них в 1790 г. — 42), в Праге — одно (1784 г.), в Венгрии — пять (1781 г. — 1; 1789 — 3; 1792 г. — 1). Монтескье издавался трижды — два раза в Вене (1799 г.)

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

и один раз в Праге (1785 г.). Произведения Руссо издавались четыре раза, в том числе в Вене (1772, 1777 гг.) и в Пльзене (1791 г.) [838, с. 121—122]. В 1790-е годы выпуск книг западноевропейских просветителей фактически прекратился. Но произведения прогрессивных мыслителей проникали в монархию.

Показателен пример чешских земель. Начиная с 1764 г. в Праге издавались пьесы Вольтера, Лессинга и других авторов на немецком языке [Kneidl, 1030, т. 2]. В конце 1770-х годов в пражских книжных лавках и личных библиотеках были обнаружены запрещенные книги Вольтера, Гольбаха и Руссо [698, с. 262]. В 80-е годы интерес к их произведениям усилился, и путеводитель по Праге (1787 г.) зафиксировал такие, казавшиеся прежде невероятными, факты, как продажа 40 экземпляров «парижской энциклопедии» и произведений Вольтера.

Труды западноевропейских просветителей оказывали воздействие на чешскую общественную мысль и культуру. Ссылки на французских (Монтескье, Руссо, энциклопедисты), английских (Локк, Юм) и немецких просветителей встречаются в чешской печати уже с 1740-х годов [Мыльников, 1971]. Из произведений французской просветительской мысли наибольший отклик получили сочинения Руссо и Монтескье. Характерный в системе чешских просветительских воззрений трактат М.-А. Фойгта «О духе чешских законов в разные времена» (Дрезден, 1786 г.) был создан под воздействием «Духа законов» Монтескье [Nanzal, 1967]. Вклад в пропаганду этого автора оказали в конце XVIII в. К. Сейбт и его ученики. С «Эмилем» Руссо был знаком Ф.-И. Кинский. И. Добровский, ознакомившись в конце 1770-х годов с «Энциклопедией» Дидро, а затем и с Рейналем, медлил с прочтением трудов «патриархов французской философии Вольтера и Руссо», не надеясь найти в них ответы на занимавшие его вопросы [506, т. 22, с. 81]. Труды немецких ученых-философов и филологов казались ему более полезными с точки зрения интересов развития чешской культуры [1047].

Почва для восприятия трудов французских просветителей созрела позднее, и еще в 1845 г. Юнгман в «Записках» с одобрением отзывался о том воздействии, которое оказал на него Вольтер: «Чем более я его читал, тем более удивлялся его духу, учености и исключительно нравственным принципам». И далее: «Тот, кто борется против его сочинений, тот борется против здоровой философии, эстетического чувства и человеческого разума» [184, с. 68].

Впрочем, несомненно, что с 1760—1770-х годов в чешских землях наметилась тенденция усиления интереса к литературе немецкого Просвещения. И германofil К. Сейбт и чешский дворянский патриот Ф.-И. Кинский рекомендовали читать немецкие журналы и сочинения Геснера, Геллерта, Клопштока, Лессинга, Виланда и других [973]. Несмотря на сложность национальных отношений и политику германизации, ведущие дея-

тели чешского Просвещения были далеки от узкого национализма в отношении немецкой культуры. Большой интерес к прогрессивной немецкой культуре проявляли в конце XVIII в. Й. Добровский, физиолог-материалист И. Прохазка [450] и автор одной из «защит языка» Ян Ганке [Dolanský, 858, s. 396]. Он призывал молодежь изучать немецкий язык, чтобы лучше знать немецкую общественную мысль. Эта линия была продолжена Юнгманом. Показательно, что, выдвигая в 1806 г. программу борьбы за национальные права и разоблачая германизаторские устремления правительства, он высоко оценил прогрессивную немецкую культуру, называя Виланда, Лессинга, Гете и Шиллера людьми «высокого духа» [184, с. 88]. Именно Юнгман создал капитальный «Чешско-немецкий словарь». Ему принадлежали переводы «Оды к радости» Шиллера, произведений Гете, Гердера, Клопштока, Бюргера и других немецких писателей и ученых.

Интерес Юнгмана к немецкой литературе вытекал из его курса на обогащение круга чтения чешского читателя произведениями мировой классики вообще. Так, наиболее важную роль в развитии чешского языка сыграли переводы «Атала» Шатобриана (1805 г.) и «Потерянного рая» Мильтона (1811 г.). Юнгману принадлежали и многие переводы сочинений английских (Шекспир, Поп, Гольдсмит и др.), французских (Мольер, Буало, Вольтер), а также античных (Аристофан, Гораций, Лукиан и др.) авторов, не говоря уже о переводах со славянских языков. Но в последующие годы в чешском обществе все заметнее ощущался интерес к немецкой философии, о чем будет сказано ниже, и к художественной литературе.

Наиболее значительный поэт чешского романтизма К. Маха не просто знал немецкую поэзию, но и явился автором более двадцати стихотворных произведений на немецком языке. Интерес к немецкой литературе отражал и особенности формирования чешского национального движения с его критическим отношением к немецкому культурно-политическому движению начала XIX в., и этническую ситуацию в чешских землях, где наряду с чехами проживали немцы. Это привело не только к соперничеству, но и к сосуществованию обеих национальных культур [Svobodová, 1975; 837]. Одним из результатов этого явилось возникновение пражской немецкоязычной литературы. В числе первых ее представителей находились К. Сейбт и А. Мейснер. Среди чехов учениками Сейбта были, в частности, Й. Юнгман и А. Пухмайер, один из зачинателей новой чешской поэзии. Пражская немецкая литература составляла органическую часть литературного развития чешских земель [661]. В первой половине XIX в. здесь вызывали к себе общественный интерес также представители и других европейских литератур, в частности, французские романтики.

Широта диапазона была еще более свойственна итальянско-

му движению в Ломбардии и Венето. Здесь в середине XVIII в. представители зарождавшегося просветительского движения проявляли интерес к трудам английских и французских просветителей, а с конца XVIII в. усилилось внимание к французской политической мысли. Республиканские идеи французской революции находили благодатную почву в демократических кругах итальянского общества. Показательно, что участники проведенного в 1796 г. в освобожденной от австрийцев Ломбардии диспута о «форме свободного правления» оперировали идеями естественного права и народного суверенитета, одним из теоретиков которых считался Ж.-Ж. Руссо. Сведения о новейшей западноевропейской общественной и политической мысли, произведения французских, английских и немецких писателей, несмотря на цензурные препятствия, распространялись в Ломбардо-Венецианском королевстве и в первой половине XIX в.

В Словении получили распространение идеи янсенизма и йозефинизма, т. е. тех наиболее умеренных просветительских течений, которые поддерживались властями Марии-Терезии и Иосифа II. К их последователям в конце XVIII — начале XIX в. относились Б. Кумердей, Ю. Япель, В. Водник, янсенизму сочувствовал Е. Копитар. Гораздо более демократичные просветительские идеи были присущи А. Линхарту. Как историк, он испытал воздействие идей А.-Л. Шлецера; выступив в качестве первого словенского драматурга, он переделал для словенского театра пьесу П.-А. Бомарше «Женитьба Фигаро», сохранив ее антифеодалную направленность. В 30-х годах XIX в. круг Ф. Прешерна — М. Чопа находился под влиянием романтизма Гете, Байрона, Манцони, Ламартина, Мицкевича.

В Венгерском королевстве условия для распространения зарубежной прогрессивной мысли несколько отличались от того, что имело место в западных провинциях. Важным каналом информации стала деятельность членов упоминавшегося выше кружка Бешенеи, сложившегося первоначально в Вене. Австрийская столица явилась важнейшим центром, откуда в пределы королевства поступала информация о западной просветительской литературе и деятельности австрийских просветителей. Яркое воздействие трудов западноевропейских просветителей проявилось в творчестве Дьердя Бешенеи, Йожефа Пейчели, Ференца Казинци, а также Абрахама Барчаи и Шандора Бароци (оба происходили из Трансильвании). Бароци принадлежали переводы на венгерский язык произведений Мармонтеля. В сатирическом и утопическом романе Бешенеи «Путешествие Тарименеса» (1804 г.) ощущалось воздействие прозы Вольтера [118, с. 78—81]. Мадыары оказали влияние на распространение новых идей среди народов, населявших земли венгерской короны. Но эти области имели и самостоятельные зарубежные контакты. Немаловажное значение приобрела при этом традиция, согласно которой местная протестантская молодежь могла получать

образование в германских университетах в Иене и Галле [Winter, 389; 881]. Подобная возможность в западных, католических провинциях отсутствовала.

Отчасти вследствие этого в Венгерском королевстве в первой половине XIX в. столь большое влияние на культурное развитие мадьярского, славянского и романоязычного населения оказала немецкая философская мысль и литература. Информация о ней проникала отсюда, разумеется, и в другие области империи. Так, в ознакомлении деятелей чешской культуры с новейшими направлениями немецкой общественной мысли и культуры посредническую роль сыграла Словакия и, в частности, Братислава. Биографы Коллара, Шафарика и других представителей словацкой культуры, обучавшихся в начале XIX в. в Иене, или Штура, учившегося в Галльском университете, отмечали то воздействие, которое оказала на них немецкая философия от Канта до Фихте и, в особенности, дух национального подъема, которым характеризовалась жизнь немецкого студенчества после наполеоновских войн. Кроме того, на формирование эстетических представлений Коллара, Шафарика, а также молодого Палацкого воздействовали произведения Ф. Шиллера и И. Гете [Hyršlová, 1957], сочинения которых в первой половине XIX в. частично были переведены и на чешский язык [740а]. Поэтому восприятие прогрессивной немецкой культуры и в Словакии и в чешских землях в значительной мере представляло собой целостный процесс.

Особо сильное воздействие на деятелей славянских национальных движений оказал в первых десятилетиях XIX в. выдающийся немецкий гуманист И.-Г. Гердер, чьи идеи о братстве народов и фольклоре как выразителе духа народов падали на подготовленную почву. Имя Гердера давно вошло в круг имен тех деятелей эпохи европейского Просвещения, которые сыграли важную роль в развитии прогрессивной общественной мысли и культуры XVIII — начала XIX в. Один из ведущих теоретиков движения «Бури и натиска», Гердер выступал за достижение немецкого единства в тесной связи с освобождением, секуляризацией личности. Он осуждал проявления шовинистического отношения к другим народам. В ряде трудов, прежде всего в трактате «Идеи к философии истории человечества» и в антологии «Народные песни» Гердер проявил большой интерес к прошлому славянских народов, их нынешнему состоянию и перспективам их развития. Гердер отмечал трудолюбие славян, издревле заселявших занимаемые ими территории: «Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла и повсюду открывали полезную торговлю изделиями своей страны, произведениями своего искусства» [50а, с. 470]. Но именно потому, что древние славяне, как в романтическом духе писал Гердер, были милосердны, гостеприимны и чужды разбоя и грабежей, они не смогли защищать-

ся от порабощения и утратили свою свободу. И далее он добавлял: «многие народы, а больше всего немцы, совершили в их отношении великий грех». Гердер предсказывал: «Но колесо все перемещающегося времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то, когда все эти земли будут возделаны..., славянские народы пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят цепи рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области Земли... и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли» [50а, с. 471].

Гуманизм Гердера, его неприятие любых форм шовинизма вызвали ответный отклик в рядах деятелей культуры славянских народов. Одним из первых обратился к Гердеру Й. Добровский. Отрывок о славянах был помещен чешским ученым в 1808 г. в сборнике «Славин». Усиленные авторитетом Добровского, мысли Гердера стали широко известны в Чехии и других славянских землях. Не только по содержанию, но и по своей тональности, во многом близкой распространившимся в первых десятилетиях XIX в. романтическим представлениям о славянстве, пророчества Гердера с восторгом воспринимались в рядах деятелей национально-освободительных движений. Следы этого влияния видны в творчестве Юнгмана и Шафарика, Коллара и Штура, в сербской, словенской и хорватской литературе и публицистике. Интерес Гердера к культуре славянских народов возрастал. В первых изданиях гердеровского сборника песен народов мира произведения славянского фольклора отсутствовали [Станчев, 1973]. Но в посмертном издании 1807 г. в антологию уже были включены лужицко-сербские, сербские, хорватские и чешские народные песни. В целом, творчество Гердера оказало воздействие на формирование прогрессивных немецко-славянских культурных контактов, способствовало в дальнейшем развитию плодотворных связей между представителями передовых течений общественной мысли и культуры немецкого и славянских народов.

К исходу первой половины XIX в. интерес к немецкой художественной литературе и философии в чешских землях и Словакии продолжал углубляться, отражая динамику развития общественной мысли кануна революции 1848 г. Процесс усвоения передовых идей носил творческий характер. И если, например, Коллар, высоко оценивая Гердера, скептически отзывался о Фихте, Шеллинге и Гегеле, считая, что «своими философскими системами они не сделали ничего хорошего и спасительного для немецкого народа», то Штур, Гурбан и некоторые другие уже пытались применить гегелевскую философию в интересах выработки своей национальной программы [1101, с. 41, 61].

Яркий представитель чешской философской мысли А. Сметана, впервые выступивший в печати в ходе происходившей в

1846 г. дискуссии «Нужна ли философия чешской литературе?» сделал попытку преодолеть ограниченность философских систем Гегеля и Гербарта. Перспективу освободительной борьбы чешского и других славянских народов Сметана связывал с социалистическим идеалом [Динева, 1974]. Он выступал против тех чешских националистически настроенных литераторов, которые, подобно Я. Малому, отвергали гегельянство уже потому, что оно возникло в Германии; но вместе с Сметана подверг критике и бездумных эпигонов немецкой философии. «Никогда и нигде,— писал он,— я не объявлял себя последователем Гербарта, либо Гегеля, или любого другого философа по той причине, что никакую философию не считаю непревзойденной; я убежденный противник взгляда, что существует монополия на спасительные истины» [Динева, 1972].

В южнославянской среде интерес к культуре Западной Европы проявляется уже во второй половине XVIII в. Даже не касаясь поразительной начитанности в трудах французских, английских и немецких просветителей Д. Обрадовича — явления для сербской общественной мысли того времени уникального, следует отметить, что, например, сербской читающей публике были известны произведения немецкой литературы эпохи классицизма и «Бури и натиска». Определенную роль в распространении здесь произведений Лессинга, Виланда, Геснера, Геллерта и других немецких писателей сыграли местные немцы (обычно чиновники). К немецкой научной и педагогической литературе проявляли в последующие годы интерес и деятели сербского народного образования — Т. Янкович (позднее участвовавший в проведении школьной реформы 1780-х годов в России), А. Мразович, С. Вуяновский и ряд других представителей сербской культуры [Kostić, 369]. Немецкая культура вызывала интерес и в среде деятелей хорватского национального движения. В газете и журналах, издававшихся сторонниками иллиризма, особенно в первые годы движения, когда упор делался на защиту и развитие хорватского литературного языка, часто приводились цитаты из сочинений немецких публицистов, писателей и ученых о национальном языке, помещались высказывания выдающихся немецких ученых, поэтов и мыслителей о богатстве языков и литератур и древности истории славян. Это были мысли Гердера, Я. Гримма, А. Шлецера, Л. Ранке и других. В тесном контакте с немецкой научной мыслью развивалась хорватская наука, особенно история. На немецкую историографию опирались в своих работах ведущий представитель зарождавшейся хорватской исторической науки И. Кукулевич-Сакцинский, а также Л. Гай и другие. В «Данице» помещались в переводе с немецкого исторические и этнографические материалы. В 1842 г. в Загребе был издан «Немецко-иллирийский словарь» Ив. Мажуранича и Я. Ужаревича. В 1846 и 1849 гг. вышли две части «Иллиро-немецко-итальянского словаря» И. Дробни-

ча. Это были очень нужные в те годы книги. Передовые хорватские мыслители и поэты интересовались немецкой философией. Д. Раковац писал в своем дневнике: «Немцы являются первыми в философии, а философия — наука над всеми науками» [378, т. 1, с. 120]. С. Враз в письмах и статьях упоминал Гегеля и Фейербаха. Но дворянско-буржуазный либерализм хорватских деятелей ограничивал их интерес идеями немецких умеренно оппозиционных буржуазных течений.

В журнале Гая «Даница» находили место различные материалы из немецких источников, теоретические и публицистические статьи, содержание которых приспособлялось к хорватским нуждам, научно-просветительские заметки и т. д. Журнал информировал своих читателей о немецко-славянских культурных связях. Сильное влияние немецкого романтизма испытала художественная литература иллиризма. Наиболее крупный лирик эпохи иллиризма Враз сформировался как поэт под воздействием прогрессивного течения немецкого романтизма. Он сам признавал влияние Гете, Уланда, Шамиссо, Платена, Рюккерта, Грюна, Ленау [1115, т. 1, с. 225]. Творчество этих поэтов было проникнуто гуманизмом, оптимизмом и гражданственностью. В молодости Враз писал на словенском языке патриотические песни в духе Кернера и Клопштока. Следуя примеру Рюккерта и Платена, Враз ввел в хорватскую поэзию газель [378, с. 156, 228].

С немецким романтизмом соприкасалось творчество и других поэтов иллиризма. Баллады Л. Вукотиновича представляли собой переработку баллад Уланда. Стихотворение А. Михановича «Тоска по родине» было написано по образцу стихотворения Гете «Миньона». Произведения Зейме и Гейне вдохновили А. Немчица-Гостовинского на создание замечательных «Путевых мелочей». Так в хорватскую литературу вошел новый жанр — путевые заметки. Под воздействием немецкого романтизма формировалось творчество П. Прерадовича [378, с. 155, 187, 258, 290].

Составной частью литературной деятельности представителей хорватского национального возрождения были переводы с немецкого. Наиболее часто поэты иллиризма обращались к Шиллеру, обогащая тем самым духовное развитие хорватов творениями великого классика. В «Данице» за 1835—1847 гг. были напечатаны в свободном переводе Д. Раковаца, И. Трнскога, Д. Деметера, М. Боговича, С. Враза, В. Суботича, И. Кукулевича-Сакцинского стихотворения Шиллера «Тайна воспоминаний», «Немецкая муза», «Порука», «Достоинство женщин», «Песнь о колоколе», «К радости», «Перчатка», «Желание», «К Минне», «Альпийский стрелок», «Бой», «К Эмме», «Раздел земли», «Прощание Гектора»^{35*}. В статье «Об основании национального театра» М. Богович привел большую цитату из Шиллера о значении театра в формировании общественного

сознания нации^{36*}. Здесь же публиковались стихотворения поэтов немецкого Просвещения — Бюргера, Геллерта, Геснера, Гельти. В стихотворных сборниках Врза имелись переводы из Уланда и Рельштаба. Печатались и произведения модных в то время А. Книгге, И. Г. Чокке, Г. Штиглица и др. В переводческой деятельности у хорватов нашли отражение как просветительское, так и романтическое направление в немецкой литературе.

Тесно связан был с немецкой культурой хорватский национальный театр. Репертуар новисадской труппы, которая в 1840—1841 гг. давала представления в Загребе, Карловаце и Сисаке, в значительной мере состоял из переработки или переводов немецких пьес. Среди них были историческая драма Кукулевича-Сакцинского «Степко Шубич» (в основе ее лежала пьеса А. Коцебу), «Никола Шубич граф Зринский, или Осада Сигета» (вольный перевод трагедии Т. Кернера «Зринь»). Эти драмы были написаны на сюжеты из хорватской истории и были проникнуты духом борьбы за национальную свободу. Труппа ставила также комедии А. Коцебу, пьесы Э. Эберта, Ф.-И. Гольбейна, Ф. Гельма (Мюнх-Беллинггаузена) и других драматургов.

Среди немецких драматургов, представленных на хорватской сцене, первое место занимал эпигон мещанской драмы А. Коцебу. Хорватские деятели, не имевшие ни сценического, ни переводческого опыта, располагавшие ограниченными возможностями, шли навстречу запросам невзыскательной части публики. Они находили в сентиментальных драмах и поверхностных комедиях Коцебу, пользовавшегося популярностью как в Германии, так и за ее пределами, развлекательный материал для хорватского зрителя. Пьесы Коцебу были известны в Хорватии в постановке немецкого театра. Обращение к Коцебу обуславливалось чисто утилитарными соображениями. Когда в 1847 г. силами артистов немецкого театра в Загребе регулярно стали даваться представления на хорватском языке, основу их репертуара составили пьесы Коцебу, они же господствовали на любительской сцене. В Загребе в годы иллиризма была издана серия переводных пьес в 10 книгах под общим названием «Избранные пьесы», куда вошли произведения преимущественно немецких драматургов: Ф. Гальма, А. Коцебу, Ф.-И. Гольбейна, Т. Кернера, Э. Эберта. Изданный в 1842 г. сборник пьес включил две пьесы А. Коцебу в переводе Д. Галаца^{37*}.

Все же в комплексе хорватско-немецких отношений в годы подъема хорватского национального движения деятели иллиризма сумели выделить прогрессивное и важное для духовного развития Хорватии звено.

Если в системе контактов общественных движений Венгерского королевства с западной прогрессивной мыслью преобладал интерес к немецкой философии и художественной культуре, то в соседней Галиции, по традиции, сохранившейся еще от

Речи Посполитой, важное место занимали связи с французской культурой. В первой половине XIX в. они во многом определялись и тем, что основные центры польской эмиграции либо находились во Франции, либо так или иначе оказывались с ней связанными.

В эти же десятилетия усилился интерес к французской литературе среди образованных кругов влашского общества, особенно в Трансильвании. Этот интерес во многом обуславливался пропагандой латинской теории происхождения восточнороманского этноса.

По мере обострения социально-политических противоречий в Австрийской империи и дифференциации рядов освободительных движений у некоторых их участников, прежде всего у радикально настроенных, возникает интерес к социалистической мысли. Венгерские, чешские и словацкие радикальные демократы, польские и итальянские революционеры знали труды французских и немецких социалистов-утопистов разных направлений от Сен-Симона до Ф. Ламенне. Некоторые представители общественной мысли угнетенных народов монархии уже в начале 1840-х годов обратились к произведениям основоположников научного коммунизма. Так, чешский философ А. Сметана, во многих отношениях стоявший близко к взглядам немецких «истинных социалистов» М. Гесса, К. Грюна и др., был знаком с работой Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» и статьями К. Маркса из «Немецко-французских ежегодников» [Динеева, 1972а]. Кстати, первое упоминание в чешской печати имени К. Маркса в связи с этим изданием относится к 1844 г. и помещено в журнале «Кветы» («Цветы»). Автор опубликованной здесь заметки библиограф Ф. Духа писал: «В некоторых немецких журналах мы читаем, что «Немецко-французские ежегодники», которые Руге и Маркс начали издавать в Париже, прекратились уже после первого номера... Есть основания полагать, что, помимо денежных препятствий и затруднений, существовали трудности другого рода, в результате которых это издание увяло уже в зародыше»³⁸ *. По-видимому, Духа знал больше, чем мог написать в подцензурном органе [186, с. 148].

В 40-х годах имена Маркса и Энгельса и отдельные их произведения стали известны и в Венгрии. Так, в списке, составленном в наместничестве в 1846 г., среди книг, выдача которых публичными библиотеками была ограничена, наряду с сочинениями Фурье, Кабе, Луи-Блана, Ламенне, Фейербаха, Вейтлинга и др. фигурировало «Святое семейство» К. Маркса и Ф. Энгельса. В газете «Хирнёк», издававшейся в Пожони, 26 января 1843 г. были напечатаны отрывки из статьи Маркса, опубликованной в «Рейнской газете» 1 января 1843 г., против запрета в Пруссии прогрессивной лейпцигской газеты «Альгемайне цайтунг». Наибольшей известностью в Венгрии в эти годы пользовалось произведение Энгельса «Положение рабочего

класса в Англии», которое упоминалось либо цитировалось в венгерской печати: «Будапешти Хирадо» (19 декабря 1845 г.), «Хетилап» (14 августа 1846 г., 22 октября 1847 г.), «Немзети Уйшаг» (30 апреля и 4 мая 1847 г.), «Будапешти Хирадо» (25 июля 1847 г.).

Оценивая общие тенденции идейных связей национальных движений с общественной мыслью и культурой стран Западной Европы, можно заключить, что интерес к произведениям западных мыслителей и к крупнейшим событиям международного значения — таким, как французские революции 1789 и 1830 гг., немецкое и итальянское национально-освободительные движения первых десятилетий XIX в. и др. — находился в зависимости от потребностей развивавшихся освободительных движений, а степень их массовости и зрелости оказывали воздействие на глубину осмысления и творческого восприятия. Это не только накладывало отпечаток на содержание воззрений, которые получали здесь распространение, но и определяло его хронологические границы.

Динамика этих процессов может поэтому рассматриваться как зеркальное отражение уровня и содержания соответствующих движений. Так, в движениях более радикальных и выступивших на историческую сцену ранее (венгерское, итальянское, польское), прослеживается более интенсивный интерес к разным направлениям передовой общественной мысли XVIII в., к важнейшим философско-политическим трудам французских и английских просветителей. В противоположность этому чешским просветителям, стоявшим на умеренных политических позициях, более близкой была литература немецкого Просвещения. Даже такие выдающиеся представители чешской культуры, как Добровский, скептически относились к возможности усвоения опыта французской социальной мысли. И хотя интерес к ряду произведений французских авторов (например, к Вольтеру) в первой половине XIX в. в ряде случаев даже усилился, в нем преобладали морально-этические и литературно-художественные аспекты. Как было отмечено, начало переводов сочинений Франклина, относившееся к 1820-м годам, в основном ограничивалось его литературно-педагогическим наследием. Нечто подобное можно наблюдать и на примерах остальных национальных движений, в которых превалировали лоялистские настроения. И хотя существенную роль могли играть цензурные соображения, в этом, по-видимому, в конечном счете находила проявление связь между потребностями таких движений и более близким к ним по характеру опытом западной общественной мысли и культуры.

Впрочем, говоря о том значении, которое для подобных движений имела немецкая культура, нельзя забывать о господствующем месте немецкого языка в официальной и деловой жизни Австрийской империи и о существовании в качестве куль-

турного фона национальных движений австрийско-германских взаимоотношений. В условиях цензурного режима в монархии Габсбургов с конца XVIII до середины XIX в. эти взаимоотношения выполняли важную функцию канала внешних связей отдельных национальных движений (особенно венгерского, чешского, словацкого и хорватского). Тем самым они представляли собой едва ли не единственный тогда способ публичного выражения мнений по социальным и национально-политическим вопросам, для чего в пределах империи не существовало условий. Так, в Лейпциге и некоторых других германских городах в 1830—1840-е годы было издано множество публицистических произведений, авторами которых являлись представители и официальных кругов и выразители общественной мысли народов Австрийской империи. Достаточно напомнить, что именно таким путем велось обсуждение наиболее острых вопросов австростлавистской концепции или политических перспектив венгерского и других освободительных движений.

В целом связи этих движений с идейно-политическим развитием в Западной Европе, знакомство с передовой западной общественной мыслью и культурой, начиная с трудов просветителей XVIII в. до первых работ К. Маркса и Ф. Энгельса 1840-х годов, в канун революции 1848 г. имели большое значение для углубления теоретических основ национальных движений и вызревания в их среде радикального и революционно-демократического крыла, хотя в рассматриваемый период оно отличалось слабостью, идейной пестротой и политической аморфностью.

2. Национально-освободительные движения и Россия

К началу рассматриваемого периода культурные связи между народами Дунайского бассейна и Россией имели многовековую историю. Но в эпоху подъема в Австрийской монархии освободительных движений угнетенных народов эти связи претерпевали существенные перемены, расширялись и обогащались новым содержанием, отражая социальные и культурно-политические сдвиги в России и в Австрийской империи и зависимость от внутривосточной ситуации в обоих государствах и от их взаимоотношений — в XVIII и первой половине XIX в. по большей части союзнических. Поскольку же, особенно на первых порах, связи эти осуществлялись в основном в русле общих русско-австрийских контактов, характер и динамика их развития в западных и восточных провинциях монархии обладали чертами своеобразия.

Установление регулярных культурных связей «наследственных» земель Габсбургов с Россией относится к первой трети

XVIII в. Еще в середине 1730-х годов венский астроном и математик итальянского происхождения Д. Маринони состоял в переписке с членами петербургской Академии наук Эйлером и Делилем^{38а*}. Из переписки Д. Маринони с русскими академиками Г. Миллером, Хр. Гольдбахом и др. явствует, что в 1730—1750-х годах в Вену поступали публикации русской Академии наук, прежде всего латинские «Комментарии» и «Новые комментарии» с работами по математике, физике и астрономии Л. Эйлера, Д. Бернулли, по истории — Т. Байера и др. В первом и втором томах «Новых комментариев», поступивших в Вену в 1750 г., содержалось несколько сочинений по физике и химии (в переводах на латинский язык) М. В. Ломоносова — наиболее ранний из известных случаев проникновения в Австрию трудов великого ученого^{39*}. Дальнейшее оживление русско-австрийских научных контактов было связано с деятельностью в моравском городе Оломоуце в 1746—1751 гг. «Общества неизвестных литераторов», фактически первого не только в чешских землях, но и в Австрийской монархии научного объединения раннепросветительского типа, членами которого были не только чешские, но и австрийские (медик Г. ван Свитен, Д. Маринони, историки И. Пец, И. Йордан), итальянские (историк Л.-А. Муратори), немецкие (И. Готшед) ученые и писатели [Мыльников, 1974; Wondrák, 369].

Интерес к России и русской культуре, стремление определить свое отношение к политике русского правительства были присущи общественным деятелям всех угнетенных народов Австрийской империи. Но сила «национального сцепления» и «национальных симпатий» в особенности проявляла себя в области идеологии общественных движений славянских народов. Это тем более существенно подчеркнуть, что культурные связи между Россией и славянскими народами Австрии носили сугубо неофициальный характер. Венское правительство с подозрением относилось к подобной деятельности и окружало ведущих славянских деятелей полицейской слежкой. В 1819 г. Й. Юнгман в одном из писем отмечал опасения австрийского правительства, «что мы отойдем к некоторой могущественной славянской державе», т. е. к России [669, с. 166].

Многие ученые, публицисты и писатели, представители культуры разных славянских народов, подчеркивали необходимость укрепления контактов с Россией. В 1779 г. словенец Б. Кумердей отмечал, как важно для небольшого народа сознавать свою этническую близость с могучим Русским государством [103, с. 409]. Один из пионеров просветительской идеологии в чешских землях Г. Добнер не только знал научные издания петербургской Академии наук, но и использовал в 1760-е годы при разработке концепций древней чешской истории «Краткий российский летописец» и «Древнюю российскую историю» М. В. Ломоносова [745, с. 20, 92]. Мысли великого русского

ученого о древности славянских народов и о их общественно-культурном развитии сыграли роль в становлении чешской национальной культуры. Для Добнера, как и для многих других чешских и словацких ученых, в этом заключалась одна из главных притягательных сил трудов Ломоносова [Мыльников, 859; Haubelt, 459, т. 5]. В XVIII в. возникли контакты между русскими, чешскими и словацкими учеными как в области гуманитарных, так и в области естественных наук [1102, Vávra, 760]. В адрес русской Академии наук посылал, в частности, в 1750-х годах свои труды конструктор громоотвода чешский ученый П. Дивиш^{40*}.

Инициатором установления регулярных связей с русскими учеными был в 1770-е годы один из основателей «Общества наук» в Праге И. Борн, использовавший в своей деятельности труды академика П. Палласа [494, с. 21]. Важные последствия для развития науки и культуры чешских земель имели путешествия в Петербург и Москву в 1792—1793 гг. Добровского и чешского естествоиспытателя графа Штернберга [55]; Мыльников, 39].

Следует отметить, что значительный общественный отзвук особенно в чешских землях, получило крестьянское восстание под руководством Е. И. Пугачева, отчасти совпавшее во времени с восстанием чешских крестьян 1775 г. Чешский просветитель Ян Опиц назвал движение крестьян в России «войной рабов» и указывал на его сходство с освободительными выступлениями в других странах. Участнику просветительского движения 1780-х годов Ф. Гуолфингеру-Штайнсбергу принадлежала едва ли не первая в мировой литературе попытка художественного воплощения образа Пугачева (его написанная в 1777 г. на немецком языке трагедия «Пугачев» не сохранилась). О России как великом славянском государстве с воодушевлением писали в конце XVIII в. чешские публицисты В.-М. Крамериус, Ян Рулик и другие [494, с. 27].

О важности укрепления славяно-русских связей в первой половине XIX в. неоднократно писали видные деятели чешской и словацкой культуры — Добровский и Юнгман, Коллар и Шафарик, Штур и Гурбан. «Русские крепнут — отсюда спасение для потомков», — под этими словами Йозефа Юнгмана из письма Мареку (1810 г.) подписался бы не один из них! [669, с. 147].

Усилению интереса к России и русской культуре содействовали события международной жизни, неоднократные следования русских войск по населенным славянскими народами землям Габсбургов. В особенности Отечественная война 1812 г. и заключительная стадия антинаполеоновской борьбы, славные для русского оружия и унижительные для монархии Габсбургов, вселяли в австрийских славян надежду на скорое освобождение от чужеземного ига. В 1817 г. возникли слухи о создании в

пределах Австрии автономного славянского королевства, усиленно обсуждавшиеся в славянских кругах.

Однако реальность разбивала подобные иллюзии и заставляла деятелей национальных движений славянских народов еще и еще раз обдумывать свою позицию по отношению к России [Vávra, 1972]. Первые проявления разочарования в политике царизма относились ко времени подготовки Священного союза. В 1813 г. в разговоре с полковником свиты Александра I словак И. Палкович сообщал о разрушении «сладкой надежды» на то, что царь «объявит Австрии войну и освободит братские народы» [494]. Но это были лишь первые сомнения и, например, вести о движении декабристов далеко не всеми среди славянской общественности были поняты правильно. Более того, для Юнгмана, Челаковского и Палацкого, в частности, конституционные и республиканские проекты декабристов представлялись вредными как для России, так и для чешского движения [Vávra, 1976]. Наоборот, подавление Николаем I польского восстания 1830—1831 гг. стало, как отмечено выше, заметным рубежом в социально-политической дифференциации чешского и словацкого движений. Такие их представители, как П.-И. Шафарик, Ф. Челаковский, а затем К. Гавличек-Боровский и К. Сабина, осудив политику царизма, подчеркивали вместе с тем необходимость укрепления контактов с русским обществом, использования опыта русской культуры.

Постепенно расширился круг переводов с русского языка. Добровский пропагандировал в печати близость русского и чешского языков. В 1799 г., когда через чешские земли проследовала армия Суворова, он опубликовал первый чешский учебник русского языка. Начинание Добровского было затем продолжено Пухмайером, выпустившим две для своего времени образцовые работы — «Русско-чешское правописание» (1805 г.) и «Учебник русского языка» (1820 г.). Тем самым в истории чешско-русских культурных связей книга начинает использоваться не только для ознакомления с русской историей и литературой, но и в целях изучения языка. В начале XIX в. авторитет Юнгмана и его глубокая любовь к русской культуре сыграли не последнюю роль в оживлении взаимных связей. Он перевел на чешский язык «Слово о полку Игореве», отрывок из «Живописца» Н. И. Новикова и одно из стихотворений Н. М. Карамзина. Общественное значение имел выход в 1829 г. сборника обработок русского фольклора «Эхо русских песен» Челаковского. Большой интерес вызывала в чешской среде литературно-издательская деятельность будущих декабристов. Связанный с ними журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825 гг.) был известен в Чехии и послужил Челаковскому источником для ряда переводов и материалом при разработке теории народной песни [Никольский, 1954].

В 1830—1840-е годы в истории переводов с русского языка наступает новый этап. На страницах чешских сборников, журналов и газет и отдельными изданиями появляются переводы произведений А. С. Пушкина («Цыганы», 1831 г.; «Пиковая дама», 1844 г.; «Капитанская дочка», 1847 г.; отрывки из драмы «Борис Годунов», 1835 г.; стихотворения), И. А. Крылова (басни «Щука», «Листья и корни»), М. Ю. Лермонтова («Тамань»), Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина. Но по степени воздействия на чешскую и словацкую культуру на первом месте следовало бы назвать сочинения Н. В. Гоголя в переводах К. Запа, К. Стефана и, особенно, К. Гавличека-Боровского, страстного пропагандиста его творчества.

По-видимому, первым из словенских ученых, начавших сотрудничать с русской наукой, был Б. Кумердей, приславший в Петербург в 1780 г. материалы для «Сравнительного словаря языков всего мира», издание которого было задумано Академией наук в Петербурге. Издание не состоялось, и судьба этих материалов неизвестна. С первыми русскими славистами А. Х. Востоковым и П. И. Кеппеном поддерживал переписку Е. Копитар, в 1825—1826 гг. сотрудничавший в «Библиографических листах» Кеппена. Копитар оказывал помощь русским ученым, приезжавшим в Австрию для ознакомления с языками, этнографией и историей славян. Он встречался с М. П. Погодиным, Н. И. Надеждиным, О. М. Бодянским, И. И. Срезневским, П. И. Прейсом. Российская академия отметила золотой медалью труд Копитара, издавшего один из древнейших памятников глаголической письменности. Таким образом, первые контакты словенцев с русскими имели научный характер.

Во время Отечественной войны 1812 г. словенские просветители Я. Примци, У. Ярник, М. Шнейдер и другие выражали сочувствие борьбе русского народа против наполеоновского нашествия. Небезынтересно, что во время Лайбахского конгресса 1821 г. жители Любляны (Лайбаха) имели возможность несколько месяцев общаться с его участниками, при этом они и русские хорошо понимали друг друга [330a].

Наиболее ярким выражением русско-сербского сотрудничества в первой трети XIX в. была военная и дипломатическая поддержка со стороны России возрождению сербской государственности. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. русская армия оказала помощь повстанцам Белградского пашалыка, действовавшим под руководством Георгия Пётровича (Караджёрдже). В тексте русско-турецкого Бухарестского мирного договора 1812 г. были оговорены автономные права сербов. Первое сербское восстание и возникшее в результате его Сербское государство были, однако, ликвидированы вторжением османского войска в 1813 г., когда Россия была занята войной с Наполеоном. В 1815 г. началось Второе сербское восстание. В результате успехов сербов Порта пошла на уступки.

Русская дипломатия добилась официального признания автономии Сербии в Аккерманской конвенции с Турцией 1826 г., а затем и выполнения обязательства Порты признать права Сербии в Адрианопольском мирном договоре 1829 г. Таким образом, государственно-правовое положение Сербии было закреплено в международных договорах, заключенных Россией, что имело исключительное значение для Сербского княжества. С этого времени начался длительный и медленный процесс упрочения его позиций, оказавший, в конечном счете, сильное влияние на развитие национально-освободительного движения сербов Австрийской империи (его программ, тактики, связей и т. д.), и не только сербов, но и ряда других славянских народов. В период наполеоновских войн в России возникло несколько проектов воссоздания южнославянской государственности с целью совместной борьбы южных славян и России с Наполеоном [Достян, 1970].

Что касается сербов габсбургской монархии, то здесь в отношениях с Россией решающее значение имели культурные связи, хотя в начале XIX в. сербы обращались к русскому правительству и с документами сугубо политического содержания (например, с проектом создания обширного «славяно-сербского царства» под покровительством России, выдвинутым карловацким митрополитом Стеваном Стратимировичем в 1804 г. [см.: Достян, 266].

Уже в 20-е годы XVIII в., т. е. вскоре после массового переселения сербов в пределы габсбургской монархии и возникновения на юге Венгерского королевства области с компактным сербским населением в Бачке, Банате и Среме, здесь начали преподавание русские и украинские учителя, приглашенные сербскими церковными властями. Максим Суворов привез с собой учебные пособия и открыл в г. Сремски-Карловци первую светскую школу у сербов (1726—1731 гг.). Его дело продолжили Э. Козачинский и др. Сербские юноши направлялись учиться в Киевскую академию. Культурные связи с Россией, в том числе и с Украиной, в XVIII в. сыграли значительную роль в развитии культурной жизни Воеводины.

Известно, что в XVIII в. в условиях национального и религиозного гнета феодальной габсбургской империи сербская православная церковь играла значительную роль в сохранении национальной самобытности сербского населения. В такой обстановке присылка русских церковных книг, разной культовой утвари, значительных денежных средств и т. д. являлась одной из форм поддержки сербского культурного движения.

Русская художественная литература, публицистика и наука привлекали пристальное внимание сербских просветителей Л. Мушицкого и Д. Обрадовича. В XVIII в. сербам были хорошо известны произведения Ломоносова, Державина, Сумарокова [Кравцов, 204]. Победа России над Наполеоном способст-

вовала резкому возрастанию интереса сербов к русскому печатному слову, что было связано со сдвигами в общественной жизни сербского народа, формированием буржуазии и интеллигенции, подъемом национального сознания, потребностями развития сербской литературы. О России писали Л. Мушицкий, известные деятели на ниве культуры Г. Магарашевич (поэма «Пожар Москвы») и И. Вуич («Суворов и Кутузов»), о русских были созданы народные песни.

В первой половине XIX в., в период сербского классицизма, среди сербских поэтов был высок авторитет Ломоносова и Державина, тогда же не без воздействия русского романтизма (Жуковский, молодой Пушкин) формировался романтизм в сербской поэзии [Кравцов, 204]. Однако при популяризации произведений русской литературы еще не было критического подхода — об этом свидетельствует внимание к произведениям Булгарина и Сенковского.

В сербско-русских культурных связях конца XVIII — первой половины XIX в. существенное место занимала проблема языка сербской письменности. В XVIII в. «славено-сербско-русское» направление сыграло большую роль в развитии сербской литературы (в письменности использовались тогдашние русский и сербский разговорные языки со значительными элементами церковнославянского [см.: Толстой, 309]). В XVIII в. сербский литературный язык развивался в обстановке интенсивных связей образованных сербов с Россией.

Уже с последних десятилетий XVIII в. прогрессивные деятели стремились к реформе литературного языка для удовлетворения новых потребностей сербского общества; при этом они изучали опыт развития русского литературного языка. В конце XVIII в. Й. Раич стремился приблизить язык своих переводов с русского к разговорному сербскому языку. В это время и особенно в начале XIX в. в сербской письменности шел интенсивный процесс вытеснения архаики, внедрения языка, близкого к разговорному [Толстой, 309]. Консервативные круги сербского общества выступали против нововведений и ссылались на то, что эти последние якобы удаляют сербов от России. Однако здоровое развитие сербско-русских культурных связей требовало прогрессивной основы. Иллюстрацией этого были отношения с русскими учеными и деятелями культуры великого реформатора сербского литературного языка В. С. Караджича. В его жизни и деятельности связи с Россией занимали особое место.

Уже знакомство со сборником «Российский песенник» послужило Караджичу одним из импульсов для исследования сербского фольклора. В 1818—1819 гг. он совершил длительную поездку по России, где его встречали очень тепло («в Москве я был, как в царстве моей славы», — писал Караджич). За свой знаменитый словарь он был награжден серебряной медалью

Российской академии наук. «Петербургское общество российской словесности» в 1819 г. избрало Караджича своим членом-корреспондентом, а с 1826 г. ему была установлена правительственная пенсия [63а, с. 126, 132]. Караджич длительное время сотрудничал и переписывался с рядом русских ученых и журналистов. Поддержку Караджичу в его деятельности оказали П. И. Кеппен, Н. И. Полевой, Н. И. Надеждин и другие, но особенно И. И. Срезневский; с большим вниманием изучал собранные Караджичем сербские народные песни молодой Н. Г. Чернышевский, в университетские годы занимавшийся славянской филологией.

Подъем общественно-политической и культурной жизни сербов в первой половине XIX в. привлек внимание русских писателей, обогатил их творчество. С 1825 г. появляются переводы сербских народных песен, выполненные Ю. Венелиным, А. Майковым, О. Бодянским, П. Киреевским и другими писателями. Известно, с каким интересом относился к сербскому народному творчеству Пушкин. Примечательным эпизодом в истории русско-сербских связей была поездка студентов Геттингенского университета А. С. Кайсарова и А. И. Тургенева в славянские земли Австрии с целью записать народные песни, собрать старые книги и рукописи. Они познакомились с Обрадовичем, Мушицким, Стратимировичем, прониклись глубоким сочувствием к положению и освободительной борьбе сербского народа против османского владычества. Эта, по-видимому, первая такого рода поездка русских с научной целью в Воеводину способствовала развитию исследовательских интересов Кайсарова, одного из первых русских славистов [Достян, 1970].

Выдающимся поборником культурного сближения с Россией в Хорватии стал Л. Гай и руководимый им журнал «Даница илирска». Материалы на русские темы публиковались в этом издании постоянно. Первоначально это были рассказы о «добродетелях» русских царей, но постепенно «Даница» перешла к освещению современной жизни России, знакомя читателей с образцами русской поэзии, прозы и публицистики. В 1837 г. была опубликована первая в Хорватии статья о Пушкине, а в следующем году из заметки «Гордость русской литературы» читатели впервые узнали о Крылове. С 1839 г. в «Данице» стали публиковаться обзоры русской литературы, в которых сообщалось о произведениях М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Д. И. Давыдова, о первом выпуске сочинений Н. В. Гоголя, а также о творчестве М. И. Глинки, А. И. Верстовского, художника И. К. Айвазовского и других деятелей русской культуры. Как правило, особенно на первых порах, сведения брались из вторых рук — из немецких газет.

В хорватских литературных органах помещались в переводе стихотворения и рассказы русских поэтов и прозаиков.

В 30-е годы переводы делались на основе чешских изданий, позднее хорваты переводили непосредственно с русского. Первым было напечатано в 1837 г. в «Данице» стихотворение Карамзина «Отечество» в переводе М. Топаловича. Враз и Деметер переводили стихотворения Лермонтова, А. С. Хомякова, Веневитинова. Но больше всего хорватские поэты обращались к Пушкину. Его стихотворения печатались в «Данице» в переводе Враз, Деметера, М. Д. В «Коло» в 1842 г. была помещена «Пиковая дама», переведенная сербом М. Поповичем. Деметер издал в альманахе «Искра» за 1844 г. вольный перевод «Метели», а во «Всеобщем загребском календаре» (1846 г.) — повесть Пушкина «Выстрел» [Лешиловская, 164]. Но нередко переводились малозначительные авторы и второстепенные произведения [Badalić, 1946].

Большое значение в укреплении научных контактов имели поездки первых русских славистов по славянским землям в конце 1830-х—1840-е годы — И. И. Срезневского, П. И. Прейса, В. И. Григоровича, посещение историками и историками литературы М. П. Погодиным, А. Д. Галаховым, М. И. Касторским, П. И. Кеппенем, журналистом Н. И. Надеждиным, переводчиком Н. А. Ригельманом и рядом других русских ученых и литераторов Чехии, Словакии, Хорватии и Словении. Все это обеспечивало личные знакомства и устанавливало регулярную переписку между русскими, западно- и южнославянскими учеными, которые со своей стороны содействовали расширению информации русского общества о культуре и быте австрийских славян. Одним из проявлений таких связей стала публикация в русской печати исследований П.-И. Шафарика, Я. Коллара, Л. Гая, а в славянских изданиях — статей И. И. Срезневского, М. П. Погодина и других русских авторов. Русским ученым принадлежала немалая заслуга в изучении истории, культуры и быта зарубежных славян. Так, Срезневский обратил внимание на диалект и быт резиян. Его статьи по этим вопросам явились первым серьезным шагом в исследовании этой ветви словенского народа. Определенное значение имели поездки в Россию чеха К. Гавличека-Боровского, хорватов С. Херкаловича, Л. Гая и др. Нельзя не отметить, наконец, роли книгообмена между русскими и славянскими учеными. Таким путем пополнялся фонд библиотеки Национального музея в Праге. Гай на полученные в России во время поездки в Петербург и Москву в 1839 г. пожертвования приобрел коллекцию рукописей и книг для хорватского музея.

Особое место занимали связи с Россией деятелей украинского национального движения Галиции и Закарпатья.

Культурные контакты с Россией имели важное значение для формирования национального самосознания и культуры украинского населения Австрийской империи. Львовский профессор И. Лавровский проявлял большой интерес к книгам,

изданным в России, в том числе на Украине, поддерживал научные связи с П. И. Кеппенем, А. Х. Востоковым, З. Доленгой-Ходаковским, профессор М. Гриневецкий переписывался и обменивался книгами с профессором Петербургского университета П. Лодием. С русскими учеными был знаком историк В. Компаневич; он посылал книги М. П. Погодину, выступал с рецензиями на русские издания. Историк Д. Зубрицкий поддерживал связи со славистами М. Максимовичем, О. Бодянским, М. Погодиным, В. Мацеёвским, Е. Рачинским и др. и содействовал развитию сотрудничества галицийских украинских литераторов с писателями и учеными России и Украины.

Закарпатье издавна поддерживало культурные контакты с Россией. Во второй половине XVIII — начале XIX в. из Москвы, Петербурга, Киева сюда поступали русские книги. Характерным явлением была эмиграция из Закарпатья в Россию образованных людей, не имевших возможности применить свои силы на родине. Они оставили яркий след в истории русской культуры. Так, И. С. Орлай (1771—1829 гг.), уехавший в Петербург в 1791 г., окончил здесь медико-хирургическую академию и в 1803 г. составил записку «О вызове в Россию иноземных ученых людей из славянского племени, а наипаче из карпато-россов». В результате этого в Россию приехали экономист и юрист М. А. Балугьянский (1769—1847 гг.), ректор Петербургского университета в 1819—1821 гг., сторонник идей Сперанского; философ П. Д. Лодий (1764—1829 гг.), ставший профессором в Петербурге; В. Г. Кукольник (1765—1821 гг.) — преподаватель физики, химии и права, с 1820 г. — директор Нежинской гимназии; Ю. В. Хуца-Венелин (1802—1839 гг.) — автор трудов, оказавших влияние на развитие национального самосознания болгар.

Связи с Россией славян Австрийской империи сыграли заметную роль в формировании их национальных культур и самосознания, способствовали углублению идейной дифференциации и подготавливали почву для установления позднее контактов и сотрудничества демократических и революционных сил русского и других славянских народов.

В XVIII в. связи между Россией и Венгрией, если не считать начала века, когда дружественные отношения между ними были оформлены в виде первого русско-венгерского союзного договора, который подписали Петр I и князь Ференц Ракоци II, носили весьма спорадический характер. Они ограничивались главным образом взаимными посещениями путешественников, ученых, учащихся и т. д.

Повышению интереса к России, ее науке и быту населявших ее разноязычных народов в последние десятилетия XVIII в. способствовали развернувшиеся в это время дискуссии о происхождении мадьяр и их языка, и в особенности, начинавшие складываться представления о родстве мадьярского языка с

финским, о его принадлежности к угро-финской языковой семье. Уже тогда возникали проекты организации научных экспедиций в Россию.

Венгерские ученые знакомились с научной жизнью России отчасти по академическим «Комментариям», тома которых за 1726—1796 гг. и сегодня хранятся в библиотеке Пештского университета. Особый интерес венгерской общественности к петербургской академии, ее структуре и деятельности, в частности, в сфере развития родного языка, был вызван тем, что проекты создания Венгерской академии наук предусматривали прежде всего решение ею аналогичных задач.

В Венгрии появлялись сообщения по материалам русских экспедиций Беринга, Чирикова, Коровина, Левашова, Стеллера, И. И. Лепехина и др. В начале 1800-х годов венгерская печать широко комментировала поступающие из России сообщения о реформах, в частности, в системе образования. Печать сообщала об ученых и специалистах из Венгрии, приглашавшихся российским правительством в связи с реформой высшего образования, в частности о Керестури, хирурге, получившем кафедру в Московском университете, позднее ставшем его ректором и проработавшем в России с 1762 по 1811 г., и о многих других, включая тех, кто представлял немадьярские национальности Венгрии (большую роль в наведении «культурных мостов» между народами Венгрии и России в первой половине XIX в., как отмечалось, играли выходцы из Закарпатской Украины).

Особое место в русско-венгерских культурных связях принадлежит Пушкину. Более или менее широко Пушкин стал известен венгерской культурной общественности начиная с 60-х годов XIX в. Но первое упоминание о нем относится к 1825 г. в журнале «Хазай Тудошиташок». Спустя три года в научном журнале «Тудоманьош Дьютемень» появился историко-критический обзор «Русская поэзия» Ференца Толди, в котором значительное место отводилось творчеству Пушкина. Он же в 1834 г. опубликовал еще один обзор русской литературы. В марте 1837 г. венгерская печать сообщила о смерти великого русского поэта. Статьи о русской литературе, в том числе и о Пушкине, появляются в венгерской печати и в последующие годы.

Важным этапом в усилении интереса венгерской общественности к России послужило восстание декабристов, события которого широко освещались в венгерской печати. Восстание послужило толчком к появлению в прессе множества материалов на русские темы (в газете «Мадьяр Курир», в журналах «Хаснош Мулатшагок» и «Хазай Тудошиташок»). В 1827 г. в Пеште вышел первый труд научного характера о России — «Статистическое, географическое и историческое описание Русской империи». Его автор И. Лашшу, знавший славянские языки,

в качестве отличительных черт характера русского народа выделил «стойкость, бесстрашие в бою», «храбрость, веселый нрав, общительность и гостеприимство». В начале 1828 г. известный венгерский историк И. Хорват опубликовал весьма положительную рецензию на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

Отношение к России со стороны национальных движений народов Австрийской империи отражало и степень информированности их о русской действительности и — главное — реальные условия, в которых эти движения развивались. Не последнее место занимали и особенности внутренних взаимосвязей между этими движениями (например, в пределах Венгерского королевства). Но и в самой России отношение к общественной мысли и культуре угнетенных народов монархии было не менее сложным.

Давние связи с народами Дунайского бассейна приобрели в XVIII в. черты, свойственные представлениям эпохи Просвещения, и сперва представляли собой один из аспектов общих международных культурных связей Российской империи, после реформ Петра I вышедшей на мировую арену как одно из могущественных государств. Значительную роль в упрочении контактов сыграла петербургская Академия наук. Ранее всего эти контакты возникли с венгерскими землями, когда в 1730 г. писатель и педагог, автор книг по истории венгерского королевства М. Бель откликнулся на предложение русской Академии об установлении научных связей [Кулябко, 251; Vávra, 1963]. Однако более тесные и интенсивные связи сложились в тот период у петербургской Академии наук с научными учреждениями австро-немецких и чешских земель. Упомянутый выше естествоиспытатель Маринони направил в 1736 г. в Петербург академику Эйлеру письмо, в котором желал успехов незадолго до того основанной Академии⁴¹. С учеными в Вене и в чешских землях переписывались академики Г. Миллер, И. Шумахер, президент Академии К. Разумовский и ее секретарь Х. Винсгейм и другие. Переписка и книгообмен стали с этого времени важнейшими каналами получения русским обществом информации об Австрийской монархии.

Постепенно рос и интерес к проводившейся здесь с середины XVIII в. политике «просвещенного абсолютизма». Об этом, в частности, свидетельствовало внимание к аграрной политике Марии-Терезии и Иосифа II, к экономическому и государственно-правовому состоянию земель Габсбургов [Vávra, 1972]. К этим вопросам, в частности, проявлял интерес А. Н. Радищев, в библиотеке которого находилось несколько работ по чешскому праву и сборники по вопросам законодательства Иосифа II [Барсков, 1920]. Краткую, но пронизательную характеристику цензурной политике императора Радищев дал в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Император

Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в австрийских наследственных владениях, в царствование Марии-Терезии, тяготила рассудок... но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!» [244, с. 170]. В числе борцов за свободу Радищев называл и Яна Гуса [244, с. 402]. Значительный интерес в России вызвало крестьянское восстание 1775 г. в чешских землях [Vávra, 1962].

В России распространению сведений о Венгрии во многом способствовали личные контакты русских и украинцев с мадьярами и другими народами королевства. Так, в течение XVIII в. свыше 40 учащих знаменитой Киевской академии продолжали образование за рубежом, в том числе в Пожони, Пеште и Токае. Впечатления одного из них, В. Григоровича-Барского (опубликованы в 1778 г.), пешком прошедшего от Кашшы (Кошице) до Буды и Комарома, знакомили читателей с этническим составом королевства. В этом труде, получившем высокую оценку Н. Г. Чернышевского и И. Франко, отмечается: «Пусть всякий знает, что хотя на земле венгерской живут люди различных религий, однако все они гостеприимны». Выдающийся украинский философ и поэт Г. Сковорода, в течение трехлетнего пребывания в Венгрии встречавшийся с «учеными мадьярами», писал о «милой моему сердцу Хунгарии». И. Ю. Фальковский, ученик, а затем профессор Киевской академии, учился в токайской и пожоньской гимназиях, а затем и в Пеште, который он охарактеризовал как город «процветающих наук». Воспитанник Киевской академии А. Сомборский, с 1797 г. директор сельскохозяйственной школы в Царском Селе, находился в Венгрии в течение пяти лет в качестве духовника Александры Павловны, первой жены эрцгерцога Иосифа, палатина Венгрии. В своих воспоминаниях он с симпатией писал о мадьярах, об их освободительном движении и стремлениях «к разрыву с Австрией».

Будущий декабрист Ф. Н. Глинка, побывавший в Венгрии в 1806 г., оставил одно из первых русских описаний этой страны. Путевые его впечатления, впервые опубликованные в 1808 г., а в 1815 г. изданные в виде книжки под названием «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях в Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 годах», полны искренней симпатии к народу, о котором так мало знали в тогдашней России, неподдельного интереса к его жизни, быту, его свободолюбию и мужеству. «Венгры, народ воинственный и вольный, свято хранят права свои. Известно, с каким неодолимым мужеством защищали они права свои под предводительством храброго вождя графа Емерика Текелли», — писал Глинка. (Имре Тёкёли, вождь антиавстрийского восстания куруцев в 1675—1685 гг. — *Ред.*).

Русский моряк В. Б. Броневский, который возвращался со средиземноморского театра военных действий на родину через Венгрию, обратил особое внимание на резкие социальные контрасты в жизни ее жителей, на бедность и бесправие народа. Причину такого положения он видел в несправедливости властей и эксплуатации крестьян помещиками. Потрясенный увиденным, Броневский в заключение, обращаясь к читателю, писал: «Добавь к бедствию нищего народа высокомерие дворянства, и ты получишь точную картину о Венгрии, об этой когда-то гордой и славной стране». От его взора не ускользнуло и нарастание австро-венгерского конфликта. «Путешествуя по Венгрии, я сделал то общее наблюдение, что мадьяр не любит ничего немецкого. Немцев в Венгрии считают врагами, а мадьяров же в Вене, как я слышал, рассматривают, как врагов...». Броневский выражал уверенность, что «этот имеющий славную историю, когда-то свободный и гордый народ со временем вступит на путь счастья, и вновь обретет свое былое величие».

Интересны наблюдения Броневского и о культурной жизни Венгрии. Сообщая о функционировании в Буде и Пеште двух театров, он подчеркнул, что в пештском театре спектакли идут «на национальном языке», критикуя в то же время оба театра за то, что в них ставятся сентиментальные драмы, в которых отсутствуют изображение реальной действительности и «нравственные выводы»^{23*}.

Первые русско-венгерские научные контакты связаны с началом русской славистики. П. И. Кеппен в 1822 г. побывал сначала в Вене, а затем несколько месяцев провел в Венгрии. Пребывание в Вене он рассматривал как необходимый этап для подготовки поездки с научными целями в Венгрию и Трансильванию. В Вене Кеппен познакомился с консервативным венгерским историком, публицистом и поэтом Я. Майлатом и с А. Меднянски, историком, географом, членом комитета, разрабатывавшего проект создания Венгерской академии наук. В Пеште круг его знакомств расширился. Достаточно назвать имена видных тогда ученых и писателей — директора государственного архива Й. Ковачича, университетского профессора, редактора научного журнала и историка И. Хорвата, а также Коллара и Палацкого. Целые дни Кеппен проводил в Национальном музее и в библиотеке университета, знакомясь с венгерской литературой и рукописями. В Трансильвании он изучал материалы знаменитого собрания книг и рукописей Брукенталя, участвовал в ученых диспутах о происхождении мадьяр и их прародине. В Пешт-Буде Кеппен приобрел большое количество венгерских книг. Судя по оживленной переписке, которую он поддерживал позднее с Колларом, Меднянски, Г. Дёбрентеи, секретарем Венгерской академии наук, Кеппена в первую очередь интересовала история мадьяр и венгерского языка.

С русской стороны долгое время превалировал интерес информационного характера, не связывавшийся в умах большинства современников с национальными устремлениями подвластных Вене народов, включая славян. Однако, уже в трудах В. Н. Татищева и особенно М. В. Ломоносова угадывалась та сила «национального сцепления», которая позднее станет определяющей в трактовке русским обществом «славянского вопроса». Хотя и Татищев и Ломоносов во многих случаях лишь повторяли распространенные представления о прошлом и настоящем славянских народов, они нередко далеко опережали уровень науки своего времени. Таковы, например, критические суждения Татищева о баснословии «Чешской хроники» анналиста XVI в. В. Гаека, предвосхищавшие аргументацию Добнера, или выдвинутая Ломоносовым классификация славянских языков, в которой словацкому языку отводилось самостоятельное место,— и это за много десятилетий до языковых споров в словацкой и чешской среде и реформы Штура! [Мыльников, 1977]. Следует заметить, что Ломоносов был осведомлен о многих научных трудах, выходивших в Австрии. В составе его личной библиотеки имелись изданный Белем в 1746 г. сборник документов по истории Венгерского королевства, трактат о происхождении славян австрийского историка Йордана и другие книги на сходную тематику [130; 141].

Первый русский популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», издававшийся в Петербурге с 1755 по 1764 г., приступил к сравнительно регулярной информации своих читателей о духовной жизни чехов и других народов Австрийской монархии. В нем, в частности, давалась библиографическая информация о выходивших здесь новых книгах, сообщалось о появлении критического комментария Г. Добнера к «Чешской хронике» Гаека [Мыльников, 327, с. 138]. Эти традиции были продолжены в русской журналистике второй половины XVIII в., в частности Н. И. Новиковым. В его «Живописце» за 1772 г. был помещен перевод стихотворения словацкого писателя Ф.-А. Коллара «Надпись к реке Волге» [254, с. 392]. В изданиях «Вольного экономического общества» были опубликованы переводы трактатов профессора минералогии Горной академии в Штьявнице (Словакия) И.-А. Скополи, чешского будителя В. Аморта. Сообщалось об успехах мануфактур и сельского хозяйства в чешских землях, о деятельности в Праге общества наук и т. п. Неоднократно на русском языке, в том числе Н. И. Новиковым, переиздавался известный педагогический труд Яна А. Коменского «Мир чувственных вещей» и другие его произведения. И хотя в целом информация такого рода еще не связывалась с выражением чувств славянских симпатий, отдельные проявления такого рода имели место, например, в журнале П. И. Богдановича «Новый Санкт-петербургский вестник» (1786 г.). Между прочим, издатель

его писал, что на славянском языке «говорят и ныне в Лигурии, Кроации, Боснии, Далмации, Славонии, Венгрии, Богемии, Польше и во всей России»^{42*}.

Положение стало меняться на рубеже XVIII—XIX вв., в чем отразился патриотический подъем эпохи Отечественной войны 1812 г. В начале XIX в. многие русские литераторы и ученые побывали в Австрийской империи и соседних с ней странах — А. С. Кайсаров, первым из отечественных ученых побывавший в чешских и сербских землях в 1804 г. с целью сбора памятников письменности и фольклора, Ф. Глинка, издавший в 1808 г. упомянутые «Письма русского офицера», историк Д. Н. Бантыш-Каменский, который опубликовал «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810 г.) и другие. Впечатления об их путешествиях интересны не только собранной информацией, но и авторским ее осмыслением, национально-патриотической акцентировкой. Сошлемся в качестве одного из примеров на «Письма русского офицера», в которых Ф. Глинка описывал военную кампанию 1805 г. На обратном пути в Россию он побывал в Венгерском королевстве и Галиции. И хотя видел он здесь разноязычное население, в первую очередь присматривался к жизни славян. С симпатией описывал Глинка словаков, живущих «на границах Венгрии» и поразивших его языковой и культурной близостью к русским. Автор видел в словаках «остатки славных прародителей своих» и в романтическом духе говорил о величии славянских народов и об их родстве. Подобные мысли были созвучны настроениям многих лидеров славянских национальных движений в Австрийской империи первых десятилетий XIX в. Не ограничиваясь изъявлением национальных симпатий, будущей декабрист с сочувствием описывал тяжелое положение крестьян в Галиции, отягощенных «ужасными подастями» в пользу польских помещиков [63, с. 16—18].

Вообще в те годы в русском обществе неуклонно рос интерес к положению и культуре зарубежных славянских народов. В периодической печати время от времени появлялись переводы произведений славянских ученых и писателей, информационные заметки и др. В 1825 г. П. И. Кеппен издавал критико-библиографический журнал «Библиографические листы» — один из первых международных славистических органов. Среди его корреспондентов было немало деятелей культуры западных и южных славян, в том числе чешские и словацкие (И. Добровский, Й. Юнгман, П. Шафарик, Ян Коллар, В. Ганка), словенские (Е. Копитар) и сербские (Вук Караджич) ученые.

В России, где борьба за демократизацию культуры превратилась в первой половине XIX в. в одну из стержневых проблем идейного развития, вопросы, связанные со славянской общностью и русско-славянскими контактами, находили отражение в творчестве многих передовых представителей культуры. В этом отношении они продолжали линию М. В. Ломоносова и А. Н. Ра-

дищева. Большое внимание уделили этим вопросам А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский. Славянские симпатии были присущи А. С. Грибоедову и А. И. Тургеневу — последний побывал в славянских странах еще в 1804 г. В. К. Кюхельбекер прочитал в Париже в 1821 г. лекцию по литературам и языкам славянских народов [Пыпин, 1889], а А. И. Одоевский, мечтая о грядущем братстве славян, прославлял то время, когда «солятся истоки в реку одну, как источник один» [133, с. 257]. Это не было данью литературно-романтическим мечтаниям. Такие члены Южного общества, как С. И. Муравьев-Апостол, В. Л. Давыдов или И. Поджио, проявляли специальный интерес к чешскому национальному движению. Важное место занимал славянский вопрос в программе «Общества соединенных славян», действовавшего на Украине [Достян, 1968].

Конечно, интерес декабристов и А. С. Пушкина к славянской теме логически вытекал из их отношения к народной поэзии как выразительнице народной самобытности, во многом близкого позициям передовых деятелей западнославянских культур того времени [Никольский, 1954]. Интерес этот был также проявлением общенационально-политических настроений в прогрессивных кругах русского общества. Об этом свидетельствует то внимание, с которым относился к развитию культур зарубежных славянских народов революционер-демократ В. Г. Белинский. Показательно также, что в 1830—1840-х годах устанавливаются более или менее прочные контакты с зарубежными славянами, с одной стороны, у участников русских и украинских революционных организаций (в особенности у членов Кирилло-Мефодиевского братства и Общества петрашевцев), с другой — у тех оппозиционных деятелей, которые вынуждены были обосноваться за границей, положив начало русской политической эмиграции. Одним из первых может быть назван подпрапорщик Н. Зубов, который перешел на сторону польских повстанцев 1830—1831 гг., а позднее за границей поддерживал связи с польскими эмигрантами и выступал на их митингах, пропагандируя идею русско-польского революционного сотрудничества. В 40-х годах контакты с южными и западными славянами, прежде всего с поляками, установили, в частности, кирилло-мефодиевцы Н. И. Гулак, Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш и близкий к «братчикам» Ф. В. Чижов, петрашевцы Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли, И. Л. Ястржембский и другие. Из эмигрантов наиболее активными в этом смысле были накануне революции 1848 г. М. А. Бакунин и Н. И. Сазонов. Идея межславянского сотрудничества в революционной ее интерпретации вызрела у Бакунина именно в это время и была впервые изложена им публично в 1847 г. на митинге в Париже, посвященном годовщине польского восстания 1830—1831 гг. [755; 990].

Иным было отношение к национальным движениям славянских народов в консервативных кругах русского общества. В начале XIX в. А. С. Шишков, а в 1830-е годы славянофилы сыграли важную роль в развитии контактов с чешскими, словацкими, сербскими и другими славянскими учеными и писателями. Шишков, в частности, публиковал в изданиях возглавляемой им Российской академии памятники славянской письменности. Он был сторонником учреждения в Петербурге славянской библиотеки и приглашения на работу в ней Шафарика, Челаковского и Ганки [316]. Вклад в ознакомление русского общества с культурами австрийских славян внесли А. С. Хомяков, братья Киреевские и некоторые другие славянофилы, а также слависты О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович.

Однако общий подход к оценке характера и задач национальных движений славянских народов со стороны А. С. Шишкова, а позднее — славянофилов носил консервативный характер. Особенности развития России, которые трактовались ими в православно-христианском духе, славянофилы переносили и на зарубежных славян, отводя царской России руководящую роль в отношении всего славянского мира. К этой позиции славянофилов приближались и взгляды М. П. Погодина, который в 1830—1850-е годы проповедовал охранительные идеи «православия, самодержавия и народности». Погодин был сторонником поддержки освободительных движений славян, однако в русле подобных представлений. К 1840 г. относится выработанная им записка об «освобождении» австрийских славян, которую В. И. Ленин специально отмечал в своих «Тетрадах по империализму»³.

То или иное отношение к национальным движениям славянских народов Австрийской империи, будучи закономерным итогом дифференциации русского общества и показателем различий в понимании разными его лагерями путей исторического развития России, приводило и к политическому размежеванию по славянскому вопросу: он не был монополией ни сторонников Шишкова, ни славянофильства, ни, тем более, официальной доктрины.

Правительство, играя на чувствах симпатий к славянам Австрийской империи в русском обществе, порой смотрело сквозь пальцы на оказывавшуюся им материальную помощь, а иногда в секретном порядке даже отпускало средства для этой цели. Вместе с тем по мере усиления реакционности политического курса правительства Николая I со все большим подозрением относилось не только к развитию русско-славянских контактов, но даже к славянофилам: после польского восстания 1830—1831 гг. царизму повсюду мерещились семена бунта. Под сом-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 506.

нение ставился даже «благонамеренный» монархист М. П. По- годин, редактор «Москвитянина». В 1842 г. попечитель Мос- ковского учебного округа граф Строганов направил министру народного просвещения донесение, в котором писал: «В послед- ние годы некоторые журналы, и в особенности «Москвитянин», приняли за особенную тему выставять живущих под владыче- ством Турции и Австрии славян как терпящих особое угнетение и предвещать скорое отделение их от иноплеменного ига». Да- лее Строганов риторически вопрошал: «Согласно ли будет с на- стоящими видами правительства нашего: возбуждать участие к политическому порабощению некоторых славянских наро- дов?»⁴³

Донесение это любопытно как отражение настороженной по- зиции правящих кругов по отношению к национальным движе- ниям славянских народов. Как видно, царизм не только не стремился, вопреки шуму об этом западной прессы, к увеличе- нию за счет зарубежных славян своей «универсальной импе- рии», но, наоборот, относился к возможной перспективе этого отрицательно. Это проявилось, например, в циркуляре министра народного просвещения, который в 1847 г. обязал профессоров университетов вести преподавание «без воображаемого славян- ства».

Тем более следует подчеркнуть, что прогрессивные силы Рос- сии не просто проявляли живой интерес к угнетенным славян- ским народам, но искали союза с их передовыми деятелями для совместной борьбы за свободу. Первые шаги, сделанные в этом направлении, во многом предопределили укрепление русско- славянского содружества последующих десятилетий, связанного с именами А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, И.-В. Фрича, С. Марковича и других демократов.

3. Взаимосвязи славянских народов Австрийской империи. «Национальное сцепление» и социальные симпатии

Этническая близость славянских народов, входивших в со- став монархии Габсбургов, сходство задач, стоящих перед ними в борьбе за национальное и социальное освобождение, лежали в основе связей, которые устанавливались между ними.

Чешское общественное движение являлось одним из наибо- лее организованных отрядов освободительной борьбы славян- ских народов Австрийской империи. К середине XIX в. оно уже имело за собой несколько десятилетий развития, в ходе которо- го складывались и проверялись на практике идейные и органи- зационно-тактические формы борьбы, выкристаллизовывались программные требования, формировался круг руководящих «будителей», деятельность которых приобретала общественный авторитет. По мере углубления чешского движения и укрепле-

ния его связей, Прага превращалась в важный центр национальных устремлений не только чешского, но и других славянских народов Австрии. Это вело к тому, что чешский опыт оказывал воздействие на национальные движения в Словакии, Хорватии, Словении, Воеводине, Галиции и т. д.

Ранее всего это влияние затронуло Словакию, где со второй половины XVIII в. появилась небольшая группа патриотически настроенных интеллигентов, выступавших в защиту национальных прав своего народа. В такой обстановке опыт чешского народа — наиболее близкого словакам этнически, чей язык употреблялся словацкими протестантами в качестве литературного — имел первенствующее значение. Показателен в этом смысле трактат «Величие чешского и вообще славянского языка», с которым в 1786 г. выступил протестантский проповедник в Банска-Бистрице Ян Грдличка. Несмотря на то, что жанр «защит» языка имел в истории словацкой культуры свою традицию [1073], Грдличка непосредственно основывался на двух, опубликованных несколькими годами ранее, чешских «защитах» Яна-Алоиза Ганке из Ганкенштейна и К.-Г. Тамма [847, с. 40]. Именно в эти десятилетия зарождавшегося национального движения в Словакии, имевшего своим ближайшим примером движение в чешских землях, в кругах патриотических деятелей из числа протестантов формировалась концепция так называемого чехословакизма, предтечей которой в начале XIX в. стал Б. Таблиц ⁴⁴. В наиболее полном виде тезис о «чехословацком племени» был сформулирован Яном Колларом. Сторонники названной концепции выступали против стремлений Бернолака и Штура создать словацкий литературный язык, опасаясь, что это приведет к культурному и политическому отчуждению между чехами и словаками. На рубеже XVIII—XIX вв. Б. Таблиц и Ю. Палкович вынашивали идею основания «Славянско-чешского общества» в Братиславе для распространения словацкой литературы на чешском языке, образцом которого им (в особенности Ю. Палковичу) виделся язык Кралицкой библии XVI в. В 1803 г. Таблиц обращался к чешским патриотам с просьбой оказать для этой цели материальную помощь [847, с. 51]. Важную роль в развитии национального самосознания в Словакии сыграла научная деятельность Шафарика, принадлежавшая как словацкой, так и чешской культуре. Особенностью труда Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям» [1826 г.] была трактовка словацкой культуры как части общеславянской. В отличие от Добровского и других чешских и словацких ученых предшествующего времени, рассматривавших словацкий язык как наречие чешского языка, а словацкую литературу как часть чешской, Шафарик посвятил Словакии особую главу, в которой, по собственному признанию, «собрал все достойные изучения материалы о языке и литературной деятельности словаков» [720]. Обращая внимание

на родство словацкого и чешского языков, он стремился все же показать отличительные признаки словацкого языка и культуры: «Словацкий язык — язык самостоятельный, в современном своем состоянии ближе всего стоящий к языку чешскому» [185]. Эту точку зрения Шафарик отстаивал в 1820-е годы в переписке с Колларом, доказывая, что чешский язык не в состоянии отражать потребности развития словацкой литературы⁴⁵. В этом смысле Шафарик выступал в духе Ломоносова, признававшего самобытность словацкого языка.

К опыту чешского национального движения, несмотря на серьезные трения между ними, обращались и штуровцы в процессе выработки языковой реформы. Характерно в этом отношении уже наименование путевых записей одного из соратников Штура Й.-М. Гурбана, изданных в Пеште в 1841 г.: «Путешествие словака к славянским братьям в Моравии и Чехии». Несмотря на заявление штуровцев, а ранее и сторонников Бернолака, о желательности укрепления словацко-чешских культурных отношений [Butvin, 1967], их реформаторство встречало отрицательное отношение в кругах либеральной части чешского движения. Когда в 1846 г. Чешский музей издал сборник критических статей, направленных против «раскола» Штуром и его соратниками «славянского единства»⁴⁶, штуровцы выступили против него с обоснованными возражениями. Но, например, критикуя сборник, Гурбан особо коснулся статьи Шафарика. П. Шафарик призывал к созданию общего литературного языка на основе чешской грамматики путем обогащения лексики словакизмами. Гурбан с уважением писал о деятельности ученого, подчеркивая, что именно по его трудам словаки впервые узнали о своем подлинном месте в семье славянских народов и что труды Шафарика сыграли важнейшую роль в пробуждении словацкого национального самосознания.

Труды Шафарика и концепция славянской взаимности Коллара оказали влияние на формирование воззрений одного из вождей иллиризма Л. Гая. Он воспринял учение о славянской взаимности как идеологическое оружие, призванное обеспечить национальное существование малых славянских народов [Лешиловская, 164]. Именно поэтому идеологи хорватского национального движения усвоили многое из воззрений, характерных для чешского движения, и смотрели на чехов как на своих учителей в развитии национального самосознания.

Чешское воздействие ощущалось в хорватских землях и в сфере идеологии и в области выбора форм борьбы. Так, по образцу Народного дома в Праге был создан загребский Народный дом, по типу пражских в Хорватии устраивались народные балы. Хорват С. Врбанчич писал в 1845 г.: «Если посмотрим, какими средствами остальные народы, в особенности наши братья чехи, истребили чужой дух, который у них господствовал, как и у нас, и ввели национальный язык и национальный

дух в общественную жизнь, то увидим, что они достигли этого главным образом национальными развлечениями, как-то: национальный театр, национальные музыкальные академии, вечера, декламации и т. д.» [Лешиловская, 164].

С начала национального возрождения наиболее тесные связи словенских будителей завязались именно с чехами. Этому способствовал интерес, который чешские деятели, начиная с Добровского, проявляли к словенцам уже в конце XVIII в.

Конечно, нельзя не видеть двустороннего характера воздействия чешского национального движения и культурно-политических процессов у остальных славян Австрии. Многие в чешском движении было воспринято из Словакии. Такова, например, теория славянской взаимности Коллара, в свою очередь основывавшаяся как на словацкой, так и на чешской культурной традиции. Фольклор южнославянских народов явился одним из источников Краледворской и Зеленогорской рукописей, сыгравших роль в пропаганде национальных идей в чешских землях [510]. Сходство задач освободительной борьбы и социально-экономических ее предпосылок зачастую приводило к своеобразной цепной реакции в межславянских контактах, когда опыт отдельных славянских культур обогащал друг друга. Ярким примером может служить история создания «матиц», получивших популярность в кругах национальных движений славян и сыгравших роль в сплочении их рядов [Kimball, 1973]. Опыт Сербской матицы (1826 г.) был использован при создании в 1831 г. Чешской матицы, а в 1842 г. Иллирской матицы у хорватов и Галицко-русской матицы во Львове в 1848 г. Позднее аналогичные организации появились в Брно — Моравская матица (1852 г.), Турчански-св.-Мартине — Словацкая матица (1863 г.), Любляне — Словенская матица (1864 г.).

Важным каналом укрепления межславянских культурных связей и средством обмена опытом национальных движений стало книгоиздательское дело. Многие чешские научные и литературные издания имели подписчиков в Словакии. Приглашение подписываться на журнал «Светозор», редактором которого в 1834 г. стал Шафарик, было поэтому послано в Венгрию, где пропагандой чешских книг и журналов среди словаков занимались Г. Фейерпатаки-Белопотоцкий, Штур, а также книготорговец Килиан. Наиболее популярным среди словацких читателей стал в 1830-е годы журнал «Кветы», собравший вокруг себя лучшие силы чешской литературы. В свою очередь, ряд словацких журналов получил известность в чешских землях. Весьма благоприятно был принят словацкий журнал «Гронка», который Кузмани стал издавать в Банска-Бистрице в 1836 г. На его страницах появились статьи в поддержку замечательного произведения чешского романтизма — поэмы Махи «Май». Столь же положительно был воспринят в Чехии альманах Гурбана «Нитра» (1842 г.).

Чешская периодика являлась одним из источников информации в хорватских журналах. Так, в середине 30-х годов «Даница илирска» регулярно информировала о новинках чешской и словацкой литератур, сообщала о просветительных обществах, чешском театре, народных балах и Народном доме в Праге, об изучении чешской и словацкой молодежью славянских языков и т. д., помещала материалы по истории чешского и словацкого народа. Журнал протестовал против политики мадьяризации словаков. Дальнейшим шагом в межславянском общении стала взаимная публикация переводов, главным образом произведений художественной литературы. С 1820-х годов на чешский язык было переведено немало народных сербских, хорватских и словенских песен, а также сочинения Прешерна, Караджича, Кукулевича, Петра Негоша, Враза и др. [989]. Прага и Пешт стали двумя важными центрами славянского книгоиздания. Так, Эрбен оказал помощь Вразу при издании в Праге его сборника «Гусли и тамбуры». Усилия по развитию хорватской и словенской культуры вызвали доброжелательное отношение в чешской и словацкой среде. В частности, с одобрением было встречено здесь загребское издание «Коло» и ряд книг, в их числе сборник словенских народных песен Враза.

Литературные, научные и книгообменные связи дополнялись личными контактами деятелей национальных движений. Еще в 1784 г. Добровский посетил Братиславу, чтобы познакомиться со словацкими учеными. В последующие годы он установил деловой и дружеский контакт с Рибеем, переписка с которым представляет собой один из ценнейших источников по истории чешско-словацких культурных связей. Таблиц, Палкович и Коллар были знакомы и переписывались с Шафариком и Юнгманом. Научные контакты связывали Добровского со словенским филологом Копитаром, с которым переписывался и Шафарик.

В 1830-е годы, в пору радикально-демократического движения и возникновения тайных кружков и союзов, учащаются контакты между представителями молодого поколения чешского и словацкого национальных движений. В 1834 г. в Брно произошла встреча Кампелика с участниками словацкого и польского национальных движений, в том числе — со словаками С. Халупкой и Ю. Матушкой [847]. Речь шла об укреплении культурных контактов и достижении единства действий. Следующая такая встреча произошла в 1835 г. — на этот раз в Словакии, в г. Тренчин. Считая подобные связи плодотворными, Кампелик призывал чешскую молодежь к поездкам в Словакию для расширения взаимных знакомств.

Укрепились также культурные связи между представителями чешского, словацкого и южнославянских национальных движений. В конце XVIII в. Добровский побывал в Крайне, где стремился ближе познакомиться со словенскими будителями, в част-

ности с Кумердеем. Добровский вел переписку со многими словенскими патриотами: с Водником, Метелко, Дайнко, и особенно долгую и интересную — с виднейшим словенским ученым того времени Копитаром [700, с. 69, 121]. Метелко и Чоп переписывались с Шафариком. Последний был очень высокого мнения о научных познаниях Чопа и попросил его написать для своей «Истории южнославянских литератур» раздел о словенской литературе. Высоко ценил Прешерна видный деятель чешского национального возрождения Челаковский, опубликовавший в начале 30-х годов статью о словенском поэте в «Журнале Чешского музея». Неоднократно совершали поездки в Прагу вожди иллиризма Гай и Враз. Среди их знакомых и корреспондентов находились Шафарик, Коллар, Палацкий, Эрбен, Ганка, Гавличек-Боровский, Челаковский, Штур, Гурбан и др.

С хорватами и сербами, ближайшими своими соседями, у словенских национальных деятелей завязались отношения с конца 20-х годов XIX в. В 1828 г. в Граце молодыми сербами, хорватами и словенцами был создан Иллирийский клуб во главе с сербом М. Балтичем. В него входили хорваты Гай, Курелац, словенцы Муршец, Кочевар и др. [884, с. 3]. С распространением идей иллиризма связи словенцев с хорватами окрепли. С Гаем вели переписку Я. Блейвейс, О. Цаф, У. Ярник, В. Орожен, А. Сломшек, С. Враз, М. Маяр, П. Дайнко⁴⁷. Словенские иллиры Маяр, Кочевар и др. бывали в Загребе, где встречались с представителями иллирийского движения, а Враз с 1838 г. вообще переселился в столицу Хорватии. Сотрудниками «Даницы илирской» являлись Ярник и Сломшек [Novak, 1939]. Ряд словенцев участвовали в «Коло», издаваемом Вразом. Хорватские издания выписывали словенцы Маяр, Цар, Кочевар и другие.

С сербами таких тесных связей, как с хорватами, словенцы не имели. Однако Копитар очень много сделал для великого сербского ученого Караджича, поддерживая его материально и морально как в издании сербских народных песен, так и в реформе сербского языка и правописания. Копитар высоко ценил Караджича и отзывался о нем как о лучшей голове в Сербии и гении грамматики [905, с. 16].

Польское и украинское общественные движения в Галиции привлекали к себе внимание со стороны многих деятелей общественной мысли и культуры остальных славянских народов империи.

Из украинских ученых связи с Шафариком, Ганкой и Копитаром поддерживал Д. Зубрицкий. Особое значение имели контакты со славянскими учеными и литераторами для «Русьской троицы» — М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого. Дружба с прогрессивным чешским литератором Я. П. Коубеком, жившим во Львове, помогла им лучше ознакомиться с

проблемами национального возрождения славян. Деятельности «Руськой троицы» благоприятствовала поддержка со стороны Коллара, Шафарика, Копитара, литераторов Запа, Ф. Яхима и др. Успех «Русалки Днестровой» в Венгрии был не в последнюю очередь результатом дружественных связей Головацкого со словаком Колларом, хорватом Ф. Курелацием, сербами Т. Павловичем и Г. Петровичем, установленных во время обучения в 1834—1835 гг. в Пештском университете. Особое значение для идейного созревания «Руськой троицы» имело сотрудничество с польскими литераторами и фольклористами, преимущественно участниками политического подполья — А. Белевским, К. Вуйцицким, Ж. Паули, В. Подем, Л. Семенским, К. Туровским и др.

Связи, которые начали развиваться между деятелями славянских народов Австрийской империи в конце XVIII — первой половине XIX в., носили преимущественно литературный и научный характер. Они сыграли важную роль в развитии национального сознания. Во-первых, они содействовали взаимному сближению народов и усвоению их социальной и культурной практики. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что возникновение общественных организаций и очагов национальной культуры ускорялось вследствие использования примера национального движения других народов, что важнейшие процессы выработки национальных литературных языков были ознаменованы сотрудничеством ученых разных народов, что крупные события научной и культурной жизни одного народа (такие, например, как появление трудов Шафарика) вызывали широкий отклик и т. п. Во-вторых, межславянские связи в пределах и вне Австрийской империи содействовали выравниванию уровня культурного развития славянских народов и тем самым стимулировали ускоренный рост у них национального сознания, а следовательно, и освободительных устремлений. Высоким моральным авторитетом ввиду успехов чешского народа в разных сферах культуры и распространения антиабсолютистских идей пользовалось в кругах славян Австрийской империи чешское национальное движение.

Созыв в 1848 г. Славянского съезда именно в Праге, как признанном центре не только чешского, но в известной мере и общеславянского движения, был красноречивым свидетельством сказанному. Другим примером этого может служить положительное воздействие чешского национального движения на деятелей культуры лужицких сербов, имевших по традиции (с середины XIV в. до 1635 г. Верхняя и Нижняя Лужицы входили в состав земель чешской короны) тесные связи с Прагой. Усвоение опыта, накопленного чешским движением, было не последней причиной процесса формирования национального самосознания у небольшой славянской народности, лишенной государственно-правовых традиций и единства этнической тер-

ритории, разделенной политически и конфессионально в составе Саксонии и Пруссии и вынужденной отстаивать свои права в исключительно трудных социальных условиях. Одним из каналов культурных связей между чехами и лужицанами явился так называемый Вендский семинар, существовавший в Праге с 1706 г. и готовивший для Лужиц католических священников и учителей. С его деятельностью в эпоху национального возрождения связаны имена И. Добровского и Б. Больцано [1164, с. 6—7]. В 30—40-е годы XIX в. такие ведущие представители лужицких сербов, как Я. Иордан и Я. Смолер, учились в Праге [487], имели возможность вступить в личные контакты с Я. Пуркине и Ф. Челаковским, преподававшим в университете в Бреслау (Вроцлаве). Челаковский, в бытность его в Праге, и Палацкий поддерживали проект реформы лужицкого правописания, выдвинутый в 1830-е годы Х. Зейлером. Под влиянием опыта австрийских славян в Будишине по инициативе Смолера в 1845 г. была образована Сербо-лужицкая матица, начавшая с 1847 г. издание «Журнала Матицы сербской». В том же 1845 г., ориентируясь на чешский пример, Зейлер положил начало народным театрализованным концертам и шествиям, символизировавшим рост национального самосознания, под девизом: «Наше сербство восстает из праха» [Шолта, 268].

Политические связи национальных славянских кругов формировались в предреволюционные годы в условиях обострявшейся борьбы против политики мадьяризации в Венгерском королевстве и нарастания антифеодальных и антиабсолютистских устремлений во всех краях обширной империи. Среди славян в наиболее зрелой форме эти устремления выявились в польском и чешском обществе. Но австрославистская направленность чешского либерально-буржуазного движения вызывала критику со стороны польских революционеров. В отличие от сотрудничества в сфере культуры (литература, филологические науки и др.), для политических взаимоотношений между отдельными общественными группировками фактор этнического родства не играл столь существенной роли.

* * *

Развитие национально-освободительной борьбы в Австрийской империи, обусловленное положением народов в рамках многонационального государства, накладывало отпечаток на содержание и формы взаимосвязей между ними. В частности, важную роль во внутриимперских культурных контактах сыграла Вена, население которой отличалось этнической пестротой: наряду с австрийскими немцами здесь проживало много чехов, а также словенцев, венгров, итальянцев. К середине XIX в. смешанность этнического состава венского населения еще более усилилась. Не в последнюю очередь поэтому Вена — крупней-

ший многонациональный культурный центр — в глазах народов была не только олицетворением феодально-абсолютистского режима, но и местом, куда сходились многие нити их духовной жизни. Напомним, что именно в Вене началась в 1770-х годах деятельность ряда ведущих представителей венгерского Просвещения.

Но особенно заметным было значение Вены в культурном общении западных провинций. Немаловажным фактом было создание в Вене, на два десятилетия ранее, чем в Праге, кафедры чешского языка и литературы — в 1772 г. при Военной академии, в 1775 г. — при университете. Первым профессором этой кафедры был чех из Моравии В. Злобицкий. Он проявлял интерес к развитию чешской культуры и состоял в переписке с Добровским и рядом других ее деятелей. После смерти Злобицкого его преемником с 1811 по 1849 г. был чех Ян Громадко. Ему принадлежала заслуга издания в 1813—1818 гг. на чешском языке газеты «Виденские новины» («Венская газета») и литературного приложения к ней «Првотины пекних умени» («Дебют изящных искусств»). Здесь были напечатаны патриотические выступления Юнгмана, появлялись произведения начинающих чешских литераторов. В Вене протекала научная деятельность словенца Копитара, который общался со многими деятелями культур других славянских народов, в частности с Добровским. Последний вообще имел тесные контакты с Венной. В выходивших здесь «Ярбюхер дер литератур» («Литературные ежегодники») он поместил несколько важных для чешской и словацкой общественной мысли работ, включая рецензии на «Историю чешской литературы» Юнгмана и «Историю славянского языка и литературы» Шафарика.

Общие интересы борьбы против угнетательской политики Габсбургов создавали условия для установления контактов между национальными движениями славянских и других народов Австрийской империи.

Не подлежит сомнению, что, учитывая положение Венгерского королевства, укрепление связей между мадьярским и славянским движениями имело ключевое значение для перспектив освободительной борьбы народов империи. Для этого существовал ряд предпосылок. Крестьянин-венгр испытывал угнетение со стороны помещика не меньше, чем крестьяне других национальностей. Примечательно, что ни одно крупное народное выступление в Венгерском королевстве, начиная с крестьянского восстания под руководством Д. Дожи (XVI в.) и кончая революцией и освободительной войной 1848—1849 гг., не было по составу участников этнически однородным.

Классовая дифференциация населения Венгерского королевства дополнялась его крайней этнической пестротой, смешанностью расселения. Так, сербы жили не только на юге страны, но и в центре, т. е. в гуще венгерской этнической территории,

а словацкие поселения находились на юге и юго-востоке королевства. Венгерское население располагалось от границ Дунайских княжеств на юго-востоке до границ Галиции на северо-востоке, до Моравии и австронемецких земель на западе. Немецкий элемент, рассеянный по всей территории королевства, сыграл исключительную роль в развитии городов Венгрии.

Тысячелетнее совместное пребывание на одной территории Карпато-Дунайского бассейна, сосуществование в рамках одного государственного организма — Венгерского королевства — привели к складыванию между народами теснейших уз, результатом которых было взаимообогащение материального производства и культуры всех народов. Основой служили общность судьбы, длительная борьба против османских нашествий, а затем против австрийского господства, многообразные контакты. Взаимопроникновение национальных культур этих народов было столь всеобъемлющим, глубоким и органичным, что подчас трудно с достоверностью установить этническую принадлежность того или иного исторического памятника, созданного на этой территории, или явления в сфере народной культуры. Хотя народы королевства говорили на языках, относящихся к различным языковым группам — славянской, финно-угорской и романской, лексика венгерского, славянских и румынского языков имеет много общего.

В XVI—XVII вв. усилиями протестантских князей Трансильвании и саксонского бюргерства Брашшо (Брашова) и Надьсебена (Сибиу) в княжестве началось издание романоязычной литературы, в основном церковной. В XVIII в. в венгерских учебных заведениях Коложвара (Клужа) Надьсомбата (Трнава) и Буды учились многие выдающиеся влашские деятели.

Результатом теснейшего общения было появление деятелей культуры, которых разные народы с полным основанием считают своими национальными учеными и писателями. Так, начало и расцвет раннего венгерского Просвещения неразрывно связаны с именем Матьяша (Матвея) Беля и основанной им школы. Сын словака-мясника и мадьярской дворянки, ставший после возвращения из Германии ректором пожоньского (братиславского) евангелического лицея, Бель был пионером реорганизации системы образования на рационалистических принципах Просвещения. Он отстаивал необходимость распространения культуры на родном языке и был основателем первой регулярно выходившей в Венгрии с 1721 г. газеты. Бель считал себя по происхождению и родному языку словаком, по образованию немцем, по принадлежности к «политической нации» венгром. И таких примеров немало. Так, хорвата по происхождению, замечательного полководца XVI в. Николу Зринского (по-венгерски — Зрини Миклош) или словака по рождению С. Тешшедика (Тешшедик Шамуель) мадьяры считали и считают «своими», так же, как и народы, из среды которых они

вышли. И в этом следует видеть не «соперничество», не «присвоение» выдающихся деятелей прошлого, а результат реального длительного исторического схождения и совместного творчества народов в самых различных областях человеческой деятельности.

Подобно Вене, в духовной жизни угнетенных народов западных провинций империи огромную роль в налаживании контактов между представителями всех народов Венгерского королевства сыграл Пешт-Буда, который с конца XVIII в. становится центром культурной жизни не только мадьяр, но и других народов. Именно в Пеште состоялась встреча Коллара и Гая; здесь хорватский деятель ознакомился «из первых рук» с концепцией Коллара и учением о четырех «главных наречиях» «славянского языка», способствовавшим теоретическому обоснованию иллиризма, а в свою очередь, Коллар получил важные для него сведения о языковой ситуации у южных славян.

Начиная с 1795 г., когда закупленная венгерским кардиналом Й. Баттьани в Вене типография с кириллическим шрифтом была передана им Пештскому университету, венгерская столица стала основным центром издания книг на церковнославянском и румынском языках. Будайская типография Пештского университета до 1830 г. имела привилегию на печатание книг на сербском и других «восточных» языках на всей территории империи [1056, с. 157].

В числе первых изданий будайской типографии находилась библия на старославянском языке, заказанная мукачевским униатским епископом. Она печаталась с 1796 по 1805 г. по московскому и киевскому образцам [663, с. 112]. Среди наиболее значительных изданий типографии можно отметить: шеститомный труд Бернолака «Лексикон славнум» (1825—1827 гг.), словарь Палковича, произведения Коллара, в том числе «Дочь Славы», эпос о Кирилле и Мефодии (Ян Голлый). Здесь увидели свет работы украинцев Духновича и Шашкевича, в том числе «Русалка Днестровая» (1837 г.). Будайская типография выпустила 13 книг на болгарском языке, включая исторический труд Пансия Хилендарского, с которым связывается начало болгарского национального возрождения. Она же поставила шрифт для создания первой болгарской типографии [Ага-т6, 1975].

Основную продукцию типографии составляли сербские книги. Первой, выпущенной в конце 1795 г., была работа пештского медика Ференца Шрауда о защите против холеры. В 1799 г. Н. Лазаревич издал для сербов биографию А. В. Суворова и перевод «Робинзона Крузо» Дефо. Будайской типографией были напечатаны книги выдающихся деятелей сербской культуры Обрадовича, Орфелина, Мушицкого, М. Витковича, Й. Раича, И. Вуича и других. Обширной была и география распространения печатной продукции типографии. Она имела агентов-

распространителей в Обуде, Пече Сегеде, Секешфехерваре, Дьере, Кечкемете, Карловаце, Осиеке, Нови-Саде, Сомборе, Загребе, Львове, Ужгороде, Орадя. (В Сербии, в Крагуеваце, печатание книг было налажено лишь в 1826 г.). В Буде и Пеште сербы познакомились с национальными устремлениями венгров, с их театром, книгами и газетами. Все это повлияло на сербскую духовную жизнь. «Пешт был в то время центром духовной жизни сербов, так же как и их экономической жизни» [1056, с. 165].

Не случайно, что именно в Пеште начала деятельность в 1826 г. Матица сербская, созданная по примеру основанной за год до этого Венгерской академии наук. Орган матицы «Летопис», сыгравший важную роль в национально-культурном движении сербов, печатался в типографии Пештского университета. Пропаганда идей славянской взаимности, критика мадьяризаторских тенденций, отстаивание национальных прав сербов не мешали журналу занимать лояльную позицию и в отношении мадьярского национального движения и к общему отечеству — Королевству Венгрии. В журнале сотрудничал М. Виткович (Витез Михай), поэт, писавший как на сербском, так и на венгерском языках и много сделавший для взаимного ознакомления и сближения обеих культур. В связи с выходом в 1833 г. в Карловаце хорватской брошюры на немецком языке «Должны ли мы стать мадьярами?», в которой указывалось, что любовь к общей родине — Венгрии не исключает привязанности к собственной национальности, языку и культуре, журнал «Летопис» требовал достойного отношения к последним, ибо только в таком случае славяне «будут охотнее изучать венгерский язык» [Kindlovics, 1976].

Видная роль принадлежит Будаийской типографии в издании и распространении (в том числе в княжествах Валахия и Молдова) наиболее значительных произведений зарождавшейся национальной литературы румын, в том числе произведений С. Мику, Г. Шинкаи, П. Майора и других трансильванских просветителей и идеологов румынского национального движения. В указанных работах, авторы которых были цензорами и корректорами, т. е. по существу редакторами типографии, и находились в тесном контакте с представителями венгерской научной и культурной общественности, были заложены основы литературного языка, нового алфавита, орфографии и грамматики, а также принципы национальной идеологии — о происхождении румынского языка от классической латыни (С. Мику) либо от вульгарной латыни (П. Майор), дакорумынской концепции автохтонности и континуитета, происхождения румын от древних римлян. Для атмосферы, в которой развевталась деятельность типографии, характерно, что в это время еще — вплоть до 40-х годов XIX в. — подобные концепции и взгляды не вызвали резких возражений со стороны представителей вен-

герского национального движения, хотя они и шли вразрез с их представлениями об истории Венгрии и Трансильвании (впрочем, как и в случае издания книг Коллара, Шафарика и других). Всего типографией было издано в 1777—1848 гг. 278 книг на румынском языке, в том числе 17 учебников и пособий, 6 художественных, 18 научных и т. д.

Со второй половины XVIII в. устанавливаются контакты между учеными Венгерского королевства и чешских земель. Уже в 1760—1770-е годы Добнер переписывался с венгерским историком И. Праем — их обоих интересовали проблемы истории Великоморавской державы, легенда о Яне Непомуцком и др. Тесные связи сложились у Добровского, интересовавшегося памятниками славянской письменности на территории Венгрии, с историками и филологами М. Янковичем, Ф. Сечени, И. Энгелеи и др. [1160, с. 145—150].

Широкий отзвук в чешской общественности вызывала освободительная борьба венгерского народа против Габсбургов, в особенности «якобинское движение», разгромленное в 1794 г. [Pražák, 1971—1972]. В первых десятилетиях XIX в. усилились связи между представителями венгерской, чешской и словацкой интеллигенции из среды протестантов [902]. Тесные контакты с венгерскими учеными поддерживали Палацкий и Шафарик. Один из деятелей венгерской культуры А. Тайз в 1827 г. с уважением отзывался о «Дочери Славы» Коллара как о «знаменитом, драгоценном стихотворении» [1160; Fried, 1973]. Высоко оценивали и ссылались на опыт венгерского национального движения Гавличек-Боровский, Челаковский, Кампелик, об успехах венгерской литературы писали в 1840-е годы чешские журналы «Кветы» и «Ческа вчела» [Chmel, 1035].

Однако в десятилетия, предшествовавшие революции 1848 г., контакты между венгерским и славянским движением омрачались нараставшей волной шовинизма мадьярского дворянства и буржуазии, отказывавшихся признавать национальные права других народов, живших в пределах земель короны св. Иштвана. В особенности это касалось национальной самобытности словаков. Уже в 1820—1830-е годы ряд венгерских журналов называл национальные права словаков «сном или смешной мыслью». Более того, в 1832 г. государственное собрание приняло постановление о планомерном распространении венгерского языка среди словацкого населения [361]. Естественно, что подобные шаги вызывали со словацкой стороны ответную реакцию, проявившуюся, в частности, в позиции Штура и других руководителей словацкого национального движения 1840-х годов [Butvin, 1966].

За внешними проявлениями национальной розни нужно видеть глубокие социальные причины, отражавшие противоречия интересов имущих классов, прежде всего — венгерского либерального дворянства и сформировавшейся буржуазии, а также

находящейся в процессе становления инациональной буржуазии. Кроме сказанного, к социальным условиям относились противоречия между мадьярскими помещиками и массами инационального крестьянства, что делало нараставший конфликт особенно глубоким. Не вызывает сомнения, что этническая пестрота Венгерского королевства (как и чешских земель) делала процесс формирования буржуазных отношений и связей особо мучительным, болезненным, сложным.

Показательно, что конфликты имели место и между этнически родственными движениями, лежавшими, казалось бы, в сфере «национальных симпатий». Таково, например, отрицательное отношение чешских буржуазных деятелей и идеологов иллиризма к языковой реформе в Словакии. В Галиции уже проявлялся национальный конфликт, в основе которого прежде всего находились корыстные интересы польских помещиков, а в дальнейшем — и украинской буржуазии.

Чем ближе к событиям революции 1848 г., тем сильнее сказывалось значение социальных аспектов национальных движений. Это прослеживается на примере связей с освободительной борьбой итальянского народа.

Италия и итальянская культура издавна привлекали к себе интерес и внимание многих деятелей славянских освободительных движений. Интерес этот был взаимным и не в последнюю очередь базировался на давних традициях италяно-славянских культурных связей в пределах Австрийской монархии, на той роли, которую итальянское искусство играло здесь в XVIII — начале XIX в. [476]. В 1837 г. Палацкий работал в Ватиканском архиве, выявлял источники по чешской истории. Сделанные им находки он описал в своем «Литературном путешествии в Италию». Мысль о славянских корнях древних италийцев, соответствовавшая романтическим представлениям о былом величии славянских народов, заставила Коллара в 1841 и 1844 гг. посетить Италию. Посмертно изданы его путевой дневник и книга «Древнеславянская Италия». Незадолго до революции 1848 г. Ригер побывал в Венеции, Вероне, Флоренции, Риме и Неаполе, а попутно еще в Белграде, Хорватии и Далмации.

Связи революционеров Италии и народов Австрийской империи во многом содействовал Дж. Мадзини, который с начала 30-х годов возглавил революционное, буржуазно-демократическое направление в освободительном движении Италии. Убежденный в необходимости противопоставить фронту реакционных правительств союз народов, Мадзини в 1834 г. основал «Молодую Европу», в задачи которой входило, в частности, руководство борьбой народов, испытывавших национальный гнет. В «Акте братства» этой организации провозглашалась «солидарность народов», их «наступательный и оборонительный союз», необходимость и законность вооруженной взаимопомощи [800, т. 4, с. 19]. Среди подписавших декларацию «Молодой Евро-

пы» были представители польской эмиграции — Штольцман, Гордажевский, Дыбовский и Новосельский. Группа «Молодая Польша» стала составной частью «Молодой Европы». В этом отразились ранее налаженные Мадзини связи с польской демократической эмиграцией. Подготавливая восстание в Италии, Мадзини уже в 1833 г. стремился сочетать его с революционными выступлениями в польских землях, особенно в Галиции. Польские, а также немецкие и французские эмигранты и революционеры должны были оказать и непосредственную вооруженную поддержку намечавшемуся итальянскому восстанию. Со своей стороны итальянцы обязались, завоевав свое освобождение, принять участие в борьбе за независимость польского народа. Задуманное Мадзини предприятие (вторжение в Пьемонт через Савойю) окончилось неудачей, однако экспедиция в Савойю и создание «Молодой Европы» открыли новую главу в отношениях между польскими и итальянскими патриотическими кругами в борьбе за национальную независимость обоих народов. Лозунг «за вашу и нашу свободу» был перенесен на почву практической, революционной борьбы.

Итальянские карбонарии, содержащиеся в заключении в замке Шпильберг в Брно, стремились установить контакты с представителями революционного и демократического движения славянских народов.

Контакты Мадзини с польскими демократами снова оживились в 1840-е годы. Поляки помогали Мадзини, перевозя из Лондона в Швейцарию, а затем в Италию мадзинистскую газету «Апостолато пополяре». С середины 1840-х гг. выдвигаются планы совместных революционных выступлений итальянцев и поляков. Мадзини пытался через Лелевеля согласовать восстания в Италии с действиями поляков, готовивших восстания в Галиции, Силезии, Познани и Королевстве Польском. Краковское восстание 1846 г. побудило польских демократов обратиться к Мадзини с призывом организовать вооруженное выступление в Италии в поддержку восставших. Тогда же сторонники Мадзини предложили организовать польско-итальянскую экспедицию в Ломбардию, и эта идея нашла отклик у «Демократического общества», которое в 1847 г. участвовало в обсуждении плана организации отряда из 600 поляков с целью атаковать Милан, действуя через швейцарскую границу. С другой стороны либерально-аристократическое крыло польской эмиграции вступило в контакт с итальянскими либералами в расчете на поддержку папы и сторонников пьемонтского короля Карла-Альберта [Zychowski, 1962]. В целом среди польской эмиграции накануне революции 1848 г. распространилось убеждение, что борьба с Австрией увенчается успехом, если она будет опираться на итало-славянский союз [Pierazzi, 801].

Социальные и политические интересы всегда определяли симпатии и ориентацию политических группировок — независи-

мо от этнического родства,— и это шло на пользу сплочению всех освободительных сил. Характерно, что Мадзини, как отмечалось выше, справедливо полагал, что шовинизм наносит вред интересам всех народов Венгерского королевства.

Едва ли не уникальным примером революционных связей между народами Австрийской империи являлась деятельность военной организации «Союза военнослужащих-демократов» в Галиции во второй половине 30-х годов.

Таким образом, взаимосвязи угнетенных народов Австрийской империи были широкими и имели многообразные формы — от книгообмена и переписки ученых и писателей до создания революционных кружков и объединений. Это были связи между освободительными движениями народов в пределах габсбургской монархии; связи с другими славянскими народами, в том числе с деятелями общественного движения в России; связи с идейно-культурным движением и освободительной борьбой на европейском континенте, а также в Америке. Каждое из этих направлений с различной степенью интенсивности проявлялось на разных этапах национальных движений у народов Австрийской империи.

Рассмотренное подтверждает, что межнациональные контакты не существуют «вообще», вне реальных социально-экономических, политических, культурных и иных факторов своего времени. Та или иная эпоха с характерными для нее социальными конфликтами, классовыми интересами и соответствующими идеологическими представлениями накладывает на эти связи свою печать.

Контакты между общественными движениями сопровождали развитие общественной мысли и культуры народов и оказывали на него существенное воздействие.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Сопоставляя пути развития общественной мысли и формирования программ освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи до 1848 г., можно обнаружить присутствующие им черты различия, возникавшего под воздействием особенностей экономического, социального и государственно-правового положения отдельных земель монархии, и сходства, порожденного типологической общностью развития этих народов в эпоху складывания наций и формирования национального самосознания. В этой связи остановимся на общей оценке происходивших в тот период идеологических процессов, на характеристике их основных этапов и форм и на анализе их социальной обусловленности, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «лучшей проверкой... доводов является изучение отношения к вопросу разных классов общества»¹.

1. Национально-освободительные движения как система

Складывание наций у народов Австрийской империи было длительным, хронологически неравномерным и противоречивым процессом, на который воздействовали не только базисные (разложение феодализма и рост буржуазных отношений), но и надстроечные факторы. Все же этот процесс создавал некую целостность, позволяющую видеть в данной эпохе не только черты особенного, но и черты общего. Не случайно В. И. Ленин, указывая, что «сравнение политического и экономического развития разных стран [...] имеет громадное значение с точки зрения марксизма», предостерегал от формальных, необоснованных опытов таких сравнений: «Азбучным условием при этом является выяснение вопроса *сравнимы* ли исторические эпохи развития сравниваемых стран»².

Выше отмечалось, что развитие отдельных земель и даже подрегионов Австрийской империи отличалось неравномерностью. В области экономики, например, промышленно разви-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 278.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 268.

тые области, включавшие прежде всего собственно Австрию и чешские земли, значительно отличались от аграрной восточной части империи. В то же время некоторые территории занимали промежуточное место между теми и другими. Эта неравномерность определяла и различия в характере и динамике процессов разложения феодализма и роста буржуазных отношений, в целом более интенсивно протекавших в западных областях.

С экономической и социальной неравномерностью в развитии земель Австрийской империи оказывалось тесно связанным и различие в их государственно-правовом статусе, который демонстрировал все больший архаизм политической системы феодально-абсолютистской империи. Известно, что с юридической точки зрения само образование и расширение ее отчасти зиждилось на установлении в прошлом «личной унии», что, например, было официально закреплено в титуле австрийских монархов: король Венгрии, Чехии, Далмации, Хорватии, Славонии, Галиции, эрцгерцог Австрии и т. д. Характерно, что на протяжении всего рассматриваемого периода и правительство, земские сословия, и многие представители освободительных движений венгров, хорватов, чехов и других народов уделяли отмеченному обстоятельству значительное внимание. Насколько это учитывалось во внутривнутриполитической борьбе, лучше всего видно на примере Венгрии. Лозунги земской и национальной автономии и учреждения особых «придворных канцелярий» не только брались время от времени на вооружение феодальными сословиями, не только использовались представителями освободительных движений, но и служили своего рода разменной монетой для венского правительства, строившего свою политику на сговоре с подвластными народами под лицемерными обещаниями «поддержки» тех или иных национально-земских устремлений.

Такая ситуация создавала дополнительные трудности зарождавшимся национально-освободительным движениям и одновременно порождала различия между национальными движениями народов, находившихся в различном государственно-правовом положении. Показательно, например, что согласно доктрине венгерских либералов 1840-х годов в пределах земель короны св. Иштвана проживало только два «исторических» народа — венгры и хорваты. Остальные же — словаки, сербы, украинцы и валахи, как не обладавшие государственной организацией и «полной» социальной структурой, считались «неисторическими». (Деление народов на «исторические» и «неисторические» было широко распространено в европейской буржуазной науке первой половины XIX в. и обладало чертами нормативности) [540].

Различия в экономическом, социальном и государственно-правовом положении народов Австрийской империи накладывали печать на политическую жизнь монархии, воздействовали

на развитие общественной мысли и программы освободительных движений. Влияние этих факторов влекло за собой те «бесконечные вариации и градации» в пределах одного и того же экономического базиса, о чем в общеметодологическом плане писал К. Маркс³.

И все же у угнетенных народов Австрийской империи было нечто общее, что сближало и делало типологически сходным развитие общественной мысли и программ формировавшихся освободительных движений. Это были взаимосвязанные объективные процессы складывания экономических связей в пределах Австрийской империи и консолидации наций. Складывание общеавстрийского рынка на основе интеграции региональных рынков было длительным процессом, который на протяжении большей части рассматриваемого периода был еще далек от завершения. Важнейшим фактором, оказывавшим влияние на характер формировавшихся рыночных связей, были отмеченные выше различия между преимущественно промышленными и преимущественно аграрными областями.

Правительственные меры, воздвигавшие барьер на пути экономической интеграции западных и восточных частей империи, не только оказывали отрицательное влияние на складывание общеимперского рынка. Независимо от видов правительства подобные меры влекли за собой широкие и далеко идущие, отнюдь не всегда предусматривавшиеся Веней, последствия в социальной, политической, идеологической и культурной сферах. Они сказывались, в частности, на специфике формирования наций у народов империи.

Главная особенность этого процесса заключалась в том, что он осуществлялся не в рамках национальных государств, которые представляли собой «нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии»⁴, а в условиях феодально-абсолютистского и полиэтнического государства. В этой ситуации происходил своеобразный процесс, именуемый часто «национальным возрождением» или «национальным пробуждением».

Термин «национальное пробуждение» встречается в трудах В. И. Ленина⁵. При понятной условности этого обозначения (о чем уже говорилось во введении), оно имеет традицию в историографии, в том числе чехословацкой, югославской и советской [см.: Дьяков, 309]. Для периода национального возрождения было характерно выдвижение национально-культурных и социально-политических программ, борьба за упрочение и развитие национальных языков и литературы, вовлечение в движение все более широких масс, стремившихся утвердить

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 421.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.

свою этнокультурную общность и преодолеть препятствия на пути национального развития. Ленин отмечал, что этот этап национального движения, происходившего в период становления капитализма, имел общедемократический характер: «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение и т. д.) и создание национального государства»⁶.

Фактором, позволяющим говорить о периоде национального возрождения у тех или иных народов, является национальный гнет, тормозивший конституирование нации.

Сказанное порождало типологическую общность механизма становления наций, отражавшегося в сходстве развития общественной мысли, выработки программ, форм и методов освободительных движений, независимо, в конечном счете, от их этнической окраски.

Отмеченная общность вместе с тем коррелировалась различиями в уровне экономического развития этнических территорий, отсутствием или наличием «своего» господствующего феодального класса и его отношением к национальным проблемам, административным статусом земель, формой церковной организации и т. п. Взятые во взаимосвязи, эти обстоятельства не только позволяют выявить региональные черты, но и делают возможной типологизацию процессов развития общественной мысли и освободительных программ на основе их сравнительно-исторического — диахронического и синхронического — осмысления [Мыльников, 309].

«Пока разные нации живут в одном государстве, — писал В. И. Ленин, — их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»⁷. Поэтому освободительные движения следует рассматривать не изолированно друг от друга, а как взаимосвязанную систему, функционировавшую в рамках Австрийской империи. Отсюда следует и другой вывод — существование державы Габсбургов деформировало национальные процессы не только у угнетенных народов, но и у привилегированной австронемецкой этнической общности.

2. У истоков австрийского самосознания

Проблема формирования австрийской нации заслуживает, ввиду своей сложности и неразработанности, особого исследования. В данном случае коснемся лишь тех ее аспектов, которые существенны для понимания путей развития национально-освободительных движений в империи рассматриваемого периода.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 174.

Первые, во многом еще спорадические симптомы складывания в умах современников представлений об австронемецкой общности как отличной от общности общегерманской, прослеживаются с XVIII в. Они находят проявление не только в области общественной мысли и культуры, но и в курсе Габсбургов на фактическое отделение своих земель от внеавстрийских немецкоязычных территорий. С последней трети XVIII в. это получает оформление в концепции внутренней и внешней политики Вены. «Обособление немецкой Австрии от остальной Германии,— отмечал Ф. Энгельс,— начатое введением Иосифом II покровительственных пошлин, усиленное полицейским режимом Франца I в Италии и доведенное до крайних пределов ликвидацией Германской империи и образованием Рейнского союза, фактически сохранилось еще в силе и после 1815 г. Меттерних создал между своим государством и Германией настоящую китайскую стену»⁸.

Подобные факторы стимулировали появление в духовной жизни Австрии региональных черт, по сути дела означавших складывание локального австронемецкого самосознания. Процесс этот был вызван к жизни объективными условиями существования габсбургской монархии и далеко не сразу и не всегда адекватно осмыслился людьми того времени. Сказанное в частности подтверждается тем, что ранее всего австронемецкое этническое самосознание стало проявляться не в области идеологической деятельности, а в сфере общественного сознания и культуры. Основание австрийского профессионального театра с характерными только для него и уже отличавшимися от театра общенемецкого героями связывается с деятельностью на рубеже XVII—XVIII в. Й. Страницко, чеха по происхождению [Путинцева, 298]. К этим же десятилетиям относилась и выработка так называемого имперского стиля венской архитектуры. Одним из блестящих порождений австрийской культуры стала во второй половине XVIII в. известная музыкальная школа венских классиков, вобравшая в себя традиции музыкальной культуры ряда соседних народов Дунайского бассейна.

Примерно с середины XVIII в. зарождавшееся австрийское (австронемецкое) самосознание начинает осмысливаться идеологически. Одним из проявлений этого можно считать теоретическую и практическую деятельность «венских великанов» — Г. ван Свитена, П. Ригера, К. Мартини и, особенно, Й. Зоненфельза, по меткой характеристике Е. Пристера, одного из самых «левых» среди окружения Марии-Терезии [239, с. 251].

«Венские великаны» выступали в качестве приверженцев идей Просвещения, которые они стремились приложить к австрийским условиям. Многие их рекомендации, несмотря на отрицательное отношение набожной императрицы к просветитель-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 432.

ской философии, были реализованы правительством в экономической и административной сферах.

На формирование взглядов Зоненфельза и других деятелей австрийского Просвещения преимущественное влияние оказали труды французских, английских и немецких просветителей. Однако никто из «венских великанов», развивая мысли о свободе и равенстве, об общественном договоре и других постулатах европейского Просвещения, не заходил слишком далеко в политических выводах. Наибольшую популярность приобрел Зоненфельз, который был не только ловким политиком, но и талантливым компилятором. Он привел в необходимую стройность применительно к австрийским государственно-правовым учреждениям систему естественного права, внося в нее идейную редакцию в духе австрийского «просвещенного абсолютизма». Кроме того, он выступал как журналист и писатель, завоевав известность борьбой против средневекового обскурантизма и проповедью буржуазной морали «естественного» человека. Значительное воздействие оказал он, в частности, на идейное и культурное развитие в чешских землях, где в 1770-х годах приверженцы Зоненфельза вели ожесточенную полемику с защитниками общегерманских духовных ценностей [1139, с. 79—84, 134]. В итоге позиция Зоненфельза казалась и современной и одновременно отвечавшей видам венского правительства. А это, обеспечив ему общественный и читательский успех, одновременно выдвинуло его в разряд официозных идеологов.

В годы французской буржуазной революции, несмотря на преследования властей, в Вене, Инсбруке, Граце и других австрийских городах возникли демократические кружки, решительно осуждавшие деспотический произвол, приветствовавшие первые успехи революционной армии в борьбе против австрийских интервентов, требовавшие прекращения непопулярной в народе войны. На базе этих кружков впервые в австрийской истории возникло демократическое движение. По инициативе и под руководством венгерского якобинца И. Мартиновича в Вене было создано тайное «Общество свободы и равенства», ставившее своей непосредственной целью прекращение войны, упразднение цензуры и тайной полиции. В дальнейшем его члены предполагали добиваться конституционной монархии, ответственного перед народом правительства, предоставления всему народу гражданских прав, включая участие в управлении государственными делами. Австрийские якобинцы во главе с офицерами А. Риделем и Ф. Хебенштрайтом, установившими через эмиссаров, посланных в Париж, контакт с Комитетом общественной безопасности, готовили военный переворот. Однако 24 июля 1794 г. заговор был раскрыт, трое его руководителей повешены, другие приговорены к длительному заключению.

После полосы безвременья первых десятилетий следующего века, в 1830—1840-х годах австрийская общественная мысль

пережила новый подъем. В этот период возникает антифеодальная публицистика, оживленно обсуждаются состояние и перспективы существования империи Габсбургов. Вопросы эти трактовались по большей части в духе зарождавшегося австрийского либерализма и по необходимости затрагивали проблему австронемецкой этнической общности.

Часть авторов выступала с позиций австронемецкого буржуазного национализма. Так, А. Гросс-Хоффингер (Г. Норманн) в работах «Австрия как она есть» (1833 г.) и «Книга свободы или дух XIX века» (1834 г.) подчеркивал, что несколько веков существования габсбургской монархии не сплотили проживающие в ней народы в единое целое⁴⁸. Для этого, по мнению автора, необходимы меры по преодолению «провинциального патриотизма» и широкое распространение немецкого языка. Наиболее выпукло националистические взгляды Гросс-Хоффингера проявились в его отношении к венгерскому и чешскому национальным движениям. «Национальное высокомерие» мадьяр и их «слепая любовь к родине», по его словам, мешают им понять, что Венгрия может существовать лишь с помощью Австрии. Что же касается чехов, то воспоминания о былой самостоятельности Чехии, как полагал Гросс-Хоффингер, не более, чем «исторический памятник»; наступил конец истории чешского народа и его языка, а вместе с ними и «навязчивой идее чешского патриотизма». Подобные аргументы нужны были автору для утверждения тезиса о жизнеспособности Австрии как государства, давно уже отделившегося от остальной Германии. «У австрийских немцев,— писал он,— с остальными немцами нет ничего общего, кроме языка» [752, с. 23, 24].

С другой стороны, немец из Чехии Ф. Шузелка исповедовал радикальный немецкий национализм. Он был убежден, что и Чехия и Австрийская империя в целом могут сохраниться только как немецкие страны⁴⁹. И только немногие идеологи тех десятилетий выход из создавшейся ситуации видели в удовлетворении Австрией национальных чаяний подвластных ей народов.

В одной из анонимных брошюр, изданных в Лейпциге в 1844 г., говорилось, что Австрия откроет «новую эру» в своей истории и «вольет в свои старческие члены свежую и динамическую юношескую силу», если не только откажется препятствовать «свободному, самостоятельному развитию» находящихся под ее властью национальностей, но и всеми силами будет его поддерживать⁵⁰. Но подобные взгляды были скорее исключением, чем правилом.

Во всяком случае австрийское (австронемецкое) этническое самосознание в эти десятилетия становится историческим фактом. По мнению некоторых исследователей, уже в тот период немецкоязычное население Австрии считало себя в первую очередь австрийцами, и лишь потом немцами [1016, т. 2, с. 207].

Правильная оценка подобных обстоятельств едва ли воз-

можно вне учета как исторической перспективы, так и особенности условий, в которых начиналось формирование австрийской нации. С одной стороны, австрийское региональное развитие впитывало в себя не только духовный потенциал немецкоязычного населения как своей базы, но и многие элементы общественной мысли и культуры других народов, прежде всего венгров, чехов и итальянцев [Winter, 347]. Отмеченное обстоятельство отвечало и особенностям этнической истории австро-немецкого населения. «Это,— подчеркивал Энгельс,— смешение рас: немецкие элементы, привитые на кельтскую (норик) основу, с сильной примесью славянских элементов,— так что в них соединилась кровь трех главных европейских рас»⁹.

С другой стороны, ход австрийской духовной и этнической интеграции отличался неравномерностью территориального распространения, а потому и известной неполнотой. В большей мере он шел из Вены и охватывал Нижнюю Австрию и в меньшей мере немецкоязычную периферию, особенно Тироль. Но и с учетом таких исключений австрийское региональное развитие эволюционировало как этнокультурный феномен, обогатившийся духовным опытом народов габсбургской монархии и приобретавший благодаря этому черты своеобразия, с течением времени все более отличавшие его от остальных немецкоязычных стран [Moritsch, 1975].

Наконец, еще одна особенность начального этапа формирования австрийской нации заключалась в воздействии общегерманских государственно-правовых и культурных традиций и в немецкоязычной форме их проявления. Одним из показателей этого стал курс венского правительства на германизацию подвластного населения. Уже главная цель Иосифа II, по упоминавшимся ранее словам Маркса, «состояла в централизации и полной германизации австрийской монархии»¹⁰, которая одновременно все более обособлялась «от остальной Германии»¹¹. В первые десятилетия XIX в., особенно после формальной ликвидации в 1806 г. средневековой «Священной римской империи», германизация как метод достижения бюрократического объединения Австрийской империи становится одним из краеугольных камней политики Франца I и Меттерниха.

Все это влекло за собой далеко идущие последствия. Во-первых, отмеченные черты тормозили процесс субъективного осознания самого бытия австро-немецкой этнической общности и ее самосознания, отличного от самосознания общенемецкого. Во-вторых, это зачастую приводило к смешению собственно этнического австрийского (австро-немецкого) самосознания с самосознанием имперским, которое в свою очередь не всегда

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 107.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 106.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 432.

четко отделялось от самосознания общегерманского. В итоге для рассматриваемого периода можно говорить о бытовании трех уровней австронемецкого самосознания, нередко переплетавшихся между собой: австронемецкого этнического, имперского и общегерманского. Более четкая дифференциация их была еще делом сравнительно отдаленного будущего.

Внутренние противоречия, присущие подспудному процессу зарождения австрийской нации, в той же мере, в какой они затрудняли выработку австрийского национального самосознания, стимулировали и ответную реакцию со стороны угнетенных народов, переживавших эпоху консолидации наций в обстановке попрания их прав со стороны правящих кругов империи.

3. Этапы развития общественной мысли и идеологии национально-освободительных движений

Неравномерность экономического, социального и государственно-правового развития в различных землях монархии влекла за собой и неравномерность эволюции общественной мысли и вызревания программ национально-освободительных движений. В результате на каждом отрезке времени в системе внутривосточной и культурной жизни Австрийской империи конца XVIII — середины XIX в. сосуществовали движения, находившиеся как на сходных, так и на разных стадияльных уровнях. Поэтому в основе их сравнительной характеристики должен лежать не только хронологический, но, прежде всего, типологический подход. Он предусматривает сопоставление этапов, хотя бы не всегда совпадавших по времени, но обладавших общностью содержания. В этом смысле история национально-освободительных движений в Австрийской империи может быть разделена на два основных этапа.

Независимо от времени зарождения освободительных движений, основное содержание их первого этапа заключалось в разрыве с феодальным идейным и культурным развитием и переходе к выработке новой, по тому времени прогрессивной, идеологии буржуазного типа. Для идеологов формировавшихся общественных движений было присуще обращение к вопросам культуры, к развитию и совершенствованию языка и закреплению его в литературе, к пропаганде народности в искусстве и созданию отвечающей эстетическим нормам системы художественной культуры, к воспитанию национального патриотизма, т. е. к сумме духовных ценностей, которые в идеологической форме отражали процесс формирования наций и национального самосознания у народов не только раздробленных административно, лишенных государственной независимости, но зачастую и в идейном отношении находившихся под воздействием

феодално-клерикального мироощущения. При этом у народов с «полной» социальной структурой (венгры, итальянцы, поляки, хорваты), либо там, где существовали органы земского представительства (чехи) или игравшие общественную роль национальные церковные организации (сербы), наряду с разработкой культурно-языковых вопросов большую или меньшую роль уже на раннем этапе играли политические требования. Наиболее полно они проявились в ходе так называемого конституционного сословного движения начала 1790-х годов. Однако далеко не во всех случаях это движение было непосредственно связано с национально-освободительным, т. е. антифеодалным и антисловным движением.

У народов, лишенных государственных традиций и не имевших «своего» феодального господствующего класса, для первого этапа национального движения, который поэтому, в противоположность следующему, преимущественно политическому этапу, часто именуется «языковым», лозунги культурно-языкового характера были не только типичными, но и господствующими. Следует иметь в виду, что эти лозунги объективно отнюдь не были нейтральными в социально-политическом отношении: в них воплощалось стремление к ликвидации монополии феодального инонационального дворянства в общественной жизни.

Идейное становление первого этапа у всех угнетенных народов Австрийской империи было постепенным. Ему предшествовало определенное, у разных народов различное по длительности, время, которое знаменовалось тенденциями перерастания феодальных народностей в новые этносоциальные общности — нации. В «предвозрожденческие» десятилетия, которые порой нелегко отделить от собственно национального возрождения (полнее всего этот феномен прослеживается на чешском, венгерском и словацком материале XVIII в.), начинают заново осмысляться прошлое и настоящее народов, их культура и язык, их генетические и духовные взаимосвязи.

У большинства народов габсбургской монархии ранняя фаза этого этапа была в большей или меньшей степени связана с воздействием идей европейского Просвещения, которые с начала XIX в. заменились идеями национального романтизма [Богданова, 309]. Конечно, воздействие тех и других не было решающим. Но оно облегчало выработку программных основ национально-освободительных движений с учетом опыта, накопленного в духовной области более передовыми народами Европы. И характерно, например, что между первичным ознакомлением с идеями европейского Просвещения и их местной адаптацией у народов Австрийской империи прошло определенное время: суть деятельности ранних просветителей заключалась не только в пропаганде этих идей и тем более не в механическом их перенесении с отказом от отечественных этнокультурных традиций, а в творческом переосмыслении тех и других

и в выработке на основе этого качественно нового идейно-культурного феномена, который можно назвать национально-просветительской идеологией.

Процесс этот, при тех или иных местных отличиях, был универсальным. Так, в чешских землях, где начало ознакомления с идеями раннего Просвещения относилось к рубежу XVII—XVIII вв., а в 1746 г. в Оломоуце (Ольмюце) возникло первое в австрийском государстве раннепросветительское общество, основы национально-просветительской идеологии были выработаны в 1760—1770-е годы первыми чешскими просветителями Г. Добнером, М.-А. Фойгтом, Ф.-М. Пельцлем и их единомышленниками. В Венгрии идеи философского рационализма и раннего Просвещения проникают с начала XVIII в., получив, в частности, отражение в деятельности видного представителя венгерской и словацкой культуры первой половины этого столетия М. Беля. Но просветительские идеи, в которых бы чувствовалось сознательное стремление к решению общественно-культурных задач, стоявших перед народами Венгерского королевства, возникли позднее. Пионерами венгерского Просвещения в 1770—1790-х годов стали Д. Бешенеи, Г. Берзевици, Ф. Казинци и их соратники. Основателями словацкого национально-просветительского направления, оформившегося с 1780-х годов, были И. Байза, А. Бернолак, Ян Грдличка, Ю. Рибай, Ю. Фандли и некоторые другие. С 1780-х годов Д. Обрадвич выступает как крупнейший представитель сербского национально-просветительства, хотя отдельные элементы последнего уже в 1760-е годы обнаруживаются в деятельности З. Орфелина. В Трансильвании, где еще в 1754 г. по инициативе епископа Иоанна-Иннокентия Клайна в Блаже было основано училище, в последних десятилетиях XVIII — начале XIX в. складывается школа просветителей, среди которых выделялись С. Мику-Клайн и Г. Шинкай, выступавшие в защиту прав и культуры формирующейся румынской нации.

В зависимости от времени и конкретных условий степень глубины воздействия идей Просвещения на общественную мысль названных и других народов Австрийской империи была различной. Характерно в этом смысле идейное развитие на «языковом» этапе у словенцев и хорватов. В словенской общественной мысли и культуре в 1770—1780-х годах формируется просветительское направление, связанное, в частности, с именами Б. Кумердея, А. Линхарта, В. Водника, а также с деятельностью в 1790-е годы кружка барона С. Цойса. Однако ввиду территориальной и языковой раздробленности словенских земель и менее зрелой буржуазной основы национального движения здесь, как и в хорватских землях, идеи Просвещения в целом сыграли небольшую роль. Имело, несомненно, значение и то, что к моменту развертывания словенского и хорватского национальных движений просветительский этап общественной

мысли не только в зарубежных странах, но и у более развитых движений в пределах империи (например, у венгров и чехов) подходил к завершению. Своеобразием отличалось развитие просветительской общественной мысли народов, этнокультурное ядро которых находилось за пределами Австрийской империи. Так, в итальянской идеологии и культуре первые проявления идей Просвещения относились к 1720-м годам, достигнув наибольшего подъема в 60—70-е годы XVIII в. Хотя под непосредственным австрийским господством находилась лишь небольшая часть итальянской территории, австрийское влияние чувствовалось и в Тоскане, и в Парме, и в Королевстве Обеих Сицилий. В реформаторской деятельности Лотарингской династии в Тоскане принимали участие такие видные итальянские политики-просветители, как Ф. Джанни и П. Нерри. Несомненно, что все это стимулировало распространение идей итальянского Просвещения и в областях, непосредственно входивших в состав габсбургской империи.

Что касается польской общественной мысли, то к тому времени, когда Галиция была включена в состав монархии Габсбургов, польское Просвещение прошло немалый путь и породило богатую культуру, в которой идеи просветительского типа сочетались с национальными. Периферийность Галиции, разумеется, сказывалась на степени проникновения сюда новых веяний. Однако и после 1772 г. польская культура здесь оставалась связанной с общепольским духовным развитием. Одновременно она была связана и с идейным развитием венгров, чехов и некоторых других народов империи, у которых вызревало национально-просветительское течение.

Весьма тесными эти связи были с общественно-культурной эволюцией западноукраинских земель. Идеи Просвещения, распространившиеся из львовского центра уже в 80—90-е годы XVIII в., во многом оказали влияние на последующую деятельность И. Могильницкого, М. Шашкевича, Я. Головацкого, И. Вагилевича и других представителей освободительного движения западноукраинских земель первой половины XIX в.

Внутренние и внешние события конца XVIII — начала XIX в. не могли не оказать влияния на общественную мысль и политические установки освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи. Немалое воздействие имели такие факторы, как создание в 1809—1814 гг. Иллирийских провинций из части словенских и хорватских земель, кратковременное существование Итальянского королевства и Варшавского княжества, а также подъем в начале XIX в. немецкой национально-освободительной борьбы против Наполеона, освободительные движения европейских народов, наносивших удары по реакционной системе Священного союза, оформившегося на Венском конгрессе.

Постепенно в рамках первого этапа освободительных движений угнетенных народов Австрийской империи прежние просветительские нормы и представления заменялись идеями национального романтизма. Принципы романтического мироощущения с характерными для него поисками «души» народа, вера в будущее единое и не знающее противоречий общество казались прогрессивно настроенным идеологам национально-освободительных движений инструментом, который способствовал сплочению сил нации. Бунт романтиков против условностей прежних художественно-эстетических концепций, в основе которого лежала объективная необходимость решения общедемократических задач движения, перерастал и зачастую сливался с более широким протестом против отживших форм не только культурной, но и общественно-политической жизни. Таков, в частности, смысл поэтической деятельности Й. Юнгмана, Ф. Челаковского, Й. Линды или Я. Ганки в чешской литературе 1810—1820-х годов, венгерских писателей К. Кишфалуди, Ф. Кёлчеи и других из кружка, сложившегося вокруг альманаха «Аурора» в 1820-е годы, представителей итальянской общественной мысли 10—20-х годов XIX в. А. Берше и Д. Романьози, выступавших за принцип равенства всех народов и свободу их национального развития, замечательного словенского поэта Ф. Прешерна и его единомышленников из альманаха «Краинская пчелка» в 1830-е годы и т. п. В результате прогрессивное начало, определявшееся задачами освободительной борьбы венгерского, итальянского, польского, чешского и других народов Австрийской империи, во многом преобладало над консервативными и религиозно-мистическими интерпретациями романтизма. Указанный процесс занял известное время, колеблясь у разных народов между 10—40-ми годами XIX в. На определенной стадии он характеризовался переплетением эстетических норм эпохи Просвещения и романтизма — примером этому может служить творчество Й. Юнгмана, Яна Коллара и некоторых других деятелей той переходной поры. Но, в отличие от национально-просветительской идеологии, имевшей распространение не у всех народов Австрийской империи, идеи национально-патриотического романтизма получили в той или иной форме воплощение в идеологии всех национально-освободительных движений.

По мере утверждения идеологии буржуазного типа и решения, там, где это было необходимо, задач культурно-языкового характера [Бернштейн, 309], национально-освободительные движения переходили к следующему этапу развития. Существо его заключалось в выработке социально-экономических и политических программ, призванных определить дальнейшие задачи борьбы, придать новые импульсы общественно-культурному развитию народов. При этом вследствие социально-политической дифференциации освободительных движений выделились консервативные, либеральные и демократические течения, а у ряда

народов происходило формирование радикального и революционно-демократического направлений.

Преобладающее воздействие на развитие освободительных движений в рассматриваемый период оказывали либерально-буржуазные течения. В Венгрии, где на рубеже 20—30-х годов XIX в. началось так называемое движение за реформы, в следующие два десятилетия появились разные по степени зрелости программы буржуазного преобразования страны, связанные с именами И. Сечени, Ф. Деака, Л. Кошута, Й. Этвёша и других представителей умеренной и либеральной дворянско-буржуазной общественной мысли, а также деятелей левого, демократического направления.

Углубление политического характера движения не снимало актуальности культурно-языковой проблематики, которая все более тесно увязывалась с социально-экономическими задачами. Так, языковые законы были приняты венгерским государственным собранием в самый разгар «движения за реформы» — в 1830 и 1834 гг. Они выражали курс венгерских дворянских кругов на мадьяризацию остальных народов в землях короны св. Иштвана, что не могло не вызвать ответной реакции. Весьма отчетливо она проявилась в хорватском национальном движении. Решительным сторонником буржуазных преобразований и одновременно борцом за равноправие народов Венгерского королевства проявил себя в предреволюционные годы Л. Штур. В идеологии национальных движений славянских народов переход к новому этапу сопровождался торжеством «принципа национальности», хотя и не отрицавшего славянской общности.

В политической области у чехов и некоторых других славянских народов в 1840-х годах получила распространение либерально-буржуазная концепция австрославизма.

В итальянском движении, где политические аспекты проявились еще в конце XVIII в., сопровождаясь усилиями по достижению национальной независимости и единства страны (Рисорджименто), идеи этнокультурной и языковой общности, борьба против регионализма занимали важное место уже в деятельности ранних просветителей, не утратив значимости и в первой половине XIX в.

В целом выступления деятелей освободительных движений, при всем их разнообразии и местных отличиях, объективно отражали закономерный процесс формирования наций и означали выработку основ того, что В. И. Ленин называл «национальной идеологией»¹². Это предполагало теоретическое обоснование перспектив этнокультурного и политического развития народов, пропаганду культурно-патриотических идей, распространение в массах национального самосознания.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

Решение этих задач было тем более важно, что национальное самосознание угнетенных народов складывалось, как правило, в обстановке временного сохранения инонациональной языковой формы его выражения. Так, первые просветители в чешских землях и в Венгрии столкнулись с господством в науке и литературе латинского или немецкого языков. На них, например, создавали свои труды Г. Добнер, М.-А. Фойгт, Ф. Пельцль, И. Добровский. В сербской литературе XVIII в. помимо языка, близкого к народно-разговорному, употреблялись так называемые славяно-русский и славяно-сербский языки, в хорватских землях, кроме диалектов хорваткосербского языка, были в ходу латинский, немецкий, венгерский и итальянский языки; в Трансильвании до начала XIX в. часто применялся греческий язык, в Восточной Галиции украинские авторы писали на так называемом язычи, представлявшем собой смесь русского, церковнославянского и народного разговорного украинского языков и т. п. Поэтому перед деятелями угнетенных народов Австрийской империи с самого начала возникла необходимость приведения в соответствие национального содержания культуры с национальной формой ее выражения. Это касалось в сущности всех областей культуры, но наиболее полно отразилось в борьбе за создание литературных языков на народной основе. Содержание подобных усилий зависело от конкретной литературно-языковой ситуации, с которой сталкивались деятели национальных движений. С этой точки зрения угнетенные народы империи могут быть условно разделены на три основные группы.

К первой группе следует отнести народы, у которых уже в предшествующий период сложился более или менее единый язык литературы и письменности, отвечавший потребностям культурного развития на стадии феодальной народности. К ним относились венгры и чехи, а также поляки и итальянцы, этническое и этнокультурное ядро которых находилось вне пределов австрийского государства. В этом случае главная задача состояла в освобождении формировавшихся национальных литературных языков от архаики, в обогащении их лексики, введении современной научной терминологии, унификации правописания и т. п. Так, в венгерской культуре с начала 1770-х годов с широкой программой обновления и развития языка выступил Дьердь Бешеней, ратовавший за создание национальной научной и художественной литературы и обогащение ее за счет народного творчества и переводов лучших произведений зарубежных авторов. В начале XIX в. в этом направлении выступали и другие деятели венгерской культуры, среди которых выдающееся место принадлежало Ференцу Казинци. Борьба за обновление венгерского языка в 1820-х годах была в основном завершена. В чешской культуре она была связана уже с деятельностью И. Добровского и особенно Й. Юнгмана. В ходе ее были преодолены попытки консервации старочешского языка Кралицкой

библии (XVI в.), наиболее упорным сторонником которой явился в начале XIX в. Ян Неедлы. Основы современного чешского литературного языка сложились к началу 1830-х годов.

Вторую группу составляли народы, у которых из-за отсутствия экономической и административной целостности этнической территории или недостаточной этноязыковой консолидации единый национальный литературный язык вообще отсутствовал. У словаков языком письменности, связанной с образованными протестантскими кругами, являлся старочешский, образцом которого считалась Кралицкая библия, у католиков — бернолаковщина. У остальных народов этой группы была в ходу диалектная письменность: у словенцев — каринтийский, штирийский и краинский диалекты, у хорватов — чакавский, кайкавский и штокавский диалекты, причем штокавским пользовалось и все сербское население. В силу сказанного перед деятелями зарождавшегося национального движения стояла не просто задача обновления и модернизации языка. Необходимо было обеспечить литературно-языковую интеграцию формировавшихся наций и преодолеть языковой регионализм. Борьба вокруг языковых реформ у словаков, словенцев, хорватов и сербов затянулась до середины XIX в. и была тесно связана с генезисом национального самосознания. Заслуга Штура и его соратников состояла в том, что им удалось, отражая объективные потребности консолидации словацкой нации, создать к середине XIX в. единый литературный надконфессиональный язык. В словенской культуре первым, кто в конце XVIII в. решительно заявил о существовании единого словенского народа и выступил против культивирования языкового регионализма, был А. Линхарт. В начале XIX в. изучением и кодификацией словенского литературного языка занимался Е. Копитар, ученик и почитатель Й. Добровского, учитель словенского филолога Ф. Миклошича и реформатора сербского языка В. С. Караджича. К середине XIX в. борьба за создание современного словенского литературного языка завершилась. В Австрийской империи, где в конце XVIII — начале XIX в. находился культурный центр сербских земель, Караджич, развивая идеи Д. Обрадовича, сформулировал и развил в 1810—1830-е годы новые принципы сербского литературного языка. Хотя идеи Караджича встретили противодействие со стороны верхушки православного духовенства и части интеллигенции, к середине XIX в. они одержали победу. Эта борьба была во многом связана с усилиями по выработке хорватского литературного языка, что явилось важнейшим достижением иллирийского движения, связанного в первую очередь с деятельностью Л. Гаю. После напряженных дискуссий 1830-х годов в основу общехорватского языка Гаю положил не кайкавский, как первоначально предполагал, а штокавский диалект, что открыло возможность литературно-языкового объединения хорватов с сербами.

Наконец, третью группу составляли украинцы Восточной Галиции, Закарпатья и Буковины, а также вlahи Трансильвании и Баната. Деятели национальной культуры этих народов столкнулись с необходимостью выработки литературных языков в условиях разобщенности этнической территории и наличия этнокультурного ядра или даже политической автономии (как это имело место в отношении Молдовы и Валахии после 1829 г.) за пределами Австрийской империи. Если, например, на основной территории Украины формирование литературного языка намечилось на рубеже XVIII—XIX вв., то у украинцев Австрийской империи этот процесс разворачивается только во втором и третьем десятилетиях XIX в. Примечательно, что деятели украинской культуры в империи — в первую очередь «Русская троица» (М. Шашкевич, И. Вагилевич, Я. Головацкий), — сознавая этническое единство всего украинского народа, выступали за такое решение вопроса, которое не отрывало бы культурное развитие западноукраинского населения от всей Украины.

Наряду с разработкой и кодификацией национальных литературных языков, идеологи освободительных движений большое значение придавали созданию на этих языках трудов по различным отраслям гуманитарных, естественных и точных наук. В этом отношении примечателен опыт венгерской и чешской культур, где с начала XIX в. практиковалось сознательное применение национальных языков в научных публикациях, сопровождавшееся выработкой адекватной специальной терминологии. Позднее так же действовали хорваты, сербы и др. Вообще вопросы борьбы за развитие культуры и языка на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняли актуальность. Ведь если переход от первого этапа национально-освободительных движений ко второму определялся последовательностью решения объективных задач, вытекавших из динамики процесса формирования наций, то в пределах каждого движения он мог происходить в разное время. Достаточно напомнить неравномерность национально-культурного развития Моравии как части чешских земель или более поздние проявления национального движения в Далмации по сравнению с ядром хорватской нации в собственно Хорватии. Многие вопросы, которые казались решенными в центре, оставались актуальными на периферии, порождая явления культурного регионализма. Нельзя также не учитывать фактора инерции в развитии общественной мысли, отчасти поддерживавшейся указанными причинами. В чешских землях, например, национально-политические течения в 1830—1840-е годы сосуществовали с юнгмановской «языковой» концепцией. Выработанная в первые десятилетия XIX в., она и тогда имела своих последователей. Это не могло не приводить к известному усложнению духовной атмосферы и к конфликтам, объяснить которые можно, в частности, столк-

новением идей «всеславянства» с происходившим политическим размежеванием сил, позднее вступивших на историческую арену. Примером объективных истоков подобных коллизий может служить деятельность самого Юнгмана или Ганки в Чехии, либо Коллара в Словакии. В итоге культурно-языковые и политические лозунги освободительных движений оказывались теснейшим образом взаимосвязаны. Как подчеркивал Энгельс, филология была «в Австрии, на глазах у Меттерниха» использована деятелями национальных движений угнетенных славянских народов «для проповеди учения о единстве славян и для создания политической партии, очевидной целью которой было коренное изменение положения всех национальностей в Австрии и даже превращение ее в большую славянскую империю»¹³.

Что касается датировки этапов, то, обладая устойчивыми чертами типологического сходства, они были различны по продолжительности и не всегда синхронны по времени. Беря начало во второй половине XVIII в., первый этап более или менее одновременно развивался в венгерском, польском, итальянском, а также чешском общественных движениях, завершаясь приблизительно на рубеже 1820—1830-х годов. Большое влияние на перегруппировку сил в освободительных движениях оказали такие события, как июльская революция 1830 г. во Франции и польское восстание 1830—1831 гг. Не случайно Ф. Энгельс писал об «электрических разрядах 1830 г.»¹⁴

Хорватское и румынское национальные движения культурно-языковые задачи решили в основном к началу 1840-х годов, тогда как в Словакии борьба в языковой области между штуровцами и сторонниками Коллара завершилась в следующее десятилетие. У сербов и словенцев задачи «языкового» этапа во многом не были решены вплоть до 1848 г., у западных украинцев еще позднее.

Впрочем, эти хронологические расхождения не следует абсолютизировать, учитывая взаимовлияния, существовавшие между освободительными движениями в пределах одного государства. Историческое развитие приводило к неизбежному воздействию более развитых движений на остальные, ускоряя их развитие и содействуя перениманию ими более зрелых форм политической борьбы, стимулируя выработку программных установок «своих» движений для решения задач, выдвигавшихся не только политикой правительства, но и другими национальными движениями, в частности в Венгрии.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 205.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 32.

4. Социальная обусловленность и идейные принципы политических программ национально-освободительных движений

В освободительные движения, как мы видели, втягивались различные социальные силы. На разных этапах в них принимали участие дворянство, часть духовенства, средние слои города, формировавшаяся буржуазия, интеллигенция. Указывая, что интеллигенция «не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы»¹⁵, В. И. Ленин подчеркивал роль интеллигенции как выразителя настроений и идеолога тех классов и социальных групп общества, с которыми она была связана. «Всегда и везде,— отмечал Ленин,— вождем известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители»¹⁶.

Национальные движения в Австрийской империи в сущности своей были антифеодальными и отражали тенденции буржуазного развития. Поэтому не все социальные слои могут быть непосредственно отнесены к числу участников этих движений. Например, связь с ними консервативного дворянства у ряда народов (особенно у чехов) имела опосредствованный характер. Деятельность его лишь в конечном счете и только при определенных условиях сопрягалась с целями соответствующих освободительных движений. Но было бы неверным отождествлять с последними лишь собственно буржуазные слои, поскольку в большинстве случаев буржуазное развитие, особенно на первых порах, связывалось прежде всего с активностью инационального капитала. Вплоть до середины XIX в., за отдельными исключениями, национальная промышленная буржуазия у угнетенных народов отсутствовала и ее историческую миссию брали на себя в разных землях другие классы и социальные группы.

В зависимости от конкретных условий буржуазные тенденции развития могли представлять «различные слои *имущих* товаропроизводителей»¹⁷. Именно это, т. е. объективную, а в ряде случаев и субъективно значимую роль различных классов и социальных групп, следует считать решающим критерием при определении их места в национальных движениях и оценке социальной обусловленности последних. Достаточно, например, сопоставить позиции венгерского либерального дворянства, к концу рассматриваемого периода занявшего лидирующее положение в мадьярском движении, с позицией в целом чуждой национальных устремлений шляхты чешских земель.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 191.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 316.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

Там, где, как, например, в Венгрии или в польских землях, развитие наций происходило при наличии «своего» (национального) феодального господствующего класса, а подчас и сохранении в каких-то пределах внутренней автономии (элементы этого имелись и в Хорватии), дворянство оказывало воздействие на формирование национального самосознания и на идеологическую направленность движения (например, феномен шляхетской революционности в польском движении). В Ломбардо-Венецианском королевстве и в Венгрии в разное время возникали условия для союза втянувшегося в товарно-денежные отношения землевладельческого дворянства с буржуазией.

Там же, где таких условий не было, ведущей силой движения становилась интеллигенция, обычно разночинного происхождения, которая по положению или образу мышления была связана в первую очередь с мелкобуржуазными слоями города и деревни (например, в словацком или словенском движениях), с развивающейся национальной (в основном — торговой) буржуазией (как это имело место у сербов), либо с теми и другими (наиболее ярким примером может служить чешское движение на разных его этапах).

Среди задач, которыми руководствовались деятели общественных движений, вопросы национального самоутверждения, а следовательно, и национального самосознания, занимали одно из видных мест. Это обстоятельство заслуживает постановки вопросов: каков был этнокультурный контекст подобных выступлений и как он соотносился с социальными основами движений? Вопросы эти имеют ключевое значение.

Сосредоточение внимания почти исключительно на оценке вклада в формирование «национальной идеологии» и национальных культур деятелей общественной мысли на современном уровне осведомленности уже недостаточно. Вне учета общих этнических процессов такой подход смещает историческую перспективу и создает однобокое представление о подлинном смысле усилий, которые были осуществлены несколькими поколениями деятелей национальных движений.

Вопрос сводится к тому, был ли это односторонний процесс внесения идей национального самосознания в широкие и якобы индифферентные к ним народные массы, или последние также оказали на него влияние?

Касаясь социальных структур формирующихся наций (в главе 2), мы отмечали особенности проявления национального самосознания в народной, прежде всего — крестьянской среде. Но при рассмотрении вопроса об этих особенностях нужно учитывать различия между городом и деревней.

Этническое развитие городов империи отличалось сложностью, связанной с существовавшими здесь социально-экономическими, политическими и культурными особенностями как в целом, так и в отдельных землях. Господствующее положение,

которое в большинстве случаев занимали представители не коренной, а инациональной среды, не могло не отражаться на характере происходивших процессов. Достаточно напомнить господство в городах Восточной Галиции польских, в городах на словацкой территории мажарских и немецких, или в городах Словении немецких и итальянских элементов. Тем не менее, представление о том, что в силу этого города по большей части не сыграли значительной роли в национальной консолидации, было бы неверным.

В качестве примера можно сослаться на историю чешского города, где, несмотря на экономический и политический упадок, наступивший в XVII в., и германизацию быта тогда и в последующие десятилетия, среди горожан было немалое число лиц, пользовавшихся чешским языком. Об этом свидетельствовал состав подписчиков на чешские книги и периодические издания, выходявшие в XVIII в. Часть мещанства, не говоря уже о плебейских кругах, составляли чехи. Их тяжелое положение, повседневная борьба с более экономически и политически сильными инациональными кругами объективно поддерживали чешское самосознание в период постепенной трансформации народности в нацию, создавали ту этническую среду, в которой стало возможно появление первого поколения чешских национальных просветителей. По мере развития буржуазных отношений в городах укреплялись те круги, для которых обогащение национального самосознания становилось поистине вопросом жизни и смерти. Поэтому в первой половине XIX в. города все более приобретали национально-чешский характер и становились центрами, вокруг которых объединялась национальная жизнь периферии. Аналогичный процесс, хотя и несколько позднее, чем в Чехии, происходил в других национальных областях габсбургской монархии.

Город был тысячами нитей связан с деревней, и потому вопрос о наличии и формах проявления национального самосознания в сельской среде приобретает особо важный характер. Изучение таких источников, как фольклор, деревенские хроники, народные книги, создававшиеся авторами, близко стоявшими к крестьянству, позволяют заключить, что в крестьянской среде делались попытки осмыслить свое положение и подвергнуть критике институты феодального общества, особенно — барщину. Об этом же говорят и лозунги крестьянских восстаний. Конечно, этот протест был во многом стихийен. Но постепенно в массах народа зрели семена недовольства существующим строем, оживала надежда, что рано или поздно угнетению, в том числе и национальному, наступит конец. Примечательно, что антишляхетские выступления галицийских крестьян в то время как основная часть помещиков в первой половине XIX в. заявляла о своих проавстрийских симпатиях приобретали и антиправительственную окраску.

Но, в отличие от горожан, в фокусе народного мышления в деревне, как показано в главе 2, стояли на первом месте не национально-политические, а социальные и религиозно-национальные требования. Характерно, что дух соперничества между крестьянами разных национальностей, проживавших совместно, был длительное время либо незначительным, либо вовсе отсутствовал (вспомним совместное участие в крестьянском восстании 1775 г. чешских и немецких крестьян, в волнениях 1831 г. — венгерских, украинских, словацких и влашских крестьян и т. п.).

Вместе с тем сохранение и приумножение в народной среде национальных духовных ценностей явилось исходной базой идеологических программ зарождавшихся национальных движений. Своей повседневной трудовой деятельностью, упорной борьбой за социальные, политические и культурные права и открытыми выступлениями против эксплуататоров массы воздействовали на формирование идейных принципов этих движений. Восстания крестьян в австрийской Силезии (1769), в чешских землях (1775), в Трансильвании (1784), в Галиции (1846), волнения словацких, украинских, венгерских и влашских крестьян (1831), и другие, в том числе более локальные выступления масс против феодальной эксплуатации заставляли задумываться над социальными проблемами не только правящие круги, но и деятелей соответствующих национально-освободительных движений. Для последних это составляло не только социальную, но и не меньшей мере и политическую проблему.

Между этническими процессами, происходившими в глубинах складывавшихся наций, и деятельностью ведущих представителей общественной мысли и национальных культур проходила магистральная обратная связь. Она, в частности, проявлялась в усиленном внимании идеологов национальных движений к народному творчеству [Гусев, 309, с. 132].

Таким образом, роль деятелей национальных культур заключалась не только во «внесении» общенационального самосознания, но прежде всего в обобщении и критической переработке, говоря словами Бешенеи, «очистке и обработке» представлений, порожденных в народе объективными социальными процессами эпохи перехода к капитализму, в придании национальному сознанию определенной классовой, политической окраски, включая преодоление регионализма, локального «сельского» самосознания и пропаганду этнического единства нации (это имело место в большинстве движений). Подобный подход, особенно в случаях разобщения этнических территорий, отражал прогрессивные тенденции общественного развития и оказывал стимулирующее воздействие на процессы национальной консолидации. В. И. Ленин подчеркивал, что в то время, «когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе

против феодализма и клерикализма»¹⁸. Тем самым от осознания национальной принадлежности делался шаг к идеям национального сознания во всей их совокупности, к тому, что Ленин определял как «национальную идеологию»¹⁹.

Оценивая степень массовости тех или иных национальных движений, следует принимать во внимание такой фактор, как грамотность населения. Если, например, в чешских землях, в поколении 1800—1809 гг. рождения грамотные составляли 66,4%, то в поколении 1830—1839 гг. процент грамотности возрос здесь до 85,1%. При этом в собственно Чехии, несмотря на дискриминацию национальной школы, в 30—40-е годы XIX в. уровень грамотности чешского населения был несколько выше, чем у немецкого. Но в Моравии и Силезии отставание чехов от немцев по уровню грамотности было существенным [137, с. 77, 82]. В сравнении же с другими угнетенными народами Австрийской империи уровень грамотности чешского населения был наиболее высоким.

Показатели эти нельзя оценивать изолированно от социальных и идейно-политических тенденций развития. Если, например, высокий уровень грамотности населения чешских земель и расширял читательскую аудиторию, к которой обращались создатели национальной культуры, то при слабости демократического, а тем более радикального крыла освободительного движения это открывало дополнительные возможности для проникновения в массы либерально-буржуазной идеологии. В. И. Ленин не случайно обращал внимание на роль, которую сыграли в области культурно-просветительной деятельности либералы в западных государствах. «Уровень масс на Западе,— отмечал В. И. Ленин,— поднимался ровнее благодаря культурно-просветительной работе либералов среди них»²⁰. Кроме того, следует учитывать, развивалась ли грамотность на родном для населения языке или на языке угнетателей.

Выполняя миссию идеологов, представители национальных движений отражали интересы тех классов и социальных групп, от имени которых они — вольно или невольно, осознанно или неосознанно — выступали. Конечно, их деятельность не порождала этнические процессы, но она стимулировала национальную консолидацию, делала ее ход более классово четким и субъективно осознанным, вносила в этнический процесс идеологические моменты. Это отвечало условиям эпохи краха феодализма и сложения буржуазного общества, для которой, по словам В. И. Ленина, «типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на подъем“ слоя населения в борьбе

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 9.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 226.

за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»²¹.

От динамики этих процессов во многом зависели сила общественных движений, соотношение в них национальных и социальных компонентов, степень их массовости.

С точки зрения программных принципов национальные движения народов Австрийской империи в первой половине XIX в. могут быть разделены на три группы.

Во-первых, это были движения народов, боровшихся за воссоединение своих этнических территорий и образование независимых национальных государств. Подобные тенденции наиболее четко проявились в содержании, формах и методах итальянского освободительного движения. В сходном направлении развивалось польское национальное движение в Галиции, связанное с общепольской борьбой, хотя часть помещичье-либерального лагеря в 1840-х годах склонялась к сотрудничеству с Веней. Но при всех колебаниях эти движения были наиболее враждебны идее габсбургской государственности.

Во-вторых, это были движения, направленные на защиту и утверждение прав угнетенных народов, но не выдвигавшие тогда идеи достижения независимости в форме национальных государств. К числу их относились национальные движения других славянских народов Австрийской империи. Подобная тенденция, отмечалась Ф. Энгельсом и для второй половины XIX в.²² В. И. Лениным.

Венгерское национальное движение занимало промежуточное положение между теми и другими. Венгерское королевство было многонациональным, и мадьярское дворянство, возглавлявшее освободительное движение против австрийского абсолютизма, само проводило политику национального угнетения по отношению к остальным народам королевства. С другой стороны, вопрос о будущем статусе Венгрии либо как автономной части габсбургской монархии, либо как независимого государства в каждом случае решался реальным соотношением сил в пределах Австрийской империи и на международной арене.

Во всех случаях существенное значение имели социально-экономические интересы классов, возглавлявших движение. Но заслуживает внимания, что в каждом из перечисленных вариантов играла роль совокупность многих факторов, в том числе длительность нахождения народа в составе габсбургской монархии и связанная с этим степень воздействия на программы движений традиций былой независимости и собственной государственности; наличие или отсутствие у угнетенных народов за пределами монархии основной этнической территории, а так-

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 176; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

же степень интенсивности экономических и культурно-политических связей с нею; уровень зрелости национального самосознания и ощущение связи местной борьбы против Габсбургов с аналогичной борьбой за рубежом против других угнетателей за воссоздание (поляки) или объединение национальной территории (итальянцы) своего национального государства. Примечательно, что по мере вызревания этих факторов в рядах сербского или румынского движения оно постепенно утрачивало дух лояльности к Вене и с середины XIX в. все более направлялось на решение национального вопроса вне пределов австрийского государства. Это был, так сказать, внешний аспект системной связи освободительных движений угнетенных народов австрийской монархии.

Не меньшую роль играла и внутренняя взаимозависимость между ними. Так, чешское национальное движение — одно из наиболее ранних в ряду движений славянских народов империи — оказало значительное воздействие на развитие словацкого национального движения. Оно было тесно связано и с освободительными движениями словенцев и хорватов. Конфликт между венгерским освободительным движением и австрийским абсолютизмом не только влиял на политическую ситуацию в стране, но и воздействовал на выработку тех или иных программных концепций у остальных народов Венгерского королевства. Общеимперское политическое развитие также воздействовало на эволюцию общественной мысли и программ освободительных движений. Такие идеи, как австрославизм или иллиризм, могут рассматриваться в определенной мере как ответная реакция на тенденции венгерского, итальянского и польского движений в рамках австрийского государства.

В результате накануне революции 1848 г. происходило оформление основ двух типов политических программ национальных движений: радикальных, направленных на разрушение феодально-абсолютистской державы Габсбургов с последующим созданием на буржуазной базе независимых государств, и реформистских, в основе которых лежало стремление либерально-буржуазных кругов к достижению компромисса с Веней в условиях конституционного строя.

Речь идет именно о складывании основ подобных программ, поскольку более развернуто они заявили о себе в ходе революционных событий и в последовавший за ними период. К тому же, принимая во внимание социально-политическую неоднородность национальных движений, каждый из названных типов не существовал в «чистом» виде. На разных этапах борьбы у тех или иных народов на передний план могли выступать консервативные, либеральные или демократические тенденции. В одних случаях зачатки радикальных программ обнаруживаются в движениях, где реформистские настроения преобладали, в других — наблюдалось сосуществование и переплетение тех и дру-

гих, включая так называемую консервативную революционность. Несомненно, что выработка основ радикальных установок не могла не протекать в острой борьбе с установками реформистскими, отражая углубление социальных аспектов национальных движений и демократизацию состава его участников.

Поэтому в каждом конкретном случае важно выявить господствовавшую тенденцию. Не будучи единственной, это важно подчеркнуть, она тем не менее определяла характер национально-освободительного движения в целом.

В общем и целом наиболее радикальными в рассматриваемый период были программные установки венгерского, итальянского и польского движений. Сопоставляя их, нельзя не обратить внимания на ряд существенных моментов, касавшихся трактовки социально-экономической и политической проблематики.

Прежде всего обратим внимание на различия в подходе к проблеме ликвидации основных феодальных институтов, в первую очередь — барщинной зависимости крестьян. Полнее всего, пожалуй, эти вопросы получили разработку в венгерской общественной мысли. Еще в конце 1780-х годов Йожеф Хайноци обосновывал необходимость выкупа всех феодальных повинностей в деревне и признания за крестьянами права на собственность. В программе венгерских «якобинцев» требования революционного изменения статуса крестьян сочетались с призывом к конфискации церковного имущества. Необходимость отмены крепостничества, наделения крестьян землей и секуляризации имущества церкви были закреплены Г. Берзевици в составленном им в 1809 г. проекте венгерской конституции. Многие из этих положений, хотя и в смягченной форме, фигурировали в социально-экономических планах Иштвана Сечени, в целом, носивших реформистский характер. Своеобразным итогом развития венгерской общественной мысли в этой области стал выдвинутый в начале 1840-х годов лозунг Лайоша Кошута: «Свободная земля и свободный человек», имевший в виду выкуп крестьянских повинностей.

По сравнению с венгерским, итальянское движение не выработало сколько-нибудь ясной перспективы по экономическим вопросам, и даже в революционной программе Дж. Мадзини интересы крестьянства фактически не получили отражения. Подобно представителям ломбардо-венетической буржуазии и либерального дворянства, Мадзини исходил из неприкосновенности частной собственности. Для буржуазных идеологов в Северной Италии это объяснимо, так как основы феодализма здесь были уже устранены. Не получили достаточного развития эти проблемы и в польском движении периода расцвета шляхетской революционности, что, в сущности, явилось идеологическим отражением социального состава руководителей движения — консервативной шляхты. Один из видных идеологов этого времени М. Мохнацкий, обрисовывая перспективы дальнейшей освободи-

тельной борьбы, называл шляхту «свежим воздухом нашей страны».

Ф. Энгельс очень точно вскрыл особенность феномена «шляхетской революционности» на примере восстания 1830—1831 гг. Указав, что последнее не было ни национальной, ни социальной, ни политической революцией, Ф. Энгельс охарактеризовал его как «консервативную революцию», которая ничего не меняла «во внутреннем положении народа»²³. Одной из побудительных причин «реформистских» идей польских помещиков в Галиции стал в 1840-х годах страх перед крестьянским восстанием.

Однако восстановление польской независимости в случае успеха восстания 1830—1831 гг. даже при отмеченных условиях создало бы более благоприятные предпосылки для углубления и демократизации общественного движения в стране, а следовательно и для освобождения его от воздействия шляхетской феодально-клерикальной идеологии. Не следует также забывать, что до тех пор, пока в России не было широкого революционного движения масс, борьба шляхетских революционеров против военно-феодального абсолютизма и союза реакционных монархов на востоке Европы имела общеевропейское значение.

По мере обострения общественных противоречий происходила дальнейшая радикализация социально-экономических программ. Важным критерием размежевания существовавших здесь течений оказывались условия, на которых должно было произойти освобождение крестьян от феодальных повинностей и наделение их землей. Деятели венгерского революционного направления — Шандор Петефи и особенно Михай Танчич (и другие представители «Молодой Венгрии») выявили себя сторонниками широких социальных прав народа. В противоположность либералам, исходившим из желательности выкупа крестьянских повинностей, они склонялись к идее народной революции как к средству для достижения намеченных целей. Сходная эволюция происходила в 1840-е годы и в рядах польского освободительного движения. В наиболее полном виде новый подход к социальным целям освободительной борьбы нашел выражение в революционно-демократических взглядах Э. Дембовского, П. Сцегенного и их единомышленников. Будучи сторонниками аграрной демократии, они осуждали основы крепостнического строя, эгоизм шляхты и призывали к революционным действиям для освобождения крестьян и бесплатного наделения их землей.

Характерная тенденция рассматриваемых движений заключалась в разработке их представителями планов буржуазной перестройки всего общества. В венгерской общественной мысли они впервые систематизированно были изложены в трактатах Иштвана Сечени начала 1830-х годов. В них говорилось

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 492.

о необходимости экономического развития Венгерского королевства, перевода сельского хозяйства на рельсы наемного труда, организации системы капиталистического кредита, превращения земли в предмет купли и продажи. Такие деятели, как Лайош Баттяни, а особенно Лайош Кошут со всей решительностью ратовали в 1840-х годах за обеспечение свободного развития капитализма. Эти тенденции получили развитие и у идеологов польского освободительного движения. Одним из проявлений этого были их выступления в пользу предоставления равных прав всем классам нации.

Наконец в развитии программ радикального типа большое место принадлежало определению конечных целей и путей борьбы. Наиболее решительно эти вопросы трактовались в итальянском движении. Несмотря на временные колебания и соглашательские настроения итальянской буржуазии в годы Реставрации движение за единую независимую Италию с 1790 г. превратилось в форме Рисорджименто в магистральную линию политического развития. При этом с самого начала были сильными буржуазно-демократические и республиканские тенденции. С 1830-х годов на первый план выдвигается революционная программа борьбы за объединение итальянских земель в форме унитарной республики, связанная с именем Мадзини. Выдвинутый Мадзини лозунг «Бог и народ» означал в сущности провозглашение суверенитета народа как высшего принципа движения за национальное освобождение и объединение Италии. В противовес этому пьемонтские либералы выступали в 1840-е годы, как и ранее, за объединение Италии без революции и на монархической основе. Однако заслуга либералов заключалась в том, что им удалось сплотить патриотические силы и изолировать реакционные круги, ориентировавшиеся на союз с Австрией.

Идеи борьбы за освобождение всех польских земель проходят красной нитью через польское освободительное движение этих десятилетий, находя проявление и в Галиции. И если большая часть польских помещиков после Венского конгресса, озабоченная сохранением своих привилегий, пошла на сговор с захватчиками, то в массе мелкой шляхты и средних слоев общества преобладали оппозиционные национально-политические настроения. В ходе идейной борьбы кристаллизовались два подхода к будущему государственному устройству независимого польского государства в форме монархии (консервативно-шляхетские круги) или республики (демократическое крыло).

Борьба во многом сходных тенденций, отражавших расстановку сил в освободительном движении, была характерна и для венгерской общественной мысли. Истоки политических споров уходили в последние годы XVIII в. И проект конституции О.-П. Балога, обсуждавшийся государственным собранием 1790—1791 гг., и проект конституции, разработанный в 1793 г.

Игнацем Мартиновичем и Яношем Лацковичем, на первый взгляд имели немало общего. Оба они исходили из необходимости превращения Венгрии в конституционную монархию. Однако между ними имелись существенные различия. Отстаивая преобладающее значение государственного собрания, Балог рассматривал его по традиции как феодальную сословную корпорацию, двери в которую оставались открытыми только дворянству. В этом проекте вопрос о предоставлении политических прав остальным классам не поднимался. В противоположность проекту Балога, Мартинович и Лацкович, оставаясь в рамках требований конституционной монархии, исходили из необходимости обеспечения таких прав, включая национальные права народов, проживавших в землях короны св. Иштвана. Едва ли не впервые в конституционной практике они выдвинули идею преобразования Венгрии на принципах территориальной автономии. Год спустя в кругах венгерских «якобинцев» была выдвинута официально новая мысль о превращении Венгерского королевства в федеративную республику. Эта программа, поражающая для условий того времени своим радикализмом, осталась на бумаге. Но споры вокруг затронутых ею вопросов во многом предвосхитили дебаты 1840-х годов, когда представители либеральной оппозиции во главе с Кошутом и сторонники «Молодой Венгрии» обсуждали в преддверии революции формы будущего устройства Венгрии. И если деятели аристократического лагеря (типа Сечени) стремились примирить требования буржуазных реформ с лояльностью к Вене, то либералы во главе с Кошутом и тем более революционные демократы отстаивали идею создания независимого конституционного государства, причем последние — в форме республики.

Но никто из них не только не придавал значения обеспечению законных национальных прав других народов королевства, но и придерживался формулы «одно государство — одна нация». Идеологи венгерского движения полагали, что решение социальных и политических вопросов автоматически снимает с повестки дня вопрос национальных. Эта ошибочная точка зрения, против которой выступали лишь немногие (в конце XVIII в. венгерские «якобинцы», в 1840-е годы Сечени), обрекала, как показал опыт, реализацию многих прогрессивных лозунгов венгерского освободительного движения на неудачу.

При всех колебаниях, социальной и политической непоследовательности и ограниченности венгерское, итальянское и польское национально-освободительные движения, развивавшиеся в пределах державы Габсбургов, расшатывали самые основы феодально-абсолютистского режима и оказывались теснейшим образом связанными с общеевропейским демократическим и революционным процессом первой половины XIX столетия²⁴.

²⁴ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 178—179.

Хотя возникновение основ политических программ радикального типа было в рассматриваемый период связано прежде всего с этими тремя движениями, зачатки политического, а отчасти и социального радикализма можно обнаружить в чешской (Э. Арнольд, К. Сабина, Ф. Кампелик), словацкой (Янко Краль, Ш. Дакснер, Ян Францисци) и румынской (Н. Бэлческу) общественной мысли и культуре 1840-х годов. Однако здесь радикальные круги были слабыми, недостаточно зрелыми идейно и аморфными в организационном отношении. Осуждая существующую экономическую и политическую систему и подвергая критике соглашательскую позицию дворянско-буржуазных кругов, радикалы по ряду кардинальных вопросов не сумели до 1848 г. отчетливо размежеваться с ними. Тем не менее они высказывали мысли о необходимости коренных преобразований и улучшения условий жизни крестьянства, пролетариата и других непривилегированных слоев общества, боролись за демократизацию культуры, искали союзников в рядах национальных движений других народов. Чешские радикалы Подлипский и Кампелик были сторонниками демократической республики. Один из руководителей «Руськой троицы» Я. Головацкий, установивший связь с чешскими радикалами, накануне революции выдвинул антикрепостническую программу, в которой предусматривалась отмена барщины в Восточной Галиции или замена ее чиншем, а также промышленное развитие западноукраинских земель.

Некоторые радикалы в той или иной степени испытали на себе влияние идей французского и немецкого утопического социализма. Не будучи в отличие от польских революционных демократов представителями аграрной демократии, чешские и словацкие радикалы отражали в основном настроения мелкобуржуазных кругов города, а частично и деревни, что, разумеется, не могло не отразиться на их позиции в социальной области. Показательно, что они исходили из необходимости сохранения частной собственности. Более отчетливо программные установки чешской, словацкой и румынской радикальной демократии получили развитие в 1848—1849 гг.

В целом в национальных движениях Австрийской империи, исключая венгерское, итальянское и польское, преобладало воздействие реформистских либерально-буржуазных концепций, среди которых первое место с точки зрения общественного воздействия принадлежало программе австрославизма.

Истоки этой программы, наиболее полно сформулированной в 1848 г. и сыгравшей важную роль в деятельности лидеров либерального крыла национальных движений ряда славянских народов в ходе революционных событий, восходили к последним десятилетиям XVIII в. Эти попытки, ранние следы которых заметны уже в выступлениях первых чешских просветителей (например, Ф. Пельцля), оживились в период сословного дви-

жения начала 1790-х годов, после смерти Иосифа II. Вопрос о месте славян в габсбургской монархии стал весьма актуальным и вследствие подъема политического движения в Венгрии, когда, казалось, на какой-то момент судьба государства повисла на волоске. Не случайно, что в 1791 г. по этим вопросам почти одновременно высказывались словенец А. Линхарт и чех И. Добровский [Začek, 767].

Славянская общественность с большим интересом восприняла речь Добровского, с которой он выступил на заседании «Чешского общества наук» в присутствии императора Леопольда II. Чехи, говорил Добровский, наряду с остальными подвластными Габсбургам славянами составляют большинство населения государства и могли бы явиться оплотом его могущества. Но подлинная преданность славян возможна лишь при условии уважения их национальных прав со стороны правительства. Добровский фактически исходил из руссоистской теории «общественного договора» и провозглашал, что славяне будут сохранять верность императору до тех пор, пока он останется «мудрым и справедливым законодателем». Добровский провозгласил ряд требований по соблюдению национально-культурных прав чешского народа [184, с. 27—29]. Речь его произвела большое впечатление на современников, а перевод ее на латинский язык был опубликован деятелем словацкой культуры Ю. Фандли в 1793 г.

По мнению З. Шимечека, именно тогда, между 1795—1814 гг., австрославизм и начал оформляться как один из вариантов государственной (в противоположность сословно-земской) австрийской идеологии (Šimeček, 1977). Несомненно, что в основе его лежал вопрос о характере взаимоотношений между славянскими народами империи и Габсбургами. Но не меньшее воздействие на выработку основ австрославизма оказали проблемы отношения чешского национального движения, во-первых, к России и, во-вторых, к Пруссии. Последнее приобрело особую актуальность после формальной ликвидации Священной Римской империи, последним главой которой был австрийский монарх, и подъема немецкого освободительного движения в годы борьбы против Наполеона. Оценка этих проблем могла быть различной. Но реальность их в первой половине XIX в. не вызывает сомнений. Примечательно, например, что на провокационный вопрос цензора Яна Циммермана, заданный Юнгману: «Долго ли еще будет продолжаться это австрийское иго?», последний, как сам позднее вспоминал, ответил, «что если бы сегодня мы его утратили, то завтра нас схватил бы пруссак, простирающий на нас свои взоры»⁵¹. И хотя в данном случае Юнгман нарочито маскировал свои подлинные взгляды (характерно, что он ничего при этом не сказал о России), сама возможность постановки именно такого вопроса была типичной. На причины, побуждавшие чешское национальное движение мириться с сохранением

Австрийской империи, обращал внимание позднее **В. И. Ленин**²⁵.

Непосредственным поводом к выступлениям в австрославистском духе в 40-х годах оказалась позиция венгерских публицистов. В конце 1840 г. в штутгартском журнале «Дойче фиртельяршрифт» появилась анонимная статья венгерского автора «Славянские народы и их отношение к Германии». В ней немецкая общественность предостерегалась от «панславизма» славян Австрийской империи. Автор подчеркивал особую историческую роль венгров в отношении этой опасности. С ответом в газете «Аугсбургер альгемайне цайтунг», также анонимно, выступил «чешский» аристократ граф Л. Тун. Один из видных консервативных деятелей Тун выражал настроения той части дворянства, которая была заинтересована в укреплении Австрийской империи и, вместе с тем, была убеждена в необходимости ослабления национальных противоречий в ней путем реформ. Отклонив обвинения по адресу австрийских славян в панславизме, он приводил доводы в пользу того, что славянские движения заслуживают поддержки со стороны австрийского правительства. В частности, он утверждал что 15 миллионов славян Дунайской монархии составляют основу ее могущества. Поэтому задача австрийского правительства, по мнению автора, состояла в поддержке славянских языков и литератур. Тун отвергал необходимость изменений в существующей политической системе монархии. В этом отчетливо проявился консервативно-охранительный характер его позиции.

После очередного выступления в зарубежной немецкой прессе в 1842 г. Тун опубликовал свою известную брошюру «О настоящем положении чешской литературы и ее значении»⁵². Тун доказывал, что потребность защиты от могущественных соседей является тем связующим звеном, которое соединяет воедино национальности Австрийской империи. Отсюда следовало, по его мнению, что развитие габсбургского государства должно основываться на взаимном уважении самобытности народов. Установления языкового равноправия в монархии, по словам Туна, требовало и возрастающее значение восточного вопроса, в решении которого подунайским славянам предстояло сыграть важную роль. В 1843 г. вышло сочинение Туна «Положение словаков в Венгрии», посвященное защите словацких национальных позиций.

В полемику, разгоревшуюся между венгерскими, с одной стороны, и чешскими и словацкими публицистами — с другой, чешские либералы непосредственно вступили в 1841 г. Это была статья Й. Воцеля «Денационализация славян», опубликованная в «Аугсбургер альгемайне цайтунг». В ней впервые была сформулирована мысль о том, что Австрийская империя обеспечивает славянам защиту перед лицом зарубежных держав и Венг-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.

рии и эта гарантия составляет основу верности славян правящему дому. В позиции венгерского национального движения автор усматривал опасность для империи. Это была постановка вопроса, вошедшая позднее как составная часть в доктрину австрославизма [928; Кої, 767].

Отрицательное отношение австрийского правительства к плану объединения Германии в его малогерманском варианте, противодействие двора требованиям венгерского среднего дворянства, незначительные уступки славянам, в действительности являвшиеся частью политического маневрирования короны в условиях нарастающего обострения австро-венгерских противоречий, наконец, раздуваемый немецкой печатью страх перед политикой царизма — все это укрепляло у чешских либералов иллюзии о совпадении интересов славянских народов и австрийского правительства, усиливало в их рядах тенденцию к сохранению австрийского государства с преобразованием его на федеративной основе. Со всей отчетливостью такая позиция проявилась в статье К. Гавличека-Боровского «Славянин и чех» (1846 г.).

Обратим внимание на одно обстоятельство, которое нередко не учитывается: статья эта была написана Гавличеком вскоре после возвращения его из России, где он мог достаточно хорошо познакомиться не только с московскими славянофилами, но и с отношением к славянскому вопросу в официальных кругах. А отношение это было более чем сдержанным (об этом см. в главе 4). Официальная позиция царизма в отношении национальных движений славянских народов в Австрийской империи была далека в те годы от их поддержки, и Гавличек, единственный тогда из будущих деятелей чешского движения, побывавший в России, не мог не знать об этом. Можно с большой долей вероятности предположить, что такая информация сыграла не последнюю роль в его переходе на австрославистские позиции.

Отвергая в статье «Славянин и чех» мысль о возможности политического объединения славян в любой форме, он обращал внимание на зависимость будущих судеб австрийских славян от мощи империи, поскольку именно она якобы обеспечивает их безопасность. В статье был впервые поставлен вопрос о необходимости и важности тесного сотрудничества чехов с южными славянами, причем Гавличек подчеркивал экономические выгоды от такого сотрудничества для более развитой чешской стороны [609, с. 39, 45, 56]. Статья Гавличека явилась своего рода политическим манифестом чешского буржуазного либерализма, стремившегося решить чешский вопрос в союзе с национальными движениями других славянских народов Австрийской империи и на основе лояльности по отношению к Вене, рассчитывая на поддержку за это со стороны правительства.

Австрославистские или очень близкие с ним идеи высказывались деятелями ряда других славянских народов. О необходи-

мости сотрудничества австрийских славян в начале XIX в. писал Е. Копитар, мечтавший об их сплочении и о создании общего для них латинского алфавита [Чуркина, 309]. В известной мере, если к числу австрославистских относить любые программы решения национальных проблем славянских народов в рамках империи (реформистским путем), сюда следовало бы отнести и Яна Коллара, хотя сам он возражал против идей «славянизации» Австрии, казавшихся ему слишком радикальными. Интерес к этим мотивам усилился в 1840-е годы. В 1845 г. хорватский либерал Ф. Жерявич в письме Л. Гаю высказал мнение, что Австрийская империя, где, по его подсчетам, было 18 млн. славян, в ходе своего исторического развития, в особенности же с возвышением Пруссии, оторвалась от Германии и постепенно превращалась в славянское государство. Отсюда Жерявич делал вывод, что правительство вынуждено поддерживать «справедливые желания» славян, он проповедовал иллюзии о возможности перерождения Австрийской империи в славянское государство. Жерявич связывал с империей и судьбы всех южных славян в случае распада Османской империи, который представлялся возможным и близким. При этом он был против того, чтобы придунайские и находившиеся под властью Порты славяне, которые, по его мнению, пока тяготели к Австрии, отдались бы под покровительство России [889, с. 511—512]. В 1847 г. хорват И. Кукулевич-Сакцинский в одной из статей заявил, что в Вене «скрыто прошлое и будущее трех великих славянских ветвей» — чешско-словацкой, иллирийской и польской⁵³.

Так незадолго до революции 1848 г. в славянских либеральных кругах, прежде всего в чешских и хорватских, стало складываться представление о возможности и целесообразности решения национального вопроса в рамках Австрийской империи путем ее преобразования объединенными усилиями славянской оппозиции в буржуазно-конституционном и федеративном направлении. Насколько наивными и вредными для освободительных устремлений славян были подобные иллюзии, показали события революционных лет.

Важно выяснить причины, по которым идеи австрославизма, сформулированные чешскими публицистами, оказались привлекательными как для чешских либералов, так и для близких к ним по настроениям деятелей ряда других славянских движений.

Если в политическом плане австрославизм с его духом лояльности был в значительной мере порожден слабостью формировавшейся чешской буржуазии, искавшей себе союзников, то экономической его предпосылкой явилось расширение внутриимперских рыночных связей. Чешская буржуазия была заинтересована в закреплении экономических позиций в восточных провинциях империи, которые были важным потребителем промышленной продукции чешских земель и одновременно источни-

ком сырья, а также в расширении экономического влияния в южнославянских землях. Отсюда ориентация на сохранение империи влекла за собой создание условий для сближения чешского либерально-буржуазного лагеря с теми социальными группами югославянских земель, которые также были связаны с империей узами экономического и политического характера и вместе с тем проявляли озабоченность сохранением своих прав в борьбе с более мощными конкурентами.

Идеи политического лоялизма господствовали вплоть до 1848 г. и в национальном движении влахов Трансильвании. В 1845 г. Г. Барициу писал, что его соотечественников в Трансильвании ждет счастливое будущее «под отеческой защитой австрийского дома».

Но несмотря на демонстративную лояльность (а следует отметить, что свою лояльность подчеркивали и венгерские либералы) деятели движений, в которых преобладали реформистские настроения, выступали за отмену (обычно — за выкуп) барщины и в пользу создания условий для буржуазного развития своих народов. В чешской, словацкой и хорватской общественной мысли требования такого рода все более настойчиво раздавались во второй половине 1840-х годов. Таковы, например, выступления одного из представителей чешского либерально-буржуазного направления Я. Воцеля, экономические планы хорватских либералов, в том числе проект депутатов Вараждинской жупании об освобождении крестьян за выкуп, движение Л. Штуром в 1846—1847 гг. программы буржуазных преобразований и ликвидации в пределах Венгерского королевства крепостного права и т. д. За проведение реформ, в том числе ликвидацию крестьянских повинностей (за выкуп), высказывались в 1840-е годы и деятели румынского национального движения в Трансильвании. Таким образом, и эти программы имели антифеодальный характер. Их главное отличие от программ, приведенных выше, заключалось не в социальной сфере, а в отношении к австрийскому многонациональному государству.

И радикальные и реформистские программы отразили в идеологической форме глубинные процессы формирования наций у народов Австрийской империи. При этом в трактовке самого понятия нации между ними существовали определенные различия. В лозунге венгерского движения «одно государство — одна нация» нашло выражение государственно-правовое понимание нации, корни которого восходили к институтам феодальной государственности. Суть этой трактовки, имевшей распространение и в польской общественной мысли, заключалась в отождествлении понятия нации с дворянством. Показательно, что в упоминавшемся выше (глава 3) Торчинском манифесте, отражавшем чаяния крестьянства Речи Посполитой, «нация» противопоставлялась угнетенной части народа. Взывая к благоразумию шляхты и, вместе с тем, угрожая ей насилием, авто-

ры манифеста заявляли: «Мы обращаемся к вам, представители могучей, мудрой и проницательной нации: взвесьте свои интересы, оцените те блага, которые потеряете». В другом месте этого документа, где аристократия именуется «нацией, ошалелой от беспредельной гордыни», это отождествление нации с дворянством становится еще более очевидным [83, т. 1, с. 86—88]. Манифест, таким образом, отразил бытовавшие в польском обществе второй половины XVIII в. представления о «нации» как о сословном сообществе феодального типа [Липатов, 309]. Против такого понимания нации в последний период польского Просвещения решительно выступали Г. Коллонтай, Ф. Езерский и некоторые другие представители прогрессивной мысли. После разделов страны шляхетско-сословное и государственно-правовое понимание нации начинает уступать место иному, исходившему из этнокультурных факторов. Это было естественно в условиях утраты Польшей независимости, включения ее территории в состав соседних государств и возникновения многочисленной польской эмиграции в разных европейских центрах. И. Лелевель и ряд других представителей польского национального движения первой половины XIX в. призывали поляков к сохранению в такой обстановке их культурных и исторических традиций, а Э. Дембовский и П. Сцегенный, например, с революционно-демократических позиций подчеркивали, что основу польской нации составляют трудовые слои населения. В то же время землевладельческие помещичьи круги под польской нацией имели в виду все полиэтническое население, находившееся на территории, на которой они когда-то властвовали.

В Венгрии, где сохранились сословные представительные институты, и после того, как с первых десятилетий XIX в. к венгерской нации стали причислять непривileгированные слои населения, нация все же трактовалась в первую очередь не в этническом, а в территориально-политическом смысле. Это была так называемая идея единой политической нации. Согласно ей к венгерской нации причислялись не только мадьяры, но и представители всех других национальностей королевства, которые считались тоже венграми, но говорящими по-сербски, по-словацки и т. д.

Впрочем этнические моменты при этом полностью не отвергались, и Д. Бешенеи писал: «Все нации стали образованными лишь благодаря своему родному языку и ни одна — благодаря чужому» [82, с. 41—42]. Однако эти рассуждения были призваны обосновать только права венгерского языка против германизаторских тенденций двора. В подобной, внутренней противоречивой концепции венгерской нации, при которой за основу брался государственно-политический принцип с сохранением мадьяризма, лежали, в частности, истоки будущих конфликтов венгерского освободительного движения с национальными устремлениями других народов королевства.

В известной мере идея венгерской «политической нации» получила в хорватской общественной мысли зеркальное отражение в представлениях о «Великой Иллирии». Эту концепцию изложил в 1832 г. в своей «Диссертации» граф Янко Драшкович. Выдвинутый им план образования с помощью Вены отдельного от Венгрии и противостоящего ему Иллирийского королевства предполагал усиление позиций хорватского дворянства в его борьбе против мадьярских правящих кругов. Но и в представлениях Л. Гая и его соратников несколько лет спустя «Великая Иллирия» мыслилась как такое объединение, в рамках которого произойдет слияние языков и культур южных славян (фактически подразумевались сербы, хорваты и словенцы).

В целом для эволюции представлений дворянских идеологов о нации в первой половине XIX в. наиболее характерно следующее. В эпоху феодализма представители господствующего класса, стремясь обосновать исключительные права дворянства, нередко подчеркивали даже его этническое отличие от массы «простонародья», плебса (такие теории получили распространение в Венгрии и Польше). С началом формирования наций, в период складывания социальной структуры буржуазного общества, усилия либеральных дворянских публицистов все более направляются на доказательство общности интересов всего «родного народа», независимо от сословно-классовой принадлежности и имущественного положения. Более того, к «своему народу» заодно причисляются и другие народы, населяющие территорию многонациональных государств, возникших в средние века.

В итальянских землях с их однородной этнической структурой национальный вопрос трактовался (Д. Романьози) как право каждого народа на свободу в пределах своей территории. Мадзини, исходя из интересов освободительной борьбы, трактовал нации под углом зрения социально-политических задач движения. Первостепенными по значению для нации он считал не этнические, историко-культурные или географические факторы, а равенство гражданских прав, которые объединяли бы усилия народа в борьбе за социальный прогресс родины. Такая позиция естественна для итальянского демократа, так как Мадзини не было необходимости доказывать тезисы о достоинствах итальянской культуры, наличии особой национальной территории и т. п. Глубокое для того времени и демократическое по содержанию понимание задач национально-освободительной борьбы сочеталось в воззрениях Мадзини с помыслами об объединении усилий всех угнетенных народов габсбургской монархии против общего врага и для создания условий их справедливого национального самоопределения. Отрицательно относясь по этой причине как к реформистским идеям австрославизма, так и к мадьяризаторским усилиям венгерского дворянства, Мадзини считал первоочередным единство австрийских славян на основе демо-

кратической и радикальной программы и полагал, что поляки могли бы сыграть в его создании ведущую роль.

Если в венгерской, а отчасти, в основном до разделов страны, и в польской общественной мысли господствовало «государственно-политическое» понимание нации (т. е. под «нацией» в сущности сначала понимался организованный в масштабе государства господствующий феодальный класс, а позднее — все полиэтническое население данного государства), то у других славянских народов, входивших в состав державы Габсбургов, а также и в румынском национальном движении, росло понимание нации в первую очередь как этнического коллектива. З. Орфелин и Д. Обрадович подчеркивали единство «языка и кровного родства» сербов как основы для их сплочения; с признанием этнического единства всех словенцев выступал в конце XVIII в. А. Линхарт. Ян Коллар рассматривал нацию в духе Гердера как общность языка, характера и нравов. По мере роста национального самосознания в Словакии укреплялось понимание этнической самобытности народа, получившее закрепление в языковой реформе штуровцев в 1840-х годах. В подобных случаях под нацией понималось некое этническое единство, спаянное общностью происхождения, «духа» и языка и включавшее в себя весь народ, говоривший на этом языке. С этой точки зрения важна мысль Юнгмана, выраженная им в начале XIX в., что основой жизнеспособных сил наций прежде всего является крестьянство. Различные тенденции в толковании понятия нации вытекали из различий экономического и политического положения соответствующих народов и существовавших у них социальных структур.

Тенденция к государственно-политическому истолкованию нации возникала там, где общественную роль играло «свое» национальное дворянство и сохранялись сословные представительства. Таким толкованием нации «устранялись» претензии плебейских «племен» государства на получение политических прав. Наиболее типичным был пример венгерского движения. Показательно, что в польской общественной мысли время утраты страной независимости оказалось рубежом в переходе от «государственно-политического» толкования нации к этническому. Но характерно и то, что переход этот не был последовательным, и в этом сказались интересы польского землевладельческого класса. Этническое толкование было естественным прежде всего для тех народов, которые не имели национального дворянства и вели борьбу за объединение своих этнических территорий. Впрочем, идею «государственно-политической нации» и связанную с ней теорию «государственного исторического права» брала на вооружение и национальная буржуазия, когда это ей было необходимо.

Для самоутверждения сформировавшихся наций, особенно на начальных этапах этого процесса, когда широкая массовая база

освободительных движений еще не сложилась, не меньшее значение имел и вопрос: какое место в Европе занимает тот или иной народ? В 1770 г. венгерский ученый Я. Шайнович обращал внимание на родство венгерского языка с другими языками финно-угорской группы [89, т. 1, с. 492]. И хотя подобные наблюдения не привели к выработке сколько-нибудь целостной национально-политической концепции, позднее, в 1830-х годах, Ш. Керешы выступил с инициативой изучения родственных венгерскому языков в связи с проблемой происхождения венгерского народа [89, т. 2, с. 122]. Более четко сходная тенденция прослеживается в позиции владшских просветителей трансильванской школы, выдвинувшей так называемую латинскую теорию, согласно которой румыны были «чистокровными потомками римлян» [98, с. 241].

Но совершенно особое место поиски генетического родства и идеи этнокультурной общности заняли в общественной мысли и культуре славянских народов Австрийской империи.

5. Концепции славянской общности и проблема сотрудничества славян до 1848 г.

Представления о славянской этнической общности были приущи культурным слоям разных славянских стран со времени раннего средневековья и издавна имели определенное общественное значение [Королюк, 93]. Правящие круги славянских государств, а также церковь, пытались использовать в своих политических и идеологических целях объективный факт славянского этнического родства [1145а; 187].

В эпоху формирования буржуазного общества основным следствием и одновременно элементом этнических процессов была трансформация самосознания патриархального, местного и сословного в национальное. Вместе с тем быстро развивавшиеся многообразные связи между славянскими территориями и странами в сочетании с подъемом культурного уровня населения способствовали распространению в народных массах сведений о славянской этноязыковой общности, распространению сознания и чувства родства между славянами.

На Балканах, где борьба крестьянства против османского феодализма сливалась с национально-освободительным движением, где вспыхивали массовые народные восстания за национальную независимость, не было социально-политических и культурных условий для формирования теорий славянской общности. Иная обстановка сложилась в Австрийской империи. Здесь, в условиях национального возрождения, идеологическая борьба приобрела исключительное значение и были сформулированы различные концепции проблемы взаимоотношений между славянами.

Представление о славянской общности, не являвшееся продуктом буржуазной эпохи и органически не связанное с буржуазной идеологией, в эпоху перехода от феодализма к капитализму служило складыванию у славянских народов буржуазно-национальных идей. Формирующаяся интеллигенция каждой славянской страны, которая во все большей мере выражала устремления растущей национальной буржуазии, стремилась использовать факт славянского этнического родства в интересах данного национального движения в соответствии с общими идеологическими построениями его ведущих сил. В ходе творческой переработки идей европейского Просвещения и философских систем второй половины XVIII — начала XIX в. и в обстановке усиления объединительных национальных движений в Германии и Италии в среде угнетенных славянских народов габсбургской монархии постепенно формировались концепции славянской общности (или единства) и славянской взаимности (т. е. идеи сотрудничества, солидарности, взаимопомощи родственных народов). Эти концепции, как правило, являлись элементом формирующейся идеологии буржуазного типа, хотя их развивали и использовали также и феодально-дворянские круги, отстаивавшие таким способом в условиях кризиса феодального строя свои сословные интересы. Вообще идеи славянской общности не являлись самостоятельной системой и должны поэтому рассматриваться и оцениваться в органической связи с социальными устремлениями и идеологическими построениями разных классов в соответствующую эпоху.

Резко возросшее внимание к славянской этнической общности (родству) в конце XVIII — первой половине XIX в., таким образом, было связано с формированием социальной структуры буржуазного общества, складыванием наций, зарождением национальных движений. Естественно, что теории, являвшиеся следствием указанного процесса, служили в качестве средства обоснования национальных интересов, а у ряда славянских народов — для самоутверждения как нации, позднее — для борьбы за равноправие и национальный суверенитет. С особой остротой эти проблемы вставали перед народами с «неполной» социальной структурой, не имевшими, как правило, особых национально-правовых институтов.

Сам факт принадлежности данной зарождающейся нации к славянству, к обширной славянской этноязыковой общности, оказывал вдохновляющее воздействие на идеологов и активистов национальных движений, придавая им уверенность в своих силах и в конечном успехе национального дела.

Громадное значение для распространения идей славянской общности имело возвышение России, рост ее мощи, усиление ее политического и культурного влияния в Европе, начиная с эпохи Петра I. Могущество России, героическая борьба русского народа против наполеоновского нашествия, наконец помощь России

делу восстановления сербской государственности служили большинству лидеров славянских национальных движений в качестве веских доводов в пользу способности их народов к самобытному национальному существованию [125, с. 220].

Как правило, ссылка на славянскую общность служила дополнительным аргументом в борьбе против сильных противников, за достижение определенных национальных целей. (Лишь в исключительных случаях славянская общность временно приобретала доминирующее значение, а собственная, национальная, отодвигалась на второй план). Поэтому, стремясь организовать образование на родном языке, славянские ученые и публицисты в Австрийской империи в конце XVIII — начале XIX в. сплошь и рядом писали, например, не о чешской или хорватской литературе, а о «славянской» литературе, не об отдельных национальных языках, а о славянском языке. Конечно, при этом имел значение уровень филологических знаний, в частности, неразработанность терминологии. Тем не менее обычно имелся в виду свой язык. Более того, подчас понятие «чех», «словак» и др. сознательно подменялось понятием «славянин», — все это с целью указать на принадлежность к славянской общности. Особенности культурной жизни многонациональной империи, в частности, совместное обучение молодежи разных славянских народов в Вене, Пеште, Братиславе, Граце, участие в совместных научных кружках и студенческих обществах, многообразные иные формы контактов (экономика, политика, церковь, культура, в том числе значительный интерес к литературе на славянских языках — русской и народов Австрийской империи, все оживлявшийся обмен книгами и пр.), сходство многих задач национального возрождения — все это, несмотря на особые интересы формирующейся буржуазии каждой нации, способствовало распространению идей славянской общности и солидарности.

Таким образом, сознание этнического родства славян отвечало в тех условиях интересам национальных движений и именно поэтому получило распространение. Что касается попыток использования представлений о славянской общности для формирования доктрин национального единства всех или некоторых славянских народов, то их несоответствие объективному процессу выяснялось по мере формирования наций. Только реальная действительность, которая развивалась далеко не всегда так, как предполагали те или иные идеологи, определяла жизненность или фантастичность их теорий. Число сторонников теории единого славянского народа и языка, ввиду явного несоответствия ее реальной жизни, уже в первой половине XIX в. было незначительным. Доктрины же якобы национального (фактически — регионального) единства некоторых народов, на раннем этапе формирования наций подчас имевшие объективные основы и прогрессивные последствия, по мере исторического разви-

тия все больше становились выражением экспансионистских интересов буржуазных кругов отдельных наций. В некоторых случаях они были следствием крайне трудных условий, в которых протекали те или иные национальные движения.

В процессе формирования наций создавался и действовал комплекс различных общностей, а именно: социально-экономические связи, общность языковая, территориальная, некоторых культурно-психологических черт (изменявшихся исторически), наконец, сознание национальной принадлежности, которое складывалось на этой базе. Первостепенное значение для определения места идей славянской общности в первой половине XIX в. имели особенности процесса формирования сознания этнической принадлежности у отдельных народов, в частности у ведущих деятелей общественных движений того или иного народа.

Особый интерес к идеям славянской общности у чехов и словаков был связан с условиями формирования этих наций (наличие на территории, где они составляли большинство, населения, принадлежавшего к господствующей или привилегированной нации, инациональный облик городов, развитые процессы ассимиляции и др.). У южных славян роль идей славянской общности была скромнее²⁶, хотя сознание славянского этнического родства и здесь получило значительное распространение²⁷.

Представления о славянской общности были восприняты национальными деятелями от гуманистической традиции XVII в. Орбини, Бальбина, Крижанича, Риттера, Бела и др. (Иногда это явление определяют как «барочный славизм»). В чешском обществе эти представления углубляются и распространяются вместе с созреванием чешского национального самосознания, как элемент этого самосознания. «Именно проблема союзника составляла ядро чешского славизма нового времени..., и вместе

²⁶ Словенцы, у которых отсутствовали традиции национальной государственности, в конце XVIII в. осознавали себя особым народом среди славян. Об этом писал Линхарт в «Опыте описания истории Крайны и других земель южных славян Австрии»; это отмечали Г. Япель и Б. Кумердей, называя в своем переводе библии словенский язык славо-карниольским (славяно-кранским). [См. также: Sidak, 767, s. 253—254.] Деятельность В. С. Караджича в первой четверти XIX в. свидетельствует об относительно высоком уровне национального самосознания у передовых представителей сербской интеллигенции. Это подтверждается также учреждением Сербской матицы в 1826 г. Сознание своей национальной самобытности не мешало сербским публицистам указывать на близкое родство славянских народов и уже в первом выпуске журнала «Сербские летописи» (1825 г.) любовно перечислять имена выдающихся представителей русской литературы, включая молодого Александра Пушкина^{53a}. Характерно помещенное здесь же программное заявление: «Все, что касательно литературной жизни славянских народов... вообще, а особенно нас, сербства,— все это предмет «Сербских летописей» [173, с. 10]. Живой интерес к литературе родственных народов здесь совмещался с реализмом в понимании структуры славянства.

²⁷ У сербов в этом отношении характерна концепция Й. Райча, крупного историка, писавшего в последние десятилетия XVIII в. [Мокутер, 1968].

с тем она освещает ту исключительную роль, которые имели в чешских землях представления о родстве и сотрудничестве славян... Славянство усиливало осознание исторического и современного бытия чешского народа и веру в его будущее» [1995, с. 88—90].

Представления о славянской общности у чешских ученых получали все большее развитие во второй половине XVIII в., особенно с конца 70-х годов, именно в связи с усилением интереса к чешскому языку и заботой о его развитии. Подчеркивание принадлежности чешского «наречия» к славянскому языку служило делу воспитания национального патриотизма и приобретало форму «защиты языка» (см. § 6 данной главы). Для Я. Неедлы в конце XVIII в. было весьма существенно, что «народ славянский — наибольшее племя всего человечества» и не только по численности, но и по «славе, учености и патриотизму», ибо все это было аргументом в пользу чешского языка. В известном выступлении Добровского (1791 г.) эта тенденция получила еще более ясное выражение. Он подчеркивал, в частности, что славянские народы, ранее угнетенные и слабые, «ныне в лице русской ветви... господствуют от Черного моря до Ледовитого океана».

Новый этап в развитии идей славянской общности в чешской среде связан с деятельностью Юнгмана и его последователей. Юнгман считал, что русский язык может стать общеславянским, но не отрицал и той возможности, что в этом качестве — в пределах Австрии — выступают чешский и польский языки в их синтезе [Мыльников, 993]. Тогда же распространялись проекты создания общеславянского алфавита на основе латинского и кириллического. Походы русских войск через чешские (а также словацкие и словенские) земли в конце XVIII — начале XIX в. продолжали питать «общеславянские» надежды. Но позднее, в условиях Священного союза эти надежды имели, скорее, характер психологического подспорья для деятелей национального возрождения, а русофильство практически ограничивалось рамками, дозволенными Священным союзом. Лояльность по отношению к Габсбургам господствовала, во всяком случае формально.

На Россию смотрели как на страну, где свободно развивается культура славянского народа; критические мысли социально-политического содержания (о сущности самодержавия) к этому до поры, до времени не примешивались. Некоторые горячие защитники чешского языка полагали, что в составе славянской империи были бы устранены препятствия его расцвету. Эти воззрения питались страхом перед угрозой германизации.

В 1826 г. Шафарик в «Истории славянского языка и литературы по всем наречиям» скептически отнесся к возможности создания общеславянского языка, а позднее прямо выступил против «искусственного, неорганического смешения» разных

наречий. Сам Юнгман, до конца дней мечтавший об общеславянском языке, в 30-х годах назвал «золотой книжкой» сочинение Коллара о славянской литературной взаимности (1836 г.), в которой автор отстаивал идею наличия четырех главных славянских народов и языков и проповедовал их сближение. С 20-х годов в ученых трудах по филологии наряду с подчеркиванием славянской общности все большее внимание концентрировалось на изучении чешского языка. Вместе с тем, разворачивалась деятельность в духе культурной взаимности славян: издавались сборники народных славянских песен и др.

События польского восстания 1830—1831 гг. нанесли удар по старому романтическому русофильству. Такие деятели, как П.-И. Шафарик, Ф. Челаковский, а позднее К. Гавличек-Боровский и К. Сабина, поняли, что царизм глубоко враждебен не только польскому, но и русскому народу [185, с. 20; 42а, с. 116]. Таким образом, польское восстание серьезно поколебало незрелые представления об основах славянской солидарности.

Как и у чехов, идеи славянской общности у словаков созревали по мере зарождения и формирования у деятелей словацкой культуры сознания национальных интересов, т. е. воплощали в себе связь национального и общеславянского. Необходимость опоры на другие славянские народы, прежде всего использования их культурных богатств, и здесь стимулировала общеславянские интересы и тенденции. Место Коллара в развитии этих тенденций и содержание его программы может быть понято лишь с учетом длительного процесса формирования идей славянской общности у словаков. У Ю. Папанека (1780 г.), писавшего историю «славянского народа» (точнее — рода, лат.—gens), неопределенное представление об этом «роде» соединяется с вполне осознанной задачей доказать автохтонность «славянского племени, искони живущего на север от Дуная», т. е. словаков, хотя этнонима «словаки» словацкий автор еще не использует.

Ян Грдличка из «славянского народа» (1785 г.) выделял «нашу милую славянскую нацию» (или «племя», если учесть, что тогда понятие «нация» во многом определялось латинским *patio*), обитающую в «дистриктах Нитра, Бистрица, Кошице». Ясно, что «славянский род», придунайское «племя», как и славянская «нация» (т. е. словаки) Грдлички не имеют ничего общего с древнеримскими и иными понятиями, по-латыни звучащими одинаково; такую особенность тогдашней терминологии, не совпадающей с современной научной, всегда следует иметь в виду во избежание ошибочных выводов. У Папанека и Грдлички уже есть понятие о словацком народе, хотя и обозначаемое неадекватно, и это естественно для эпохи, когда нации лишь зарождались. Ю. Фандли (1793 г.), давая обзор истории «славянского рода» (gens), вновь фактически писал о словаках, защищая их от мадьяризации и отстаивая кодифицированный

Бернолаком (1787 г.) словацкий литературный язык и его преподавание в школе. Сочинения А. Бернолака о языке «славян» имели в виду словацкий язык, словарь которого он подготовил в 1796 г. (издан в 1825—1827 гг.). Бернолак указывал, что для развития «славянского языка» много сделали чехи, русские, поляки и хорваты, и как словацкий патриот высказывал сожаление по поводу того, что словаки в этом отношении отстали. Бернолак сожалел о том, что «паннонские славяне» мало сделали для культивирования «свойственного им славянского языка». Несомненно понимание Бернолаком того факта, что чехи, русские и т. д. развивали свои («племенные») языки, тем более, что он считал словацкий язык самостоятельным «наречием» славянского языка. Во всем этом своеобразном способе выражения сказалось понимание языкового этнического родства славянских народов и важность этого родства для защиты словацких национальных интересов.

Крайняя слабость национальных позиций словаков и длительная традиция использования старочешского литературного языка в Словакии, как отмечалось выше, способствовали формированию так называемого чехословацкого течения словацкого национального возрождения, в чем выразилось стремление словацких патриотов опереться в своей борьбе на братский народ (Ю. Палкович, Б. Таблиц и др., наконец П.-И. Шафарик и Ян Коллар). Но и при этом представления о чехо-словацком единении у чешских и словацких деятелей нередко были различными. Если Юнгман полагал, что хотя «словаки (да и мораване) не называют себя чехами, но по языку относятся к чешскому племени», то словак-протестант Ю. Рибай, его горячий последователь, считал словацкий язык самостоятельным «наречием» славянского языка, признавая при этом, что чешский язык — литературный и церковный язык словаков (1789 г.). Ближайшим предшественником Коллара в этом отношении был Таблиц, писавший, что словаки (угорские славяне) с чехами и мораванами всегда считали себя «одним и тем же народом» (1806 г.) [Tibenský, 995].

Первая четверть XIX в. — время формирования научного славяноведения. Наука способствовала дальнейшему углублению (уточнению) и распространению представлений о славянской общности, показала языковое родство всех славянских народов и наличие в среде славян более близких друг другу групп языков. Уже к 30-м годам XIX в. идеологи славянских национальных движений были далеки от непонимания этнической структуры славянства. Изображение тогдашней западной печатью славянских ученых и публицистов как несомненных глашатаев панславизма (теории единой нации во главе с царем) было следствием либо корыстных интересов противников национальной консолидации славянских народов, либо неадекватной, неформившейся этнографической и филологической терминологии,

применявшейся в первой половине XIX в. Так, Шафарик в «Славянской этнографии» (1842) показал не только родство и связи между славянскими народами, но и многонациональный состав славянства, тогда как терминология его во многом осталась прежней («народ» означал группу близких народов, «язык» — группу близких языков славянство обозначалось термином «племя» и т. д.). Термин «пангерманизм», возникший в условиях реального процесса формирования немецкой нации, и термин «панславизм», нередко применявшийся славянскими авторами для обозначения всего лишь межславянских языковых, культурных и научных проблем, существовали рядом, и это породило немало недоразумений (в том числе необоснованных утверждений, будто всякий славянин, заявляющий о своих славянских симпатиях, является сторонником царизма). Отождествление смысла, в котором оба термина применялись в то время, было бы ошибкой [Волков, 269]. В частности, на недоразумение, вызываемое колларовской параллелью «славяне — немцы», указывал уже современник Коллара, представитель консервативно-дворянского направления Й.-М. Тун, отстаивающий правильность сопоставления «славяне — германцы», т. е. германо-язычные народы (1845 г.) [Wollman, 1145, s. 61, 73—75].

В отмеченных выше условиях первой половины и особенно второй четверти XIX в. выдвигавшиеся отдельными филологами как в Австрийской империи, так и в России и Польше идеи создания единого славянского литературного языка не могли получить широкого сочувствия (см. ниже). Но нельзя не отметить, что в этих проектах наиболее «подходящей» основой общего языка часто признавался язык своего народа ^{27а}.

Для понимания существа представлений о славянской общности в 30—40-е годы XIX в. полезно обратить внимание на различие между тогдашней и современной этнографической и филологической терминологией. В знаменитом труде «Славянская этнография» (1842 г.) Шафарик разделил все человечество на «расы» (чешск. — *řetepo*). Индоевропейская «раса», по Шафарику, состояла из этнических «семей» (чешск. — *čeled'*), в том числе кельто-германской и виндской, а «семьи» — из «племен» (чешск. — *kmen*). В виндскую семью входили «племена»

^{27а} Сторонники общеславянского языка полагали, что он необходим в интересах культурного и политического развития славянских народов. Политический аспект этой идеи прослеживался во взглядах М. Майра, особенно в более позднее время. Майр считал, что все славянские племена (народы) должны развивать свои родные наречия (языки), но перед остальным миром выступать как единый народ с общим литературным языком. В начале 50-х годов XIX в. в условиях разочарования в политике Габсбургов среди части словенской интеллигенции идеи Майра стали пользоваться сочувствием. Некоторое время на искусственном «общеславянском» языке Майра издавалась газета «Словенска бчела» и альманах «Зора». Однако это увлечение было недолгим, ибо среди читателей эти издания успеха не имели.

литовское и славянское. «Племена» подразделялись на «народы».

В «Славянской этнографии» Шафарик в сущности разделил «славянский язык» на шесть языков (у Шафарика — řeč — «речь»), которым соответствовали шесть славянских народов. Эти языки — русский, болгарский, иллирийский, польский, чешский и серболужицкий [954, с. 17, 146—148]. В составленном им «Обзоре народов славянского племени» («по наречиям и государствам») ученый указывал на этническую самобытность болгар, на самобытность и языковую общность украинцев России и Австрии, на самобытность белорусов (что для того времени было замечательным научным достижением); на самобытность сербов, хорватов и словенцев (в составе «иллирийского народа») ²⁷⁶, наконец, словаков (в составе «чешского народа» наряду с чехо-мораванами). Правда, как и в 20-е годы, Шафарик, не отрицая этнической самобытности словаков, продолжал скептически относиться к возможности в тогдашних условиях создания литературного языка на основе народной речи. Если в «Истории славянского языка и литературы» (1826) он указал на самостоятельность словацкого «наречия» [185, с. 15], то в «Этнографии» он ввел его в состав чехословацкой языковой общности. Сознывая, что чешский язык не может удовлетворить потребности развития словацкой литературы, он даже в 1846 г. полагал, что эта литература должна создаваться на основе чешской грамматики путем обогащения чешского языка словакизмами [185, с. 31].

Как видим, взгляды знаменитого ученого на структуру славянства (при отмеченных неточностях, связанных с тем, что языку придавалось абсолютное значение в процессе этнической консолидации) в целом имели вполне реалистический характер. Шафарик — прежде всего ученый, систематически уточнявший свои выводы, тогда как Коллар — идеолог, поэт, романтик, публицист (соответственно следует относиться к его построениям, имевшим прежде всего тенденциозный идеологический характер; о критическом отношении Шафарика к выводам Коллара см.: [185, с. 41]). Но, естественно, что терминология Шафарика не могла адекватно отразить процесс консолидации славянских наций, тогда еще в некоторых случаях находившийся на ранней

²⁷⁶ Шафарик внимательно следил за развитием славянских языков, и когда, благодаря успехам Прешерна и его кружка, убедился в наличии самостоятельного словенского литературного языка, он в 1841 г. в своих рекомендациях прусскому правительству относительно создания в университетах кафедр славянской филологии указывал на три равноправных «поднаречия» — сербское, хорватское и словенское в составе «иллирийского наречия». Однако хорватскими «наречиями» Шафарик ошибочно считал лишь кайкавское и чакавское (а штокавское — вслед за Копитаром и Караджичем — сербским). Правда, при этом он отмечал, что этноним «хорват» распространен также вне пределов кайкавского наречия.

стадии. Заслуга Шафарика состояла в том, что, насчитав 11 славянских «наречий», он показал многоязыковую и многонациональную структуру славянства и вместе с тем подлинное языковое родство между славянами²⁸. Горячий сторонник культурного сотрудничества между славянскими народами, Шафарик глубоко понимал значение межславянских контактов для всестороннего развития каждого народа, в частности, в научной области. Его собственный вклад в это сотрудничество был огромен.

Таким образом, применение национальными деятелями 30—40-х годов XIX в. того или иного термина («племя», «народ», а также немецких: Volk, Nation) для обозначения нескольких этнических общностей или даже всего славянства вовсе не свидетельствовало во всех случаях о непонимании этнической структуры славянства. Конечно, незрелость процесса формирования наций и неизученность его не только давали возможность для разных построений в интересах той или иной политико-идеологической национальной концепции, но и в действительности подчас еще могли породить и порождали нечеткость представлений. Эта нечеткость исчезала по мере общественного развития славянских народов. Разумеется, дать ответ, в какой степени речь идет о «незрелости», а в какой о сознательных политических концепциях, возможно далеко не во всех случаях. Ян Коллар назвал свое сочинение «О литературной взаимности между славянскими племенами и наречиями» (чешское издание, 1836 г.) или «О литературной взаимности славян» (немецкое издание, 1837 г.) или, наконец, «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации» (титульный лист того же издания)⁵⁴. Понятие «славянский народ» применялось Колларом и раньше⁵⁵. О содержании, которое Коллар вкладывал в понятие «нация», свидетельствует его подход к германскому вопросу: все германоязычные народы Европейского континента он объявил единой нацией. Немцы еще более раздроблены, чем славяне, писал Коллар, «доказывая» таким способом свою правоту: они населяют 38 государств Германии, «не считая Дании, Швеции (в состав которой тогда входила Норвегия.— *Ред*), Голландии, и Спиша» [711, s. 41]. (Спиш — небольшой округ на севере тогдашнего Венгерского королевства.— *Ред*). Этот пример способствует пониманию колларовской позиции. По-видимому, именно стремление Коллара показать мощь славянства, его мечты о сплочении славян, вместе с пониманием, что славянство не составляет единой нации,

²⁸ Следует указать также на то, что в первой половине XIX в. в чешском и словацком языках понятие «наречие» (чешск.— *nařečí*) все более приближалось к понятию «язык» (*jazyk*) и в сущности стало тождественным с ним. Когда Штур писал о словацком «наречии» и необходимости «писать на нем» (1846 г.), он имел в виду литературный язык словацкого народа.

побудило его столь свободно обращаться с проблемой немецкой нации. Стремясь сплотить славянство, Коллар не останавливался даже перед утверждением, что славяне — единый народ, как турки или французы, но при этом, как он писал, — «многоплеменный народ», то есть «нация», состоящая из четырех народов с четырьмя литературными языками, причем Коллар был убежден в том, что ни одно «племя» от своей литературы и языка не откажется [711, s. 37]. Ясно, что Коллар не вкладывал в понятие «славянская нация» того содержания, которое присуще не только современному научному термину, но фактически и тогдашнему²⁹. Во время формирования наций, процесса, который и вызвал расцвет идей славянской общности, иначе быть не могло. Тем не менее Коллар и ряд других авторов наделяли славянство в целом духовной общностью, качествами, которые присущи нации. Эти качества приписывались ими одновременно разным ступеням этнической иерархии («племенам» — народам и «славянскому народу»). Четкой этнической теории, имеющей объективные основания, сторонники подобных взглядов построить не могли³⁰.

Стремясь к сплочению славян, разные авторы, и в их числе Коллар, решались отрицать закономерность формирования самосознания и литературных языков лишь некоторых народов, у которых эти процессы еще казались слабыми.

Представления о славянской общности в той или иной форме являлись стимулом для интенсивной деятельности в сфере языка и культуры своего народа и способствовали обогащению национальных культур путем знакомства с достижениями братских народов; наконец, они содействовали развитию сотрудничества между освободительными движениями, обмену опытом организации национальных культурных очагов и т. п. В этом существо прогрессивного воздействия идей славянской общности на заре национального развития народов, общественная жизнь которых, культура и язык долгое время находились в упадке.

В том случае, когда национальное развитие протекало в особенно трудных условиях, идеи славянской общности и сплочения

²⁹ Если в 1785 г. Грдличка писал о «славянском народе» и о его части — «нашей... словацкой нации», то нет оснований приписывать ему зрелое национальное самосознание; так же нельзя считать, что у авторов, писавших о «славянском народе» (того же Грдлички, а тем более Коллара), имелось реальное представление о «славянской нации».

³⁰ Наряду с тезисом о «славянской нации» взгляды Коллара характеризует следующее высказывание: «Каждое наречие должно черпать новые жизненные силы от других, чтобы омолодить, обогатить и совершенствовать себя и не только не посягать на другие и не допускать посягательств на себя, но наряду с другими продолжать свободно утверждаться на своей территории» (1837 г.) [711, s. 37]. Все это, разумеется, не имело ничего общего с теорией единого народа или славянской нации. Но сам Коллар вместе с тем наделял славянство в целом (наряду с четырьмя «племенами») национальными качествами.

имели особо значительный эффект и действовали более длительное время. Так, для словаков они являлись интегрирующим компонентом формирования нации вплоть до конца XIX в. [Pišut, 767; Butvin, 457]. В небольшой мере это было характерно и для словенцев, у которых отдельные группы придерживались аналогичных идей также до этого времени. В других случаях национальные интересы в меньшей степени выступали в общеславянском облачении, а нередко и без него.

Сознание принадлежности к славянской этнической общности не мешало восприятию славянскими деятелями прогрессивных идей у других — неславянских народов и стран, если в этом были заинтересованы те или иные прогрессивные общественно-политические течения; но это сознание стремились использовать также консервативные и националистические силы в своих интересах, противопоставляя славянские народы другим народам Европы (утверждая, например, что славянам чужд дух революции, республиканизма, социализма и т. д.). Таким образом, само сознание принадлежности к славянской этноязыковой общности идеологически нейтрально; ту или иную идейно-политическую окраску ему придавали в разные периоды различные классы и группировки.

В трудной обстановке формирования нации у угнетенных славянских народов, подчас в условиях угрозы самому их этническому бытию, при недостаточной ясности представлений о тенденциях этнических процессов выдвигались идеи региональных общностей славян, опиравшиеся лишь на факты языкового родства соседних этносов. Некоторые идеологи полагали, что достаточно кодифицировать общий литературный язык, и формирование общей нации будет обеспечено (язык казался им решающим признаком национальной общности). При этом они отрывались от реальной языковой стихии, от разговорного языка масс, от экономических связей и социальной среды, которые объективно определяли этнический процесс. Так произошло со словаками Колларом и Шафариком, которые, искренне заботясь о судьбе своего народа, вместе с тем, вопреки развивавшемуся в Словакии все более четкому представлению об особой словацкой этнической общности, выступили в поддержку тезиса о едином чешско-словацком народе и общем для него литературном языке. Шафарик, не разделявший колларовской идеи о жизнеспособности лишь четырех славянских народов и «нецелесообразности» их дальнейшего «деления», под воздействием общественно-политической обстановки сделал исключение для словаков.

Прогрессивная мысль о взаимообогащении славянских языков и литератур, имеющая непреходящее значение, сочеталась у Коллара с романтической идеей создания в неопределенном будущем общеславянской литературы и признанием лишь четырех «главнейших» языков. Это не могло не вызвать возражений

со стороны представителей целого ряда народов (в том числе вскоре и со стороны лидеров словацкого движения). Вспомним, что Копитар научно показал языковую общность и самобытность словенцев в 1808 г., а Прешерн в 1830-е годы создал замечательные художественные произведения на словенском языке; далее, тогда же в Галиции была создана «Русалка Днестровая» на украинском языке, что последователи А. Бернолака отстаивали самобытность словацкого народа и уже с середины 30-х годов развернулась деятельность так называемого штууровского поколения.

Аргументы в пользу региональных объединений, т. е. якобы национального единства в действительности разных славянских народов — вопреки все более обнаруживающемуся объективному процессу формирования наций — сохраняли силу относительно долго. Эта проблема была особенно актуальной в истории южных славян. Теория южнославянского национального единства была вызвана к жизни условиями развития хорватской и сербской нации, прежде всего смешанным этническим составом в основном единойязычного населения обширных территорий на Балканах [Фрейдзон, 1969; 328, с. 187], а также близостью кайкавского диалекта хорватского языка словенскому языку. Задачи освободительной борьбы способствовали длительному сохранению этой теории. Создавалась же она и трансформировалась в зависимости от интересов разных общественных слоев. Поэтому она то приобретала откровенно эгоистический националистический характер, то создавала возможность межнациональных компромиссов. Как правило, эти и аналогичные теории всегда создавались в интересах той нации, из которой выходил определенный идеолог. Иллиризм (и в дальнейшем — югославизм) развивался параллельно и во взаимосвязи с общеславянскими представлениями, но именно ввиду особых внутренних причин сохранял живучесть и после того, как какие-либо идеи «единого славянского народа» (или, как у Коллара, мечты о «духовном» сплочении четырех народов) потеряли силу. Но построения Коллара о «четыре народов» с энтузиазмом были восприняты и взяты на вооружение сторонниками иллиризма как готовый аргумент в пользу идеи южнославянского национального единства. Коллар формулировал идею единого иллирийского народа и языка под влиянием объединительных тенденций, которые созревали в Хорватии, и сведений о языковой ситуации в южнославянских областях. Еще в 1829 г., находясь в Пеште, Гай беседовал с Колларом об этом (Zivančević, 1966).

Таким образом, утверждения о региональной общности (иллиризм) или даже отход от них (штууровцы) не означали разрыва с представлениями и идеями славянской общности. Так, например, Гай не сомневался в том, что чехи, поляки или русские в языковом и других отношениях отличаются от южных славян. Но идеологи иллиризма не были чужды представлений

об общеславянских интересах, правда, весьма неопределенных и в политическом отношении едва ли обязывающих; аргументы в духе славянской общности приводились тогда, когда это было в интересах хорватского движения. Правда, некоторые словенские идеологи, например Маяр, рассматривали иллиризм как переходную ступень к общеславянской общности. В этом было отличие их концепции иллиризма от концепции хорватов.

Деятели хорватского, как и других национальных движений, естественно, считали другие славянские народы братскими; но они осознавали разницу между собственными и другими славянскими народами. Так, например, в 1836 г. Гай отмечал отставание «нас» (иллиров, южных славян) от «всех славянских братьев» в деле организации национальных культурных очагов («нашей» хорват Гай считал только Матицу сербскую в Пеште) [Ravlić, 790, s. 16]. Вместе с тем, Гай полагал, что в отношении словарного богатства языка среди «отдельных европейских народов» «славо-иллиры» превосходят других, а именно чехов и немцев (здесь иллиры, чехи и немцы поставлены рядом как особые народы). Такие высказывания, свидетельствующие об определенном национальном самосознании лидера иллиризма, сочетались у него со следующей формулировкой: «Все славянские народы являются нашим народом, народом самым большим в Европе, народом славянским». Ясно, что имелась в виду не нация в современном (да и тогдашнем) смысле. Для Гая это был способ указать на факт славянского этнического родства [453, с. 260—261]. Характерно также высказывание другого идеолога иллиризма С. Врбанчица (1845 г.): «Остальные народы, в особенности наши братья чехи, истребили чужой дух и ввели национальный язык и национальный дух в общественную жизнь» [см.: Лещиловская, 164].

Что касается Штура и его сторонников, то они, выступив в пользу признания национальной самобытности словацкого и ряда других народов, сделали шаг вперед по сравнению с Колларом в представлениях о словацкой нации, но сохранили представления Юнгмана и Коллара о том, что славянству присуща «надплеменная» особая общность духа и интересов (социальных устремлений, морали и т. п.), поэтому продолжали пользоваться термином «славянский народ» (как отмечалось, в процессе формирования словацкой нации эти представления долго продолжали играть положительную роль). Но проповедуя, что развитие «общего» (славянства) возможно только посредством расцвета «частного», штуровцы боролись за самоутверждение словаков как нации, хотя идеологически аргументировали эту свою борьбу общеславянским интересом.

Штуровцы критиковали иллиризм за «сепаратистские тенденции» в славянстве (по-видимому, ввиду того, что в Хорватии национальное самосознание было менее «общеславянским», чем в Словакии) и одновременно за объединительские устрем-

ления в отношении южных славян (что напоминало Штуру идею чехословакизма). Деятели иллиризма, в свою очередь, защищали чехословакизм. Ясно, что и те и другие неправомерно прилагали собственные воззрения к иным условиям: иллиризм на определенном этапе форсировал развитие хорватской нации, а идеи штуровцев были столь же полезны для Словакии.

Иллюстрацией политического значения теории национально-го единства южных славян служит пример словенцев. В течение ряда десятилетий словенское национальное движение (за исключением небольшого числа лиц) отстаивало принцип национальной самобытности словенского народа, права словенского языка и т. п. в частности против иллирийской идеи в 30—40-х годах, а затем против югославистской и великохорватской идей в 60-х годах XIX в. Но в 1870 г., в момент, когда, как казалось, стала реальной угрозой присоединения Австрии к Германской империи, словенские деятели в согласии с хорватами и сербами заявили о своей принадлежности к единому южнославянскому народу, а соответственно о наличии единого языка и единых устремлений этого народа. Так, опираясь на «национальный принцип», они обосновывали право южных славян на создание своего объединенного государства или общей политической единицы в составе габсбургской монархии. При этом словенцы, хорваты и сербы никогда не собирались отказываться от своей, «племенной» (как тогда говорили, а фактически — национальной) самобытности. Все это способствует выяснению реальной роли разных общеславянских теорий в сознании «будителей» и всей общественной жизни многонациональной габсбургской монархии.

Исключительное воздействие на славянские общественные круги в Австрийской империи выступления Коллара оказали ввиду того страстного протеста против векового «дранга» на Восток и национального угнетения славянских народов, который содержался уже в его поэме «Дочь Славы» (1824 г.), ввиду его (вслед за Гердером) романтической идеализации якобы исконно присущих славянам качеств и, главное, ввиду твердого убеждения в способности славян достичь всестороннего расцвета наряду с другими народами, убежденности, которая подчас переходила в мессианизм [1145а, с. 175, 176]. Романтическая идеализация славянства в тех условиях служила полезную службу: выступления Коллара вдохновляли «будителей» на активную деятельность, пробуждали интерес к народному творчеству, способствовали дальнейшему развитию научных исследований, контактам между учеными.

Хотя Коллар характеризовал межславянское культурно-языковое сотрудничество как «овечку», тихо и невинно пасущуюся на своем лугу [711, с. 38], в атмосфере быстрого роста национальных движений венгерский господствующий класс отнесся к его идеям как к чему-то сходному с миной замедленного дейст-

зия, заложенной под государственное здание Венгерского королевства. Независимо от высказываний Коллара, его идеи содержали скрытую политическую тенденцию. Но австрийские правящие круги, с большим подозрением следя за национальным движением славян, все же полагали, что пока дело шло об обмене книгами (да и то главным образом в пределах империи, — получению русских книг ставились препоны), об издании грамматик и основании музеев, славянские движения представляли для Габсбургов несравненно меньшую угрозу, чем нараставшая политическая борьба мадьяр против абсолютизма и за национальный суверенитет. Кроме того, национальные устремления славян можно было противопоставить венгерскому движению.

По мере изменения характера самих общественных движений идея межславянского сотрудничества стала все чаще получать политические интерпретации. Но политические отношения между славянами в 1848—1849 гг. показали, что идеи взаимности, общей и одинаковой для всех, не существовало: содержание этого понятия нечетко и многозначно, так как само по себе славянство не являлось объективно данным особым замкнутым миром, точно так же, как романские и германские народы [1145a; Pišut, 767].

Как уже кратко указывалось, для славянских национальных деятелей предреволюционных десятилетий характерно представление не только о том, что славянство является этнической общностью, иерархически более широкой, чем данный (свой) народ, но во многих случаях и о том, что эта общность обладает присущими только ей социальными и духовными свойствами и ей присуще особое, независимое от классовой структуры отдельных народов направление исторического, в том числе социального, развития.

Подобные идеи, разумеется, в принципиально разной интерпретации были присущи некоторым консервативным, либеральным и демократическим деятелям разных славянских народов (элементы их характерны, например, для А. И. Герцена, а в идеологии русского славянофильства они составляли существенную часть). В этом прежде всего заключалась идеологическая сущность выводов из факта славянского этнического родства, выводов зачастую противоречивых и эклектичных.

Именно отмеченные представления об особых общеславянских культурно-психологических «свойствах» (у Коллара — *vlastnosti*) и интересах, нечеткие и разные у представителей разных славянских национальных движений (и все более различные у идеологов разных классов), и давали основания считать, что славянские идеологи и политики верят в существование фантастической «славянской национальности». На это обращал внимание Ф. Энгельс в 1848 г.³¹

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 305—306.

Здесь мы встречаемся с коренной проблемой при изучении идей славянской общности и сотрудничества. Как отмечалось, их конкретная научная оценка возможна только в связи с характеристикой в целом идеологии той социальной среды, которая брала их на вооружение. Наиболее консервативные течения под флагом общеславянских интересов выступали за сохранение абсолютных монархий в России и Австрии.

Не случайно, что польских повстанцев 1830—1831 гг. за «измену» общеславянскому делу осуждали деятели консервативные, либо вообще лояльные Габсбургам и противники всяких революционных выступлений. На общеславянские интересы ссылались, например, публицисты, критиковавшие деятельность Штура. Но на те же общеславянские интересы, как было отмечено, ссылались и штуровцы.

Абстрагирование от социальных и политических условий характерно для многих ранних идеологов славянской солидарности. Представления о межславянских взаимоотношениях и интересах менялись по мере политических событий и общественного развития. Более передовые и зрелые идеи отнюдь не препятствовали дальнейшему развитию межславянского сотрудничества, они лишь во все большей степени учитывали социально-политические противоречия в «славянском мире», реальные интересы классов и наций (это присуще буржуазно-демократическим идеям федерации славянских республик и особенно взглядам революционных демократов).

Идеи межславянского сотрудничества не воспрепятствовали процессу сближения прогрессивных буржуазно-демократических и в особенности революционных течений и в конечном счете их совместной борьбе за свободу с революционерами Венгрии, Италии, Франции и т. д. Революционные течения все лучше понимали общность интересов всех народов в борьбе против абсолютизма, феодализма, национального гнета. О влиянии польского восстания 1830—1831 гг. на понимание рядом передовых мыслителей противоречий между интересами польского и русского народов, с одной стороны, и царизма — с другой, уже говорилось. Но восстание воочию показало также противоречия между польскими национальными интересами и классовыми интересами польской аристократии. В дальнейшем наиболее важную роль в развитии прогрессивного подхода к славянским проблемам сыграл опыт революции 1848—1849 гг. и польское восстание 1863—1864 гг. Однако сами эти события могли повлиять на общественную жизнь славянских народов только ввиду прогрессивной эволюции социальной структуры народов (формирование классов буржуазного общества) и выдвижения на первый план общественной жизни насущных задач борьбы за демократические преобразования.

Что касается чувства (и сознания) этнического родства между славянскими народами, присущего народным массам, то оно,

распространившись в период формирования наций, прочно сохранилось. Проявление же этого сознания в сфере политики определялось интересом того класса, который идеологически его «оформлял» и использовал. Как постоянный элемент зрелого демократического национального самосознания понимание факта родства славянских народов сыграло в новой истории большую прогрессивную роль.

В предреволюционные 40-е годы XIX в. получил распространение либеральный австрославизм как политическая доктрина. Австрославизм созрел постепенно. Переход от возрожденческой «общеславянской» идеологии у чехов (у южных славян, как было отмечено, эта идеология занимала меньше места) к австрославизму не означал полного мировоззренческого разрыва с прошлым. Австрославизм опирался на языково-культурные концепции чешского национального возрождения. Но только в 40-х годах XIX в. австрославистские принципы все более становились основой программы чешского национального движения, переходившего к этапу широкой политической борьбы [Zašek, 767].

В основе этого сдвига к открытому политическому протесту находились глубокие социальные перемены в чешском обществе — развитие классов буржуазного общества. Именно эти перемены обусловили и эволюцию чешского национального самосознания. Чешские национальные деятели (К. Гавличек и др.) стали выступать против концепции духовной обособленности славянства и противопоставления его другим европейским народам. (Как было отмечено выше, они подчеркивали, что славянские нации характеризуются теми же чертами, как, например, романские и германские.) Это национальное самосознание, присущее более развитому обществу, не было интегрально и органически связано с либеральным австрославизмом. Столь же зрелое самосознание могло сочетаться и действительно сочеталось, например, у сербов или хорватов в 60-х годах XIX в., с программой борьбы за независимость, с ориентацией (в связи с теми или иными классовыми интересами) на союз революционных сил славянских и неславянских народов или на помощь России, а также Франции. Политическая же ориентация чешских либералов на политику реформ в Австрийской империи определялась глубокими интересами чешской буржуазии, о которых уже говорилось.

Чешские либералы и демократы отбросили тот аспект «славянской идеи», согласно которому языковое родство славянских народов само собой служит основанием для надежд на помощь делу их освобождения со стороны царя Николая I (т. е. для некритического отношения к политике царизма) и для утверждений об особом славянском мире, противостоящем другим народам. Отход от этих идей ни в коем случае не свидетельствовал о стремлении ослабить связи между славянскими

народами (это видно хотя бы по отношению австрослависта К. Гавличека к русской культуре. В 40-е годы XIX в. Гавличек много сделал для ознакомления с ней чешского общества).

Культурное сотрудничество между славянскими народами развивалось все более интенсивно по мере социального и культурного подъема славянских наций. Это сотрудничество не было «привязано» к идеям особого славянского «духа». В дальнейшем, когда эти идеи потеряли почву, неистощимый интерес братских народов к русской культуре был обусловлен ее всемирным значением, ее общечеловеческими ценностями, постановкой крупнейших социальных проблем, а также тем, что это была культура народа, родственного по языку. Критическое отношение к царскому самодержавию, в свою очередь, органически не было связано только с австрославизмом; этот идейный сдвиг был следствием социальной эволюции всех славянских обществ и распространения буржуазно-демократической идеологии вообще.

Место формально аполитичной идеологии, совместимой, по мнению Коллара, с абсолютистскими режимами, в условиях промышленного переворота и ускорившегося формирования классов буржуазного общества занимает либерализм и радикальный демократизм с их требованиями социально-политических изменений и политических прав. Естественно, что это сопровождалось критическим отношением к австрийскому и российскому самодержавию.

Чешским буржуазным деятелям предреволюционного десятилетия были чужды идеи особой этнической общности «австрийских» славян как основы их общих интересов, т. е. особого этнического «австрославянского» самосознания, противопоставляемого общеславянскому, не было. Некоторые австрослависты (К. Гавличек и др.) вообще отрицали наличие особых славянских духовных качеств и интересов, другие сохранили элементы таких представлений. Австрославистские настроения нередко сочетались с разного рода надеждами на помощь России.

Австрославизм, как национально-политическая, преимущественно либерально-реформистская доктрина, сменил не «общеславянскую» программу, якобы радикальную и революционную, а весьма умеренную и на практике лояльную режиму позицию его предшественников (Коллара можно считать умеренным австрославистом, так как он мечтал о развитии славян в рамках австрийского государства).

Либеральная ограниченность австрославизма, его бесперспективность (если иметь в виду программу достижения национального равноправия в составе габсбургской империи) несомненны. Эта ограниченность — расчеты на австрийскую легальность — уже в начале 1840-х годов вызвала критику австрославистских идей со стороны Адама Мицкевича, выступившего в защиту борьбы народов за национальную независимость [Zašek, 1963].

Более того, возможность использования австрославистских тенденций против революционного движения не ускользнула от габсбургских правящих кругов. Но политические устремления австрийских славян в предреволюционное десятилетие не ограничивались либеральным австрославизмом. Так, в Чехии, Моравии и Словакии на идейно-политическую арену выступила мелкобуржуазная радикальная демократия. Тогда же на еще более высокую ступень поднялось польское освободительное движение, чуждое австрославизму.

Таким образом, в оппозиционной идеологии славянских общественных движений 30—40-х годов XIX в., в ее либеральном и особенно демократическом вариантах, главное — протест против феодально-абсолютистского строя (хотя другая сторона — идея сохранения австрийского территориального комплекса была существенной и, более того, по своему объективному значению, вышла на первый план во время революции). В либеральной и радикальной среде российский царизм все более определенно приобретал характеристику «чуждой славянскому духу» и навязанной славянам «немецкой» или «монгольской» государственной системы. Хотя это свидетельствовало о своеобразном сохранении некоторых представлений об «истинно славянской демократии» и особом славянском мире, в таком повороте эти представления приобретали прогрессивную антиабсолютистскую направленность. Именно эта тенденция привела в России к социальной философии А. И. Герцена и ее «выходам» в общеславянскую проблематику. Чешские радикальные демократы во время революции 1848—1849 гг. так формулировали принципы межславянского сотрудничества: «Каждая пядь свободы, добытая на славянской земле, является частичной победой славянской идеи» [462, с. 500]. «Славянская идея» становилась частью революционной борьбы за демократию. Такая ее трактовка привела к сотрудничеству славянских и неславянских революционеров в 1849 г.

Вообще по мере созревания и усложнения социальной структуры всех славянских и неславянских народов Востока Европы представления об отношениях между ними все более дифференцировались в зависимости от интересов разных классов и общественных слоев.

Особая роль в этом смысле принадлежит революционной демократии, прежде всего русской, польской и украинской. Революционный демократизм с его интернационалистской тенденцией являлся высшей формой революционной идеологии допролетарского периода (см. ниже). Но влияние польской, русской и украинской прогрессивной мысли на освободительное движение в Австрийской империи до революции 1848 г. в основном ограничивалось польским и украинским обществом в Галиции. Лишь во время революции 1848—1849 гг. прозвучала программа М. А. Бакунина (ее характеристику см. в главе 8).

В истории развития идей славянской общности всякое противопоставление народов по этническому признаку, в частности выделение якобы особых социально-политических и духовных целей славян, противопоставляемых другим народам, было реакционным. Идеи же славянской общности, понятые как призыв к сотрудничеству равноправных и свободных народов, имели прогрессивное значение. Таким образом, решающим здесь оказывалось то, какие цели и задачи идеи славянской общности призваны были решать.

Все изложенное убеждает в том, что общность интересов славянских народов в ее прогрессивном понимании существовала и, более того, углублялась по мере исторического развития. Мы имеем в виду общность интересов против всякого угнетения, в борьбе за свободу национальных культур, в политической борьбе против оков абсолютизма и феодализма, позднее — против эксплуатации вообще, т. е. общность интересов и целей прогрессивных сил славянских народов. Иначе говоря, объективно существовала общность интересов всех народов обширного региона, населенного славянами и их соседями неславянами, интересов всех народов Европы. В этом смысле чувство солидарности интересов славянских народов в борьбе против угнетателей имело демократическое содержание; это чувство обострялось и приобретало великое значение в периоды смертельной угрозы славянским нациям со стороны самой черной реакции (как это имело место в период антифашистской борьбы в 30—40-х годах нашего века).

Рассмотрев представления крупных деятелей национального возрождения о славянской общности, обратимся к характеристике идей и программ сотрудничества славян, выдвинутых представителями различных общественных слоев народов Австрийской империи.

Итак, с конца XVIII в. под влиянием развития капитализма, зарождения и формирования славянских наций обострилось внимание славянской общественности к происхождению, языкам и историческому прошлому славян. Обращение к истории было связано с раздумьями о будущих судьбах этих народов, их роли и значении в мировом историческом процессе. Интерес к этнически родственным общностям диктовался стремлением новых общественных сил определить место своего народа в окружающем мире, в контексте европейской истории. Общественное внимание к судьбам славян подогревалось национальным гнетом, которому подвергалась большая их часть. Потребность в опоре для национального развития, в союзниках для национальной борьбы порождала поиски путей и форм сближения и сотрудничества славянских народов.

С конца XVIII в. сознание славянской этнической общности стало подкрепляться научными изысканиями. Пробуждающийся интерес к прошлому своего и этнически родственных народов, их языкам, современной жизни явился стимулом к научным поискам и открытиям в области славянской лингвистики, истории и литературы. Труды выдающихся ученых А. Х. Востокова, И. Добровского, Е. Копитара, П.-И. Шафарика, охвативших научным мышлением славянство в целом, способствовали дальнейшему повышению общественного интереса к славянству. Кроме общности происхождения и родства языков, сложилось представление о сходстве исторических судеб славянских народов на протяжении веков, о современной культурной близости славян. Но главное, развивающееся национальное самосознание отдельных народов наложило отпечаток на сознание этнической общности славян.

В зависимости от потребностей соответствующих классов, степени развития национального самосознания, условий жизни отдельных народов и их исторических традиций стали складываться разные концепции единения и взаимного сотрудничества славян и конкретные программы их реализации.

На зарождение и эволюцию этих идей оказали влияние и внешние факторы идеологического и общественно-политического характера, в частности итальянские и немецкие объединительные тенденции и программы. Некоторые из славянских деятелей ошибочно отождествляли положение немецкого и итальянского народов с положением славян и собирались применить их опыт в решении национального вопроса. В то же время националистические планы немецкой буржуазии и либерального венгерского дворянства относительно славянских народов диктовали необходимость выработки противостоящих идеологических мер. Мысль о славянской общности и сотрудничестве отвечала этой задаче. Как уже отмечалось, вслед за победой русского народа над Наполеоном важную роль в развитии идеи сотрудничества славян сыграли европейские события 1830 г. — революция во Франции и польское освободительное восстание. Они усилили стремление к ликвидации феодализма и национального гнета, привели к критическому отношению прогрессивной славянской общественности к царизму, послужив вместе с тем стимулом к выработке конкретных программ единения славян как фактора национального освобождения. Польское восстание нанесло удар по романтическому представлению о славянстве, хотя в ряде случаев, например, у деятелей словацкого национального движения оно сохранялось и в дальнейшем.

Славянская проблема привлекала внимание самых разных слоев общества, в том числе и класса феодалов. Развитие в его консервативной среде взглядов на славян и их будущее происходило на фоне общих идеологических сдвигов в сознании дворянства, обусловленных переменами в укладе жизни.

Это касалось прежде всего хорватского и польского дворянства, поскольку в других славянских землях Австрийской империи «национального» дворянства или вообще не было, или оно переживало, как, например, сербское дворянство в Воеводине, процесс ассимиляции с привилегированным мадьярским дворянским сословием. Начавшееся с конца XVIII в. наступление венгерского дворянства на «права» Хорватского королевства, которые местные помещики отождествляли с собственными политическими привилегиями, заставило их обратиться к концепции славянской общности как идеологическому оружию в борьбе за сохранение своих позиций. Реальные условия жизни побуждали и польскую шляхту интересоваться положением славян. Вхождение Королевства Польского в состав Российской империи, Галиции — в состав габсбургской монархии с их многочисленным славянским населением ставило вопросы о взаимоотношениях славян. Среди проектов решения польского вопроса были и такие, которые предполагали освобождение и государственное объединение польских земель в рамках славянской общности. Но если консервативные идеологи польских помещиков, лояльно настроенных к властям, подчиняли славянскую проблему задаче сотрудничества с государственной властью, то носители шляхетской революционности в подходе к судьбам славян исходили из необходимости вооруженной борьбы против Австрии, Пруссии и царской России.

Высший католический и униатский клир в славянских землях Австрийской империи, представлявший одну из опор габсбургского господства, был враждебно настроен к идеям сближения и сотрудничества славян. Решающее значение для него имела позиция имперских властей, руководствовавшихся принципом «разделяй и властвуй». Но в низших слоях католического и униатского духовенства, не столь связанных с австрийской политикой и ближе стоявших к буржуазии своих наций, жило и развивалось сознание славянской этнической общности, являвшееся благоприятной почвой для восприятия идей единения славян.

Для православного духовенства общность вероисповедания оттесняла общность этническую. Но под влиянием постоянного давления, которое в Австрийской империи оно испытывало, особенно со стороны венгерского дворянства и католического духовенства, православное духовенство прибегало к идеям славянского единения в целях самообороны, толкуя их в феодально-клерикальном духе.

Особенность консервативной мысли в Чехии начала 1840-х годов состояла в том, что она выражала настроения части «земского», по национальной принадлежности австронемецкого, дворянства, заинтересованного в сохранении целостности империи, но одновременно и в упрочении позиции Чешского королевства. Типичный представитель этого направления Л. Тун видел пред-

посылку возвышения Чехии в соединении «духовных интересов всех славян»^{52*}. В целях укрепления империи Тун предлагал облегчить условия их культурного развития.

Я. Драшкович, идейный вдохновитель хорватского консервативного дворянства, поддерживал колларовские идеи культурного сближения славянских народов. Будучи сторонником объединения южных славян на основе единого литературного языка, Драшкович мечтал о политической автономии южных славян под властью Габсбургов. Он рассчитывал таким путем укрепить феодально-дворянскую Хорватию.

Хотя после восстания 1830—1831 гг. в польской консервативной эмиграции господствующей была ориентация на помощь западных государств, в ее среде раздавались голоса в пользу решения польского, а вместе с ним и славянского вопросов, опираясь на царскую Россию. В эмиграции за соединение славян под покровительством России выступал В. Яблоновский, в Королевстве Польском — М. Грабовский, рассчитывавший таким путем достичь благосклонности к полякам со стороны русского правительства. В 1846 г. под влиянием галицийских событий маркиз А. Велепольский, исходя из антиавстрийских позиций, выдвинул идею объединения славян под эгидой России.

Глава консервативного крыла польской эмиграции князь А. Чарторьский не разделял планов общеславянского объединения. Но для противодействия России и Австрии он допускал создание на Балканах из славянских провинций Османской империи сильного южнославянского объединения. Оно должно было находиться под эгидой Порты, а в случае распада Османской империи стать самостоятельным государством. После подавления Краковского восстания 1846 г. Чарторьский занял резко антиавстрийскую позицию, что вовлекло его в круг вопросов южных славян империи. Его агентура на Балканах оказала влияние на формирование плана внешнеполитической деятельности Сербского княжества. Представители польского консервативного лагеря, несмотря на различную политическую ориентацию, связывали судьбы славян с дипломатическими комбинациями, исключая участие самих славянских народов в решении своей судьбы.

Славянский вопрос был для консервативных идеологов тем рычагом, посредством которого они рассчитывали урегулировать острые проблемы в соответствии с классовыми интересами привилегированных сословий.

Главным источником идей славянской общности и проектов единения славян были буржуазные слои. Потребность нового класса в самоутверждении порождала идеологические построения, нацеленные на мобилизацию этнически и социально родственных сил. Носители буржуазной идеологии из среды интеллигенции, а иногда и духовенства были активными глашатаями идей славянской общности. «Славянское единение» в данном

случае было идеологическим оформлением в конкретных условиях жизни славян отмеченного К. Марксом закономерного тяготения буржуазии разных наций к укреплению «братских уз»³².

До 40-х годов XIX в. идеи сближения и сотрудничества славян в разных вариантах выступали на первый план в идеологии противостоящих феодализму общественных лагерей в Чехии, Словакии и Хорватии. Выдвижение «славянской идеи» на первый план объяснялось трудностями местного национального развития, особой потребностью этих народов во взаимной поддержке и опоре. Вместе с тем оно отражало еще неподготовленность буржуазного общества складывавшихся наций к развертыванию политической борьбы. С другой стороны, обостренный интерес общественности Чехии, Словакии и Хорватии к славянам (или части славян) и их судьбам находился в связи с относительно интенсивным развитием идейной жизни у чехов, словаков и хорватов. Но и тогда, когда мысли о единении славян доминировали в идеологии чехов, словаков и хорватов, они были нацелены прежде всего на решение национальных задач.

При всем своем различии концепции единения и сотрудничества славян были призваны создать культурно-идеологический барьер насильственной денационализации отдельных славянских народов, утвердить национальные позиции каждого из них. Помимо этого широкие объединительные концепции должны были облегчить преодоление последствий религиозного раскола словаков, наличия нескольких литературных языков у хорватов, не говоря уже о региональной психологии, локальных наименованиях отдельных частей одного народа и т. д.

Позднее, под воздействием комплекса причин и прежде всего в результате укрепления отдельных славянских наций, судьбы славянства получили подчиненное место во всех либеральных программах. Внимание общественности непосредственно сконцентрировалось на национальной проблеме.

За период с 80-х годов XVIII в. до середины XIX в. существенно изменились как теоретические взгляды на славянство мыслителей нового времени, так и предлагаемые ими формы единения славян. В связи с формированием славянских наций для каждой из них возникла объективная потребность в едином литературном языке. На начальной стадии национального пробуждения, особенно в условиях угнетения славян, предпринимались попытки решить эту проблему в рамках широкого общеславянского «культурно-языкового» сплочения.

В первой половине XIX в. в кругах славянской общественности, отводивших в соответствии с лингвистическими представлениями того времени правописанию весьма важную роль в развитии языка, высказывались пожелания об установлении

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 371.

единой славянской орфографической системы. Были также мысли о принятии всеми славянами одного из существующих славянских языков в качестве общего литературного языка или создании нового общеславянского литературного языка и развитии на нем единой литературы.

О такой возможности объединения славян на основе общего литературного языка высказывался еще польский филолог С. Б. Линде в предисловии к «Словарю польского языка» (1807—1814 гг.). Эту идею поддерживали чех Й. Юнгман, словак Я. Геркель, словенец М. Маяр. Однако утопические идеи всеславянского литературного языка широкого распространения не получили.

Большую популярность в кругах славянской общественности Австрийской империи имела мысль о слиянии близкородственных славянских народов на базе общего литературного языка. Наиболее ранней программой такого рода было учение о «литературной взаимности» Я. Коллара. Коллар рассматривал славянство как «единое целое», которое он называл «славянской нацией». Этот взгляд он высказывал уже в проповеди «Положительные качества славянского народа» (1822 г.) [Матула, 1978]. Впоследствии в известном трактате «О литературной взаимности славян» Коллар сформулировал положение о четырехчленной структуре «славянской нации» и разработал учение, сердцевину которого составляла задача установления единого литературного языка для каждого из четырех «племен» и их культурного сближения. «Славянская взаимность» должна была стать формой сотрудничества, а для части славян — и культурного слияния.

Взгляды Коллара на развитие литературных языков славян и литературы на этих языках отражали общественную потребность в преодолении локальной изолированности внутри отдельных славянских народов и в то же время непонимание существа процесса складывания славянских наций, сопровождавшегося становлением национальных литературных языков. В программе Коллара нашла проявление реальная тенденция к сближению культур славянских народов. Тем не менее эта программа являлась утопией, поскольку заложенный в ней принцип сведения славянских литературных языков к четырем не отвечал направлению исторического развития славянских народов.

Коллар наметил пути к достижению взаимности. Этому должны были служить открытие книжных лавок в важнейших городах славянских земель, в Вене и Пеште, взаимный обмен книгами, учреждение кафедры славянских «наречий» в школах, основание общеславянского литературного журнала «на всех наречиях», организация публичных и частных библиотек, издание сравнительных грамматик и словарей, сбор и издание народных песен, пословиц и поговорок, переводческая деятельность. Это была программа культурного подъема славян,

взаимного обогащения их культур. Однако она была ориентирована исключительно на образованные имущие слои.

Как содержание, так и общественная роль программы Коллара были глубоко противоречивыми. Учение о славянской взаимности Коллара мобилизовало общественность на культурную деятельность, на развитие межславянских связей. Но противоположенное политической борьбе, оно отвлекало внимание прогрессивных кругов от наиболее острых вопросов общественной жизни. Противоречивый характер идей Коллара обеспечил им распространение среди разных групп славянской общественности, от разночинной молодежи, сочетавшей романтическую настроенность с жадой деятельности, до консервативного дворянства.

Учение Коллара о славянской взаимности было программой культурного сближения всех славян. Наряду с такой «всеславянской» постановкой вопроса выдвигались идеи культурного единения лишь части славян.

Не без влияния колларовской концепции возникла идея национального единства южнославянских народов. Она стала не только формой самозащиты перед лицом германизации и мадьяризации, но и теоретическим оружием прогрессивных общественных сил южных славян в борьбе против региональной обособленности соответственно в хорватском, сербском и словенском ареалах. Однако тезис о национальном единстве балканских славян получил в отдельных южнославянских землях в зависимости от классовых притязаний буржуазии неодинаковую трактовку.

Теория национальной общности балканских славян, как отмечалось, родилась в буржуазно-дворянских кругах Хорватии. Первоначально Л. Гай, один из идеологов либерального лагеря и его последователи рассматривали южных славян как единый народ. Но под влиянием развития национального самосознания у отдельных южнославянских народов они признали наличие «генетических» различий между хорватами, сербами и словенцами, а также болгарами и возможность их сохранения в будущем. Эти различия, по мнению хорватских буржуазно-дворянских идеологов, не исключали национального единства южных славян. «Теория единого народа» строилась идеологом иллиризма Гаем на началах межнационального компромисса. Исходя из этого и было найдено для южных славян, которые рассматривались как потомки древних иллирийцев, нейтральное имя «иллиры». Что же касается вопроса о соотношении южнославянской и общеславянской общностей, то в идеологических построениях хорватских деятелей он не получил достаточно глубокой разработки.

Выдвигая задачу объединения южных славян на основе единого литературного языка, Л. Гай и его единомышленники видели в этом предпосылку их политического соединения.

Идейные представители сербской торговой буржуазии в Воеводине в противовес загребской концепции, которая отражала интересы хорватской буржуазии и части дворянства, выдвинули свою концепцию южнославянского объединения под главенством сербов (т. е. сербской буржуазии). Это выразилось в обозначении всех или части южных славян названиями «сербы» или «югославяне» и в призывах к единению южных славян на основе языка сербской литературы^{55а*}. В конце 30-х — начале 40-х годов между сербскими и хорватскими публицистами развернулась острая полемика «об именах». В этом идейном столкновении нашли отражение материальные интересы буржуазных слоев в конкретных условиях развития сербской и хорватской наций.

«Теория единого народа» в разных ее вариантах была популярной в основном в хорватской и сербской общественной среде. Как мы уже говорили, это объяснялось условиями жизни сербов и хорватов, в частности, единством народной речи, смешанным составом населения на значительной части территории расселения этих народов. Данные обстоятельства порождали иллюзию национального единства, которая могла быть поставлена на службу классовым интересам буржуазии. Потребность защиты национальных позиций сербов и хорватов стимулировала прогрессивных деятелей той и другой стороны к практическому сближению этих народов. Этому способствовали реформы В. Караджича и Л. Гая. Хотя они были основаны на разных идеологических концепциях, тем не менее эти реформы заложили основы единого литературного языка сербов и хорватов.

В 40-х годах XIX в. по мере углубления и ускорения процесса формирования славянских наций колларовская концепция славянской общности в еще большей степени вошла в противоречие с потребностями складывания национальных культур и запросами растущих национально-освободительных движений. Она явилась препятствием прежде всего на пути развития словацкой нации. Потребность в едином литературном языке словаков, в новых формах межнациональных контактов в связи с подъемом словацкого национально-освободительного движения на уровень политической борьбы, в утверждении словаков как самостоятельного и равноправного народа в составе Венгерского королевства обусловила неизбежность пересмотра колларовской концепции.

Новое понимание структуры славянства и взаимоотношения его частей между собой развил Л. Штур в работе «Словацкий язык или необходимость писать на этом языке» (1846 г.) и других сочинениях. В отличие от Коллара он видел высшую общность славян в «единстве стремлений, в единстве принципов, в одной и той же цели». Отрицая за таким «согласием» необходимость национальной основы, Штур отстаивал жизнеспособность каждого славянского народа и их равноправное сотруд-

ничество. В противовес колларовскому тезису, что будущее славян связано с расцветом славянства как органического целого, Штур выдвинул положение о развитии славянства через национальный подъем отдельных славянских народов, на диалектической основе «единства в многообразии» [Матула, 246]. Концепция Штура более глубоко отразила процесс формирования славянских наций.

Политические обстоятельства, прежде всего потребность чешской буржуазии в конкретной политической программе, в определении целей и задач национальной борьбы, а в связи с этим и в выборе своих союзников, породили в середине 40-х годов и в чешской либеральной среде новый взгляд на развитие и судьбы славян [Коџи, 767]. Как известно, он был сформулирован К. Гавличеком-Боровским в 1846 г. Отмечая противоречивость и, более того, несовместимость стремлений отдельных славянских наций, чешский либерал подчеркивал в то же время общность интересов чехов (с включением словаков) и южных славян. Это была программа политического и экономического сотрудничества славян, территориально ограниченная Австрийской империей. Концепция Гавличека имела политический выход в доктрине автрославизма, которая в наиболее последовательной форме получила выражение в 1848 г. в программах федерализации Австрийской империи и создания в ее рамках союза славянских народов.

Ориентация словацких идеологов на все славянство происходила из особой слабости экономических и общественных позиций словаков, их малочисленности, незащитности перед мадьяризацией. Этим же объяснялось и тяготение к сотрудничеству с чехами. В отличие от них хорваты были окружены родственными народами, имевшими богатые традиции борьбы с чужеземными угнетателями и добившимися (сербы) серьезных политических успехов. Ориентация идеологов чешской либеральной буржуазии в 40-х годах на славян Австрийской империи имела под собой экономические и политические основания. Хозяйственное преобладание чешской буржуазии в славянской среде империи открывало возможность упрочения ее позиций в экономической системе монархии в целом. Тесный контакт с южными славянами, в особенности с хорватами, располагавшими известными атрибутами автономии и развернувшими борьбу за ее расширение и общественное переустройство, сулило в политическом отношении более близкие реальные результаты, нежели отвлеченные вождения «славянского братства».

Либеральные концепции и программы сотрудничества и единения славян были тесно связаны с общими социологическими построениями и конкретными национальными требованиями, сформулированными авторитетными руководителями буржуазных течений в славянских землях. В Чехии, Хорватии, Запад-

ной Галиции либеральные группировки в 40-х годах отчетливо обнаружили стремление к политическому и экономическому переустройству общества в буржуазном направлении, и это определяло понимание их идеологами исторических судеб славян.

Буржуазные программы единения славян в той или иной мере отражали реальную тенденцию славянских народов к взаимному сближению. Вместе с тем они были утопичны потому, что предполагали искусственное объединение в той или иной сфере части или всех славян, находившихся на разном уровне общественного развития, имевших неодинаковые, хотя в ряде случаев и схожие, исторические задачи и переживавших процесс оформления в нации. В конечном итоге реализм объединительных идей определялся тем, в какой мере они соответствовали направлению исторического развития.

При всех своих различиях концепции единения славян служили теоретическим обоснованием решения национального вопроса имущими классами той или иной нации при опоре на родственные в социальном и этническом отношениях группы.

В 30-х годах XIX в. среди деятелей левого крыла польского Демократического общества была популярной идея демократической федерации славян. Т. Вишневецкий, точка зрения которого была наиболее характерной, выступал за объединение малых славянских народов в крупные государства и установление между последними союза на основе свободы и равенства. Вхождение России в этот союз допускалось при условии ликвидации царского самодержавия. Сочувственно относился к идее федерации освобожденных славянских народов И. Лелевель. Польские буржуазные демократы ориентировались на развитие славянских народов по революционному пути и связывали их освобождение с социальным переворотом, хотя во главе польской революции они видели патриотически настроенную шляхту. Члены Демократического общества пропагандировали свои идеи среди украинцев, хорватов, чехов, лужицких сербов. Однако польская пропаганда была обречена на неуспех. В те годы у указанных славянских народов не сложилось еще влиятельного политического течения с революционной программой действий.

Идеи славянской федерации на буржуазно-демократической основе являлись политической утопией, ибо не соотносились с характером тогдашних политических условий. Развенчивая мечты западноевропейских буржуазных теоретиков «о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации», Ф. Энгельс в 1845 г. указал на главное препятствие этому: «Буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она не способна подняться выше национальности»³³. В другом месте Ф. Энгельс отмечал разный

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 590.

уровень развития, различия в положении, а отсюда и несходство политических интересов отдельных европейских народов³⁴. С этих же позиций Ф. Энгельс критически оценивал «демократический панславизм»³⁵.

Вершину славянской общественной мысли в Австрийской империи представляла система взглядов польских революционеров-демократов, выделившихся как особое общественное течение в 40-е годы XIX в. Воззрения революционеров-демократов на взаимоотношения славян и их судьбы явились результатом осмысления опыта классовой борьбы трудящихся масс, проявлявших стихийное стремление к сотрудничеству независимо от национальности.

Революционно-демократическая идеология характеризовалась глубоким пониманием неразрывности задач социального и национального освобождения славянских народов, верой в народную революцию. Все это придавало идейным установкам революционной демократии 40-х годов по славянскому вопросу особую глубину, несмотря на имевшиеся в них утопические черты.

В рядах польской революционной демократии Королевства Польского примечательны идеи П. Сцегенного. Они были основаны на убеждении, что братство народов может быть обеспечено, если люди труда независимо от национальности объединятся против господ. Сцегенный связывал будущее славянских народов с демократической федерацией («Всевластие славян»), центром которой должна была быть свободная Польша. Другой выдающийся теоретик польской революционной демократии Э. Дембовский также высказывался о федерации равноправных славянских народов во главе с Польшей, считая демократические преобразования необходимой предпосылкой такого соединения [Дьяков, 1971].

Общественный строй, за установление которого боролась революционная демократия 40-х годов, мог быть в действительности только буржуазным строем со всей вытекающей отсюда противоречивостью интересов буржуазии разных наций. Но заключенное в ее проектах реальное содержание было более прогрессивно, чем в соответствующих планах шляхетских революционеров. Революционные демократы, подходившие ко всем общественным вопросам с позиции коренных интересов трудящихся масс, выразили в этой идее стремление эксплуатируемых классов славянских земель к подлинному равенству, взаимной помощи и дружбе, социальной и национальной справедливости.

Принципиальное значение в решении революционными демократами 40-х годов вопроса о взаимоотношениях славянских

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 293.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181—182, 293.

народов имел тот факт, что они подошли к пониманию классовой структуры этнических общностей, к осознанию единства коренных интересов трудящихся масс разных наций и вытекающей из него потребности международного сотрудничества на классовой основе. При этом, отстаивая солидарность трудящихся масс славян, революционные демократы 40-х годов рассматривали ее как часть более широкого международного сотрудничества демократических классов всех народов.

За пределами Австрийской империи славянский вопрос занимал прежде всего революционную мысль России. Интерес русских революционеров к славянской проблеме был обусловлен потребностью освободительной борьбы против царизма и крепостничества и национальным пробуждением других славянских народов. Уже А. И. Радищев в незаконченной поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древних славянских божеств» (1801—1802 гг.), произведении, проникнутом тираноборческими мотивами, чаянием народного возмездия, выразил в художественной форме мысль о сплочении славянских народов в борьбе за свободу. Декабристы теоретически осмыслили и обосновали идею общеславянского революционного союза как предпосылки широких революционных преобразований. Декабристская организация «Общество соединенных славян» включала идею единения славян в программу своей деятельности. Ее целью было создание Всеславянского союза — федерации равноправных демократических республик славянских и соседних с ними народов [Достян, 1968 г.].

Идеи консолидации славян были распространены среди декабристов. Мечты об общеславянском единении выразил А. И. Одоевский в стихотворении «Славянские девы», написанном около 1830 г. Оно пользовалось особой популярностью среди ссыльных декабристов. И. И. Пущин назвал его «отголоском нашей мечты, может быть, несбыточной»^{556*}.

Русские и украинские революционные демократы 40-х годов в свою очередь отдали дань мечтам об объединении славянских народов, освобожденных от социального, политического и национального угнетения, в демократическую федерацию республиканского типа. Эту идею разделял и представитель революционного направления в Кирилло-Мефодиевском обществе на Украине (1846—1847 гг.), идеолог крепостного крестьянства Т. Г. Шевченко.

О свободной славянской республике мечтали и петрашевцы. Особое внимание уделялось ими борьбе, развертывавшейся в 1846—1848 годах в польских землях [Дьяков, 165].

В конце 30-х годов XIX в. судьбы славянства заняли также определенное место в системе взглядов раннего славянофильства — общественного течения, сочетавшего в себе консервативные и либеральные черты. Его идеологи в свете антитезы

славянство и Запад выдвинули реакционную идею объединения славян на основе православия (А. С. Хомяков и др.).

Вопрос о сближении славян в целях упрочения позиций царизма интересовал и реакционные круги в России. За сближение славян на основе литературного языка с предпочтением церковнославянской традиции в России выступали Греч и Булгарин.

Историческая роль концепций славянской общности и программ единения славян определялась их классовым содержанием. Идеиные построения, касающиеся развития и будущности славянства, являлись компонентом общих мировоззренческих систем, сочетались с другими программными положениями отдельных политических течений в славянских землях. Поэтому общественная роль идей славянского единения может быть правильно понята лишь в широком историческом контексте.

Консервативные программы, касающиеся судеб славян, были идеологическим оружием помещичьих, клерикальных или социально неразвитых мещанских слоев для упрочения их общественных позиций в новых условиях, хотя в то же время эти программы могли быть направлены против насильственной денационализации славянского населения, а в ряде случаев подчеркивали требование восстановления Польши.

Теории славянской общности в их буржуазной трактовке оказывали противоречивое влияние на развитие общественного сознания и жизнь отдельных славянских наций. Буржуазные концепции, опирающиеся на передовые для своего времени философские, историко-культурные и морально-этические принципы, противостояли духовным традициям феодализма с его клерикализмом, локальным сепаратизмом, духовной изолированностью разных частей одного народа и разобщенностью родственных народов. Концепции славянского единения подчеркивали то общее, что сближало славян независимо от государственных границ, административных перегородок, религиозных верований и т. д. Это способствовало развитию сознания национального единства отдельных славянских народов хотя в то же время затрудняло осознание каждым из них своего национального отличия.

Вместе с тем теории славянского единения, исходившие от буржуазных идеологов, содержали и отрицательные черты буржуазного национализма — абстрагирование от классовых противоречий внутри каждой славянской нации и от классовой сущности национальных отношений, гипертрофирование этнической общности и т. д. Эти идеологические моменты задерживали прогресс славянских народов, затрудняли положительные межнациональные контакты.

Концепции славянского единения, как трактовали их либеральные мыслители и публицисты, были нацелены на слияние интересов всех общественных сил славян, передовых и реакци-

онных, перед лицом иноземных угнетателей. Они заключали в себе опасные иллюзии о возможности преобразования жизни в прогрессивном направлении в союзе с феодальными силами славянских земель, являвшимися на деле главной опорой и союзником угнетательских режимов. Призывы к единению славян без учета социально-политической дифференциации общественных сил тормозили процесс идейного размежевания внутри каждой славянской нации, препятствовали вызреванию подлинно демократической мысли, т. е. сознания несовместимости интересов господствующих классов и трудящихся масс.

В процессе развития национально-освободительных движений до революции 1848 г. буржуазные идеи славянской общности и сотрудничества своими положительными чертами сыграли в определенной мере мобилизующую роль. Они помогали буржуазным силам в борьбе против насильственной денационализации, политического давления и национально-государственных привилегий. Воплощение в жизнь идей единения славян, особенно в культурной сфере, способствовало действительному сближению славянских наций, что явилось положительным фактором в их развитии.

Идеи славянской общности и взаимного сотрудничества сыграли положительную роль в процессе взаимопонимания и взаимообогащения славянских наций. Это касалось художественной культуры, идейных заимствований, освоения новых форм общественной деятельности и т. д.

Демократические идеи единения славян на классовой основе как составной части международного сотрудничества трудящихся всех наций знаменовали собой высшую точку домарксистских представлений, обобщивших стихийные тенденции народных масс к сотрудничеству и сплочению.

6. Формы национально-освободительной борьбы

Развитие общественной мысли и социальной структуры национально-освободительных движений влекло за собой многообразие форм последних. Эти формы зависели не только от характера каждого движения, но и от общей обстановки в многонациональной державе, от политического механизма и социальной сущности национального гнета. Наконец, одной из специфических форм борьбы можно считать рассмотренные выше международные связи национальных движений.

Выбор конкретных форм и их эволюция зависели от ближайших задач освободительной борьбы, широты вовлечения в нее масс, взаимозависимости между отдельными движениями. Диапазон этих форм был обширен: от культурно-просветительских до ярко выраженных политических — радикальных и революционных. Как указывал К. Маркс, политическое движение есть

«движение *класса*, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации»³⁶.

В целом эволюция форм освободительной борьбы каждого народа отражала последовательность решения культурно-языковых и политических задач и потому не означала прямолинейного восхождения от форм мирных к формам революционным. Как свидетельствует прежде всего польский, венгерский и итальянский опыт, формы мирные соседствовали с революционными, а выступления собственно политические сосуществовали или даже опережали акции языково-культурного характера. Кроме того, культурно-языковая борьба в сущности имела общественно-политическое значение.

Практически у всех угнетенных народов первые проявления освободительных настроений ярче всего проявились в области науки и художественной культуры. Усилия деятелей зарождавшихся движений были направлены на критическое усвоение достижений мировой общественной мысли и на создание на основе этого системы национальной культуры. Поскольку это означало преодоление феодально-клерикальной идеологии, то результаты в первую очередь проявились в гуманитарных науках — истории и филологии. В 1760—1770-е годы Г. Добнер и его последователи выступили с трудами по истории и истории культуры чешского народа, порывая с контрреформационными концепциями и пропагандируя идеи свободы мысли и совести. В Венгрии оживившийся в конце XVIII — начале XIX в. интерес к прошлому отразился в работе Б. Вирага «Венгерские века», в трудах по национальной истории и истории права Д. Ковачича, Д. Прая и др. Выдающуюся роль в формировании словацкого национального самосознания сыграла «История словацкого народа» Ю. Папанека (1780) и деятельность его приверженца и пропагандиста Я. Грдлички, в 1785 г. определившего границы расселения словаков. Во многом сходные по идейному звучанию труды возникали в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX в. у других народов, в частности у словенцев (М. Похлин, А. Линхарт), сербов (Й. Раич), влахов (С. Мику-Клайн, Г. Шинкай, П. Майор, М. Кантакузино), итальянцев (Г. Филанджери, Ф. Альгаротти, Д. Карли, П. Верри).

Ставившие перед собой патриотические задачи, авторы большей части исторических и филологических трудов выступали не только как ученые, но и как публицисты. Во второй половине XVIII — начале XIX в. это породило популярную форму публицистических трактатов — так называемых защит языка.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 283.

Наиболее полное развитие они получили в чешской и словацкой культуре. Таковы, например, увидевшие свет в 1783 г. трактаты Яна Ганке и К. Тамма о жизненности чешского языка. Подобного рода идеи выражала публицистика и других неполноправных народов. Идеи национального патриотизма и освободительной борьбы находили отражение в различных сферах художественной культуры, особенно в поэзии и драматургии, а также в интересе к фольклору. Ранее всего художественная литература на национальном языке появляется в Венгрии (с 1770-х годов) и в Чехии (с 1780-х годов). У остальных народов, исключая поляков и итальянцев, обладавших богатой традицией литературы на родном языке, этот процесс отмечается несколько позднее.

Первостепенное внимание уделялось поискам и выработке организационных форм культурного развития. Едва ли не важнейшим каналом формирования национальных литературных языков оказались периодическая печать и книгоиздательское дело, забота о совершенствовании которых становилась делом общественного долга. Достаточно напомнить первый чешский журнал на национальном языке «Гласатель чешски» («Глашатай чешский»), в котором в 1806 г. был помещен знаменитый трактат Й. Юнгмана «О чешском языке», или первую словенскую газету, выходившую под редакцией В. Водника в 1797—1800 гг., «Сербский летопис» и другие сербские периодические издания 1820—1840-х годов, «Краинскую пчелку» Ф. Прешерна и издания Л. Гая, выходившие в 1830—1840-х годах. Для распространения подобных органов национального движения возникали читательские союзы, библиотеки и читальни. В Чехии они получают широкое развитие с 1818 г., в Словакии и у южных славян несколько позднее. Необходимость пропаганды национально-культурных идей повлекла за собой создание у ряда славянских народов так называемых матиц. Первая матица возникла у сербов в 1826 г. По ее примеру в 1830—1831 гг. в Праге была основана Чешская матица. В 1842 г. в Загребе учреждается Иллирийская матица, в 1848 г. — украинская Галицко-русская матица. При тех или иных различиях матицы решали следующие задачи: развитие национальных языков и закрепление их в литературе; выпуск периодических изданий и книг; собиране фольклора, этнографическое изучение народа и пропаганда национальных обычаев среди населения; содействие обмену духовными ценностями с другими славянскими народами. Эти культурно-просветительные и издательские объединения можно рассматривать как институционарное явление у славянских народов, находившихся на сходном уровне развития. Такого рода учреждения, хотя и под другими наименованиями, появлялись и у других народов. Таково, например, «Общество испытателей», существовавшее в конце XVIII в. в Трансильвании. Оно занималось пропагандой вен-

герского языка и научных знаний. Центрами национальной культуры становятся музеи — Венгерский национальный музей, основанный в Пеште в 1802 г., Чешский музей в Праге, возникший в 1818 г. Вскоре этот музей приступил к выпуску научного и литературного «Часопис Ческого музея» («Журнал чешского музея»).

Функцию пропаганды национально-патриотических, освободительных идей выполнял театр. Именно в эти десятилетия движение за создание профессионального национального театра охватило культурную жизнь почти всех угнетенных народов Австрийской империи [298]. Оно имело тем большее значение, что большая часть населения (за исключением чешского) была неграмотна. Театральные подмостки становились трибуной пропаганды национальных идей. Попытки создания постоянного чешского и венгерского театров делались еще в 1780—1790-е годы. В начале 1820-х годов Й. Катона развернул дискуссию об общественной значимости театра и о его роли в культурной жизни венгерского народа. В 1824 г. благодаря усилиям драматургов Яна Штепанека и В. Клицперы оживляется деятельность старого Сословного театра в Праге. Здесь, как и у других народов, развивается любительский театр. В 1838 г. в г. Нови-Сад появляется «Передвижное театральное общество», просуществовавшее десять лет, театральные представления в 1840-е годы давались в Загребе, Карловаце и Сисаке.

Все эти организации способствовали воздействию освободительных идей на население; сами они являлись своеобразными органами культурного представительства формировавшихся наций перед международной общественностью.

Формы культурной деятельности получали дальнейшее развитие вместе с углублением политического начала в освободительных движениях. Все более расширяется издательская деятельность, возникают новые периодические издания, развивается публицистика, появляются политические брошюры, издававшиеся за пределами империи. Проблемы языка отнюдь не утратили злободневности, но все более увязывались с общественно-политическими задачами. Все настойчивее раздавались голоса за широкое распространение национальных языков в общественно-политической жизни, в школах и государственных учреждениях. В 1844 г. государственным, т. е. официальным на территории королевства был признан венгерский язык. В 1845—1847 гг. хорватский сабор просил императора об упрочении автономии Хорватии и Славонии (с присоединением Далмации) и об учреждении кафедр хорватского языка и литературы, а также принял решение о введении национального языка в официальное употребление. Требования о закреплении прав чешского языка звучали и в чешском сейме, пропагандировались в литературе (например, трактат Ф. Кампелика «Права нашего языка и национальности», изданный в 1845 г.). Прямую связь между со-

циально-политическими и литературно-языковыми вопросами неоднократно подчеркивали в 1840-е годы Штур, Гай, Сабина и другие деятели чешского, словацкого и хорватского национальных движений. Примечательна с этой точки зрения эволюция форм борьбы итальянского освободительного движения. Здесь в 1830—1840-х годах наряду с революционными методами борьбы приобрело влияние культурное течение, зародившееся еще в период Реставрации. Его участники — ученые, писатели, публицисты — обращались к показу многовековых исторических и культурных традиций народа. Начиная с 1839 г. проводились научные конгрессы, собиравшие тысячи представителей интеллигенции из всех государств Италии. В 40-е годы это культурное движение стало приобретать политический характер; задававшие в нем тон умеренно-либеральные деятели стремились через печать и с помощью других легальных методов мобилизовать общественное мнение и использовать его как фактор давления на абсолютистские правительства, чтобы вынудить их к проведению буржуазных реформ и к мирному решению национальной проблемы на основе соглашения между монархами.

Подобно тому как задачи предыдущего, «языкового», этапа породили форму «языковых защит», в ходе углубления освободительных движений в ряде земель империи начали возникать объединения, которые можно было бы назвать «обществами защиты национальной экономики». В Праге в 1833 г. стало действовать «Объединение к поощрению промышленности в Чехии», на первых порах носившее сословно-дворянский характер, но уже в середине следующего десятилетия ставшее одним из опорных пунктов чешской либеральной буржуазии; другим ее центром стала «Мещанская беседа», основанная в 1846 г. В Венгрии по инициативе Кошута в 1844 г. было основано «Общество защиты отечественной промышленности», филиалы которого вскоре были созданы во многих городах. Впрочем, при внешнем сходстве, подобные институции во многом отличались друг от друга в зависимости от целей и задач, которые стояли перед теми или другими отрядами освободительных движений. Интересы укрепления национальной экономики толкали венгерское движение на путь борьбы за независимость. Наоборот, деятели чешского движения в 1840-е годы ориентировались на использование австрийского рынка в своих интересах.

Наряду с широким диапазоном форм общественно-культурной деятельности представители ряда национальных движений уже на первом их этапе делали попытки использовать в качестве одной из полулегальных или даже нелегальных форм организации и пропаганды освободительных идей масонское движение. В чешских землях в 70—90-х годах XVIII в. оно получило просветительскую окраску и явилось центром объединения оппозиционных сил. Пропаганду идей Просвещения в Восточной Галиции вели в 1780-х годах члены львовской ложи. В пред-

лах Венгерского королевства масонское движение превратилось в один из центров дворянской оппозиции. Если масонские ложи на севере Венгрии и в словацких землях, будучи тесно связаны с польским масонством, пропагандировали просветительские идеи, то южновенгерское масонство (включавшее славянские земли) ставило перед собой социальные и политические цели. Тесная организационная связь между ложами в Буде и Пеште (основанными еще в 1770-е годы) и в Хорватии-Славонии привела к возникновению «Обсервации», объединившей ложи всех земель венгерской короны.

Ввиду строгих мер, принятых правительством против масонского движения на рубеже XVIII—XIX вв., оно в последующие годы в национальном движении чехов, хорватов и украинцев особой роли не играло. В период существования Иллирийских провинций масонские ложи оставались временно одной из форм объединения сил словенского общественного движения. Зато в венгерском, польском и итальянском движениях масонство в руках радикальных деятелей и тогда и позднее сохраняло определенное значение. Не случайно, что в каждом проявлении оппозиционности власти усматривали, помимо прочего, и козни «международной масонерии», о чем свидетельствовали циркуляры об усилении борьбы с «масонской опасностью». В частности, власти следили за итальянским карбонарским движением, а также масонским движением в польских землях и за его связями с русскими масонскими ложами, в которых до 1825 г. состояло немало декабристов.

Значительное влияние на развитие освободительного движения в габсбургской монархии оказала французская революция. Сведения о событиях во Франции просачивались в народные массы. Они стимулировали рост республиканских, якобинских настроений. В начале 1790-х годов в Австрии и Венгрии на базе тайных кружков были основаны конспиративные общества. Примечательно, что в программе венгерского «Общества реформаторов» (1794) содержался призыв следовать революционному примеру Польши. В 1793 г. в Праге происходили студенческие демонстрации под лозунгами «Да здравствует свобода!» и «Мы республиканцы!» Рядом политических аспектов характеризовалось и итальянское движение конца XVIII — начала XIX в., которое было связано с борьбой за республику. Под влиянием революции во Франции в конце XVIII в. в различных областях Италии возникали десятки политических клубов, проводились республиканские демонстрации, принципы французской революции пропагандировались в печати. Однако вскоре под воздействием грабительской политики Директории и Наполеона на Апеннинском полуострове ситуация стала меняться. В Италии формируется антифранцузская оппозиция, которая, в частности, привела к созданию в 1798 г. заговорщического «Общества лучей», а затем — карбонарских организаций. После 1814 г.

подпольное движение в Северной Италии первоочередной задачей считало достижение национальной независимости путем тайного заговора.

На рубеже 1820—1830-х годов тенденция к созданию тайных республиканских и революционных обществ, в том числе по карбонарскому типу, становится все более устойчивой. Целью подобных объединений в польском, итальянском, чешском и некоторых других движениях было ведение антиправительственной агитации. В отдельных случаях агитация перерастала в наиболее острую форму политической борьбы — революционное восстание. Но это выдвигало важную проблему: «восстание и народ».

Обратимся прежде всего к итальянскому и польскому освободительным движениям. В Италии в 1820—1830-е годы господствовало представление о военном заговоре как об основном средстве организации восстания. Однако поражение революций 1820—1821 и 1830 гг., подготовленных заговорщиками, вызвало резкое ослабление влияния тайных обществ. Подавление этих «военных» революций повлекло за собой массовую эмиграцию, в основном во Францию, Швейцарию и Англию. Отныне политическая эмиграция на длительный период становилась неотъемлемой частью итальянского общественного движения. Важное место в объединении демократических сил, включая и эмигрантов, занимали созданные Мадзини «Молодая Италия» (1831 г.) и «Союз итальянских рабочих» (1840 г.).

Польское движение в пределах Австрийской империи подобно итальянскому было тесно связано с общенациональной освободительной борьбой. Для нее, однако, была характерна идеология так называемой шляхетской революционности, носителями которой было среднее, мелкое и деклассированное дворянство. Позднее активное участие в революционной борьбе приняли и разночинные демократические круги. Прямым следствием их деятельности явилось национальное восстание в Кракове (1846 г.) и попытка его распространения на Галицию с превращением в демократическую революцию. Под влиянием польского революционного движения и вследствие общего нарастания антифеодалного протеста польского и украинского крестьянства представители прогрессивной украинской молодежи в 30—40-е годы начали участвовать в деятельности польских нелегальных буржуазно-демократических организаций. Одна из первых таких организаций — «Союз друзей народа» была создана во Львове в 1833 г. Ряд возникавших тогда и позже в Западной Галиции нелегальных революционных организаций («Содружество польского народа», «Союз мужей», носивший общеславянский характер, и др.) пытались распространить свою деятельность и на Восточную Галицию. Отдельные представители украинского освободительного движения приняли участие в польском восстании 1846 г.

В Венгрии в середине 1840-х годов происходит консолидация сил оппозиции. В 1847 г. в Пеште был создан дворянский «Оппозиционный кружок», а двумя годами ранее — революционный клуб «Молодая Венгрия», руководителем которой с 1846 г. становится Ш. Петёфи. Деятели «Молодой Венгрии» под воздействием крестьянского движения в Галиции в 1846 г. проповедовали идеи крестьянского восстания и превращения Венгрии в республику. Фактически венгерское освободительное движение в эти годы встало на путь подготовки национального восстания. В других землях Австрийской империи обстановка была иной и, пожалуй, лишь в Чехии, если иметь в виду радикальный пражский кружок «Чешский рипил», сложившийся в 1845 г., намечалось собрание сил для революционной борьбы за социальные и национальные права.

Едва ли не повсеместным было стремление к объединению сил различных отрядов национально-освободительных движений. Так, деятель чешского демократического движения 1830-х годов Я.-С. Томичек основал в Праге в 1835 г. тайный союз карбонарского типа, поддерживал связи с польскими эмигрантами в Чехии и в Париже, а член «Руськой троицы» в Восточной Галиции Я. Головацкий на рубеже 30—40-х годов установил контакты с участниками венского политического подполья чехами Кампеликом и Подлипским. И таких примеров немало.

Организационная консолидация происходила и в рядах движений, революционных целей не ставивших. Примером может служить создание в 1841 г. так называемой Иллирийской партии. Одновременно в Хорватии-Славонии возникло антииллирийское движение мадьяронов, что привело к стычкам между иллирами и мадьяронами на улицах Загреба и к демонстрациям, одна из которых в 1845 г. завершилась расстрелом сторонников иллиризма войсками. В канун революции 1848 г. возникает такая форма политической борьбы, как подготовка петиций и организация депутатий. В частности, в конце 1847 — начале 1848 г. в Словакии развернулось движение за подачу императору всенародной петиции.

Определенную роль в венгерском, польском и хорватском движениях играли сословно-представительные учреждения, которые становились средоточием политической борьбы. С ними были связаны избирательные кампании, являвшиеся стимулом к сплочению политических группировок и уточнению их требований. Сведения о дебатах в венгерском государственном собрании, галицийском сейме и хорватском саборе публиковались и становились достоянием общественности, что было важно в условиях цензурно-полицейского режима. «В период с 1830 до 1848 г., — писал Ф. Энгельс, — в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были луч-

ше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций»³⁷. Трибуна венгерских сословных учреждений использовалась и представителями национально-освободительных движений народов, у которых такие органы отсутствовали. Так, Штур в качестве депутата государственного собрания от г. Зволен в 1847—1848 гг. поддерживал социальные требования либералов и выступал за буржуазные реформы и равноправие проживавших в Венгрии народов.

В целом с точки зрения форм борьбы национально-освободительные движения угнетенных народов Австрийской империи могут быть разделены на две группы. К первой относились венгерское, польское и итальянское движения. Их существенной особенностью было нарастание радикальной политической тенденции, с самого начала игравшей заметную роль. Революционные тайные общества, революционная агитация, нараставший кризис дворянской (шляхетской) революционности и обращение демократов к народным массам, стремление укрепить связь с освободительным движением в Королевстве Польском (восстание 1830—1831 гг.), с польской демократической эмиграцией на Западе, с революционным движением других народов, наконец, попытка восстания в Галиции в 1846 г.—таковы существенные черты польского освободительного движения. Оно представляло широкую гамму форм и методов борьбы, от просветительных обществ, деятельности в сфере хозяйства и культуры до национального восстания, которому демократические круги стремились придать социальный характер. Однако в том же польском движении проявлялась вера в возможность помощи со стороны Наполеона (особенно в годы существования Варшавского княжества), а в среде галицийских помещиков на протяжении первой половины XIX в. бытовали проавстрийские настроения.

Подобные иллюзорные надежды, отразившие не только слабость самих движений, но и классовую ограниченность их руководителей, прослеживаются также в венгерской и итальянской общественной мысли — вера в помощь со стороны Наполеона у участников итальянского движения конца XVIII в., и отчасти у Берзевици, планы приглашения одного из членов английской династии на венгерский (Берзевици) и итальянский (карбонарии в 1813 г.) престол и т. д. Как видно, борьба между консервативными, либеральными и демократическими силами в рамках даже наиболее решительно антигабсбургски настроенных движений — венгерского, итальянского и польского — теснейшим образом была связана с выбором тех или иных, не только революционных, но и реформистских, форм и методов борьбы.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.

Другую группу составляли национальные движения, в которых преобладали лоялистские настроения и развитие форм национальной борьбы в основном отражало эволюцию от культурно-языковых задач к политическим. Впрочем, наиболее развитое из них, чешское движение накануне революции 1848 г., также знало формы нелегальной или полуполигальной организации. Элементы ее встречаются и в тех движениях, которые в рассматриваемый период либо только вступали на стадию политического развития (словацкое, хорватское, румынское), либо в основном еще решали задачи культурно-языкового этапа (украинское), но испытывали воздействие примеров развитых движений: словацкое, а отчасти хорватское — со стороны чешского движения, украинское — со стороны польского и в определенной степени чешского и т. д. Учитывался ими и опыт венгерского движения, зачастую в плане ответной реакции на него в рамках конфронтации, которая нарастала в землях короны св. Иштвана.

Подобно тому как освободительные движения угнетенных народов Австрийской империи образовывали определенную систему, такую же систему составляли и формы борьбы, складывавшиеся в ходе ее развития.

Характер национальных движений в обобщенном виде отражал позитивные и негативные стороны процесса общественно-го развития, становления нового строя с присущими ему антагонизмами. В частности, противопоставление национальных интересов интересам социальным и общедемократическим таило в себе не просто семена национальных раздоров, но и серьезнейшую угрозу любому освободительному движению. В этом смысле эпоха, которая была предметом рассмотрения, во многом предопределила ход событий революции 1848—1849 гг. с их героическими и трагическими страницами.

Два десятилетия, предшествовавшие революции 1848—1849 годов, характеризуются периодическими оживлениями антифеодального и антиабсолютистского движения. Первое из них, относительно слабое, в значительной мере было связано с влиянием революции во Франции и Бельгии, польского восстания, выступлений буржуазной оппозиции в германских государствах в начале 30-х годов. Однако направляемая рукой Меттерниха реакция восторжествовала. Начало 40-х годов ознаменовалось в Австрийской империи новым подъемом освободительного движения — либерального и демократического. В передовых в экономическом отношении провинциях происходили стихийные выступления пролетариата. Волна антифеодального движения нарастала в условиях важных социально-экономических сдвигов, вызванных промышленным переворотом, и была их следствием. На этот раз силы старого мира оказались не в состоянии

стабилизировать политическую ситуацию. Крайнее обострение и напряжение социальных, политических и национальных конфликтов, которыми характеризовалось положение Австрийской империи к моменту революции были проанализированы Ф. Энгельсом в статье «Начало конца Австрии», относящейся к январю 1848 г. В заключении своей столь многозначительно названной статьи Энгельс выражал убеждение, что сокрушение габсбургского господства устранит «препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев». «Все уже готово,— писал он,— жертва повержена и ожидает ножа, который перережет ей горло»³⁸.

Прогнивший феодально-абсолютистский режим Австрийской империи задыхался в им же порожденных противоречиях, он стоял на пути развития не только угнетенных им народов, но и австронемецкого населения. Социальный и политический кризис достиг предела. Страна находилась в условиях острой революционной ситуации. Нужен был лишь толчок, чтобы все накопившееся вышло наружу. Таким толчком оказались известия о февральской революции во Франции.

В марте 1848 г. началась новая глава в истории освободительной борьбы народов Австрийской империи.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 478.

Часть вторая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ.

Глава VI

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИИ В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Подъем революционного движения в Европе

Революции 1848—1849 гг. были великим историческим явлением XIX в. В отличие от предшествовавших буржуазных революций XVI—XVIII вв. они имели общеевропейский характер, охватив ряд стран, втянутых в капиталистическое развитие, и нанеся мощный удар по феодально-абсолютистским устоям.

Символично, что накануне революции был создан бессмертный «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

В феврале 1848 г. совершилась буржуазно-демократическая революция во Франции. Ее решающей силой явился пролетариат. В результате народного восстания 22—24 февраля в Париже было свергнуто господство финансовой аристократии и установлена буржуазная республика. Уже в феврале 1848 г. парижский пролетариат впервые в истории проявил «совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй»¹. Июньское восстание парижского пролетариата стало кульминационным пунктом в развитии событий во Франции. Оно имело всемирно-историческое значение, явилось «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного строя*»². Июньское поражение пролетариата открыло путь силам контрреволюции. Оно стало поворотным пунктом в развитии всех европейских революций. Всюду на континенте усилилось тяготение либеральной буржуазии к союзу с монархическим лагерем против революционного народа. Июньские события показали европейским реакционным прави-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 381.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 29.

тельствам неспособность буржуазно-республиканской Франции стать союзником борющихся за свое освобождение народов.

Важным очагом революции уже с января 1848 г. являлась Италия. Насущной задачей, которая стояла перед итальянским народом, было воссоединение страны и освобождение ее части от австрийского гнета, а также демократизация общественно-политического строя и решение земельного вопроса. Развернувшиеся события имели общенациональное значение. Главную силу освободительного движения составляли народные массы итальянских городов; в качестве его руководителя на первом этапе (до августа 1848 г.) выступала буржуазия [91, т. 2, с. 209]. К середине марта конституционный строй был установлен почти во всех итальянских государствах. Политические перемены явились результатом революционного натиска народных масс.

Революция во Франции вдохновила народы других стран на штурм феодализма и абсолютизма. Общественно-экономическим содержанием буржуазно-демократической революции в германских государствах была борьба прогрессивных классов против феодальных порядков и абсолютистского строя за объединение Германии.

Крупнейшим событием германской революции 1848 г. явилось народное восстание 18 марта в Берлине. Оно заставило прусского короля пойти на уступки либеральной оппозиции и обещать конституцию. Но буржуазия, напуганная натиском народных масс, стремилась к союзу с феодальной реакцией. Результатом такого соглашения явилось образование 29 марта прусского правительствa, включившего представителей крупной буржуазии, дворянства и бюрократии во главе с либералом Л. Кампгаузенom. В Германии революция не дошла до низвержения монархов и реакции. В. И. Ленин подчеркивал незавершенность, половинчатость и ограниченность германской революции 1848 г., обусловленные в первую очередь предательством буржуазии³.

В Германии, где почти повсюду господствовали феодальные порядки, в 1848 г. развернулось крестьянское движение. Но преданное буржуазией, лишенное руководства, оно потерпело поражение и это предопределило судьбу германской революции в целом [51, т. 1, с. 240]. Однако крестьянские выступления поставили на повестку дня аграрный вопрос.

Революция в Германии, расширившийся фронт борьбы против феодализма и абсолютизма во всей Европе, означали удар по остаткам средневековья в самом центре континента. Германская революция создавала возможность для перевеса прогрессивных сил в Западной и Центральной Европе и изменения по-

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 328—329; т. 11, с. 126, 226—227; т. 12, с. 15.

литической карты континента в соответствии с интересами народов. Крах абсолютистской Пруссии подрывал основу Священного союза. Вот почему вся европейская реакция от буржуазно-аристократической Англии до самодержавной России не могла примириться с политическими переменами в Германии.

Важнейшей чертой революции 1848 г. было выступление на политической арене пролетариата. В мартовский период широкие слои рабочего класса не смогли еще идейно отделиться от буржуазной демократии. Но с развитием событий его классовое самосознание быстро росло. Ориентиром для передовой части немецкого пролетариата в буржуазно-демократической революции явились выработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом «Требования Коммунистической партии в Германии»⁴. В них был сформулирован центральный лозунг коммунистов — создание единой демократической германской республики. Она должна была включать и Австрию. В условиях 1848 г., когда окончательно еще не определился самостоятельный путь развития Австрии, это имело прогрессивный смысл [51, т. 1, с. 243]. Программа предусматривала последовательную демократизацию политического строя государства (всеобщее избирательное право для мужчин, вооружение народа, отделение церкви от государства, бесплатное судопроизводство, всеобщее и бесплатное образование).

В аграрном вопросе коммунисты требовали безвозмездной ликвидации всех феодальных платежей и повинностей, национализации земельных владений монархов и феодалов, рудников, копей и т. д. Программный документ коммунистов предполагал не только уничтожение остатков феодализма, но и намечал мероприятия, означавшие дальнейшее углубление революции. К ним относились национализация банков и средств транспорта, организация национальных мастерских и др. В. И. Ленин писал, что для тех лет «Маркс считал основной задачей пролетариата — доведение революции до конца»⁵.

В 1848 г., когда в Германии на очереди стояли задачи буржуазной революции, а пролетариат был еще не готов «для самостоятельной организации в классовую партию»⁶, К. Маркс и Ф. Энгельс выступали на левом крыле общедемократического движения, имея при этом в виду самостоятельные классовые задачи пролетариата [145].

Центральной задачей германской революции 1848 г. была ликвидация раздробленности Германии. Различные социальные силы, за исключением феодального дворянства, бюрократии и «камарильи», сходились в стремлении выполнить эту

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 1—3.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 264.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 16.

задачу, однако в отношении способов и политических основ государственного объединения они имели принципиально отличные взгляды.

Крупная буржуазия, тяготея к компромиссу с монархами германских государств и испытывая страх перед трудящимися массами, выступала за объединение Германии «сверху» во главе с династией Гогенцоллернов или Габсбургов. Этот путь означал отстранение трудящихся от решения важнейших жизненных вопросов, сохранение остатков феодализма. Часть немецкой буржуазии, в особенности прусской, предпочитала «малогерманский» вариант объединения, который исключал бы Австрию из новой Германской империи и обеспечивал главенство Пруссии. В юго-западных германских государствах буржуазия, опасавшаяся возвышения Пруссии, выдвигала «великогерманские» планы, которые предусматривали вхождение австрийской части территории Германского союза в состав объединенной Германии [113, с. 80—98, 135].

Мелкобуржуазная демократия не была едина в воззрениях на пути объединения. Многочисленные в ее среде сторонники республики стояли на позиции федеративной организации государства. В целом мелкобуржуазная демократия была подвержена колебаниям в вопросе о революционном пути ликвидации раздробленности страны.

Только выработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом программа пролетариата, предусматривавшая объединение Германии на революционно-демократической основе, в полной мере отвечала той задаче, которая была поставлена перед немецким народом ходом истории.

18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне начал деятельность общегерманский парламент. Его правое крыло составляли сторонники феодально-монархических порядков, противники единства Германии; преобладавший по числу депутатов центр включал либеральных буржуа; левое крыло состояло из демократов-республиканцев.

Национальное собрание было призвано стать высшей законодательной властью в Германии, положить конец раздробленности страны и закрепить революционные завоевания. Это было возможно лишь при опоре на вооруженные массы. Однако стремление либерального большинства собрания к союзу с правителями германских государств, неспособность противостоять крепнущей монархической контрреволюции, страх перед народом лишили парламент его реального суверенитета.

Франкфуртское собрание объявило о ликвидации феодальных повинностей, однако не установило ни сроков, ни способов проведения преобразований. Парламент принял также решения, направленные на ликвидацию препятствий экономическому объединению Германии, но и эти постановления не были проведены в жизнь [113, с. 150]. Антидемократический курс Франк-

фуртского парламента отражал основные черты немецкого либерализма. Его беспомощность перед лицом аристократии и предательство интересов революции облегчили консолидацию сил монархической реакции.

«Революция 1848 г.,— писал Ф. Энгельс,— сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела...»⁷ Германская революция была призвана не только устранить политическую раздробленность формировавшейся немецкой нации, но и освободить народы, находившиеся под властью германских монархов. Однако немецкая либеральная буржуазия и даже мелкобуржуазная демократия стремились сохранить неизблемыми территориальные границы Германского союза — наследника средневековой «Священной Римской империи».

Развернувшееся в марте—апреле 1848 г. в Познани польское восстание было подавлено либеральным прусским правительством. Это имело отрицательное последствие для германской революции, поскольку был разгромлен важный отряд демократии, способный поддержать немецкий народ в борьбе против прусской монархии и юнкерства. Франкфуртский парламент одобрил подавление восстания в Познани. Он поддерживал реакционную политику австрийского двора в отношении национально-освободительных движений в Австрийской империи. В Германии консерваторы и либералы выступали против объединения Италии и возрождения Польши, а вместе с мелкобуржуазной демократией — против национального освобождения славян вообще.

Иной была позиция национального собрания в венгерском вопросе. Венгерское королевство не входило в состав Германского союза и его самостоятельность в результате мартовской революции в Пеште была признана габсбургским двором. Это облегчало возможность союза между Франкфуртом и Пештом. Основой взаимного тяготения была заинтересованность франкфуртского буржуазного большинства и венгерского дворянства в объединении Германии и в ликвидации габсбургского государства. Венгрия поддерживала идею включения в Германию вместе с австро-немецкими также чешских, словенских и польских земель.

Показателем общеевропейского общественного подъема в 1848 г. было освободительное движение в других странах. В Лондоне 10 апреля состоялась чартистская демонстрация. Ее подавление приостановило развитие революционного процесса в этой стране. Это было первое поражение революционных сил в общеевропейском масштабе. «В Лондоне 10 апреля,— писал К. Маркс,— не только была сломлена революционная

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 53.

мощь чартистов, но и нанесен первый удар революционизирующему влиянию февральской победы»⁸. В Бельгии развернулась борьба за республику. Пламя революционной борьбы захватило Дунайские княжества. Однако движение здесь было подавлено самодержавной Россией и султанской Турцией.

Напряженная общественная атмосфера сложилась в 1848 г. в России. В стране, особенно в западных губерниях, поднялась волна крестьянских выступлений, обострилась социальная обстановка в городах. В освободительном движении углубилось идейно-политическое размежевание при явном усилении революционно-демократического течения. Это были симптомы нарастающего внутреннего кризиса. Подъем классовой борьбы и общественного движения удержал царизм от развертывания в 1848 г. широкой интервенции в охваченные революцией страны Европы [200].

2. Революция в Австрийской империи (весна — осень 1848 г.)

Особенность ситуации в Австрийской империи в 1848—1849 гг. состояла в том, что революционный процесс и национальные движения ряда народов, развивающиеся в условиях сложнейшего переплетения социальных и политических противоречий, не слились в наступательном натиске против господства в стране феодально-абсолютистских сил. Главная причина этого состояла в социальной природе классов, которые возглавляли политическую борьбу разных народов. Габсбургский абсолютизм, являвшийся основным препятствием на пути общественного прогресса, выступал в союзе с внутренней реакцией каждой из провинций.

Важнейшие революционные события 1848 г. на территории империи развернулись в Австрии, Ломбардо-Венецианской области и Венгрии. В Италии и Венгрии революция переросла в национально-освободительные войны. Революционный подъем в Австрии, Венгрии и итальянских провинциях сопровождался в других частях империи резким усилением классовой, общественно-политической и национальной борьбы.

Революция в габсбургском государстве началась народным восстанием 13—15 марта в Вене. В нем участвовало население столицы, исключая аристократические круги, бюрократию, финансовую знать и армию. Главной боевой силой восстания явились рабочие, мелкоремесленные и полупролетарские слои. Однако рабочий класс был еще более слабым в идейно-политическом и организационном отношении, чем пролетариат Германии. В результате победоносного восстания полицейско-бюрократи-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 82.

ческий режим рухнул. Императорскими указами было объявлено о свободе печати и создании национальной гвардии. Фердинанд I был вынужден согласиться на созыв собрания для выработки конституции. В правительство вошли представители имперской аристократии и либеральной бюрократии, в частности министр внутренних дел барон Пиллерсдорф [1, с. 71—78]. Мартовское восстание в Вене открыло путь для установления конституционного строя, однако оно оставило нетронутыми устои экономического и политического господства феодальной партии. «Во всяком случае,— писал Ф. Энгельс,— настоящая, решительная борьба была еще впереди; мартовские события были только еще завязкой битвы»⁹.

Вслед за революцией в столице решительно выступила за политическую самостоятельность (в рамках владений Габсбургов) Венгрия. События в Пеште повлекли за собой подъем общественного движения в самых отдаленных районах государства. Вскоре поднялись на борьбу крестьяне. Они повсеместно отказывались нести феодальные повинности. 26 апреля вспыхнуло восстание в Кракове. Однако оно было подавлено правительственными войсками. Это ободрило дворцовую камарилью.

Попытки реакции ликвидировать или ограничить мартовские завоевания народа вызвали 15—16 мая новые революционные выступления в Вене. Императорский двор бежал в Инсбрук, где сконцентрировались силы контрреволюции. Восставший народ заставил правительство согласиться на созыв Учредительного рейхстага на основе всеобщего избирательного права. Это было крупным успехом демократии. В конце мая правительственная партия предприняла новые действия с целью восстановления домартовского положения.

Экономическая отсталость Австрии в сравнении с Пруссией, а тем более с Францией, обусловили тот факт, что в Австрии дольше, чем в названных странах, буржуазия участвовала в революционном движении, возглавляя его и содействуя сохранению единства антиабсолютистского лагеря. Однако майские события были последним совместным выступлением буржуазии с народом. Она все более отходила от революции. Соглашательская тенденция австро-немецкой буржуазии, обозначившаяся тотчас после мартовских дней, усилилась под воздействием июньского восстания парижского пролетариата и обострения социальных и национальных противоречий в самой империи.

Глубина и успех революции в Австрийской империи во многом зависели от позиции венских революционеров в национальном вопросе. Австро-немецкая демократия, наиболее последовательная часть революционного лагеря, стояла на позициях ликвидации многонациональной империи, но ей была свойственна

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 47.

непоследовательность в борьбе против сил реакции. Венские революционеры боролись за объединение Германии, являлись сторонниками свободной Венгрии. Они сочувственно относились к борьбе итальянцев и поляков за свободу, хотя и не заняли решительной позиции по этим вопросам. Но австронемецкие левые были противниками национального равноправия других народов. В их среде господствовало представление, будто освобождение славянских народов ослабит новую Германию, Венгрию и революцию.

Между тем австрийское правительство умело использовало «принцип национальностей» для того, «чтобы с помощью сербов, словенцев, хорватов, валахов и т. д. задушить мадыарскую и немецкую революцию»⁴⁰. 8 апреля было издано «кабинетное письмо», объявлявшее об автономии Чехии и равноправии чешского и немецкого языков. Содержание письма было встречено чешской общественностью с удовлетворением. 25 апреля была опубликована конституция для западной половины монархии, в которой провозглашалась неприкосновенность прав языков и наций.

Но австронемецкая буржуазия противилась освобождению угнетенных народов. В этом заключалась одна из политических предпосылок ее постепенного сближения с придворной партией. В начале революции, под влиянием успехов итальянцев в борьбе за свободу, общественное мнение австрийской столицы считало неизбежным признание самоопределения Ломбардии и Венеции. Однако в июне в рейхстаге либеральные буржуа, весьма заинтересованные в итальянском рынке, приветствовали наступление войск Радецкого [905, с. 209; 12, с. 406].

В марте 1848 г. венгерский народ добился признания династией самостоятельности Венгерского королевства в рамках владений Габсбургов. Великогерманская партия в Австрии, считавшая нереальным образование Германской империи с населением в 70 млн. человек (в случае включения в нее всего габсбургского государства) из-за противодействия со стороны Англии, Франции и России, была готова примириться с самостоятельностью Венгерского королевства. Однако большая часть австронемецкой буржуазии не расставалась с надеждами на сохранение империи.

Подъем национальных движений в империи заставлял австронемецкую буржуазию идти на уступки в национальном вопросе. Это находило отражение в политике «либерального» министерства в первые месяцы революции. Не только придворная камарилья, но и правительственная партия рассчитывали использовать сложные национальные взаимоотношения в империи,

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 533.

чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию революции и даже ликвидировать ее завоевания.

В 1848 г. положение славянских народов в западной половине монархии заметно отличалось от положения славян и румын в Венгерском королевстве. Уступки, которые двор и правительство делали в национальном вопросе, порождали у славянских и румынских политиков иллюзии о целесообразности сотрудничества с династией и австрийским министерством в целях достижения национального равноправия, о готовности правящих кругов Австрии изменить национальные отношения в империи.

В 1848 г. в центре политических дискуссий в Австрии была германская проблема, неразрывно связанная с судьбами империи. Придворная партия стремилась отстоять территориальную целостность монархии и восстановить свое полное господство в ней. Рассчитывая на гегемонию Австрии, она выступала за союз германских государств. Небольшая часть австро-немецкой буржуазии придерживалась великогерманского принципа объединения под главенством Габсбургов с включением в состав Германии западной половины монархии. Великогерманская партия рассчитывала на включение чешских и словенских земель как части территории Германского союза в состав Германской империи. Это означало попрание национальных интересов чехов и словенцев, но также задевало интересы народов, входивших в состав Венгерского королевства.

Значительная часть австро-немецкой буржуазии хотела сохранить обособленность целостной монархии Габсбургов и поставить ее в федеративную связь с Германией. Сторонники этой партии допускали уступки в национальном вопросе, чтобы заинтересовать другие народы империи в союзе с Германией. Именно из этих кругов был выдвинут в конце марта — начале апреля проект федерализации империи⁵⁸. Однако федералистские настроения среди австро-немецкой буржуазии были кратковременными.

В австро-немецких буржуазных кругах были также сторонники сохранения полной самостоятельности габсбургской империи или только ее западной части. Мелкобуржуазная демократия в Австрии выступала за великогерманский вариант объединения и централизованное устройство нового государства. В мае в западной половине Австрийской империи были проведены выборы во Франкфуртский парламент.

В отличие от Милана и Венеции восстание в Кракове (апрель), Праге (июнь) и наконец во Львове (ноябрь 1848 г.) потерпели неудачу. Австрийская военщина, заранее обеспечив себе огромное превосходство в силах, провоцировала народные массы откровенно контрреволюционными мерами. Быстрота и решительность действий контрреволюции связаны главным образом с социальными целями восставших. Ф. Энгельс в «Новой Рейнской газете» подчеркивал, что Пражское восстание было

«определенно демократическим» и «было направлено в такой же мере против чешских феодалов, как и против австрийской солдатни. Австрийцы напали на народ не потому, что он чешский, а потому что он *революционный* народ. Для военщины штурм Праги был только прологом, за которым должно было последовать предание огню и штурм Вены»¹¹.

Но характерно, что не только австронемецкие либералы, но и венское радикально-демократическое студенчество выступило против Пражского восстания, считая Виндишгреца «храбрым защитником немецкой национальности в Чехии». Подавляющая часть венгерской общественности занимала аналогичную позицию и расценивала Пражское восстание как «панславянский» заговор [319, с. 13]. Расправа над пражанами углубила политические и национальные противоречия в империи. Династия увидела возможность использования в интересах реакции славянских национальных движений, революционный авангард которых потерпел неудачу.

В Италии решающие события развернулись на севере Апеннинского полуострова. 22 марта вспыхнуло восстание в Венеции. Была провозглашена Венецианская республика и сформировано правительство, которое возглавил Д. Манин. 18 марта поднялись на борьбу народные массы Милана. Героический народ, совершивший, по словам Ф. Энгельса, «самую славную революцию из всех революций 1848 года»¹², в течение пяти дней сражался против австрийских войск и вынудил их покинуть Ломбардию. Правительство здесь возглавил умеренный либерал Казати. В марте австрийские войска были изгнаны также из герцогств Пармы и Модены.

Массовое движение в Сардинском королевстве за объявление войны Австрии и перспектива провозглашения в Ломбардо-Венецианской области демократических республик принудили Савойскую династию к военному вмешательству. Карл-Альберт рассчитывал на присоединение Ломбардии и Венеции к Сардинскому королевству. Эти планы находили поддержку у крупной буржуазии и либерального дворянства, стремившихся к объединению Италии без участия народа. Но руководившая династическими интересами пьемонтская монархия была неспособна действительно возглавить борьбу за объединение Италии. Военные действия в Ломбардии вызвали патриотический подъем народных масс в итальянских государствах. Однако война велась правящей верхушкой Пьемонта крайне нерешительно. 25 июля сардинская армия потерпела поражение под Кустоцей, и 6 августа войска Радецкого вступили в Милан. Пьемонт подписал перемирие.

Мартовское восстание в Вене явилось толчком к народному

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112—113.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 395.

выступлению 15 марта в Пеште. Венгерское государственное собрание перед лицом революционного движения приняло законы о ликвидации повинностей крестьян за пользование урбарными наделами (при выплате государством возмещения помещикам), отмене помещичьего судопроизводства, безвозмездном упразднении церковной десятины и всеобщем налоговом обложении. Было решено реорганизовать государственное собрание на основе буржуазных принципов, ввести ответственность правительства перед парламентом, установить военную и финансовую самостоятельность Венгерского королевства, организовать национальную гвардию и т. д. Эти законы предусматривали буржуазное преобразование королевства и его самостоятельность от Австрии при сохранении общей династии. Реформы распространялись на все население королевства, независимо от национальности. В то же время новое законодательство игнорировало национальные права невенгерских народов.

Венгерскую революцию возглавило обуржуазивающееся дворянство. Главными двигателями революции и национально-освободительной борьбы выступали в Венгрии городские демократические слои (рабочие, беднота, мелкая буржуазия, разночинная интеллигенция) и крестьянство. Демократия в широком смысле толкала революцию вперед, углубляла ее содержание. Революционный процесс в Венгрии складывался из усилий разных классов, степень революционности которых, как и форма ее проявления, были различны. В Венгрии взаимодействовали и сталкивались борьба народных масс за последовательный буржуазно-демократический переворот (массовые демонстрации в Пеште, движение крестьян за ликвидацию феодальных отношений, а затем за углубление аграрной реформы) и преобразовательная деятельность либерального дворянства, до сентября 1848 г. формально остававшаяся в «законных» рамках.

23 марта было образовано первое в истории Венгрии ответственное правительство во главе с графом Л. Баттьани. Оно включило представителей среднего дворянства, либеральной аристократии и левых сил [89, т. 2, с. 130].

Мартовские преобразования, при всей их ограниченности, означали коренной поворот в историческом развитии Венгрии от феодализма к капитализму и политической самостоятельности. Значение этих преобразований выходило за рамки страны. Венгрия стала той частью габсбургской империи, где в марте 1848 г. были впервые упразднены феодальные отношения. Это оказало революционизирующее влияние на крестьянство разных национальностей и предопределило падение барщинной системы в монархии.

Венгрия представляла главную политическую и военную силу в империи, противостоявшую Габсбургам. Более того, установление политической, военной и финансовой самостоятельности Венгрии, хотя ее фактические взаимоотношения с Австрией ос-

тавались достаточно запутанными, наносило удар по реакционной системе межгосударственных отношений в Европе, установленных в 1815 г. Однако международное значение и влияние венгерской революции ослаблялось свойственными ей глубокими противоречиями. Классовая ограниченность либерального дворянства проявилась в решении важнейших вопросов: внутриполитического устройства, освобождения крестьян и судеб угнетенных народов.

В 1848 г. в Венгрии развернулось движение многонационального крестьянства [Орлик, 1959]. 15 сентября венгерский парламент в обстановке революционной войны под натиском крестьянства отменил одну из тяжелых повинностей — виноградную десятину. Своей борьбой крестьянство углубляло социальное содержание революции.

Что касается национальной политики, то ни одно из общественно-политических течений в Венгрии, включая наиболее радикальную часть интеллигенции — «мартовскую молодежь», не смогло расстаться с традиционными представлениями об исторических границах Венгерского королевства и подняться до признания права угнетенных народов на самоопределение. Венгерское правительство исходило из принципа единства территориального комплекса стран венгерской короны, из признания венгерского языка государственным, хотя и провозгласило равноправие граждан независимо от национальности и вероисповедания [300, с. 44; Шпира, 1970]. Националистическая позиция венгерских революционеров была одной из причин обострения национальных противоречий в Венгерском королевстве.

Национальный конфликт в Венгерском королевстве облегчал династии возможность лавирования и создавал условия для давления на Венгрию. Двор проявлял особый интерес к хорватско-венгерским противоречиям, поскольку Хорватия политически была наиболее развитой провинцией в королевстве, имела государственную традицию и находилась в тесных контактах с Военной границей, представлявшей арсенал живой силы императорской армии. Сложность отношений между Загребом и Пештом позволяла династии рассматривать Хорватию как важный противовес Венгрии и потенциальную опору в борьбе против нее. 23 марта император в обход венгерских властей назначил на свободный с 1845 г. пост бана граничарского полковника Й. Елачича, способного, по мнению высших имперских кругов, подчинить хорватское национальное движение интересам дворцовой политики и предотвратить союз Хорватии с Венгрией. Но об этом назначении не было объявлено.

Все еще подчеркивавшее свою «лояльность» династии и «законность» образа действий венгерское правительство, не имея надлежащей армии и денег, стремилось урегулировать хорватско-венгерские отношения легальным образом, с помощью двора. Социальное родство господствующих классов в Венгрии и

Хорватии создавало возможность для венгерско-хорватского компромисса, причем кабинет Баттьани был готов допустить автономию Хорватии при подчинении ее центральным властям Венгрии. Династия была вынуждена считаться с требованиями венгерского правительства. Это вызвало в апреле — июне ряд демонстративных репрессивных мер в отношении Хорватии. Но в то же время дворцовая партия была заинтересована в сохранении напряженности в хорватско-венгерских отношениях и тайно поддерживала Елачича (149; Sidak, 1963).

В конце лета 1848 г. венгерское правительство проявило готовность к известному компромиссу с трансильванскими румынами в рамках унии Трансильвании с Венгрией [99, с. 80].

Политика правительства Баттьани в отношении сербов была более прямой. Она состояла в подавлении их борьбы за автономию. 12 июня войска под командованием генерала Храбовского совершили нападение на Сремски-Карловци. Так был развязан вооруженный конфликт в Воеводине, выгодный имперской реакции.

Что касается словаков и закарпатских украинцев, то венгерское правительство вообще не признавало их национальную самобытность.

Противоречивость венгерской революции проявилась также в ее внешней политике. Возлагая преувеличенные надежды на дипломатическую поддержку Англии и Франции, которые в действительности выступали за сохранение габсбургской монархии, руководящие круги Венгрии недооценивали значение революционного союза всех борющихся против реакции народов. Венгерское правительство, проявляя заинтересованность в объединении Германии и восстановлении независимой Польши, установило связь с Франкфуртским парламентом и с польской эмиграцией. Но в итальянском вопросе оно в первое время оказывало поддержку Габсбургам в расчете на мирное разрешение австро-венгерских противоречий. Правда, в июле венгерское правительство обусловило свою помощь двору тем, чтобы она использовалась не для подавления Италии, а для заключения мира, соответствующего достоинству короны.

3. Переход реакции в наступление. Освободительная война венгерского народа

Судьбы революции в разных странах были взаимосвязаны. Поражение июньского восстания в Париже послужило сигналом к наступлению контрреволюции на всем континенте. Но итальянская революция набирала силу. Занятие австрийскими войсками Ломбардии и Венецианской области (кроме Венеции), капитулянтская политика Карла-Альберта вызвали углубление классовой борьбы на всем Апеннинском полуострове. 24 августа произошло восстание в Ливорно (Тоскана), открывшее новый пери-

од в истории итальянской революции. Отныне руководство революционным движением в ряде мест (Тоскана и Папское государство) перешло от буржуазии к демократическим силам [91, с. 188, 209].

После подавления Пражского восстания и заключения перемирия в Италии габсбургский двор укрепил свои позиции. 12 августа двор вернулся из Инсбрука в Вену. Уверенность монархической контрреволюции возросла после кровавой расправы буржуазной национальной гвардии и войск над рабочей демонстрацией в столице (21—23 августа). Переход австро-немецкой буржуазии в лагерь реакции стал совершившимся фактом. «Так были сломлены единство и мощь революционных боевых сил,— писал Ф. Энгельс.— Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом в Вене тоже дошла, таким образом, до кровавой схватки, и контрреволюционная камарилья уже видела приближение того дня, когда она сможет нанести решительный удар»¹³.

22 июля в условиях обострения социальных и национальных противоречий в империи, сползания австро-немецкой буржуазии на соглашательские позиции и упрочения положения контрреволюционных сил открылись заседания рейхстага. Его компетенция распространялась на ту часть монархии, которая оставалась под властью австрийского правительства. Учредительное собрание имело пестрый состав депутатов. Преобладало умеренное буржуазно-помещичье большинство с весьма различающимися внутри него национально-политическими тенденциями. В рейхстаге имелись многочисленные представители крестьянства (92 из 383 депутатов), особенно из славянских земель. Учредительное собрание явилось ареной острых политических столкновений.

1 сентября рейхстаг принял важнейшее постановление: барщина и другие феодальные повинности подлежали выкупу. 7 сентября решение рейхстага было санкционировано императорским манифестом. В 1849 г. был установлен размер выкупа. Он составлял двадцатикратную сумму ежегодных платежей крестьян. 2/3 этих средств должны были внести крестьяне, 1/3 — государство.

В Венгрии революция еще продолжала развиваться по восходящей линии. Мощным стимулом этому явилась внешняя опасность, нависшая над мартовскими завоеваниями венгерского народа. 11 сентября войска Елачича вторглись в Венгрию. Борьба с контрреволюцией активизировала массы и обусловила переход власти в сентябре 1848 г. из рук правительства Л. Баттяни к Л. Кошуту, который последовательно выражал интересы патриотических кругов среднего дворянства и которого поддерживали радикально-демократические группы. В сентябре Кошут

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 66—67.

впервые выдвинул лозунг завоевания независимости страны. Центральным органом власти стал Комитет обороны во главе с Кошутом. Он сыграл решающую роль в организации героической борьбы венгерского народа за свободу. Перегруппировка политических сил в Венгрии обеспечила перерастание революции в освободительную войну за независимость страны. Центр революции в Европе переместился в Венгрию.

3 октября императорский манифест объявил о роспуске венгерского парламента, введении военного положения в стране и назначении Елачича королевским комиссаром и верховным командующим в Венгрии. Только теперь произошел открытый разрыв Австрии с Венгрией.

Отправка 6 октября правительственных войск из Вены для борьбы с Венгрией явилась толчком к новому массовому восстанию в австрийской столице. Императорский двор бежал в Оломоуц (Моравия). Октябрьское восстание явилось вершиной австрийской революции. Оно протекало под руководством мелкобуржуазной демократии. Решающей силой баррикадных боев выступали пролетариат и полупролетарские слои Вены. Крестьянство же, основная масса которого была в определенной мере удовлетворена сентябрьским законом, не поддержало венского восстания. 1 ноября, несмотря на героизм повстанцев, Вена пала. Это означало торжество контрреволюции в Австрии. События в габсбургской монархии ускорили выступление дворянской контрреволюции в Пруссии.

С падением Вены к власти в Австрии пришло правительство князя Ф. Шварценберга, сторонника централизованной империи, главенствующей среди германских государств. Это было правительство контрреволюционного союза аристократии и крупной австронемецкой буржуазии при руководящей роли первой. Опубликованная 27 ноября программа кабинета провозглашала задачу сохранения целостности Австрийской империи и ее самостоятельности. Одновременно в целях привлечения угнетенных наций к престолу в преддверии похода на Венгрию правительство декларировало национальное равноправие. 2 декабря 1848 г. Фердинанд I отрекся от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа, что должно было облегчить наступление контрреволюции, поскольку новый император не был связан обязательствами своего предшественника. Франц-Иосиф оживил политику заигрывания с нациями, в первую очередь с хорватами и сербами, позиция которых имела существенное значение в связи с австро-венгерской войной.

В середине декабря 1848 г. императорская армия под командованием А. Виндишгреца вторглась в Венгрию и 5 января заняла Пешт. Венгерский парламент и правительство переехали в Дебрецен.

Несмотря на успехи европейской контрреволюции, состояние демократического движения в империи и на всем континенте

заставляло еще австрийское правительство лавировать, сохраняя видимость парламентаризма. 22 ноября после перерыва, связанного с восстанием в Вене, возобновились заседания австрийского рейхстага. Еще в октябре он был переведен из столицы в тихий моравский городок Кромержиж. Рейхстаг был занят подготовкой проекта конституции. Весьма острым был вопрос об устройстве империи. Славянский клуб, главную роль в котором играли умеренные чешские депутаты, выступал носителем федерализма. После поражения октябрьского восстания и крушения планов объединения Германии с включением в нее Австрии немецкие крайние левые в рейхстаге также выступили за образование союзного государства на представленной в рейхстаге имперской территории, т. е. без Венгерского королевства и Ломбардо-Венецианской области. Так, Л. Ленер выдвинул проект федерации в составе польского, чешского, словенского, немецкого и итальянского государств [677, т. 2, с. 21—22]. Но подавляющая часть немецких депутатов защищала централизм.

Что касается судьбы Венгрии, то австрийские правящие круги склонялись к предоставлению ее народам лишь права пользоваться родным языком.

Несмотря на нарастающий перевес реакционных сил и победу контрреволюции в Пруссии, в Европе весной 1849 г. наметился новый подъем революционного движения. Активизировалась демократия во Франции. 8 февраля 1849 г. в результате победы демократических сил в Риме была провозглашена республика. Наиболее важное значение в Римской республике имели декреты о национализации церковных земель, раздаче их в аренду беднякам [91, т. 2, с. 199].

20 марта 1849 г. Пьемонт под давлением патриотического движения во всей Италии возобновил военные действия против Австрии. Но 23 марта сардинские войска потерпели поражение под Новарой, предрешившее судьбу итальянской революции. В апреле началась французская интервенция против Римской республики. В защите Рима активное участие принял легион Д. Гарибальди. 3 июня Римская республика пала. 22 августа австрийские войска вступили в Венецию. Ломбардо-Венецианская область вновь подпала под австрийское господство.

Новый подъем революционного движения в Германии в апреле — мае 1849 г. проявился с борьбой за имперскую конституцию. 27 марта Франкфуртский парламент принял конституцию, которая утверждала государственное объединение Германии (без Австрии) в виде буржуазно-парламентарной федеративной монархии. Хотя конституция была далека от исторической задачи утверждения демократической Германской республики, она, по словам Ф. Энгельса, «была все-таки наиболее либеральной конституцией во всей Германии»¹⁴.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 96.

В ответ на отклонение Пруссией, Австрией и другими германскими государствами конституции, выработанной Франкфуртским парламентом, в Юго-Западной Германии в мае 1849 г. вспыхнули вооруженные восстания за объединение страны на прогрессивной республиканской основе. Поражение восстаний означало торжество контрреволюции в Германии, которое завершилось разгоном в июне общеимперского парламента.

Но в апреле 1849 г. началось успешное наступление венгерской революционной армии. Весна 1849 г. была самым героическим периодом в истории войны венгерского народа за независимость — «этой величественной восточноевропейской революционной войны»¹⁵. 14 апреля 1849 г. парламент Венгрии низложил габсбургскую династию и провозгласил независимость страны.

Централистские тенденции габсбургского двора, вступление в январе 1849 г. царских войск в Трансильванию, указывавшее на реальную опасность царской интервенции, привели к ослаблению национальных трений в рейхстаге и образованию широкой разнонациональной и разнопартийной оппозиции.

Результатом компромисса явился выработанный конституционной комиссией кромержижского рейхстага проект конституции. Ее компетенция распространялась на представленную в рейхстаге часть Австрийского государства. Завершение разработки проекта основного закона заставило австрийский двор спешить с государственным переворотом. 7 марта 1849 г. после ряда побед императорской армии в Венгрии правительство разогнало рейхстаг. Но пока революция была жива в Венгрии и Италии, режим нуждался в дымовой завесе конституционности. 4 марта 1849 г. император утвердил конституцию, выработанную правительством и придворными кругами. Она провозглашала «свободную, самостоятельную, неделимую и неразъединимую конституционную австрийскую наследственную монархию», утверждала систему централизма и стирала, по словам Ф. Энгельса, «всякие границы и отличия между немецкими и немеецкими провинциями»¹⁶. Таким образом, Габсбурги вернулись к своей идее «гезамтмонархи» — единого централизованного государства [933, т. 1, с. 99]. Это было ответом династии на автономистские устремления славян. Но и в новой конституции провозглашалось национальное равноправие¹⁷. Введение конституции было отсрочено. В действительности это был шаг к установлению абсолютизма, ибо конституция никогда так и не вступила в силу.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 550.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 87.

¹⁷ Законы в официальной «Райхсгезецблатт» в 1849—1852 гг. публиковались на 10 языках и все эти тексты считались аутентичными. С декабря 1852 г. законы стали печататься здесь только на немецком языке.

Издание короной конституции произвело ошеломляющее впечатление на общественность. Взрыв недовольства сдерживало лишь осадное положение в Вене, Праге, Галиции. Но пока Венгрия продолжала борьбу, в империи еще были возможны оппозиционные выступления. Наиболее острый характер они получили в южнославянских землях.

Весной 1849 г. наметился процесс сближения угнетенных народов против габсбургской реакции. Складывалось понимание необходимости итальянско-славянского сотрудничества с целью совместной борьбы против реакции. В славянских радикально-демократических, а частично и либеральных кругах произошел поворот в сторону соглашения с Венгрией. Настойчиво действовала в направлении примирения венгерского правительства с невенгерскими народами польская эмиграция. Политика командующего венгерской армией в Трансильвании поляка Ю. Бема способствовала сближению венгров, немцев и румын.

Однако венгерское правительство долго проявляло неуступчивость в национальном вопросе. Такая позиция в известной мере объяснялась недооценкой возможности царской интервенции, иллюзиями в отношении политики Франции и Англии [348, с. 122, 165]. «Декларация независимости венгерского народа», принятая парламентом 14 апреля, утверждала территориально-политическую нераздельность Венгрии, Трансильвании, Хорватии, Славонии и Риеки. Даже в начале июля 1849 г. Л. Кошут отстаивал исторические границы Венгерского королевства и супремацию венгерского языка [66, с. 79; 300, с. 102].

Но в конечном счете венгерское правительство, а также некоторые его представители вне Венгрии, попытались нащупать почву для сближения с другими народами. В мае — июле 1849 г. в разных местах состоялись переговоры деятелей чешского, хорватского, сербского и румынского национальных движений с венгерскими представителями.

23 июля 1849 г., за несколько дней до своего роспуска, венгерский парламент принял первый в европейской истории закон о правах национальностей. Невенгерским народам предоставлялось право пользоваться родным языком в школе, церкви и муниципальных учреждениях. Этот запоздалый закон был весьма узким, но в истории Венгрии он имел принципиальное значение.

Царская интервенция в июне 1849 г. изменила ход австро-венгерской войны. 14 августа 1849 г. венгерский главнокомандующий А. Гергей под влиянием капитулянтских настроений дворянства сдал при Вилагоше царскому командованию сорокатысячную армию. В октябре был задушен последний очаг венгерской революции. Началась полоса контрреволюционного террора.

4. Причины поражения революций 1848—1849 гг.

Причины поражения революций 1848—1849 гг. при всем различии ситуации в разных странах по существу были одни и те же. Напуганная революционной активностью народных масс, особенно парижскими июньскими боями, буржуазия изменила революции. Но «во Франции буржуазия выступила во главе контрреволюции после того, как она отбросила все препятствия, стоящие на пути к господству ее собственного класса. А в Германии она униженно тащится в хвосте абсолютной монархии и феодализма, не успев обеспечить даже элементарные жизненные условия для своей собственной гражданской свободы и для своего господства [...] в Германии она [...] совершает контрреволюцию в пользу своих собственных деспотов»¹⁸. В 1848 г. монархическая контрреволюция сомкнулась с контрреволюцией буржуазной. Серьезная причина поражения заключалась в колебаниях мелкой буржуазии, которая в отдельные, иногда решающие моменты становилась во главе борьбы.

Одним из отрядов революционного движения в 1848 г. в Германии и Австрийской империи, т. е. в странах, где до революции сохранялись устои феодализма, было крестьянство. Однако антифеодалная борьба крестьян развивалась в отрыве от городского демократического движения. Крестьянское движение в 1848 г. не получило всенародного размаха. Борьба крестьян была направлена против феодальных повинностей, привилегий помещиков, за возврат захваченных дворянством лесов и пастбищ, за существенное углубление аграрных преобразований, но не против помещичьего землевладения вообще. Своекорыстная социальная политика буржуазии отталкивала крестьянские массы, а мелкобуржуазная демократия была неспособна связать дело национального освобождения с аграрной революцией.

Пролетариат, немногочисленный, раздробленный и недостаточно зрелый, был еще не готов к созданию самостоятельной политической партии, без которой бы не смог стать сознательным руководителем революционного движения и повести за собой массы.

Одной из важных причин поражения революций 1848—1849 гг. в Центральной Европе были противоречия между национальными движениями, чем не преминула воспользоваться реакция. Национальные конфликты в 1848—1849 гг. были результатом столкновения интересов дворянства (где оно имелось) и буржуазных слоев разных наций, при этом имела значение разница в степени зрелости движений и в связи с этим несоответствие задач, которые они ставили перед собой. Национальные противоречия в Австрийской империи и Германии воспрепятствовали объединению демократических сил.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5. с. 492—493.

Невыгодно для революций сложилась международная обстановка. Царская интервенция в Венгрию, происшедшая при молчаливом согласии Франции и с одобрения Англии, сыграла решающую роль в победе контрреволюции в Центральной Европе. Революция в Италии была подавлена при помощи французской и австрийской интервенции. Правящие круги Англии оказывали контрреволюционным силам почти во всех странах Европы прямую или косвенную помощь.

Важнейшим результатом революций 1848 г. в Центральной Европе была ликвидация основ феодальных отношений. Аграрные реформы, проведенные под давлением крестьянских масс в Австрийской империи и германских государствах, открыли путь для более быстрого развития капитализма. Однако освобождение крестьян произошло недемократическим путем, с соблюдением помещичьих интересов и сохранением массы феодальных остатков.

В последующий период демократические силы народов Центральной Европы стремились завершить социальные и политические преобразования, начатые революцией, а господствующие классы — осуществить их в форме, соответствующей своим интересам. Но часть объективных задач революций была выполнена.

Революции 1848—1849 гг. поставили вопрос о национальном освобождении угнетенных народов. Не только венгерское, польское и итальянское, но и национальные движения других народов (славянских и румынского) выдвинули более или менее далеко идущие программы обеспечения национальных и демократических прав, гарантий конституционного строя. Эти программы, в частности, свидетельствовали о наличии разной глубины тенденций к созданию и упрочению элементов национальной государственности, о сдвигах в процессе формирования наций. Однако революции обнажили существенные отрицательные стороны ряда национальных движений. Не у всех народов, стремившихся в 1848 г. к национальной свободе и равноправию, сложились субъективные факторы, необходимые для успешной борьбы, хотя само выдвижение важной национальной проблемы было необходимым шагом на пути к ее решению. Опыт 1848—1849 гг., как положительный (революционные войны за независимость), так и отрицательный (национальные конфликты между противниками абсолютизма и др.), в дальнейшем был политически осмыслен наиболее прогрессивными силами разных народов, что нашло отражение в практике общественных движений.

В 1848—1849 гг. отчетливо проявилась неспособность конституционно-монархической буржуазии к последовательной борьбе за решение коренных вопросов общественного развития,

а пролетариат впервые выступил как самостоятельная политическая сила. Вместе с тем события 1848—1849 гг. в Австрийской империи показали крупную историческую роль прогрессивных революционных национально-освободительных движений.

Революции 1848—1849 гг. имели большое значение для последующего развития освободительной борьбы в Европе. «Итак, если революция 1848 г. и не была социалистической,— писал Ф. Энгельс в 1893 г.,— то она расчистила путь, подготовила почву для этой последней [...] Попробуйте представить себе какое-либо общее интернациональное действие итальянских, венгерских, немецких, польских, русских рабочих при политических условиях, существовавших до 1848 года!»¹⁹

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 382.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ
И ИХ ПРОГРАММЫ
(обзор по народам)

1. Итальянцы

В 1848—1849 гг. народные выступления против австрийского господства получили в Ломбардо-Венецианской области самый широкий размах. Массовые движения низов, мелкой буржуазии, студийчества проявлялись в различных формах — от патриотических манифестаций и кампаний бойкота до вооруженных схваток с австрийскими войсками. Одновременно с национально-освободительным движением, а нередко и переплетаясь с ним, развивалась социальная борьба трудящихся.

Симптомы приближавшейся революции обнаружались еще в 1847 г. Резкое повышение цен на продукты питания, вызванное картофельной болезнью и неурожаем 1846—1847 гг., ударило по крестьянской бедноте и пролетариату. Следствием этого явились волнения в Ломбардии в феврале 1847 г. Сельская беднота протестовала против дороговизны, спекуляции зерном и вывоза хлеба из Ломбардии, разрешенного австрийскими властями. Толпы крестьян требовали снижения цен на зерно; в ряде мест они делили хлеб, находившийся в амбарах торговцев. Австрийские власти вели себя в общем пассивно. Например, в Лекко, где собралось более 4 тыс. крестьян, гарнизон отсиживался в казармах. Современники считали, что Австрия была непрочь применить в Ломбардии галицийские методы, т. е. натравить массы на землевладельцев и предстать перед крестьянами в роли их защитников от богатых^{57*}.

Незадолго до революции, в январе 1848 г., по свидетельству современника, шпионы правительства и жандармы вели в деревне разговоры о том, что сеньоры — виновники всех зол — хотели войны с Австрией, что Пий IX — не настоящий папа и что он навел порчу на картофель [Della Peruta, 1953]. Провокации австрийцев потерпели, однако, неудачу, и либеральному дворянству и буржуазии удалось с помощью благотворительной кампании удержать свое влияние среди крестьян и даже добиться более глубокого отчуждения их от Австрии, что повлияло на позицию масс в начале революции.

В сентябре 1847 и в начале 1848 г. в Милане произошли массовые антиавстрийские манифестации, вызвавшие огромный отклик во всей Италии. В них участвовали широкие слои населения. «Табачный бунт» в Милане в январе 1848 г. перерос в кровавые столкновения с австрийскими войсками и явился своеобразным прологом революции.

Долго накапливавшаяся ненависть к Австрии вылилась в марте 1848 г. во всеобщее восстание в Милане. В течение пяти дней, 18—22 марта, тысячи плохо вооруженных горожан героически сражались на 1600 баррикадах с австрийскими войсками фельдмаршала Радецкого. Основную массу восставших составляли рабочие и ремесленники, возглавляемые наиболее решительными представителями буржуазной демократии. Из 1485 миланцев, убитых и раненых в боях с австрийцами с сентября 1847 по август 1848 г., 1100 принадлежало к трудящейся массе [Canzio, 922a, p. 77].

Революция в Милане дала толчок восстанию во всей Ломбардии. Массы городских низов, интеллигенции, мелкой буржуазии и крестьян поднимались против австрийцев. 21 марта отряды крестьян во главе со студентами, медиками, таможенниками, землевладельцами, арендаторами, священниками двигались к Милану со всех сторон^{58*}. Проходя через города, они принуждали австрийцев сдаваться или отступать. Крестьянские отряды устраивали засады на дорогах, нападали на императорские войска, мешали им переправляться через реки. Часть крестьян сумела проникнуть в Милан и участвовала в боях.

В первые недели революции два момента отличали поведение крестьянских масс: вражда к австрийцам и надежда на то, что, содействуя их изгнанию, они добьются улучшения своего положения. Таким образом открывалась возможность связать дотоле пассивное крестьянство с национальным движением при условии проведения социальных преобразований, которые могли бы облегчить его положение. Однако даже решительные демократы, готовые возглавить восстания против австрийцев, рассматривали проблему освободительной борьбы исключительно в политическом плане, а умеренно-либеральные и консервативные круги буржуазии и дворянства, возобладавшие в новых органах власти, противились перестройке земельных отношений в пользу крестьян. Поэтому как только обозначился успех восстания в Ломбардии, эти круги постарались не допустить развязывания народной инициативы, опасаясь нарушений права собственности. Например, в Брешии и Кремоне представители буржуазии и землевладельцев убеждали крестьян и городской люд не нападать на австрийцев, соблюдать спокойствие. В Мантуе, где по набату собралось до 15 тыс. крестьян, готовых к борьбе с австрийцами, власти уговорили их разойтись по домам. Многие дворяне и буржуа бежали из Мантуи, страшась народа [Della Peruta, 1953].

Эти опасения имели под собой определенную почву. Тяга крестьян к социальной справедливости вылилась в апреле — мае 1848 г. в многочисленные выступления. В горных районах и в провинции Вальтеллина они пытались силой вернуть ранее отнятые у них общинные земли. В провинциях Брешия и Комо получил распространение отказ платить налоги и пошлины на

продукты питания. В провинции Бьянца произошли крупные волнения исполщиков и колонов против крупных арендаторов-посредников. В Марессо и других селениях, где дело дошло до вооруженных столкновений, были произведены многочисленные аресты. Весной произошли волнения сельскохозяйственных рабочих, исполщиков и колонов в нижней части Паданской долины.

В целом, однако, крестьянскому движению не хватало напора, чтобы заставить буржуазное Временное правительство существенно улучшить жизненные условия масс; не были отменены, в частности, десятина и пошлыны на продукты. Вследствие этого к лету 1848 г. в настроениях ломбардской деревни произошли сдвиги. Хотя крестьяне в ряде случаев выражали желание участвовать в борьбе с Австрией, в целом сельские массы стали относиться с безразличием к войне, рассматривая ее как дело «сеньоров». Эти настроения вызвали и враждебное отношение крестьян к набору в армию (Комо, Бьянца, Мантуя) и демонстративное провозглашение — в пику «сеньорам» — здравия в честь Радецкого. С другой стороны, в решающий момент летом 1848 г., когда встал вопрос о формировании ополчения в поддержку пьемонтской армии, землевладельцы и буржуазия Паданской долины обнаружили склонность пожертвовать национальным делом ради своих корыстных интересов, предпочитая возвращение австрийцев вооружению крестьян [Della Pergata, 1953].

В Венеции революция началась с многотысячной демонстрации, преимущественно рабочих и ремесленников; под давлением тысячных толп были освобождены из тюрьмы Д. Манин и Н. Томмазо, ставшие руководителями венецианской революции. Как и в Милане, действия городских низов Венеции, особенно рабочих арсенала, обусловили успех восстания 21—23 марта.

Тотчас же после победы революции в Венеции в континентальной части Венецианской области началось крестьянское движение, продолжавшееся до лета 1848 г. Оно сразу приняло социальный характер. Венецианские крестьяне и городские низы возлагали надежды на улучшение условий своего существования. Социальный протест венецианских крестьян, батраков, поденщиков и деревенских пауперов отличался большим диапазоном методов борьбы, чем в Ломбардии. Попытки захвата и раздела общинных угодий — лесов и пустошей, покушения на земли латифундистов, требования предоставления хлеба бедноте и распределение продовольствия, принадлежавшего богачам, отказ от взноса налогов и сборов, бунты батраков и поденщиков, требовавших повышения оплаты, волнения безработного сельского люда, наконец неоднократные попытки бедноты, возможно, отражавшие появление у нее зачатков политического сознания, включить в состав местных органов власти своих представителей вместо ставленников богатых, — таковы были

преобладающие формы выступлений низов в венецианской деревне в марте — июне 1848 г.

В адрес республиканского правительства Венеции с мест шли требования властей и имущих послать отряды для подавления волнений. 9 апреля Временный комитет Фриули выпустил прокламацию, сетуя на то, что с началом революции крестьяне сочли утратившими силу законы, «обеспечивающие защиту частной и общественной собственности» [Bernardello, 1970]. В округе Падуи власти натолкнулись на всеобщий отказ деревенского населения от уплаты налогов. Власти Полезине-ди-Ровиго обратились к Манину с просьбой послать войска, чтобы пресечь «выступления против класса имущих». Переплетением разных требований и форм социального протеста были отмечены многие выступления. Уже 24 марта в Сан-Дона-ди-Пьяве (недалеко от Венеции) толпа вооруженных крестьян потребовала приостановить рост цен на муку, прекратить вывоз зерна из селения и позаботиться о безработных. Хотя коммунальный совет выделил муку для распределения среди бедняков, волнения продолжались. В Портогруаро и Латизане около 500 крестьян и батраков вторглись во владения латифундистов и потребовали у одного из них продать за полцены принадлежавшее ему зерно и вино. Вместо богатых землевладельцев крестьяне избрали в коммунальный совет своих представителей. Попытки деревенских низов изменить состав коммунальных советов имели место и в других селениях, где крестьяне и рабочие, ранее участвовавшие в строительстве дамб, потребовали продолжения работ, чтобы обеспечить заработок бедноте. В районе Brenta 2400 рабочих-строителей угрожали разгромить соседние селения, если их лишат работы.

Многочисленные волнения в ряде селений Венето вызывались стремлением деревенских низов избавиться от нищеты и угнетения. Суть этих стремлений Манин определил как «тенденцию низших классов к освобождению от всякого подчинения, от повиновения всякой власти». Именно так истолковали смысл революции крестьяне в местечке Лорео, где толпа кричала: «Теперь приказывает народ». Эта тенденция часто проявлялась в открытой враждебности к имущим, побуждавшей последних преувеличивать реальную угрозу крестьянского движения — подобно тем представителям богатых фамилий в Пернумини, которые утверждали, что «чернь» желает переделать «святую свободу на свой лад — в республиканский коммунизм» [Bernardello, 1970].

Подобная тенденция была присуща и выступлениям городских низов, примером чему может служить Падуя, где народ кричал на улицах: «Мы все равны!» и угрожал поджечь дома богатых. Особенно заметно социальное движение городских масс проявилось в Венеции. Во время существования республики повышение заработной платы было главным требованием,

с которым выступали табачники, пекари, портные, стекольщики, кузнецы, шапочники, работники городских служб, каменотесы. Рабочие в центре стеклоделия Мурано добились увеличения зарплаты, пособий по старости и нетрудоспособности; пекари, чтобы получить надбавку к зарплате, устроили демонстрацию; рабочие табачной фабрики потребовали повысить их оплату, а когда из-за блокады Венеции экспорт табака упал, они, угрожая бунтом, добились от правительства выплаты пособия почти тремстам своих безработных товарищей.

В течение полутора лет, предшествовавших революции, умеренно-либеральному крылу итальянского национального движения удалось добиться больших успехов: в Папском государстве, в Тоскане и Сардинском королевстве монархические правительства приступили — хотя и с большими колебаниями — к проведению реформ, отвечавших буржуазным интересам; осенью 1847 г. между этими тремя государствами по инициативе Пия IX было подписано предварительное соглашение о создании таможенного союза, а король Пьемонта Карл-Альберт дал обещание присоединиться к освободительной войне против Австрии, если такая война начнется в будущем. События, казалось, доказывали правильность программы, выдвинутой в 40-е годы либералами, связывавшими разрешение национальной проблемы с сотрудничеством между монархами и национальным движением и с созданием союза (федерации) самих монархов. Особый энтузиазм в Италии вызывал поворот в политике папства, казалось, подтверждавший неогельфистские предвидения Джоберти о возможности привлечения церкви к национальному движению. Либеральная публицистика начала прославлять Пия IX как «духовного вождя» национального дела. Хотя уступки, на которые пошли монархи, в большей мере явились результатом нараставшего давления народных масс, политическое руководство национальным движением продолжало оставаться в руках умеренных, а их лозунги сохраняли популярность.

Однако начавшаяся в Италии революция быстро выявила глубокие противоречия их программы и продемонстрировала несостоятельность планов решения национальной проблемы «сверху». В условиях огромного патриотического подъема, охватившего всю страну в связи с победой революции в Неаполитанском королевстве и восстанием в Ломбардии и Венеции, максимум на что оказался способен умеренно-либеральный лагерь — это выразить устами одного из самых решительных своих представителей — графа К. Кавура — требование немедленно отправить пьемонтскую армию в Ломбардию на помощь миланским повстанцам, т. е. начать войну с Австрией. Основные же усилия умеренных либералов после введения (под нажимом низов) конституций в Неаполе, Пьемонте, Тоскане и Папском го-

сударстве были направлены на сдерживание бурного народного движения, которое могло выдвинуть на первый план республиканцев и демократов и таким образом сорвать осуществление идеи «союза монархов с народом». Перспектива углубления революции пугала самих монархов, что сказалось и на методах ведения войны пьемонтской армией. Ее командование во главе с королем не допустило развязывания партизанской борьбы в Ломбардо-Венецианской области, и этот отказ от поддержки вооруженного народа явился одной из главных причин неудач королевских войск в войне с Австрией.

Военное поражение Пьемонта летом 1848 г. означало провал планов тех умеренно-либеральных сил в Северной Италии, которые видели в пьемонтской монархии основное орудие достижения национальной независимости. Ранее, в апреле, Пий IX нанес жестокий удар по неогвельфистской концепции, осудив войну с Австрией. Бегство папы из Рима осенью 1848 г. стало наглядным выражением краха неогвельфизма. Безрезультатными оказались и попытки добиться политического союза итальянских монархов. Осенью 1848 г., в связи с отходом либерально настроенной крупной буржуазии от революции и провалом умеренно-либеральной программы достижения национальной независимости и объединения страны, политическая инициатива переходит к революционным, демократическим группам.

В преддверии революции и затем в первые ее месяцы, т. е. в период преобладания в руководстве общественным движением либералов и крупной буржуазии, лидер республиканцев Дж. Мадзини советовал своим сторонникам добиваться максимального расширения народного движения, которое заставило бы монархов пойти дальше по пути реформ и принудило бы их начать войну с Австрией. Таким образом, движение за реформы он считал необходимым превратить в борьбу за национальную независимость и единство Италии. Мадзини был убежден, что «итальянское движение — прежде всего движение национальное, имеющее своей главной целью объединение Италии и освобождение ее территории от всякого прямого и косвенного иностранного господства» [800, с. 225]. Достижению этой исторической цели Мадзини готов был подчинить все остальные задачи — социальные и политические, в частности, он считал возможным снять на время войны за независимость требование республики ради сплочения всех национальных сил при условии, что государственное устройство единой Италии будет определено впоследствии волеизъявлением нации. Но одновременно Мадзини ополчился против планов федеративного устройства Италии, пронизательно вскрывая их неосуществимость и отстаивая унитарный (т. е. централистский) путь воссоединения страны, который в условиях тех лет был возможен только на революционной основе.

В мае 1848 г., после поспешного присоединения Ломбардии к Пьемонту, Мадзини, расценивший этот акт как нарушение народного суверенитета, отказался от нейтральной позиции в вопросе о государственной форме объединения и высказал убеждение, что единая Италия будет создана лишь тогда, когда республиканское знамя взвевается над Римом [800, с. 22]. На поражение пьемонтской армии Мадзини откликнулся призывом к развертыванию «народной», «повстанческой войны», к организации «национального восстания» против австрийцев, к всеобщему вооружению народа. В противовес планам образования федеративного парламента Мадзини предложил созвать национальное учредительное собрание, которое было бы избрано всем населением.

В то же время Мадзини в статье «О славянском национальном движении», опубликованной в его миланской газете «Италия дель'Пополо» («Народная Италия»), подтвердив свое убеждение, что «в славянском элементе коренятся зачатки разложения Австрийской империи», призвал итальянцев направить свои революционные и дипломатические усилия в сторону Львова, Праги, Загреба, где «в один, возможно, недалекий день будет решена окончательная судьба Австрии». В связи с конфликтом, возникшим весной 1848 г. из-за отказа Кошута признать национальные требования южнославянских народов, Мадзини летом 1848 г. первым обратился к нему с планом примирения венгров и славян, предусматривавшим, в частности, одновременное провозглашение республики в Италии, Польше, Венгрии и Германии [Pierazzi, 801].

Осенью 1848 г. идея Мадзини о созыве учредительного собрания была подхвачена и развита тосканским демократом Дж. Монтанелли. Неудачи итальянской революции он усматривал в отсутствии «единого руководства», «единого национального центра», каким могло бы стать всеитальянское Учредительное собрание, избрание которого еще до изгнания австрийцев привело бы к образованию «национального правительства», «национальной власти» — носительницы национального суверенитета [114, т. 3]. Всеитальянскому собранию предстояло бы возглавить борьбу за национальное освобождение, а затем решить вопрос о форме правления в Италии.

Таким образом, к осени 1848 г. в условиях углубления национально-политической борьбы и назревания нового революционного подъема итальянская буржуазная демократия выдвинула программу, исходившую из объединения Италии «снизу», путем демократической революции [249, т. I, с. 740]. Реализация ее открыла бы путь для преобразования социальной и политической структуры Италии на буржуазно-демократической основе и, следовательно, для укрепления союза буржуазной демократии с народными массами и более широкого втягивания их в освободительное движение.

Период революции отмечен высшими формами движения: народными восстаниями против Австрии и местных реакционных режимов, национальной войной, начатой Пьемонтом и вызвавшей к жизни движение добровольцев, которые стекались в Ломбардию, Венецию и Рим. Избрание Учредительного собрания и установление республики в Риме, проведение здесь социально-политических преобразований, создание республиканской армии под командованием Гарибальди — все это представляло собой наиболее серьезную попытку в 1848—1849 гг. направить национально-освободительное движение в русло буржуазно-демократической революции. Однако крайне неблагоприятные внутренние и особенно внешние условия в конце 1848 — первой половине 1849 г., когда итальянская революционная буржуазия приступила к проведению в жизнь своей программы, а также непоследовательность самих буржуазных демократов, возглавивших революционное движение в Римской республике и Тоскане, обусловили неудачу попытки разрешить итальянскую национальную проблему «снизу» — путем народной революции.

2. Чехи

Революция 1848 г. привела к оформлению основных направлений чешского общественного движения — национально-либерального и радикально-демократического [Коші, Matula, 938]. Революционное брожение в Австрийской империи в феврале 1848 г. затронуло чешские земли. Буржуазно-демократические круги, прежде всего в Праге, с начала марта распространяли листовки, содержавшие призывы к восстанию, требования конституции. Настроения мелкой буржуазии, части интеллигенции, рабочих, ремесленников, крестьянства отражали радикальные демократы, рипилисты. Уже 6 марта они приняли решение о созыве большого митинга, который получил название Святовацлавского собрания. В воззвании к пражанам они писали, что «парижские события пробудили всю Европу», и призывали народ «участвовать в делах государства». Рипилисты сочли нужным «защищать собственность» и вместе с тем выступали за то, чтобы «национальное сознание стало достоянием всех слоев населения». По их мнению, этого можно было достичь созывом внесословного сейма, вооружением народа, отменой цензуры [120, с. 45]. Вскоре рипилисты выработали программу предстоящего Святовацлавского собрания.

Программа носила буржуазно-демократический характер и предусматривала введение конституции в землях чешской короны при равном представительстве от всех слоев населения, нахождение правительственных органов Чешского королевства в Праге и пребывание здесь короля не менее четверти года, свободу слова, печати, собраний, вероисповеданий, общинное само-

управление, гарантию личной безопасности и т. п., равенство чешского и немецкого языков и запрещение выходцам из других земель занимать общественные должности, замену полиции вооруженным народом. Важное место в программе заняли социальные требования — уничтожение без выкупа всех феодальных повинностей, «организация труда» и улучшение быта рабочих. По этим пунктам шла борьба между радикальными демократами и либералами, стремившимися не допустить социальных требований в петицию императору и получившими в этом поддержку со стороны местного дворянства и буржуазии [303].

Инициатива радикально-демократических кругов имела большое значение, и такие их представители, как К. Сабина и Э. Арнольд, с начала революции сознавали место происходящих событий в освободительной борьбе народа. Сабина обращал внимание на необходимость политического воспитания нации, «чтобы она сама обсуждала свои интересы». На примере Франции он предостерегал, чтобы плодами революции не воспользовались представители имущих классов [462, с. 177, 186]. На первом этапе революции радикальные демократы выступили за сотрудничество демократических сил чешского и немецкого населения. Идеи эти находили распространение в народе, примером чему может быть листовка подмастерья В. Жижали (Доновского), направленная против дворянства и призывавшая чехов и немцев сообща бороться за свободу [903, ч. 2, т. 1, с. 46].

Особую актуальность эти вопросы обрели после издания в первые дни революции императорского указа о созыве провинциальных сеймов для обсуждения конституционных проблем. 30 апреля Э. Арнольд вновь сформулировал демократические требования: объединение земель чешской короны, сейм «без панского сословия», ответственное министерство, всеобщее избирательное право, присяга чиновников и армии на верность конституции, обеспечение политических прав народа, освобождение крестьянства от феодальных повинностей и т. п. [367, с. 68—69]. Это было развитием требований радикальных демократов, с которыми они выступили в канун Святовацлавского собрания 11 марта. Обращает на себя внимание антидворянская направленность выступления Арнольда. Это перекликалось со статьей Сабины, опубликованной двумя днями ранее: «Все богатство, обращающееся в стране, обязано своим происхождением труду низших классов [...] Прежде всего необходимо заботиться о низшем трудящемся классе [...] Помните о народе» [903, ч. 2, т. 1, с. 40].

В противовес либералам, настаивавшим в основном на национальных задачах движения, радикальные демократы увязывали социально-политический и национальный вопросы. В пестрой демократической среде наряду с преобладавшими здесь принципами защиты частной собственности получили распрост-

ранение идеи мелкобуржуазного социализма, взгляды Прудона и Луи Блана, мечты о «социальной республике».

Уже на первом этапе революции радикальные демократы имели определенное влияние в широких слоях населения. Однако они были еще недостаточно последовательными в идейном и политическом смысле, в связи с чем руководство движением было захвачено либералами, блокировавшимися с местной шляхтой.

В марте 1848 г. радикальные демократы упустили инициативу и дали возможность либералам определять направление общественного движения. Радикалам не удалось полностью отмежеваться от либералов в программном отношении. И те и другие стремились к федерализации Австрийской империи, хотя расходились в средствах достижения этой цели и в ряде социальных и политических вопросов.

Либералы выступали за буржуазные преобразования, но надеялись только на реформы сверху. В духе компромисса они пытались разрешить и вопрос о дворянских привилегиях. В апреле 1848 г. Ф. Палацкий призывал дворянство согласиться на замену сословного сейма народным представительством. Либералов страшило вовлечение в движение широких масс. Опасения такого рода были характерны не только для Палацкого, но также для П.-И. Шафарика, К. Гавличек-Боровского и их единомышленников. В марте 1848 г. Шафарик писал М. П. Погодину. «Мы здесь в Праге находимся в круговороте большого движения: до сих пор развитие шло мирным путем, но все и вся вооружено до зубов» [720, с. 715]. Начиная издание либеральной газеты «Народни новини» («Национальная газета»), К. Гавличек подчеркивал 5 апреля как главную задачу борьбу за национальные права [609, с. 98].

Позиция либералов проявилась уже в процессе подготовки петиции и проведения Святовацлавского собрания. По соглашению с рипилистами редакция текста петиции была поручена либералу Ф. Браунеру. Первое место в петиции занимало требование объединения земель чешской короны, учреждения для них единого сейма и ответственного правительства. Далее шли требования предоставления всему населению равных с дворянством и духовенством прав на представительство в сейме, равенства чехов и немцев в школах и учреждениях чешских земель, публичного судопроизводства, самоуправления общин, назначения чиновников из местных жителей, владеющих чешским и немецким языками, свободы печати, собраний, личности, вероисповедания, тайны переписки. Феодално-зависимые отношения предлагалось ликвидировать путем выкупа повинностей.

Как видно, были приняты многие требования рипилистов. Однако если для последних это был лишь исходный пункт борьбы, то для либералов петиция едва ли не означала программ-максимум. При этом требования организации труда и заработ-

ной платы, выдвинутые радикальными демократами, были исключены, а вместо безусловного упразднения феодальных повинностей Ф. Браунер ввел пункт об их выкупе.

Либерально-буржуазное течение основой своей стратегии и тактики сделал австрославизм. Наиболее полно сформулировал идеи политического австрославизма Палацкий в своем известном «Письме во Франкфурт» от 11 апреля 1848 г. [866], явившемся ответом на приглашение принять участие в подготовке общегерманского парламента. Включившись в полемику вокруг вопроса о выборах во Франкфуртский парламент, Палацкий мотивировал отказ участвовать в работе германского национального собрания не только тем, что «чехи — не немцы» и что включение земель чешской короны в состав Германии не имеет правового основания, но и тем, что вхождение в нее Австрийской империи привело бы к распаду последней с опасными для ее народов последствиями. Исходя из этого Палацкий был убежден, что сохранение габсбургской империи должно быть «делом [...] всей Европы, даже всего человечества». «Действительно, — заявил он, — если бы Австрийского государства не существовало [...] мы должны были бы в интересах человечества немедленно его создать». В «Письме» обосновывалась идея превращения Австрии в конституционную федеративную монархию, защитницу входящих в нее народов. Равноправие славянских народов — условие прочности Австрии: «Меттерних пал не только потому, что был величайшим врагом свободы, но и потому, что был злейшим врагом славянских национальностей».

Эти взгляды встретили широкое понимание в кругах буржуазии и интеллигенции. П. Шафарик писал Палацкому 19 апреля 1848 г.: «Мы все есть и хотим остаться конституционными австрийцами, по нации — чехами, немцами и т. д., кто чем является» [Novotný J., 1970]. К. Гавличек еще раньше, 19 марта, подчеркнул в газетной статье: «Да будет Австрия полностью самостоятельной, независимой могучей империей» [995, с. 170].

Глубокой подосновой австрославизма были экономические интересы буржуазии. В апреле 1848 г. чешские промышленники заявили, что в составе Германии отечественное производство было бы подавлено, сбыт его изделий в южных (южнославянских.— *Ред.*) землях был бы затруднен. В уставе общества «Славянская липа», созданного тогда же, говорилось, что его целью является открытие новых возможностей для сбыта изделий отечественной промышленности в славянских странах, в особенности южных [995, с. 175]. Этим были озабочены как либералы, так и радикальные демократы (в частности, об этом писал один из наиболее последовательных радикалов Э. Арнольд). Естественно, что чешские австрослависты мечтали о расширении австрийских границ на Балканах [1145, с. 279].

Идеи превращения Австрии в федерацию разделялись в радикально-демократических кругах (например, Э. Арнольдом и В. Ваврой). Ведь сами по себе эти идеи означали признание национальных прав входивших в состав империи народов.

Но австрослависты-либералы мечтали о достижении национальных целей путем соглашения с Габсбургами, с придворными кругами и были готовы поддержать правящие круги в борьбе против революции. Таким образом, несмотря на наличие общедемократических элементов в программе австрославизма, в трактовке Палацкого она приобретает иной оттенок: Палацкий предстает как противник демократического движения и в Германии, и в Австрийской монархии, как противник республиканской формы правления. Поэтому основные идеи «Письма» получили поддержку не только среди либералов, но и со стороны отдельных представителей консервативного дворянского лагеря.

В начале революции формирующийся рабочий класс чешских земель еще не был самостоятельной политической силой. Это были в огромном большинстве рабочие мануфактур, ремесленных мастерских и надомники, материальное положение которых находилось на грани нищеты. Длительный кризис текстильной промышленности привел к росту безработицы и снижению оплаты труда. Поэтому известия о революционных событиях, особенно в Вене, сразу же вызвали среди ремесленников и рабочих стачки, волнения, во время которых выдвигались социальные требования. Движение охватило Прагу, Брно, Либерец, распространилось на северную Чехию и Моравию [Jordan, 938; Novotný K., 938; 511; 392] и в дальнейшем — хотя и по-разному — влияло на политическую позицию буржуазии — чешских и немецких радикалов и либералов (радикалы стремились к удовлетворению хотя бы части требований рабочих, чтобы успокоить их или вовлечь в политическое движение под своим руководством). По мере развития событий рабочий класс не ограничился выступлениями чисто экономического характера. Пролетариат чутко реагировал на перипетии политической борьбы между либералами, радикалами и правительственным лагерем, стремясь добиться удовлетворения своих первоочередных требований. Представители пролетарских слоев преобладали среди более чем трех тысяч участников Святоцлавского митинга 11 марта. Сельские массы боролись за решение одного из важнейших вопросов революции — аграрного вопроса. И хотя отмена барщины была проведена за выкуп, классовая борьба крестьянства сыграла решающую роль в ускорении решения этого вопроса. Свои мысли и чаяния крестьянство выражало, в частности, в петициях, направлявшихся в Национальный комитет весной 1848 г. [946; 924]. Характерно, что в ряде петиций содержались не только жалобы на произвол помещиков, но и такие политические требования, как отмена

барщины, ликвидация сословного сейма, свобода слова, собраний, вероисповеданий, равенство чешского языка с немецким.

Святовацлавское собрание было созвано 11 марта 1848 г., т. е. до революции в Вене. На нем был избран Святовацлавский комитет, в который вошли представители разных направлений и социальных групп — от аристократии до радикалов. В комитете быстро обнаружилось разногласие.

В марте 1848 г. была организована дворянско-буржуазная национальная гвардия. Задачей гвардии была защита социальных (в частности, против рабочих) и политических позиций собственнических классов. Но в ее состав также вошел радикально настроенный студенческий академический легион во главе с И.-В. Фричем, в дальнейшем находившийся в авангарде борьбы против контрреволюции. Глава местной администрации — земский президент Чехии граф Р. Стадион созвал комиссию по выработке проектов реформ. Правящие круги при поддержке либералов осуществили слияние ее со Святовацлавским комитетом, в результате чего 10—13 апреля возник Национальный комитет Чехии, имевший официальный характер, так как здесь сотрудничали представители власти, помещиков и буржуазии. Задачей комитета была подготовка созыва чешского Великого сейма.

Практика созыва народных собраний и подачи петиций в чешских землях получила распространение не только среди буржуазии и дворянства, но и среди рабочих, ремесленников и крестьян. В этих акциях участвовали и стремились их использовать в политической борьбе и радикалы, и либералы. Радикалы апеллировали к массам, организовывали митинги, демонстрации. С весны 1848 г., как вспоминал И.-В. Фрич, рипилисты Арнольд и Гауч поддерживали связь с деревней. Они намеревались в мае 1848 г. организовать в Праге «внушительную демонстрацию» крестьян с требованием отмены феодально-барщинных повинностей без выкупа [554, т. 2, с. 78].

В марте — апреле литераторы — чехи и немцы — выступили в пользу сотрудничества обеих национальностей в борьбе за конституцию. Среди подписавших заявление этого рода были консерваторы, либералы и радикал Сабина. Однако вскоре сотрудничество прервалось ввиду разногласий по национальному вопросу и в связи с полемикой относительно выборов Франкфуртского собрания. Немецкая буржуазия не хотела слышать о равноправии чешского и немецкого языков и об автономии чешских земель. Немецкие представители вышли из Национального комитета и 19 апреля образовали прогерманский Конституционный союз, в противовес которому 30 апреля было учреждено чешское политическое общество «Славянская липа». Чешские деятели призвали к бойкоту Франкфуртского парламента, и в Чехии из 66 избирательных округов выборы прошли только в 21.

Органом борьбы дворянско-буржуазных кругов против демократического движения стало так называемое Временное правительство, учрежденное Л. Туном 30 мая в Праге. Вхождение в его состав руководителей Национального комитета (среди них — Палацкий, Ригер, Браунер) означало на деле ликвидацию последнего [Sechova, Martinek, 1954]. Новый орган был создан после майской революции в Вене. Л. Тун и стоявшие за ним реакционные силы намеревались обособить органы управления Чехией от влияния венского правительства, вынужденного идти на уступки народу.

Австрийская военщина стремилась превратить Чехию в свой оплот. Здесь была сконцентрирована сильная армия (до 40 тыс. солдат); реакционное офицерство во главе с А. Виндишгрецем мечтало о скорейшей расправе с демократическими силами Праги и демонстративно проводило военные приготовления. 11 июня студенты, собравшиеся на митинг, потребовали убрать артиллерию, расставленную на высотах, и раздать оружие студентам. На следующий день войска в ряде мест напали на рабочих и студентов на улицах Праги. В ответ на эту провокацию в центральной части города и рабочих районах стихийно были воздвигнуты баррикады. Так началось Пражское восстание 12—17 июня 1848 г. Часть национальной гвардии присоединилась к пражанам — рабочим, мелким ремесленникам, подмастерьям и студентам — чехам и немцам. Во главе отдельных групп находились И.-В. Фрич, К. Сабина, К. Сладковский, немец Л. Рупперт. Повстанцы не имели единого руководства. Многочисленные, главным образом крестьянские отряды из охваченной волнениями страны по призыву радикальных демократов направились в Прагу. Большинство их было рассеяно войсками, учинившими над крестьянами кровавую расправу.

Фактическим хозяином положению с самого начала волнений был Виндишгрец. С 15 июня начался артиллерийский обстрел города. 17 июня Прага оказалась в руках контрреволюционных войск.

Стихийное выступление трудового населения Праги против наглого поведения военщины было вкладом в борьбу европейской демократии за победу революции.

Страх перед возможным единством действий трудящихся города и деревни долго сохранялся в среде правящих кругов, о чем свидетельствуют многочисленные увещания и угрозы по адресу сельского населения, исходившие от властей и блокировавших с ними либералов. Пражское восстание привело к более глубокому размежеванию лагерей в чешском общественном движении и оформлению либеральной и радикально-демократической партий. Начался новый этап революционного движения в чешских землях. Демократический характер восстания был понят многими современниками, связанными с либеральными кругами. «Движение,— писал П. И. Шафарик,— было не

национальным, а чисто политическим по содержанию. Это был мятеж, в котором принимали участие чехи и немцы» [720, с. 717]. Деятели национально-либеральной партии не только отрицательно отнеслись к революционным усилиям «массы чешского народа — многочисленных промышленных рабочих и крестьян»¹. Ф. Палацкий, П. Шафарик, К. Гавличек добивались прекращения восстания.

Враждебность к восстанию проявила как немецкая, так и чешская либеральная буржуазия. Но национализм ослеплял также австронемецкие радикально-демократические круги в Вене, как и либералы, видевшие в восстании то, что ему было чуждо — «панславистский заговор». Со второй половины 1848 г. радикальные демократы усилили через печать пропаганду своих взглядов. Важное место заняла борьба вокруг оценки пражского восстания. Демократы стремились дать правдивую картину событий. Уже в конце 1848 г. Ф. Копп издал книгу, посвященную истории восстания. Он подвергал резкой критике политику либералов, с теплотой отзывался о рабочих и городской бедноте: «Какую беззаветную убежденность доказал пролетариат! Слава ему, ибо он заслужил ее. Там царило единодушие, единый порыв и единство воли»⁵⁹.

Июньское восстание в Праге было кульминацией революционного движения в чешских землях. Его поражение означало начало нисходящей линии революции в Чехии.

Позднее активные слои рабочего класса чешских земель безоговорочно встали на сторону октябрьского восстания в Вене. Наиболее значительные выступления в его защиту произошли в Брно, где рабочие независимо от национальности и часть чешских буржуазных демократов пытались захватить оружие и двинуться на помощь Вене. В стычке с национальной гвардией было убито пять человек, число раненых и арестованных достигло нескольких десятков. В Либереце рабочие также требовали оружия. Выступления рабочих весной, летом и осенью 1848 г. имели политическое содержание, были направлены на углубление завоеваний революции, а в Брно — уже не только против абсолютистской реакции, но и против контрреволюционной буржуазии. Однако это были лишь первые шаги чешского рабочего движения по пути его высвобождения от руководства буржуазных демократов, — шаги, прерванные победой контрреволюции [Jordan, 938; Novotný K., 938].

Примечательной была мартовская антиправительственная демонстрация 1849 г. в Праге, состоявшаяся в связи с возвращением депутатов разогнанного рейхстага. Студенты, рабочие и ремесленники встретили либералов градом насмешек. Полицейский комиссар Праги докладывал правительству о симпатиях пражан к республиканским идеям и Венгрии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112.

В новой ситуации либералы продолжали упорно отстаивать требования австрославизма. В сентябре Палацкий набросал проект федерализации Австрии (западной части империи) с превращением ее в конституционное государство. Осуждая октябрьские события в Вене, Палацкий в «Памятной записке чешских депутатов рейхстага министерству» 24 октября вновь пытался заинтересовать правительство идеями австрославизма. Но все усилия либералов, сохранявших лояльность и надеявшихся на уступки со стороны правящих кругов, были тщетны.

Объективно деятельность либералов содействовала спасению габсбургского абсолютизма. Это означало политический крах австрославизма. Ведущие либеральные деятели во главе с Ф. Палацким на доброе десятилетие сошли с политической сцены, а правая политическая группировка (Л. Тун, В. Томек, К. Эрбен, Й. Иречек и др.) поддержала реакционную политику правительства. И только К. Гавличек не побоялся в газете «Народни новини» и журнале «Слован» («Славянин») выступить против октроированной конституции, против деспотизма, в защиту достоинства чешского народа. «Власть,— писал он,— может принудить нас молчать, но не может заставить говорить противное нашим убеждениям» [609, с. 191]. Этому девизу он следовал до конца. «Ей-богу,— восклицал после его смерти Й.-В. Фрич,— все же этот Гавличек — наш!» [554, т. 2, с. 360]. На втором этапе революции радикальные демократы видели свою задачу в критике чешского либерального лагеря и аристократии.

Внимание демократической общественности привлекли статьи В. Вавры и Я. Кнедльганса-Либлинского, написанные после восстания в Праге, когда усилилось тяготение либералов к союзу с местным дворянством и правительством. Вавра подчеркивал, что на древнейшем этапе чешской истории «не было шляхты», которая возникла позднее, путем опоры на христианскую церковь и узурпации народных прав, как «язва на теле нации». Он считал, что «народ чешский никого не может так «благодарить» за свой упадок, как шляхту». В октябре 1848 г. К. Сабина подчеркивал, что созидающей силой являются только массы. «Народ строил города и деревни, дороги и мосты, все, что только можно видеть на белом свете [...] Народ! А что получил он за это?... Может ли так оставаться? Не может и не должно!» [462, с. 196, 424]. Оценивая обстановку второй половины 1848 — начала 1849 г., Э. Арнольд напоминал о героических традициях гуситского движения. В период спада революции его занимали причины поражения гуситов. В январе 1849 г. Арнольд писал, что чешское дворянство предало дело свободы, и призывал народ извлечь урок из прошлого [367, с. 296].

В политической области, в отношении к революционной борьбе венгров, итальянцев, частично и австрийских немцев,

чешские радикальные демократы, выступавшие за сохранение австрийского государства, долгое время не могли преодолеть национальной ограниченности. Однако под влиянием событий углублялось понимание ими общности интересов народов в борьбе с реакцией. Чешским демократам стало очевидно, хотя и не сразу, что падение Вены развязало руки реакции.

24 ноября 1848 г. Кнедльганс писал о подавлении Вены как об ударе по интересам революции во всей Австрийской империи и даже в Европе [462, с. 479]. В статье, опубликованной в феврале 1849 г., Арнольд подчеркивал, что октябрьское восстание в Вене означало борьбу между демократами, опиравшимися на трудящихся, и реакцией. Автор осуждал политику либералов, которая помогла контрреволюции. «Поскольку правительство вело войну против Венгрии в союзе со славянами, а ныне ведет себя по отношению к ним двусмысленно, венгерская война увеличила число демократов и число врагов монархии» [462, с. 82—84]. Один из бывших участников войны с Венгрией М. Микшичек публично выступил против союза чешского и словацкого национальных движений с правительством [Novotný J., 1968]. На стенах Праги появились надписи: «Да здравствует Кошут!»

Заслуга чешских радикальных демократов состояла в том, что несмотря на национальные противоречия они все же встали на защиту венгерской и германской революций. Заслуга их также — в обосновании с прогрессивных позиций идей межславянского сотрудничества. Взаимоотношения чехов с другими славянскими народами они рассматривали с революционной точки зрения. На них оказала влияние философия А. Сметаны, по мнению которого славяне могут стать носителями исторического прогресса, если разрушат несправедливый строй и возвестят об освобождении человечества, символом чего Сметана считал коммунизм [997, т. I, с. 55, 882, с. 129].

Еще 25 марта 1848 г. в листовке «Дорогие чешско-немецкие братья» Арнольд опровергал обвинения чешского национально-го движения в панславизме и выдвигал идею демократического союза славян [367, с. 56]. Путь к братству народов чешский демократ видел в революции. Это был новый для чешских условий взгляд, получивший развитие в последующие месяцы. В декабре 1848 г. на съезде «Славянской липы» К. Сабина говорил, что «славянская будущность имеет социальное значение, славянство будет диктовать нациям единение». Союз царизма с Габсбургами содействовал углублению представлений радикальных демократов о России. И. Подлипский выразил уверенность, что «русский царизм будет похоронен собственным народом» и писал о «великой демократической будущности» русского народа. В начале 1849 г. Арнольд говорил о том, что царизм боится революции в собственной стране [367, с. 187, 190, 366]. В мае 1849 г. Сабина выступил с опро-

вержением взгляда, будто «русские составляют со своим правительством единое целое». Он выдвинул лозунг союза чешского народа с революционной Россией. Не без влияния Бакунина чешские демократы перешли к совместной с немецкими демократами подготовке нового восстания.

Многие статьи радикальных демократов, особенно второго этапа революции, проникнуты республиканским духом. Сабина отмечал страх дворянства перед республикой и подчеркивал, что республика является «наилучшим образом правления» [462, с. 223, 247]. Тем не менее, кажется, никто из радикалов не выдвигал со всей определенностью лозунга республики. Некоторые из них писали о «демократической монархии». По определению В. Вавры, это «монархия с республиканской основой, где воля народа может и должна быть исполнена» [462, с. 468]. О чем-то подобном говорилось на сходках «Чешского рипила» еще в предреволюционные годы. Лишь в период подготовки «майского заговора» лозунг республики получил более определенное звучание.

Чешских радикальных демократов особенно занимала проблема улучшения положения рабочих, ремесленников и крестьян. В конце 1848 — начале 1849 г. Арнольд писал о противоположности интересов трудящихся и имущих классов. В октябре 1848 г. Сабина утверждал, что трудящиеся являются здоровой частью общества [462, с. 56, 59, 201].

О степени притягательности этих идей можно судить по статье «О коммунизме», опубликованной в начале 1849 г. в умеренном журнале «Властимил». «Побывав некоторое время в деревне,— пишет автор,— я обнаружил к немалому ужасу, что в Чехии коммунистические идеи объявлялись повсеместно, в особенности в городах среди трудящихся слоев и в деревне среди крестьянства» [882, с. 121]. Здесь под «коммунизмом» имелись в виду социальные устремления крестьян общедемократического характера. Социалистические представления демократов не выходили за рамки мелкобуржуазного утопизма. Среди них не было единства в вопросах содержания и сроков достижения социализма. Так, Копп полагал переход к социализму возможным непосредственно за свержением Габсбургов, а Вавра оценивал социализм в качестве отдаленной перспективы.

В условиях наступления реакции весной 1849 г. Й.-В. Фрич, Э. Арнольд и К. Сладковский создали тайное «Чешско-моравское братство» для подготовки нового восстания. Они установили связь с «Маркоманией», подпольным обществом немецких радикалов в Праге. Но восстание не было подготовлено, не имело сколько-нибудь широкой социальной опоры. Разгром «майского заговора» завершил революционную борьбу в чешских землях.

Несмотря на относительно слабое влияние, радикальные демократы, проделав в 1848—1849 гг. значительную идейно-поли-

тическую эволюцию, внесли значительный вклад в общедемократическое движение народов Австрийской империи. Они были борцами против феодализма и абсолютизма, выступали против церкви, бюрократии, политики либералов, подчеркивали связь национальных и социальных требований освободительного движения.

Под воздействием революционных выступлений масс радикальные демократы идеологически двигались влево. У наиболее последовательных из них намечалась тенденция к переходу на революционно-демократические позиции. Однако мелкобуржуазная ограниченность препятствовала превращению радикалов в руководителей народных масс. Они не сумели подойти к решению волновавшего крестьянство аграрного вопроса, ограничиваясь лозунгом отмены барщины без выкупа. Лишь некоторые из них, да и то с опозданием, пришли к мысли о разделе помещичьих земель, хотя идея эта сама по себе выдвигалась в чешских землях еще в середине XVIII в. В чешских землях в период революции так и не сформировалось течения, которое подходило бы по всем вопросам социальной и политической (в том числе национальной) жизни с позиций глубоких объективных интересов эксплуатируемых классов.

3. Словенцы

В словенских землях на начало революции первой откликнулась беднота Любляны. Когда 16 марта сюда пришла весть о свержении Меттерниха, в городе началась демонстрация. В ней приняли участие рабочие, подмастерья, мелкая буржуазия и учащиеся. Демонстрация сопровождалась разгромом таможни, нападением на дом бургомистра.

Кроме Любляны, рабочие активно выступили в Идрии и Подрощице. На ртутных рудниках Идрии администрация должна была отдать в распоряжение рабочих кассу взаимопомощи. Металлургический завод в Подрощице был покинут администрацией и в течение продолжительного времени им управляли сами рабочие. Волнения имели место и среди строителей железной дороги Вена — Триест.

Активно против существующих порядков выступили крестьяне. Их выступления продолжались со второй половины марта до конца сентября 1848 г. Крестьяне отказывались от выполнения повинностей, требовали восстановления сервитутов, прежде всего права пользования лесами. Центром волнений стали Нижняя и Внутренняя Крайна. Так, около 500 крестьян Ижанского поместья сожгли усадьбу помещика. На Верховине была сожжена таможня. Уже в 20-х числах марта власти послали войска во многие районы Крайны и только это спасло от разгрома помещичьи усадьбы.

В Каринтии крестьянское движение развивалось только в словенских районах. Здесь крестьяне также нападали на помещичьи земли (Женежский замок в Подъюнской долине), устраивали демонстрации в Клагенфурте (Целовец), требуя, чтобы сословные провинциальные органы приняли решение об отмене феодальных повинностей. В Южной Штирии в ряде мест были избиты управляющие имениями.

В июле — сентябре, во время сбора урожая, снова усилились волнения крестьян. Попытки помещиков заставить кметов выполнять повинности наталкивались на решительный отпор. Только сентябрьский закон об упразднении поземельных обязанностей привел к некоторому успокоению крестьян.

Революция вызвала более четкое размежевание в рядах словенского национального движения, хотя Словения далеко отставала от Чехии в отношении общественно-политической активности. Борьба крестьян за свои права, выступления рабочих насторожили словенскую буржуазию, особенно ее консервативные круги. С другой стороны, народные волнения, вести о победе революции в Париже, Вене, германских городах, объявление свободы печати, собраний воодушевляли наиболее прогрессивные слои словенской интеллигенции, побуждали ее к формулированию политических требований, к политическим выступлениям. На позицию словенских национальных деятелей оказали влияние программы объединения Италии и объединения Германии и вместе с тем национальная политика немецких буржуазных революционеров.

В обстановке начала революции, рабочих и крестьянских выступлений в Словении епископ А. Сломшек встал решительно на сторону реакции. Ссылаясь на евангелие, он призывал крестьян нести феодальные повинности и во всем положиться на монарха. В Крайне консерваторы имели опору в газете «Новице» Блейвейса, который, впрочем, в период подъема революции не отказывался печатать и либералов.

Организационно спланивались и эти последние. Вся буржуазия без различия группировок выступала за ликвидацию феодальной зависимости крестьян, но только строго «законным путем» и при обеспечении помещичьих интересов. Либеральный просветитель из Каринтии Матия Маяр-Зильский не уступал Блейвейсу в призывах к крестьянам ничего не предпринимать, полагаясь на парламент и «светлого кесаря» [571, с. 96].

Более смелой была национально-политическая программа либерального крыла буржуазии. Революция привела к качественным изменениям в словенском национальном движении. Она завершила собою период просветительства и начала период политической борьбы.

Появление словенской политической программы связано с созданием первых словенских политических обществ. Главными из них являлись «Словения» в Вене и Граце и «Словенское

общество» в Любляне. Идеи либералов пропагандировала первая политическая словенская газета «Словения», вызванная к жизни революцией 1848 г. Редакторами ее были М. Цигале, Д. Дежман, Ф. Цегнар, сотрудниками — Амброж, А. Эйншпиллер, П. Козлер, М. Маяр (Lopčar, 409). В создании национальной программы видную роль играл М. Маяр и группа либеральных венских словенцев, объединившихся в общество «Словения» [Чуркина, 1969].

29 марта Маяр выступил в «Новице» с призывом к словенцам не пропустить великий момент, когда они как свободный народ могут вступить в среду свободных народов. Он призывал к введению словенского языка в школах и учреждениях «Словении», как он уже называл словенскую этническую территорию. 20 апреля члены общества «Словения» составили следующую программу: «1. Политически раздробленный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии как единый народ соединить в единое государство, чтобы он имел свой собственный земский сейм. 2. Чтобы словенский язык имел полностью те же права, какие имеет немецкий в немецких землях, и чтобы от нашей воли зависело введение его в школу и канцелярии. 3. Чтобы Словения была неотъемлемым членом австрийской, а не германской империи. Мы не хотим, чтобы наша страна была представлена в немецком парламенте и желаем, чтобы обязательными для нас были лишь те установления, которые даст нам император вместе с нашими представителями»⁶⁰. Аналогичные программы составили словенские общества в Любляне и Граце. Маяр в своих выступлениях включал в состав Словении также словенские территории в Венгрии (Прекомурье) и Венецианской области. Это была программа «Объединенной Словении». Одновременно было выдвинуто требование основания словенского университета [571, с. 102].

«Объединенная Словения» являлась первой политической программой словенского национального движения. Она отражала сокровенные чаяния буржуазных кругов, которые хотели укрепить свое положение в политической, экономической и культурной областях, оградить свои интересы от давления австронемецкой буржуазии. Основанное на национальном принципе требование «Объединенной Словении» объективно предполагало глубокие демократические изменения в Австрии, без которых была невозможна ломка границ старинных провинций габсбургской монархии. Однако слабая и политически умеренная словенская буржуазия опасалась развития революции и итальянского объединительного движения, считала, что сохранение Австрийской империи жизненно необходимо для славянских народов, и стремилась опереться на власть Габсбургов. Но таким путем добиться осуществления выдвинутой программы было невозможно.

Что касается германского вопроса, то если либералы в основном выступали против участия во Франкфуртском собрании, то словенские консерваторы были столь осторожными, что послушались обращения австрийского правительства 21 апреля 1848 г., в котором содержался призыв участвовать в выборах депутатов во Франкфурт. Блейвейс считал, что необходимо сотрудничество умеренных, верных монарху словенцев и немцев. В его позиции сказались интересы словенской торгово-ростовщической и землевладельческой буржуазии.

С особым вниманием в Словении следили за событиями в соседних югославянских землях. В Каринтии и Штирии словенские национальные деятели, руководствуясь экономическими интересами, наряду с требованием «Объединенной Словении» добивались облегчения экономических и политических связей с Хорватией путем отмены внутриимперской таможенной границы [356, с. 87—88].

Ряд словенских либералов выступил за союз «Объединенной Словении» с хорватами и сербами Воеводины. Еще 11 апреля 1848 г. Майр писал в загребской газете, что словенцы, как народ, должны «иметь свой сабор» и возможность «вступить в более тесный союз с нашими братьями, верными императорской династии хорватами в Хорватии, Славонии и Далмации». Формулировка о «тесном союзе» была позднее воспроизведена в заявлении хорватского сабора о необходимости создания югославянской политической единицы в составе Австрийской империи. В мае 1848 г. сербская скупщина в г. Сремски-Карловци получила приветствие из Каринтии, в котором говорилось о кровном и языковом единстве словенцев, хорватов и сербов и необходимости установления между ними союза. В июне общество «Словения» в Граце послало манифест хорватам, в котором благодарило последних за помощь национальному возрождению словенцев. Приветственные послания сербам и хорватам исходили от словенских деятелей тех земель, где ранее влияние иллиризма было более значительным. Но существенно, что словенцы не считали возможным политическое и национальное слияние с другими южными славянами. Развивая австрославистские принципы, Майр писал в газете «Словения» о необходимости для всех славянских автономных земель будущего австрийского государства иметь общее «славянское собрание с всеславянским правительством».

Либералы пытались вести агитацию среди крестьян, чтобы привлечь их к борьбе за национальные права. Но подавляющее большинство крестьян осталось к ней равнодушным, ибо либералы не поддержали их основного требования — отмены феодальных повинностей без выкупа.

Когда либералы выдвинули свою политическую программу, консерваторы тоже не могли остаться на позициях просветительства. Еще 6 апреля ландтаг Крайны выступал лишь за рас-

ширение употребления словенского языка в школах и учреждениях, не решившись потребовать признания его официальным. В дальнейшем, в обстановке развития революции, часть консерваторов во главе с Блейвейсом после колебаний поддержала программу «Объединенной Словении».

Либералы, весной 1848 г. вставшие во главе национального движения, недолго удерживали свои позиции. Консерваторы во главе с Блейвейсом, сначала выступавшие против лозунга «Объединенной Словении» и борющиеся против «Словенского общества», сумели, приняв на время требования либералов, взять руководство обществом в свои руки. В начале июня они добились избрания Блейвейса председателем «Словенского общества». Под его руководством общество фактически отказалось от борьбы за «Объединенную Словению». Усилению позиций консерваторов способствовала политика немецких либеральных и революционных кругов, не желавших считаться с национальными требованиями славян, а также начало общего контраступления габсбургской реакции.

Октябрьское восстание в Вене еще более оттолкнуло либералов вправо. Консервативные «Новице» и либеральная «Словения» выступали против венских повстанцев. Общество «Словения» в Граце призывало организовать отряды для посылки в Вену против революционеров, а «Словенское общество» в Любляне собрало и послало в дар войску Елачича 1800 гульденов [761, с. 19].

Осенью консерваторы выдвинули собственные требования, которые были изложены в петиции императору от 19 ноября 1848 г. Эта программа предусматривала сохранение сильной Австрийской империи под властью конституционного монарха, отзыв депутатов из Франкфурта, обеспечение национальных прав словенцев в рамках каждой из земель, защиту позиций католической церкви.

Мартовскую октроированную конституцию 1849 г. словенские консерваторы встретили с удовлетворением уже потому, что она обещала равноправие национальностей. Либералы же были разочарованы: об «Объединенной Словении» оставалось лишь мечтать.

Наряду с консерваторами и либералами в 1848 г. в словенском обществе уже встречались лица с радикально-демократическими настроениями. Среди них можно назвать А. Фюстера, члена венского общества «Словения», который с начала событий был активным деятелем венского студенческого движения. Но уже в мае 1848 г. Фюстер порвал со словенским национальным движением и перешел в лагерь немецких радикалов [433]. В октябрьские дни он отважно сражался на венских баррикадах. Другим представителем демократического течения среди словенцев был Черне, зажиточный землевладелец в Горице, вышедший из крестьян. Будучи избран в рейхстаг, он реши-

тельно выступил за отмену феодальных повинностей крестьян без выкупа. Одно из выступлений Черне против выкупа феодальных повинностей, яркое и образное, ходило в списках среди крестьян⁶¹. Но эти деятели не оказали сколько-нибудь заметного влияния на словенское общественное движение во время революции.

В 1848 г. словенцами впервые были использованы такие формы политической борьбы, как создание организаций, петиции и сбор подписей под ними, распространение листовок. Представители словенского национального движения были избраны в парламент и выступали там в защиту своих национальных прав. Однако даже в период революции никто из словенских национальных деятелей не принимал участия в революционных выступлениях масс.

Словенские национальные деятели, убежденные в общности интересов славянских народов, в 1848 г. старались согласовывать свои действия с другими славянскими национальными движениями империи, подчеркивая свои симпатии к ним.

Когда в марте 1848 г. в Вену прибыли делегации от славянских земель со своими требованиями к правительству, словенцев среди них не было. Секретарь венской «Словении» П. Козлер написал обращение, в котором призывал словенскую общественность поднять перед императором вопрос об Объединенной Словении и наряду с этим — крепить братскую славянскую взаимность. Это обращение подписали многие видные хорватские и чешские деятели: Гай, Кукулевич, Кушлан, Ригер, Фрич и др. Письмо послужило одним из толчков к отправке словенской делегации из Крайны с петицией к императору. Петиция требовала создания Объединенной Словении в составе Австрии.

Словенцы приняли участие в Славянском съезде в Праге. Еще когда обсуждался вопрос о его созыве, «Новице» выступили с поддержкой этого начинания, обещая послать на съезд представителей от «Словенского общества» в Любляне. Еще более активно действовала венская «Словения». П. Козлер отправил в люблянское, грацкое и горицкое общества письма с просьбой послать депутатов на съезд. На съезде было четверо словенских депутатов — А. Шпаравец, А. Глобочник, В. Зарник, А. Грлович; активной роли они не играли [905, с. 222, 265]. Штирийские словенцы прислали приветствия съезду, в которых просили съезд защитить национальные права славян.

В 1848 г., хотя национальные чувства проявлялись во всех словенских землях, слой общества, проникнутый национальным самосознанием, был очень немногочисленным. Это — часть интеллигенции, прежде всего студенты, небольшое число горожан. Национальным деятелям еще приходилось обращаться к словенцам, призывая их: «Устраните предрассудки и провинциальные споры, в своей душе и сердце создайте Словению» [571, с. 102,

105]. В крестьянской среде национальное сознание было слабым. Правда, кое-где крестьяне подписывали петицию с требованием Объединенной Словении, связывая эту программу с ликвидацией власти немецких помещиков. По той же причине весной 1848 г., после издания Елачичем манифеста о ликвидации барщины, среди словенских крестьян проявилось стремление присоединиться к Хорватии.

Подавив революцию, власти нанесли сильный удар словенскому национальному движению. Были распущены все словенские политические общества, закрыты газеты, вызванные к жизни революционным подъемом. Из периодических изданий были оставлены только консервативные «Новице» и клерикальная газета Ерана. Дух реакции, восторжествовавший в Австрии, способствовал установлению безраздельного господства консерваторов в словенской общественной жизни.

4. Венгры (мадьяры)

Руководящей силой революции в Венгрии являлось среднепоместное либеральное дворянство. Все перипетии революции приводили лишь к перемещению влияния и власти от одной его фракций — умеренной, склонной к соглашению с австрийской династией — к другой — сторонникам решительной борьбы с абсолютизмом, но не к устранению дворянства от руководства. Этим обуславливалась внешняя и внутренняя, социальная и национальная политика венгерской революции. Такая ситуация была предопределена крайней слабостью венгерской буржуазии и мелкобуржуазных демократических сил, мощью землевладельческого класса, неорганизованностью крестьянства, а также тем, что рабочий класс Венгрии лишь зарождался. Буржуазно-демократическое крыло, сыгравшее решающую роль в углублении революции, не только не могло, но и не желало взять власть. Оно стремилось сохранить национальное единство перед лицом угрозы контрреволюционного переворота, подготавливавшегося реакционной венгерской аристократией совместно с австрийским двором.

Тем не менее роль народных масс в венгерской революции очень велика. В решающие моменты они непосредственно воздействовали на тактику дворянства, служили радикализации его политики — в особенности по отношению к Габсбургам (во внутриполитических вопросах класс помещиков упорно сопротивлялся углублению революции), ломали сопротивление правых группировок и увлекали вперед представителей революционного лагеря.

Революционная роль народных движений, особенно в Пеште, Пожони (Братиславе), отчасти в Клуже, располагавших немногочисленными, но активными группами радикально-демок-

ратического толка, сравнима только с той ролью, которую играл трудовой люд Вены в периоды высшего подъема революционной энергии — 13 марта, в майские и октябрьские дни. Выступавшие в роли организатора массовых выступлений радикальные группы находились в тесной связи с дворянским руководящим ядром лагеря революции, хотя между ними имелись принципиальные разногласия.

Именно это взаимодействие сил, представлявших разные классы общества с их различным идейно-политическим обликом, но объединенных общей целью устранения абсолютизма, феодализма и иноземного господства, и привело к успеху восстания в Пеште 15 марта, положившего начало революции во всем Венгерском королевстве.

Венгерские либералы добивались своих целей при определенной поддержке со стороны демократических сил, ранее исключенных из политической жизни феодальным правопорядком. И не потому, что дворянство симпатизировало стремлениям буржуазии и тем более народных масс или признавало их как самостоятельный фактор общественно-политической деятельности. Лишь крайняя необходимость, бесплодность четвертьвековой борьбы за буржуазные преобразования собственными силами (в рамках сословных учреждений) побудили дворянских либералов и их вождя Кошута искать союзников вне традиционных политических структур. При этом буржуазные преобразования и достижение государственной самостоятельности имели значение для либералов не только как способ вывести страну из отсталости, но и как единственное средство предотвращения самостоятельного выступления «низов», что было бы в их глазах равносильно катастрофе. Логично, что либералы обратились за поддержкой к радикально-демократическим кругам, а через их посредство — к плебейско-пролетарским слоям города и крестьянской массе, еще до революции в Вене и Пеште, но после того, как стало известно о восстаниях в Палермо, Неаполе, Милане и, наконец, в Париже. Итальянские события заставили Кошута подготовиться к решительному шагу, французская революция — сделать этот шаг, действовать, ибо лишь решительные действия, по мнению дворянских политиков, могли предупредить повторение в Венгрии того, что произошло во Франции и Италии.

1 марта, по получении известий из Парижа, Кошут объявил группе депутатов государственного собрания о намерении выступить с требованием проведения реформ: налоговой (путем хотя бы частичного распространения налогообложения на дворян), упразднения крепостничества с компенсацией помещиков, распространения политических прав на недворян, и главное — создания независимого от Австрии и ответственного перед венгерским парламентом правительства для проведения этих реформ в жизнь. И еще один момент, важный для суждения об

общемперском значении венгерского движения уже на раннем его этапе,— конституционный строй должен был быть введен не только в Венгерском королевстве, но и во всей империи, т. е. и в «наследственных провинциях».

Эта программа легла в основу речи Кошута 3 марта в нижней палате, речи, оказавшей революционизирующее влияние и в других районах империи, и в первую очередь в Вене. О речи Кошута стало известно в Вене на следующий день, а 13 марта ее текст был оглашен на митинге руководителями венской революции А. Фишхофом и Й. Гольдмарком. Принципы буржуазно-конституционного переустройства империи, провозглашенные Кошутом и одобренные палатой депутатов Венгрии, были подхвачены спустя 10 дней венскими революционерами.

Двор и реакционная венгерская аристократия, однако, не желали идти на уступки. Палата магнатов уклонилась от обсуждения предложений нижней палаты, а венский государственный совет 8 марта пригрозил распустить государственное собрание. В этой обстановке Кошут решил обратиться к непарламентским средствам борьбы. Он предложил пештскому клубу Оппозиционной партии организовать совместно с радикально-демократической «Молодой Венгрией» сбор подписей под петицией с целью давления на правительство и консервативное крыло собрания. О том что петиционное движение не ограничилось двумя столицами и приняло более радикальный и массовый характер, свидетельствует появление 13 марта, т. е. независимо от венского восстания, в Мишкольце и далеко от Орадя (Надьварад) плакатов с лозунгами: «Долой Меттерниха!», «Да здравствует конституция!», «Да здравствует Кошут!»

В ответ на призыв Кошута пештские радикалы 9 марта разработали «12 пунктов» — важнейший программный документ революции: Свобода печати и отмена цензуры. Ответственное правительство в Буда-Пеште. Ежегодный созыв государственного собрания в Пеште. Равенство граждан перед законом независимо от происхождения и религии. Национальная гвардия. Всеобщее налогообложение. Упразднение крепостнических отношений. Суд присяжных. Национальный банк. Присяга войск конституции, вывод чужеземных войск из Венгрии, возвращение венгерских солдат на родину. Освобождение политических заключенных. Уния с Трансильванией.

В основе «12 пунктов» лежали положения речи Кошута, но сформулированы они были радикальнее, чем предыдущие программы либералов [89, т. 2, с. 127—128]. Новыми были требования об унии с Трансильванией, ежегодном созыве парламента, свободе печати, национальной гвардии, суде присяжных, религиозном равенстве.

Три обстоятельства важны для понимания венгерской революции: она имела заранее подготовленную, четко сформулиро-

ванную программу; в результате принятия 13 марта пештским кружком оппозиции «12 пунктов» произошло объединение радикально-демократического крыла революционного лагеря с либеральным, причем на радикальной платформе; расхождения между ними касались путей и методов осуществления программы. В отличие от либералов, которые собирались вручить петицию государственному собранию от имени Оппозиционной партии, радикалы избрали по существу революционный способ действий с привлечением народных масс. Прежде чем послать петицию государственному собранию, радикалы были намерены заручиться одобрением масс, в первую очередь крестьян. Для этого было решено воспользоваться ежегодной пештской ярмаркой (19 марта), на которую стекались десятки тысяч крестьян, и созвать в Пеште митинг.

Этого, правда, не понадобилось: вспыхнула революция, сначала 13 марта в Вене, через день в Пеште, но одного слуха о движении крестьянской «армии» во главе с Пётёфи, и другой — под руководством Бети с Тисы (основанием для слуха послужило намерение оппозиции комитата Бихар организовать демонстрации крестьян) оказалось достаточно, чтобы государственное собрание сделалось уступчивым. Под влиянием этих слухов и венских событий оно 14 и 15 марта согласилось с большинством требований петиции, включая пункт о немедленной отмене крепостничества с компенсацией помещиков за счет казны.

Но уже ничто не могло остановить начавшееся шествие революции по империи Габсбургов. Вслед за Веной поднялся Пешт и в обоих случаях решающее слово сказали народные массы. В Пеште стихийный бунт низов слился с организованным выступлением радикальной молодежи.

В первом столкновении двух течений — либерально-дворянского и радикально-демократического — сказались противоречие интересов разных классов в движении. Действия либералов были продиктованы стремлением сохранить за собой безраздельное представительство интересов «всей нации». Радикалы если и не претендовали на роль гегемона, то не думали и мириться с пассивной ролью. Инициатива восстания исходила от «мартовской молодежи» и ее вожака — поэта и революционного демократа Шандора Петёфи. Именно он придал петиции характер народного манифеста. «Какое убожество — просить, когда знамение времени — требовать; пора подходить к трону не с бумагой, а с саблей в руке», — писал он в своем дневнике [217, т. 4, с. 147]. Утром 15 марта Петёфи вывел на улицу своих единомышленников (отныне их назвали «мартовской молодежью»), к которым присоединились студенты университета, а затем и массы трудящихся — ремесленники, подмастерья, ученики, торговцы, а также крестьяне, собравшиеся на ярмарку. Под руководством Петёфи народ революционным действием

осуществил свободу слова, собраний и печати: захватил типографию и напечатал «12 пунктов» и «Национальную песнь» Петёфи, ставшую подлинным гимном революции, открыл двери тюрьмы, в которой томился выдающийся революционный демократ Михай Танчич. Размах революционного выступления был столь велик — в нем приняло участие около половины взрослого населения города, от 15 до 20 тыс. человек, — что перед народной волей склонились консервативный магистрат, а также наместничество, представлявшее габсбургскую власть.

К восстанию присоединилась, когда уже не оставалось шансов его приостановить, либерально-дворянская оппозиция. В ходе восстания возник орган революционной власти — Комитет общественной безопасности, в который наряду с представителями либерального дворянства и буржуазии вошли радикалы, хотя они составили в нем меньшинство (Ш. Петёфи, П. Вашвари, Й. Ирини, Д. Ирани).

Успех революции обеспечило совместное выступление масс, либерального дворянства и радикальной интеллигенции Венгрии, а также победа народа Вены. Мартовская революция в Вене, дезорганизовав феодально-абсолютистскую власть в столице, создала предпосылки для распространения революционного процесса во всех землях монархии и обеспечила условия для законодательного оформления завоеваний венгерской революции.

18 марта государственное собрание в целом, т. е. и палата магнатов, подчинившись угрозе насильем (в кулуарах собрания говорили уже о 40-тысячной крестьянской армии Петёфи, которой в действительности не было), поспешно приняло законы о реформах, существенно дополнив их. Так был принят закон об отмене церковной десятины, не фигурировавший в прежних проектах. Еще более важным свидетельством углубления аграрного законодательства революции явился вынужденный отказ от требования компенсации феодалов одновременно с упразднением повинностей. Закон от 18 марта ликвидировал их немедленно, а решение вопроса о компенсации (размерах и способе выплаты государством) отложил на будущее. Все это стало возможным в обстановке угрозы крестьянского восстания. В Венгрии решающими для победы революции явились те же причины, что и в Австрии: выступления масс и страх «верхов» перед еще более грозными выступлениями.

Борьба, однако, только начиналась. Чтобы спасти свои первые завоевания от контрнаступления сил реакции, революция должна была идти дальше. Для этого было необходимо прежде всего активное участие масс в развертывавшейся борьбе. На первом этапе революции задача эта, в частности, осуществлялась путем создания на местах, независимо от национального состава их населения, по примеру Пешта, революционных комитетов общественной безопасности и отрядов национальной

гвардии. Образовавшиеся в первые дни революции комитеты — в Братиславе, Сегеде, Мишкольце, Дебрецене, Сольноке, Комароме, Дьере, Суботице, Панчево, Тимишоаре и других городах — признали руководство пештского комитета как «центрального». Но хотя призыв к провинции создавать комитеты исходил от радикалов, почти повсюду руководящую роль в них играли либералы.

По вопросу о численности и составе национальной гвардии шла острая борьба, выражавшая различие интересов верхушки городской буржуазии и мелкобуржуазных, плебейско-пролетарских низов и даже известную противоположность их позиций на новом этапе революции. В вопросе быть ли национальной гвардией организацией имущих слоев буржуазии, или же сравнительно широкой и демократической по составу, чего добивались пештские радикалы, — свое слово вновь сказали массы. Выведя на улицу приблизительно 25 тыс. человек, радикалы заставили Комитет общественной безопасности допустить в национальную гвардию представителей низов, в том числе студентов, ремесленников, рабочих и даже крестьян. К середине апреля удалось довести ее численность в Пеште до 6 тыс., а во всей стране — до 70 тысяч человек. Это была внушительная сила, которая уступала императорской армии по вооружению и обученности, но была полна революционного энтузиазма.

Габсбурги располагали во всем королевстве, включая Военную границу, Трансильванию и Хорватию, 84-тысячной армией; почти треть ее состояла из мадьяр и итальянцев, «благонадежность» которых была сомнительной. Расположенное в Северной Италии 30-тысячное войско само нуждалось в подкреплениях. Остальные 130 тыс. солдат были разбросаны по другим провинциям.

Образование революционных органов власти и вооруженной силы обеспечило радикальному крылу венгерского движения в сочетании с его способностью мобилизовывать массы возможность оказывать давление на органы власти — государственное собрание и правительство. Радикалам удалось добиться некоторого снижения избирательного ценза и уменьшения залога, необходимого для учреждения газет. Избирательные права наряду с 200 тыс. дворян получили 600—800 тыс. недворян, главным образом крестьян. По инициативе радикалов пештский комитет обратился к государственному собранию с предложением отменить виноградную десятину (горницу) и повинности аллодиальных крестьян и желлеров.

Возросшее в конце марта влияние радикального крыла встревожило и Кошута — признанного вождя революции даже в глазах мартовской молодежи [1011, с. 104—105].

Вынужденный временно мириться с установившимся в мартовские дни фактическим двоевластием между Пештом и Братиславой, между государственным собранием и Комитетом об-

щественной безопасности, между либеральным дворянством и радикальным крылом, Кошут не желал резкого изменения ситуации в пользу какой-либо из сторон до тех пор, пока завоевания революции не будут закреплены, пока страна не получит ответственного правительства, признанного королем, и сословное собрание не будет заменено буржуазным парламентом. Поскольку главная угроза революции исходила от венской камарильи и аристократии, Кошут возлагал надежды на пештских революционеров, хотя одновременно и сдерживал их порыв.

Вмешательство в ход событий народных масс вновь потребовалось в конце марта, когда двор предпринял попытку хотя бы частично вернуть свои позиции в Венгрии, обусловив утверждение мартовских законов рядом оговорок. Наиболее существенные из них касались полномочий венгерского министерства и аграрной реформы. Речь шла о сохранении венгерской придворной канцелярии, ответственной перед королем и стоящей фактически над венгерским правительством, признании за королем исключительного права распоряжаться военными делами, участия Венгрии в погашении государственного долга. Король требовал прекратить осуществление аграрной реформы, пока не будет решен вопрос о компенсации помещиков. Новое покушение реакции на революционные завоевания встретило отпор народа Пешта. Демонстрация у здания ратуши 30 марта прошла под лозунгами радикалов. «Долой немецкое правительство!», «Никакого государственного долга!», «Да здравствует национальный конвент!», «К оружию!», «Да здравствует республика!» Идея республики якобинского образца несомненно исходила от Петёфи, поклонника Робеспьера и Сен-Жюста. Накануне демонстрации он написал стихотворение «К королям», в котором говорилось: «Нет больше любимого короля: народы лишь терпят вас, терпят, как необходимое зло». Пештский комитет обратился к провинциальным комитетам с призывом прислать делегатов и образовать «национальный конвент». Осуществиться этому плану помешало как быстрое — в тот же день — отступление камарильи, так и позиция государственного собрания.

Народные выступления конца марта 1848 г., впервые вызвавшие у придворной камарильи страх перед полным разрывом Венгрии с династией и провозглашением там республики, сыграли решающую роль в упрочении завоеваний революции. Но и после того как 31 марта Пешт узнал об отступлении династии, его народ оставался в состоянии готовности вплоть до 11 апреля, когда прибывший в Братиславу король Фердинанд утвердил все революционные законы.

Поддержанию бдительности в отношении абсолютизма способствовала деятельность радикалов — «Мартовского клуба», образованного 8 мая по образцу якобинских клубов эпохи французской революции, и крайне радикального Демократического

клуба, а также печатных органов — газеты «Марциуш Тизенётё-дике» («Пятнадцатое марта») и «Мункашок уйшага» («Газета рабочих») М. Танчича (выходила с 2 апреля).

Клубы радикалов в начале мая организовали демонстрации в Пеште. Манифестация 10 мая вылилась в кровавое столкновение с австрийским гарнизоном. В результате австрийскому генералу Ледереру пришлось ретироваться из столицы, а правительству Баттяни — уступить давлению народа и радикалов и приступить к формированию первых десяти батальонов национальной гвардии. Это был один из критических моментов революции, и, по словам И. Реваи, этот «кризисный момент» она преодолела при участии масс [936, с. 23].

Для массовых движений марта — мая 1848 г. характерно то, что они шли в русле развивавшейся по восходящей линии революции, несмотря на различие, а иногда и противоположность экономических, социальных, политических установок классов, прослоек и групп, составлявших «народ». В мае, когда общие цели, объединившие разные классы и социальные группы, были достигнуты (без того, чтобы удовлетворить экономические интересы бедноты), все явственнее стало обнаруживаться различие их интересов. Городские трудовые слои и крестьянство, особенно не получившее землю «неурбарильное» крестьянство, организуя митинги, демонстрации и стачки и захватывая помещичьи земли, добивались углубления буржуазных преобразований и объективно способствовали дальнейшей радикализации революции вопреки намерениям среднепоместного дворянства.

Среди этих слоев наибольшую активность и зачаточные формы организации показали цеховые подмастерья и ученики. Вообще плебейские массы Пешта представляли источник силы леворадикального крыла венгерской революции, ударный отряд массового движения. Численность его в точности не установлена. По подсчетам Д. Шпира, он включал подмастерьев и учеников, работавших у 8 тыс. пештских цеховых мастеров (следовательно, свыше 8 тыс. человек), около 1700 самостоятельных подмастерьев, 3 тыс. промышленных рабочих, свыше 7 тыс. слуг, более 2 тыс. поденщиков; к ним автор причисляет также несколько тысяч крестьян, бежавших в Пешт в предшествовавшие революции голодные годы и не имевших постоянной работы^{62*}. Именно эти слои в конце марта — начале апреля выступили застрельщиками движения за ликвидацию цехового строя, против дороговизны, безработицы, снижения оплаты труда. Пештские кузнецы, каретники, слесари, портные, землекопы и рабочие других профессий уже 23 марта провели первый митинг. В апреле в поддержку этих требований состоялись стачки. 17 апреля произошла первая в истории Венгрии всеобщая забастовка. Главными ее лозунгами были: «Долой цехи!», «Долой промышленных аристократов!» [89, т. 2, с. 133—134]. Программу движения сформулировал радикальный адвокат Эде-

Кечкеш. Листовка, озаглавленная «Хлеба народу!», требовала упразднения «вредных цехов», установления твердых цен на соль и другие продовольственные товары, конфискации недвижимости церкви и монастырей (ликвидации последних) и обращения полученных средств на вспомоществование немощным и старикам, использования ежегодного взноса в 10 млн. форинтов (флоринов) в австрийскую казну для организации труда безработных, бесплатной передачи пустующих земель беднякам, бесплатной правовой защиты бедняков, назначения на должности на основе принципа равенства, недопущения к ним врагов конституции и др. [1011, с. 184].

Примечательно в этом документе, родившемся в ходе острых социальных столкновений в лагере революции и отражавшем интересы широчайших слоев, сочетание экономических и политических требований пролетарских и полупролетарских элементов города и деревни. События апреля 1848 г., судя по этому документу, указывали на ту альтернативную линию развития венгерской революции, которая была задержана и в конечном счете пресечена как сопротивлением господствующего класса, так и нараставшей внешней угрозой и навязанной силами контрреволюции войной.

Более конкретные требования (сокращение рабочего дня с 13—15 до 10,5—12 часов, повышение зарплаты на 25% и др.) были сформулированы в 25 петициях, составленных на собраниях цеховых рабочих и во время стачек в апреле — мае 1848 г. Угроза прекращения работы в типографиях Буды и Пешта заставила предпринимателей заключить первый в истории Венгрии коллективный договор.

Важным моментом зарождавшегося рабочего движения было то, что в мае — июне 1848 г. оно охватило также внецеховую промышленность — крупные металлообрабатывающие и судостроительные предприятия Пешта и Буды. Рабочее движение не ограничилось столицей. Среди движений подобного рода, распространившихся на провинцию, выделяется организованностью выступление шахтеров, в подавляющем большинстве словаков, в Банска-Штьявнице в июне 1848 г. Его возглавил А. Мелинг, рабочий, в марте иммигрировавший в Венгрию из Чехии. Горняки добились успеха. Распоряжением министра финансов Л. Кошута от 20 августа 1848 г. были повышены пенсии и заработная плата и введено государственное страхование.

Горняки независимо от национальности (мадьяры, словаки, румыны, немцы) остались верны венгерской революции, а во время освободительной войны массами шли в армию гонимых.

Результатом весенних выступлений явилось ослабление цехового строя. В июне 1848 г. правительство распорядилось сократить рабочий день подмастерьев и учеников до 11 часов (до 9 для детей), обязало оплачивать сверхурочную работу, разрешило участие подмастерьев в цеховых собраниях, ввело

свободу выбора места работы и жительства, сократило суммы взноса для приобретения звания мастера, разрешило открытие мастерских ремесленникам, не имевшим грамоты мастера.

В тогдашней аграрной Венгрии наиболее массовым было движение крестьян. В комитате Пешт оно возникло уже 16 марта [1099, с. 115]. О том, что охватившее деревню волнение было всеобщим, свидетельствует тот факт, что правительство Баттяни, не дожидаясь утверждения королем законов об отмене крепостничества, на следующий день после их принятия собранием распорядилось обнародовать их в комитатах. Поспешные действия властей, а главное содержание преобразований, освободивших от крепостнической зависимости свыше 9 млн. крестьян всех национальностей и сделавших их собственниками более 10,3 млн. хольдов земли, предотвратило всеобщее восстание, чего так опасались имущие классы. Однако дворянская ограниченность реформы вскоре стала очевидной для крестьянства, особенно для тех категорий, которые не получили ничего или почти ничего,— таких было 60% населения деревни!

В собственности крестьян перешли только «барщинные» земельные угодья, т. е. участки, за пользование которыми крестьяне несли зафиксированные в урбариях повинности. Это составило $\frac{1}{3}$ обрабатываемой земли. Частично или полностью неудовлетворенными оказались около 2,7 млн. крестьян, а предметом борьбы крестьянства стало около 3 млн. хольдов пашни, пастбищ, лугов и виноградников [1050, с. 390—395; 1100].

Деревня восприняла мартовские законы восторженно. Но скоро наступило отрезвление. Уже в апреле посыпался поток жалоб и прошений недовольных крестьян. Начавшиеся тогда же крестьянские выступления повсеместно были направлены на углубление буржуазных преобразований. Несмотря на пестроту движения, оно может быть сведено к трем основным моментам: отказ от несения еще не упраздненных повинностей, захват спорных угодий (пашни, лугов, лесов), а также участков, которые находились в пользовании крестьян, но юридически принадлежали помещикам, и, наконец, пренебрежение помещичьими «регалиями» (привилегиями) — правом на охоту и рыбную ловлю, а в первую очередь — на содержание корчмы и мясной лавки. Крестьяне отказывались от работ в пользу церкви, священников, комитата, от уплаты ярмарочной пошлины. В двух последних случаях крестьяне добились успеха уже в апреле, а в сентябре 1848 г., в условиях начинающейся революционной войны, правительство приняло важный закон об отмене виноградной десятины.

Одновременно были опубликованы проекты законов о возможном выкупе крестьянами помещичьих регалий, а также о признании за ними права на часть спорных земель (путем выкупа). На дальнейшие уступки крестьянству правительство не желало и было неспособно идти. И не только потому, что оно

представляло помещичьи интересы. Правительство было озабочено тем, как бы дальнейшее ущемление интересов помещиков не превратило их в опору контрреволюции. Либералы и правительство попытались сначала воздействовать на деревню пропагандистскими средствами. С июня начала выходить на пяти языках газета «А неп баратя» («Друг народа»), восхвалявшая благородство помещиков, якобы добровольно отказавшихся от привилегий. Но когда возбуждение крестьян стало принимать угрожающий размах, правительство вслед за комитетами стало на путь репрессий. 12 июня 1848 г. на территории страны было введено осадное положение. Против крестьян были брошены вооруженные силы, а там, где их было недостаточно, формировались дворянские отряды.

Но крестьянские массы поняли первостепенную важность защиты революции. Симптоматично, что социальные выступления венгерских крестьян пошли на убыль по мере того, как становилась очевидной опасность интервенции австрийской военщины и ее пособников.

В силу того, что землю и волю, причем без непосредственной компенсации, получила значительная масса крестьян, не могло быть и речи о движении, которое бы охватило все крестьянство, тем более, что вопрос о расширении аграрного законодательства революции продолжал оставаться в повестке дня правительства и парламента. Благодаря настойчивости его левого крыла в сентябре 1848 г. государственное собрание приступило к обсуждению соответствующего проекта закона, которое, однако, затягивалось помещиками и было прервано австрийским вторжением. Нависшая над завоеваниями народных масс угроза преобразовала классовую борьбу бедноты; отныне ее главной формой стало участие в защите отечества.

Подавляя крестьянские волнения, правительство вместе с тем стремилось к соблюдению со стороны помещиков принятых реформ и к расширению сферы их действия на новые территории — Трансильванию и Военную границу, — видя в этом гарантию против контрреволюционных выступлений. 30 мая были отменены обязательные работы в пользу казны сербских граничар Тимишского полка и Шайкашского батальона; граничары могли безвозмездно пасти скот в принадлежащих казне лесах; было обещано снизить цены на соль. Эти запоздалые акции не смогли устранить напряженность во взаимоотношениях венгерской революционной власти с сербскими граничарами. К этому времени значительная часть населения Военной границы считала, что создание автономной Воеводины само по себе приведет к ликвидации военно-феодалных повинностей. Наступивший застой в аграрных преобразованиях, вызванный классовыми интересами венгерского дворянства, а также резкая активизация враждебных венгерской власти сил, взявших на вооружение наряду с агитацией за национальные требования

также и социальную демагогию, привели к тому, что крестьянские движения национальных окраин, утратив первоначальный чисто социальный характер, стали приобретать национальную окраску. Репрессии венгерских властей, центральных и особенно местных, творивших расправу над крестьянами как венгерских, так и национальных районов, делали участников крестьянских волнений более восприимчивыми к лозунгам национальных движений².

Упорное нежелание венгерских властей удовлетворить справедливые национальные требования народов королевства, в том числе румын, стимулировало усиление националистических настроений с обеих сторон. Были фактически отвергнуты даже умеренные предложения венгерской общественности, направленные на смягчение национального конфликта, в том числе августовский проект М. Вешеленьи; в нем парламенту предлагалось выразить симпатии национальностям страны, ввести родной язык в школах и при богослужении, уравнивать в правах православную и униатскую церкви, обязать государственные учреждения принимать жалобы и т. п. материалы не только на венгерском языке, объявить национальностями состоящими под защитой конституции. Проект был передан парламентской комиссии, бесплодно работавшей многие месяцы. Правительство, как и большинство дворянства, вплоть до последних месяцев революции утверждало, что национальное согласие в Венгрии может быть достигнуто провозглашением равноправия всех граждан [99, с. 77].

Историческое значение и международный, т. е. европейский характер венгерская революция приобрела в критические сентябрьские дни, когда на карту были поставлены как ее национальные, так и социально-политические завоевания. Если в марте обстановка благоприятствовала венгерской революции, то уже к середине лета положение резко ухудшилось. Умеренно-либеральное руководство во главе с премьером Л. Баттяни стремилось закончить революцию. Верное линии на соглашение с династией, оно пыталось избежать разрыва с Веной и было готово идти на серьезные уступки двору. Однако упоенная успехами в Вене, Италии и Праге камарилья жаждала полной капитуляции Венгрии. В случае успеха соглашательской концеп-

² Там, где под угрозой оказывались интересы имущих классов, национальные соображения отходили на задний план. Весной 1848 г. сербский митрополит Й. Раяич для восстановления «порядка» в принадлежащих церкви деревнях без колебаний обратился к венгерскому правительству, прося у него помощи против сербских крестьян. Весной 1848 г., когда крестьяне Трансильвании добивались распространения венгерских аграрных законов на этот край, православный епископ трансильванских румын Андрей Шагуна, обходя румынские села, употребил свой авторитет на то, чтобы удержать крестьян от антифеодальных выступлений. Этот упорный противник венгерских помещиков в области национально-политической, рьяно помогал им в защите классовых интересов привилегированных сословий.

ции Баттяни — Деака вероятнее всего венгерская революция превратилась бы в ординарное явление европейской истории. В том что этого не произошло, «повинны» народные массы, их революционная энергия, преданность родине таких вождей революции, как Кошут и Петёфи.

Большую роль в преодолении революцией сентябрьского кризиса сыграло наличие в ее лагере немногочисленного, но влиятельного радикального крыла. В июле, после парламентских выборов, в лагере революции произошла перегруппировка сил. Немногочисленность завоеванных мандатов (30—35 из 416) побудила левых депутатов во главе с братьями Ласло и Йожефом Мадарас искать поддержки вне парламента. Так возникло «Общество равенства», в которое вошло большинство представителей «мартовской молодежи», но политическое руководство которым находилось в руках «дворянских радикалов», т. е. левой дворянской группировки. В отличие от группы Баттяни, это течение, на которое опирался Кошут, прочно стояло на позиции защиты государственного суверенитета Венгрии и было готово в борьбе против контрреволюции обратиться к народным массам за поддержкой. Левые депутаты, как и революционные демократы, неустанно напоминая о неизбежности столкновения с австрийской контрреволюцией и настаивавшие поэтому на принятии решительных мер для обороны родины, с лета стали также выступать за расширение социального законодательства. По их инициативе был внесен законопроект о безвозмездной отмене виноградной десятины и упразднении повинностей майоратных желлеров. Но в это же самое время М. Танчич выдвигал гораздо более радикальную аграрную программу: отмена помещичьих регалий, остатков повинностей, возвращение крестьянам незаконно отобранных у них земель, конфискация и передача желлерам и добровольцам, записавшимся в армию, земель изменников, и др.

В 20-х числах августа 1848 г. с нарастанием угрозы внешнего вторжения «Общество равенства» приступило к подготовке массовой кампании давления на палату для ускорения формирования национальной армии. 10 сентября, когда большинство членов кабинета, за исключением Кошута и Семере, было готово под давлением династии отказаться от власти, массы, заполнившие улицы столицы, вновь — в который уже раз — произнесли свое решающее слово. Оказав доверие «Обществу равенства» и поддержку бескомпромиссной политике Кошута, народ не только спас революцию от бесславной гибели, но и поднял ее на более высокую ступень. Возникла кратковременная ситуация, когда радикалам из «Общества равенства» ничто не могло помешать установить революционную диктатуру. Однако не видя возможности действовать против воли дворянства, они решили добиваться лишь удаления правительства Баттяни и формирования правительства блока левых либералов с радикалами во

главе с Кошутом. Активность масс — здание, где на следующий день происходило решающее заседание палаты, было окружено 20-тысячной толпой,— деятельность «Общества равенства» и поддержка левых депутатов позволили Кошуту сорвать попытку контрреволюционного путча и добиться одобрения палатой революционных мер (выпуска банковских билетов и набора рекрутов). Следствием этой самой важной после 15 марта победы революции явилось упразднение виноградской десятины, что придало новую силу начавшемуся в тылу вторгшейся в Венгрию армии Елачича партизанскому движению крестьян. Одновременно было решено создать революционный орган власти — Комитет обороны родины во главе с Кошутом, в который вошли четыре радикала во главе с Л. Мадарасом. В результате сентябрьских событий наметилось усиление политической роли радикалов и полевение либерального дворянства, имевшего большинство в палате.

Хотя в условиях революционной войны классовая борьба крестьянства ослабела, она не могла прекратиться, так как коренные проблемы деревни были решены лишь отчасти. Правительство Кошута считало, что требования крестьян, идущие дальше законов, принятых парламентом, угрожают национальному фронту. Кошут осуждал «подстрекателей беспорядков». Правительство стремилось убедить крестьян в том, что только победа над врагом улучшит условия их жизни. Однако положение широких слоев деревни было отчаянным. Классовые противоречия венгерского общества сказались во взглядах революционного демократа М. Танчича. «У нас больше врагов внутри страны, чем в Вене», — вот к какому выводу подчас приводила крестьян аграрная политика господствующего класса, и Танчич опубликовал в своей газете письмо крестьян, содержащее этот вывод. Характерно, что в этом же письме крестьяне выражали готовность к борьбе против интервентов, но не по призыву господ, а для того, «чтобы не дать истребить венгерскую нацию». [2, с. 214—215].

Патриотизм Танчича, которого Кошут за выступление в защиту крестьян обвинил в пособничестве венской камарилье, сказался также в его призывах к рабочим Пешта, переносившим все тяготы войны, увеличить производство оружия. Газета Танчича звала народ к бдительности в отношении колеблющихся кругов, которые во время наступления войск Виндишгреца обнаружили склонность к соглашению с династией.

Зимой 1848—1849 г., в разгар тяжелой войны, крестьяне жаловались парламенту и правительству на бесчинства помещиков, которые стремились перевести бывших урбарияльных крестьян в разряд договорных издольщиков, обязанных продолжать нести повинности. Однако эти жалобы оставались без последствий. Дворянство со своей стороны обвиняло народ в «коммунизме».

Только некоторые представители крайних левых понимали роковую опасность, которую несли не только произвол местных помещиков в отношении крестьян, но и аграрная политика дворянства вообще. После долгих колебаний, в марте 1849 г. «Общество равенства» выступило с проектом «облегчения участи бедняков». С этой целью предлагалось конфисковать имения изменников-аристократов и раздать их землю крестьянам. Летом 1849 г. к этому проекту присоединился ряд левых деятелей. В июне 1849 г. Танчич сделал новый шаг вперед. Он предложил наделить безземельных (желлеров), конфисковав все латифундии площадью свыше 2 тыс. хольдов (более 1000 га), а также земли Габсбургов и высшего духовенства. Но в этом отношении Танчич был одинок. Тогда же Кошут, по-видимому, пришел к выводу о необходимости ликвидации помещичьих регалий и предоставления крестьянам участков леса и пастбищ.

В ходе войны радикально-демократические деятели, самоотверженно служившие Венгрии, не раз ссылались на якобинцев, вдохновляясь ими как образцом революционеров. Однако соотношение социальных сил в Венгрии было иным, чем в революционной Франции конца XVIII в. Хотя комиссары Комитета обороны действовали решительно, нередко отстраняя старых чиновников и пресекая самовольные акции помещиков³, дворянство оставалось хозяином положения, нередко игнорировало распоряжения правительства, направленные в защиту мартовского закона, и в конечном счете добилось исключения из правительства сторонников левой группировки.

В среде венгерских революционеров наметилось понимание необходимости урегулирования национальных отношений на основе признания некоторых прав народов. Большую дальновидность под влиянием общественной атмосферы, в которой они вращались, проявляли венгерские представители в Париже. Ласло Телеки призывал Кошута обратить внимание на национальную проблему и согласиться с реорганизацией Венгрии на федеративной основе, но с центральным парламентом, правительством и венгерским языком в парламенте. Он развивал мысль о конфедерации свободных народов от Балтики до Черного моря [66, с. 79—80].

Часть радикалов в Дебрецене считала законными некоторые требования невенгерских народов. Однако и они не шли дальше признания прав национальных языков в местном самоуправлении. Радикально-демократические круги допускали возможность федерализации Венгрии лишь после победы револю-

³ Зимой 1848—1849 г. Комитет обороны особое внимание стал уделять соблюдению помещиками аграрных законов в румынских районах: «проклятые требования барщины и незаконные захваты земли,— говорится в одном из его документов,— самое верное средство возбудить румынских крестьян против власти».

ции и на деле оставались сторонниками территориально-политического унитаризма и употребления в парламенте только венгерского языка [300, с. 93, 94].

В условиях национальной войны идейно-политическая борьба в Венгрии развивалась как между революционерами и соглашательским лагерем, так и в среде революционных сил. После октроирования австрийской централистской конституции принципиальное значение имело провозглашение венгерским парламентом в Дебрецене 14 апреля 1849 г. детроизации Габсбургов. Это было осуществлено вопреки сопротивлению многих депутатов — дворян и «партии мира». В акте детроизации наша выражение воля венгерского народа создать суверенное государство. Перечислив проявления угнетательской политики габсбургских властей в отношении Венгрии, декларация провозгласила Венгрию «свободным и независимым европейским государством», а династию, «запятнавшую себя предательством и клятвопреступлением... низложенной, лишенной трона и изгнанной» [2, с. 276].

В результате успешного наступления венгерской революционной армии 24 апреля 1849 г. был освобожден Пешт. Однако победы Венгрии привели к новой активизации правых сил [248, с. 35]. В дворянском лагере усилилось политическое размежевание и весной — летом 1849 г. усилилась «партия мира», вокруг которой спланивались дворянские круги, искавшие соглашения с Австрией.

5. Румыны

События, начавшиеся в марте в Вене и Пеште, в особенности первая победа восставшего народа венгерской столицы, нашли отклик в самых отдаленных уголках империи, ибо почва для свержения старого строя была подготовлена общественным развитием всех ее народов. Ход революционного процесса в Трансильвании определялся прежде всего сложностью национального состава, устойчивостью элементов феодальной структуры, незрелостью буржуазных сил, а также специфическим положением края в системе габсбургских владений.

Уния Трансильвании с Венгрией, требование которой входило в программу «12 пунктов», привела бы к распространению мартовских аграрных законов на Трансильванское княжество, а поэтому буржуазно-демократическое крыло румынского национального движения, связанное с крестьянством, в марте — апреле выступало за унию. Но венгерское правительство, верное принципу формального соблюдения имперской законности, долгое время откладывало осуществление унии до созыва трансильванского государственного собрания.

Таким образом, до июня 1848 г. власть в крае оставалась в руках австрийского военного командования во главе с генера-

лом Пухнером, местной мадьярской аристократии и верхушки саксонской буржуазии, которые агитировали против унии, стремясь превратить Трансильванию в опору контрреволюции. Одним из средств к достижению этой цели было разжигание национальной вражды. В частности, когда в апреле — мае местные власти беспощадно подавляли волнения крестьян, они направляли в румынские села вооруженные отряды мадьяр.

Весной 1848 г. антиунионистское движение консервативной мадьярской аристократии и саксонского патрициата представляло собой заговор против революции в Венгрии и Трансильвании. О планах реакции, связанных с превращением края в оплот контрреволюции, свидетельствует, в частности, письмо венгерского графа и императорского генерала А. Речей трансильванскому либеральному политику Я. Бетлену, написанное в мае 1848 г.: «Восстановление порядка начнется с того, что мы захватим Трансильванию, чтобы Венгрия оказалась меж двух огней, и тем самым будет быстро положен конец мятежу. Поэтому советую тебе: отложи унию *ad calendas graecas*» [492, с. 76—77; 959, с. 11—12]. В такой обстановке уния стала определенным показателем политических симпатий складывавшихся течений. Но вопрос об унии был непростым. До сентября 1848 г. Венгрия шла впереди Австрии в решении аграрного вопроса и это придавало унии важный социальный смысл. Тем не менее крестьянское движение побудило консервативных венгерских помещиков Трансильвании пойти на сближение с либералами Венгрии, которые доказывали, что присоединение края к Венгрии и распространение на него аграрных законов — единственный способ спасти их имения. Таким образом, в проблеме унии, как в фокусе, концентрировались многочисленные противоречия, объективно присущие революции в Венгрии, гегемоном которой было либеральное дворянство.

Известия о мартовской революции в Венгрии были встречены бурным одобрением со стороны румынской радикально-демократической интеллигенции. Ее представители А. Янку, И. Бутяну, А. Папиу-Иллариан поддерживали антифеодальные требования крестьян (Янку выступил за отмену повинностей без выкупа). Совместно с венгерскими радикалами они на массовых митингах в марте — апреле поддержали «12 пунктов», включавших требование унии. Но либеральные деятели, представители румынского национального движения (Г. Барициу, Т. Чипариу) все более настойчиво связывали унию с гарантиями национальных прав румынского большинства населения; к этой точке зрения присоединились и радикальные демократы. От унии все они ждали не только ликвидации феодализма, но и роста влияния румынского национального движения благодаря объединению 1,3 млн. румын Трансильвании с 1,2 млн. румын Венгрии.

Национальные требования большинства представителей румынского движения, свободные тогда еще от антивенгерской направленности, были скромными. Речь шла о свободе употребления родного языка в школе и местной администрации, в крайнем случае — о реформе административного деления в духе швейцарской кантональной системы. Но постепенно стало усиливаться влияние части либеральных кругов, возглавлявшихся юристом С. Барнуциу, которые выступали против унии и настаивали на решении в первую очередь румынского национального вопроса путем признания румын «четвертой нацией» Трансильвании (наряду с мадьярами, секеями и саксами). Эта линия была приемлема для консервативного и верного Габсбургам окружения митрополита Андрея Шагуны.

Идеолог формирующейся румынской буржуазии, не связанной своими интересами с венгерскими помещиками, Барнуциу присоединился к радикальному требованию ликвидации крестьянских повинностей помещикам без выкупа. Тем самым буржуазия привлекла на свою сторону крестьянство и радикально-демократические круги. Но вместе с тем, в отличие от последних Барнуциу призывал крестьян не покушаться на «чужое имущество» и нести повинности до издания соответствующего закона. Деятели типа Барнуциу сближала с консерваторами национально-политическая ориентация. Барнуциу, в теоретических рассуждениях склонный к республиканизму и защите суверенитета нации, в условиях 1848 г. призывал к верности Габсбургам. Он возглавлял Румынский национальный комитет в Трансильвании, запятнавший себя сотрудничеством с габсбургской реакцией в 1848—1849 гг. [31, с. 109].

В апреле группировка Барнуциу захватила руководство национальным движением и повела за собой радикальное течение. Активность радикалов, доверие, которым они пользовались в задавленной нуждой и бесправием деревне, создали предпосылки для соединения национального движения с крестьянским, а также для того, чтобы крестьянство было использовано либерально-консервативными кругами в своих целях.

15—17 мая 1848 г. в Блаже состоялось массовое собрание — внушительная демонстрация пробуждавшегося к национальной жизни румынского населения (присутствовало до 40 тыс. человек, главным образом крестьян). Руководство собранием находилось в руках Барнуциу.

На собрании 16 мая 1848 г. была сформулирована программа румынского национального движения в Трансильвании (16 пунктов): «самостоятельность нации», пропорциональное представительство в государственном собрании княжества, равноправие румынского языка и назначение чиновников-румын в органы власти, отделение румынской церкви от сербской (православной) и венгерской (униатской), «немедленная отмена крепостничества без выкупа», отмена цехов, свобода промышлен-

ности и торговли, в том числе с «соседними странами» (имелись в виду Дунайские княжества), введение политических свобод, наконец, созыв учредительного собрания Трансильвании для принятия конституции княжества. В программе, переданной в виде петиции императору, нашли выражение прогрессивные требования буржуазии и народных масс, к которым были вынуждены присоединиться и консерваторы. Но судьба этой программы зависела от борьбы революционных сил против габсбургской контрреволюции в масштабе всей империи. В румынском же общественном движении возник блок консерваторов, либералов и радикалов, чуждый революционности.

Блажское собрание высказалось против унии с Венгрией. Румынские либералы и консерваторы связывали свои надежды в национальной области с австрийской монархией. Собрание сформировало Национальный комитет — руководящий орган национального движения.

В противоположность руководящей группе Барнуциу — Шагуна революционеры из Дунайских княжеств развивали принципиально иную концепцию решения румынского национального вопроса. Они считали, что румыны могут освободиться от феодализма и осуществить буржуазные преобразования и национальные чаяния лишь в союзе с венгерской революцией. А.-Т. Лауриан, соратник выдающегося румынского революционера Николае Бэлческу, сотрудничавший с ним в Валахии в 1845—1848 гг. и, как и многие другие участники революции в Валахии, эмигрировавший в Трансильванию, в ходе совещания трансильванских руководителей в Блаже (во время майского собрания), вместе с Барициу убеждал их отстаивать румынские требования, но не порывать с мадьярами, ибо союз обоих народов необходим для их национального спасения. Этот совет, однако, был оставлен без внимания так же, как и обращение к трансильванским румынам румынской молодежи Баната, считавшей, что единство Трансильвании и Венгрии и сотрудничество румынских и венгерских революционеров необходимо.

В сентябре 1848 г., когда начались военные действия, Бэлческу, прибыв в Сибиу, убеждал Национальный комитет вступить в союз с мадьярами, указывая, что причиной постигших Трансильванию несчастий является национализм обеих сторон и проавстрийская политика комитета, которая разделяет не только венгров и румын, но и румын княжеств и Трансильвании [1078а, с. 113—114]. Румынский революционер был убежденным сторонником мадьяро-румынского союза, ибо видел в нем действенное средство разрушения империи и окончательного решения румынского национального вопроса, т. е. создания единого румынского государства. Таким образом, его концепция коренным образом отличалась от взглядов умеренно-консервативного руководства румынским национальным движением в Трансильвании, которое видело будущее румын, включая Валахию

и Молдову, в Австрийской империи, под скипетром Габсбургов.

Бэлческу, соотечественники которого в Трансильвании истекли кровью в братоубийственной войне с венграми, узнав об успехе весеннего наступления венгерских армий, писал в одном из писем в марте 1849 г.: «Говорят, мадьяры начинают творить чудеса. Дай бог, чтобы счастье улыбнулось им». Тогда же либеральный деятель и известный поэт К. Росетти выражал сожаление, что румыны не могут вместе с венграми войти в Вену и провозгласить республику. Генерал Магеру, военный руководитель революции в Валахии, в мае 1849 г. обратился с письмом к Кошуту, предложив ему дружбу и союз румынского народа. Трансильванский публицист и революционный поэт Ч. Болиак писал: «Я служил венгерскому делу, ибо видел в нем румынское дело» [1078а, с. 126].

Бэлческу яснее, чем кто-либо из национальных деятелей 1848—1849 гг., видел неразрывную связь национального дела угнетенных народов с революционной ликвидацией империи Габсбургов. В конце июня — начале июля 1849 г., когда приближался печальный финал венгерской драмы, он писал: «Если Венгрия падет, тогда и мы падём полностью и надолго» [375, с. 191—194].

Уния Трансильвании с Венгрией была провозглашена в мае 1848 г. трансильванским собранием, в котором господствовало венгерское дворянство. Напрасно пештские радикально-демократические круги подчеркивали, что без согласия румынского народа вопрос об унии не должен ставиться на обсуждение [99, с. 76]. Для помещичьего большинства трансильванского собрания уния означала упрочение классового господства мадьярского дворянства над массой румынского населения. Лишь с трудом оппозиции во главе с М. Вешеленьи удалось провести закон об отмене феодальных повинностей в Трансильвании и передаче крестьянам наделов. Помещики проголосовали за избирательный закон, фактически устранивший массу народа от выборов венгерского парламента.

Весной 1848 г. размежевание между унионистами и антиунионистами, ориентировавшимися на Габсбургов, с большей четкостью обозначилось в венгерской и саксонской общинах, чем во влашской. Несмотря на сложность проблемы унии, за нее, как правило, выступали либералы, сторонники буржуазных реформ, против — консерваторы. По тому же признаку противостояли друг другу оба крупнейших населенных преимущественно саксами города Трансильвании — Брашов (Брашшо, Кронштадт) и Сибиу (Себен, Германштадт); в первом тон задавала торговно-промышленная буржуазия, во втором — патрициат, чиновничья верхушка, цеховые мастера. Связанные с венской камарильей антиунионисты плели заговоры и интриги против революции. Уже в первой половине апреля в Сибиу они стали вооружаться и готовить петицию на имя императора. Та-

кая петиция, подписанная 20 тыс. саксов, была представлена 15 апреля Фердинанду. «Мы не хотим унии»,— говорилось в ней,— ибо «конституция Венгрии стоит на революционной, непрочной почве... Мы не хотим унии и потому, что мы полны любви к нашему кайзеру и желаем, чтобы нами управлял он, а не какое-то министерство» [959, с. 19—21]. По мнению румынского историка К. Геллнера, в этой позиции сказался страх саксонской верхушки перед возможными последствиями «недостаточно подготовленного» освобождения крестьян в связи с унией [577, с. 103—105].

Изыявление верности австрийскому дому, однако, не помешало антиунионистам искать и таких союзников, чья позиция расходилась с консервативно-габсбургскими принципами. В июне руководящие деятели саксов обратились к Франкфуртскому парламенту, прося у него покровительства для «самостоятельного немецко-национального организма с немецкой территорией» и «гарантий Германии» во имя обеспечения «существования саксонской нации». Таким образом, пангерманистские тенденции приобрели политическое выражение и у саксов. Обращались они также за помощью к Елачичу. В начале ноября в Вене состоялась встреча саксонской делегации с Елачичем. В лице Елачича, говорили ораторы, народы Венгрии нашли мужа, который «сумеет завоевать им свободу»^{63*}.

В Трансильвании первостепенную важность для консервативных саксонских бюргеров приобрело сотрудничество с румынским национальным движением (к середине 40-х годов XIX в. в Заксенланде проживало 205 тыс. румын и 172 тыс. саксов [1004, с. 297—298]). В первой половине июня 1848 г. в Сибиу были проведены влашко-саксонские собрания при участии Барнуциу, Папиу-Иллариана и других членов Национального комитета. К осени прогабсбургскую антиунионистскую линию заняли либералы Брашова, Сигишоары, Рупя (Репс, Кёхалом) — городов, до этого «сотрудничавших с венгерской революцией» [Göllner, 1958].

Иначе обстояло дело в Ораштии (Сасварош), где все три этнические группы сошлись на платформе, сформулированной в конце мая. В петиции трансильванскому сейму «по призыву двадцати тысяч жителей-влахов и их священников» депутатам был дан наказ отстаивать среди прочих ряд национальных требований: равноправие с мадьярами, секеями и саксами, ведение дел в влашских селах на румынском языке, независимость влашских епископов, право униатской и православной влашских церквей на ежегодный созыв синода, учреждение фонда для влашских школ. В петиции выражалась солидарность с Блажской резолюцией, несмотря на противоположность позиций в вопросе об унии [517, т. 2, с. 480]. После провозглашения унии окружное собрание Ораштии приняло, по-видимому, единственное в своем роде постановление о признании румынского, вен-

герского и немецкого языков в качестве официальных [1959, с. 52].

В конце мая, когда выяснилось, что сорвать унию невозможно, за нее высказалось большинство саксонских городов. Одновременно саксонской верхушке пришлось согласиться на уступки в пользу румынского населения саксонских округов. Под давлением влашских крестьян уже в апреле 1848 г. «Национальный университет» — руководящее учреждение саксов — признал избирательное право влахов Заксенланда, право их занимать должности и поступать в цехи. Специфические национальные — культурные и языковые — требования румын, однако, не были приняты во внимание. В роли «защитника» подавляемых национальных прав румын в этой части Трансильвании выступило венгерское правительство, которое спокойно взирало на подобные же злоупотребления в комитатах Трансильвании, управляемых венгерским дворянством. В конце июля 1848 г. по указанию Кошута был разработан проект закона, который предусматривал ведение дел в влашских общинах на румынском языке, право влахов обращаться к властям на родном языке. Еще более важное значение для крестьян имело распоряжение об отмене десятины в пользу казны и церковной десятины, которую крестьяне Заксенланда независимо от религии платили саксонским священникам. Венгерское правительство, однако, не ликвидировало сам Заксенланд с его феодальными учреждениями. В критической ситуации, несмотря на обострившийся конфликт влашских крестьян и бедноты предместий саксонских городов с саксонскими землевладельцами и патрициатом, саксонская верхушка сумела найти общий язык с румынским Национальным комитетом.

В том, что с осени 1848 г. вплоть до Вилагоша (август 1849 г.) Трансильвания была полем битв братоубийственной войны, жертвой которой пали тысячи сыновей трех ее народов, были повинны, с одной стороны, власти революционной Венгрии и трансильванское мадьярское дворянство с их узколобой национальной политикой, с другой — румынские лидеры вроде Шагуны и Барнуциу, которые сумели подчинить борьбу крестьян против мадьярских помещиков целям габсбургской династии. Поэтому еще до начала австро-венгерской войны император Фердинанд охотно давал делегации трансильванских румын обещания содействовать осуществлению их программы.

В трагических событиях в Трансильвании сыграли роль также руководители богатой саксонской верхушки, несколько не ущемленной Венгрией в национальном отношении. Они были застрельщиками выступления контрреволюционных отрядов, причем еще до того как сигнал к этому дал генерал Пухнер. Им же принадлежала инициатива приглашения в Трансильванию царских войск уже в декабре 1848 г., т. е. задолго до того, как эта мысль осенила министров императора. 2 февраля 1849 г.

трансильванскую границу пересекли первые отряды царской армии [687, с. 36]. (По некоторым данным, возможно, преувеличенным, в Трансильвании на стороне контрреволюции сражались 195 тыс. влахов, 40 тыс. саксов, 16—17 тыс. императорских и 10 тыс. царских войск [959, с. 77].)

Таким образом, национальные движения привилегированных саксов и угнетенных влахов Трансильвании, несмотря на существенные различия в социальных структурах обеих общин, выступили на стороне австрийской контрреволюции. В таком повороте событий свою роль сыграла «национальная идея», в которой сказались подчас совершенно разные социальные интересы. Национальные противоречия наложили печать на разные по своему содержанию выступления румынских крестьян и буржуазных кругов саксонских городов. Как и повсюду в империи, в 1848—1849 гг. здесь имело место сложное переплетение национальных и классовых противоречий.

Революция 1848 г. в империи Габсбургов, как и революция в Валахии и революционные выступления в Молдове, дали толчок освободительной борьбе также и влахов Венгрии. Все более проступала тенденция к национальному объединению румынского народа. Однако при наличии общих конечных целей румынского населения Трансильвании и Венгрии развитие их национального движения, если иметь в виду методы достижения целей, поставленных историческим развитием перед этими ветвями складывавшейся румынской нации, оказались различными. Это стало очевидным уже весной 1848 г. В то время как с образованием Национального комитета во главе с консервативными и либеральными деятелями типа Шагуны и Барнуциу, движение трансильванских румын приняло дружественный венскому двору характер, движение румын в Банате, Марамуреше (Марамарош) и других областях развивалось в русле венгерской революции. В майском манифесте румынской молодежи Орадя (Надьварад), обращенном к трансильванским братьям, говорилось о необходимости сплочения мадьяр и влахов во имя осуществления политических и социальных преобразований. И такая позиция не расходилась с национальными идеалами: в том же манифесте выдвигалось требование признания влахов особой нацией, церковной автономии, назначения чиновников-влахов, обучения на родном языке и др. Виднейший участник венгерской революции румын Э. Мургу, освобожденный в марте из тюрьмы пештской молодежи, на митинге в Лугоже 27 июня призвал влахов Баната защищать венгерскую революцию и вместе с тем предлагал организовать в Банате автономную единицу с румынским официальным языком [Suciú, Mot, 1970], т. е., хотя Мургу выступил против «сербских сепаратистов», в сущности его национальные требования были близки тем, с которыми весной 1848 г. выступила либеральная часть сербского национального движения.

После вторжения императорских войск в Венгрию ситуация в Трансильвании еще больше обострилась. Крестьяне, не только румыны, но кое-где и венгры, требуя земли, отказывались идти в венгерскую армию. Румыны вступали в отряды румынской национальной гвардии или переходили на сторону австрийских войск.

В сентябре 1848 г. румынское национальное движение в Трансильвании оказалось на стороне европейской контрреволюции. 15—25 сентября на втором собрании в Блаже его лидеры выступили за подчинение Трансильвании императорскому правительству, вместе с тем требуя равноправия национальностей. В районах, на которые не распространялась венгерская власть, впервые создавались румынские органы управления, руководящие посты в которых заняли, в частности, некоторые радикальные демократы. Однако контроль над ними держали в своих руках офицеры австрийского генерала Пухнера, «приданные» местным румынским властям.

Большие усилия для сплочения революционных сил в Трансильвании прилагал командующий венгерскими войсками в Трансильвании (с декабря 1848 г.) выдающийся польский революционер Ю. Бем. Он выступил в защиту свободы каждого народа пользоваться родным языком. «Пока Трансильвания была в его руках,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— он снискал себе уважение, предупредив бессмысленные и политически бестактные жестокости»⁴. Эта политика позволила Бему укомплектовать многонациональную революционную армию и одержать ряд блестящих побед.

Исключительный интерес представляют взгляды Н. Бэлческу, рисующие вместе с тем весь трагизм сложившейся в Трансильвании ситуации. «Большое несчастье,— писал румынский революционер, что венгерское безумие (имеется в виду национальная политика.— *Ред.*) привело к разрыву между румынами, славянами и мадьярами, и Австрийская империя выбирается из кризиса, который угрожал ей распадом»; «[...] к несчастью, движение румын, справедливое, поскольку венгры их угнетали и отказывались признать их национальность, принесло пользу императорской реакции»; «я, краснея от стыда, наблюдал, как румыны сражались за свободу под знаменем самого подлого, страшного и обветшалого деспотизма»; в Венгрии, прозорливо отмечал Бэлческу, «решается судьба свободы в Европе»; он указывал в связи с этим на «прекрасную роль... наших соперников — венгров» [376, т. I, с. 333; т. 4, с. 116—119, 168; 31, с. 46—53].

Под влиянием этого замечательного румынского демократа и революционера А. Янку со своим отрядом крестьян в 1849 г. фактически прекратил военные действия против мадьяр; он все

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 136—137.

более убеждался в том, что сотрудничество румынского национального движения с Габсбургами не может привести к победе демократии. В июне 1849 г. Бэлческу предпринял успешную попытку румынско-венгерского сближения против контрреволюции.

В заключение необходимо указать на резкое оживление в условиях революции идеи общерумынского национального государства. Многократно устно и письменно высказывалась мысль о необходимости «восстановления Дакии». В мае 1848 г. на собрании в Блаже раздавались возгласы: «Хотим объединиться со страной!» (Валахией). Однако ни в одном официальном документе эта цель не была сформулирована. На пути к ее достижению стояли тогда большие препятствия. В этих условиях среди некоторых интеллигентов получили хождение идеи включения Дунайских княжеств в состав Австрийской империи, преобразованной на основе федерализма.

6. Сербы Воеводины

С первыми известиями о революции в империи в Воеводине развернулось массовое движение в городах. Руководимое демократически настроенной интеллигенцией, оно объединило представителей разных национальностей. 22 марта в Панчеве, на Военной границе, было избрано новое городское управление и основана национальная гвардия. Собравшиеся на скупщину (собрание) панчевцы отклонили вмешательство военных властей в управление городом, провозгласили присоединение его к Венгрии, вынесли решения об избрании городских чиновников, ликвидации кулука (трудовой повинности), введении всеобщего налогового обложения, гласного судопроизводства и суда присяжных, провозгласили свободу слова, печати и т. д. [234, с. 4—5].

В те же дни в волнениях в Земуне участвовали горожане и собравшиеся здесь окрестные крестьяне. Состоялось массовое шествие с венгерскими флагами. Народ требовал смены чиновников, ликвидации феодальных платежей и выражал солидарность с революционной Венгрией. Военные власти были вынуждены заменить некоторых чиновников магистрата и разрешить организацию национальной гвардии. 2 апреля в г. Сремски-Карловци трудовой люд, студенты и крестьяне, вооруженные вилами и кольями, прошли по улицам со знаменами и факелами, провозглашая: «Да здравствует свобода!» Возбуждение масс наблюдалось в Нови-Саде, Митровице и других местах. Когда же волнения утихли, военные власти ввели в Панчево и Земун регулярные части, расправились с руководителями выступлений и ликвидировали введенные новшества.

Городские умеренные слои на Военной границе, боявшиеся народа, но неудовлетворенные существующими порядками, раз-

вернули в конце марта — начале апреля петиционную кампанию. В панчевской петиции от 27 марта отсутствовали важнейшие буржуазно-демократические требования, выдвинутые несколько дней назад. В ней фактически выражалось согласие на сохранение городом дореволюционного статуса и выдвигался ряд экономических требований. В принятой 5 апреля земунской петиции содержались пункты о введении городского самоуправления, предоставлении горожанам права распоряжения городскими финансами, замене общинного кулука денежным взносом, отмене феодальных платежей, организации национальной гвардии, введении гласного судопроизводства, суда присяжных и т. д. Эти документы отражали стремление части буржуазии к скромным реформам существующих на Военной границе социально-экономических отношений и управления.

Однако часть сербской буржуазии и интеллигенции с самого начала событий считала главной задачей решение национального вопроса. 17—19 марта в Пеште состоялась сербская скупщина, на которой присутствовали представители из 45 городов и селений. Это были преимущественно зажиточные горожане, состоятельные адвокаты, видные чиновники. Исходя из принципа сохранения территориально-политического единства Венгрии и признавая венгерский язык официальным, скупщина приняла петицию с требованием расширения церковной и культурной автономии сербов и признания прав их языка. Но под влиянием шумной кампании, поднятой венгерской печатью по поводу этого собрания, а также стремления сербских буржуазных кругов в Пеште к союзу с венграми, руководители скупщины отказались от представления петиции императору и государственному собранию.

В том же духе выдержана новисадская петиция, принятая 27 марта. Национальные идеи получили в Нови-Саде распространение еще в дореволюционные годы. Особые делегации отправились с новисадской, панчевской и земунской петициями ко двору и в Пожонь (Братислава).

14 апреля 1848 г. на заседании сербской общины г. Сремски-Карловци впервые было выдвинуто требование об образовании из Бараньи, Бачки, а также Баната и Срема Сербской Воеводины под главенством воеводы и выражено пожелание о ее политическом соединении с Триединым королевством. Условия этого объединения были очерчены нечетко, но предполагалось образование общего правительства, составленного на паритетных началах из представителей католического и православного вероисповеданий, и единого сабора. За сербским народным конгрессом (собором) оставлялось руководство церковной и культурной жизнью сербов. Бан должен был избираться на общем для Триединого королевства и Воеводины саборе независимо от вероисповедания. Ему отводилась роль председателя сабора, а воеводе, избирающемуся на саборе из сербов, — вице-

председателя. В карловицком решении, отразившем представления либеральной общественности, была заложена идея централизованной сербско-хорватской государственной единицы при национально-политическом равноправии сербов и хорватов.

Идея Сербской Воеводины стала центральным пунктом программы сербского национального движения в 1848—1849 гг. Вокруг него объединились разные течения, однако они вкладывали в понятие «Воеводина» разный социально-политический смысл и неодинаково представляли себе ее статус.

Союз Воеводины с Триединым королевством отвечал политическим видам Сербии. Революция в Европе создала благоприятную возможность для проведения княжеством широкой южнославянской политики, целью которой было объединение вокруг Сербии балканских славян. В этой связи сербские официальные круги видели необходимость укрепления политического положения воеводинских сербов, что было реальным лишь при опоре на Триединое королевство, и усиления позиций последнего. Сербское правительство стремилось обеспечить себе ведущую роль в движении южных славян габсбургской империи [Stranjaković, 1961].

Идея сербско-хорватского союза вытекала из потребностей родственных народов. Однако инициаторы союза, рассматривая Венгрию как главное препятствие национальному развитию сербов и хорватов, рассчитывали на его антивенгерскую направленность. Эта ориентация в значительной мере была реакцией на узкоклассовую политику венгерского дворянства в национальном вопросе.

С начала событий 1848 г. в Воеводине либеральная интеллигенция, в особенности учащаяся молодежь, развернула пропаганду национальных идей среди населения. Поскольку в гражданских районах Воеводины помещики были преимущественно венгерской, крестьянство — сербской и других национальностей, а на Военной границе власть находилась в руках австро-немецкой военщины, национальное освобождение воспринималось трудовыми слоями, для которых всегда был главным социальный вопрос, как ликвидация феодального и военного гнета, и национальные лозунги встречали широкое сочувствие. Постоянное стремление мадьярского дворянства ослабить позиции православия только облегчало буржуазно-национальную пропаганду. Поэтому в Воеводине крестьяне и граничары-сербы вначале оказали массовую поддержку буржуазным национальным акциям. Но в стремлении к свободе они шли гораздо дальше буржуазии. Это наглядно проявилось в конце апреля 1848 г. Начавшиеся в большинстве случаев как национальные выступления масс переросли в антифеодальную борьбу, объединившую представителей угнетенных классов разных национальностей.

Стимул к волне народных выступлений дали события в Нови-Саде. Здесь 20 апреля в день заседания общинной скупщины в

связи с отчетом делегации о поездке в Пожонь собрались огромные массы из Бачки, Баната и Срема. Сообщение делегации об отказе венгерского правительства удовлетворить сербские требования вызвало возмущение. Население сжигало церковные книги на венгерском языке.

Весть о позиции венгерских властей быстро облетела гражданские районы Воеводины. 24 апреля в Кикинде собралась толпа во главе с Дж. Радаком. Сорвав венгерские флаги и заменив их сербскими, она потребовала от магистрата передела земли. Попытка властей с помощью эскадрона кавалерии учинить расправу над жителями явилась поводом к восстанию. Народ разгромил магистрат, опустошил дома богатых горожан и чиновников. В городе возникли баррикады. К кикиндцам на помощь спешили крестьяне. Для подавления восстания были двинуты регулярные воинские части. В результате капитулянтских действий имущих горожан Кикинда сдалась без боя.

Выступление городской бедноты произошло в Стари-Бечее. Здесь, как и в других местах, волнения начались с сожжения церковных книг и водружения сербских флагов. Но затем **восставшие**, среди которых были не только сербы, но и венгры, разгромили окружную управу, выпустили из тюрьмы заключенных, опустошили дома чиновников и богатых горожан. На следующий день буржуазия с помощью национальной гвардии расправилась с повстанцами. В Стари-Бечей были введены регулярные части, а руководители восставших арестованы. Народные волнения произошли также в Горни-Бечее, Враневе, Меленце, Велики-Бечкереке, Моле, Нови-Бечее, Петрово-селе. Наблюдалось возбуждение в Шайкашском батальоне. Во время городских восстаний поднялись на борьбу крестьяне. Они захватывали помещичьи земли, отказывались давать арендную плату, не повиновались властям [144, с. 33—36; 1964].

Народные выступления в Воеводине крайне обеспокоили венгерское правительство. Оно назначило великого жупана П. Чарноевича королевским комиссаром в южных районах Венгрии с правом введения военно-полевых судов. Некоторые участники выступлений были казнены, многие отправлены на каторгу и брошены в тюрьмы. Поскольку репрессиям подверглись также буржуазные деятели, действия властей вызвали всеобщее недовольство в Воеводине, в результате чего оказалось возможным временное и частичное сотрудничество буржуазии, крестьян и граничар. Однако оно отнюдь не означало совпадения их интересов, отказа трудящихся от социальных чаяний.

С развитием революции в империи и под влиянием позиции венгерских властей в сербской буржуазной среде усилилось стремление к координации действий и привлечению в ряды национального движения православного духовенства. Последнее располагало большими материальными возможностями и пользовалось прочным влиянием среди населения.

В 1848 г. высшее православное духовенство под угрозой политической изоляции было вынуждено сделать шаг навстречу требованиям буржуазии. Но иерархия стремилась обеспечить позиции консервативных сил, гегемонию духовенства в Воеводине. Опасавшаяся за свое господствующее положение клерикальная верхушка была противницей сербско-хорватского сближения, а тем более союза Воеводины с католической Хорватией. Вековое давление со стороны католического и униатского духовенства на сербов выработало в консервативном сознании взгляд на хорватов как на проводников католицизма. Находясь в положении постоянной самообороны, сербские церковные круги всегда стремились к изоляции от Хорватии. Но они не могли не считаться с рекомендациями правительства Сербии и настроями сербской либеральной среды в Воеводине, наконец, с политикой венгерских властей. Все это заставило клерикальную верхушку согласиться с неизбежностью контактов с Хорватией. Репрессии Чарноевича в гражданских районах Бараньи, Бачки и Баната накалили обстановку в Воеводине и способствовали концентрации внимания сербской общественности исключительно на национальной проблеме, на сербско-венгерских противоречиях как главных. В то же время истинная позиция австрийского двора и правительства в отношении угнетенных народов была скрыта за пустыми фразами габсбургских властей о равенстве языков и народностей.

13—15 мая 1848 г. в г. Сремски-Карловци собралась первая общесербская скупщина [Никитин, 1949]. На ней присутствовало несколько тысяч человек. Это были делегаты от сербских общин гражданской части Срема, Бачки и Баната, а также Бараньи, Славонии, Хорватии и Военной границы — представители интеллигенции, учащейся молодежи, горожан, граничар, духовенства и крестьян, в том числе и из Сербского княжества. Майская скупщина провозгласила карловицкого митрополита Йосифа Раячича патриархом, а Стевана Шупликаца, полковника Огулинского полка, находившегося в Италии, — воеводой и 15 мая приняла решения относительно национально-политического развития сербов в Австрийской империи. Она объявила сербский народ свободным и в политическом отношении самостоятельным, но находящимся под властью габсбургской династии и входящим в состав Венгерского королевства. Срем с Военной границей, Баранья, Бачка с Бечейским дистриктом, Шайкашский батальон и Банат с Кикиндским дистриктом должны были составить новую политическую единицу — Сербскую Воеводину. Скупщина постановила, что Воеводина находится в политическом союзе с Триединым королевством «на основе свободы и полного равенства». Она избрала Главный одбор (комитет), которому предоставила право выработать основы взаимоотношений Воеводины и Триединого королевства с дальнейшим утверждением скупщиной [55, с. 257—259].

Решения скупщины, пестрой по составу собравшихся и их политическим тенденциям, отразили равновесие либеральных и консервативных сил в политической жизни Воеводины. Компромисс между ними нашел выражение в составе Главного одбора, который включил как либералов, так и сторонников патриарха. Возглавил Главный одбор либерал Дж. Стратимирович.

В истории сербов в Австрийской империи Майская скупщина явилась первой политической акцией общенационального масштаба. Но ввиду либерально-клерикального руководства, деятельность ее была ограничена национальным вопросом и направлена по пути приспособления принципа национального суверенитета к господству Габсбургов над народами империи.

При пестроте национального состава Воеводины вопрос о судьбах несербского населения этой территории был актуальным. Еще до Майской скупщины либеральный публицист Й. Суботич, выступая в белградской газете «Србске новине» за соединение Воеводины с Триединым королевством, предлагал предоставить всем народностям в этих землях право пользования родным языком в церкви, школе и местных учреждениях [355, с. 129, 130]. В мае Главный одбор в обращении к румынскому народу гарантировал ему «язык, церковь и национальность», а в обращении к мадьярскому и немецкому населению Воеводины говорилось: «Ваши права, ваша вера, ваш язык, ваша национальность будут обеспечены» [55, с. 279, 313].

Однако решение национального вопроса в Воеводине осталось декларацией. Главный одбор не разрешил созыв румынского национального конгресса и отклонил требование о создании румынской автономной церкви. Это объяснялось не только сложностью реализации национального равноправия в условиях военных действий, развернувшихся в Воеводине с июня 1848 г., но и неспособностью сербской буржуазии и православной иерархии на деле поступиться своим господствующим положением. В свою очередь сербско-румынские противоречия в Банате усиливали потребность сербской буржуазии и церкви в политическом союзе с Хорватией.

Первоначально, как это значилось в решениях Майской скупщины, Сербская Воеводина мыслилась буржуазными деятелями в союзе с Триединым королевством в составе земель короны св. Иштвана. Но в конечном итоге наиболее видные сербские либералы, в особенности те, которые активно участвовали как в сербском, так и в хорватском национальных движениях (Н. Крестич, М. Георгиевич), встали на позицию федеративной организации Австрийской империи с южнославянской государственной единицей внутри нее.

Однако сербские буржуазные круги Пешта, особенно тесно связанные с экономикой Венгрии, были противниками выделения Воеводины и тем более ее соединения с Хорватией в обособленную от Венгрии политическую единицу. Выразителем этих

настроений выступал Т. Павлович, редактор газеты «Свеобште югословенске и србске народне новине». В мае 1848 г. указанная тенденция квалифицировалась в газете как «государственная измена». Газета предлагала включить в состав венгерского правительства представителей всех народов, проживавших в Венгрии, видя в этом гарантию их национального развития [1071, с. 183, 187].

Согласно решению Майской скупщины, Главный одбор назначил депутацию к императору и в Загреб во главе с Раяичем. В Загребе депутация приняла участие в работе хорватского сабора. Фердинанд I отказался признать законность Майской скупщины и утвердить ее решения. В середине июля депутация ни с чем вернулась в Воеводину.

Главный одбор объявил себя временной властью в Воеводине. По его призыву в городах и сельских общинах были созданы местные одборы, которые сосредоточили в своих руках гражданскую и военную власть [234, с. 16; 44, с. 203]. Сербская буржуазия пошла на разрушение старых и создание новых органов власти, чтобы утвердить свои позиции в Воеводине и объединить разные части ее территории в административно-политическом отношении. Структура их и принцип организации были нечеткими. Новые органы власти строились с учетом буржуазного принципа представительства. Все же полностью старая система управления не была ликвидирована, несмотря на стремление широких масс к кардинальному упразднению домартовских порядков. Это объяснялось боязнью сербской буржуазии инициативы народа, а также ее нежеланием идти на конфликт с австрийскими властями.

Народные массы явились главной силой разрушения старой системы управления на территории Воеводины. Но плодами усилий воспользовались буржуазия и духовенство, которые стремились ограничить действия масс задачами узконациональной политики. Однако им не удавалось сдерживать антифеодалный напор трудящихся. Особенно грозные события развернулись летом 1848 г. в Банатской Военной границе. По свидетельству высших военных чинов, здесь господствовали «разброд», «анархия» и «террор». Границары открыли кордон на границе с Сербией, разогнали офицеров, часть из них арестовав и отправив в Карловци, которые стали центром сербской общественно-политической жизни. Восставшие захватили общинные, церковные и школьные кассы. В лесных заповедных участках пасли скот. Никто не платил налогов. Административная служба не действовала. Весь порядок местного управления на Военной границе был опрокинут [44, с. 153].

Венгерское правительство, не желая допустить создания на территории королевства каких-либо автономных образований, придерживалось политики насильственного подавления сербского общественного движения. Палатин объявил Майскую скуп-

щину незаконной и назначил для южных областей Венгрии второго чрезвычайного комиссара — Вуковича. 10 июня войска под командованием генерала Храбовского совершили нападение на Сремски-Карловци. В свою очередь и австрийские официальные лица расценивали политическую линию Главного одбора как «крайне опасную для государства» ввиду разрушения существующих на Границе порядков и близости единоплеменной Сербии. Показательно, что против сербов воевали главным образом части, сформированные в Австрии⁶⁴.

Главный одбор обратился к сербскому населению с призывами подняться «за веру, закон, имя, язык и народность». Эти обращения встретили широкий отклик со стороны городской бедноты, крестьян и граничар, которые больше всего страдали от репрессий венгерских властей. Сербское население поднялось с оружием в руках. Отряды повстанцев сосредоточились в трех основных местах: под Сремски-Карловци, в Перлезе и на Римски-Шанаце. Они насчитывали по несколько тысяч человек и располагали орудиями.

Вооруженные действия сербских частей на этом этапе носили оборонительный характер и были направлены на защиту Воеводины. Но в условиях столкновения сил революции и контрреволюции в европейском масштабе в системе внутриимперских противоречий борьба на юге Венгрии неизбежно, ввиду реальной расстановки действующих сил, служила упрочению позиций австрийской реакции. С вторжением войск Елачича в Венгрию вооруженные акции сербских частей непосредственно стали составной частью контрреволюционной войны.

В 1848 г. в Воеводине были сторонники образования независимого южнославянского государства путем раздела Османской и Австрийской империй. Идея объединения южных славян находила поддержку со стороны официальной Сербии, в первую очередь министра внутренних дел И. Гарашанина, который направлял и внешнюю политику княжества. При этом Гарашанин ориентировался на постепенное ослабление Турецкой империи и возвышение «Великой Сербии» путем соглашения с Портой [328, с. 165—193]. При негласной поддержке И. Гарашанина и члена государственного совета С. Кничанина член «панславянского клуба» в Белграде М. Бан развернул деятельность по подготовке государственного объединения южных славян под главенством Сербии. Весной 1848 г. М. Бан объехал Воеводину, Хорватию, Военную границу, Далмацию, посетил Цетине и Люблян, пропагандируя идеи независимости, выявляя единомышленников и разрабатывая план борьбы.

В июне 1848 г. в условиях сербско-венгерского конфликта сербские деятели Воеводины в контакте с Л. Гаем разработали план военных действий против Венгрии и национальной войны балканских народов против Австрии и Турции. Этот план, отразивший поиски практического пути к образованию южно-

славянского государства, был глубоко противоречив. Он был направлен на ликвидацию Австрийской и Турецкой империй, но одновременно предполагал подавление революционной Венгрии [55, с. 488—491].

Однако материальные интересы определяли ориентацию основной части сербской торговой буржуазии и церковной верхушки на Австрийскую империю, хотя ими и допускалась возможность вхождения Воеводины в независимое сербское государство. Летом 1848 г., когда положение Габсбургов укрепилось и выявилась неподготовленность Сербии к проведению активных акций на Балканах, сербское правительство в свою очередь считало целесообразным, опираясь на Австрию, противодействовать возвышению самостоятельной Венгрии, так как последняя ориентировалась на союз с Портой. Поэтому, направляя в конце июля 1848 г. добровольцев под главенством воеводы Ст. Кничанина в Воеводину для борьбы против Венгрии, сербское правительство обусловило свою помощь Воеводине союзом ее с династической Австрией [238, т. 1, с. 302]. (Эти части были отозваны Сербией в феврале 1849 г. под нажимом Порты.)

Тем не менее определенное недоверие к австрийскому двору, возросшее после бесплодной поездки сербской делегации в Инсбрук, сложность положения Воеводины, трудности сербско-венгерской войны вынуждали воеводинцев искать помощь за пределами империи. В августе 1848 г. они ходатайствовали перед Портой о включении Воеводины в состав Османской империи и объединении с Сербией. Тогда же Раячич искал помощи у царского правительства. Он помышлял даже опереться при посредничестве польской консервативной эмиграции на Францию и Сардинское королевство [293, с. 20; 245, с. 89]. Поиски союзников остались безуспешными, но само обращение к различным внешним силам было продиктовано непрочностью Австрийской империи и ощущением недостаточности сил национального движения.

В конце лета и особенно осенью 1848 г. в Воеводине произошла перегруппировка сил. В обстановке военных действий Главный одбор, рассматривая патриарха как олицетворение национально-политической самостоятельности Воеводины, 31 июля временно передал Раячичу полноту власти. Это укрепило позиции консервативного лагеря, чему способствовало также прибытие добровольцев из Сербии. Борьба, разгоревшаяся в сентябре между либеральной буржуазией и клерикальной верхушкой и проявившаяся в столкновении Стратимировича и Раячича, завершилась временным отступлением главы сербских либералов.

9 октября 1848 г. собралась вторая общевоеводинская скупщина. На ее деятельность наложили отпечаток процессы укрепления монархической контрреволюции во всей Европе и упрочения союза с ней буржуазных либералов.

На скупщине, в которой участвовало лишь около 70 представителей, произошло примирение Статимировича с патриархом. Скупщина утвердила передачу гражданской власти Раяичу, а военных дел — воеводе Шупликацу. Она закрепила победу клерикальных сил в Воеводине. Рассчитывая, что император, нуждавшийся в поддержке сербов во время восстания в Вене и начала австро-венгерской войны, подтвердит решения Майской скупщины, обеспечивавшие патриарху ведущую роль в национально-политической жизни Воеводины, консервативная группировка вела линию на упрочение связи с австрийскими официальными кругами. Осенью 1848 г. новая депутация во главе со Стратимировичем была направлена добиваться императорской санкции майских решений. Вместе с тем это был маневр патриарха, стремившегося удалить из Воеводины опасного для себя соперника.

Конфликт между Стратимировичем и Раяичем принял особенно острый характер в конце 1848 — начале 1849 г., когда после смерти Шупликаца встал вопрос о кандидате на пост воеводы. Правительство Сербии приняло сторону патриарха, поскольку открытая оппозиционность австрийскому двору и федералистские принципы Стратимировича в условиях укрепления позиции Габсбургов представлялись ему опасными для будущего сербов [238, с. 348]. Стратимирович был вынужден капитулировать перед патриархом. Этот факт отразил реальное соотношение политических сил в Воеводине на фоне наступления контрреволюции во всей Европе.

Еще летом 1848 г. появились признаки недовольства крестьян и граничар политикой сербских властей. Недоверие народа к новым органам власти было вызвано тем, что Главный одбор не только не пытался поддержать стремление крестьянской бедноты и граничар к улучшению своего социального положения и углублению мартовских законов, но стремился восстановить «порядок», нарушенный в ряде мест действиями народа [144, с. 50]. Летом 1848 г. при Главном и окружных одборах были образованы политические отделения для обеспечения «законного порядка» и расправы с «насильниками». Так сербская буржуазия и духовенство проявили свою враждебность интересам масс, стремившихся к решительным преобразованиям. Крестьяне и граничары обнаружили несоответствие между своими стремлениями и задачами, которые ставили перед собой сербские имущие слои.

Недовольство крестьян и граничар усиливалось с развитием военной кампании. Сербско-венгерский конфликт в условиях репрессий «своих», национальных, властей потерял для народа всякий смысл. К тому же война требовала все в больших количествах людей, продовольствия, фуража, лошадей. Все это привело к сопротивлению масс мероприятиям новых властей. Граничары и крестьяне отказывались давать хлеб и подводы,

идти на военную службу [234, с. 28—41; 44, с. 223—271]. Одборы подавляли сопротивление народа.

Зимой 1848 г. положение масс резко ухудшилось. Сербские консервативные круги, закрепившиеся у руководства политической жизнью, в угоду двору приступили к частичному восстановлению старой системы управления на Военной границе. Это повлекло за собой реставрацию некоторых повинностей. Был возобновлен сбор налогов и поступлений в пользу церкви. Поборы с населения возросли в связи с оживлением военных действий. В силу этого глухое брожение охватило широкие круги населения. Сербские власти с помощью военных судов безуспешно боролись с растущим дезертирством из воинских частей. Военные действия, реквизиции, казнокрадство привели к тому, что весной 1849 г. Воеводина оказалась на пороге голода. Положение осложнилось и тем, что венгерская армия предприняла здесь хорошо подготовленное наступление. Ожесточенные весенние бои привели к многочисленным жертвам. А власти требовали новых ополченцев, увеличения военных поставок, выплаты недоимок. В марте 1849 г. патриарх издал приказ о всеобщей мобилизации, но крестьяне открыто сопротивлялись этому требованию.

В 1849 г. после некоторого спада, вызванного войной, в Воеводине с новой силой развернулось аграрное движение крестьянства. В сентябре 1849 г. в комитатах Торонтал и Бачка было введено чрезвычайное положение и полевые суды. После издания монаршей (мартовской) конституции, в которой не было и речи о политической самостоятельности Воеводины, австрийское правительство стало восстанавливать в Воеводине дореволюционную систему управления. Сюда были введены регулярные воинские части, австрийские генералы разоружали население, попустительствовали взаимному истреблению венгров и сербов.

Ход событий способствовал освобождению части сербских буржуазных деятелей от иллюзий относительно национальной политики двора. В буржуазной среде нарастало недовольство капитулянтской линией патриарха. Продинастическая ориентация Раячича окрепла после официального назначения его в декабре 1848 г. патриархом. По требованию Главного одбора Раячич был вынужден созвать в мае 1849 г. в Земуне чрезвычайную скупщину⁶⁵. Она вынесла решение, направленное против действий патриарха и военного руководства. Однако в обстановке нарастающего перевеса сил контрреволюции во всей империи это решение не могло иметь реальных последствий.

В газетах «Напредак» («Прогресс») и «Вестник», которые выходили с конца 1848 г., либеральные деятели настаивали на федеративной реорганизации империи и политических свободах, выступали против октроированной конституции, разоблачали политику австрийских властей. Либералы протестовали против реставрации старых порядков в Воеводине, ликвидации

одборов, введения военно-полевых судов. Они разоблачали местные реакционные элементы, раздувавшие религиозные противоречия между сербами и хорватами и т. д.

В условиях наступавшей реакции наиболее деятельные сербские либералы отстаивали прогрессивные политические принципы. Но тяжелые условия войны (в мае 1849 г. сербские отряды под натиском венгерских частей оставили Банат, большую часть Бачки и отступили в Срем) препятствовали формированию у сербских буржуазных деятелей позитивного отношения к Венгрии. В конце мая С. Милетич, один из активных левых либералов, выступал против примирения с венграми [219, с. 41]. И все же сквозь толщу антивенгерских настроений у трезво мыслящих сербов пробивалось сознание, что только борьба Венгрии сдерживала наступление абсолютизма⁶⁶.

Перемены в настроениях в Воеводине в 1849 г. создали возможность новой ориентации сербской буржуазной политики. Она проявилась в переговорах с венгерской стороной (см. ниже).

Во второй половине 1849 г. в Воеводине были окончательно ликвидированы связанные с революцией нововведения. Были запрещены либеральные «Напредак» и «Вестник». Раячич полностью капитулировал, приняв пост чрезвычайного королевского комиссара и помогая Вене уничтожить остатки сербской самостоятельности.

7. Хорваты

Революция в империи, подъем классовой борьбы в самих хорватских землях обусловили углубление общественно-политической дифференциации в хорватском обществе.

Большая часть дворянства и духовенства в Хорватии и Славонии составляла консервативный лагерь. Он оказывал серьезное влияние на политическую жизнь хорватских провинций, и это влияние возрастало по мере укрепления позиций контрреволюции в империи.

Усилия помещиков в 1848 г. были направлены на то, чтобы сохранить по возможности больше от феодальной системы. Принужденные к реформам, они мечтали о восстановлении при благоприятном повороте событий утраченных привилегий. Хорватское дворянство имело большой опыт сословной борьбы и политического маневрирования между Габсбургами и венгерским дворянством. Рассчитывая воспользоваться затруднительным положением двора, чтобы «законным» путем улучшить условия своего политического господства в Хорватии и Славонии и расширить его на другие хорватские земли, помещики руководствовались тем, что династия заинтересована в поддержке Хорватии перед лицом революционной Венгрии. В 1848 г. в Хорватии и Славонии существовала, хотя зыбкая и не всегда

отчетливая, грань между национально настроенным консервативным дворянством и приверженцами абсолютизма среди аристократии, высшего духовенства и бюрократии. Однако с укреплением позиций имперской контрреволюции эта грань постепенно стиралась.

Социальной базой либерального лагеря в Хорватии и Славонии оставались буржуазия и идейно близкая к ней часть дворянства. Либеральное течение было инициативной и наиболее активной силой общественно-политической и национальной борьбы.

В условиях революции в либеральной идеологии и программе значительно углубилась постановка общественных вопросов и несколько усилились буржуазно-демократические черты. Претерпели эволюцию теоретические принципы либералов. Если до революции либеральные идеологи опирались в идейно-политической борьбе в основном на традиционное «историческое государственное право», хотя и не связывали его с дворянскими политическими привилегиями, то в 1848—1849 гг. они выступали как сторонники теории «естественного права», используя ее для обоснования борьбы за буржуазную социальную и политическую систему и национальный суверенитет.

Однако в своих национальных притязаниях, в особенности, когда речь шла о восстановлении территориально-политической целостности Триединого королевства, либеральные идеологи полностью не отказались от исторической аргументации, которая, впрочем, только по форме напоминала дворянскую теорию «исторического права». В 1849 г. либеральная газета писала, например, что широкая автономия Триединого королевства опирается на историческое право, естественное право и право революции^{67*}.

25 марта 1848 г. на Великой народной скупщине в Загребе был принят документ — «Требования народа», по сути дела представлявший программу либерального направления [149]. Скупщина избрала также граничарского полковника Й. Елачича баном Триединого королевства, что явилось демонстрацией суверенитета хорватов во внутренней политике.

Либеральная группировка выступала за установление в хорватских землях парламентарного строя и создание ответственного правительства. Были выдвинуты требования установления свободы слова, печати, вероисповедания, обучения, собраний, петиций, избрания сабора на основе равноправия граждан без различия сословий, введения равенства граждан перед судом и законом, учреждения суда присяжных. Это была программа буржуазного преобразования политического строя, не выходящая, однако, за рамки конституционного монархизма.

Первоочередной проблемой либералы считали административно-политическое объединение земель Триединого королевства, введение хорватского языка в управление, армию, школы,

церковь и обеспечение национального суверенитета. Либералы исходили из сознания национальной общности населения Хорватии, Славонии, Далмации, Военной границы и Истрии, включая в единый национальный комплекс не только хорватов, но также сербов и словенцев, что отражало великохорватские тенденции и мешало загребским деятелям четко сформулировать принципы равноправия этих народов на указанных территориях.

Уже весной 1848 г. в связи с подъемом национального движения в Воеводине и Словении хорватские либералы выступили за политическое объединение южнославянских земель в Австрийской империи. Эта идея получила популярность в сербской среде, но в словенских национальных обществах она была менее распространенной. Поэтому практически в 1848 г. мог стоять вопрос лишь об образовании сербско-хорватской политической единицы. Она мыслилась на основе равноправия сербов и хорватов. Но поскольку Хорватия благодаря наличию исконных политических институтов (сабор, бан), силе и организованности национального движения выдвигалась в качестве центра южнославянского объединения, ей неизбежно обеспечивалась в этом объединении руководящая роль. Требование политического соединения южнославянских земель империи отражало потребность во взаимном сближении родственных народов, но в данном случае оно выдвигалось прежде всего в соответствии с интересами хорватских буржуазно-дворянских кругов.

Центральным лозунгом хорватского либерализма в 1848—1849 гг. была конституционная, федеративная Австрийская империя. Сформулированные либералами принципы устройства союзного государства легли в основу решений хорватского сабора. В начале революции хорватские буржуазно-дворянские политики придерживались сохранения государственно-политического союза Троединого королевства с Венгрией, но при условии равноправия сторон. С развитием событий, особенно под влиянием нарастания хорватско-венгерского конфликта, они выступили за суверенитет югославянского политического образования в составе австрийского федеративного государства. Хорватский сабор предложил оборону, финансы, торговлю и иностранные дела отнести к компетенции центрального парламента и ответственного перед ним правительства.

Корни австрославизма были связаны с материальными интересами хорватского обуржуазивающегося дворянства, с потребностью торговой буржуазии в имперском рынке. Австрославистская доктрина была также результатом общей слабости либеральных сил в хорватских землях, их неспособности самостоятельно решить национальный вопрос путем коренной ломки государственно-политической системы. Австрославистская концепция в Хорватии была идейно-политической платфор-

мой сотрудничества формировавшихся буржуазных сил с консервативным дворянством на поприще национальной борьбы.

Политической мечтой хорватских либералов было объединение в одном государстве всех южных славян, в первую очередь и главным образом сербов, хорватов и словенцев. В апреле 1848 г. в брошюре одного из идеологов хорватского либерализма Л. Вукотиновича говорилось: «Литературное знамя мы подняли... политическое развертываем». И далее, обосновывая своевременность политической интеграции земель с населением, говорившим якобы на одном языке, автор заявлял: Банат, Бачка, Сербия, Славония, Босния, Болгария, Хорватия, Далмация с островами, Черногория, Герцеговина, Крайна, Каринтия, Штирия — вот земли, где слышится «наша речь»⁸⁸. Хорватские либералы в принципе связывали судьбы балканских славян после их освобождения от османского господства с преобразованной на буржуазно-конституционных и федеративных началах Австрийской империей. Но в период подъема революционной волны, когда многим казалось, что распад габсбургского государства неизбежен, ведущие хорватские политики склонялись к мысли об образовании независимого южно-славянского государства или об объединении южных славян на началах вассалитета под верховной властью Турции. Впрочем, такого рода планы были явно продиктованы течением обстоятельств и носили эпизодический характер.

Вместе с тем в хорватской либеральной среде в 1848 г. были деятели (Л. Гай, М. Броз, И. Филипович и др.), которые сознательно стремились к объединению и государственной независимости южных славян, рассматривая это как высшую политическую цель. По данному вопросу Л. Гай входил в контакт с официальными лицами Сербского княжества. Это был новый подход к решению национальных задач.

Югославистская тенденция отражала потребности наиболее зрелой в идейном отношении части буржуазии. Югославизм — идеология и политика борьбы за национальное освобождение и государственное объединение в первую очередь сербов, хорватов и словенцев в сочетании с буржуазными преобразованиями — предполагал кардинальный поворот в судьбе этих народов. Сам факт появления этой тенденции был свидетельством того, что в Хорватии складывались социальные силы, действительно заинтересованные в сплочении югославян и связывавшие решение национального вопроса с развалом габсбургской империи. Однако в 1848 г. Хорватия еще не созрела для того, чтобы югославизм стал основополагающим принципом общественно-политического движения.

В 1848 году югославизм представлял собой сложное явление. Заложенная в нем идея независимого буржуазного государства (хотя его структура оставалась самим идеологам неясной) проистекала из потребностей развития капитализма,

предполагала бескомпромиссный способ решения национального вопроса и отвечала нуждам преобразования политических отношений в Юго-Восточной Европе. Идея югославянской государственности на буржуазных основах, как принцип решения национального вопроса на Балканах, была прогрессивна и с точки зрения устранения препятствий общественному развитию в этом регионе, и с точки зрения европейского революционного процесса, ибо образование этого государства предполагало ликвидацию габсбургской монархии и Османской империи.

Однако в силу сложных условий национальной борьбы в 1848 г. и идейно-политической незрелости сторонники югославизма не сумели найти пути к осуществлению своего патриотического идеала. Хорватские и сербские деятели видели первоочередную задачу в вооруженном подавлении Венгрии. У них было представление, что в первую очередь Венгрия препятствовала свободе сербского и хорватского народа. Это сознание укрепилось под влиянием репрессий, которым подверглось сербское население в Воеводине. Трагизм ситуации, заслонившей от югославистов главного врага угнетенных народов — имперскую реакцию, обусловил ошибочность их позиции.

В аграрном вопросе, который имел для хорватских либералов подчиненное значение, они занимали компромиссную позицию. В «Требованиях народа» имелся пункт об освобождении крестьян от барщины, однако пути и условия освобождения раскрыты в нем не были. Хорватские власти, прикрываясь юридической неполноправностью мартовского законодательства Венгерского собрания для Хорватии и Славонии, стремились оттянуть ликвидацию господских прав. Однако борьба крестьян заставила Елачица 25 апреля издать «Открытое банское письмо», которым провозглашалась отмена феодальных повинностей с наделов и церковной десятины. Одновременно же были учреждены военно-полевые суды [664, с. 18].

Подъем антифеодального крестьянского движения в хорватских землях и политические интересы помещиков и буржуазии в обстановке обострения национального конфликта заставили либералов пойти в уступках крестьянам дальше того, что было провозглашено манифестом Елачица в соответствии с нормами венгерских мартовских законов. В саборе либералы выступили за государственное вознаграждение помещиков в связи с отменой урбариальных повинностей, упразднение монопольных дворянских прав, предоставление крестьянам ограниченного права пользования некоторой частью лесов и пастбищ^{69*}. Требования либеральных деятелей были направлены на открытие пути для буржуазного развития сельского хозяйства при обеспечении интересов помещиков. Сабор принял аграрный закон, соответствовавший позиции либералов.

Важное место в программе либералов занимал вопрос о Военной границе. Неспособные к последовательной борьбе

против феодализма, они исходили из принципа сохранения ее военного устройства. Граница имела значение как важнейший источник вооруженной силы и потому австрийский двор не хотел ее демилитаризации. На либералов оказывало влияние и настроение граничарских офицеров, которые ревностно держались за свою службу и именно из боязни демилитаризации Границы с опаской относились к требованию ее воссоединения с Хорватией и Славонией. В то же время либералы настаивали на предоставлении граничарам конституционных прав, разделении военной и гражданской администрации и социально-экономических реформах — ликвидации трудовой повинности, возвращении общинам лесов и пастбищ, облегчении военной службы и т. д.^{70*}

Под влиянием революции и в прямой связи с подъемом крестьянского движения в Хорватии и Славонии в 1848 г. оформилось буржуазно-демократическое течение, отражавшее настроения мелких городских собственников и отчасти крестьянства (С. Врбанчич, П. Матич, Й. Павлец и др.). Это течение было малочисленным и колебалось в сторону либерализма. Идеино-политическая позиция буржуазных демократов была двойственной. Если по национальному вопросу они разделяли австро-славистские иллюзии, то в социальной области, в отличие от либералов, отстаивали интересы крестьян. Буржуазная демократия выступала за освобождение крестьян от феодальных повинностей с наделом без компенсации помещиков, распространение аграрной реформы на все категории крестьянства и упразднение дворянских привилегий^{71*}. Однако она не покушалась на помещичье землевладение и стремилась к освобождению крестьян путем реформы. Непоследовательность буржуазной демократии объяснялась неразвитостью капиталистических отношений в Хорватии и Славонии, отсутствием массового демократического движения в городах, недостаточным уровнем крестьянской борьбы, трудными условиями национального развития.

Крестьянское движение в обстановке краха феодальной системы создавало возможность для возникновения в Хорватии и Славонии революционной демократии. В 1848 г. зачаточные, изолированные элементы ее обозначались, в частности, во время крестьянского выступления в Гробнике. Однако эти слабые ростки не сложились в общественно-политическое направление.

Характерной чертой политической ситуации в 1848—1849 гг. было сотрудничество консерваторов, либералов и буржуазных демократов. Либерально-консервативный блок, сложившийся еще до революции, стал возможным ввиду близости устремлений буржуазии и дворянства.

Как и в предреволюционные годы, национально настроенной части имущих классов противостояли мадьяроны. В 1848 г. базой их была в основном Славония. Руководствовавшаяся

корыстными интересами крупных помещиков, не имевшая ничего общего с венгерской революцией, мадьяронская партия в известном смысле питала националистические притязания венгерского дворянства. Мадьяроны усугубляли слабые стороны национальной политики венгерского правительства и тем самым препятствовали действительному сближению хорватов и венгров. Но среди мадьяронов были немногие лица, которые, эмигрировав в Венгрию, стали участниками венгерской национально-освободительной войны. С мадьяронской группировкой в ходе политической борьбы, особенно в Славонии, иногда контактировались общественные группы (например, буржуазия и интеллигенция венгерской и немецкой национальностей), которые по разным причинам противостояли политике хорватских властей.

Выступление хорватских либеральных кругов в начальный период революции в пользу парламентаризма, гражданских свобод и национального суверенитета содействовало ослаблению имперских феодально-абсолютистских сил. Но с обострением хорватско-венгерских противоречий в обстановке углублявшегося конфликта между революционной Венгрией и Габсбургами объективный смысл политики хорватского либерализма определялся той ролью, которую она играла в борьбе венгерской революции и имперской реакции. Само по себе национальное равноправие, которого добивались хорватские либералы, являлось необходимой частью буржуазно-демократической системы. Но в политике либералов, не говоря уже о правом течении, постепенно нарастали тенденции, которые позволяли габсбургской камарилье видеть возможность использования хорватского национального движения против революции. Главное состояло в тяготении либералов (хотя и на условиях конституционализма и национального равноправия), а тем более консервативной группировки, к союзу с австрийским двором и сохранению империи. К осени 1848 г. интересы хорватского либерально-консервативного блока сомкнулись с интересами австрийского двора в необходимости подавления Венгрии, политическая линия которой вела к развалу империи.

Важным показателем действительно широкого общественно-го подъема в хорватских землях была классовая борьба народных масс.

Составной частью глубокого столкновения революционных классов с реакцией в общеимперском масштабе явилась антифеодальная борьба крестьян в Хорватии и Славонии. Слухи об отмене венгерским государственным собранием феодальных повинностей и церковной десятины привели в движение крестьянские массы. Крестьяне повсеместно прекращали выполнение барщины. Развернулась борьба за землю. Крестьяне расширяли свои наделы за счет помещичьих пахотных угодий, захватывали луга и пастбища, сады и виноградники, изгоняли

арендаторов помещичьих земель. Однако крестьяне посягали, как правило, на те земли, которые были отрезаны помещиками в ходе регуляций последних десятилетий или относились к разряду «спорных». Крестьяне отказывались подчиняться местным властям. Они заявляли, что им «ни церкви, ни попов не нужно» [664, с. 18—24; Gavrilović, 1960; Gavrilović, 1961].

Манифест Елачича и репрессивные меры несколько сбили волну крестьянских выступлений. Но ситуация в деревне продолжала оставаться острой. Накануне созыва сабора протест крестьян против ограниченности аграрной реформы наряду с открытыми выступлениями принял также характер многочисленных жалоб и прошений, адресованных предстоящему сабору и бану. Петиции, как правило, предусматривали воссоединение Военной границы с Триединым королевством, разделение функций военных и гражданских властей, введение гражданского равноправия, ликвидацию всех принудительных работ, облегчение военной службы и т. д.

На Военной границе собирались общинные и полковые скупщины. Хотя они состоялись по указанию из Загреба и проходили под контролем военных властей, в принятых на них петициях в определенной мере получили выражение устремления граничар.

Требования крестьян и граничар по своему объективному содержанию носили буржуазно-демократический характер. Но крестьяне не проявили еще стремления к ликвидации помещичьего землевладения, граничары же при всех чаяниях ликвидации военного устройства Границы открыто не выразили требования полного освобождения от военного гнета, ограничившись только разделением функции военных и гражданских властей.

Классовая борьба крестьян, хотя она не выходила за рамки аграрных интересов и была ограниченной, являлась важной движущей силой политического прогресса. Политические нововведения, прогрессивные тенденции в общественной мысли, углубление идейной дифференциации в хорватском обществе — все это в конечном итоге явилось следствием классового напора масс, сила воздействия которого увеличивалась благодаря революции в Европе.

Мартовские события в империи вызвали большой политический подъем в Хорватии и Славонии. В результате отмены цензуры возросло число хорватских газет. Хорватский язык был введен в официальную жизнь. В городах и сельской местности были основаны отряды национальной гвардии. Под давлением либеральной общественности Елачич сформировал Банское вече (совет), хорватское правительство, куда вошли консервативные и либеральные деятели. Хорватия и Славония стали фактически самостоятельными от Венгрии. Но при этом нарастающая напряженность хорватско-венгерских отношений рас-

сматривалась при дворе как важный фактор контрреволюционной реставрации.

Весной 1848 г. многим казалось, что распад Австрийской империи неминуем. В этих условиях хорватские политические деятели вошли в контакт с княжеским правительством Сербии с целью политического объединения южных славян на случай развала габсбургского государства. Л. Гай и его ближайшие единомышленники, преданные идее объединения и государственной независимости южных славян, совместно с сербскими деятелями из Воеводины разработали план действий по национальному освобождению балканских народов. Этот план предполагал насильственную ликвидацию Австрийской и Османской империй, однако в качестве первоочередной задачи в нем значилось подавление Венгрии (55, т. 1, с. 488—491).

Центральным событием в политической жизни хорватов в 1848 г. была деятельность сабора. Он открылся 5 июня 1848 г. Выборы в сабор происходили на основе сословного и представительного принципов. В саборе создалось буржуазно-дворянское умеренно-либеральное большинство. В работе сабора приняли участие представители Хорватии, Славонии и, впервые в истории, Военной границы. Далмация, ввиду слабости здесь национального движения, депутатов не прислала. На сабор прибыла официальная делегация из Воеводины. В качестве гостей присутствовали представители словенской, чешской и словацкой общественности.

Работа сабора проходила в переломный момент в развитии европейских революций. Июнь был месяцем крупных революционных боев и первых осязаемых успехов контрреволюции. Эти обстоятельства не могли не сказаться на деятельности хорватского форума.

Обстоятельства вынудили сабор заняться первостепенными по важности вопросами. Это определило его реальное место как законодательного органа власти. Работа сабора проходила в острой борьбе общественных группировок. Однако, несмотря на политические расхождения, австрославизм сближал эти течения и был идейной предпосылкой их сотрудничества.

Сабор торжественно возвел Елаича в должность бана. В центре внимания загребского собрания были государственная организация империи и положение в ней хорватских земель. Сабор высказался за реформирование монархии на федеративной основе и создание южнославянской политической единицы в составе этого государства. Хорватский форум, поддержав решения сербской Майской скупщины, утвердил политический союз Тринединого королевства и Воеводины «на основе свободы и полного равноправия». Свои решения относительно изменения национально-политических отношений в империи он направил на утверждение императору, отказавшись тем самым от своего суверенитета.

После острой борьбы политических группировок между собой сабор вынес решение о реформах на Военной границе. Вопрос о реорганизации Границы был не только социально злободневным, но и политически актуальным. Сабор провозгласил Военную границу неотъемлемой частью Триединого королевства и постановил ввести здесь хорватский язык в качестве официального. Он признал за граничарами гражданские права. Но их требование о разделении военной и гражданской администрации удовлетворено не было. Более значительные уступки были сделаны граничарам в сфере экономики. Сабор постановил передать в собственность граничарам державшиеся ими участки земли при условии несения военной службы, ликвидировать государственные работы, ввести свободную продажу земли. Сабор направил свои решения о Военной границе для санкции императору, но послабления в области экономики и быта постановил провести в жизнь немедленно.

9 июля сабор принял закон об аграрной реформе. Он утвердил ликвидацию за государственный выкуп всех повинностей с наделов, упразднил помещичью юрисдикцию и церковную десятину. Но сроки, размеры и источники вознаграждения помещиков определены не были. Сабор постановил безвозмездно отменить подавляющую часть монопольных прав дворянства. В отношении сервитутов он пошел на некоторые уступки крестьянам Славонии, положение которых было особенно трудным. Сабор постановил ввести аграрный закон в силу, не дожидаясь санкции императора. Было принято также решение о всеобщем налоговом обложении.

В подтверждение своего намерения теснее связаться с австрийским государством сабор избрал 4-х представителей в рейхстаг. В связи с осложнением политического положения Хорватии и Славонии он временно предоставил Елачичу диктаторские полномочия^{72*}.

Деятельность сабора в 1848 г. имела принципиальное значение. Впервые формировавшаяся нация заявила о своем стремлении к суверенитету не в теоретических декларациях, а в реальной деятельности высшего государственного органа. Сабор 1848 г. знаменовал собой шаг от декоративного сословного представительства, каким он был в течение последних десятилетий, к действительному буржуазному парламентаризму. В вопросе о реорганизации социально-экономического строя сабор заявил о себе как верховный орган законодательной власти в хорватских землях.

Решения сабора были выдержаны в умеренно либеральном духе. Они предполагали буржуазное переустройство экономического и политического строя, но с сохранением феодальных пережитков во всех сферах жизни. На деятельности и решениях сабора сказалась слабость массового движения в хорватских землях.

В общеимперском плане противоречивый характер деятельности сабора выступал особенно явно. В ней содержались освободительные черты, проявившиеся в осуждении национального гнета, протесте против государственных привилегий одних наций и приниженности славян. Однако главное, что характеризовало политическую линию сабора, была его приверженность к династии и к целостности империи. В условиях начавшегося во всей Европе наступления контрреволюционных сил это обстоятельство определило объективный смысл его политической позиции.

С завершением работы сабора внутривполитическое положение в Хорватии и Славонии и их отношения с Венгрией еще более обострились.

Аграрный закон сабора разочаровал крестьян. При этом многие помещики сопротивлялись проведению в жизнь даже ограниченной реформы. Недовольство крестьян усугублялось тем, что хорватские власти, готовясь к войне с Венгрией, проводили мобилизацию в армию, реквизируют продовольствие, собирали чрезвычайный налог и т. д. Поэтому летом 1848 г. в Хорватии и Славонии поднялась новая волна крестьянских выступлений. Одним из направлений крестьянского движения продолжала оставаться борьба за землю. Но по-прежнему требования крестьян простирались в основном на «спорные» земли. Важной формой крестьянского движения в летние месяцы была борьба против ограниченности аграрного законодательства. Крестьяне сопротивлялись сборам помещиками долгов и недоимок, поборов на базарах, свободно торговали вином и т. д. Новым явлением в крестьянском движении было противодействие чрезвычайным мероприятиям властей в связи с подготовкой войны против Венгрии. Против крестьян применялась военная сила.

Наиболее крупное выступление крестьян произошло в Гробнике и его окрестностях. В мае 1848 г. пять общин образовали единую административную единицу, ввели свое управление, народную стражу. Они захватили помещичьи леса. Возглавил крестьян Й. Дурбешич, не принадлежавший к крестьянскому сословию. Активное участие в движении принимало сельское духовенство. Руководители выступления придали ему организованность и внесли в крестьянскую среду элементы политического сознания. Власти жестоко расправились с повстанцами [664, с. 83—89].

На Военной границе, исключая Срем, не было антифеодальных массовых выступлений. В какой-то мере решения сабора об облегчениях для граничар удовлетворили зажиточную часть населения Военной границы. Серьезным сдерживающим началом была воинская дисциплина. Но главное, на Хорватско-славонской Военной границе австрийское командование и загребские власти действовали сообща, стремясь свести на нет клас-

совую борьбу граничар. Это сильно затрудняло сопротивление граничар военно-феодалному гнету.

Однако половинчатые решения сабора породили недовольство в граничарской среде. В некоторых местах граничары заявляли, что в случае войны с Венгрией они перейдут на сторону венгров и будут драться вместе с ними против «господ»^{73*}.

Летом 1848 г. предельной остроты достигла мадьяронская проблема. В Хорватии она была решена в первые месяцы революции в результате эмиграции наиболее активных мадьяронов в Австрию и Венгрию. Но в Славонии острый конфликт между сторонниками национального движения и мадьяронами угрожал перерасти в вооруженную борьбу. В конце лета мадьяроны потерпели поражение [Koščak, 1950].

Укрепление позиций имперской реакции летом 1848 г. и австрославистская линия хорватского сабора позволили австрийскому двору и правительству с большей уверенностью опереться на Хорватию в осуществлении реставрационных планов в отношении Венгрии. В свою очередь хорватские политические круги ожидали от победоносной войны против Венгрии упрочения положений хорватов и вообще славян в империи и ее перестройки в духе федерализма. В такой обстановке состоявшиеся в конце июля 1848 г. хорватско-венгерские переговоры (Елачич — Баттяни) не могли привести к соглашению сторон.

С конца лета 1848 г., а особенно отчетливо с сентября, национально-политическая деятельность хорватских либералов, буржуазных демократов и тем более консерваторов развивалась в контакте с австрийским двором и правительством. Она была направлена против австрийской и венгерской революций, на сохранение целостности империи и укрепление позиций славян. Это выразилось в участии в вооруженной борьбе против Венгрии, в поддержке контрреволюционного похода Елачича на восставшую в октябре Вену.

Хорватские власти мобилизовали крестьян и граничар в армию и использовали их в войне против Венгрии. Но осенью 1848 г. в Хорватии и Славонии аграрное движение крестьян достигло высокого подъема. Особенно актуальным стал вопрос о внеадельных землях. Крестьяне повсеместно отказывались нести тяжелую повинность — давать помещикам виноградную десятину (горница). Против них применялась вооруженная сила. Крестьянские волнения заставили Елачича 20 ноября 1848 г. издать «Манифест к крестьянам народа хорватско-славонского», в котором подчеркивалось, что за пользование внеадельными землями и лесами крестьяне должны нести повинности в пользу помещиков. Одновременно Елачич потребовал от хорватских властей решительного подавления крестьянского движения. Однако аграрные волнения не прерывались на протяжении всего 1849 г.

С осени 1848 г. усилилось сопротивление крестьян военным мероприятиям властей. С непокорными селами расправлялись с помощью войск. Сопротивление военным мерам подчеркивало антинародный характер войны, развязанной хорватскими властями против Венгрии. В некоторых местах, впрочем немногих, особенно осенью 1848 г. крестьяне поддерживали венгерскую революцию. Они воспринимали борьбу венгерского народа под углом зрения своих социальных чаяний. Симпатии к венгерской революции усилились после отмены в Венгрии 15 сентября 1848 г. виноградной десятины.

На Военной границе продолжала господствовать австро-немецкая военно-феодалная бюрократия. Даже ограниченные решения хорватского сабора не были претворены в жизнь. В этих условиях население не только не проявляло военного воодушевления, но в сознание граничар все глубже проникала мысль о сходстве их интересов с интересами венгерского народа. Многие граничары дезертировали из действующей армии, бежали с кордона, сдавались в плен. Осенью 1848 г. в плену в Венгрии оказалось около 10 тыс. славонских граничар. Венгры, снабдив граничар деньгами, отпустили их по домам. Эти граничары стали носителями опасной для императорских властей агитации, которая встречала отклик среди населения. Чтобы удержать Славонскую границу в повиновении, власти ввели военно-полевые суды.

Разгон рейхстага и издание конституции 4 марта 1848 г. означали крушение федералистских планов. Мартовские события 1849 г. вызвали резкое возбуждение хорватской общественности. Наступление реакции вызвало распад хорватского либерально-консервативного блока. В то время как правые круги активизировали свою деятельность в поддержку правительственного курса, часть либералов и буржуазные демократы перешли в оппозицию. Их идейным и организационным центром стала газета «Славенски юг», редакторами которой были в то время Д. Кушлан и Н. Крестич.

В 1849—1850 гг. лозунг австрийской федерации оставался руководящей идеей хорватской оппозиционной интеллигенции. Однако в 1849 г. смысл федеративного принципа изменился. Если в период подъема революции в империи на первый план в нем выступала соглашательская тенденция, то теперь он был выражением протеста против министерской политики и конституции 4 марта.

Газета «Славенски юг» энергично выступала против октроированной конституции, разоблачая ее аристократический дух, централизаторскую и германизаторскую направленность. «Под видом конституции,— писала газета,— вновь утверждается старый меттерниховский абсолютизм». «Славенски юг» резко критиковал политику австрийского правительства, направленную на восстановление домартовских порядков, отстаивал полити-

ческое равноправие граждан, свободу слова, печати и общественной жизни, неприкосновенность законов, народное представительство^{74*}.

Выступая за политическую самостоятельность хорватской нации, газета разоблачала действия австрийских властей, подрывавшие автономию Триединого королевства и направленные на «конституционную» централизацию, осуждала местную реакцию как в Хорватии, так и в Воеводине за национальное предательство, сопротивление реформам, сервильный дух, прислужничество перед австронемецкой бюрократией и поддержку октроированной конституции. Газета резко писала о положении на Военной границе, где всюду, по ее словам, процветали «чудовища административного гения Меттерниха»^{75*}. Газета указывала на реставрацию «военного феодализма», обрекающего население Границы на материальную и духовную деградацию.

С середины 1849 г. «Славенски юг» явился наиболее последовательным выразителем буржуазно-оппозиционных настроений в империи. Острый критический тон газеты, ее сопротивление политике правительства вызывали негодование хорватской реакции и австрийского министерства.

В 1849 г. центр тяжести в политической деятельности хорватских либеральных и буржуазно-демократических сил переместился на борьбу против реставрации абсолютизма и германизации. Серьезным антиправительственным выступлением явился отказ Банского вече, вопреки распоряжению Елачича, провозгласить в Хорватии и Славонии монаршую конституцию как противоречившую парламентским принципам, правам и территориальной целостности Триединого королевства. В обстановке осадного положения, введенного на большей части империи, это был единственный официальный протест против навязанной народам империи конституции. Вплоть до осени 1849 г. Банское вече, пользуясь широкой автономией, действовало в вопросах внутренней политики, просвещения, суда и финансов независимо от австрийского правительства [1046, с. 134]. Пока революционная Венгрия продолжала борьбу, в Хорватии и Славонии были еще возможны акции оппозиции. Но уже 1 сентября 1849 г., после вторичного распоряжения Елачича, вече признало мартовскую конституцию.

В Далмации в 1848 г. разгорелась борьба между частью хорватской и сербской буржуазии, дворянства, интеллигенции, с одной стороны, и итальянскими имущими слоями — с другой. Югославянская группировка, позиции которой были слабыми, выступала за политическое воссоединение Далмации с Хорватией и Славонией. Ее противники, пользуясь поддержкой австрийских властей, отстаивали автономное развитие Далмации в составе империи.

8. Словаки

В Словакии, как и во всем Венгерском королевстве, мартовские аграрные законы могли удовлетворить лишь часть крестьян. Положение множества безземельных, арендаторов и других беднейших элементов деревни не улучшилось. Поэтому и здесь началось стихийное аграрно-революционное движение. Крестьяне захватывали отнятую у них раньше или спорную землю, пастбища, леса, отказывались платить налоги. Движение охватило десятки деревень Западной и Восточной Словакии, районов Миявы, Трнавы, Оравы. Развернулось социальное движение плебейских масс в Братиславе, Трнаве и других городах. Во второй половине марта начались выступления горняков, особенно в Банска-Штьявнице.

Лишь в некоторых местах представители радикально-демократической интеллигенции пытались внести элемент организации в крестьянское движение, соединив социальные требования с национальными. В Новограде и Гонте поэт Янко Краль и учитель Ротаридес возглавили крестьянские выступления, одновременно требуя введения словацкого языка в местном административном обиходе и в школах. Оба были арестованы за подстрекательство к «коммунизму» [Коџи, Matula, 938].

Лидеры словацкого национального движения вырабатывали свою программу в ходе политической борьбы и неоднократно изменяли ориентацию. Это объясняется крайней слабостью движения, отсутствием у него прочной и широкой социальной основы, готовностью его руководителей принять любую помощь извне ради осуществления их программы.

До марта 1848 г. Л. Штур, И.-М. Гурбан и другие словацкие деятели ограничивались требованиями свободы развития словацкой культуры и языка. Но уже в апреле 1848 г. в обстановке подъема политической борьбы во всех землях империи они выступили за политическое конституирование словаков как особого народа, т. е. за его территориальную автономию в рамках Венгерского королевства. Однако часть словацкой интеллигенции осталась на позиции признания «единой политической нации» в Венгрии, что в ее трактовке означало согласие с унитарным устройством Венгерского королевства. Они лишь считали, что словакам и другим народам Венгрии следовало бы предоставить свободу развития языка и культуры. В целом в первые месяцы революции деятельность словацких лидеров была направлена на поиски словацко-венгерского соглашения.

Словацкая мелкобуржуазная интеллигенция с энтузиазмом встретила революцию. Л. Штур 31 марта опубликовал в газете «Словенске народни новины» («Словацкая национальная газета») статью «Новый век», где восхищался Великой французской революцией — «большим уроком для власть имущих,

большим уроком для народов». Подобную же позицию занял И.-М. Гурбан, написавший листовку «Братья словаки», вышедшую анонимно [1041, с. 259; 509, т. 1, с. 15—22].

Однако мартовское законодательство венгерского сейма не устранило препятствий свободному развитию невенгерских народов. После ряда митингов, на которых обсуждались политические требования, на собрании представителей национального движения из разных районов Словакии, созванном 10 мая в городке Липтовски-св.-Микулаш, были выработаны «Требования словацкого народа». Написанные в форме петиции, они были адресованы императору и венгерскому правительству. В четырнадцати пунктах «Требований» были изложены национальные, политические и культурные запросы словаков [509, т. 1, с. 23, 25].

В «Требованиях» провозглашалось, что словаки являются народом, имеющим право жить своей национальной жизнью в согласии с другими народами. В общевенгерском сейме должны быть представлены все народы Венгрии. Кроме того, выдвигалось требование создания словацкого сейма с правом обсуждения не только словацких, но и общегосударственных дел. В связи с этим был поставлен вопрос об определении территории, населенной словаками. От депутатов общевенгерского сейма требовалось владеть языками народов страны. В учреждениях и общественной жизни предлагалось пользоваться родным языком. Словаки требовали создания национальных школ всех ступеней, а также учительского института и политической школы. Они хотели, чтобы в словацких подразделениях национальной гвардии командирские должности занимали словаки, команды подавались на словацком языке, символами гвардии стали бы словацкое знамя и словацкие национальные цвета. «Требования» отстаивали принципы всеобщего избирательного права, свободы печати и собраний. В документе были выражены пожелания: ускорить пересмотр аграрного законодательства в пользу тех категорий крестьян, которым реформа ничего не дала (речь шла прежде всего о держателях земли на основе феодальных договоров); ликвидировать «регалии» помещиков (исключительные права охотиться, содержать мельницы и корчмы, торговать мясом и т. д.), ввести самоуправление общин; освободить поэта Краля и учителя Ротаридеса, арестованных за призыв к словацкому народу защищать свои права. Авторы «Требований» поддержали петицию галицийских поляков [509, т. 1, с. 25—26]. Прогрессивные аграрные требования были включены в программу после народных собраний, на которых крестьяне ясно выразили свои настроения [Matula, 1974].

«Требования словацкого народа» представляли собой программный документ прогрессивного содержания. Его принятие, в частности, привело бы к более выгодному для крестьян решению аграрного вопроса и расширению гражданских свобод.

«Требования» фактически ратовали за федерализацию многонационального Венгерского королевства. Но венгерское правительство и общественность заняли по отношению к ним отрицательную позицию. Не нашли они признания и у венгерских демократов Петёфи и Танчича. Венгерские власти издали распоряжение арестовать инициаторов «Требований». Штур, Гурбан и другие словацкие деятели перебрались в Прагу. «Требования» так и не были вручены ни венгерским властям, ни императору.

Важное значение во время революции имели словацко-чешские отношения. В апреле 1848 г. Штур подчеркивал, что борьба против принятия чешского языка в качестве литературного языка словаков была направлена не на отделение словаков от чехов, но лишь на укрепление словацких национальных позиций, и выражал убеждение, что в создавшихся условиях чехи и словаки должны «быть едины» [995, с. 198], т. е. вместе бороться за свободу.

Представитель национального движения, развивавшегося в весьма неблагоприятных условиях, Штур мечтал о широком, выходящем за имперские рамки, объединении — равноправном союзе (федерации) славянских народов. С крайним недоверием Штур относился к «немецкой династии» Габсбургов. Не соглашаясь с идеей чешских либералов-австрославистов о необходимости прежде всего «сохранить Австрию», он говорил на Славянском съезде, что важнейшей целью должно быть завоевание свободы каждого народа империи и борьба за всеславянское братство. «Наша цель состоит в том, чтобы сохранить себя. Прежде всего мы должны служить себе, а не другим. До сих пор Австрия стояла, а мы гибли. Что сказал бы мир, если бы мы не заботились ни о чем, кроме сохранения Австрии. С гибелью Австрии мы не погибнем» [303, с. 146].

По своим взглядам Штур примыкал к леволиберальным деятелям в Хорватии (Д. Кушлан, А.-Т. Брлич и др.) и входил в левое крыло Славянского съезда. Однако недоверие к Габсбургам не помешало словацким национальным деятелям — таква была логика политической борьбы во время венгерской революции — перейти к надеждам на помощь «словацкому делу» не только со стороны «славянского генерала» Елачича, но и со стороны императора и Виндишгреца.

На Славянском съезде Гурбан представил новый документ — «Требования словаков и венгерских русинов» [994, с. 303, 304; 509, т. 1, с. 26]. Здесь ставился вопрос о том, что словаки и украинцы должны быть признаны равноправными народами Венгерского королевства. Для них предлагалось создать национальные сеймы и их исполнительный орган — постоянный национальный словацко-украинский комитет, который имел бы право приостанавливать решения правительства, «грозящие опасностью словацкой и русинской народности».

В «Требованиях» шла также речь о праве основывать начальные, средние и высшие школы (университет и политехнический институт) с преподаванием на национальных языках; освобождении лиц, арестованных за защиту национальных требований; свободе создания национальных организаций. На Славянском съезде раздавались и голоса о необходимости ликвидации всякой венгерской власти над Словакией.

После поражения Пражского восстания Штур и другие словацкие деятели уехали в Загреб. При поддержке Елачича они начали готовиться к вооруженной борьбе против венгерской власти в Словакии. Эта деятельность совпадала с началом нового этапа истории революции 1848—1849 гг.— переходом в наступление реакционных габсбургских сил. Однако сущность событий далеко не сразу стала ясной не только словацким лидерам, но и чешским радикальным демократам. Они верили в то, что начинают «освободительную войну» против Венгрии. Сложившуюся летом 1848 г. запутанную ситуацию характеризует следующий факт: в подготовке похода словацкого отряда против Венгрии участвовала группа поляков, уверенных в том, что они помогают братскому народу; лишь в октябре, после разгрома восстания в Вене им стало ясно, что словацкие воинские формирования объективно служат контрреволюции, и они, решительно порвав с ними, перешли на сторону венгерской революции. Политическому замешательству способствовало то, что в Австрии на авансцене власти находилось конституционно-либеральное правительство, декларировавшее принципы равноправия национальностей.

Подготовка отряда словацких добровольцев велась в Вене при покровительстве двора. Был создан Словацкий национальный совет, который провозгласил себя представителем словацкого народа.

Во время организованного Словацким национальным советом — вслед за вооруженным выступлением Елачича — вторжения отряда словацких и чешских добровольцев в Словакию руководители этой акции провозгласили 19 сентября 1848 г. самостоятельность Словакии в рамках Венгерского королевства. Но движение не было поддержано ни крестьянством, ни большинством словацкой интеллигенции. Отряд был вскоре разбит и отступил в Моравию. Зимой 1848—1849 гг. во время действия второго словацкого отряда, находившегося уже под командой австрийских офицеров, словацкие лидеры выдвинули план отделения словацкой территории от Венгрии и создания словацкой автономной единицы в составе империи. Позднее обсуждались также важные для прогрессивной тенденции словацкого национального движения проекты объединения Словакии с Чехией [Novotný J., 1971]. Идея словацкой государственности не противоречила объективным задачам революции 1848—1849 гг., но словацкие лидеры стремились добиться этого, ори-

ентируясь на союз с австрийскими контрреволюционными кругами. Независимо от своих устремлений — словацкие деятели мечтали о конституции и национальной свободе — они объективно помогали австрийской военщине вернуть себе власть над Венгерским королевством, следовательно, и над Словакией. Несколько позднее некоторые чешские участники сентябрьского похода, видевшие, как восстанавливается на их родине господство реакции, поняли объективно контрреволюционный смысл войны против Венгрии. Что же касается лидеров словацкого движения, то они до самой победы контрреволюции ориентировались на австрийские власти как на союзника. Напрасно радикальный демократ Янко Краль, освобожденный венгерскими властями, в феврале 1849 г. убеждал Штура в бессмысленности такой позиции, в необходимости искать соглашения с Венгрией. К отказу от борьбы с Венгрией призывали словацких лидеров хорват А.-Т. Брлич и чешские радикальные демократы.

Во время зимней кампании вождям движения удалось поднять против венгерской революции часть населения, но создать широкую социальную основу движения они были не в состоянии. Являясь союзником венской реакции, Словацкий национальный совет не мог, конечно, углубить аграрные требования. Пламенные же речи в национальном духе не находили отклика у крестьянской массы. В некоторых комитетах словацкие крестьяне выражали симпатии венгерской революции и вступали в венгерскую армию, помня, что благодаря Кошуту были ликвидированы урбариальные повинности. Поддержку венгерскому революционному правительству оказали и горнозаводские словацкие города.

Штур и Гурбан отнеслись положительно к октроированной 4 марта 1849 г. конституции, так как она содержала обещание установить национальное и языковое равноправие в Венгрии. Даже «готовилось» издание соответствующего закона.

Характерно, что идеи создания словацкой коронной земли появились в кругах австрийских государственных деятелей, которые во время австро-венгерской войны и после нее стремились разделить Венгрию. Австрийский министр внутренних дел считал, что Словакию следует объединить с Чехией. Его поддержала некоторая часть интеллигенции словацкого происхождения. Среди них был и Ян Коллар, который в марте 1849 г. подал венскому правительству свой проект решения словацкого вопроса. Коллар предлагал послать в Словакию королевского комиссара, издать патент о национальном равноправии, разрешить издание словацких газет и отменить венгерский язык в словацких учреждениях. Проект Коллара в целом совпадал с содержанием других ходатайств представителей национального движения в этот период. 10 сентября 1849 г. в записке правительству Коллар вместе с И. Главачем и Ф. Ганрихом

просили создать на территории Словакии коронную землю, подчиненную Вене [509, т. 1, с. 63, 95—97]. Однако проекты, за которые выступали также Штур и Гурбан, не были осуществлены. В правительственных кругах со временем пришли к убеждению, что мысли о создании коронных земель развивают «сепаратистские стремления» у народностей, и лучше от них отказаться. В Словакии против этого плана стояло мелкое дворянство (земянство) и зависящая от него часть интеллигенции, в то время как круги, симпатизировавшие идее отделения Словакии от Венгрии, не были влиятельными.

Появление идеи создания автономного словацкого государства означало прогрессивный сдвиг, который был закономерным следствием формирования буржуазного общества. Условия для появления программы национальной государственности создали революция 1848 г. и традиции революционных движений в Европе в XVIII—XIX вв. Способ, которым словацкие деятели хотели осуществить свою программу (австрославизм), был негодным, их деятельность способствовала победе контрреволюции, но сама идея осталась жить, стала достоянием словацкого общественного движения.

В начале революции в национальном движении словаков имелись прогрессивные черты. Его вожди приветствовали антифеодалные преобразования, стремились к демократизации общественной жизни и расширению аграрной реформы. Однако вскоре стала проявляться реакционность их политической ориентации. На втором этапе революции словацкое национальное движение стало орудием реакции. Классовая политика дворянского руководства венгерской революции — непризнание словаков народом, способным к самостоятельной жизни — привела к объединению против революции двух сил, объективно враждебных друг другу — австрийской реакции и словацкого движения за конституционный строй и национальную государственность. Так, Штур, Гурбан, Годжа и другие деятели, оказавшие неоценимую услугу словацкому народу в создании его литературного языка и культуры, в пробуждении его к политической жизни, принадлежавшие по своему образу мыслей к числу прогрессивных в общем деятелей своего времени, оказались в лагере контрреволюции.

Понятно, что после поражения Венгрии Габсбурги не выполнили требований словацкого национального движения. Штур и Гурбан за статьи, содержавшие критику политики правительства, в частности, в аграрном вопросе, были поставлены под полицейский надзор. Национальное движение в Словакии было подавлено. Иллюзии словацких деятелей о возможности демократической перестройки Австрийской империи с помощью монарха были окончательно рассеяны. Часть интеллигенции (Ян Коллар и др.) пошла на службу режиму, иные отошли от политики.

9. Поляки

Начало революционным событиям в Галиции положило известие о победе революции в Вене. 17 марта в Кракове стихийная народная манифестация вынудила власти освободить из тюрем участников восстания 1846 г. Это событие вызвало энтузиазм, еще более усилившийся, когда на основании амнистии в Краков начали прибывать из австрийских темниц освобожденные польские революционеры [707, с. 123; 1146, с. 286].

Краковские горожане — мелкие торговцы, ремесленники, подмастерья, рабочий люд — праздновали установление свободы, но ни они сами, ни возвращавшиеся участники восстания 1846 г. не имели программы действий. Инициативой завладели крупные землевладельцы и представители купеческого патрициата, создавшие 19 марта комитет для организации национальной гвардии. 29 марта он конституировался как Гражданский, а позднее как Национальный комитет. Деятельность комитета активизировало вступление в его состав — вопреки запрету властей — представителей демократической эмиграции, с начала апреля все большими группами прибывавшей в Краков.

Национальная гвардия, ядро которой составляли студенты, облачалась в эффектные мундиры, но обещанного властями оружия не смогла дождаться. Во Львове 21 марта также был создан комитет для организации национальной гвардии. В отличие от Кракова во Львове губернатор согласился передать гвардейцам некоторое количество ружей, но настоял на самороспуске комитета. Лишь в середине апреля во Львове был создан комитет, принявший название Рада народова (Национальный совет).

18 марта во Львове группа участников польского конспиративного движения, возглавлявших его правое, либеральное крыло, — Фр. Смолька, Ф. Земялковский, Р. Хеферн — сформулировала политическую программу, облеченную в форму адреса императору. В то же самое время у графа Фредро собралась группа помещиков с целью составления петиции императору. Оба кружка установили контакт между собою, в результате к 19 марта появился единый текст, бывший выражением определенного классового компромисса. Характерно, что инициаторы адреса рассчитывали собрать под ним около 40 подписей [1167, с. 8]. Первыми под адресом поставили подписи титулованные землевладельцы. Однако 19 марта на центральной площади Львова (современная площадь Мицкевича) у столиков, на которых был выложен для сбора подписей адрес, собрались толпы народа. В течение дня под адресом подписались 12 тыс. львовян (все население города составляло 70 тыс. человек). Таким образом, узкое, кружковое начинание получило, вопреки предположениям его инициаторов, значение массо-

вого движения. Львовский адрес стал первой политической программой, выдвинутой в Галиции в ходе революции.

В начале адреса [1133, с. 139—142, 806—809] от имени землевладельцев и жителей Львова говорилось о том, что причиной непосредственного обращения к императору является то, что уже два года в Галиции не собирался сейм. В адресе указывалось, что «несчастные события 1846 г.» привели к столь значительному обострению отношений между землевладельцами и крестьянами, что это «грозит полным разрывом всех социальных связей». Разрыв этот, по определению авторов, делал настоятельно необходимыми ликвидацию феодальных отношений и «урегулирование владений». Вводная часть адреса содержала также жалобы на стеснение национального языка и обычаев, произвол чиновников и судебных органов, отсутствие городского самоуправления, упадок народных школ и формулировала «справедливые требования времени» — гражданское и политическое равенство жителей независимо от их вероисповедания. Конкретные пожелания были сформулированы в 13 пунктах. Несколько пунктов содержали национальные требования: отменить ограничения, мешающие свободе развития польской народности, ввести в школах, судах и политических учреждениях польский язык, удалить всех чиновников-негалицийцев и впредь замещать должности только уроженцами Галиции, реорганизовать армию на национальной основе — земские галицийские войска должны расквартировываться в Галиции и иметь офицеров-галицийцев. В других пунктах была сформулирована программа конституционных преобразований: отмена сословного представительства, созыв реорганизованного провинциального сейма, равенство граждан перед законом независимо от сословной принадлежности и вероисповедания, отмена цензуры, издание нового муниципального закона, введение гласного судопроизводства с судами присяжных, объявление политической амнистии. Социальную программу выражал 10-й пункт адреса: «Полная отмена барщины и всех крестьянских повинностей, чем галицийские помещики хотят сделать дар своим нынешним подданным; также полная отмена зависимости и сервитутов, существующих до сих пор между землевладельцами и крестьянами, одновременное урегулирование владений».

Влияние либеральных помещиков отчетливо запечатлено в адресе — почтительным тоном в отношении сословного сейма, характеристикой отношений в деревне как патриархальных, оставлением подготовки аграрной реформы в руках землевладельцев. Самым существенным элементом помещичьих тенденций был пункт об «урегулировании владений» и ликвидации сервитутов. Это была программа проведения реформы с закреплением результатов длительной экспроприации помещиками общинных и надельных крестьянских земель. В результате освобожденные крестьяне, полностью лишенные сервитутов, т. е.

прав на пользование лесами и пастбищами, захваченными помещиками, вынуждены были бы идти вновь в кабалу к господам. Таким образом буржуазные либералы заключили блок с либеральными помещиками, приняв их программу ликвидации феодальных отношений с максимальным ограждением интересов землевладельцев. Это была сделка либералов за счет крестьянства.

Адрес в целом представлял собою национально-буржуазную программу. Авторы его не решались в полный голос провозгласить лозунг восстановления польского государства. Более того, выдвигая требования, имевшие по существу целью подготовить восстановление независимого польского государства или по меньшей мере создание автономной польской Галиции (пункты, касающиеся администрации и армии), авторы адреса стремились не подчеркивать национальный оттенок этих требований, придавали им по внешности земский характер (говоря не о поляках, а о галицийцах и т. п.). Эта сдержанность, объяснявшаяся неуверенностью перед лицом еще вчера могущественной австрийской государственной машины, сделала адрес в какой-то мере приемлемым для украинского населения Львова ⁷⁶.

В идейном и политическом смысле программа, выраженная в адресе от 18 марта, не выходила за рамки умеренного либерализма. И если она встретила поддержку радикальной буржуазной интеллигенции, студенчества, ремесленников и городской бедноты, то это объясняется прежде всего политической незрелостью этих слоев, еще накануне живших в условиях феодально-абсолютистского режима. Либеральной по содержанию программе соответствовал и неревolutionционный метод действия. Обращение с просьбой, рассчитанной на «мудрость его императорского величества», избрание пути легализма отвечало политической позиции либералов, их боязни масс, прежде всего крестьянства, и было средством отвлечения демократических элементов от возможных революционных выступлений. Следует сказать, что действия польских либералов в Галиции увенчались успехом: они сумели подчинить себе движение, дезориентировать и оттеснить на второй план слабое после разгрома 1846 г. демократическое течение.

Боязнь крестьянских восстаний нашла отражение и в адресе, 6-й пункт которого гласил: «Как можно более скорое всеобщее вооружение городов в целях поддержания спокойствия и порядка, безопасности личности и собственности». В то время как во всех охваченных революцией странах Европы, в том числе и в различных землях Австрии, создававшиеся национальные гвардии были вооруженной силой буржуазии, предназначенной для упрочения ее политических завоеваний и подавления революционного пролетариата, а у угнетенных национальностей, кроме того, призванной стать основным костяком

национального движения, в Галиции национальная гвардия имела помещичье-буржуазный характер и создание ее диктовалось в первую очередь страхом помещиков перед возможными крестьянскими восстаниями.

Для представления адреса в Вену отправилась депутация во главе с князем Ежи Любомирским, пользовавшимся репутацией патриота. Проезд депутации через западногалицийские города и местечки, а также через Краков сопровождался сбором подписей под адресом, агитацией в либеральном духе [Kieniewicz, 1146]. В Вену депутация прибыла 31 марта, когда революционные события в империи и за ее пределами приобретали все больший размах. Революция в Пруссии, создание в Познани Центрального национального комитета, формирование в Великой Польше польских вооруженных сил, слухи о революционной войне против царизма — все это вместе с горячим приемом, который был оказан галицийской депутации охваченной революционным энтузиазмом Веной, убедило депутатов в необходимости пересмотреть составленный во Львове адрес. Немалое влияние на галицийских депутатов оказали прибывшие в Вену представители познаньского Национального комитета [707, с. 138].

6 апреля во время приема императором галицийской депутации Любомирский зачитал и вручил ему новый адрес [1143, с. 810—823]. Венский адрес прямо провозглашал стремление к восстановлению независимой Польши. Составители адреса (его основным автором был талантливый литератор граф Л. Дунин-Борковский) делали вид, будто такое развитие событий вполне отвечает давним стремлениям Габсбургов, необоснованно приписывая им отрицательное отношение к разделам Польши. Считая, что полякам Галиции предстоит стать аванпостом революционной Европы и революционной Австрии против царизма, адрес провозглашал готовность быть в союзе с Австрией и всеми составляющими ее народами. «Этот союз,— говорилось в адресе,— может существовать лишь на основе искренности и правдивости, на основе общих и соответствующих духу времени свобод, какие уже существуют фактически в Венгрии, а особенно в Познаньском княжестве, близком нам единством происхождения, общностью истории и сходством отношений».

Составители адреса просили санкционировать создание Национального комитета, которому была бы поручена реорганизация края на национальной — польской — основе. Изложенная в 12 пунктах программа представляла развитие львовского адреса. Здесь более резко акцентировалось недоверие к австрийской администрации и армии, более определенно формулировалась пожелания о введении буржуазных свобод, в частности соблюдения принципа «Habeas corpus», развивалось положение о своей национальной армии. Однако и эта, казалось бы про-

никнутая духом независимости программа оставалась в общем на почве австрийского легализма, оставляла инициативу в руках правительства, прося его санкции на создание того комитета, который должен был поэтапно освобождать Галицию от власти Габсбургов.

Противоречивость венской программы от 6 апреля определялась не только соглашательской позицией большинства галицийской депутации, но и сложностью политической ситуации, создававшей у лидеров польского национального движения и в Великой Польше и в Галиции надежды на поддержку революционных Пруссии и Австрии в войне за восстановление независимой Польши. Уже к концу апреля наступление прусской военины на польский революционный очаг в Великой Польше и обстрел Кракова развеяли эти иллюзии. Следует отметить, что в отличие от познаньского Национального комитета галицийские либералы и не пытались поставить австрийские власти перед фактом реализации явочным порядком хотя бы части выдвинутой ими программы.

Восприняв развивавшуюся либералами идею национального единства и примирения сословий, демократы, в том числе ряд прибывших в Галицию в апреле лидеров Польского демократического общества, убеждали помещиков добровольно отказаться от своих феодальных прав, «даровать» барщину и тем самым завоевать крестьянство на сторону польского национального движения. Но землевладельцы не проявляли особого рвения.

Между тем привычный после 1846 г. страх перед вспышкой социального движения в Галиции и отчасти (оказавшиеся беспочвенными) опасения захвата демократами инициативы в деле осуществления аграрной реформы побудили австрийские власти в Галиции опубликовать уже 22 апреля циркуляр об отмене крестьянских повинностей. Таким образом, крестьянская реформа в Галиции опередила реформу во всей Австрии более чем на 4 месяца.

Польские демократы восприняли осуществление крестьянской реформы правительством как тягчайший политический удар [614, с. 171]. Концепция воссоздания национального единства была подорвана, выдвинуть же новую программу действий, соответствующую сложным условиям революции, демократы в 1848 г. оказались бессильны.

Важным для оценки прочности либерального буржуазно-помещичьего блока эпизодом было обсуждение в августе в рейхстаге вопроса о возмещении помещикам за отмененные феодальные повинности. В защиту помещиков произнес речь лидер польских либералов Ф. Смолька [943, с. 272—279]. При голосовании польские либеральные депутаты высказались за выплату помещикам возмещения, определив тем самым общий итог дискуссии — 174 голоса против 144.

В этой обстановке среди депутатов-крестьян, противников какого бы то ни было выкупа, вел пропаганду Ю. Госляр, революционный демократ, сподвижник Э. Дембовского, специально прибывший в Вену с этой целью. Госляр принял участие в октябрьском восстании в Вене, поплатившись за это новым заключением, на этот раз в тирольской крепости Куфштейн.

Как видно из сказанного, с начала революции в центре внимания в Галиции оказался крестьянский вопрос. Польские и украинские крестьяне представляли большую угрозу и для помещиков, и для австрийских властей. И те, и другие боялись нового восстания. Шляхетско-буржуазные круги стали распространять среди крестьян известия об адресе от 19 марта, доказывая, что по их прошению барщина скоро будет отменена. Центральная Рада народов даже обратилась с призывом к шляхте, не ожидая решения правительства немедленно освободить крестьян от барщины.

Предотвратить восстание польских и украинских крестьян стремились и австрийские власти. Губернатор Ф. Стадион неоднократно призывал окружные управления устранять все, что могло дать повод крестьянам к недоверию или восстанию, и в то же время разъяснять им, что до окончания урегулирования барщины (проводившегося с 1846 г.), т. е. до 1 июля, они должны выполнять ее, как и раньше, а затем в размерах, установленных урегулированием, пока император не примет решения по петиции от 19 марта⁷⁷. Он сообщал правительству, что обстоятельства угрожают австрийскому господству в Галиции, что крестьянство не может быть опорой правительства и в его ненависти против шляхты кроется опасность возобновления событий 1846 г. [Rozdolski, 1962]. 13 апреля он потребовал от правительства добиться решения императора относительно барщины в Галиции.

17 апреля правительство дало указание Стадиону немедленно провозгласить в крае отмену барщины за выкуп, надеясь этим предотвратить крестьянское восстание и нейтрализовать возможное влияние на крестьян мелкошляхетско-буржуазного лагеря, а обещанием выкупа обеспечить расположение помещиков.

22 апреля циркуляром губернского управления во Львове объявлялось о том, что с 15 мая 1848 г. «все барщинные работы и подданнические дани отменяются за вознаграждение в будущем за счет государства». Императорский указ об отмене барщины в Галиции от 17 апреля был опубликован в Вене 12 мая 1848 г. Он устанавливал комиссию для определения «убытков» помещиков и размеров вознаграждения и, оставляя временно в силе сервитуты, обязывал крестьян платить за них на основе «добровольного» соглашения с помещиками.

Отмена феодальных повинностей предотвратила крестьянское восстание, однако не внесла полного успокоения в ряды

украинского и польского крестьянства, которое было недовольно прежде всего неопределенностью вопроса о сервитутах. В ряде сел крестьяне пытались силой вернуть захваченные помещиками пахотные земли, леса, луга и пастбища. Летом во время жатвы массовый характер принял отказ крестьян работать у помещиков даже за плату или обрабатывать долги.

В марте 1848 г. направив в Вену депутацию, либералы призывали всех ждать результатов переговоров, воздерживаясь от всего, что выходило за рамки легальности. На первых порах эта тактика усыпления масс имела успех. Но постепенно обстановка начала накаляться.

Обезопасив себя сообщением об отмене барщины, австрийские власти в Галиции решили перейти в контрнаступление. Переписка австрийских властей не изучена, поэтому нет доказательств того, что происшедшие в Кракове, Львове и некоторых галицийских городках 25—26 апреля события были следствием осуществления единого плана. Но для такого предположения есть основания: и в Кракове, и во Львове конфликт был спровоцирован властями, явно стремившимися создать условия для введения военного положения. Нельзя исключить и того, что в Галиции реализовывалась часть международного плана контрреволюции: в те же дни прусская военщина применила силу для подавления польского освободительного движения в Познаньском княжестве.

25 апреля в Кракове разнеслась весть о том, что на границе задержана группа возвращавшихся в Галицию эмигрантов. Это вызвало взрыв негодования; под давлением масс Национальный комитет решил направить к старосте города барону Кригу делегацию. Стремясь избежать вмешательства «улицы», делегаты отправились в староство, по их собственным словам, «тишком и молчком» [576, с. 64]. Однако их попытки договориться с Кригом были безуспешны, собравшийся перед староством народ, потеряв терпение, ворвался в дом, расшвырял казенные бумаги и потребовал уже не только свободного въезда эмигрантов, на что Криг дал согласие, но и передачи национальной гвардии оружия, изъятого в 1846 г. у краковской милиции. Криг утверждал, что оружия этого в краковском замке Вавеле нет, но вынужден был дать согласие на самовооружение гвардии, в частности на изготовление для нее холодного оружия.

На следующий день стало известно, что староста покинул Краков, передав всю власть командующему войсками фельдмаршал-лейтенанту Кастильоне. По улицам города патрулировали войска. Комитет направил в печать воззвание, которое осуждало насильственные действия и призывало народ к спокойствию. Между тем в середине дня отряд войск окружил кузницу, где готовилось оружие для национальной гвардии, и конфисковал уже выкованные пики и косы. У кузницы со-

брался народ, по безоружным жителям солдаты открыли огонь. В тот же момент с Вавеля прогремело три пушечных выстрела и весь гарнизон двинулся в центр города.

Австрийские войска действовали по заранее намеченному плану. Однако то, что произошло вслед за расстрелом у кузницы, явно не было предусмотрено планом. В городе началось стихийное восстание. «В одно мгновение из повозок, телег, бочек, лотков были сооружены баррикады, для их укрепления выламывали мостовую и тротуары» [563, с. 218]. Краковская беднота нападала на патрули и разоружала солдат. Купечество и шляхта попрятались в домах, а национальная гвардия, руководимая графом А. Потоцким, пыталась разогнать защитников баррикад. Часть прибывших в Краков эмигрантов примкнула к восставшим.

Войска во главе с самим Кастильоне оказались в центре города — Рынке — в полукольце баррикад. Двукратная атака солдат на одну из баррикад была безуспешна. Фельдмаршал-лейтенант решил ретироваться и поскакал к Вавелю, вслед за ним кинулись и солдаты. По ведущей от Рынка к Вавелю улице удирали австрийское воинство, преследуемое почти безоружными повстанцами. Во время бегства Кастильоне был ранен в лицо (вместо пули была использована типографская литера). Оскандалившийся командующий передал бразды правления своему заместителю генералу К. Мольтке.

По городу был открыт из замка пушечный огонь. Тем временем за спиной народа Национальный комитет и командование национальной гвардии вели переговоры с австрийцами. Князь С. Яблоновский и граф А. Потоцкий подписали от имени города капитуляцию, по условиям которой эмигранты должны были покинуть город, Национальный комитет распускался, национальная гвардия подлежала «чистке», горожане были обязаны сдать оружие и разобрать баррикады.

Почти безоружные, стихийно поднявшиеся на борьбу массы не могли, разумеется, одолеть засевший в крепости гарнизон. Тем не менее известие о капитуляции было встречено в городе с возмущением. В Кракове был установлен режим, равный осадному положению. «Реорганизация» национальной гвардии свелась к ее роспуску. В последующие месяцы оккупированный австрийской военщиной Краков уже не принимал активного участия в событиях.

Во Львове губернатор Стадион предпринял попытку противопоставить только что возникшей Раде народной старый сословный сейм, объявив о созыве его на 26 апреля. К собравшимся в канун сессии членам сейма явились представители Рады народной, убеждавшие их отказаться от восстановления этого непопулярного шляхетского учреждения. Особенно резко протестовали против сейма студенты, а собравшаяся толпа народа скандировала: «Долой сейм!» Губернатор распорядился рас-

пустить Раду. Однако Рада народов не подчинилась запрету. Шляхетский сейм, на который рассчитывал опереться Стадион, обманул надежды губернатора. Группа его членов объявила о своем присоединении к Раде народной [382, с. 129—144]. Легальный характер Рады был подтвержден вестью о конституции 25 апреля, провозгласившей свободу собраний и организаций.

Самоликвидация сословного сейма оказалась политически мудрым жестом консервативных элементов; усыпив недоверие масс, они получили прочные позиции в радах народных. Если в львовской Центральной Раде народной наряду со шляхтой была довольно широко представлена либеральная буржуазия, то окружные рады были чисто помещичьими. Они превратились в бастионы консерваторов, противопоставлявших себя Центральной Раде.

Из числа активных контрреволюционеров — титулованных помещиков, князей церкви и высших чиновников губернатор создал свой совет. Один из членов этого совета Г. Павликовский основал Помещичье общество с целью «охраны интересов собственников». Общество издавало газету «Польска» («Польша»). Контрреволюционная позиция газеты спровоцировала в сентябре 1848 г. первую в истории Галиции политическую забастовку: львовские печатники отказались выпускать газету [1158, с. 229].

Таким образом, с начала мая политическая обстановка в Галиции стабилизировалась: власти подавили революционное движение в Кракове, но дальнейшему наступлению контрреволюции в Галиции воспрепятствовало развитие событий в общегосударственном масштабе. В силу этого тактикой властей стало лавирование. Вместо Стадиона в июне губернатором был назначен поляк В.-М. Залеский, преданный династии чиновник (впрочем во Львов новый губернатор явился лишь в октябре).

Разжигание национальной розни — испытанный прием австрийской реакции — оказалось в условиях 1848 г. в Галиции весьма действенным методом. С мая во Львове противостояли друг другу польская Центральная Рада народов и украинская («руська») Головна рада. Рада народов стояла на общих для польского национального движения того времени позициях неприятия национальных интересов украинского населения, которое необоснованно трактовалось как часть польского народа. Это вызывало протест со стороны украинцев. Головна руська рада придерживалась концепций австрославизма, исходила из верноподданничества по отношению к Габсбургам. Конфликт руководящих органов польского и украинского национальных движений был на руку австрийской контрреволюции.

В то время как на авансцене польской политической жизни в Галиции тон задавали либералы, а консерваторы учредили свое политическое общество и печатный орган, демократы в

течение долгого времени не проявляли себя в качестве самостоятельной силы. Лишь осенью прибывшие из эмиграции деятели Демократического общества создали два печатных органа — «Пшеглэнд» («Обозрение»), который издавал в Кракове Л. Зенкович, и «Дзенник Станиславовски» («Станиславская газета»), где главную роль играли В. Хельтман и Я.-К. Подолецкий.

Демократы призывали готовиться к борьбе за национальное освобождение в союзе с революционной Венгрией.

Таким образом, развитие событий в Галиции в условиях, когда руководящая роль в общественной жизни оказалась прочно захваченной либералами, целиком зависело от общего хода революции в Австрии. И как для Австрии в целом решающим переломным моментом стало здесь поражение венского октябрьского восстания.

В поддержку восстания в Вене выступали польские демократы на многолюдных митингах в Цешинской Силезии, а из Бельска даже двинулся на помощь осажденной Вене отряд национальной гвардии [620а, т. 2, ч. 2, с. 542].

10. Украинцы

Революционные события дали значительный толчок развитию политической активности народных масс в Галиции. Сказанное относится к пролетарским и полупролетарским слоям как украинского, так и польского населения^{78*}. Но особенно активизация трудящихся слоев становится очевидной, когда речь идет о крестьянстве.

Во время выборов в рейхстаг и в дни его работы ярко проявилась антипомещичья активность крестьян. Украинские и польские крестьяне-выборщики, представлявшие основную массу избирателей, в большинстве округов голосовали за кандидатов-крестьян и сельских священников. Всего на 100 депутатов из Галиции был избран 31 крестьянин, в том числе 14 украинцев и 17 поляков. Галиция вместе с Буковиной, где было избрано 8 депутатов, из них 5 крестьян, послала в парламент наиболее многочисленное крестьянское представительство из всех провинций монархии, что свидетельствовало о политической активности крестьянства. Во многих местах крестьяне, не доверяя избранным в рейхстаг шляхтичам и чиновникам, пытались самостоятельно избирать депутатами доверенных людей и требовали от властей их утверждения.

Галицийские крестьянские депутаты развернули активную деятельность. Некоторые из них, выполняя наказы избирателей, передавали в рейхстаг и другие учреждения жалобы на помещиков. В письмах из Вены крестьянские депутаты (например, Я. Шторц) призывали крестьян не выполнять повинностей

помещикам, сопротивляться попыткам захвата общинных земель и т. п. [131, с. 94—95].

3 сентября группа украинских и польских крестьянских депутатов, среди них Г. Андрусак, В. Гарматий, С. Гой, П. Козар, П. Посацкий, Я. Ромб, Я. Шторц и др. внесли на утверждение рейхстага требования галицийского крестьянства: возврат захваченных помещиками с 1786 г. земель, сохранение сервитутов, предоставление права собственникам участков на использование находившихся на них соляных залежей и источников, ликвидация монопольного права помещиков на мельницы, предоставление крестьянам права владеть огнестрельным оружием, ликвидация платы за церковные требы, снижение почтовых и гербовых сборов, цен на соль, табак, отмена подоходного налога с ремесленников, снижение жалования чиновникам и повышение слугам, предоставление доступа к должностям в администрации всем гражданам и, как правило, местным жителям, назначение священников по предложениям общин, а не помещиков, основание школ и введение преподавания на родном языке, наконец, раздел Галиции на две провинции: украинскую с центром во Львове и польскую с центром в Тарнове или Кракове [948, с. 124—127]. Эти требования выражали интересы украинского населения Галиции.

Активное участие приняли крестьяне в дискуссии об отмене феодальной зависимости. Наиболее ярким было выступление украинского крестьянина И. Капушака. Он заявил, что помещики не имеют прав требовать выкупа. И без того вместо 100 дней барщины они принуждали работать по 300 дней в году. Он считал, что за это господа должны платить крестьянам. Помещики издевались над крестьянами, отбирали у них землю, считали их «не людьми... а лишь барщинными машинами, рабами...» Он закончил речь словами: «Кнуты и плети, обвивавшие наши головы и наше натруженное тело,— этим они должны довольствоваться и это должно стать выкупом»⁷⁹. Почти полное содержание речи Капушака опубликовала «Новая Рейнская газета» К. Маркса и Ф. Энгельса (23 августа 1848 г.): Крестьянские депутаты от Галиции и Буковины поддержали Капушака. 29 августа 1848 г. все они вместе с другими демократами голосовали против выкупа.

Аграрная реформа привела к обострению классовой борьбы в галицийском селе. Активировались крестьянские выступления, сопровождавшиеся захватом лесов и пастбищ. В 1849 г. волнения охватили около 100 сел Восточной Галиции. Аналогичные выступления имели место в Бохненском, Жешовском, Тарновском и других округах Западной Галиции⁸⁰. Власти бросили против крестьян войска, но в ряде мест крестьяне оказали сопротивление. Летом 1849 г. крестьяне Восточной Галиции еще в больших размерах, чем в 1848 г., бойкотировали помещичьи фольварки, отказываясь даже за плату выходить на уборку

урожая, и власти силой принуждали их к этому [119, с. 485—511]. Имели место случаи отказа от уплаты налогов, церковной десятины, расправ над помещиками и т. д.

Украинское национальное движение в Восточной Галиции в 1848 г. приняло политический характер. Украинское население, особенно в городах, в первые дни революции с доверием относилось к польскому освободительному движению. «В одном лагере,— писал о мартовских событиях во Львове И. Франко,— находился весь народ без сословных и религиозных различий, объединенный под лозунгом: свобода, равенство и братство, а в другом — креатуры Меттерниха, или как тогда говорили: реакция, бюрократия и камарилья» [315, т. 19, с. 492—493; 49, с. 249]. За союз с польскими демократами выступали тогда видные украинские деятели Я. Головацкий, А. Могильницкий, Н. Устиянович, Р. Мох и др. Во Львове украинские ремесленники, рабочие и студенты совместно с поляками подписывали петицию от 19 марта. Однако игнорирование польскими шляхетско-буржуазными деятелями национальных интересов украинцев уже вскоре побудило украинские общественные круги к выдвижению собственных требований^{81*}.

Эту мысль высказал в своем письме от 27 апреля к Я. Головацкому его друг И. Бирецкий из Санокского округа, заявивший, что необходимо добиваться национальных прав и, пользуясь отменой цензуры, организовать издание украинской газеты^{82*}. Бирецкий одним из первых во время революции публично выступил в защиту достоинства украинского народа, опубликовав в газете «Постемп» («Прогресс») от 22 апреля «Письмо», в котором подверг критике адрес от 19 марта, игнорировавший интересы украинцев, и требовал от представителей польского общественного движения признания их национальных прав как предпосылки польско-украинского сближения [339, с. 157].

Подобные настроения господствовали среди многих представителей украинской прогрессивной интеллигенции и низшего духовенства. С этим должна была считаться униатская верхушка во главе с епископом Г. Яхимовичем. Чтобы не оказаться в хвосте событий, она 19 апреля вручила губернатору Ф. Стадиону адрес на имя императора, в котором выдвинула умеренные требования: введение в школах и общественно-политической жизни Восточной Галиции украинского языка, обеспечение украинцам доступа ко всем должностям и уравнивание в правах духовенства всех вероисповеданий^{83*}.

Вслед за этим представители украинской буржуазии, чиновничества, светской интеллигенции и духовенства сформировали свой политический орган. 2 мая во Львове ими была создана Головна руська рада (Главный украинский совет). Среди 66 ее основателей было 20 мелких чиновников, по 9 представителей светской интеллигенции, низшего и высшего духовенства,

13 студентов, 4 мешан и 1 предприниматель (И. Товарницкий). Председателем Рады был избран епископ Г. Яхимович^{84*}.

Печатным органом рады стала «Зоря Галицька» («Галицийская заря») — первая во Львове газета на украинском языке, начавшая выходить 15 мая. В воззвании к народу Рада, сообщив о предоставлении императором конституции, заявляла: «Мы, русины галицкие, принадлежим к великому руському (т. е. украинскому.— *Ред.*) народу, который говорит на одном языке и составляет 15 миллионов, из которого два с половиной миллиона населяют Галицкую землю» [315, т. 19, с. 656]. Это было первое в Восточной Галиции официальное заявление о том, что приднепровские и галицийские украинцы составляют одну нацию. Оно стало возможным лишь благодаря революции.

Определенная в воззвании программа Рады сводилась, главным образом, к организации культурно-национальной жизни украинского населения, поискам путей улучшения положения народа, защите его прав, уравниению в правах католической и униатской церкви. Осуществления этой программы руководители Головной руськой рады надеялись добиться легальным путем, возлагая надежды на помощь правительства и славянских народов монархии.

Хотя программа была мало конкретной, она породила надежды в народных массах и нашла поддержку со стороны большинства либеральной и демократической интеллигенции.

Пестрый состав членов Головной руськой рады не мог не порождать идейно-политических противоречий внутри ее. В ней, как отметил И. Я. Франко, имелось два течения. Одно представляла консервативная верхушка униатского духовенства, другое — светская интеллигенция и энтузиасты из низшего духовенства. Если первое прислушивалось «к тому, что происходит в Вене и что говорят в наместничестве», то другое стремилось «идти навстречу народной массе и быть выразителями ее потребностей» [Франко, 1906]. Представителями второго течения были юристы И. Борисикевич, Ю. Лавривский, учитель Е. Прокочиц и др. В целом Рада была либеральной организацией, на деятельности которой сказалось влияние консервативного духовенства.

Конкретизированная в процессе выполнения, программа Головной руськой рады содержала такие требования: в сфере сельского хозяйства и аграрных отношений — отмена феодальной повинности крестьян за выкуп, ликвидация ряда феодальных пережитков (помещичьего права охоты, принудительного найма и т. п.), гарантирование крестьянской земельной собственности, защита крестьян от притеснений со стороны помещиков, подъем сельского хозяйства; в сфере промышленности и торговли — свобода промышленной и торговой деятельности; создание промышленных союзов, кредитных учреждений, постройка дорог, ограничение импорта товаров; в области финан-

сово-налоговой политики — урегулирование и сокращение налогов, отмена акциза и гербовых сборов, введение подоходного налога, уменьшение расходов на содержание армии, уменьшение пошлин, снижение цен на соль, повышение оплаты труда низкооплачиваемых категорий служащих, учителей; в сфере социальных отношений — отмена сословных различий и установление равноправия перед судом и законом, защита собственности и чести, подъем народного образования, улучшение здравоохранения и т. п.; в сфере религии — свобода верований, устранение влияния помещиков на выбор священников, выборность епископов и т. п.; в сфере административно-политической и национальной — раздел Галиции на украинскую и польскую части, обеспечение свободного национального развития украинского населения, всеобщее избирательное право, вооружение народа, реформа администрации и судопроизводства и т. п.^{85*}

Несмотря на ограниченность, программа предусматривала ряд прогрессивных преобразований, осуществление которых было предпосылкой буржуазного развития.

Головна руська рада опиралась на филиалы — местные русские рады, возникшие по ее призыву в городах, местечках и селах Восточной Галиции. Всего было организовано около 50 местных рад. В их состав избирались главным образом крестьяне, горожане, светская интеллигенция (учителя, учащая молодежь), низшее духовенство. Местные рады оказывали влияние на Головну раду, побуждая ее к активным действиям.

Правящие круги, усматривавшие панславизм в малейших проявлениях организованного украинского движения, в то время в условиях революции не могли не считаться с этим движением. Губернатор Стадион после двухнедельного промедления 4 мая отправил в Вену адрес от 19 апреля. 16 мая поступил ответ правительства, в котором содержалось обещание удовлетворить основные требования петиции. Это обещание, целью которого было удержать движение в рамках легальности, определило австрофильскую позицию значительной части украинской общественности, особенно консервативных и либеральных кругов.

Некоторые представители либеральной и демократической интеллигенции во время революции выступали за совместные действия украинского и польского национальных движений. Однако этот лозунг не был популярен. Не получили поддержки масс также планы созданного в мае 1848 г. «Руського собора» — организации, созданной полонизированной украинской шляхтой и буржуазной интеллигенцией (печатным органом Собора была газета «Дневник руський», редактором которой стал И. Вагилевич). Собор высказался в пользу требований, выдвинутых в польских адресах императору от 19 марта и 6 апреля и украинского от 19 апреля, однако отрицал права галицийских украинцев на самобытное развитие [Пашаева, 274].

Из демократических деятелей наиболее прогрессивную позицию занимал бывший участник польско-украинского подполья В. Подолинский. Летом 1848 г. он написал брошюру «Слово предостережения», где подверг критике взгляды на украинский вопрос польских либералов и осудил проавстрийскую ориентацию украинских либералов и консерваторов с позиций, которых придерживалось революционное крыло Кирилло-Мефодиевского общества во главе с Т. Г. Шевченко. Призвав к украинско-польскому сотрудничеству, Подолинский высказался за безусловное национальное освобождение украинского народа, которое ставил в зависимость от создания федерации свободных славянских народов, от «возрождения всей славянщины, федеративной и либеральной». Подолинский даже писал о наличии среди галицийских украинцев особого течения («партии»), которое стремилось к освобождению Украины «прямо и непосредственно или с помощью славянщины». Однако брошюра В. Подолинского не вышла в свет и высказанные в ней идеи не получили широкого распространения [Стеблій, 38].

Начиная с середины 1848 г., украинское население развернуло борьбу за выделение Восточной Галиции в самостоятельную провинцию. Требование раздела Галиции выдвигалось уже 30 мая украинской делегацией, прибывшей на Славянский съезд. 9 июня Головна руська рада обратилась к императору с требованием разделить край на две провинции с автономией и национальными правами для каждой. В состав украинской провинции предлагалось включить округа, населенные украинцами и в прошлом принадлежавшие Галицкому княжеству, а затем Руському воеводству. Подобные требования позднее были выдвинуты перед министерством внутренних дел и рейхстагом. К концу января 1849 г. руськие рады собрали свыше 200 тыс. подписей в поддержку этого требования [736, с. 113].

Требование раздела Галиции встретило противодействие со стороны Рады народовой и Руського собора, а также вице-губернатора А. Голуховского. Противники раздела пугали правительство возможным присоединением Восточной Галиции к России и переходом униатов в православие [764, с. 148—149]. Правительство игнорировало требования о разделе. Министр А. Добльгоф 27 июля 1848 г. дал указание А. Голуховскому обезвредить соответствующую агитацию⁸⁶. Не решил вопроса о разделе Галиции и рейхстаг. Эта политика властей вызвала недовольство украинской общественности. Головна руська рада 16 февраля 1849 г. решила, в случае если парламент не решит положительно вопроса о разделе Галиции, обратиться к народу с призывом отозвать депутатов из рейхстага. Но 7 марта 1849 г. парламент был распущен. Согласно октроированной конституции Галиция осталась единым коронным краем. Иными словами, в Восточной Галиции сохранялись позиции польской шляхты и буржуазии.

На заседании Головной руськой рады 16 марта 1849 г. с резкой критикой конституции выступил И. Борискевич. Но под влиянием властей и высшего духовенства Рада отмежевалась от позиции Борискевича, который был вынужден покинуть Львов.

Во второй половине 1848 г. в Восточной Галиции большой размах приняло движение за организацию украинской национальной гвардии. Во многих селах ее отряды организовались стихийно. Имели место попытки организации гвардии во Львове, Станиславе, Бережанах, Тернополе, Яворове.

Губернское управление, боясь, чтобы массы не направили оружие против помещиков и правительства, в октябре 1848 г. запретило создание национальной гвардии в селах, а созданные отряды распорядилось распустить. После введения в Галиции в январе 1849 г. военного положения были распущены и отряды гвардии в городах [131, с. 69—71].

Революция создала благоприятные условия для активизации культурной жизни украинского населения. Широкий размах приняла борьба за народное просвещение. Население добивалось организации украинских школ в селах и местечках, открытия доступа детям трудовых слоев в гимназии, введения обучения на родном языке в средних и высших школах, основания учительских школ, изъятия дела просвещения из-под контроля католического духовенства и т. п.

Правительство в мае 1848 г. было вынуждено разрешить преподавание на украинском языке в народных школах, в августе 1848 г. объявить о введении преподавания украинского языка факультативно в гимназиях, а в декабре 1848 г. и в январе 1849 г. ввести украинский язык в гимназиях в качестве обязательного предмета. 13 сентября 1848 г. был издан патент об открытии кафедры украинского языка во Львовском университете. Профессором открытой в начале 1849 г. кафедры стал Я. Ф. Головацкий.

Крупным событием в истории украинской культуры в Галиции стал первый съезд деятелей науки и культуры («Собор руських ученых») во Львове в октябре 1848 г. На него съехалось 119 человек — писатели, ученые, учителя, журналисты, юристы, студенты, представители низшего духовенства [Возняк, ЗНТШ, т. 110, с. 163—182]. Были это главным образом единомышленники и последователи бывшей «Руськой троицы». Представители высшего духовенства на съезде оказались изолированными.

На съезде выступили И. Борискевич, писатели Н. Устиянович, Р. Мох, И. Левицкий, И. Гушалевич и др. Их речи, по словам очевидца, «дышали свободой и патриотизмом»^{86а*}. Душой съезда был поэт Н. Устиянович. Он призвал участников к труду на благо веками угнетенного народа, предлагал набираться силы у Шевченко, высоко оценивал заслуги перед ук-

раинской культурой М. Шашкевича и его друзей, подчеркнул роль революционной Вены, завоевавшей демократические свободы для народов Австрийской империи. С энтузиазмом встретил съезд польского поэта-демократа Г. Яблоньского, предсказавшего большое будущее украинскому народу в братской семье славянских народов [736, с. 160]. Головацкий в своем докладе рассмотрел вопрос об этническом и языковом единстве всего украинского народа. На заседании 25 октября была основана Руська матица — культурно-просветительная организация, основной задачей которой должно было стать издание и распространение книг. Городские и сельские общины, интеллигенция, учащиеся стали вносить средства на издание книг^{87*}. Первый съезд деятелей науки и культуры способствовал сплочению сил немногочисленной тогда украинской интеллигенции, росту ее патриотических настроений.

Оживление общественной жизни вызвало подъем литературного творчества последователей Руськой троицы Н. Устияновича и А. Могильницкого. Устиянович в это время опубликовал свои лучшие произведения в прозе, в которых с любовью изобразил жизнь крестьян, борьбу народных мстителей — опришков, воспел природу Карпат. Стихотворения Устияновича, написанные в те годы, проникнуты высоким гражданским чувством. Некоторые из них стали народными песнями. Революция оказала влияние на творчество А. Могильницкого. Он написал песню-призыв «Пробудись, соловей», балладу «Русин-воин», послание «Ученым членам Руськой матицы» и др., в которых звучали любовь к родному краю и призыв к труду на благо народа.

В условиях революции произошли сдвиги в издательской деятельности. Усиление интереса к украинской и русской литературе вызвало попытки переиздания лучших их образцов. В 1849 г. И. Борисикевич издал повесть «Маруся» Г. Квитки-Основьяненко. П. Головацкий перевел на украинский язык «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя (издано в 1850 г.). Значительную роль в оживлении литературной жизни играли первые украинские газеты «Зоря Галицька», «Галицко-руський вестник», «Новини» и «Пчела». Некоторые газеты помещали информацию об общественной жизни Украины, в частности о Кирилло-Мефодиевском братстве. Известия об участии Т. Шевченко в антиправительственной организации, его борьбе поэтическим словом за свободу, способствовали росту популярности поэта в глазах галицийской прогрессивной интеллигенции [Ф. І. Стеблій, 158].

В условиях революции в Восточной Галиции развернулось значительное театральное-любительское движение. Первые шаги украинского галицийского театра были связаны с использованием драматургии Приднепровской Украины. В Коломые был поставлен первый в Галиции публичный украинский спектакль «Наталка Полтавка» И. Котляревского. В этом же году возник

украинский театр в Пешемысле. Украинские театральные постановки в 1848—1849 гг. состоялись во Львове, Самборе, Стрые и многих селах.

Значительными событиями были также открытие в 1848 г. в Коломые первой в Галиции украинской читальни и основание в 1849 г. Народного дома во Львове, который стал на некоторое время центром культурной и научной жизни украинского населения Восточной Галиции.

Сигналом к переходу контрреволюции в наступление в Галиции стали известия об успехах Виндишгреца в осаде революционной Вены. Командующий войсками во Львове генерал Гаммерштейн действовал по оправдавшему себя пражскому и краковскому образцу. 1 ноября был спровоцирован конфликт с национальной гвардией и гарнизон выступил в центр города. Ответом стало стихийное восстание, город покрылся баррикадами. Их воздвигал, как свидетельствовали офицеры национальной гвардии, пролетариат [1147, т. 2, с. 205—249] — грузчики, дворники, ремесленники, подмастерья, «оборванные, подозрительные люди».

По приказу командира национальной гвардии Выбрановского, только что получившего чин генерала, гвардейцы разрушали баррикады и брали под охрану оружейные магазины. Выбрановский добился от Гаммерштейна обещания не открывать огня при условии, что к 6 часам утра баррикады будут разобраны и национальная гвардия разойдется. Но когда на рассвете национальные гвардейцы начали проходить через оцепивший центр города солдатский кордон, они подверглись избиению. Гвардейцы отступили к ратуше и ударили в набат. Вновь началось возведение баррикад. На этот раз к городским низам примкнули студенты и часть гвардейцев. Но большинство национальных гвардейцев разбежалось или продолжало хранить нейтралитет. На одной из баррикад на Армянской улице и на здании ратуши были водружены знамена.

Во Львовском вооруженном восстании 1—2 ноября 1848 г. наряду с поляками принимали участие украинские ремесленники и студенты. Портняжный подмастерье украинец И. Крипякевич руководил разгромом оружейных и скобяных магазинов и захватом оружия [Stebelski, 1909]. Немало слушателей греко-католической семинарии было участниками баррикадных боев, за что впоследствии они были исключены из семинарии [295, с. ССXXXII].

В 10 часов утра артиллерия открыла огонь по городу. Два с половиной часа город подвергался обстрелу. От пожаров пострадали ратуша, университет, театр, техническая академия. Число жертв даже по официальным данным превосходило сотню [855, с. 432—436].

В то время как беднота Львова — поляки, украинцы, евреи — вела героический неравный бой, руководство националь-

ной гвардии и магистрат выпрашивали у Гаммерштейна капитуляцию. По ее условиям Академический легион распускался, национальная гвардия подлежала «чистке», эмигранты должны были покинуть Галицию. Но на следующий день (3 ноября) Гаммерштейн уже после соглашения о капитуляции объявил Львов на осадном положении. Национальная гвардия была распущена, все общественные организации, в том числе Рада народа, запрещены, газеты закрыты. 10 января 1849 г. осадное положение было распространено на всю Галицию.

Львовское восстание 1—2 ноября, так же как и Краковское восстание 25—26 апреля, было стихийным выступлением народных масс. Их героические действия, ставшие наиболее яркими страницами революционной борьбы в Галиции в 1848 г., вскрыли предательство либеральной буржуазии, слабость буржуазных демократов и их неумение организовать борьбу.

Но массы правильно определяли главного врага, против которого надо вести борьбу. Поднимаясь на восстание, они были далеки от господствовавшего среди имущих классов национализма. Участие украинских ремесленников и студентов во львовском восстании явилось одним из примеров украинско-польского революционного сотрудничества.

Генерал Гаммерштейн удостоился благодарности за расправу над восставшими не только от своего командования. Крупная львовская буржуазия поднесла ему благодарственный адрес.

В условиях наступления реакции прогрессивные деятели вынуждены были умолкнуть, а буржуазные и клерикальные круги, ориентировавшиеся на Габсбургов, укрепили свои позиции. Часть чиновничье-клерикальных кругов, принимавших участие в движении, признавая принадлежность галицийских украинцев к украинской нации, теперь отошли от него. Руководство Радой полностью оказалось в руках реакционного духовенства. Оно делало верноподданнические заявления, приветствовало подавление польского и итальянского революционных движений и даже занялось формированием батальона для борьбы против Венгрии. Однако в 1851 г. Рада была распущена.

Центральное место в событиях 1848—1849 гг. в Буковине заняло крестьянское движение. Весной и летом 1848 г. волнениями был охвачен весь край. Крестьяне отказывались выполнять повинности, возвращали себе пахотные земли, пастбища и леса, захваченные помещиками. Во многие села были направлены военные отряды [Ципко, 1956]. Правительство было вынуждено 9 августа объявить о распространении на Буковину действия апрельского указа об отмене барщины в Галиции [315, т. 19, с. 728].

Но потеряв сервитутные права, крестьянство продолжало борьбу за леса, луга и пастбища. Важную роль в движении играли крестьяне — депутаты рейхстага. Будучи свидетелями ок-

тябрьского восстания в Вене, они после возвращения в родные места стали организаторами крестьянства. Особенно отличился в этом отношении Лукиан Кобылица. 16 ноября в Вижнице он призвал собравшихся 2600 крестьян не подчиняться помещикам, избрать новую общинную управу (старшину), которая бы не выслуживалась перед помещиками, провозгласил леса и горные пастбища собственностью крестьян. Его призыв послужил сигналом к восстанию, охватившему горные села Вижницкого и Сторожинецкого округов. Отряды крестьян взяли под контроль горные дороги. На их сторону перешел отряд правительственных горных стрелков.

Усилия карателей долго не приносили успеха. Эта упорная борьба привлекла внимание Ф. Энгельса, который писал в «Новой Рейнской газете»: «Здесь, в этом самом отдаленном уголке [...] монархии, между крестьянами и дворянством начинается борьба, которую повсюду в Австрии должно вызвать проведение октроированных законов о выкупе. Кобылица *открыто присоединяется к мадьярам*»⁵. Лишь в конце мая 1849 г. власти подавили восстание [330, с. 183].

Половинчатая аграрная реформа и саботирование ее дворянством вызвали возмущение крестьян Закарпатья. Летом 1848 г. во многих селах они отказывались от выполнения повинностей в пользу помещиков [336, с. 249—250]. Крестьяне заявляли помещикам: «Знаете ли вы, что произошло в Польше (имелись в виду события в Галиции в 1846 г.— *Ред.*)? Там всех панов перебили и тут надо так сделать» [Мельникова, 1948].

Венгерское правительство ввело в Закарпатье чрезвычайные суды. Тем не менее осенью 1848 г. в верховинских селах ряда комитатов крестьяне вышли из-под контроля властей — не обрабатывали барщину, не платили налогов, уклонялись от мобилизации в армию. Весной 1849 г. крестьянскими волнениями была охвачена вся Верховина. Вооруженные косами и вилами крестьяне совершали набеги на помещичьи усадьбы.

Подавив революцию, австрийские власти учинили расправу над участниками крестьянского движения в Закарпатье. Многие из них были брошены в тюрьмы. Крестьян принудили возместить помещикам понесенные ими в период революции убытки.

Во время революции впервые в сфере общественно-политической борьбы в Северной Буковине оказался национальный вопрос. В Черновцах была создана руськая рада — филиал львовской Головной руськой рады^{88*}, однако она не проявила заметной активности. Политическая позиция украинского крестьянства нашла свое выражение в борьбе против планов отделения Буковины от Галиции и превращения ее в особый ко-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 351.

ронный край, вынашивавшихся местными помещиками и духовенством. В многочисленных петициях, заявлениях в рейхстаг, на собраниях представителей общин крестьяне Северной Буковины решительно высказались против этих планов, продемонстрировав свое стремление к единству украинских земель [263, с. 212—213; 330, с. 194—198]. Однако конституцией 4 марта 1849 г. Буковина была провозглашена коронным краем. Местная власть была передана в руки румынских бояр.

Революция способствовала возникновению украинского национально-освободительного движения в Закарпатье. В начале событий большинство украинской буржуазной интеллигенции и униатского духовенства этого края поддерживало венгерскую революцию. Однако все более очевидным становилось нежелание венгерского либерального дворянства считаться с национальными интересами украинского населения и часть интеллигенции и духовенства выступила с рядом требований, направленных на объединение Закарпатья с Восточной Галицией. В январе 1849 г. делегация, возглавляемая А. И. Добрянским, вручила императору петицию об объединении Восточной Галиции и Закарпатья [249, т. 1, с. 444]. 20 апреля с такой же петицией выступила Головна руська рада. 6 апреля писатель А. В. Духнович в статье «Положение русинов в Венгрии» (в «Зоре Галицкой»), ссылаясь на исторический факт пребывания Закарпатья в составе Древнерусского государства, доказывал, что лишь объединение с Восточной Галицией удовлетворит национальные требования закарпатских украинцев^{89*}.

Наместник Галиции А. Голуховский 9 мая 1849 г. писал в Вену, что в этих требованиях «пробивается стремление к объединению с родственными народами, и если бы это было удовлетворено и русины вследствие своего национального развития... окрепли бы, то если не теперешнее, то будущее поколение обратилось бы к родственным народам, живущим под скипетром российским, с целью создания единого сильного государственно-го организма... Короче говоря, могла бы возникнуть такая же борьба за Русь, какая... с железной последовательностью ведется за возрождение свободной и независимой Польши» [764, с. 149—150]. Чиновник австрийского министерства по этому поводу заявил, что «желаемому воссоединению австрийской Руси противостоят важные интересы государства» [128, с. 143].

Австрийское правительство согласилось только на выделение украинских районов Венгрии в отдельный Ужгородский округ, на открытие нескольких народных школ с украинским языком обучения и введение преподавания некоторых предметов на украинском языке в гимназиях. Однако впоследствии и эти мизерные уступки были отменены.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ
И ИХ ПРОГРАММЫ
(типологический анализ)

1. Вводные замечания

Основные факторы, определяющие содержание и политическую направленность тех или иных идей и программ, всегда находились в социально-экономической сфере, они связаны с классовой структурой общества. Но следует учитывать, что в рассматриваемый период социальная структура народов региона имела переходный характер, а элементы капиталистического строя развивались в разных частях государства далеко не одинаковыми темпами. Это обстоятельство вместе с исторически унаследованными различиями в социальной структуре и ситуации отдельных народов обусловило весьма существенные несовпадения в позициях аналогичных социальных слоев различных народов. Поэтому целесообразно группировать материал не по сословиям и классам, а по основным идейно-политическим течениям, объединявшим в одних условиях одни, а в других иные социальные силы.

На протяжении 1848—1849 гг. в общественно-политической борьбе, которая разворачивалась в Австрийской империи, существовали два основных течения. Первое — революционное, ибо его представителей, несмотря на несовпадение дальнейших социально-политических целей, объединяло стремление к насильственной ликвидации габсбургской империи, борьба за образование из ее обломков независимых конституционных государств. Эта тенденция, как главная, была характерна для итальянского, венгерского и польского освободительных движений.

Второе течение — реформистское. Различные реформистские концепции как главные были свойственны общественным движениям всех славянских народов империи (кроме польского), а также румынского. Важнейшей объединяющей чертой их являлось стремление к сохранению австрийского государства. Решение национального вопроса представители реформистского направления рассчитывали осуществить путем либеральных реформ — перестройки монархии в сотрудничестве с правящей династией на началах конституционности и национального равноправия.

Обе указанные тенденции формировались и существовали уже в дореволюционный период, а в 1848—1849 гг. выявились в полной мере.

В 1848 г. созрели исторические условия для широкой борьбы ряда народов за независимость. Что касается либерально-реформистской концепции, то она оказалась несостоятельной, иллюзорной и сыграла контрреволюционную роль.

Классовая сущность политических течений тех лет в первую очередь определялась отношением к коренным проблемам ликвидации феодального строя и создания условий для буржуазного развития, прежде всего подходом к решению аграрно-крестьянского вопроса. Позиция либералов разных наций по аграрной проблеме складывалась под воздействием экономических потребностей помещиков, буржуазии или мелкой буржуазии, интересов национального движения, но главное, в результате напора крестьянских масс. Эти факторы диктовали неизбежность освобождения крестьян. После первых успехов революции, когда обнаружилась ограниченность аграрных преобразований, коренным вопросом классовой борьбы между крестьянством и помещиками стала проблема уничтожения всех остатков феодализма, обеспечения безземельных земель и расширения собственности бывших урбариальных крестьян.

В 1848 г. при всех различиях в способе освобождения крестьян в Венгрии и Австрии повсеместно перевес был явно за сторонниками вознаграждения помещиков за ликвидируемые повинности. В одних случаях позиция либералов определялась интересами представленных ими социальных слоев. Так, для венгерских, польских и хорватских либералов на первом плане находились интересы дворянства. Выступление чешских, словенских, сербских либералов за выкуп было результатом политической ориентации на союз с национальными (духовенство, землевладельческая городская верхушка) или инациональными (дворянство) феодальными и полуфеодальными силами. Для словацких мелкобуржуазных лидеров вознаграждение помещиков не имело ни социального, ни политического значения, поскольку речь шла о возмещении венгерского дворянства. Тем не менее они отдавали дань принципу «собственности» и не возражали против государственного выкупа.

Ориентация на вооруженную борьбу с Венгрией, необходимость привлечения на свою сторону волновавшихся крестьян побудили румынских и в некоторой мере хорватских и словацких деятелей пойти на большие уступки крестьянам, чем это сделало венгерское дворянство в марте 1848 г. Ряд украинских депутатов голосовали в рейхстаге против выкупа также потому, что речь шла о возмещении польским помещикам.

Насколько значительным было влияние интересов помещиков на либералов показывают различия в аграрных требованиях хорватских либералов для «гражданской» части Хорватии и Военной границы. Программа преобразований на Военной границе, где не было помещиков, по планам венгерских и хорватских либералов соответствовала требованиям граничар и

предполагала основательную реорганизацию аграрного строя путем отмены всех повинностей граничар и передачи в их распоряжение лесов и пастбищ.

В социальном вопросе позиция славянских либералов по классовому содержанию была однотипной с позицией большей части австронемецкой буржуазии или венгерского либерального дворянства. В способе его решения в наиболее четкой форме выявились общие интересы имущих классов, как национально-революционных, так и реформистских. Однако преобразовательная деятельность венгерского дворянства обеспечивалась революционной борьбой против габсбургской власти. Выступления же славянских (и румынских) либералов с социальными лозунгами сочетались с тенденцией к сотрудничеству с двором, что в конечном счете поставило их осуществление в зависимость от политики габсбургской контрреволюции.

Аграрный вопрос был жизненно важным для всех народов, но особенно остро стоял в восточной части государства, т. е. в Галиции и землях венгерской короны. От его решения зависели темпы буржуазного развития, интенсивность процесса складывания наций, действительное национальное освобождение. Аграрные программы либералов свидетельствовали о том, что социальные силы, возглавлявшие тогда буржуазное развитие, были неспособны обеспечить последовательное разрешение назревших противоречий и повести народы по пути широкого социального и национального прогресса.

Среди общественных движений угнетенных наций в Австрийской империи идейно наиболее дифференцированным было польское. Кроме консервативного и либерального, в нем имелось буржуазно-демократическое и революционно-демократическое течения, хотя последнее было крайне ослаблено поражением в 1846 г. Отчасти политические лагеря были обособлены друг от друга также и организационно. Структура польского освободительного движения в Галиции находилась в прямой связи с классовой борьбой крестьянства, с высоким уровнем освободительного движения поляков на других территориях, с идейно-политической дифференцированностью польской эмиграции и зрелостью ее демократического крыла.

В 1848 г. радикальные, буржуазно-демократические направления проявили себя у мадьяр, чехов, хорватов и украинцев. Но воззрения демократов часто не составляли цельную систему и проявлялись лишь в отдельных областях (либо аграрной, либо политической), не отделяясь от либерализма в других. Повсеместно радикальные, буржуазно-демократические направления складывались под воздействием антифеодальной борьбы масс.

Особое явление представляли собой выступления польских, а также украинских крестьян Галиции и Буковины в рейхстаге. Это были не просто бунтари, вожаки возмущенного крестьянства, их деятельность носила общественно-политический характер.

Капушак и его соратники проявили в рейхстаге понимание аграрной проблемы и боролись за ее последовательное решение, отвечавшее степени зрелости крестьянского движения в тот период.

Даже при наличии сильных антифеодальных крестьянских выступлений формирование радикальных, демократических течений у ряда народов затруднялось экономической отсталостью, слабостью общественных движений. В этих условиях мощные революционные потоки, захватившие Австрию и Венгрию, увлекали за собой отдельных, демократически настроенных лиц других национальностей. Так было с А. Фюстером, словенцем, ставшим одним из руководителей венской демократии, с украинцами — участниками польского демократического подполья в Галиции, с прогрессивно настроенными хорватами, сербами, румынами, немцами и др., оказавшимися в лагере мадьяр.

Польская революционная демократия выражала чаяния трудового крестьянства, плебейских элементов города и деревни. Венгерская — была по преимуществу связана с городскими массами. Но и в тех случаях, когда радикальная, демократическая интеллигенция ориентировалась в основном на городскую мелкую буржуазию (в Хорватии) или на мелкую шляхту и мещанство (Галиция), она, в силу своего разночинного происхождения и близости положения представляемых ею социальных групп к широким слоям населения, в какой-то мере отражала настроения крестьянства.

Наибольшую зрелость в понимании коренных вопросов общественного развития проявляла польская революционная демократия, хотя в 1848 г. она еще не полностью оправилась от потерь, понесенных за два года до этого. Польские демократы осознавали необходимость соединения задач социального и национального освобождения. «Заслуга поляков состоит в том, — писал Ф. Энгельс в 1848 г., — что они первые признали и провозгласили аграрную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций...»¹

2. Революционные концепции ликвидации абсолютизма. Борьба за независимость

Как уже отмечалось, за революционную цель — разрушение габсбургской монархии — боролись итальянцы, поляки и венгры, т. е. нации, имевшие собственный дворянский (и развитой буржуазный — в Италии) господствующий класс, нации с «полной» социальной структурой, обладавшие либо собственной государственностью (ее элементами), либо живой государственно-политической традицией. Обобщая их опыт, наряду с борьбой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 381.

немцев за объединение Германии, Ф. Энгельс в 1882 г. писал: «Одной из действительных задач революции 1848 г. (а *действительные*, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции) было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы, поскольку они [...] созрели для независимости»². Далее Энгельс перечислил нации Средней Европы, «созревшие» для независимости к 1848 г., — Италия, Венгрия, Германия, Польша (из них в послереволюционный период лишь Польша осталась раздробленной).

Как было показано, в аграрно-крестьянском вопросе общественно-политическая позиция имущих классов, которые независимо от национальности были чужды коренным социальным интересам миллионных масс трудящихся, проявилась в «чистом» виде. Однако политическая роль имущих классов той или иной нации в годы революции вообще определялась не только этим, но глубиной противоречий между ними и правящими кругами австрийской монархии, интересами, силой и организованностью данного национального имущего класса, его традициями и др. На штурм твердынь феодализма и австрийского абсолютизма шли городские и сельские массы, революция развивалась в зависимости от степени их активности и сознательности, но в конечном счете в провинциях и странах Австрийской империи ввиду половинчатости революции и ее поражений ведущее положение заняли имущие классы и судьба движения оказалась в их руках (исключение на отдельных этапах революции составила столица империи Вена и ряд итальянских городов).

В формулировке В. И. Ленина о прогрессивности буржуазии (как общей черте эпохи) говорится, что буржуазию представляли «разные слои *имущих* товаропроизводителей»³. Как уже отмечалось, в силу закономерностей развития стран «к Востоку от Эльбы», в период перехода от феодализма к капитализму особую роль здесь играло обуржуазившееся дворянство. В ряде случаев, особенно в Венгрии и в Польше, этот слой объективно выражал тенденции капиталистического развития.

В итальянских, венгерских и польских условиях имущие классы, будучи носителями революционной национально-политической тенденции и выступая против габсбургского абсолютизма, в определенных пределах выражали общенациональные интересы. Но находясь во главе общественно-политических движений, они ограничивали социальные цели последних. Поэто-

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 219—220. Об осуществлении в послереволюционный период иным, неревлюционным путем «национальных» целей 1848 г. писал К. Маркс, также называя Венгрию, Италию и Германию (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 26).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

му непосредственные классовые интересы трудящихся получили в программах движений неполное, неудовлетворительное отражение. В то же время революционная борьба против габсбургского гнета свидетельствует о том, что течения либеральные (в социальной сфере), т. е. стремившиеся решить важные социально-политические проблемы неревOLUTIONными методами и в интересах имущих классов (аграрный вопрос, внутриполитические проблемы), до поры до времени были способны по-революционному бороться за свободу, прежде всего национальную свободу, вовлекая в борьбу массы и тем самым выходя за узкие рамки либерализма.

Итало-австрийская война оказала большое воздействие на ход событий. Однако наиболее серьезные удары контрреволюции нанесло венгерское движение. Ввиду мощи венгерского дворянского класса его острые противоречия с габсбургской властью оказались весьма существенными для судьбы революции в Австрийской империи. Обуржуазивающееся среднее и мелкое дворянство повело за собой другие, чисто буржуазные торгово-промышленные слои, а также ремесленников. Венгерское дворянство стремилось к созданию независимого национального государства, в максимальной мере отвечающего его классовым интересам. В этом причина всех противоречий венгерской буржуазной революции 1848—1849 гг. (Аналогично этому — классовые противоречия итальянского общества явились причиной внутренних коллизий итальянской революции.)

К венгерской революции, по своему социальному содержанию — буржуазной, как и к итальянской революции, приложима характеристика революции национальной, переросшей в национальную войну. Указанные формулировки применимы для характеристики революционной борьбы угнетенных наций против феодализма и его остатков, за создание объединенных и полностью суверенных государств, за защиту отечества против иноземного порабощения⁴. В. И. Ленин указывал на типичность национальных войн для эпохи буржуазно-демократических движений в Европе (примерно 1789—1871 гг.)⁵. В частности, он отмечал, что в 1848—1849 гг. в Венгрии имело место «национально-освободительное и революционно-демократическое восстание»⁶.

Характерной чертой половинчатых, непоследовательных революций 1848—1849 гг. в Центральной Европе было то, что реакции удавалось сохранить значительные позиции. Так было

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 365; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 28, 215. В. И. Ленин писал: «Что такое «национальное» восстание? Восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 115).

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 215.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 38.

в Германии и в Австрии, где главная опора контрреволюции, армия, осталась в руках верных абсолютистским традициям генералов и в основном не была затронута революционным движением (лишь октябрьское восстание в Вене вызвало частичное разложение старой армии). В Австрии серьезное сопротивление силам абсолютизма оказала только венская демократия. В этой обстановке сильнейшим союзником демократической революции в Европе и в особенности в Австрийской империи, более того, важнейшей составной частью этой революции, стало национально-освободительное движение, буржуазное по своему содержанию. Именно оно оказалось в состоянии нанести наиболее тяжелые поражения императорской контрреволюции (Венгрия), либо смогло на длительный срок отвлечь от борьбы против австрийской демократии и Венгрии значительные вооруженные силы Габсбургов (Италия).

Свою исключительную роль венгерская революция сыграла несмотря на то, что ее руководящей силой было либеральное (по социальным принципам) дворянство. Уже провозглашение самостоятельной во всех внутривнутриполитических вопросах конституционной Венгрии в марте 1848 г. явилось сокрушительным ударом по абсолютизму в габсбургском государстве. При всей важности вопроса о том, насколько последовательно революция в Венгрии могла решать стоявшие перед ней социальные задачи, важнейшим обстоятельством для характеристики ее исторического значения явилась именно способность венгерского дворянства к решительной и самоотверженной борьбе против габсбургской реакции. С осени 1848 г. Венгрия стала центром революционного движения в Европе. В 1849 г., как отмечал Ф. Энгельс, борьба венгров оказывала влияние не только на обстановку в Германии, но и на Францию и Англию⁷.

Оценивая историческое значение венгерской революции, представляется возможным воспользоваться тем методом, которым пользовался В. И. Ленин для оценки польского «шляхетского» движения, развертывавшегося до последней четверти XIX в. Законная ненависть украинского крестьянства к польскому пану, подчеркивал он, не должна препятствовать признанию громадного общероссийского и общеевропейского значения борьбы польских повстанцев против царизма в эпоху, когда в России еще не было широкого революционного движения народных масс⁸. То же можно сказать о борьбе венгерских дворян-революционеров против одного из главных оплотов реакции в Европе в условиях, когда массовые движения в большинстве провинций Австрийской империи были слабыми, а революция 1848 г. в целом была половинчатой. Но кроме дворянского руководства, революции в Венгрии были присущи

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 559.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

широкое участие радикально-демократических (разночинных) кругов и массовые выступления трудящихся, в самые драматические моменты определявшие развитие событий. Имея в виду, в частности, венгерскую революцию, В. И. Ленин в 1908 г. писал: «Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, а не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни»⁹.

Политические позиции отдельных течений и объективное значение различных событий следует оценивать не отвлеченно, а исходя из конкретных обстоятельств 1848—1849 гг. в Австрийской империи. Так, например, взаимодействие национальных движений в Венгерском королевстве с крестьянским антифеодальным движением иногда приводило к углублению социальных требований данного движения и венгерской революции. Однако условия были таковы, что в «алгебру революции» это взаимодействие нередко входило со знаком «минус», поскольку крестьянские выступления реакционные силы использовали для борьбы против венгерской революции. Такова была диалектика событий, и ее необходимо учитывать, не забывая, разумеется, и отмечавшихся выше националистических черт в политике венгерской революционной власти, обусловленных классовыми интересами мадьярского дворянства.

То обстоятельство, что во главе венгерской революции находилось национальное дворянство, сумевшее благодаря своему политическому опыту быстро организовать самостоятельную государственность, предопределило, с одной стороны, успешный ход национально-освободительной войны, с другой — классово ограниченный характер некоторых важных аспектов политики венгерского правительства. До середины 1848 г. оно проявляло готовность к сотрудничеству с династией и вместе с тем пыталось оказывать давление на политику австрийского монарха как конституционного короля Венгрии. Кабинет Баттяни соглашался помочь династии вести войну в Италии при условии помощи со стороны двора в разгроме сербского национального движения и подчинения Хорватии. В этом проявилась вторая, не основная для Венгрии, тенденция в период революции — стремление установить какой-то *modus vivendi* с австрийской монархией. Эта тенденция сказывалась и позднее, во время освободительной войны, не только в политике некоторых аристократов — врагов венгерской революции, но и в попытках части революционеров восстановить контакты с Габсбургами. Классовая ограниченность венгерского дворянства проявилась и в том, что часть командования венгерских войск, стоявших в октябре 1848 г. на австрийской границе, неподалеку от имперской столицы, не желала помочь восставшей Вене:

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 228.

офицерство ощущало свою отчужденность от венского «простонародья», а венгерские власти колебались и все еще надеялись избежать окончательного разрыва с Габсбургами [2, с. 184—201].

Классовые интересы либерального дворянства определяли политику Венгрии в национальном вопросе. В невенгерских народах королевства — словаках, сербах, украинцах, румынах — дворянство видело прежде всего массу крестьян — своего социального противника и применяло к ним те же репрессивные средства, что и к мадьярским крестьянам. Даже с тактической точки зрения национальная политика венгерских властей в подавляющем большинстве случаев была ошибочной, т. е. прямолинейно националистической, отражающей интересы помещиков и буржуазии. По существу руководство венгерской революции относилось к крестьянским и национальным движениям в невенгерских областях королевства как к своей Вандее, — как к антигосударственным и контрреволюционным, не видя, по крайней мере до лета 1849 г., иного способа урегулирования отношений с ними, кроме подавления вооруженной силой.

Половинчатость революции 1848—1849 гг., ограниченность решения ею социальных и политических проблем в Германии, Австрии, Венгрии — именно это в первую очередь обусловило остроту национальных противоречий в годы революции. Но мужественная борьба венгерских и австрийских революционеров, вопреки их ограниченности, вопреки национальным противоречиям, привлекла к ним симпатии наиболее убежденных противников абсолютистской реакции, представителей других народов. В венгерской армии сражались представители всех народов королевства — не только тысячи словаков и украинцев, но и немало сербов и румын. Из других народов империи наибольшее участие в венгерской революции приняли поляки и немцы.

Ф. Энгельс отмечал, что «в современных польских восстаниях [...] движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами», условием чего был отказ дворян от всех привилегий¹⁰. Как и в польских восстаниях, в венгерской революции 1848—1849 гг. для успеха был необходим союз всех национальных революционных сил, революционный общенациональный фронт, прежде всего сотрудничество дворян с крестьянами в войне против Габсбургов. В результате мартовских законов определенная степень национального сплочения была достигнута, но действительно широко удовлетворить интересы миллионов крестьян новая власть была неспособна. Ограниченность социальной политики революции, определявшаяся классовым интересом дворян (прежде всего — отказ наде-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 395.

лить землей неурбанизованных крестьян), привела к спаду энтузиазма широчайших масс, проявившегося в начале революции, и способствовала обострению национальных противоречий. Тем не менее соотношение сил в империи было таким, что венгерской революции весной 1849 г. удалось изгнать императорские войска почти со всей территории страны.

Осуществление революционной программы, вопреки своекорыстной позиции дворянства, было неизбежно связано с обращением революционных деятелей и властей к массам народа, с активизацией радикально-демократических кругов и выдвижением на первый план наиболее энергичных и решительных людей, оно делало необходимым разрыв с консервативными и соглашательскими элементами, борьбу против этой внутренней опоры контрреволюции. В ходе венгерской революции открыто прогабсбургские феодально-аристократические круги были изолированы, заслужив клеймо национальных предателей. Таким образом, борьба за революционную цель способствовала прогрессивному процессу размежевания сил в политической жизни Венгрии.

Сложнее развивались взаимоотношения политических группировок внутри революционного блока.

Задача сплочения союза разных социально-политических сил нации для революционной борьбы побуждала многих радикальных буржуазно-демократических деятелей, считаясь с позицией иных группировок, искать с ними компромисса. При этом на первый план выходили интересы более сильной стороны. В Венгрии позиции дворянства были столь мощными, что при определении основных направлений практической внутренней политики влияние демократической интеллигенции было небольшим и сказывалось главным образом в радикализации национально-политической линии революции. Преобладал конституционно-монархический принцип. Однако летом 1849 г. возросло влияние республиканцев. Что касается социальных проблем, то лишь озабоченность позицией крестьянских масс заставляла правящие круги делать определенные шаги в их пользу, однако не нарушая при этом кардинальных интересов помещиков, т. е. не преступая рамок дворянского либерализма.

Более отчетливо проблема взаимоотношений между различными политическими течениями выявилась в Италии ввиду того, что здесь городская буржуазная демократия была идейно зрелой, многочисленной, весьма активной и влиятельной. Правящие круги Пьемонта представляли обуржуазившееся дворянство и крупную буржуазию, которые — в отличие от венгерского либерального дворянства — являлись в полном смысле слова господствующими (а не только эксплуататорскими). Располагая государственным аппаратом, они стремились осуществить освобождение и объединение итальянской территории без участия народных масс, без влияния демократии на

будущее устройство государства, т. е. в сущности неревOLUTIONНЫМ путем, посредством межгосударственных союзов и войн против Австрийской империи. Позднее, в 50—60-х годах, Пьемонт пытался осуществлять именно эту политику, которую аналогично политике Бисмарка в деле объединения Германии можно охарактеризовать как «революцию сверху». Однако в 1848—1849 гг. правящие круги Сардинского королевства находились под сильным давлением итальянской демократии, державшей в своих руках инициативу революционной борьбы. Савойскую династию условия революции в Европе заставляли выступать с национальными лозунгами. Но именно эти условия способствовали раскрытию перед массами итальянского народа ограниченности политики правящей в Пьемонте крупной буржуазии. В этой обстановке дискуссии в среде руководителей Венецианской республики относительно политического строя государства были полны драматизма. Под угрозой реставрации австрийского господства часть республиканцев вопреки своим принципам была готова во имя ближайшей и важнейшей общенациональной цели — освобождения и объединения страны — признать принцип конституционной монархии, ибо это было условием получения военной помощи от Сардинского королевства. Лидер республики Д. Манин склонялся к политическим уступкам пьемонтской династии [Невлер, 1976]. Позднее, в 50—60-х годах, аналогичную позицию занял Дж. Гарибальди, до конца жизни остававшийся убежденным республиканцем.

Польская шляхетская демократия, одно из наиболее зрелых демократических направлений того времени, имела ясное сознание конечной цели. Республиканская Польша, воссозданная в итоге революционной борьбы, являлась идеалом польской демократии, хотя в ее среде были расхождения в понимании глубины социальных преобразований, а следовательно, и в степени демократизма польского государства. Небольшая часть деятелей стояла на позициях революционной демократии, некоторые представители которой сочетали лозунг суверенной Польши с идеей широкого объединения славян на демократической основе. Польская демократия в целом стояла на позиции революционного разрушения Австрийской империи. Это определяло общность интересов австронемецких демократов и польских (а также венгерских и итальянских) революционеров. Как отмечалось, польские демократы придерживались принципа общенационального сплочения в борьбе за революционные цели. В условиях, когда либеральные круги практически отошли от дела национальной революции, у польской демократии оказалось недостаточно сил для сколько-нибудь успешных действий.

Опыт всех национально-революционных движений как движений общедемократического характера, в частности, итальянской и венгерской революций 1848—1849 гг., свидетельствует о

том, что наличие разной глубины и прочности временного союза революционных сил нации не устраняло классовой борьбы в рамках этого союза.

В национальных движениях, ориентировавшихся на полное или частичное сохранение территориального комплекса австрийского государства, выделение подлинно революционных течений, их идеологическое и политическое размежевание с реформистскими и консервативными, было связано с большими трудностями, чем в Венгрии или Италии.

Чешские радикальные демократы, как убежденные противники феодальной аристократии и габсбургского абсолютизма, понимавшие необходимость революционной борьбы с ним для перестройки всей системы государства на новой основе, в июне 1848 г. доказали свою верность революции. К. Маркс и Ф. Энгельс называли их одним из отрядов «революционной партии от Неаполя, Праги, Парижа до Милана, Вены и Франкфурта»¹¹. Но после поражения Пражского восстания чешские демократы, политически недостаточно зрелые, наряду с либералами уверовали в то, что их целям послужит армия Елачича, выступавшая под лозунгом «свободы славян». Стремление сохранить целостность территории австрийского многонационального государства (в условиях борьбы венгров и итальянцев за независимость) делало нечеткими границы между революционерами (буржуазной демократией) и реформистами, открывало возможность для контактов между ними, а посредством либералов, сторонников федерализации государства, — для контактов демократии с силами Елачича, верного габсбургскому двору. Подобно тому как демократы в Австрии и Венгрии проявляли националистическую ограниченность в отношении славян, чешская радикальная демократия летом и осенью 1848 г. не поднялась до понимания революционного значения борьбы венгров, итальянцев и австро-немецких демократов за ликвидацию Австрийской империи, до правильной оценки борьбы венских демократов в октябре 1848 г. против «славянина» Елачича, за плечами которого маячила фигура Виндишгреца — злейшего врага как славянской, так и немецкой демократии. Контрреволюция обрушивала свои репрессии, не считаясь с национальностью революционеров, революционные же силы оказались расколотыми по национальностям.

Освобождение чешских демократов от федералистских иллюзий приходило медленно (Začek, 767). Решительный сдвиг произошел в условиях реакционного режима Шварценберга зимой 1848—1849 гг. и особенно после издания конституции в марте 1849 г. Именно тогда стены Праги покрылись надписями: «Да здравствует Кошут!» и развернулась совместная деятельность немецких и чешских революционеров.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 444.

В Трансильвании борьба румынских крестьян против помещиков-мадьяр приняла характер выступлений против венгерской власти, чему усиленно содействовала агитация австрийской агентуры. В этой обстановке Л. Кошут понял необходимость определенных уступок румынскому национальному движению. Весной 1849 г. в Трансильванию был направлен Ион Драгош, румын, депутат венгерского парламента. Он вез предложения Кошута относительно прав румынского языка. Кошут заявлял, что борясь на стороне имперской реакции, румыны окажутся в «печальном рабстве». Хотя Драгош был вскоре убит, румынская демократия (Н. Бэлческу, А. Янку) в крайне трудной ситуации нашла путь к сотрудничеству с венгерской революцией. В июне Бэлческу встретился с Кошутом, в результате чего был подписан «Проект примирения», опубликованный 14 июля 1849 г. Он предусматривал право пользования румынским языком в школах, церкви, администрации комитатов с преобладающим румынским населением, а также амнистию повстанцам и признание равноправия румын при поступлении на государственную службу. Была достигнута договоренность о создании румынского легиона венгерской армии, о применении румынского языка как командного в румынских частях. Наконец, Кошут дал важное обещание расширить действие аграрной реформы на крестьян, не имевших наделы [99].

Хорватские либеральные круги, хотя они не отошли полностью от участия в войне, со временем начали проявлять готовность к разрыву с антивенгерской политикой. В июне 1849 г. в Белграде Д. Кушлан вел переговоры с венгерским представителем Д. Андраши. Кушлан выразил готовность хорватов заключить союз с Венгрией на основе признания равноправия Хорватии и совместной борьбы против Габсбургов. Однако венгерское правительство, недооценивавшее реальную угрозу царской интервенции [348, с. 122, 165], не поддержало венгеро-хорватского сближения [1071, т. 3, с. 789].

Во время пребывания в Париже в мае 1849 г. чешский либерал Ф.-Л. Ригер при содействии А. Чарторыского встретился с представителями венгерского правительства Л. Телеки, Сарвади и Ф. Пульски. Участники переговоров пришли к пониманию необходимости совместной борьбы против габсбургского абсолютизма, за создание большого федеративного государства в составе Чехии, Моравии, Силезии, Венгрии, Хорватии, Дунайских княжеств и Галиции; венгерские представители в принципе согласились с планом предоставить народам королевства местное самоуправление [383, с. 14—17].

Тенденции к соглашению с венгерским правительством проявились среди левого крыла сербского движения уже в октябре 1848 г. В ноябре, накануне австрийского вторжения, Кошут предлагал Раяичичу заключить соглашение, однако патриарх фактически отказался от переговоров, используя вместе с

тем сложившуюся ситуацию для давления на австрийское правительство. Одновременно выяснилась ограниченность венгерских предложений. Весной 1849 г. попытки австрийских военных реставрировать старый порядок привели к ухудшению австро-сербских отношений. Венгры и сербы стремились договориться с помощью парламентариев и в ходе переговоров в Белграде. Сербские либеральные деятели откликнулись на предложение венгерского генерала Перцеля о совместной борьбе против Габсбургов. Но венгерское правительство не одобрило попыток Перцеля договориться с сербами. Оно отказалось признать автономию районов, населенных сербами. В мае—июне 1849 г. переговоры были возобновлены, в них, как отмечалось, участвовал и хорват Д. Кушлан. Сербов Воеводины представлял Дж. Стратимирович, венгров — Дьюла Андраши. Венгерская сторона проявила большую готовность к соглашению, но время было упущено.

Эти попытки соглашения с Венгрией, находящейся в отчаянной схватке с габсбургской контрреволюцией, не имели реальных последствий, но они рисуют созревание революционной тенденции разных национальных движений. «Мы боролись не на той стороне» — признавали позднее прогрессивные славянские и румынские деятели.

Но с самого начала венгерской войны в рядах армии гонимых сражалось много словаков — рабочих-шахтеров и крестьян, румынские крестьяне Баната, украинские крестьяне Закарпатья. Ф. Энгельс отмечал интернациональный состав венгерской революционной армии¹².

Яркой страницей истории революции стало участие поляков в революционной войне венгерского народа. Осенью 1848 г. в венгерской армии было создано несколько подразделений из добровольцев-поляков, прибывших из эмиграции, бежавших из Российской империи и Пруссии. Больше всего среди поляков было жителей Галиции и Цешинской Силезии и перебежчиков из австрийской армии.

Тогда же свои услуги венгерскому правительству предложили опытные польские военачальники, генералы восстания 1830—1831 гг. Г. Дембинский и Ю. Бем. Дембинскому был поручен северный участок фронта, а некоторое время он был главнокомандующим. Бем прибыл в Венгрию с баррикад Вены, где прославился своим военным талантом и отвагой. Венгерское командование поручило ему труднейший участок фронта в Трансильвании. Зимой 1848—1849 гг. Бем добился перелома в ходе войны, проявив себя «первоклассным военачальником»¹³. Не менее важной заслугой Бема была «политика примирения враждующих национальностей», отмеченная Марксом и Эн-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 249.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 136.

гельсом¹⁴ и являвшаяся доказательством возможности создания революционного союза народов.

Венгерское правительство в течение долгого времени отклоняло предложение о создании польского легиона, опасаясь спровоцировать этим вмешательство царской России [950, с. 99]. Тревоги эти не были беспочвенны: именно участие «польских бунтовщиков» было использовано Николаем I в качестве предлога для интервенции. Речь шла, разумеется, лишь о предлоге, но перспектива венгерско-польского революционного союза и распространения революции на польские земли вызвала отнюдь не показное беспокойство царя и его наместника в Королевстве Польском Паскевича. Последнему и было поручено командование царскими войсками, которые в мае 1849 г. вступили в Галицию, а в начале июня были двинуты на подавление венгерской революции.

Весной 1849 г. венгерское правительство склонялось к мысли о переносе революционной войны на территорию Галиции. Тогда и был образован польский легион под командованием участника восстания 1830 г. Ю. Высоцкого. Хотя вступление революционных войск в Галицию не состоялось, в легионе сражалось около 3 тыс. человек. Кроме того, много поляков служило в других частях венгерской армии.

Из Галиции уходили в венгерскую армию и многие украинцы [Кацнельсон, 324]. В. Подолинский пытался в конце 1848 г. вместе с другими демократами перейти в Венгрию, однако был задержан на границе и заключен в тюрьму [Стеблій, 38]. К двухлетнему заключению, а затем четырехлетней солдатской службе был приговорен захваченный при попытке перехода венгерской границы украинец Ю. Куницкий [295, с. СХС]. В составе польского легиона сражались и русские. Сохранилось предписание Дембиньского Высоцкому о направлении в легион лейтенанта П. Васильева [Федорова, 1957]. Польский легион в составе венгерской армии стал символом единения революционных сил.

В период революции получило развитие военное сотрудничество между освободительным движением итальянцев и других народов. Особое место в нем принадлежало полякам. Сотни польских эмигрантов принимали участие в борьбе во многих частях Италии — в Пьемонте, Ломбардии, Венеции, Тоскане, Риме и Сицилии — в качестве бойцов, офицеров и даже генералов (В. Хшановский в Пьемонте и Л. Мерославский в Сицилии) [Morawski, 978].

Ярким эпизодом в истории польско-итальянских связей явилось создание по инициативе А. Мицкевича польского легиона в Италии. 25 марта до Рима дошла прокламация миланского Временного правительства, содержавшая, в частности, призыв

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 137.

к «благородным полякам, братьям по борьбе и надеждам» поспешить на помощь восставшим миланцам, чтобы «сразить общего врага». 29 марта польские эмигранты подписали в Риме декларацию об образовании польского легиона в Италии, а в апреле польские добровольцы направились в Ломбардию. 1 мая отряд вступил в Милан, горячо встреченный горожанами. На торжественной церемонии Мицкевич говорил, что две нации, которых тирания «вычеркнула из книги жизни... взяли за руки и поклялись в возрождении народов». В письме к правительству Ломбардии он сформулировал цели участия поляков в итальянской революции: «Служа Италии, поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить пять миллионов поляков — ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям — Иллирии, Далмации, Хорватии проявить на деле свои национальные устремления» [Rociemski, 368]. Мицкевич допускал, что польский легион сможет стать основой для формирования других славянских легионов из пленных или дезертиров австрийской армии. Эти призывы не встретили отклика у умеренно-либеральных руководителей ломбардского Временного правительства, полагавших главным образом на поддержку пьемонтской армии. Но призывы Мицкевича добиваться перехода на сторону Италии находившихся в составе австрийской армии славян вызвали столь серьезное беспокойство в штабе Радецкого, что австрийцы допускали даже возможность вывода из Ломбардии славянских полков, дабы оградить их от пропаганды.

В письме к командиру польского легиона полковнику Каминьскому Мицкевич призывал его бойцов «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость» и тем самым «быть действительно полезным нашим будущим интересам» [693, с. 82]. Польский легион отличился в боевых действиях против австрийских войск летом 1848 г. После поражения пьемонтской армии и перемирия с Австрией часть легиона перешла в Пьемонт, другие бойцы примкнули к отряду Гарибальди, который продолжал сражаться в Ломбардии. Эти поляки заслужили высокую похвалу Гарибальди [45, с. 161]. Осенью 1848 г. и весной 1849 г. по призыву Мицкевича из Франции в Италию прибыло еще несколько сот польских добровольцев. С апреля 1849 г. польский легион в составе 200 бойцов защищал Римскую республику [Zuchowski, 368]. Несколько польских офицеров приняли участие в 1849 г. в революционных событиях на Сицилии, где генерал Мерославский был тяжело ранен.

В 1848—1849 гг. имело место также сотрудничество между и итальянскими и венгерскими революционерами. Вскоре после мартовских революций в Венгрии и Ломбардо-Венецианской области стали печататься прокламации, предназначенные для

распространения соответственно среди итальянских солдат австрийской армии в Венгрии и в венгерских полках в итальянских владениях Австрии. В венгерских прокламациях говорилось о сочувствии к борьбе итальянцев за независимость. В прокламации от 11 апреля выражалась решимость сделать все, чтобы «сыны свободной Венгрии» не были использованы в роли «наемных убийц свободы». Когда эта прокламация проникла в Италию, ее опубликовали сразу в шести газетах, в Милане она была прочтена военнопленным венграм. В итальянских прокламациях подчеркивалось, что итальянцы питают любовь к «венгерским братьям» и что нужно «сообща возродить нашу свободу».

Итальянские газеты неоднократно сообщали о проявлении венгерскими солдатами и офицерами симпатий к борьбе итальянцев. Это находило выражение в дезертирстве венгров из армии и бегстве их в Венгрию, в переходе на сторону итальянцев, в отказе участвовать в подавлении восстаний. Многие венгерские солдаты во время восстания в Милане 18—23 марта отказывались подчиняться приказам и стрелять в восставших. Факты перехода венгров к итальянцам были отмечены во время боев у Вероны, Пескьеры и Брешии. Такие настроения венгров сыграли роль в развитии революции в Венеции. Когда 18 марта, в начальный момент восстания, солдаты стали стрелять по толпе на площади Св. Марка, лейтенант венгр Л. Винклер убедил солдат прекратить огонь [Pasztor, 368]. Один из руководителей революции Н. Томмазо указал, что события в Венеции могли принять иной оборот, если бы первые стихийные выступления масс были подавлены.

После выхода Пьемонта из войны Венеция продолжала борьбу, и в октябре 1848 г. было решено создать легион из венгров. Главой венгерского легиона был назначен Винклер. Решимость Венеции продолжать борьбу с Австрией побудила Кошута обратиться 20 апреля 1849 г. к главе республики Д. Манину с предложением о сотрудничестве. Вслед за тем венгерский уполномоченный И. Братиш и представитель Венецианской республики Л. Пазини подписали 3 июня 1849 г. союз: оба правительства обязались не заключать мира без взаимного согласия, координировать боевые действия и сформировать в Венеции венгерский легион, включающий всех венгров-военных, находившихся в Италии. Хотя союз не имел практического значения, так как был заключен незадолго до подавления революции, он содействовал укреплению солидарности между венгерскими и итальянскими патриотами.

Во время революции завязались также политические связи между правящими кругами Пьемонта и Венгрией. В. Джоберти, возглавивший в декабре 1848 г. правительство, полагал, что Пьемонт сможет сыграть роль посредника в отношениях между венграми, славянами и немцами, причем первым шагом к

этому должен был стать военный союз с Венгрией. Джоберти официально признал барона Сплени посланником Венгрии, заключил с ним соглашение о создании венгерского отряда и о совместных военных действиях. В январе 1849 г. в Пьемонте был создан венгерский легион, насчитывавший около 400 человек. Джоберти назначил боевого офицера А. Монти посланником Пьемонта при венгерском правительстве. Полученные Монти инструкции предусматривали: признание Пьемонтом Венгрии как самостоятельного государства; заключение военного союза, в частности для проведения военных операций в Хорватии при участии пьемонтского флота; примирение между венграми, славянами и валахами на основе «равенства прав» при условии, что Сардинское королевство выступит как посредник, гарантирующий сохранение за Венгрией иллирийско-далматинского побережья; наконец, образование в Венгрии итальянского корпуса.

А. Монти удалось с трудом проникнуть в Венгрию лишь в мае 1849 г., уже после того, как Пьемонт потерпел окончательное поражение в войне с Австрией. Это сделало беспредметным заключение союза, однако Кошут, которого Монти, вероятно, ознакомил с планами Пьемонта, вскоре предложил, как уже указывалось выше, аналогичный военный союз Венеции, который и был заключен. Несмотря на то что туринское правительство в связи с поражением Пьемонта освободило Монти от порученной ему миссии, последний, заручившись согласием Кошута, к 1 июня 1849 г. сформировал итальянский легион в составе 1200 человек. С начала августа легион почти непрерывно участвовал в боях, проявив стойкость, отмеченную Кошутом в письме на имя Монти. 20 августа легион, в котором оставалось всего 450 человек, сумел прорваться на турецкую территорию (1104).

3. Реформистские национально-политические течения. Австрославизм и федерализм

Элементы реформистской доктрины складывались на протяжении десятилетий. Хотя либеральная общественность большинства славянских наций ориентировалась на решение национального вопроса в рамках Австрийской империи уже до революции, австрославистская доктрина, если говорить не о выдвижении тех или иных национальных требований, а об оформлении программы государственной перестройки всей империи, сложилась в более или менее стройную систему к июню 1848 г.

Принципы австрославизма, изложенные в «Письме во Франкфурт» Палацкого, легли в основу деятельности Славянского съезда в Праге (12—17 июня 1848 г.). В июне же чеш-

ский Национальный комитет и хорватский сабор выступили с проектами нового устройства государства. Июнь 1848 г. был переломным временем в судьбах европейской революции. В развитии общественных движений в Австрийской империи этот месяц стал рубежом размежевания между политическими кругами, выступившими за обновление Австрийской империи, и силами, добивавшимися революционной ломки прогнившего государственного организма, хотя венгерское дворянство еще формально стояло на позиции «законности».

Инициатива в дальнейшем развитии принципов австрославизма исходила в 1848 г. из Праги, которая в первые месяцы революции выполняла роль общеславянского политического центра в империи. Австрославизм отражал заинтересованность наиболее развитой в славянской среде формирующейся чешской буржуазии в сохранении имперского рынка. Наоборот, включение Чехии и Моравии в состав Германии угрожало резким ослаблением позиций чешских предпринимателей и купцов. Эти глубинные источники не в последнюю очередь определяли политическую позицию чешской буржуазии.

Иные экономические мотивы двигали хорватской буржуазией, прежде всего торговой, и частью землевладельцев. Местные торговцы также были заинтересованы в широком имперском рынке, однако как посредники между развитыми областями государства и сельскохозяйственными его окраинами. Идеолог хорватского либерализма Б. Шулек, выступая в июне 1848 г. за сохранение империи, указывал на экономическую целесообразность вхождения Хорватии в состав богатой австрийской федерации⁹⁰. Хорватское дворянство было связано с империей теснейшими узами материального и правового характера.

Словенская буржуазия, торгово-ростовщическая и землевладельческая, при всем различии ситуации в Словении и Хорватии, выступая в поддержку империи, руководствовалась такими же соображениями как и хорватская.

Крайне слабая румынская буржуазия в Трансильвании также еще не мыслила иного пути упрочения своих позиций, кроме сотрудничества с австрийским правительством.

Что касается словацкой и украинской мелкой буржуазии, связанной в основном с торговлей и ремеслом, то их политическая ориентация объяснялась общей слабостью данного социального слоя.

Определенное влияние на складывание стратегической линии руководящих направлений большинства славянских, а также румынского национальных движений оказали политические обстоятельства. Претензии немецкой буржуазии на включение в состав Германской империи чешских и словенских земель, националистическая позиция венгерского дворянства породили у славянской и румынской буржуазии стремление укрепить им-

перую, перестроенную на основе национального равноправия, и обуздать Венгрию путем сплочения заинтересованных в этом сил.

В ориентации на сохранение Австрийского государства сыграло свою роль сознание недостаточности собственных национальных сил для независимого государственного развития. В январе 1849 г. придворный священник хорват И. Штросмайер так определял истоки австрославизма: «Причина того, что мы придерживаемся Австрии... в том, что мы слишком слабы, чтобы одни смогли в чем-либо преуспеть... Мы придерживаемся свободной Австрии, чтобы мы благодаря ей и она благодаря нам стали крепче... Опасность со стороны венгров сделала для нас еще очевиднее потребность союза с Австрией. И затем мы желаем вступить в тесный союз с другими славянскими братьями и таким образом прийти им на помощь против немцев, как они нам — против венгров»⁹¹. Однако австрославистская концепция была порождением не только потребности во взаимной поддержке, но и иллюзий о возможности получить помощь со стороны династии в деле достижения национального равноправия.

Крупным фактором, влиявшим на концепцию сербского национального движения в Австрийской империи, было существование Сербского княжества. Мечты о воссоздании независимого сербского (или Душанова) царства были традиционными для образованных воеводинских сербов. Эта идея имела прежде всего антитурецкую направленность, но сознание былой независимости и национального единства сербов по обе стороны Дуная налагало отпечаток на отношение сербских национальных кругов в Воеводине и к габсбургской монархии, подрывая заинтересованность в ее упрочении. С другой стороны, политика Сербии хотя и предусматривала сближение Воеводины с Хорватией и упрочение позиций южных славян империи при опоре на династию, предполагала несколько этапов в решении сербского и шире — южнославянского — вопроса и была прежде всего нацелена на создание «Великой Сербии» на базе южнославянских земель Балканского полуострова. Поэтому австрославизм сербского либерально-клерикального блока в Воеводине происходил в большей степени не от заинтересованности в сохранении связей Воеводины с империей, а от слабости движения, незрелости условий для создания независимого государства.

Если для руководства чешского, хорватского, словенского и большей части словацкого национальных движений австрославизм был политическим принципом в 1848 г., то колебания польской политики в его сторону не отражали конечных целей поляков. Политика польских умеренных кругов в империи обуславливалась тактическими соображениями. При всем различии социально-политических идеалов разные течения в поль-

ском движении сходились в стремлении к независимости Польши.

В 1848 г. австрославистская концепция выступала в форме федерализма. Требование федеративной перестройки империи составляло ядро программы славянских либералов и следовавших за ними в национально-политической области буржуазных демократов. В этих программах австрийская федерация вырисовывалась как буржуазная парламентская монархия. Либералы являлись противниками абсолютистских порядков и феодализма, однако для них была характерна неспособность, а иногда и нежелание решительно противостоять реакции.

Идеологи австрославизма исходили из представления о якобы численном перевесе славянского населения в империи и рассчитывали на преобладание славян в федеративном государстве. В период октябрьского восстания в Вене хорватские либералы требовали от династии проведения «славянской» политики, обуславливая этим свою поддержку престола [434, т. 1, с. 66]. В ноябре 1848 г. Палацкий вел в Вене переговоры о «славянской Австрии» с Елачичем.

Главное же, что характеризовало либералов-австрославистов, было стремление осуществить перестройку государства реформистским путем в союзе с имперскими монархическими силами, используя успехи революции для давления на династию.

В 1848 г. носителями федералистской концепции выступали в славянских землях как либералы, так и буржуазные демократы. В Хорватии, Словении и Воеводине консервативные помещичьи и клерикальные круги также придерживались федерализма. В условиях революции правые силы часто также были вынуждены временно поддерживать либералов. Федерализм вообще довольно легко уживался с верноподданническими чувствами и социальными интересами помещиков и духовенства. При этом консервативные круги стремились сохранить все, что возможно, от рушившейся феодальной системы.

Различные либеральные деятели, придерживавшиеся австрославистской доктрины, вкладывали в нее далеко не одинаковое конкретное содержание. Когда на славянском съезде Ф. Палацкий выдвинул задачу спасения преобразованной габсбургской монархии, встретив поддержку со стороны умеренных его участников, словак Л. Штур и хорват М. Прица, возражая ему, заявили, что цель съезда состоит не в этом, а в обеспечении политического союза австрийских славян для защиты их собственных интересов [994, с. 248, 317]. Эта поправка однако по существу не меняла объективный смысл австрославистской концепции.

У хорватских буржуазно-дворянских деятелей еще в предреволюционные годы в центре внимания находилась южнославянская проблема. В 1848 г. они связывали с австрийской фе-

дерацией судьбы балканских славян. В ноябре 1848 г. одна из польских газет писала, что создание в составе австрийской федерации «большого южнославянского государства из Хорватии, Далмации, Славонии, Срема, Баната, к которым должны были бы присоединиться Сербия, Босния и турецкие славяне, является с давних пор идеалом южнославянских патриотов». Редакция загребской газеты, перепечатав эту статью, не опровергла ее содержания⁹². Программа Славянского съезда, составленная чехом Ф. Захом, предусматривала присоединение балканских славян — после их освобождения под руководством Сербии от турецкого гнета — к Австрийской монархии как «славянскому союзному государству» [994, с. 223].

Балканский полуостров был населен родственными хорватам народами, которые воспринимались хорватскими национальными идеологами не только в первой половине XIX в., но частично и позднее, как единоплеменная (и даже однонациональная) общность. Это и порождало стремление объединить южных славян внутри австрийской федерации, тем самым еще более усилить численность славян в федерации и укрепить стабильность последней.

Что касается словака Л. Штура, то стремление укрепить связи между славянами Австрийской империи сочеталось у него с идеей общеславянской федерации. Последнее придавало его лояльности к империи неустойчивый характер.

Проекты государственной организации Австрийской империи были разработаны чешскими и хорватскими либералами. В сентябре 1848 г. Ф. Палацкий набросал план федерализации западной половины монархии, исходя из территориально-исторического принципа. Он выделил четыре группы земель (без итальянских провинций): польскую, чешскую, немецкую и иллирийскую. Земли разделялись согласно прежним административным границам на 10 краев, управляемых земскими правительствами [866, с. 59—64]. В январе 1849 г. в рейхстаге чешский политический лидер выдвинул проект общеавстрийской федерации. Ее составные части определялись на основании национального, но частично исторического принципов. Палацкий наметил 8 федеративных единиц: немецкую, чешскую, польскую, иллирийскую (словенскую), итальянскую, южнославянскую (сербо-хорватскую), венгерскую и румынскую [866, с. 79]. Чешские либералы Ригер и Пинкас, высказываясь за федерацию, считали, что она должна состоять только из исторических единиц [677, т. 2, с. 34].

Хорватский проект О. Острожинского был напечатан в конце октября — начале ноября 1848 г. Его поддержало общество «Словения» в Любляне [Šidak, 1960a]. Отвергая историческое право как основу федерации, Острожинский называл следующие территориальные группы: немецкую, чехословацкую, венгерскую, южнославянскую, польско-украинскую, румынскую и

итальянскую. Меньшинствам также обеспечивалась территориальная автономия. По Острожинскому, обновленная Австрийская империя могла стать центром широкой средневропейской конфедерации [346, с. 6—19].

Чешские и хорватские федералисты высказались за сохранение общеимперских министерств обороны, иностранных дел, финансов и торговли. Это получило выражение в июне 1848 г. в решениях чешского Национального комитета и хорватского сабора.

Революция внесла коррективы в теоретические основы чешского и хорватского национальных движений. Государственно-исторический принцип, являвшийся теоретическим оружием чешского и хорватского либерализма в предреволюционные годы, в обстановке революции сочетался с буржуазным «естественным правом».

Чешский и хорватский проекты федерации объединяла идея сохранения империи в ее исторических границах. Но Палацкий (и тем более другие чешские либералы) в большей мере, чем Острожинский, отдавал дань историческому принципу. Хорватские либералы стремились к созданию югославянской политической единицы путем разрушения политического комплекса Венгерского королевства. Это требовало принятия национального принципа. Что касается чешских либералов, то перед ними стояла сложнейшая проблема судеб немецкого населения в чешских землях. Исторический принцип позволял уйти от ее решения. Кроме того, он сохранял свое значение как платформа сотрудничества чешской буржуазии с земским дворянством.

Для австрославистов крупной проблемой была судьба Венгерского королевства. Она особенно задевала интересы тех славян, которые находились под властью Венгрии. В начале революции их деятели не помышляли о разрушении целостности королевства. Решения общественных форумов от марта — мая исходили из принципа его реорганизации путем выделения национальных автономных единиц.

К июню в либеральной среде Хорватии возобладала точка зрения о необходимости ликвидации Венгерского королевства. Чем левее была общая идейно-политическая платформа деятелей, тем тверже они настаивали на этом. Консервативное же дворянство, ориентировавшееся на династию, а также видевшее в лице дворянской Венгрии гарантию выплаты выкупных платежей в связи с освобождением крестьян, не желало разрывать многовековую государственную хорватско-венгерскую традицию.

Причины, определившие изменение позиции хорватских либералов по вопросу о Венгерском королевстве, были многообразны. Существенной была позиция венгерского правительства в отношении хорватов. Дуализм же, фактически установившийся в империи с вынужденным признанием двором самостоятельности Венгрии, не только ставил Хорватию лицом к лицу

с Венгрией, но и делал невозможным политическое объединение южнославянских земель, поскольку Словения оставалась в Австрии. Неопределенным был статус и Далмации. Наконец, сыграли роль уступки, сделанные австрийским конституционным правительством в национальном вопросе для находившейся под его властью части империи. Это порождало иллюзии о преимуществах прямого подчинения Хорватии австрийской власти [1046].

Что касается сербских либералов в Воеводине, то кровопролитный конфликт с Венгрией и тяготение их к союзу с Триединым королевством предполагали идентичную с хорватской стороной позицию.

В отличие от хорватов, которые на Славянском съезде настаивали на отделении югославянских земель от Венгрии, словацкие деятели (М. Годжа, Й.-М. Гурбан) выступали за автономию Словакии в составе Венгрии [905, с. 374—377]. Только к концу 1848 г. они стали отстаивать создание Словакии как особой единицы австрийской федерации [927, т. 3, ч. 1, с. 173].

На Славянском съезде Годжа и Гурбан объясняли свою позицию тактическими соображениями. Действительно, словацкие деятели не хотели раздражать не только венгерское правительство, но и династию. Венгерское министерство считалось «законной властью» и двор официально поддерживал его. Требование отделения Словакии от Венгрии было выдвинуто лишь в период, когда в австрийском правительстве высказывались мнения в пользу раздробления Венгерского королевства. Но, помимо тактических соображений словацких лидеров, вероятно, были и реальные основания, определившие замедленный отход их от исторической традиции Венгерского королевства. Сыграла свою роль слабость словацкого движения. Кроме того, словацкие мелкобуржуазные слои были прочно связаны с венгерским хозяйством. Дворяне же однодворцы связывали с венгерской короной свои привилегии.

Итак, австрославизм представлял собой политическую концепцию, предполагавшую преобразование Австрийской империи в буржуазное многонациональное государство реформистским путем. В условиях феодального строя и национального угнетения такая политическая платформа, при всей ее умеренности, заключала в себе освободительные черты. Прогрессивный характер имел сам лозунг национальной свободы, протест против бесправия одних, привилегий других. Но в годы революции, в обстановке глубочайшего кризиса габсбургского государства, когда усилия ряда народов были направлены на ликвидацию империи, низвержение Габсбургов и прогрессивные преобразования, определяющее значение в либеральной идеологии славянских и румынского национальных движений получила тенденция к компромиссу с монархическими силами. Эта тенденция в огромной степени была усилена тем, что до поры

до времени на австрийской политической авансцене выступали австронемецкие либеральные круги, формально стоявшие у власти и дававшие (подчас устами «конституционного» монарха) широковещательные, но всегда туманные, обещания. Австрославизм добивался удовлетворения короной национальных и конституционно-политических требований славянской буржуазии и дворянства и явился платформой сотрудничества либералов с правящей династией и имперской аристократией перед лицом революционных центробежных сил, конкретной формой соглашательства с реакцией.

Однако сторонниками сохранения территориальной целостности монархии выступали, например, и чешские радикальные демократы, а также некоторые другие деятели (вроде хорвата А.-Т. Брлича), питавшие, нередко под влиянием пропаганды польской эмиграции, глубокое недоверие к габсбургской династии, ее феодально-аристократическому окружению, ее централистским поползновениям, ее опоре — реакционнейшей военщине. Тем не менее пока и поскольку эти настроения не выливались в активные революционные действия (таким было, например, Пражское восстание, глубоко враждебное либеральному австрославизму, хотя повстанцы и не выдвигали лозунга национальной независимости), политическая линия разных славянских движений, направленная на сохранение австрийского государственного комплекса, объективно усиливала абсолютистский лагерь, ибо создавала благоприятные предпосылки для его политического маневрирования.

Стремление австрославистов сохранить единое государство было выгодно монархической партии, заинтересованной в спасении империи, особенно во время подъема антигабсбургских революционных движений.

Австрославизм наложил отпечаток на внутреннюю политику либералов, которая определялась самой социальной сущностью либерализма. Стремление сохранить контакты с династией, расчеты использовать местную аристократию, «национальную» (где она имелась) или «земскую», в качестве опоры для решения главного для них, национального, вопроса, усиливали уступчивость либералов по отношению к старым институтам. В условиях нарастания революции и угрозы распада империи верные слуги режима в свою очередь были вынуждены до определенного времени поддерживать национал-либерализм с его принципом целостности государства.

Все это создавало основу для блокирования либеральных кругов с внутренней реакцией — союзником Габсбургов. Чешские либералы стремились приобщить к «национальному делу» земского президента Чехии, местного аристократа графа Л. Туна, хорватские буржуазно-дворянские деятели искали расположения близкого ко двору графа Ф. Кульмера и т. п. Подобная тактика ввиду реального соотношения сил и политического опы-

та — придворных кругов, с одной стороны, славянских политиков, с другой — вела к подчинению славянских движений интересам контрреволюции.

Федералисты стремились использовать успехи революции для давления на династию. С началом вооруженной борьбы в империи они надеялись на то, что смогут опереться на славянские и румынские воинские формирования и заставить правительство и династию осуществить федералистскую реформу (важнейшей фигурой при этом им представлялся «истинный славянин» И. Елачич, который в действительности всегда оставался верным двору). Освобождение славян и румын от национального гнета было связано с решением социального вопроса, с ликвидацией в самих славянских и румынских землях социальной и политической опоры реакционного режима, т. е. представляло неотъемлемую часть глубоких демократических преобразований, прежде всего освобождения миллионов крестьян от всякого помещичьего угнетения. Это было возможно лишь на пути борьбы против габсбургской реакции, которая являлась главным препятствием на пути прогрессивного развития народов Дунайского региона.

В условиях революции программа австрославизма была реакционной утопией, а ее пропаганда мешала политическому просвещению прогрессивных сил народов.

Настаивая на сохранении империи в ее исторических границах, австрофедералистская концепция была направлена против венгерского и итальянского народов, борющихся за независимость. Она сталкивалась с интересами объединения Германии. Австрослависты и придворная партия опять-таки смякались в необходимости подавления революционных движений, направленных на развал монархии.

Ориентация на сохранение империи вела к сближению буржуазных и консервативных сил каждой нации и затрудняла идейно-политическую поляризацию в славянских и румынских землях. В развивавшихся под австрофедералистским знаменем национальных движениях радикальные направления были менее выраженными, чем в движениях, целью которых были буржуазные преобразования и национальная независимость. Блокирование буржуазных элементов с помещичьими и клерикальными кругами под знаком австрофедерализма усиливало ограниченность политических, а тем более социальных лозунгов борьбы. А это вело к сужению классовой основы национальных движений, что обрекало их на поражение.

В 1848—1849 гг. главные политические тенденции общественных движений в Австрийской империи оказывали воздействие на степень активности масс. Как отмечалось, борьба за независимость предполагала революционный путь решения национального вопроса силой масс. Наоборот, оппортунистическая тактика сдерживала их энергию.

В 1848 г. в Австрийской империи революционная и австро-федералистская (реформистская) национально-политические тенденции противостояли друг другу. Наиболее отчетливо столкновение между ними проявилось в хорватско-венгерском конфликте. Если в начале революции хорватско-венгерские, и в еще большей мере сербо-венгерские и словацко-венгерские, отношения в значительной степени зависели от национальной политики венгерского правительства, то после июня 1848 г., когда позиции двора окрепли и австрийский кабинет активизировал политику заигрывания с национальностями, главным пунктом в хорватско-венгерском конфликте стал вопрос о судьбах империи. Поэтому даже согласие венгерского правительства на отделение Хорватии от Венгрии в августе 1848 г. не могло удовлетворить хорватские политические круги. Накануне вторжения войск Елачица в Венгрию И. Кукулевич-Сакцинский, раскрывая в газетной статье задачи войны, указывал на необходимость отстоять позиции династии (при условии, что «эта по крови немецкая династия признает преобладание славянского элемента в империи»), а также сохранить «целостность монархии», преобразованной на принципах равноправия народов^{93*}.

Но после издания конституции 4 марта 1849 г., означавшей шаг в сторону абсолютизма, в обстановке угрозы германизации объективный смысл лозунга австрийской федерации претерпел существенное изменение. Если в период революционного подъема славянские либералы рассматривали австрийскую федерацию как результат «преобразовательной» деятельности двора, правительства и рейхстага, то в 1849 г. они уже видели предпосылку реорганизации империи в отставку правительства Шварценберга. В условиях наступления реакции лозунг федерации стал выражением славянской оппозиции. Он получил направленность прежде всего против бюрократического централизма и произвола.

Принципиально новым моментом в умонастроениях и политике буржуазно-радикальных и части либеральных кругов славян весной 1849 г. был поворот в сторону сближения с Венгрией. Этот сдвиг был обусловлен опасностью монархической реставрации и вмешательства царизма. В идейной перестройке славянских левых и отчасти либеральных сил сыграло роль изменение позиции по крайней мере части европейской демократии в отношении славян, признавшей право этих народов на национальную свободу [10, т. 4, с. 176]. Активно содействовали сближению угнетенных народов польская эмиграция и другие сторонники антигабсбургского лагеря. Нарастание симпатий к Венгрии проявилось, в частности, в переговорах с венгерскими деятелями представителей чешского, хорватского и румынского национальных движений, о чем уже говорилось выше. Упорную непримиримость к Венгрии проявляли только словацкие национальные деятели. Эта позиция, конечно, объяснялась крайне

трудным положением словацкого народа в условиях господства венгерской аристократии, которая в принципе отказывалась от признания словаков особым народом.

Воздействие австрославизма долго сказывалось на отношении славянских либералов к итальянской революции.

В первые месяцы революции хорватская либеральная среда выражала сочувствие справедливой борьбе итальянцев против черно-желтой камарильи. Но когда в центре внимания хорватских буржуазно-дворянских деятелей оказалась имперская проблема в целом, они поддержали обращение Елачича к граничарам, воевавшим в Италии за интересы короны⁹⁴. Это обращение появилось 20 июня 1848 г. в результате требования Радецкого, обеспокоенного брожением в граничарских частях. Елачич призывал граничар защищать трон и государство. В рейхстаге только польские депутаты и представитель австронемецкой демократии Л. Ленер выступали в поддержку Италии [12].

Проекты Острожинского и Палацкого предусматривали вхождение итальянской единицы в состав австрийской федерации. Это в сущности было поддержкой императорской политики в итальянском вопросе. Но после октябрьского восстания в славянских либеральных кругах наметился перелом и в отношении к итальянскому движению.

Идейная эволюция политически наиболее дальновидной части славянских и румынских деятелей сказалась на концепции Дунайской федерации. Некоторые из них проявили готовность к признанию принципа добровольного вхождения в федерацию. В ноябре 1848 г. хорватские и сербские левые либералы высказались в печати за признание права итальянцев и австрийских немцев на отделение. Но тогда этот принцип не распространялся на Венгрию⁹⁵. Но вот 1 декабря 1848 г. газета «Славенский юг» заявила о неизбежности и целесообразности распада габсбургской империи! В статье подчеркивалось, «что целостность, мирная и сильная Австрия может существовать только и единственно с помощью меттерниховской системы и что каждый шаг к свободе народов и провинций содействует ее распаду». Газета делала вывод о необходимости ликвидации империи и предоставления ее народам права объединения «с теми государственными образованиями, куда их зовет естество». Предоставим итальянцев «итальянскому государственному союзу», немцев — немецкому, румын — румынскому, писала газета. «Венгры же пусть образуют отдельное независимое государство в границах расселения своего народа». Австрийской династии предоставлялась возможность объединиться со славянами или их частью «и образовать... новое славянское государство»⁹⁶. Это был важный момент в идейном развитии хорватских левых сил, предпосылка перехода на национально-радикальные позиции. Как явствует из майского чешско-венгерского соглашения

1849 г. чешские либералы согласились с возможностью отделения Ломбардии и австро-немецких территорий.

В 1849 г. при известных условиях лозунг Дунайской федерации мог стать призывом к борьбе против реакции. Прогрессивные процессы, которые наметились в идейной сфере и политике части буржуазии у славян и румын, создавали возможность для радикализации федеративной доктрины в антигабсбургском смысле. Однако торжество контрреволюции прервало эту новую линию идейного и политического развития.

Мартовские революции в Вене и Пеште, связанный с ними повсеместный подъем массового движения двинули вперед развитие политического сознания румын и славян. Это нашло выражение в политическом оформлении общественных движений, в углублении всюду идейно-политической дифференциации и в полевении национально-политической оппозиции в целом.

Общественность большинства славянских и румынских областей (чешские земли, Хорватия, Воеводина, Словакия, Трансильвания) в марте — мае 1848 г. на собраниях сформулировала политические программы, которые воплощали разнородные социальные интересы при господстве, как правило, либеральной точки зрения. Эти программы отражали сотрудничество, компромисс различных политических сил на попрание национальной борьбы. Факт их принятия был свидетельством недостаточного идейного выделения демократических элементов. Но вынесение жизненных вопросов на многолюдные собрания создавало предпосылки для давления «снизу» на руководство движений.

Наряду с либерально-реформистскими программами формировали свои политические взгляды консервативные группировки. Правый лагерь в Хорватии и Галиции, где имелся национальный помещичий класс, состоял прежде всего из консервативного дворянства и духовенства. В Воеводине, Трансильвании и Словении он включал верхи духовенства и часть торгово-земледельческой буржуазии, в украинской Восточной Галиции — верхушку униатского духовенства. Чешское общество при отсутствии национального дворянства и относительно высоком развитии буржуазии по существу не имело широкой классовой базы для многочисленного консервативного направления. Однако в Чехии пользовалась значительным весом часть консервативного немецкого дворянства, с которым в отдельные моменты вступала в союз чешская либеральная буржуазия.

Наличие консервативных сил в ряде провинций сдерживало буржуазные слои, блокировавшиеся с правыми на попрание национальной борьбы, в идейном и политическом отношениях. Интересы консервативных кругов были направлены на сохранение как можно большего от старой системы, удержание своих общественных позиций. Всяду они были опорой контрреволюции.

Правые круги в Хорватии, Воеводине и Словении были менее организованы, чем либералы; в разгар революции они поддерживали либералов как партию «порядка», способную воспрепятствовать развитию революции и выступавшую за сохранение империи. Яркий реакционер барон Кульмер, выдвинутый сабором в качестве представителя Хорватии при дворе, в момент революционного подъема относился лояльно к федералистским планам, поскольку они позволяли реакции консолидировать силы. Позднее Кульмер стал проводником реставраторской политики в Хорватии. Словенские консерваторы в 1848 г. присоединились к программе Объединенной Словении, чтобы затем отбросить ее прочь и т. д.

Поддержка правыми силами либералов в условиях революционного подъема была характерной чертой европейского развития. В 1884 г. Ф. Энгельс писал, что все феодально-бюрократические круги с марта по сентябрь 1848 г. поддерживали либералов, для того, «чтобы удержать в повиновении революционные массы и чтобы затем, когда это будет сделано, выгнать, разумеется, вон и либералов»¹⁵.

Открытое столкновение классов в революционную эпоху обнажило политические тенденции общественных группировок. В дореволюционный период консервативные силы, изыскивая новые способы обеспечения своего господства, своей поддержкой, хотя и ограниченной, культурно-просветительных начинаний вносили некоторый вклад в дело формирования наций. Но и в те годы, сопротивляясь социально-политическим реформам, они тормозили общее развитие своих наций и содействовали упрочению «устоев». В годы революции консервативные слои южных славян и румын по существу явились частью имперского реакционного лагеря. Они стремились подчинить себе национальные движения. Поэтому интересы освобождения народов требовали решительной борьбы с местной реакцией.

Однако классовая природа той или иной национальной политической группировки — хотя социальный фактор являлся важнейшим — не всегда однозначно определяла ее роль в революционный период. Иначе говоря, позиция той или иной партии по социально-политическим вопросам не во всех случаях была показателем места этой партии в революционных событиях. Так, правые круги польского общества, противники серьезных социальных преобразований, в своем стремлении к возрождению независимой Польши противостояли (правда, после ряда поражений польского движения только теоретически) черно-желтой камарилье, часть консервативных (в социальной сфере) венгерских помещиков также боролась на стороне патриотического лагеря против Габсбургов.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 217.

Вернемся, однако, к либеральным группировкам. Они включали в свой состав помимо представителей торгово-промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства часть интеллигенции, низшего духовенства, учащихся, чиновничества. Это был довольно пестрый и неодинаковый в разных землях социально-политический блок, объективно выражавший интересы буржуазного развития. Степень зрелости либеральных программ определялась в первую очередь уровнем развития капитализма в отдельных землях. Необходимо учитывать и то, что революция в Европе резко ускорила формирование буржуазной идеологии даже там, где социальная база для этого созрела еще не полностью.

Определенную роль в эволюции либеральных программ у славян и румын играли: позиция австронемецких и венгерских революционеров в национальном вопросе, тактика австрийского двора и правительства, внешняя политика германской революции. Наконец, следует отметить взаимовлияние программных требований либералов разных наций (наиболее разработанными были либеральные программы чехов, поляков, хорватов). Повороты либеральной мысли в указанных национальных движениях в конечном счете определялись этапами развития европейской революции.

Основное внимание либеральные течения уделяли национальному вопросу. Он имел жизненное значение для народов. Но в программах либералов специфически национальные требования оттесняли на задний план общеполитические, а тем более социальные и решались они в рамках реформистских идей преобразования империи.

Там где представляемые либералами социальные слои чувствовали себя достаточно уверенными — в Чехии и Хорватии, — вожди либерализма уже в марте выдвинули требование административно-политического объединения соответственно чешских и хорватских земель и их автономии. Позднее, в апреле — мае, выступили за автономию своих земель словенские, сербские и словацкие деятели. В сущности аналогичными были румынские требования автономии Трансильвании, поскольку национальные деятели типа Барнуциу добивались политического преобладания в провинции (прежде всего поэтому они отстаивали программу расширения избирательного права). В середине 1848 г. украинцы выразили стремление к разделу Галиции, что также означало требование автономии Восточной Галиции.

Подъем революции в империи был важнейшим стимулом развития национальных программ либералов-реформистов. Их требования изменялись в направлении расширения сферы национальной самостоятельности. Особенностью развития южнославянской, особенно хорватской и сербской, национально-либеральной идеологии была нарастающая тенденция к объединению южнославянских земель прежде всего внутри Австрийской

империи. Наибольшая активность хорватских деятелей в этом направлении была подготовлена иллиризмом.

Выдвигая требования автономии соответствующих территориальных комплексов, либералы-реформисты столкнулись со сложной проблемой инациональных меньшинств и групп. Угнетенное положение славянской и румынской буржуазии, их слабость обусловили осознание буржуазными деятелями потребности строительства межнациональных взаимоотношений на прогрессивной основе (хотя их практическая деятельность в этом отношении не была последовательной).

Чешская либеральная программа провозглашала равенство чехов и немцев в чешских землях. Словенские либералы пытались решить однотипную проблему путем раздела Штирии и Каринтии и включения в состав Словении только части этих областей. Особенно сложным было положение в Воеводине и Трансильвании с их национально пестрым населением. Сербские либералы, выступая за образование Сербской Воеводины, формально признали право венгров, чехов, немцев и румын на национальное развитие. Румынские либералы говорили о четырех равноправных «нациях» Трансильвании. Украинские деятели связывали автономию Восточной Галиции со свободой национального развития на ее территории других народов. Проект Острожинского об австрийской федерации в принципе предусматривал территориальную автономию меньшинств.

Революция 1848 г. впервые в истории была призвана решить сложнейшую проблему национального освобождения значительной массы населения Европы. Народы еще не обладали историческим опытом в этой области и, естественно, овладение им в условиях господства идеологии буржуазного национализма было связано подчас с непреодолимыми трудностями. К тому же разрешение проблемы меньшинств затруднялось тем обстоятельством, что, например, немецкая буржуазия в чешских и словенских землях добивалась включения последних в состав Германии. Вообще позиция немецкой буржуазии в этих землях или венгерского дворянства в Воеводине, Словакии, Трансильвании и Закарпатье была составной частью политики названных классов в Австрии и Венгрии.

Стремление к национальному объединению и свободе народа, соответствующее буржуазно-демократическому принципу самоопределения наций, сочеталось в буржуазных программах с узостью воззрений реформистов. Поэтому требования либералов-реформистов не воспрепятствовали подчинению общественных движений ряда народов интересам дворцовой политики. Это произошло в значительной мере в результате нежелания венгерских и австро немецких революционеров признать национальные права славянских и румынского народов.

В политической области реформисты — представители неполноправных наций, как и австро немецкие либералы, были

противниками абсолютизма и выступали за буржуазно-демократические свободы. Идеалом либералов являлась конституционная монархия. При этом разные общественные группы в понятие «конституция» вкладывали неодинаковый смысл. Австронемецкая конституционно-монархическая буржуазия в марте и мае 1848 г. встала во главе народа, чтобы с оружием в руках добиться парламентарного строя. Лозунг «конституция» в восставшей Вене в марте и мае 1848 г. имел революционное значение. Однако и у австронемецкой буржуазии конституционный монархизм был той политической основой, которая заставила ее в конечном итоге сползти в лагерь контрреволюции. В устах славянских и румынских либералов конституционно-монархический принцип всегда был связан с политическим реформизмом.

В славянской среде раньше других выступили с требованиями преобразования политического строя чешские либералы. Уже в петиции от 11 марта 1848 г. предусматривались отмена сословных привилегий и введение политических свобод. Это было сделано до венской революции (13 марта), что повышало значение выдвинутых требований. Наиболее раннее выступление руководителей чешского буржуазного лагеря в значительной мере объяснялось активностью рипилистов, которые в мартовские дни толкали либералов вперед.

Позиция славянских и румынских либералов по вопросу о политическом строе существенно не отличалась от тенденций австронемецкой и итальянской буржуазии или венгерского дворянства. Но, как уже отмечалось, в 1848 г. действительную опасность для Габсбургов представляли не общие социально-политические тенденции буржуазных и дворянских группировок, а их позиция по вопросу о судьбах империи. Вот почему, несмотря на настойчивые выступления либералов-реформистов в пользу конституционного строя, двор и правительство до поры до времени терпели их политические акции и даже с помощью демагогических обещаний опирались на них в борьбе с революцией.

Важнейшей частью политической стратегии либералов-реформистов была их позиция по отношению к австрийской революции, а также к венгерской и итальянской буржуазным национальным революциям. В мартовские дни в империи, казалось, сложилась ситуация, благоприятная для образования широкого фронта народов с целью реализации провозглашенных свобод. Однако эта потенция была подорвана не только позицией австронемецких и венгерских революционеров в национальном вопросе, но и стремлением реформистов сохранить австрийский государственный комплекс.

Обострение противоречий между австронемецкой буржуазией и венгерским дворянством, с одной, стороны, славянскими и румынскими либералами — с другой, определило враждебное отношение последних к майскому восстанию в Вене. Чешские и

хорватские либералы опасались, что оно укрепит позиции сторонников «Великой Германии» [890, с. 303]. Враждебность реформистов усиливалась ввиду демократического характера восстания, самодеятельности масс. Вести же о выступлении трудящихся в Париже еще более увеличили страх либералов перед демократией. В майские дни славянские либералы оказались в одном лагере с австрийской контрреволюцией.

Выше мы отмечали, что даже в условиях войны против Габсбургов венгерские либералы с недоверием отнеслись к «плебеям», восставшим в Вене. Но уже попытка венгерских войск помочь Вене свидетельствовала о том, что революционное национальное движение (хотя бы во главе с дворянством) является союзником демократической революции.

С оформлением австрославистской концепции славянские либералы (кроме польских) упрочились в своей непримиримости к австрийской революции. Это отчетливо проявилось в дни октябрьского восстания в Вене. Чешская, хорватская и сербская печать обрушилась на него, считая, что победа повстанцев приведет к распаду империи и увековечиванию национального угнетения славян. Но не только национальный момент вызвал эти нападки. Позиция либералов в октябрьские дни соответствовала общей линии поправления либерализма как австронемецкого, так и славянского.

Славянские и румынские либеральные деятели (за исключением польских) выражали поддержку Елачичу. Участие войск Елачича во взятии Вены рассматривалось ими как обнадеживающий фактор в деле переустройства империи в духе федерализма.

В поражении мятежной Вены либералы-реформисты видели не только предпосылку установления «законности», но и залог равноправия народов империи. Однако вместе с тем уже во время восстания среди славянских либералов выражались опасения, что военщина может угрожать конституции. Чешские либеральные лидеры видели спасение в согласованном выступлении народов империи за дело свободы^{97*}.

Действия австрийского правительства после поражения Вены, разрушившие надежды на федерализацию империи, вызвали перелом в общественном настроении. Так хорватские либеральные публицисты — И. Кукулевич-Сакцинский, Д. Кушлан, Л. Вукотинович предупреждали об опасности реставрации домартовского режима и призывали к бдительности^{98*}. Октябрьские события вызвали проблески политического прозрения и тревогу в либеральной среде.

О последующем сдвиге в отношении австрофедералистских течений к венгерскому и итальянскому освободительным движениям уже говорилось.

4. Идея славянской общности в годы революции. Славянский съезд в Праге

Система взглядов на славянство и соответствующая им деятельность претерпели в 1848—1849 гг. изменения как по содержанию, так и по значению.

Хотя уже в предреволюционные годы делались политические выводы из теории «всеславянства», только в 1848 г. идея славянской общности стала одним из исходных пунктов в поисках форм политического сотрудничества славян. Была предпринята попытка координации славянских общественных движений с помощью Славянского съезда.

Идеологи разных политических направлений в разных национальных движениях неодинаково представляли себе будущее славянских народов, так же как пути решения славянского вопроса. На Славянском съезде был разработан проект федеративного союза австрийских славян. Но если для деятелей левого направления, например, М. А. Бакунина, «крепкий и неразрывный оборонительный и наступательный союз» славян в Австрийской империи должен был стать исходным пунктом на пути образования в дальнейшем демократической общеславянской федерации [10, т. 4 с. 140], то для умеренных участников съезда политическое объединение славян в рамках габсбургского государства в качестве ядра австрийской федерации представлялось окончательной формой решения вопроса.

Лидеры чешского либерально-монархического лагеря не выходили при этом за рамки австрославизма.

Южнославянские либералы также выступали сторонниками политического союза славян Австрийской империи. Однако, как отмечалось, хорватские буржуазно-дворянские деятели, раздумывая о будущем славян, не ограничивались рамками империи. Австрославизм сочетался у них с тенденцией к объединению южных славян предпочтительно в рамках Дунайской федерации. В апреле 1848 г. И. Кукулевич-Сакцинский, предлагая создать общеславянское собрание, высказался за объединение славянских народов независимо от государственной принадлежности с целью обеспечения их национальности и свободы^{99*}. В августе 1848 г. газета «Славенски юг» писала: «Все немецкие газеты полны стремлений к единству немецкой родины. А подумал ли кто среди нас о единстве славянской родины? Если немцам не мешают их 38 монархов и князьков, то тем более нам не могут помешать четверо их, или лучше сказать трое, потому что один из них ничего не значит»^{100*}. Подобные выступления означали признание естественности политического объединения всех славян, вероятно, на основе союзнических отношений. Но при этом хорватские либералы являлись противниками самодержавия и были далеки от мысли связать с Николаем I дело объединения славян. Кроме того, мечты об общесла-

вянском объединении не мешали им помышлять о широкой средневропейской конфедерации народов, о которой говорилось в брошюре Острожинского. Общеславянские проекты не выходили за рамки ни к чему не обязывающих размышлений в духе либерального «всеславянства».

При всех различиях, которые существовали среди либералов по вопросу о судьбах славян, их объединяла идея укрепления Австрийской империи. Тем не менее утопические «всеславянские» идеи хорватских деятелей свидетельствовали, что в этой среде допускалась возможность отхода от австрославизма.

В революционные годы многие органы европейской печати проводили мысль, будто царская Россия возглавляла панславистское движение. В действительности, политика царизма в 1848—1849 гг. была направлена на поддержание целостности Австрийской империи. Как явствует из записки К. В. Нессельроде Николаю I (июнь 1848 г.), царизм отрицательно относился к идее расширения России за счет славянских провинций в случае распада габсбургской монархии. Претензии царской России простирались только на Галицию¹⁰¹.

Концепции славянской взаимности в определенной мере отражали объективную тенденцию угнетенных славянских народов к взаимному сближению. Однако в революционные годы либерально-монархические слои использовали эту идею для противопоставления славян революционным центробежным силам в Австрийской империи. Платформе либералов была свойственна ненависть к абсолютизму и угнетению. Но в соединении с их классовой ограниченностью ориентация на «славянскую взаимность» приобретала четкую националистическую направленность и вела к углублению конфликта между славянскими и неславянскими народами, что было выгодно реакции.

Либерально-реформистская политика, основанная на абсолютизации славянской общности, в обстановке 1848 г. при столкновении сил прогресса и реакции в европейском масштабе и углублении противоречий внутри самих славянских наций вела к отрыву славянских общественных движений от европейского революционного процесса [10, т. 3, с. 516]. Идеология «всеславянства», когда не было и речи о революционной борьбе за демократические идеалы, становилась орудием имущих классов в деле подчинения масс. Влиянием либерально-монархической концепции «славизма» отчасти объяснялось позитивное отношение определенных кругов славян в Австрийской империи к царской интервенции в Венгрию. Но подобные настроения не были характерны, например, для ведущих хорватских, особенно левых, либералов и буржуазных демократов. «Русские нам братья, но [их] правительственная политика нам как будто не сестра», — заявляла в те дни газета «Славенски юг» Д. Кушлана¹⁰². В то же время в хорватской и сербской либеральной печати высказывались надежды на помощь Николая I южным

славянам. Эти настроения опирались на опыт русской дипломатической поддержки Сербии ^{102*}.

Чем левее была идейно-политическая платформа славянских деятелей, тем отчетливее проявлялось стремление связать решение славянского вопроса с радикальным переустройством Европы. «Всеславянство» было для демократов формой решения не только национальных задач, но и вопросов межславянских отношений, как то: польско-украинских, чешско-словацких и т. д. Польские демократы рассматривали славянский вопрос под углом зрения образования демократической Польши, украинские деятели имели в виду прежде всего судьбы своего народа.

Хотя «славизм» представителей левых течений существенно отличался от позиции либералов и тем более консерваторов, он также был связан с иллюзиями, подчеркивающими политическую незрелость демократических кругов и их националистическую тенденцию. Эти иллюзии и национализм проявились, в частности, в отношении к «славянину» Елачичу, с которым в разгар революции не только хорватские, сербские, словацкие и прочие либералы, но, как отмечалось, и чешские радикальные демократы связывали дело национального освобождения славян [554, т. 2, с. 207, 310]. Подобные заблуждения не были свойственны польской и связанной с ней украинской демократической мысли в Галиции.

Активным пропагандистом демократического «всеславянства» в 1848 г. был М. А. Бакунин. Отличительной чертой его взглядов являлось выдвижение на первый план революционных задач [10, т. 3, с. 320]. Он связывал решение славянского вопроса с разрушением Австрийской и Османской империй. Бакунин мечтал о политическом объединении славян в федеративную демократическую республику. В период Славянского съезда Бакунин оказал определенное влияние на некоторых его участников, в частности на словацких деятелей *Штура* и *Гурбана*. «В Праге мы столковались по всем главным пунктам», — писал Бакунин в октябре 1848 г. из Бреслава (Вроцлава) по поводу своих отношений со Штуром [10, т. 3 с. 324, 517, т. 4, с. 157]. Однако в 1848 г. политическая концепция Штура была подвержена колебаниям. В его ориентации была сильно выражена «всеславянская» тенденция вплоть до образования общеславянской федерации. «Славизм» Штура явился определенной предпосылкой сближения его на Пражском съезде с Бакуниным. Последний в тот период сам находился в плену ложных представлений о политической обстановке в империи. Это, в частности, касалось оценки событий в Венгрии, роли Елачича и т. д. Кроме того, на съезде Бакунин выступал за образование союза между славянами Австрийской империи в качестве шага на пути к общеславянской федерации [10, т. 4, с. 141]. Это не противоречило видам даже умеренных австрославистов.

Хотя идея всеславянской федерации Штура внешне совпадала с целью Бакунина (объединение славян на демократической основе), о глубинных идеологических связях между этими деятелями не приходится говорить. Бакунин по мере развития революции двигался в направлении углубления демократических представлений и в связи с этим к усвоению элементов интернационалистических взглядов, Штура же «славизм» привел к поддержке царской интервенции в Венгрии.

Рациональное зерно идеи демократической общеславянской федерации заключалось в сознании целесообразности разрушения габсбургской империи революционным путем. Во время Пражского восстания и позднее Бакунин звал к уничтожению всех реакционных монархий («всех Австрий») и провозглашению свободы не только австрийских славян, но и поляков, немцев, венгров, итальянцев [52, т. II, с. 355]. Он указывал на иллюзорность мнения австрославистов о возможности преобразовать австрийскую монархию, заявляя, что в Австрии, как и под эгидой русского царя, не может быть свободы. В сентябре 1848 г. Бакунин, разобравшийся в политической обстановке и осознавший, что размежевание идет не между народами, а между революцией и контрреволюцией, выразил свое отношение к вторжению войск Елачича в Венгрию следующим образом: «Вы объявили войну революции, вы служите реакции, вы кладете бесчестье на всю славянщизну» [10, т. 3, с. 320].

Весной 1849 г. Бакунин добивался сотрудничества славянской, немецкой и венгерской демократии. В апреле 1849 г. он выступил в защиту венгерской революции: «героической борьбой они (мадьяры.— *Ред.*) спасли себя и все остальные народы Австрии от рабства...» [Кип, 1973]. «Мое стремление,— позднее писал он в тюрьме,— было направлено к тому, чтобы объединить славян и немцев с мадьярами. Когда они объединятся, победить с помощью их австрийскую и русскую армии, освободить Польшу и разрушить Австрию, разложив ее на отдельные самостоятельные национальности, которые сами изберут себе подходящее государственное устройство...» [159, т. 2, с. 114—115].

Однако взглядам Бакунина в 1848—1849 гг. был присущ органический порок — фантастичность планов, несоответствие их объективно существовавшим в 1848 г. условиям, наконец, сильные «всеславянские» мессианистские черты. Он считал, что революцию в Европе могут возглавить и совершить лишь славяне — носители подлинного демократизма, так как основной силой революции якобы является крестьянство востока Европы, а не пролетариат западных стран, что славянские народы будто бы составляют единый «общий организм» с присущим ему единым интересом, организм, способный как нечто целое бороться за свободу и единение всех своих «оторванных» частей. Сотрудничество славян с немецкими и венгерскими революционерами Бакунин рассматривал как средство осуществления славянами

приписанной им миссии. Все это построение не имело основы в реальном соотношении классовых — социально-политических — сил в славянских странах [180].

Идейно-политические тенденции в славянской среде отчетливо проявились в ходе работы Славянского съезда в Праге в июне 1848 г. [303; Никитин, 1948].

С первых дней революции в Вене наблюдалось сильное оживление среди славян. В конце марта — начале апреля в столице собрались делегации сербов, хорватов, чехов, словаков, поляков, представившие двору национальные требования. Создались благоприятные условия для тесного общения национальных деятелей между собой. В первых числах апреля состоялись многолюдные собрания, на которых обсуждались вопросы о будущем империи и славянства. Среди славянских буржуазно-дворянских политиков ощущалась потребность в координации национальных движений.

Подготовка к выборам во Франкфуртское собрание дала толчок оформлению идеи созыва славянского съезда. 20 апреля 1848 г. И. Кукулевич-Сакцинский выступил с предложением созвать всеславянское собрание, аналогичное Франкфуртскому парламенту, видя в этом путь к созданию славянского надгосударственного союза¹⁰⁴. Автор выдвинул «единый национальный интерес» для всех славян, в чем сказались не только романтическая увлеченность, но и стремление обосновать политическое сотрудничество разных национальных движений.

Идея созыва славянского собрания получила распространение в славянских землях. Либералы искали в нем опору для решения конкретных национальных задач. Буржуазно-радикальные деятели связывали с ним надежду на углубление демократических преобразований.

Подготовка к съезду сконцентрировалась в Праге, где была намечена австрославянская направленность съезда. Приглашение на съезд было адресовано только к австрийским славянам. Участие представителей других славянских народов предусматривалось в качестве гостей [Удальцов, 1949].

Австрийское министерство запретило созыв общеславянского съезда, но против собрания представителей имперских славян оно не возражало [994, с. 175; 927, т. I, с. 383]. Австрославизм организаторов конгресса рассматривался при дворе как предпосылка для использования съезда против революционных сил.

Австронемецкая печать разных направлений в подавляющей части остро выступала против идеи съезда, усматривая в нем панславистскую демонстрацию. Крайнее беспокойство проявляло и венгерское правительство, которое предприняло попытки

убедить часть славян отказаться от участия в съезде или добиться от Вены его запрещения.

Не поддерживало идею съезда и царское правительство. Оно с опаской следило за движением славян и не было расположено содействовать объединительным славянским тенденциям. «Пражское воззвание к славянам надо было ожидать по довольно мне там известному духу,— писал Николай I Паскевичу,— но отвечать на оное не будем; не наше это дело. Будем ждать и смотреть, чем это все кончится» [339а, т. 6, с. 223]. Организаторы съезда, в первую очередь В. Ганка, направили ряду лиц в России приглашения на съезд. Но по распоряжению Николая I их письма остались без ответа. Выражение солидарности со славянскими национальными движениями в Австрийской империи рассматривалось царским правительством как преступление. Из русских в работе славянского съезда принял участие только революционный эмигрант М. А. Бакунин.

Съезд открылся 2-го июня. На него прибыло более 300 представителей, в основном из славянских областей империи. 35 делегатов принадлежало к аристократии. Подавляющая часть участников съезда придерживалась либеральных взглядов; была также группа лиц радикально-демократического, революционного направления (И.-В. Фрич, К. Сабина, К. Сладковский, М. Бакунин и др.).

Хотя лидеры польского общественного движения в Галиции отнеслись к инициативе созыва съезда настороженно, неожиданно его горячими сторонниками оказались поляки из Великой Польши, где после вооруженных столкновений в конце апреля — начале мая прусская военщина восстановила оккупационный режим. Перед лицом грозящего включения Познаньского княжества в состав Германии, вопрос о чем должно было рассматривать общегерманское национальное собрание, поддержка других славянских народов представлялась помощью в борьбе против великогерманского шовинизма.

Старостой съезда, возглавившим Большой комитет (президентом), был избран Ф. Палацкий.

В начале работы под влиянием польских представителей и левых деятелей других народов съезд принял предложенный познаньским революционером поляком К. Либельтом порядок работы, который включал подготовку «Манифеста к европейским народам», разъясняющего цели съезда, составление петиции к императору и рассмотрение вопроса о создании союза славян.

Составленный Либельтом проект «Манифеста к европейским народам» содержал осуждение разделов Польши и угнетения других славянских народов. Основным содержанием манифеста должна была стать программа буржуазно-демократических преобразований. Принципы манифеста были таковы: ни один народ не может господствовать над другим народом;

каждый славянский народ должен иметь свой законодательный сейм и право самому определить для себя форму правления; избираемость чиновников; вооружение народа; избираемость начальников национальной гвардии; свобода печати, слова, союзов, неприкосновенность личности, свобода вероисповедания; свобода торговли и промыслов; единая торговая система в государстве; отмена смертной казни и конфискации имущества; суды присяжных и гласное судопроизводство; улучшение положения рабочих; бесплатное обучение [994, с. 289—290].

Выдвинутая Либельтом программа имела практическое значение, поскольку в землях под властью австрийского правительства конституционные свободы еще не получили юридического оформления, а в Венгрии законы о народном представительстве и печати были ограниченными. Проект Либельта и позиция польских участников определили наиболее прогрессивные тенденции съезда. Однако практически съезд не вышел за рамки национальной проблематики.

Работа съезда проходила в трех секциях: чехословацкой, польско-украинской и южнославянской.

Чехословацкую секцию (237 членов) возглавил П. И. Шафарик. Если умеренные ее деятели рассматривали съезд как совещательный орган, то Л. Штур требовал, чтобы съезд обеспечил выполнение своих решений. Но в вопросе о судьбах Австрийской империи секция была единодушна, высказавшись за суверенное австрийское союзное государство в формах, предложенных южнославянской секцией.

Стремление укрепить свои позиции побудило словацких и украинских деятелей из Закарпатья выдвинуть общие словацко-украинские требования (см. главу 7).

Поляки из Галиции и Великой Польши объединились в секции с украинцами (61 делегат). Во главе ее стал Либельт. В обстановке, когда планы революционной войны против царской России и быстрого восстановления независимости Польши потеряли актуальность, польские участники съезда, относясь в целом сдержанно к концепции австрославизма, приняли идею преобразования монархии в федеративное государство. Но при этом они не теряли из вида цель восстановления Польши. В проекте под названием «Акт австро-славянской унии», представленном съезду Е. Любомирским и А. З. Хельцелем, подчеркивалось сохранение народами, входившими в состав империи лишь частично, права на восстановление национального единства [1143]. Польские участники съезда выступили против распространенных на съезде антивенгерских настроений и заявили о готовности быть посредниками в разрешении конфликтов между славянскими народами Венгрии и венгерским правительством [563, с. 228].

Важным для истории польского национального движения эпизодом на съезде стало выступление представителей поль-

ского населения Цешинской Силезии. П. Стальмах представил съезду мемориал под названием «Требования силезцев», в числе которых наряду с требованием «всех конституционных свобод» говорилось о введении польского языка в учреждениях и школах и о воссоединении Силезии с остальными польскими землями [1143, с. 196]. Для Силезии, отторгнутой уже много веков от Польши и подвергшейся германизации, 1848 год стал важной вехой на пути национального возрождения.

Опасаясь политической изоляции и осуждения со стороны представителей других народов, польские либералы из Галиции пошли на съезде на заключение 7 июня соглашения с представителями Головной русской рады. Оно предусматривало равноправие поляков и украинцев, их языков в школе и учреждениях. На этих условиях делегаты Головной русской рады отказались от постановки на съезде вопроса о разделе Галиции. Польско-украинское соглашение могло сыграть положительную роль в освободительной борьбе обоих народов. Однако оно осталось на бумаге, его игнорировали и польская Рада народа и Головна руська рада. Факт соглашения остался неизвестен широкой общественности¹⁶.

Южнославянская секция (42 члена) под председательством священника П. Стаматовича высказалась за реорганизацию Австрийской империи на федеративной основе с учетом исторического и национального принципов. Секция заявила, что Хорватия, Славония, Далмация и Сербская Воеводина должны составить одну федеративную единицу. Словенские делегаты придерживались программы автономной Словении. Секция отказалась потребовать восстановления независимости Польши, противопоставив этому предложению Либельта общий принцип свободы и конфедерации народов.

Южнославянские представители выступили против союза австрийской федеративной монархии с Германией. Они постановили включить в петицию императору требование об утверждении решений Майской скупщины, принятых и предстоящих постановлений временного правительства Воеводины, об одобрении действий бана и будущих решений хорватского сабора, наконец, о реализации программы Объединенной Словении.

Главный (и единственный принятый им) документ съезда — «Манифест к европейским народам» был составлен Палацким на основе проектов К. Либельта, М. Бакунина и Ф. Заха. Заключительный документ представлял собой компромиссную платформу.

Манифест содержал прогрессивные лозунги равноправия наций, «естественного» права народов на национальную свободу.

¹⁶ В июле правительство назначило губернатором Галиции поляка В. Залеского, преданного Габсбургам. Это знаменовало отказ от раздела Галиции.

ду и был проникнут ненавистью к угнетению. Он клеймил притязания на господство над народами, отвергал политику, которая позволяла себе «обращаться с территориями и народами, как с вещью, подчиненной государственной власти», осуждал раздел Польши. Манифест протестовал против всякого господства «грубой силы, нарушающей законы», отвергал сословные привилегии, провозглашал принцип гражданского равенства. Съезд выступил за созыв общеевропейского конгресса народов для решения всех международных вопросов.

Вместе с тем в Манифесте и особенно в проекте петиции императору, формально не утвержденном съездом в связи с преждевременным окончанием его работы, проводилась идея сохранения Австрийской империи в виде союза равноправных народов во главе с конституционной династией Габсбургов [994, с. 358—375; 10, т. 4, с. 478, 480]. Но если позиция либерального чехословацко-южнославянского большинства съезда определялась принципиальной заинтересованностью в австрийской федерации, то польские деятели, а также Бакунин, выразившие на съезде антиавстрийские настроения, допускали федерацию как подготовительный этап к коренному преобразованию политической структуры Центральной Европы. Австрославистская направленность съезда, как и иллюзорные в условиях 1848 г. планы Бакунина, встретили решительное осуждение со стороны Маркса и Энгельса¹⁷.

Принципы устройства австрийской федерации в документах съезда не были разработаны. Показательно, что в петицию вошли требования как от национальностей, так и от исторических областей. Среди участников съезда не было единства мнений о будущем Венгрии. В программе съезда, составленной Ф. Захом, предусматривалось в рамках австрофедералистской концепции равноправие национальностей в Венгрии [905, с. 311—312].

На съезде был разработан проект федеративного союза австрийских славян для взаимной защиты и поддержки их национальности, конституции и свободы. В основу этого проекта лег «Акт австро-славянской унии». Он предполагал создание руководящего органа Унии в лице Совета представителей Унии. Его функции сводились к распределению обязанностей, связанных с проведением совместных мероприятий. В области культуры славянская интеграция должна была проявиться в издании журнала, организации библиотеки, Академии и т. д. «Акт» допускал возможность вхождения в состав Унии также венгров и австрийских немцев [994, с. 378].

Деятельность съезда была прервана властями в связи с восстанием в Праге.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 302. (Подробнее см. ниже.)

5. Характерные черты массовых движений и форм политической борьбы в годы революции

В 1848—1849 гг. массовые движения определяли ход развития революции. Ее победы были невозможны без непосредственного натиска масс. В восстаниях в Вене, Пеште, Милане, Венеции, Кракове, Праге и Львове соединились классовая борьба трудящихся и политическая активность радикально-демократических групп интеллигенции, стремившихся придать движению целенаправленный характер и организованность. В революционных национальных войнах Италии и Венгрии самоотверженность масс имела решающее значение.

В начале революции в Вене, Милане, Венеции восставшие добились успеха. Революционный напор масс в Пеште, возглавленных радикальной демократией, положил начало массовым выступлениям во всем королевстве. Но и там, где народ потерпел неудачу, восстания явились самым крупным вкладом народов в борьбу против реакции. Весенние выступления городских масс были частью единого революционного процесса, охватившего всю империю.

Близкими по характеру к другим восстаниям в городах, но менее значительными по масштабу и началу борьбы, а также по содержанию политических лозунгов были городские выступления демократических слоев в Воеводине в конце марта — начале апреля 1848 г. В одних местах (Панчево и Земун) массы имели руководство, пытавшееся выработать демократическую программу, хотя и ограниченную локальными рамками, в других — Карловци, Нови-Сад, Митровица и т. д. — народные волнения носили характер стихийного антифеодального протеста.

Важной чертой событий была тенденция к соединению городского демократического и крестьянского движений. Для Венгрии, Чехии, Галиции, Воеводины это было новым явлением принципиальной важности.

В 1848—1849 гг. оплотом революционных движений в Австрийской империи были Вена, Пешт, Милан, Венеция, Прага, Львов. Предпосылками революционной активности городской демократии служили высокая по тем временам численность населения и достаточная активность соответствующих социальных слоев¹⁸. В Трансильвании, Хорватии, Буковине и других областях по существу еще не было условий для революционного движения городских демократических слоев.

Показателем широкого общественного подъема было движение крестьянства. Антифеодальная борьба крестьян была частью конфликта прогрессивных сил с реакцией в общеимпер-

¹⁸ В конце 30-х годов население Вены насчитывало 333 тыс. человек, Праги — 105 тыс., Буды и Пешта — 103,2 тыс. человек. В середине XIX в. население Львова превысило 70 тыс. человек.

ском масштабе. Размах крестьянского движения явился основой социальных преобразований в годы революции.

Условия и масштабы крестьянского движения в отдельных районах империи были различны. Менялись задачи и воздействие борьбы крестьян на ход событий. Начало революции оказало огромное влияние на подъем аграрного движения. В первые месяцы революции крестьяне боролись за освобождение от феодальных повинностей, за землю. Борьба выражалась в формах отказа от барщины, подачи петиций, захвата помещичьих земель и т. д.

После издания властями патентов, манифестов, наконец, аграрных законов, возвестивших об освобождении крестьян, аграрное движение преследовало задачи расширения крестьянских земель и углубления социальных преобразований. В некоторых провинциях помимо аграрных выступлений крестьяне боролись против мобилизации в армию, реквизиций, дополнительных налогов и т. п.

Особым явлением в 1848 г. была политическая активность крестьянства, связанная с выборами в представительные учреждения. В конституционных институтах крестьяне искали удовлетворения своих социальных чаяний. Особенно высокую активность проявили во время выборов в рейхстаг крестьяне Галиции и Буковины. Несомненно, она находилась в связи с недавним взрывом классовой борьбы в галицийской деревне в 1846 г. Продолжением этой активности была деятельность крестьянских депутатов в рейхстаге в конце лета 1848 г., их борьба за кардинальную аграрную реформу (прежде всего решительное выступление за отмену повинностей без выкупа).

Такие крестьянские вожаки, как И. Капушак и Л. Кобылица, понимали необходимость изменения государственного строя. Но крестьяне, как правило, не смогли разобраться в сложных политических конфликтах периода революции. В своем большинстве они сохраняли веру в «государя-освободителя». Большинство депутатов-крестьян вместе с правыми голосовали в поддержку монархии, против революционной Венгрии (за то, чтобы выслушать венгерскую делегацию, в числе немногих голосовал вожак буковинских крестьян Кобылица).

Хотя в 1848—1849 гг. подъем крестьянского движения наблюдался повсеместно, наиболее высоким накал борьбы был в Буковине, где вплоть до революции сохранялось безраздельное господство помещиков — бояр. Но, как и повсюду в 1848 г., крестьяне не выступали за ликвидацию помещичьего землевладения вообще. При всем размахе крестьянского движения ему не хватало подлинной массовости, организованности, наступательной силы. Лишенные политического руководства крестьянские выступления в большинстве случаев оставались стихийными бунтами.

Борьба крестьян явилась фактором, определившим крах феодальных отношений в Австрийской империи в 1848 г. Однако ввиду слабости движения и отсутствия у крестьян политического союзника среди городского населения, аграрные преобразования, как в Австрии, так и в Венгрии, были проведены сверху, с сохранением крупных феодальных остатков в деревне.

Крестьянская проблема в 1848 г. имела для каждого народа общенациональное значение. Борьба крестьян являлась движущей силой политической демократизации общества. Условия социального (в антифеодальном смысле) освобождения крестьянства имели огромное значение для уровня буржуазно-демократических преобразований в целом и дальнейшего сдвига в национальной консолидации каждого из народов.

Антифеодальное крестьянское движение было важным компонентом революционного процесса. В ряде провинций — в Хорватии, словенских землях, Трансильвании, Буковине, где в 1848 г. не было демократического массового движения в городах, а буржуазия и национальное дворянство (где оно имелось) проявили узкое понимание национальных задач, крестьянское движение имело особое значение. Оно здесь явилось единственной формой массового движения.

В 1848—1849 гг. крестьянское движение в большинстве областей империи субъективно не вышло за рамки аграрных интересов, хотя в некоторых местах крестьяне проявляли интерес к национальному вопросу. В Трансильвании, Воеводине, словенских землях, Восточной Галиции, Буковине, где классовые противоречия переплетались с национальными, классовая борьба крестьянства приобретала и национальную окраску.

Наиболее отчетливо реакция крестьян на национальную проблему проявилась в бойкоте словенскими и чешскими крестьянами выборов во Франкфуртский парламент, включении хорватскими крестьянами и особенно граничарами в свои петиции национальных требований, поддержке украинскими крестьянами принципа раздела Галиции и т. д. Однако национальные моменты в действиях крестьян носили в этих провинциях преходящий характер.

В Венгерском королевстве ввиду крайней остроты национальных противоречий и вспыхнувших вооруженных конфликтов крестьянство (Воеводина, Трансильвания) в большей мере втянулось в национальную борьбу. Национальный аспект крестьянского движения в славянских и румынских областях был обусловлен прежде всего агитацией тех революционных и либерально-реформистских течений, о которых говорилось выше. Эта агитация пробуждала в крестьянстве национальное самосознание, но в силу того что крестьянство было неспособно выработать самостоятельную позицию по жизненному для нации вопросу, она усиливала идейное влияние различных внешних сил, в том числе националистически настроенной буржуа-

зии. В Венгрии, Трансильвании, Чехии, Галиции, Хорватии среди крестьян вели агитацию отдельные представители демократии. Эта агитация развязывала классовую энергию крестьянства.

Особый вопрос — использование хорватскими и сербскими властями граничар и крестьян в борьбе против Венгрии. Первоначально эта борьба в Воеводине имела оборонительный характер. Но темнота граничар и крестьян в дальнейшем позволила хорватским и сербским имущим классам послать их на контрреволюционную войну. То же следует сказать о политике румынского и саксонского имущих классов Трансильвании.

Классовая борьба крестьянства в тылу войск, боровшихся против революции (например, в Хорватии), находилась в русле европейского революционного движения. Еще в большей мере это относится к партизанскому движению венгерских крестьян в тылу австрийской армии. Сложнее была ситуация в революционной Венгрии. Следует учитывать, что после начала освободительной войны вооруженные выступления венгерских крестьян против помещиков сошли на нет. В течение всей войны крестьянство оставалось опорой революции, составляло основную массу армии гонведов. Но социальная борьба в венгерской деревне продолжалась и временами (летом 1849 г.) обострялась. В значительной мере это было вызвано попытками помещиков-реакционеров сузить применение аграрной реформы. Тот факт, что правительство Б. Семере летом 1849 г. не сделало каких-либо шагов навстречу требованиям массы народа, объясняется интересами господствующего класса, ослаблявшего тем самым национальный фронт против габсбургской контрреволюции. Борьба крестьян была направлена на углубление (подчас — на сохранение) социального содержания революции, т. е. объективно — на ускорение буржуазного преобразования Венгрии. Она стимулировала активность демократических кругов интеллигенции. Но уровень социального развития Венгрии предопределил сохранение ведущей роли в общественно-политической жизни страны за либеральным дворянством, которое, будучи революционным в отношении габсбургского абсолютизма, не могло решительно бороться с внутренней реакцией.

Революционная эпоха выдвинула новые формы общественных движений. В условиях революции исключительное значение получила политическая борьба. Чем глубже было размежевание между демократами и либералами, чем теснее была связь демократов с широкими слоями населения, тем разительнее были расхождения в способах осуществления программ. Это особенно отчетливо проявилось в ходе восстаний в городах. Они явились формой выражения и стихийной массовой, и политической борьбы. В противовес революционной активности демократических сил Кракова, Праги и Львова, местные

либералы в ходе восстаний заняли соглашательскую, враждебную восстаниям позицию.

Венгерская, итальянская, польская, чешская и украинская демократия в 1848 г. внесла вклад в общеевропейский революционный процесс. Она поднялась до высшей формы — восстания, и ее опыт стал достоянием революционных традиций народов Европы.

Логика классово-борьбы в разных провинциях империи вела к сотрудничеству трудящихся разных национальностей. Это проявилось в Пражском и Львовском восстаниях. К. Маркс и Ф. Энгельс с удовлетворением отмечали сплочение чешских и немецких рабочих во время революции¹⁹. В городском массовом движении в Воеводине весной 1848 г. участвовала сербская, венгерская и немецкая беднота. Ощущение единства интересов угнетенных было свойственно не только городскому, но и крестьянскому движению. Крестьяне — словаки и венгры добивались углубления аграрных преобразований. В рейхстаге действовали сообща украинские и польские депутаты-крестьяне. В 1848 г. рабочие разных национальностей, по словам Ф. Энгельса, «лишь *чувствовали*» общность интересов²⁰. Однако в этом тяготении трудящихся и эксплуатируемых классов к объединению своих действий в зародыше проявилась тенденция революционного пролетарского интернационализма.

Венгерское революционное движение, как известно, вылилось в освободительную войну. До сентября 1848 г. здесь наряду с массовыми выступлениями, подчас переплетаясь с ними, развивалась формально «законная» деятельность патриотических кругов дворянства и радикальной демократии, направленная на утверждение конституционного строя, а у демократов — и на углубление революционных завоеваний. Венгрия оказывала мощное давление на Габсбургов, вырывая у них подтверждение того, что было завоевано революцией. В ключевые моменты развития революции на ее первом этапе — выступления радикально-демократической (мелкобуржуазной) интеллигенции Венгрии во главе трудящихся городов смыкались с патриотической деятельностью национально-революционной части дворянства и двигали революцию вперед. На втором этапе главной формой движения стала общенациональная война против габсбургской контрреволюции. Самоотверженная борьба венгерского народа привлекла на его сторону тысячи борцов из других стран Европы и лучшие патриотические элементы народов не только Австрии, но и Венгерского королевства.

Освободительная национальная война стала основной формой борьбы разных классовых сил также в итальянской рево-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 420.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 420.

люции. При глубоком различии конкретных социально-политических интересов в этой войне принимали участие Сардинское королевство, герои-добровольцы отрядов Дж. Гарибальди, демократы — участники восстаний в городах против власти Австрии. Особой формой революционного движения в Италии были возглавленные революционной интеллигенцией (сторонники Дж. Мадзини) народные восстания, направленные против местных реакционных, по существу феодальных, режимов — союзников иноземных поработителей (Неаполь, княжества, Папская область). Борьба в Италии, так же как и в Венгрии, вдохновляла сынов разных народов Европы, в том числе выходцев из габсбургской монархии, привлекала их в ряды вооруженных сил революции.

Национально-освободительные войны — форма движения, характерная для эпохи поднимающейся буржуазии, т. е. эпохи, когда ее борьба с феодализмом не была закончена; это — спутники буржуазных революций. Прогрессивное значение их было очень велико, и не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что Маркс в 1848 году «звал к национальной войне»²¹. Защита отечества в этих условиях означала борьбу против устоев феодализма в Европе, против Священного союза, за демократическую революцию.

Наряду с национальным движением имущих классов, которое подчас выливалось в форму государственной политики (Венгрия, Пьемонт), широкий размах приобретало национально-революционное движение «снизу». Во время буржуазных революций оно было направлено против иноземного поработителя, но угрожало и «собственному» (даже революционному) господствующему классу (как ввиду революционной инициативы масс в национальной войне, в которой всегда сказывались их собственные цели, так и ввиду давления непосредственно на национальные имущие слои). Массы заставляли дворянство Венгрии и буржуазию Италии идти на углубление антифеодальных демократических преобразований.

Возникавший в условиях освободительных войн национальный фронт (блок или союз разных революционных сил против иноземного господства и внутренней контрреволюции), как уже говорилось, не снимал различия интересов разных классов, не устранял классовую борьбу.

Буржуазные по своей объективной направленности демократические течения в Венгрии, Чехии, Галиции использовали конституционные формы борьбы, действуя в этой сфере наряду с либералами. В остальных славянских, а также румынских областях слабые левые силы в тактическом отношении находились под влиянием либералов.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 330.

Либералами-реформистами петиционные и парламентские кампании использовались для давления на австрийские власти, и в большинстве случаев являлись высшей формой их активности; революционные же течения использовали «законные» формы борьбы как сопутствующие более действенным способам разрушения старого строя. Хотя румынские и славянские реформисты рассчитывали осуществить национально-политические преобразования на основе соглашения с Габсбургами, посредством подавления Венгрии и используя взаимную помощь друг другу, долгое время они сохраняли надежду на то, что участие их национальных воинских формирований в гражданской войне на стороне имперских властей создаст условия для давления с их стороны на династию и позволит провести в жизнь их национальную программу. Легитимизм либеральных кругов этих наций был относительным и неустойчивым.

В период подъема революции главное, что характеризовало линию поведения либералов-реформистов, была умеренность действий. Депутации к императору, весьма характерная для них форма политической деятельности, преследовали двоякую цель: добиваться удовлетворения национально-политических требований, используя замешательство австрийских властей, но одновременно поддерживать контакты с двором. Эта форма движения была присуща и венгерскому правительству Л. Батяни, опиравшемуся на либеральное дворянство.

Либералы-реформисты, прежде всего славянские, в 1848 г. в общем и целом довольствовались тем, что они считали «практически осуществимым». Но все же либеральная политика не всегда укладывалась в рамки легальности, подчас принимала насильственные формы и носила конспиративный характер. В данном случае речь идет не столько о Венгрии (в марте—августе 1848 г.), легальность политики которой по существу была формальной, ибо интересы венгерского среднего дворянства кардинально расходились со стремлениями двора, но о движениях, остававшихся в рамках программы сохранения целостности империи. Так, например, в Воеводине в мирной форме совершалась ломка габсбургской феодальной административной системы, хотя этот процесс не получил завершения. Однако ориентация на двор, тяготение, особенно консервативного лагеря, к укреплению связи с престолом делало сербские руководящие круги политически неустойчивыми. В условиях наступления контрреволюции австрийское правительство ликвидировало нововведения в Воеводине. Отходом от легальности явилась политика банского веча в Хорватии. В этом плане следует рассматривать и его отказ в августе 1849 г. провозгласить в Хорватии октроированную мартовскую конституцию. Отмеченные политические акции на местах усиливали натиск прогрессивных сил против феодально-абсолютистской системы.

Сама революционная обстановка вынуждала либералов разных наций апеллировать к низам. Подъем классовой борьбы в свою очередь толкал их к усилению идеологического воздействия на народ, чтобы направить энергию масс на решение ограниченных задач национально-либеральной политики. При этом удовлетворение социальных требований народа предусматривалось лишь в минимальных пределах.

В целом чешское, словенское, хорватское и польское крестьянство осталось равнодушным к либерально-реформистской агитации, которая игнорировала его социальные чаяния. Но временами крестьянство подключалось к борьбе, обеспечивая ей массовую поддержку. Так, сельские избиратели сыграли не последнюю роль в том, что все видные хорватские буржуазно-дворянские деятели были избраны депутатами в сабор. Чешским и словенским либералам удалось осуществить бойкот выборов во Франкфуртский парламент и т. д.

Наряду с трансильванскими румынскими либералами большую активность в апелляции к широкому слою проявляли в первые месяцы революции сербские деятели. Репрессии со стороны венгерских властей (в Воеводине), отсутствие политических учреждений, на которые сербская и значительно более слабая румынская буржуазия могли бы опереться, вынуждали их к радикальным национально-политическим действиям, которые можно было осуществить только с помощью крестьян, а в Воеводине — граничар. Апеллировали к массам украинские деятели Восточной Галиции, которые не имели альтернативы в выборе союзника.

В период с середины 1848 г. (особенно отчетливо с сентября 1848 г.) до марта 1849 г. деятельность подавляющей части славянских и румынских либералов протекала под знаком союза с австрийским двором и правительством. Это сотрудничество выражалось в согласовании действий против Венгрии, в получении от официальных лиц денег и вооружения, в поддержке в рейхстаге правительственной политики.

Поскольку Трансильвания, Воеводина, Словакия и Хорватия непосредственно испытывали давление со стороны венгерского правительства, местные либералы и даже буржуазно-демократические круги проявили особенно большую активность в военной кампании против Венгрии, начавшейся при негласной поддержке двора и австрийского правительства. Однако и остальные славянские деятели, кроме польских, в разгоревшейся войне были на стороне двора.

Эта контрреволюционная деятельность имела и внутренний аспект. В классовом антагонизме по отношению к рабочему и крестьянскому движению либералы были единодушны. Но если в чешских, словенских землях и Галиции они ограничивались моральной поддержкой расправы над крестьянами, то в Хорватии и Воеводине (как, впрочем, и в революционной Венгрии),

будучи у власти, они непосредственно подавляли крестьянские выступления, хотя и считали это «нежелательной», крайней мерой.

Итак, в революционные годы политическое поведение славянских и румынских либералов, объективно являвшихся частью общеимперского монархическо-конституционного течения, но представлявших угнетенные нации, было противоречивым. В решающие моменты они выступали против революционных сил. Вместе с тем в локальных пределах им подчас не была чужда радикальная тенденция.

В политической деятельности славянских либералов в 1848—1849 гг. важным направлением были межславянские связи. Это была традиционная линия их деятельности. В условиях революции связи получили преимущественно политический характер. Состоялся славянский съезд. Чешские лидеры стремились ограничить эти контакты рамками империи, но в словацкой, хорватской и сербской среде было тяготение к расширению круга отношений.

После Пражского восстания роль славянского центра в империи перешла к Загребу. Когда в Чехии было введено осадное положение, ряд участников восстания и деятелей Славянского съезда укрылись в хорватской столице. Здесь собрались чехи, словаки, поляки — И.-В. Фрич, Ф.-Б. Миковец, Л. Штур, И.-М. Гурбан, Б. Носак, Я.-С. Белани, Б. Янечек, Б. Блудек и другие леволлиберальные и радикальные деятели.

В межславянских контактах важным звеном были общества «Славянской липы». Эта организация возникла в Чехии. В декабре 1848 г., когда реформистам казалось, что наступила полоса спокойного конституционного развития, вновь оживилась тенденция к межславянскому сближению, было основано общество «Славянская липа» в Загребе, а затем в других хорватских городах. Согласно его уставу общество стремилось к укреплению «взаимности» между славянами, в первую очередь южными, упрочению конституционного строя, федерализации империи и ускорения духовного и материального прогресса народа.

В Хорватии и особенно в Воеводине действовали эмиссары А. Чарторыского, но круг их связей, особенно в Хорватии, в силу их антиавстрийской ориентации был ограничен. В 1849 г. активность их повысилась, они вошли в контакт и с чешскими лидерами.

В 1848 г. более интенсивными, чем раньше, стали межславянские связи в области печати. Газеты уделяли особое внимание положению в славянских областях, заимствовали материал из других национальных изданий и т. д.

Наконец, отметим, что в период революции наряду с политическими акциями во всех районах империи имело место культурно-просветительное движение. Бурный расцвет периодиче-

ской печати, оказавшийся возможным благодаря мартовским завоеваниям революционных масс Вены и Пешта, означал шаг вперед в культурном развитии всех народов. Периодическая печать стимулировала развитие национальных литературных языков. Издавались литературные журналы, поэтические сборники, устраивались любительские спектакли. Особенно интенсивной была культурно-просветительская деятельность украинских «будителей» в Восточной Галиции, до тех пор развивавшаяся в особенно неблагоприятных условиях.

6. Маркс и Энгельс о некоторых проблемах национальных движений в Австрийской империи в 1848—1849 гг.

Маркс и Энгельс являлись активными участниками революционных событий 1848—1849 гг. Что касается революции в Австрии, знаменательным событием было пребывание К. Маркса в Вене с 28 августа по 6 сентября 1848 г. Поездка Маркса свидетельствовала о большом значении, которое он придавал развитию австрийской революции. В выступлении 28 августа 1848 г. на собрании леворадикальной организации — Демократического союза он дал классовый анализ событий, выступил против бесплодных попыток венских демократов добиться своих целей путем «обращений» к императору и буржуазным министрам и т. п. На заседании венского Всеобщего рабочего союза — организации рабочих, надомников и ремесленников, ставившей перед собой экономические задачи, Маркс вновь говорил о роли пролетарских масс в революции²². По-видимому (сведения о выступлениях Маркса в Вене отрывочны), великий руководитель пролетариата стремился направить деятелей рабочего движения на путь сознательной политической борьбы, помочь им понять историческую роль пролетариев в революции.

В 1848—1849 гг. буржуазно-демократическое преобразование Центральной Европы было невозможно без решения проблемы национального освобождения угнетенных народов. Отмечая это, В. И. Ленин писал, что «...необходимость провозгласить и осуществить свободу всех угнетенных народов... будет так же насущна в социалистической революции, как насущна она была для победы буржуазно-демократической революции, например, в Германии в 1848 г.»²³ Значение национальной проблемы в годы революции подчеркивалось Ф. Энгельсом, который писал о «двойственной, „либеральной“ и „национальной“, природе 1848 г.»²⁴

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 533—534.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 263.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 482.

Национальный вопрос занимал большое место в политической стратегии Маркса и Энгельса. Исходя из интересов пролетариата, они рассматривали освобождение угнетенных народов как составную часть революционных преобразований в Европе. В отношении к конкретным национальным движениям Маркс и Энгельс исходили из их объективной роли в противоборстве лагерей прогресса и реакции. Они выражали солидарность с освободительными движениями венгров, итальянцев и поляков, рассматривая их борьбу как важный фактор сокрушения реакционных сил в Европе, высоко оценивали Пражское восстание 12—17 июня 1848 г., видя в нем проявление революционной энергии чешского народа. Однако Маркс и Энгельс изменили свое отношение к национальным движениям австрийских славян тогда, когда эти движения объективно стали орудием контрреволюции. Ленин отмечал правильность этой позиции Маркса и Энгельса в тогдашних условиях²⁵. В статьях и корреспонденциях в издававшейся Марксом «Новой Рейнской газете» Энгельс в начале 1849 г. обратил внимание на важные сдвиги в позиции ряда славянских национальных движений.

Иное дело — высказанные Энгельсом в 1848 г. и позднее мысли о будущем славянских народов Австрийской империи. Мнение советских ученых по этому вопросу сформулировано в предисловии к тому сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, включающему их произведения 1848—1849 гг. Здесь говорится: «Взгляды Энгельса на историческое будущее славян, входивших в состав Австрийской империи, были связаны с его представлениями о роли малых народов в историческом процессе. Энгельс считал, что дальнейший ход исторического развития, основной тенденцией которого является централизация, приведет к утрате этими малыми народами своей самостоятельности и к поглощению их более крупными и более жизнеспособными нациями. В качестве примера Энгельс приводил гэлов в Шотландии, бретонцев во Франции, басков в Испании [...] Однако при оценке судеб малых народов Энгельс не учел, что капитализму наряду с тенденцией к централизации свойственна и другая тенденция — борьба малых народов за свою независимость, их стремление к собственной государственности»²⁶. Энгельс вместе с тем писал, что жизнеспособность малых славянских народов будет доказана, если они начнут «*новую революционную историю*»²⁷. Историческое развитие пошло именно по этому пути. Создав свои государства и «включившись в борьбу за социализм, эти народы оказались в рядах творцов самого передового общественного строя» [318, с. 147].

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6. Предисловие.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 299.

Отношение основоположников марксизма к славянской доктрине М. А. Бакунина обуславливалось изложенными выше принципами. Его «Воззвание к славянам» вызвало публикацию критической статьи Энгельса «Демократический панславизм». Признавая честность намерений Бакунина и его единомышленников, демократизм их взглядов, Энгельс считал неверной оценку славянскими демократами ситуации, в которой планы создания братского сообщества народов на месте ликвидируемой Австрийской империи являлись несбыточной, а потому и вредной мечтой. Он писал о присущей «демократам Славянского съезда» «политической романтики и сентиментальности»: они «пытаются согласовать свои демократические взгляды со своим национальным чувством [...], а так как реальный мир, действительное состояние их страны не дают никаких оснований или только воображаемые основания для такого примирения, то им не остается ничего другого, как [...] мир благих пожеланий, политика фантазии»²⁸. Реальные объективные результаты политической деятельности славянских демократических кругов были так охарактеризованы Энгельсом: имперская реакция их обманула, и таким образом демократы «предали демократию и революцию австрийской монархии», реакционная сущность которой Бакунину была ясна²⁹.

Революция 1848 г. в Германии и Австрии носила половичатый характер, и в Центральной Европе исторически не созрели для победы социальные силы, которые были способны обеспечить политику интернационализма и национальное равноправие. Поэтому отмечая слабые стороны славянских движений, основоположники марксизма связывали их не только с внутренними, но и с внешними факторами, в том числе националистической ограниченностью германской и австронемецкой мелкобуржуазной демократии, с шовинизмом австронемецкой буржуазии и дворянства. Так, Маркс и Энгельс указывали на неспособность революционных сил Германии «провозгласить свободу тех народов, которых она до сих пор угнетала». «И после всего этого,— писал Ф. Энгельс,— немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после всего этого ставят в вину чехам, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождая самое себя, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации»³⁰. И как бы обобщая сказанное, Маркс и Энгельс напоминали: «Несмотря на патриотический вой и шум, поднятый почти всей немецкой печатью, «*Neue Rheinische Zeitung*» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»³¹.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 293—294.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 302.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 84.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 212.

Маркс и Энгельс указывали на исключительное общеевропейское значение освободительной войны венгров в условиях, когда революция в других странах терпела поражения: «Венгерская война очень скоро потеряла присущий ей вначале национальный характер, и именно благодаря своему, казалось бы, чисто национальному шагу, благодаря провозглашению независимости, эта война приняла определенно европейский характер [...] Именно вследствие того, что венгерская война стала европейской, она вступает во взаимодействие со всеми остальными факторами европейского движения. Ее ход оказывает влияние не только на Германию, но и на Францию и Англию»³² (май 1849 г.).

Причины побед Венгрии Маркс и Энгельс видели в самоотверженности народа: «Энтузиазм венгров в борьбе за свободу, еще более усиливаемый национальной гордостью, рос с каждым днем, предоставляя в распоряжение Кошута количество добровольцев, неслыханное для маленького народа в 5 миллионов человек [...] Оружейные и пушечные заводы работали полным ходом»³³.

«Впервые в революционном движении 1848 года, впервые после 1793 года нация, окруженная превосходящими силами контрреволюции, осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть»³⁴... Кошута «Новая Рейнская газета» характеризовала как «истинно революционный характер, человека, который отваживается от имени своего народа принять вызов на отчаянную борьбу...»³⁵.

Но от вождей рабочего класса не укрылись глубокие причины соглашательских в отношении Габсбургов тенденций в среде венгерского господствующего класса (тенденций, которые коренились как в социально-экономической, так и национально-политической сфере). «Австрийское господство над Венгрией,— указывал Маркс в 1860 г.,— сопровождалось [...] господством мадьяр в Венгрии как до, так и после 1848 года»³⁶. Ради упрочения своей власти над всем королевством часть венгерского дворянства искала компромисса с Габсбургами.

Важнейший материал содержит 43-й том сочинений Маркса и Энгельса, куда вошли статьи и обзоры Энгельса, напечатанные «Новой Рейнской газетой» в феврале — мае 1849 г., а также некоторые ранее не публиковавшиеся рукописи. Наряду с освещением хода австро-венгерской войны (замечательного наступления венгерской армии) Энгельс уделял в эти месяцы пристальное внимание нарастанию оппозиции Габсбургам в славянских

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 557, 559.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 553.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 175.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 175.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 517.

областях империи, отмечал факты крестьянских волнений, влияние побед венгров на политические настроения в Австрии. Таким образом, в центре внимания Маркса и Энгельса были факторы, совокупность которых могла привести к победе революции. Сведения о событиях Энгельс по необходимости черпал из официальных сводок командования и немецкой буржуазной печати, обычно враждебной венгерской революции, и умело выявлял действительное положение дел, подчас перепечатывая эти материалы.

Большое место в обзорах обстановки в Австрийской империи уделялось национальным движениям славян: «...в том, что именно национальные устремления славян становятся для австрийской „объединенной монархии“ столь же опасными, как вооруженное сопротивление мадьяр,— подчеркивал Энгельс,— мы уже неоднократно убеждались»³⁷. 19 февраля, т. е. до разгона рейхстага, он напоминал: «Мы уже давно, еще после взятия штурмом Вены, обращали внимание на неизбежность разрыва между австрийским правительством и славянами. Теперь этот разрыв очевиден». Здесь же следовало сообщение о том, что австрийские офицеры «открыто заявляют, что после того, как будет покончено с Венгрией, наступит очередь Хорватии»³⁸.

За неделю до этого, 11 февраля 1849 г., «Новая Рейнская газета» отмечала усиление оппозиционных тенденций в Хорватии и Воеводине: «Мы уже в течение некоторого времени обращали внимание на так называемую демократическую фракцию австрийских славян и на конфликт, который неизбежно назревал между этими мечтателями и Ольмюцким правительством. Мы называли Елачича первым, а Стратимировича вторым представителем этого направления [...] эта фракция, органом которой является „Südslavische Zeitung“ в Аграме, завоевывает почву в самой Хорватии...» Газета привела сообщение аугсбургской «Альгемайне цайтунг» о разногласиях между Стратимировичем и Раячичем, о том, что «хорваты хотят видеть» в Елачиче «своего бана, а не только австрийского фельдмаршал-лейтенанта», а в Кульмере, назначенном министром, хорваты «видят главным образом орудие двора [...] Все это, а также усиливающееся с каждым днем раздражение в тоне аграмских газет показывает, что от славян не так-то легко будет отделаться». «„Südslavische Zeitung“ начинает уже серьезно жаловаться, но у этих мечтателей глаза откроются, когда уже будет слишком поздно и военный режим у них будет установлен»³⁹.

Представляет интерес характеристика Елачича как «мечтателя» (вскоре Энгельс назовет его фантазером и хорватским

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 150. Формулировку «объединенная монархия» Энгельс применял иронически, имея в виду официальную терминологию габсбургских властей.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 125—126.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 110—111, 115.

Дон-Кихотом)⁴⁰. Этот преданный императору генерал вместе с тем одно время был близок к ведущей в Хорватии иллирийской группировке, по существу в 1848 г. осуществляя ее политику (конфликт между ними нарастал по мере наступления австрийской контрреволюции, беспрекословным исполнителем вои которой стал Елачич). Энгельс писал 18 марта 1849 г., что «бан [...] служил правительству для того, чтобы прикрывать своим именем и своей ответственностью все непопулярные у славян правительственные акты»⁴¹. Таким образом Елачич сыграл роль душителя революции и оппозиционного движения в самой Хорватии.

19 февраля Энгельс поместил известие чешской «Конституэллес блатт аус Бёмен» («Богемская конституционная газета») о доказательствах роста недовольства среди словаков и хорватов. Та же газета с горечью отмечала: «Для полноты национального равноправия остается только познакомить хорватский Аграм с прелестями осадного положения, испытанными уже на равных правах немцами, венграми, поляками, итальянцами и особенно чехами». «У чешских горожан и крестьян,— сообщила „Новая Рейнская газета“,— имя *Кошута* вызывает восхищение и преклонение, как имя Наполеона; в Праге арестовывают людей за провозглашение здравицы в честь Кошута»⁴². Энгельс показывал, как в империи в момент успехов австрийцев в Венгрии восстанавливалась прежняя система управления. «Виндишгрец учредил в Пеште новую венскую правительственную комиссию, которая к великому ужасу хорватов претендует на все без исключения права прежнего венгерского правительства, сводя таким образом к нулю идею создания южнославянского государства. Хорваты уже видели себя в мечтах независимыми от Венгрии, как вдруг из Пешта присылается на имя хорватского земельного правительства рескрипт, требующий подчинения, и вдобавок написанный на *венгерском языке*, без перевода на хорватский!! „Slavenski jug“ перепечатывает этот рескрипт в оригинале и не может сдержать своего негодования. Хорваты в бешенстве: с ними поступают точно так же, как при Кошуте. И это в благодарность за верную службу во имя спасения единой монархии»⁴³.

Далее следует глубокий вывод о классовых основах австрийской политики, побуждающей правительство искать союза с венгерской консервативной аристократией (в конечном счете приведшей к австро-венгерскому дуализму 1867 г.). «Аристократ Виндишгрец, естественно, отлично представляет себе, что его цель — сохранение дворянского господства в Венгрии — может

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 260, 354.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 236.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 126, 290.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 126.

быть достигнута только при сохранении господства венгерского дворянства. Отсюда его покровительство венгерским магнатам и предпочтение их. Страдают ли от этого хорваты и словаки — ему безразлично: усмирив сначала Венгрию и восстановив там власть аристократии, он без труда покончит с разобщенными и бессильными без австрийского руководства славянами: вспомните Прагу!» И в другом месте: Австрия, «давая обещания сегодня сербам, завтра мадьярам, видит в будущем гораздо лучшего союзника в богатой венгерской аристократии, которая в случае австрийской победы легко вновь вернула бы себе власть и влияние, чем в путанице классов, интересов и обстоятельств южнославянских и особенно сербских провинций»⁴⁴.

Политической обстановке в империи после издания мартовской конституции Энгельс посвятил оставшуюся в рукописи большую статью «О военной диктатуре в Австрии». Здесь особо отмечена перемена настроений в среде славян. После взятия Пешта, писал Энгельс, камарилья намеревалась, установив в Венгрии «диктатуру сабли», распустить парламент, «который до сих пор был необходим из-за славян», рго fogma октроировать конституцию и «восстановить старую меттерниховскую систему посредством старого средства: порабощения одной нации при помощи другой [...] Эта военно-полевая хартия была подобна разорвавшейся бомбе...» Славян «заманивали обещаниями создать „славянскую Австрию“, их использовали для того, чтобы одержать победу в Италии и Венгрии, а в благодарность их вновь отбрасывают назад, под гнет старого меттерниховского палочного режима. Вместо «славянской Австрии» им преподносят так называемое «равноправие наций», что означает здесь *равную бесправность* всех наций перед лицом всемогущей камарильи высшей аристократии, не принадлежащей ни к какой нации [...] чехи, вожаки австрийских славян, обманутые самым подлым образом, уже выразили свое мнение. Их ярость не знает границ. Они испытали такое сильное разочарование, что общественное мнение Праги полностью революционизировано [...] Через две недели Австрия так же мало сможет положиться на славян, как на немцев и итальянцев [...] грозная мощь мадьярской революции возрастает с каждым днем; сербы вступили в переговоры с мадьярами [...] в Хорватии с каждым днем возрастает недовольство; Вена — это вулкан, едва сдерживаемый с помощью 30 тысяч штыков; Италия на пороге войны [...]»; славянам, «несмотря на то, что в них крайне нуждаются, бросают в лицо вызов, как будто хотят вынудить Елачича привести в мадьярский лагерь [...] своих хорватов и граничар»⁴⁵.

В марте 1849 г. темой обзоров Энгельса неоднократно было положение в Воеводине, где сербы упорно вели борьбу против

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 127, 292—293.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 439—441.

утверждения власти австрийской военщины. Энгельс отмечал, что недовольство политикой Раячича, призывавшего к послушанию Вене, растет и что сербы вступили в переговоры с венграми. Большой интерес представляет констатация Энгельсом того факта, что сербы «ведут национальную борьбу» в связи с чем их возмутил приказ Елачича о восстановлении немецкого языка в делопроизводстве на Военной границе⁴⁶. Энгельс отметил нарастание конфликта между Раячичем и австрийскими генералами Рукавиной и Теодоровичем — исполнителями приказов Виндишгреца, по велению которого австрийские уланы начали разгонять местные национальные — не только сербские и румынские, но и немецкие — органы власти и пытались разоружать отряды сербского ополчения⁴⁷. Политика уступок австрийцам завела Раячича в тупик и, опасаясь полной изоляции, он стал возражать против действий генералов. 20 марта 1849 г. «Новая Рейнская газета» перепечатала сообщение: «Князь Виндишгрец приказал патриарху Раячичу и генералу Теодоровичу *распустить все национальные учреждения, существующие в Воеводине [...] ликвидировать все гарнизоны, кроме императорских, и возобновить прежнюю деятельность командования старых генералатов и полков*». Раячич ответил, что он протестует и если под давлением военных властей выполнит приказ, то не ручается «за реакцию нации». «*Очень неблагоприятное впечатление произвело сообщение о роспуске рейхстага в Кремзире и октроированной конституции*». В сообщении отмечалось, что сербы пришли к выводу: «мы убеждаемся на опыте, что в этой великой борьбе народов *мы сыграли* весьма поучительную роль *выжатого лимона*». Приводя также известия о протестах в Загребе, 20 марта 1849 г. Энгельс подчеркивал: «Теперь видно, какие грозные тучи собираются в сербской Воеводине над разваливающейся австрийской объединенной монархией и как мы были правы, уже ранее указывая на то, что камарилья может еще рассчитывать на сербов лишь в незначительной степени [...] не только сербы, а *все южные славяне* разделяют недовольство вновь проявившимся австрийским вероломством» [...]»⁴⁸.

11 марта 1849 г. «Новая рейнская газета» перепечатала сообщение из Загреба о том, что австрийский дипломат пытался выяснить у турок, «какую позицию думает занять Порта в случае восстания австрийских славян против императорского правительства»⁴⁹.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 236.

⁴⁷ «Сербы заявили, — сообщала «Новая Рейнская газета» 27 марта 1849 г., — что [...] будут защищать свои права до последней капли крови. Если бы уланы позволили себе малейшее насилие, кровопролитие было бы неизбежным [...] если бы уланы нагрянули [...] на сербские деревни, ни одному из них не сносить бы головы. Узнав о разоружении, патриарх пришел в ярость» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 260).

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 244—245.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 209.

Изменение политической обстановки в славянских областях стало сказываться на ходе войны. 22 марта газета сообщала: «В Темешварском Банате ни малейшего движения. Сербь, у которых с каждым днем все больше открываются глаза на вероломство одурачивших их австрийцев, не двигаются с места. Без сербов же размещенные там императорские войска ничего не в силах предпринять»⁵⁰. В связи с сообщением печати о дезертирстве хорватских солдат и переходе их на сторону венгров Энгельс сделал общий вывод: «Итак, всякая опасность для мадьяр со стороны славянского Юга устранена...»⁵¹

В Воеводине общественность настаивала на скорейшем созыве сессии скупщины, в Хорватии — сабора. В связи с опубликованием в Загребе проекта закона о правах Триединого королевства Энгельс писал, что «в нем нет ни следа ненависти к мадьярам и ни слова о мерах предосторожности против *мадьярских* злоупотреблений, зато он несет на себе явную печать *ненависти к немцам* [...]»⁵². «Настроение сербов становится все более „зловещим“; на место прежней ненависти к мадьярам, теперь пришла *ненависть к немцам*»⁵³ (в обоих случаях имеется в виду ненависть к политике австрийской контрреволюции. — *Ред.*).

Из Трансильвании «Новая Рейнская газета» сообщала об упрочении диктатуры Бема и о том, что энергия румынского населения «парализована» октроированной конституцией, которая сильно урезает права румын по сравнению с тем, что им было незадолго до того обещано императором. «Здравый смысл подсказывает народу, — перепечатывала «Новая Рейнская газета» мнение аугсбургской «Альгемайне цайтунг», — что в сущности не имеет значения, кто виновен в непризнании или урезывании его прав: венгерское ли высокомерие или же всемогущее министерство»⁵⁴.

Энгельс скрупулезно отмечал факты крестьянских выступлений против контрреволюции, — восстания венгерских крестьян в тылу императорских войск, массовое уклонение польских крестьян от рекрутского набора, благоприятный прием, который оказали венгерской армии словацкие крестьяне, чувствовавшие, что Виндишгрец несет им худшее ярмо, наконец, «деятельность крестьянского агитатора Кобылицы в *Буковине*», которая «вызывает все большее беспокойство правительства»⁵⁵. Перепечатывая сообщение о борьбе крестьян под руководством Кобылицы и Миронюка, заявлявших, что венгерская армия придет к ним

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 253.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 246, 411.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 365.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 356.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 381.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 114, 357, 385, 389, 423.

на помощь, Энгельс восклицал: «В добрый час, крестьянская война в Австрии!»⁵⁶.

Обзор выступлений Энгельса в «Новой Рейнской газете» в 1849 г. свидетельствует о том, что он внимательно отмечал каждое проявление революционного и оппозиционного габсбургской реакции движения в славянских землях, несомненно связывая с этим движением надежды на более благоприятное для революции развитие событий.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 352.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период, которому посвящено данное исследование, составил бóльшую часть эпохи перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной Европы. Исторически назревшие задачи буржуазного преобразования включали и решение национального вопроса. Поэтому национальные движения, как правило, были наполнены социальным содержанием и составляли важную часть борьбы против феодально-абсолютистского строя.

При наличии этих общих черт в национально-освободительных движениях отдельных народов было много специфического, связанного как с их социальной структурой, так и с уровнем и конкретными политическими условиями развития. В монографии показаны типологические различия между национально-освободительными движениями в период кризиса феодализма и в годы революции и наличие двух различных тенденций: борьбы за создание независимых государств и стремления преобразовать австрийское многонациональное государство.

В результате поражения революции 1848—1849 гг. обе эти тенденции не смогли тогда осуществиться и задачи, выдвигавшиеся историей перед народами монархии Габсбургов, не были решены. Тем не менее в общественном, идейно-политическом и культурном отношении имелись явные результаты, более или менее значительные у разных народов. Народы, имевшие свой развитый дворянский класс, располагали определенной национально-политической организацией и длительной непрерывной политической традицией (венгры, поляки и частично хорваты). В период кризиса феодализма политические выступления дворянства формирующихся неполноправных наций, поначалу имевшие феодально-сословный характер, постепенно стали наполняться буржуазным и национальным содержанием. В этом случае невозможно выделить особый этап, когда основным содержанием всего общественного движения являлись бы языково-культурные требования. Подчас «политический» и «языково-культурный» этапы совмещались и сменяли друг друга в причудливой (но, впрочем, объяснимой) последовательности. В Венгрии, например, период до 90-х годов XVIII в. был наполнен как интенсивной деятельностью в сфере национальной культуры, так и острой политической борьбой; в период от наполеоновских войн до середины 20-х годов XIX в. основной сферой общественной деятельности стала национальная культура, а затем вновь развернулась политическая борьба.

Этапы так называемого языково-культурного движения в полном смысле слова пережили народы, не имевшие никакой

политической организации, прежде всего словаки, словенцы и украинцы Галиции, Буковины и Закарпатья. При этом следует иметь в виду определенную условность понятия «языково-культурное движение»: деятельность в сфере языка и национальной культуры имела важное социально-политическое содержание, поскольку объективно вела к подрыву монополии инонациональных эксплуататорских классов на господство в общественной жизни; более того, она приобретала непосредственно политический характер по мере нарастания борьбы за законодательное закрепление прав национального языка.

В предреволюционный период и в годы революции созрели идеологические основы и политические программы национально-освободительных движений. Крупные сдвиги произошли в развитии национальных культур.

Во всем этом проявился важный социально-этнический процесс эпохи — формирование наций, сопровождавший становление классов буржуазного общества. К середине XIX в. отдельные народы серьезно различались между собой по степени зрелости национальной консолидации. Эти различия сказались на развитии событий в годы революции и имели важные последствия для судьбы Австрийской империи. Национальные и социальные противоречия были использованы правящими кругами для разгрома революционного движения и временной стабилизации монархии.

Несмотря на поражение, революция покончила с основами феодальной системы. Таким образом, Австрийская империя перешла к капиталистическому строю при сохранении глубочайших внутренних противоречий социального и национального характера. Это предопределило новый подъем освободительных движений в дальнейшем — в период утверждения капитализма в Австрийской империи в третьей четверти XIX в.

Период 50—60-х годов XIX в., когда был осуществлен ряд буржуазных преобразований и в Австро-Венгрии установился конституционный строй, является непосредственным продолжением революции 1848—1849 гг. Революция определила ход событий в последующие десятилетия.

Указанный период, завершивший эпоху перехода от феодализма к капитализму, является объектом исследования в следующей монографии сравнительно-исторического характера («Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма»), подготовленной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В этом труде, органически связанном с настоящим исследованием, дается общая характеристика этапов и итогов освободительных движений в габсбургской монархии в течение всей переходной эпохи, т. е. с последних десятилетий XVIII в. по 70-е годы XIX в., и ставится проблема исторической судьбы этого буржуазно-помещичьего государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Энгельс Ф.* Начало конца Австрии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 471—478.
- Маркс К., Энгельс Ф.* О польском вопросе.— Соч. 2-е изд., т. 4, с. 488—494.
- Энгельс Ф.* Несколько слов газете «Rifogta».— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 495—497.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Требования Коммунистической партии в Германии.— Соч. 2-е изд., т. 5, с. 1—3.
- Маркс К.* Письмо редактору газеты Alba.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 4—5.
- Энгельс Ф.* Пражское восстание.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 83—85.
- Энгельс Ф.* Демократический характер восстания.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112—114.
- Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 160—162.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии и последние события в Праге.— Соч. 2-е изд., т. 5, с. 212—215.
- Энгельс Ф.* Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 335—338.
- Энгельс Ф.* Освободительная борьба Италии и причины ее теперешней неудачи.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 391—393.
- Энгельс Ф.* «Kölnische Zeitung» об Италии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 394—397.
- Маркс К.* Революция в Вене.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 449—450.
- Маркс К.* Победа контрреволюции в Вене.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 492—494.
- Маркс К.* Революционное движение в Италии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 82—86.
- Маркс К.* Буржуазия и контрреволюция.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 109—134.
- Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 175—186.
- Энгельс Ф.* Демократический панславизм.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 289—306.
- Энгельс Ф.* Война в Италии и Венгрии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 409—412.
- Энгельс Ф.* Венгрия.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 550—560.
- Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 3—113.
- Маркс К.* Действия Мадзини и Кошута.— Союз с Луи-Наполеоном.— Пальмерстон.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 382—384.
- Маркс К.* Кошут и Мадзини.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 572—573.
- Энгельс Ф.* Что будет с Европейской Турцией?— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31—36.
- Маркс К.* Банкротство Австрии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 100—106.

- Маркс К. Нота Решид-паши.—Итальянская газета о восточном вопросе.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 196—200.
- Маркс К. Политика Австрии. Дебаты о войне в палате общин.—Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 356—366.
- Энгельс Ф. Германия и панславизм.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11,
с. 202—208.
- Маркс К. Австрия и война.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. II, с. 532—
537.
- Энгельс Ф. Европейская война.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11,
с. 617—620.
- Маркс К. Морская торговля Австрии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,
т. 12, с. 86—97.
- Маркс К. Восточный вопрос.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12,
с. 265—269.
- Маркс К. Мадзини и Наполеон.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12,
с. 434—438.
- Маркс К. Вопрос об объединении Италии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е
изд., т. 13, с. 168—174.
- Энгельс Ф. По и Рейн.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 235—281
- Маркс К. Луи-Наполеон и Италия.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13
с. 505—509.
- Маркс К. Кошут и Луи-Наполеон.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13,
с. 524—530.
- Маркс К., Энгельс Ф. Бем.—Соч. 2-е изд., т. 14, с. 134—137.
- Энгельс Ф. Гарibaldiйское движение.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,
т. 15, с. 123—126.
- Энгельс Ф. Большой человек Австрии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,
т. 15, с. 132—135.
- Энгельс Ф. Австрия.—Развитие революции.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е
изд., т. 15, с. 242—245.
- Маркс К. Воззвание Лондонского Просветительного общества немецких рабоч-
их о Польше.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 596—597.
- Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши?—Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 16, с. 156—166.
- Маркс К. Отчет Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международ-
ного Товарищества Рабочих.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16,
с. 386—399.
- Маркс К. Генеральный Совет — Федеральному Совету Романской Швейцар-
рии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 402—409.
- Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Герма-
нии».—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 412—420.
- Энгельс Ф. Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849).—Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 14—22.
- Энгельс Ф. Роль насилия в истории.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
с. 419—479.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 22, с. 11—52.
- Энгельс Ф. Предисловие к польскому изданию «Манифеста Коммунистической
партии» 1892 года.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 289—290.
- Энгельс Ф. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию
«Манифеста Коммунистической партии» 1893 года.—Маркс К., Эн-
гельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 381—382.
- Энгельс Ф. Чешским товарищам к Первому мая. Воспоминание из времен
1848 года.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 420.
- Маркс К., Энгельс Ф. Статьи из «Neue Rheinische Zeitung».—Соч. 2-е изд.,
т. 43.
- Энгельс Ф.—Марксу, около 27 октября 1851 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2-е изд., т. 27, с. 329—331.
- Маркс К.—Энгельсу, 9 декабря 1851 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,
т. 27, с. 342—344.

- Маркс К.*—Энгельсу, 6 мая 1852 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 53—55.
- Маркс К.*—Энгельсу, 30 августа 1852 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 98—102.
- Энгельс Ф.*—И. Вейдемейеру, 12 апреля 1853 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 485—493.
- Энгельс Ф.*—Марксу, 7 марта 1856 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 23—25.
- Маркс К.*—Энгельсу, 16 октября 1856 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 61.
- Маркс К.*—Ф. Лассалю, 4 февраля 1859 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 470—473.
- Энгельс Ф.*—Ф. Лассалю, 18 мая 1859 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 490—496.
- Маркс К.*—Б. Семере, 2 июня 1860 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 453—455.
- Маркс К.*—Энгельсу, 13 февраля 1863 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 265—266.
- Маркс К.*—Б. Семере, 21 августа 1860 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 459—460.
- Энгельс Ф.*—Марксу, 12 апреля 1865 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 89—91.
- Маркс К.*—Энгельсу, 7 июня 1866 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 187—188.
- Маркс К.*—Энгельсу, 20 июня 1866 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 31, с. 192—193.
- Маркс К.*—З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 554—560.
- Энгельс Ф.*—К. Кафьеро, 28 июля 1871 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 218—227.
- Энгельс Ф.*—П. Лафаргу, 19 января 1872 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 322—326.
- Маркс К.*—Ф. А. Зорге, 4 августа 1874 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33, с. 531—533.
- Энгельс Ф.*—К. Каутскому, 7 февраля 1882 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 219—224.
- Энгельс Ф.*—А. Бебелю, 11—12 декабря 1884 г.—*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 214—218.
- Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи.—*Полн. собр. соч.*, т. 7, с. 341—356.
- Ленин В. И.* Народничающая буржуазия и растерянное народничество.—*Полн. собр. соч.*, т. 8, с. 77—86.
- Ленин В. И.* Революция типа 1789 или типа 1848 года? *Полн. собр. соч.*, т. 9, с. 380—382.
- Ленин В. И.* План чтения о Коммуне.—*Полн. собр. соч.*, т. 9, с. 328—330.
- Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.—*Полн. собр. соч.*, т. 11, с. 1—131.
- Ленин В. И.* Фр. Меринг о второй Думе.—*Полн. собр. соч.*, т. 15, с. 259—266.
- Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.—*Полн. собр. соч.*, т. 16, с. 193—413.
- Ленин В. И.* Реформизм в русской социал-демократии.—*Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 305—318.
- Ленин В. И.* Памяти Герцена.—*Полн. собр. соч.*, т. 21, с. 255—262.
- Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.—*Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 1—4.
- Ленин В. И.* Железо в крестьянском хозяйстве.—*Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 377—379.
- Ленин В. И.* Современная Россия и рабочее движение.—*Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 55—59.

- Ленин В. И.* Спорные вопросы. Открытая партия и марксисты.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 65—88.
- Ленин В. И.* Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 23, с. 314—322.
- Ленин В. И.* Либералы и демократы в вопросе о языках.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 423—426.
- Ленин В. И.* Как епископ Никон защищает украинцев? — Полн. собр. соч., т. 24, с. 8—10.
- Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.
- Ленин В. И.* Национал-либерализм и право наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 247—249.
- Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.
- Ленин В. И.* Под чужим флагом.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 131—154.
- Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия. Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23.
- Ленин В. И.* Конференция заграничных секций РСДРП. Полн. собр. соч., т. 26, с. 161—167.
- Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы).— Полн. собр. соч., т. 27, с. 252—266.
- Ленин В. И.* О брошюре Юниуса.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 1—16.
- Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 17—58.
- Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Полн. собр. соч., т. 30, с. 77—130.
- Ленин В. И.* Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 349—356.
- Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. (Проект платформы пролетарской партии).— Полн. собр. соч., т. 31, с. 149—186.
- Ленин В. И.* О конституционных иллюзиях.— Полн. собр. соч., т. 34, с. 33—47.
- Ленин В. И.*—Инессе Арманд, 26 ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 49, с. 323—325.
- Ленин В. И.*—Н. Д. Кикнадзе, ноябрь 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 49, с. 319—322.
- Ленин В. И.*—Инессе Арманд, 25 ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 49, с. 325—326.
- Ленин В. И.*—Инессе Арманд, 30 ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 49, с. 328—334.
- Ленинский сборник, т. XXX.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух Р. А.* Революция в Австрии (1848—1849 гг.). М.: Наука, 1970. 242 с.
2. *Авербух Р. А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849 гг. М.: Наука, 1965.
3. Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, 1965. 281 с.
4. *Адамовић Ј.* Привилегије српског народа у Угарској и рад Благовештенског сабора 1861. Београд, 1902.
5. *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. М., 1916, т. 1. 304 с.
6. *Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956.
7. *Бадалич И.* Русские писатели в Югославии. М.: Прогресс, 1966. 319 с.
8. *Бакотић Ј.* Срби у Далмацији од пада Млетачке републике до уједињења. Београд, б. г. 190 с.
9. [Бакунин]. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906.

10. *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. 1828—1876. М., 1935, т. 3—4; т. 3, 571 с.; т. 4, 621 с.
11. *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. 600 с.
12. *Бах М.* История австрийской революции 1848 г. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 576 с.
13. *Белявская И. М. А. И.* Герцен и польское национально-освободительное движение. М.: Изд-во МГУ, 1954. 198 с.
14. *Бенда Н.* История венгерского якобинского движения. Будапешт, 1958.
15. *Березин Л. В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 1—2; Т. 1. 520 с.; Т. 2. 590 с.
16. *Бернштейн М. Д.* Українська літературна критика 50—70-х років XIX ст. Київ, 1959. 491 с.
17. *Берти Дж.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М.: Прогресс, 1965. 663 с.
18. *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М.: Изд. иностр. лит., 1959. 746 с.
- 18а. *Бемер Г.* Иезуиты. М., 1913. 448 с.
19. *Бјанкини Ј.* Народни препород у Далмацији. Београд, 1927.
20. *Богданов В.* Устанак срба у Војводини и Мађарска револуција 1848—1849. Суботица, 1929.
21. Борьба Австрии против Пруссии и Италии в 1866 г. СПб., 1872. 188 с.
22. *Бродский Н. Л.* Ранние славянофилы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. М., 1910. 206 с.
23. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
24. *Бутковский Я. Н.* Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. СПб., 1888. Т. 1—2.
25. *Василевский И. Ф.* Франц-Иосиф. СПб., 1914.
26. *Василевский Л. М.* Австро-Венгрия: Политический строй и национальные вопросы. СПб., 1906.
27. Васо Пелагић и Војводина [К. Милутиновић]. Нови Сад, 1956.
28. Васо Пелагић и Војводина [Ј. Мирнић]. Нови Сад, 1959.
29. Венгерско-хорватское соглашение 1868 года: Краткий исторический очерк и пер. с примеч. СПб., 1910. 46 с.
30. *Вервес Г. Д. Т. Г.* Шевченко і Польща. Київ: Дніпро, 1964.
31. *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии: Вторая половина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1975. 442 с.
32. *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 330 с.
33. *Владисављевић М.* Хрватска аутономија под Аустро-Угарском. Београд, 1939. 103 с.
34. *Возняк М.* До історії видання Ількевичевих приповідок.
35. *Возняк М.* Як пробудилося українське народне життя в Галичині за Австрії. Львів, 1924.
36. *Воллан Г. А.* Угорская Русь: Исторический очерк. М., 1878. 49 с.
37. *Волощенко А. К.* Нариси з історії суспільно-політичного руху на Україні в 70-х — на початку 80-х років XIX ст. Київ, 1974. 222 с.
38. Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах [В. И. Фрейдзон]. М.: Наука, 1972. 278 с.
39. XVIII век. Л.: Наука, 1977. Сб. 12.
40. *Вулетий В.* Мисао и реч Светозара Марковића. Врњачка Бања, 1975. 236 с.
41. *Вулетий В.* Светозар Марковић и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964. 247 с.
42. *Вучковић В.* Политичка акција Србије и јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859—1874. Београд, 1965. 497 с.
- 42а. *Гавличек-Боровский К.* Сатира и статьи. М.: Гослитиздат, 1950. 160 с.
43. *Гавриловић С.* Аграрни покрети у Срему и Славонији почетком XIX века. Београд, 1960. 233 с.
44. *Гавриловић С.* Срем у револуцији 1848—1849. Београд, 1963. 386 с.
45. *Гарibaldi Д.* [Мои] Мемуары. М.: Наука, 1966. 468 с.

46. Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. [С. Д. Сказкин]. М.: Наука, 1965. 459 с.
47. Герасименко М. П. Аграрні відносини в Галичині в період кризи панщинного господарства. Київ: Вид-во АН УРСР, 1959. 304 с.
48. Гербельський Г. Ю. Передова суспільна думка в Галичині. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1959. 160 с.
49. Гербельський Г. Ю. Развитие прогрессивных идей в Галичині у першій половині XIX ст. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1964. 251 с.
50. Гердер И. Г. Избр. соч. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 392 с.
- 50а. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.
51. Германская история в новое и новейшее время. М.: Наука, 1970, т. 1. 510 с.
52. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954—1965.
53. Госиоровский М. История словацкого рабочего движения. 1848—1918. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 328 с.
54. Графенауэр Б. Национальное развитие каринтийских словенцев. Любляна, 1945. 93 с.
55. Граѓа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849 [Р. Перовић]. Београд, 1952.
56. Граѓа за историју радничког и социјалистичког покрета у Војводини 1868—1890. Сремски Карловци, 1968.
57. Граѓа из земуних архива за историју Првог српског устанка. 1804—1808. Београд, 1955. Књ. 1. 634 с.
58. Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973.
59. Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969. 267 с.
60. Грот Н. Я. Австро-Венгрия или Карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг., 1914. 118 с.
61. Данилак М. Галицькі, буковинські та закарпатські українці в революції 1848—1849. Братислава, 1973.
62. Дей О. І. Українська революційно-демократична журналістика. Київ, 1959. 488 с.
63. Декабристы. Л.: Худож. лит., 1975. Т. 2. Проза. Литературная критика. 447 с.
- 63а. Дмитриев П. А., Софронов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 200 с.
64. Добыш С. В. Адольф Иванович Добрянский: Очерк жизни и деятельности. Пряшов, 1956.
65. Доклады и сообщения советской делегации III Международному съезду по изучению стран Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1974.
66. Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848—1849. Будапешт, 1948. 80 с.
67. Достян И. С. Россия и Балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.: Наука, 1972. 368 с.
68. «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1967. 277 с.
69. Дубина М. Шевченко і Західна Україна. Київ. Вид-во Київськ. ун-ту, 1969. 155 с.
70. Дурковић-Јакшић Л. Бранислав. Први југословенски илегални лист. 1844—1845. Београд: 1968: 256 с.
71. Дурковић-Јакшић Л. Србијанско-црногорска сарадња (1830—1851). Београд: 1957. 251 с.
72. Духнович О. Твори. Братислава, 1967. Т. 1—2.
73. Дьяков В. А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сценного (1801—1890 гг.). М., 1972.
74. Евдокименко В. Ю. Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. Київ: Наук. думка, 1968. 293 с.
75. Желицки Б. И. Социалистическое рабочее движение в Венгрии. 1873—1890. М.: Наука, 1975. 282 с.

76. *Живанчевий М.* Иван Мажураніћ. Нови Сад, 1964. 287 с.
77. *Загайкевич М.* Музичне життя Західної України другої половини XIX ст. Київ, 1960. 191 с.
78. *Заневич І.* (Терлецкий О.). Знесене панщини в Галичині: Причинок до історії суспільного життя і суспільних поглядів 1830—1848 рр. Львів, 1896. 287 с.
79. Зарубежные славяне и Россия: 40—80 гг. XIX в. (Документы архива М. Ф. Раевского). М., 1975. 569 с.
80. З історії західноукраїнських земель. Київ: Вид-во АН УРСР, 1957—1958. Вип. 1—5.
81. З історії чехословацько-українських зв'язків. Братислава, 1959. 687 с.
82. Избранные произведения венгерских мыслителей: Конец XVIII — середина XIX века, М.: Наука, 1965. 312 с.
83. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1—2; Т. 1. 784 с.; Т. 2. 884 с.; Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1958. 1156 с.
84. Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.: Изд-во полит. лит., 1973. 556 с.
85. Из истории социально-политических идей. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 752 с.
86. *Инсаров Х. Г.* Князь Меттерних: Его жизнь и полит. деятельность. СПб., 1905.
87. Исследования по славяно-германским отношениям. Сборник [В. Д. Корольук]. М.: Наука, 1971. 372 с.
- 87а. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.
88. История венгерского революционного рабочего движения [Д. Немеш]. Пер. с венг. М.: Прогресс, 1970. Т. 1. 302 с.
89. История Венгрии. М.: Наука. Т. 1—2; Т. 1. 1971. 644 с.; Т. 2. 1972. 599 с.
90. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 2, 820 с.
91. История Италии. М., 1970. Т. 2. 604 с.
92. Историја народа Југославије. Београд, 1960, Књ. 2. 1335 с.
93. История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. 494 с.
94. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Межд. съезд славистов. М.: Наука, 1973. 496 с.
- 94а. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Межд. съезд славистов. М.: Наука, 1978. 516 с.
95. История немецкой литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 464 с.
96. История Парижской коммуны 1871 года. М.: Наука, 1971. 799 с.
97. История Польши. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1—2; Т. 1. 1954. 584 с.; Т. 2. 1955. 711 с.
98. История Румынии. Пер. с рум. М.: Изд-во иностр. лит. 1950. 564 с.
99. История Румынии. 1848—1917. М.: Наука, 1971. 665 с.
100. История Румынии нового и новейшего времени. М.: Наука, 1964. 407 с.
101. История Франции. М.: Наука, 1973. Т. 2. 663 с.
102. История Чехословакии. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1—2; Т. 1. 1956. 415 с.; Т. 2. 1959. 359 с.
103. История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 736 с.
104. Історія Львова: Короткий нарис. Львів. 1956. 293 с.
105. Історія робітничого класу Української РСР. Київ: Наук. думка. Т. 1—2; 1967. Т. 1. 567 с.; Т. 2. 507 с.
106. Історія селянства Української РСР. Київ: Наук. думка. 1967. Т. 1. 552 с.
107. Історія української літератури. Київ. 1967. Т. 2.
108. Історія Української РСР. Київ. 1967. Т. 1.
- 108а. *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд. 1963. 572 с.
109. Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.
110. І. Я. Франко як історик. Київ: Вид-во АН УРСР, 1956.

112. *Калтахчян С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. Изд. 2-е М.: Изд-во МГУ. 1976. 407 с.
113. *Кан С. Б.* Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.: Учпедгиз. 1948. 229 с.
114. *Канделоро Дж.* История современной Италии. М.: Прогресс, 1958—1966. Т. 1—4.
- 114а. [Киреевский] Письма П. Киреевского к Н. М. Языкову. М., 1935.
115. *Кирилович Д.* Српски народни сабори. Нови Сад, 1937. Т. 1.
116. *Кирилук Е. П.* Українські письменники — революційні демократи й література західних слов'янських народів у ХІХ столітті. Київ, 1963.
117. *Кись Я. П.* Промисловість Львова у період феодалізму (ХІІІ—ХІХ ст.). Львів, 1968.
118. *Кланица Т., Саудер И., Сабольчи М.* Краткая история венгерской литературы ХІ—ХХ вв. Будапешт, 1962. 404 с.
119. Класова боротьба селянства Східної Галичини (1772—1849): Документи і матеріали. Київ: Наук. думка, 1974. 596 с.
120. *Клима А.* 1848 год в Чехии: Начало чешского рабочего движения. М., 1949. 240 с.
122. *Коваленко А. А.* Велика французька буржуазна революція і громадсько-політичний рух на Україні в кінці ХVІІІ ст. Київ, 1973.
123. *Козлов В. И.* Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 407 с.
124. *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. М.: Изд-во АН СССР. 1957. 410 с.
125. *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в ХІХ и ХХ веках. Прага, 1964. 263 с.
126. *Коллар Я.* Сто сонетов. М.: Худож. лит., 1973. 245 с.
127. «Колокол» — газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон — Женева. Факсим. изд. под ред. М. В. Нечкиной. М.: Изд-во АН СССР, 1960—1964. Вып. 1—11.
128. *Коломиец И. Г.* Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине ХІХ ст. Томск: Изд-во Томск. ун-та. Т. 1—2. 1961—1962; Т. 1. 404 с. Т. 2. 677 с.
129. *Кольман Э. Б.* Бернард Больцано. М.: Изд-во АН СССР. 1955. 224 с.
130. *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1961. 488 с.
131. *Косачевская Е. М.* Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 года. Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1965. 151 с.
132. *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историјској перспективи ХVІІІ и ХІХ века. Београд. 1952. 304 с.
133. *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.
134. *Кравець М. М.* Иван Франко — историк України. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1971. 203 с.
135. *Кравець М. М.* Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині ХІХ ст. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1964. 239 с.
136. *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба 1868 године. Београд, 1969. 424 с.
137. *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии. М.: Наука, 1971. 261 с.
138. *Кузьмина З.* Иван Франко и революция 1848 года в Галиции. Петрозаводск: Карелия, 1971. 72 с.
139. *Кулаковский П. А.* Иллиризм: Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. 93 с.
140. Культура и общество в эпоху становления наций: Центральная и Юго-Восточная Европа в конце ХVІІІ — 70-х годах ХІХ в. М.: Наука, 1974. 208 с.
141. *Кулябко Е. С., Башенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975. 227 с.

142. Північна Буковина, її минуле і сучасне / В. Курило, М. Ліщенко, О. Романець, Н. Сирота, Б. Тимошук. Ужгород: Карпати, 1969. 247 с.
143. *Ланге Н.* Обзорение Австрийской империи. СПб., 1854.
144. *Лебл А.* Прилог историји аграрног питања у Војводини 1848—1849. Нови Сад, 1954. 71 с.
145. *Левцова С. З.* Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М.; Мысль, 1970. 373 с.
146. *Лемке М.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. 510 с.
- 146а. В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л.: Наука, 1969. 400 с.
147. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях [П. Н. Федосеев]. М.: Политиздат, 1972.
148. *Лещиловская И. И.* Иллиризм: К истории хорватского национального возрождения. М.: Наука, 1968. 338 с.
149. *Лещиловская И. И.* Общественно-политическая борьба и массовое движение в Хорватии в 1848—1849 гг. М.: Наука, 1977. 302 с.
150. *Лісовий П. М.* Журналістика Закарпаття 50—70-х років XIX ст. і її зв'язки з іншими українськими землями та Росією. Ужгород, 1969. 51 с.
151. *Лозинский С. Г.* Революция 1848 г. в Австрии. Пг., 1917. 39 с.
152. *Лозинский С. Г.* Царствование Франца-Иосифа: Политический очерк современной Австрии. Пг., 1916. 205 с.
153. *Мазурок О. С.* Экономические и культурные связи западноукраинских земель с Украиной и Россией во второй половине XIX в. Автореф. канд. дис., 1972. 22 с.
154. *Майлат И.* История Австрии. М., 1958. 405 с.
155. *Макасів В.* Робітничий клас Галичини в остатній третині XIX ст. Львів, 1968.
156. *Маркович С.* Избр. соч. М.: Гос. изд-во политич. лит. 1956. 916 с.
- 156а. Карл Маркс. Биография. М.; Изд-во полит. лит. 1968. 740 с.
- 156б. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. 792 с.
157. *Марченко М. І.* Українська історіографія. Київ, 1959. 255 с.
158. Матеріали звітної наукової сесії Інституту суспільних наук АН УРСР 1971 року. Київ, 1971.
159. Матеріали к биографии М. А. Бакунина. М.; Л., 1923. Т. 1—2.
160. *Матула В.* Людовит Штур (1815—1856 гг.). Братислава, 1956. 79 с.
161. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 664 с.
162. Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М.: Наука, 1966. 281 с.
163. Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения [В. Д. Королюк]. М.: Наука, 1968. 326 с.
164. Межславянские культурные связи. [И. М. Шептунов]. М.: Наука, 1971. 239 с.
165. Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978.
166. *Машко І. М.* Громадсько-політичний рух і суспільна думка в Угорщині на рубежі XVIII—XIX ст. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту. 1971. 190 с.
167. *Мизиано К. Ф.* Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 141 с.
168. [Міјатовић Ђ.]. Изабрани списи Ђоке Мијатовића. Нови Сад, 1956.
169. *Микитась В. Л.* Галузка могутнього дерева: Літературний нарис. Ужгород, Карпати, 1961, 206 с.
170. *Микитась В. Л.* Літературний процес на Закарпатській Україні дооктябрьського періода. Автореф. докт. дис. Киев, 1970. 102 с.
171. *Микитась В. О. В.* Духнович. Літературно-критичний нарис. Ужгород, 1959.
172. *Милетић С.* Изабрани чланци. Нови Сад, 1939. 216 с.
173. *Милисавац Ж.* Матица сербская 1826—1876. Нови Сад. 1876. 64 с.

174. Минуле і сучасне Північної Буковини. Київ: Наук. думка. 1972—1973. Вип. 1—2.
175. *Мирний І.* Раднички покрет у Бачкој до формирања Социјал-демократске партије Угарске. Нови Сад, 1963.
177. *Митрофанов П.* История Австрии. СПб., 1910. Т. 1.
178. *Митрофанов П. П.* Леопольд II Австрийский. Пг., 1916. Т. 1.
179. *Митрофанов П. П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. СПб., 1907. 784 с.
180. *Михайлов М. И.* Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука. 1976. 350 с.
181. [Миханловић Б.]. Изабрани списи Бранка Михаиловића. Нови Сад, 1956.
182. *Молок А. И.* Германия и Австрия в 1815—1847 годах. (Стеногр. лекций). М., 1949. 71 с.
183. *Мыльников А. С.* Возникновение национально-просветительной идеологии в чешских землях XVIII в. М.: Наука, 1971. 61 с.
184. *Мыльников А. С. И.* Юнгман и его время. М.: Наука, 1973. 160 с.
185. *Мыльников А. С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.; Изд-во АН СССР. 1963. 112 с.
186. *Мыльников А. С.* Чешская книга: Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М.: Книга, 1971. 208 с.
187. *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. 199 с.
188. *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882. 280 с.
189. Нарис історії Львова. Львів: Кн.-журн. вид-во, 1956. 437 с.
190. Народні пісні Буковини в записях Юрія Федьковича. Київ, 1968.
191. *Нарский И. С.* Мироззрение Э. Дембовского: Из истории польской философии XIX в. М.: Изд-во МГУ 1954. 291 с.
192. Национально-освободительное движение южных славян. М.: Наука, 1966. 226 с.
- 192а. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. [С. Б. Бернштейн]. М.: Наука, 1978. 353 с.
193. *Невлер В. Е.* Джузеппе Гарibaldi. М., Госполитиздат. 1961. 127 с.
194. *Нецветаев А.* Династия Габсбургов. СПб., 1915.
195. *Нечиталюк М. Ф.* Буковинський Кобзар Юрій Федькович. Львів: Кн.-журн. вид-во, 1963. 95 с.
196. *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 504 с.
197. *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1956. Т. 1.
198. *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. 327 с.
199. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 361 с.
200. *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М.: Учпедгиз, 1949. 316 с.
201. *Новак В.* Фрањо Рачки (1828—1894). Београд, 1958. 382 с.
202. [Обрадовић]. Век Доситеја Обрадовића. Београд, 1911.
203. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. [И. С. Миллер]. М.: Наука, 1974. 404 с.
204. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 332 с.
205. Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963.
206. *Ойзерман Т. И.* Развитие марксистской теории об опыте революции 1848 г. М.: Госполитиздат, 1955.
207. *Орешковић А.* Мало више светлости. Београд, 1895.
208. Очерки истории экономической мысли Венгрии. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
209. Очерки новой и новейшей истории Венгрии. М.: Соцэкгиз, 1963. 414 с.
210. *Павлович А.* Избр. произв. Прешов, 1955.
211. *Павлик М.* Москвофільство та українофільство серед австро-руського народу. Львів, 1906.

212. *Павлик М.* Про русько-українські народні читальні. Львів, 1887. Ч. 1.
213. *Палаузов С. Н.* Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии. СПб., 1861. 28 с.
214. *Пашук А. І.* Соціологічні та суспільно-політичні погляди С. А. Подолінського. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1965.
215. Первый Интернационал. М.: Мысль, 1964—1965, 1970. Ч. 1—3.
216. Первый конгресс балканских исследований: Сообщения советской делегации. М.; Наука, 1966.
217. *Петёфи Ш.* Собр. соч. В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1952—1953.
218. *Петровић Н.* Око Милетића и после њега. Нови Сад, 1964. 255 с.
219. *Петровић Н.* Светозар Милетић (1826—1901). Београд, 1958. 256 с.
220. *Пименова Э. К.* Борьба за свободу в Австрии и Венгрии (1848). Пг.: Гос. изд-во, 1920. 64 с.
221. *Пирумова Н. М.* Александр Герцен: Жизнь и деятельность. М.: Учпедгиз, 1962. 104 с.
222. *Пирумова Н. М.* Бакунин. М.: Молодая гвардия. 1970. 400 с.
223. *Писарек Х.* Философија Светозара Марковића. Нови Сад, 1974. 168 с.
224. Письменники Західної України 30—50-х років XIX ст. Київ: Дніпро, 1965. 652 с.
225. Питання історії Угорщини. Ужгород, 1959. 163 с.
226. Питання Маріана Шашкевича. Львів, 1912.
227. *Погодин А. Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915. 420 с.
228. *Погодин М. П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878. 166 с.
229. *Познанский В. В.* Очерки истории русской культуры первой половины XIX века. М.: Просвещение, 1970. 278 с.
230. *Полит-Десанчић М.* Све досадање беседе. Нови Сад, 1883.
231. *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М.: Наука, 1974. 211 с.
232. *Попов Н. А.* Австрийская публицистика перед введением дуализма (1865—1866). Киев, 1878.
233. *Попов Н. А.* Россия и Сербия. М., 1869. Ч. 1.
234. *Поповић Д.* Панчево у Српском покрету 1848—1849. Нови Сад. 1954. 66 с.
235. *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1963, Књ. 3. 333 с.
236. *Поповић М.* Ђура Даничић. Београд. 1959. 272 с.
237. *Попович М.* Революційно-демократичне еднання слов'ян у XIX ст. Пряшів, 1973. 366 с.
238. Преписка Илије Гарашанина. Београд, 1950. Књ. 1. (1839—1849).
239. *Пристер Е.* Краткая история Австрии. М.: Изд-во иностр. лит. 1952. 509 с.
240. Проблемы изучения Герцена [Ю. Г. Аксман]. М., 1963. 536 с.
241. Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976. Вып. 2. 349 с.
- 241а. Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.: Наука, 1976. 387 с.
242. Проблемы истории рабочего и демократического движения в странах Западной Европы. Уфа. 1963. 219 с.
- 242а. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
243. *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1879—1881. Т. 1—2.
244. *Радищев А. Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952. 676 с.
245. *Радонић Ј.* Аутобиографија патријарха Јосифа Рајачића: Критичка оцена. Београд, 1951.
246. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1970. 360 с.
247. *Ратнер Н. Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М.: Наука, 1970. 222 с.

248. *Реваи И.* Маркс и венгерская революция 1848—1849 гг. Будапешт, 1951. 56 с.
249. Революции 1848—1849. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1—2; 1952. Т. 1. 848 с.; Т. 2. 638 с.
250. *Ровда К. И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях: 50—60-е годы XIX в. Л.: Наука, 1968. 247 с.
251. Русская литература XVIII в. и славянские литературы. М.; Л., 1965.
252. Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1975. 327 с.
253. *Рутковский Ян.* Экономическая история Польши. М., 1953.
254. Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 616 с.
255. *Сбоев Н.* Император Иосиф II и его восточная политика. М., 1884.
256. *Свенцицкий И. С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов, 1905. Т. 1. 212 с.
257. *Свенцицкий И. С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в I половине XIX в. СПб., 1906.
258. Светозар Милетић и Народна странка. Грађа [Петровић]. Сремски Карловци, 1968—1969. 1—2.
259. *Свистун Ф. И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1896. 350 с.
260. *С[вистун] Ф. И.* Гр. Агенор Голуховский и Галицкая Русь в 1848—1859 гг. Львов, 1901. 162 с.
261. Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М.: Наука, 1968. 420 с.
262. *Селищев А.* Взгляды Карла Гавличка на Россию. Казань, 1913. 100 с.
263. Селянский рух на Буковині в 40-х роках XIX ст.: Збірник документів. Київ, 1949.
264. *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност. Београд, 1925. 439 с.
265. *Скерлић Ј.* Светозар Марковић: Његов живот, рад и идеје. Београд, 1922. 248 с.
266. Славяне и Россия. М.; Наука, 1972. 305 с.
267. Славяно-балканские исследования. М.: Наука, 1972. 386 с.
268. Славяно-балканские исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
269. Славяно-германские культурные связи и отношения. М.; Наука, 1968. 365 с.
270. Славяно-германские отношения [В. Д. Королюк]. М.: Наука, 1964. 295 с.
271. Славянская историография. М.: Изд-во МГУ, 1966. 283 с.
272. Славянская историография и археография. М.: Наука, 1969. 280 с.
273. Славянский ежегодник. Киев, 1877. Кн. 2. 326 с.
274. Славянское возрождение. М.: Наука, 1966. 250 с.
275. Славянское источниковедение. М.: Наука, 1965. 323 с.
276. *Смирнова З. В.* Социальная философия А. И. Герцена. М.: Наука, 1973. 290 с.
277. Советское славяноведение. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1969. 660 с.
278. *Соколов П. С.* Церковная реформа императора Иосифа II: Опыт церковно-историч. исследов. из истории западных исповеданий. Саратов, 1892.
279. Споменица Светозара Милетића. Нови Сад, 1926. 214 с.
280. *Стајић В.* Великокикиндски диштрикт. 1776—1876. Нови Сад, 1950.
281. *Стајић В.* Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1951. 381 с.
282. *Стајић В.* Грађа за политичку историју Новог Сада. Нови Сад, 1951. 451 с.
283. *Стајић В.* Новосадске биографије: Из архива новосадскога магистрата [Нови Сад]. 1956. Св. 6. 252 с.
284. *Стајић В.* Светозар Милетић. Београд — Нови Сад, 1926. 435 с.
285. [Станојевић Д.]. Изабрани списи Драгише Станојевића. Нови Сад, 1957. Т. 1. 404 с.

286. *Стеблій Ф. І.* Боротьба селян Східної Галичини проти феодального гніту в першій половині XIX ст. Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. 184 с.
287. *Стеблій Ф. І.* Революції 1848—1849 років у Європі і Україні. Київ, 1973. 47 с.
288. *Стеклов Ю.* Михаил Александрович Бакунин. М.; Л.: Гос. изд. Т. 1—2; Т. 1. 1926. 564 с.; Т. 2. 1927. 448 с.
289. *Степанова Е., Левиова С.* Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848—1849 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 117 с.
290. *Стецяк Й. П., Мансфельд Д. П.* Школа социалистической Югославии. М.: Педагогика, 1976. 151 с.
291. *Стојковић А. Б.* Филозофски погледи Владимира Јовановића. Нови Сад, 1972. 170 с.
292. *Страњковић Д.* Политичка пропаганда Србије у југословеским покрајинама 1844—1858 година. Београд, 1936.
293. *Страњковић Д.* Србија Пијемонт јужних словена 1842—1853. Београд, 1932. 61 с.
294. *Студинський К.* Переписка Михаила Драгоманова с Володимиром Навроцьким. «За сто літ». Київ, 1927. Кн. 1.
295. *Студинський К.* Львівська духовна семінарія в часах Маркиана Шашкевича (1829—1843). Львів, 1916.
296. [Суботић Ј.]. Живот д-ра Јована Суботића. Нови Сад, 1901—1905. Д. 1—3; Д. 1, 1901. 158 с.; Д. 2, 1902. 179 с.; Д. 3, 1905. 226 с.
297. *Танчич М.* Мой жизненный путь. М.: Гослитиздат, 1952. 452 с.
298. Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976. 343 с.
299. Торжество історичної справедливості. Львів, 1968.
300. *Тот З. И.* Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. Будапешт, 1954. 122 с.
301. *Трайнин И. П.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1947. 305 с.
302. *Уверова Г.* Прокоп Дивиш. М.; Л., 1965.
303. *Удальцов И. И.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 251 с.
304. Ујединена омладина српска: Зборник радова. Нови Сад, 1968. 624 с.
305. Устанак у Боки Которској. Котор — Будва, 1970.
306. Учреждения Западной Украины до воссоединения ее в едином Украинском Советском социалистическом государстве: Справочник. Львов; Изд-во Львовск. гос. ун-та, 1955. 180 с.
307. *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX века. М.: Наука, 1966. 333 с.
308. *Филиповић М.* Проучавање насељавања Војводине. Нови Сад, 1958.
309. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977. 330 с.
310. *Франко І.* Вибрані суспільно-політичні і філософські твори. Київ: Державне вид-во політ. літ, УРСР. 1956.
311. *Франко І.* Лук'ян Кобилиця: Епізод з історії Гцудульщини в першій половині XIX ст. Львів, 1902.
312. *Франко І.* Нарис історії українсько-руської літератури (до 1890 р.). Львів, 1910.
313. *Франко І.* Панщина та її скасування 1848 р. 2-е вид. Львів, 1913. 248 с.
314. *Франко І.* Про російську літературу. Львів: Вільна Україна, 1947. 278 с.
315. *Франко І.* Твори. В 20-ти т. Київ: Держ. вид. худ. літ., 1950—1956.
316. *Францев В.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. 386 с.
317. *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970. 364 с.
318. *Фридрих Энгельс.* Биография. М.: Изд-во полит., лит., 1970. 622 с.
319. *Ханак П.* Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг. Будапешт, 1953. 80 с.

320. *Хевеши М. А.* Мирозозрєння венгерських революційних демократів. М.: Изд-во АН ССРСР, 1962. 206 с.
321. *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. Письма.
322. *Хонигсман Я. С.* Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 р.). Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1971. 254 с.
323. *Хорват І.* Странке код Хрвата и њихове идеолгије. Београд., 1939. 103 с.
324. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974. 313 с.
325. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 16 т. М.: Худ. лит., 1939—1953.
326. *Чехак К.* Раднички покрет у Банату до формирања Социјал-демократске партије Угарске. Нови Сад, 1871.
327. Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения: Конец XVIII — начало XX в. М.: Наука, 1968.
328. *Чубрилович В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд. 1958. 571 с.
329. *Шалата М. Й.* Маркіян Шашкевич: Життя, творчість громадсько-культурна діяльність. Київ: Наук. думка, 1969. 256 с.
330. *Шевченко Ф. П.* Лук'ян Кобилиця: З історії антифеодальної боротьби селянства Буковини в першій половині XIX ст. Київ, 1958. 203 с.
- 330a. *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение и Россия. М.: Наука, 1978. 391 с.
331. *Шишић Ф.* Югословенска мисао. Београд, 1937. 272 с.
332. *Шишић Ф.* Како је Јелачић постао баном. Београд, 1937.
333. Шляхом до шастя: Нариси історії Закарпаття. Ужгород: Карпати, 1973. 288 с.
334. *Шмедес К.* Географическое и статистическое обозрение Галиции и Буковины. СПб., 1870. 150 с.
335. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. СПб., 1909. 176 с.
336. *Шульга І. Г.* Соціально-економічні відносини і класова боротьба на Закарпатті в кінці XVIII — першій половині XIX ст. Львів: Вид-во Львівськ. ун-ту, 1965. 266 с.
337. *Шухевич О.* Переводи і наслідування. Львів, 1883.
338. *Шурат В. Г.* Вибрані праці з історії літератури. Київ, 1963. 434 с.
339. *Шурат В.* На досвітку нової доби. Львів, 1919. 190 с.
- 339a. *Щербатов П. А.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб., 1899. Т. 6.
340. *Шурат С. В.* Рання творчість Івана Франка. Київ, 1956. 229 с.
341. Экономическая платформа русской секции I Интернационала. М.: Соцэкгиз, 1959. 258 с.
342. Этюды о Венгрии. Будапешт, 1975. Т. 10. 195 с.
343. *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910.
- 343a. *Ястребов Ф.* Нариси з історії України: Україна в першій половині XIX ст. Київ, 1939. Вип. 13.
344. *Яцкевич Е. А.* Становище робітничого класу Галичини в період капіталізму (1848—1900 pp.): Нарис. Київ: Вид-во АН УРСР. 1958. 106 с.
345. *Adamek K.* Doba poroby a vzkříšení. Praha, 1878, T. 1. 134 s.
- 345a. *Adăniloaiе N.* Formation de l'Etat national roumain. Bucureşti, 1965.
346. Aktenstücke zur Geschichte des kroatisch-slavonischen Landtages und der nationalen Bewegung vom Jahre 1848 [Pejaković]. Wien, 1861. 251 S.
347. Alpenregion und Österreich. Geschichte, Spezialität. Innsbruck, 1976.
- 347a. *Andics E.* 1848—1849. Budapest, 1968. 536 old.
348. *Andics E.* Das Bündniss Habsburg-Romanow. Budapest, 1963. 203 S.
349. *Andics E.* Le rôle de la question hongroise dans les relations franco-autrichiennes en 1811—1812. Budapest, 1970.
350. *Andics E.* Maďarské dělnické hnutí od revoluce 1848—49 a od osvobození bojů až do Velké Říjnové Socialistické Revoluce r. 1917. Praha, 1955.
351. *Andics E.* Metternich und die Frage Ungarns. Budapest, 1973. 513 S.

352. *Andrássy Gy.* Az 1867-i kiegyezésről. Budapest, 1896.
353. Der Anteil der Bundesländer an der Nationswerdung Österreichs. Wien — München, 1971.
354. *Antoljak S.* Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958. 311 s.
355. Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva (1390—1930). Beograd, 1930. 931 s.
356. *Āpih J.* Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888.
357. *Arató E.* A feudális nemzetiségtől a polgári nemzetig. Budapest, 1975. 176 old.
358. *Arató E.* Kelet-Európa története a 19. század első felében. Budapest, 1971. 568 old.
359. *Arató E.* A magyar politikai nemzet fogalma az 1860-as évek országgyűlésein. Budapest, 1964.
360. *Arató E.* A nemzetiségi kérdés története Magyarországon 1790—1848. Budapest, 1960. K. 1—2; K. 1. 403. old. K. 2. 442 old.
361. *Arató E.* Sociálne motívy slovenského národného hnutia v r. 1845—1848. Martin, 1952. 79 s.
362. *Arbes J.* Barrikádníci: Sebrané spisy. Praha, 1911. Sv. 20.
363. *Arneth A.* Anton von Schmerling. Praha, 1895.
- 363a. *Arneth A.* Aus meinem Leben. Stuttgart, 1893. Bd. 1—2.
364. *Arneth A.* Maria Theresia's erste Regierungsjahre. Wien, 1863—1864. Bd. 1—2.
365. *Arneth A.* Maria Theresia's letzte Regierungszeit. Wien, 1876—1879. Bd. 1—3.
366. *Arno L.* Deutsche und Slawen. Wien, 1974.
367. *Arnold E.* Sebrané spisy. Praha, 1954. 602 s.
368. Atti e memoire del XXVII Congresso nazionale del Risorgimento. Milano, 1948.
369. Die Aufklärung in Ost- und Süd-Europa. Köln-Wien, 1972. 239 S.
371. *Auty K.* Czech and Slovák thought in the second half of the eighteenth century. Uppsala, 1960. 22 p.
372. *Badalić J.* Rusko-hrvatske književne studije. Zagreb, 1972. 479 s.
373. *Bakoš L.* L'udovít Stúr ako vychovavateľ a bojovník za slovensku školu. Bratislava, 1957.
374. *Balázs H. É.* Berzeviczy Gergely, a reformpolitikus (1763—1795). Budapest, 1967. 389 old.
375. *Bálcescu M.* Válogatott írásai. Budapest, 1950. 224 old.
376. *Balcescu N.* Opere. București, 1964. Vol. 4. 657 p.
377. *Baltzarek F.* Die Geschichte der Wiener Börse. Wien, 1973.
378. *Barac A.* Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije. Zagreb, Knj. 1—2; Knj. 1. 1954. 315 s.; Knj. 2. 1960. 218 s.
379. *Barany G.* Stephen Széchenyi and the Awakening of Hungarian Nationalism. 1791—1841. Princeton (N. J.), 1968. 487 p.
380. *Barbalić F.* Narodna borba u Istri od 1870 do 1915 godine. Zagreb, 1952. 200 s.
381. *Bartha I.* Kossuth Lajos 1848—1849-ben. Budapest, 1951.
382. *Batowski A.* Diariusz wypadków 1848 roku. Wrocław, 1974. 472 s.
383. *Batowski H.* Polacy, Chorwaci i Węgrzy w r. 1848—1849. Warszawa, 1937.
384. *Battaglia G.* Taras Szewczenko: Życie i pisma jego. Lwów, 1865.
385. *Bartocha J.* Čeština na bývalé univerzitě a stavovské akademie v Olomouci: Účinek obou ústavu na obrození naše v Olomouci a na Moravě. Olomouc, 1905. 87 s.
386. *Backer K. K.* Marx und F. Engels in Köln. 1848—1849. Berlin, 1963.
387. *Béer J.* Az 1848/49 évi népképviselési országgyűlés. Budapest, 1954.
388. *Beidtel G.* Geschichte der Österreichischen Staatsverwaltung. Innsbruck, 1896. Bd 1—2.
389. Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationswerdens der West- und Südslawischen Völker. Berlin, 1954.
390. Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1960.
391. *Beksics G., Kemény Zs.* A forradalom és a kiegyezés. Budapest, 1883.

392. *Belda J.* Liberec v revolučním roce 1848. Liberec, 1959. 291 s.
- 392a. *Benda Gy.* Statisztikai adatok a magyar mezőgazdaság történetéhez. 1767—1867. Budapest, 1973. 457 old.
393. *Benda K.* A magyar jakobinus mozgalom története. Budapest, 1957. 95 old.
394. *Benedikt H.* Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Joseph-Zeit. Wien — München, 1958. 200 S.
395. *Benedikt H.* Die Monarchie des Hauses Österreich. Wien, 1968.
396. *Benetka B. P.* Stanislav Vydra, učitel, kněz a vlastenec. Olomouc, 1936. 56 s.
397. *Benigni von Mildenberg J.* Handbuch der Statistik und Geographie des Grossfürstenthums Siebenbürgen. Hermannstadt, 1837, H. 1—3.
398. *Berchtold K.* Österreichische Parteiprogramme 1868—1966. Wien, 1967. 528 S.
399. *Berend T. I., Ránki G.* Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19—20. században. Budapest, 1976. 724 old.
- 399a. *Berend T. I., Szuhay M.* A tőkés gazdaság története Magyarországon 1848—1914. Budapest, 1973. 365 old.
400. *Berengo M.* L'agricoltura veneta dalla caduta della repubblica all'Unità. Milano, 1963. 380 p.
401. *Berghauzen J.* Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim 1833—1850. Warszawa, 1974. 333 s.
402. *Bermatzik E.* Die österreichischen Verfassungsgesetze. Wien, 1911.
403. *Berzeviczy A.* Az abszolutizmus kora Magyarországon 1849—1865. Budapest, 1922—1937. K. 1—4.
404. *Beust F. F.* Aus Drei-Viertel-Jahrhunderten. 1809—1885. Stuttgart, 1887. Bd 2. 493 S.
405. *Białoskórski E.* Przed wyborami w r. 1867. Lwów, 1867.
406. *Bičanić R.* Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, 459 s.
407. *Blass K. L.* Das Theater und Drama in Böhmen bis zum Anfange des XIX. Jh. Praha, 1877. 126 S.
408. *Blaze de Buri.* Voyage en Autriche, en Hongrie et en Allemagne pendant les événements de 1848 et 1849. Paris, 1851.
409. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1908.
410. *Blum W. T.* Building an Austrian nation: The political integration of a Western state. New Haven-London, 1973. 265 p.
411. *Bobrzyński M., Jaworski W., Milowski J.* Z dziejów odrodzenia politycznego Galicji 1859—1873. Warszawa, 1905. 521 s.
412. *Bodea C.* Lupta pentru Unire a revolutionarilor exilați de la 1848. București, 1960.
413. *Bodea C.* Lupta românilor pentru unitatea națională (1834—1849). București, 1967. 390 p.
- 413a. *Body P.* Joseph Eötvös and the Modernisation of Hungary. 1840—1870. Philadelphia, 1972. 134 p.
414. *Bogdan-Duica G.* Gheorge Lazăr. București, 1925.
415. *Bogdanov V.* Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49. Zagreb, 1949. 366 s.
416. *Bogdanov V.* Historija političkih stranaka u Hrvatskoj od prvih stranačkih grupiranja do 1918. Zagreb, 1958. 794 s.
417. *Bogdanov V.* Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju južnoslovenskog nacionalnog pitanja. Sarajevo, 1956. 175 s.
418. *Bogdanov V.* Hrvatska ljevica u godinama revolucije 1848—49. Zagreb, 1949.
419. *Bogdanov V.* Jakobinska zavjera Ignjata Martinovića. Zagreb, 1960. 228 s.
420. *Bogdanov V.* Likovi i pokreti. Zagreb, 1957. 283 s.
421. *Bogdanov V.* Uloga Vojne Krajine i njihovih zastupnika u hrvatskom saboru 1861. Zagreb, 1960. 174 s.
422. *Bogdański H.* Pamiętnik 1832—1848. Kraków, 1971. 529 s.
423. *Böhm L.* Geschichte des Temeser Banats. Leipzig, 1861. T. 1—2.

424. *Bokes F.* Pokusy o slovensko-maďarské vyrovnanie v rokoch 1861—1868. Turč. Sv. Martin, 1941. 232 s.
425. *Bokes Fr.* St. M. Daxner. Bratislava, 1958.
- 425a. *Borejsza J.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.
426. *Borejsza J.* W kręgu wielkich wygnańców. 1848—1895. Warszawa, 1963. 594 s.
427. *Borodovčák V.* Ohlas polského povstania roku 1863 na Slovensku. Bratislava, 1960, 198 s.
428. *Boršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana, 1951. 326 s.
429. *Bösendorfer J.* Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950. 265 s.
430. *Bossy R. V.* L'Autriche et les Principautés Unies. București, 1938.
431. *Brachelli H. F.* Statistik der Oesterreichischen Monarchie. Wien, 1857.
432. *Branda V.* Život Jos. Dobrovského. Brno, 1883.
433. *Britovšek M.* Anton Fušter in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970. 425 s.
434. [Brlić]. Ulomci dnevnika Andrije Torquata Brlića. Zagreb, 1935. Sv. I.
435. Brno v minulosti a dnes. Brno, 1961. D. 3.
436. *Rügel L.* Geschichte der Oesterreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1922—1925. Bd 1—5.
437. *Brussatti A.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte der industriellen Zeitalters. Wien, 1968.
438. *Burian P.* Die Nationalitäten in Cisleithanien und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz — Köln, 1962.
439. *Buszko J.* Społeczno-polityczne oblicze Uniwersytetu Jagellońskiego w dobie autonomii galicyjskiej (1869—1914). Kraków, 1963.
440. Buturnica igrokazah narodnoga kazališta od Drag. Calca. Zagreb, 1842.
441. *Butvin J.* Slovenské národno—zjednocovacie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965. 391 s.
442. *Caizzi B.* L'economia lombarda durante la Restaurazione (1814—1859). Milano, 1972.
443. *Cantacusino C.* Opere. București, 1901.
444. *Cantemir D.* Hronical vechimei a romano-moldo-vlahilor. București, 1901.
445. *Canzio S.* Il Risorgimento italiano. Milano, 1962.
446. *Čapek J. B.* Československá literatura toleranční. 1784—1861. Praha, 1933. 386 s. T. 1.
447. La cassa di risparmio delle provincie lombarde. Milano, 1923.
448. *Cazi J.* Prva radnička društva u Hrvatskoj: Samostalni ekonomski i politički istupi u Hrvatskoj (1860—1880). Zagreb, 1957. 427 s.
449. *Cecić V.* Rimokatolička crkva i radničko pitanje u Hrvatskoj 1869—1914. Zagreb, 1957. 155 s.
450. *Černý J.* Jifi Procházka a dialektika v německé přírodní filosofii. Praha, 1960. 354 s.
451. *Červinka F.* Česky nacionalismus v XIX století. Praha, 1965. 236 s.
452. *Cesarec A.* Kriza stranke prava i naši «komunari» god. 1871. Zagreb, 1951.
453. Češi a Jihoslované v minulosti. Praha, 1975.
454. Češi a Poláci v minulosti. Praha, 1964—1967. D I—II.
455. Česko-polský sborník vědeckých prací. Praha, 1955. Sv. I.
456. Československá vlastivěda. Praha, 1963. T. 2—3.
457. Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů. (Varšava 1973). Praha, 1973.
458. Československo a Juhoslávia. Bratislava, 1968.
459. Československo-sovětské vztahy. Praha, 1960. T. 5.
460. Českou minulostí. Praha, 1929.
461. Čeští radikální demokraté. Praha, 1957.
462. Čeští radikální demokraté. (Výbor politických státi z r. 1848—1870). Praha, 1953. 528 s.
464. *Charmatz R.* Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907. Leipzig, 1909. Bd 1—2.
465. *Cherestes V.* A magyarországi román sajtó vezéreszmei a szabadságharc előtti évtizedekben. Budapest, 1916.

466. *Cheresteşiu V.* Adunarea naţională da la Blaj. Bucureşti, 1966.
467. *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Srodkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa — Kraków, 1975. 376 s.
- 467a. *Chylik J.* Přehled dějin moravského průmyslu. Brno, 1948. T. 1.
468. *Ciliga V.* Slom politike Narodne stranke. 1865—1880. Zagreb, 1970.
469. *Cinek F.* K národnímu probuzení moravského dorostu kněžského 1778—1870. Olomouc, 1934, 286 s.
470. *Constantinescu-Jaşi P.* Influenţa democraţilor revoluţionari ruşi din secolul XIX asupra curentelor ideologice din ţara noastră între 1850—1880. Bucureşti, 1950.
471. *Constantinescu M.* Études d'histoire Transylvaine. Bucureşti, 1970.
472. *Constantinescu N. N.* Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România pînă la primul război mondial. Bucureşti, 1959.
473. *Corpus juris Hungarici: Magyar Törvénytár. 1856—1868. évi törvénycikkek.* Budapest, 1896.
474. *Corti E. C., Sokol H.* Kaizer Franz Josef. Graz, 1960.
475. *Costin M.* Opere. Bucureşti, 1956.
476. *Cronia A.* Cechy v dějinách italské kultury. Praha, 1936.
478. *Csapláros J.* Polak i Węgier — dwa bratanki. Debrecen, 1964.
479. *Csekey I.* A magyar trónöröklési jog. Budapest, 1917.
480. *Csizmadia A.* Az egyházi mezővárosok jogi helyzeté és küzdelmük a felszabadulásért a XVIII. században. Budapest, 1962.
481. *Culinović F.* Državnopravna historija jugoslavenskih zemalja XIX i XX vijeka. Zagreb, 1956. Sv. 1—2.
482. *Culinović F.* Nacionalno pitanje u jugoslavenskim zemljama. Zagreb. 1955.
483. *Culinović F.* Razvitak jugoslavenskog federalizma. Zagreb, 1952. 167 s.
484. *Curcio C.* Nazione, Europa, Umanita. Milano, 1950.
485. *Čurkina J.* Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. 193 s.
486. *Curticapeanu V.* Die rumanische Kulturbewegung in der Österreichischen-Ungarischen Monarchie. Bucureşti, 1966.
487. *Cyž J.* Jan Arnošt Smoler: Wobrys jeho živjenja a skutkowanja. Budyšin, 1966.
488. *Czaplár B.* Révai Miklós élete. Budapest, 1889.
489. *Czoernig K. F.* Ethnographie des österreichischen Monarchie. Wien, 1857. Bd 1.
- 489a. *Dąbrowski J.* Listy. Warszawa, 1960.
490. *Daicovicu C., Pascu St., Cherestiesiu V., Morariu T., Neamtu AL, Imreh St.* Din istoria Transilvaniei. Ed. III-a. Bucuresti, 1963. V. I—II.
491. *Daxner S. M.* V službe národa. Bratislava, 1958.
- 491a. *Deák Ferenc.* Beszédei. Budapest, 1903. 4 k.
492. *Deák J.* A szabadságharc levelekben, ahogyan a kortársak láttak. Budapest, 1943.
493. Dějiny české literatury. Praha, 1959—1960. T. 1—2.
- 493a. Dějiny českého divadla. Praha, 1968—1969. T. 1—2.
494. Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1912. Praha, 1967. D. 1. 408 s.
495. Dějiny Prahy. Praha, 1964. 829 s.
496. Dějiny Slovenska. Bratislava, 1961. Sv. 1—2.
- 496a. Dějiny štátu a práva na území Československa v období kapitalizmu: 1848—1918. Bratislava, 1971. D. I. 447 s.
497. *Della Peruta F.* I Democratici e la rivoluzione italiana. Milano, 1958. 537 p.
498. *Despot M.* Industrija građanske Hrvatske 1860—1870. Zagreb, 1970. 236 s.
- 498a. *Densuşianu N.* Revoluţiunea luitoria în Transilvania şi Ungaria 1784—1785. Bucureşti, 1887.
499. *Deutsch-Slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten.* Festschrift für Eduard Winter. Berlin, 1956.
500. Din istoria filozofiei în România. Bucureşti, 1955—1960. V. 1—3.
501. Din istoria Transilvaniei. Bucureşti, 1961. V. 1.
502. *Diószegi I.* Hazánk és Europa. Budapest, 1970.

- 502a. *Diószegi J.* Österreich-Ungarn und der franko-preussische Krieg 1870—1871. Budapest, 1974. 311 S.
503. *Divéky A.* Bem a Petőfi. Kraków, 1924.
504. Dix années d'historiographie Yougoslave. Beograd, 1955.
505. *Djakow W.* Piotr Sciegienny i jego spuścizna. Warszawa, 1972.
506. *Dobrovský J.* Spisy a projevy. Praha, 1941. Sv. 22. 178 s.
507. Dokumenti za naše podrietlo hrvarsokoga preporoda (1790—1832). Zagreb, 1933.
508. Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách 1864—1874. Praha, 1961. 378 s.
509. Dokumenty k slovenskému národnímu hnutí v letech 1848—1914. Bratislava, 1962. D. 1—2.
510. *Dolanský J.* Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů královédvorského a zelenohorského. Praha, 1968.
511. *Drabek J.* Olomouc v revolučním roce 1848. Olomouc, 1948.
512. *Draghicesco D.* Les problèmes nationaux de l'Autriche—Hongrie. Les Roumains. Paris, 1918.
513. *Draghicesco D.* Les roumains (Transilvanie, Bucovine, Banat). Paris, 1918.
514. *Dragnea R.* Mihail Kogălniceanu. București, 1926.
515. *Dragomir S.* Avram Jancu. București, 1968. 368 p.
516. *Dragomir S.* Istoria dezrobirii religioase a românilor din secolul XVIII. Sibiu, 1930. T. 2.
517. *Dragomir S.* Revoluția romenilor din Transilvania in 1848/49. Cluj. 1946. Vol. 1.
518. *Dragomir S.* Studii și documente privitoare la revoluția românilor din Transilvania în anii 1848—1849. V. 1—2. Sibiu, 1944; V. 3—5. Cluj, 1946.
519. *Dutkiewicz J.* Austria wobec powstania listopadowego. Kraków. 1933. 161 s.
520. *Dușu A.* Coordonate ale culturii românești în secolul XVIII. București, 1968.
521. *Dvorský J.* Český apologeta Fr. J. Kinský pedagog filantropismu. Praha, 1931.
522. *Dzikowska J. H.* Mikolaj Zyblkiewicz (1823—1887). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.
523. *Eckert A.* Cukrovarnictví. Praha, 1873.
524. *Eckhart F.* A bécsi udvár gazdaságpolitikája Magyarországon. 1780—1815. Budapest, 1958.
525. *Eckhart S.* A francia forradalom eszméi Magyarországon. Budapest, 1920.
526. *Eder K.* Der Liberalismus in Altösterreich. Wien, 1955.
527. *Eisenmann L.* Le compromis austro-hongrois de 1867: Étude sur le dualisme. Paris, 1904.
528. Az első magyarországi népszámlálás 1784—1787. Budapest, 1960.
529. Emléklapok báró Vay Miklós életéből. Budapest, 1899.
530. *Engel-Janosi F.* Österreich und der Vatikan 1846—1918. Gratz, 1956. Bd 1.
531. Die Entwicklung der Verfassung Österreichs vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Wien, 1963. 208 S.
532. *Eötvös J. A.* XIX. század uralkodó eszméinek befolyása az alladalomra. Budapest, 1902.
533. *Eötvös J.* Levelek, életrajz. Budapest, 1903.
534. *Eötvös J.* Naplójegyzetek — gondolatok. Budapest, 1941.
535. *Eötvös J.* Válogatott pedagógiai művei. Budapest, 1957.
536. Erdély története. București, 1964. T. 1—2.
537. Etnografie délnictva. Praha, 1975. T. 3.
- 537a. *Erényi T.* A Magyarországi szakszervezeti mozgalom kezdetei 1867—1904. Budapest, 1962. 401 s.
538. L'Europe du XIX. et du XX. siècle. Milan, 1959.
539. *Felczak W.* Ugoda węgiersko-chorwacka 1868 roku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969. 240 s.
540. *Felczak W.* Węgierska polityka narodowościowa przed wybuchem powstania 1848 roku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964. 168 s.

541. *Feldman W.* Dzieje polskiej myśli politycznej w okresie porozbiorowym. Kraków — Warszawa, 1913—1918. T. 1—2.
542. *Fényes E.* Statistik des Königreichs Ungarn. Pesth, 1843. T. 1.
543. *Fényes E.* Az ausztriai birodalom statisztikája és földrajzi leírása. Pest, 1857.
544. *Fényes E.* Magyarország statisztikája. Pest, 1842. K. 1.
545. *Fenyő J.* Nemzet, nép-irodalom. Budapest, 1973.
546. *Flajšhans V. J.* Dobrovského vydání Rady zvirát. Praha, 1942.
547. *Forbat E.* Dejiny bratislavského obchodu v 18. a 19. storočí. Bratislava, 1959.
548. Forradalom és szabadságharc 1848—1849. Budapest, 1948.
549. A forradalom és szabadságharc levelestára. Összeáll., Jegyz. és bev. Waldapfel Eszter. Budapest, 1950—1955, K. 1—3.
550. *Fraknói V.* Széchenyi Ferenc. 1754—1820. Budapest, 1903.
551. *Francev V. A.* Cesta J. Dobrovského a Hr. J. Sternberka do Ruska v letech 1792—1793. Praha, 1923. 48 s.
552. *Franz G.* Liberalismus: Die deutsch-liberale Bewegung in der habsburgischen Monarchie. München, 1955.
553. *Frass O.* Quellen zur österreichischen Geschichte. 1780—1918. Wien, 1962.
554. *Frič J. V.* Paměti. Praha, 1885—1891. Sv. 1—4.
555. *Friedjung H.* Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart, 1907.
556. *Friedjung H.* Österreich von 1848 bis 1860. Stuttgart, 1912.
557. *Frischauer P.* Die Habsburger: Geschichte einer Familie. Wien, 1961.
558. *Fuchs A.* Geistige Strömungen in Österreich. Wien, 1948.
559. *Füster A. D.* Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. Frankfurt a. M., 1850. Bd 1—2.
560. *Gadon L.* Emigracja polska: Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Kraków, 1901. T. 2—3.
561. *Gaizzi B.* L'economia lombarda durante la restarazione (1814—1859). Milano, 1972.
562. *Galántai J.* Az 1867-es kiegyezés. Budapest, 1967.
563. Galicja od pierwszego rozbioru do Wiosny Ludów 1772—1849: Wybór tekstów źródłowych [Tyrowicz]. Wrocław, 1956. 335 s.
564. Galicja w dobie autonomicznej (1850—1914) [Kieniewicz]. Wrocław, 1952. LIII, 397 s.
565. *Gams J.* Pohorsko Podravje. Ljubljana, 1959.
566. *Georgescu V.* Political Ideas and the Enlightenment in the Roman Principalities 1750—1831. N.-Y., 1971.
567. *Georgescu-Buzau Gh. N.* Bălcescu. București, 1956.
568. *Georgescu-Buzau Gh.* La révolution de 1848 dans les pays roumains. București, 1965.
569. *Georgescu-Buzau Gh., Cheresteșiu V.* Anul revoluționar 1848 în țările române. București, 1963.
570. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in 8 Bde. Berlin, 1966. Bd 1.
- 570a. Die Geschichte Ungarns. Budapest, 1971. 796 S.
571. *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina (1792—1918). Ljubljana, 1966. 359 s.
572. *Getz J.* Bem's Feldzug in Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849. Hamburg, 1850.
573. *Ghica I.* Amintiri din pribegie după 1848. București, 1889. T. 2.
574. *Gierowski J.* Historia Polski. Warszawa, 1967.
575. *Giurescu C. C.* Transilvania în istoria poporului român. București, 1964.
576. *Gollenhofer J.* Rewolucja krakowska 1848 roku. Kraków, 1908. 138 s.
577. *Göllner C.* Die Siebenbürger Sachsen in den Revolutionsjahren 1848—1849. București, 1967.
578. *Gorničić-Brdovački J.* Razvitak željeznica u Hrvatskoj do 1918 godine. Zagreb, 1952.
579. Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev: Zgodovina agrarnih panog. Ljubljana, 1970. Zv. 1. Agrarno gospodarstvo.
580. *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1961. T. 1—5.
581. *Grafenauer B.* Kmečki upori na Slovenskem. Ljubljana, 1962.

582. *Gragger R.* Preussen, Weimar und die ungarische Königskrone. Berlin — Leipzig, 1923.
583. *Greenfield K. G.* Economics and Liberalism in the Risorgimento. A Study of Nationalism in Lombardy 1814—1848. Baltimore, 1937.
584. *Grobauer F. J.* Metternich der Kutscher Europas. Wien, 1959.
585. *Grobelný A.* Češi a Poláci ve Slezsku v letech 1848—1867: Přípravné studie z dějin národního a dělnického hnutí. Ostrava, 1958. 367 s.
586. *Grodzicki S.* Historia ustroju społeczno — politycznego Galicji 1772—1848. Wrocław, 1971. 303 s.
587. *Gróf Széchenyi István* Összes munkái. Budapest, 1925—1939. K. 1—15.
588. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. 452 s.
589. Die Grossindustrie in Österreich. Wien, 1898.
590. Die grosspreussisch-militärische Reichsgründung 1871. Berlin, 1971, Bd 1.
591. *Grzybowski K.* Galicja 1848—1914: Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii. Wrocław, 1959. 322 s.
592. *Grünberg K.* Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bauerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. Leipzig, 1893. Bd 2, 510 S.
593. *Haas A. G.* Metternich, Reorganisation and Nationality. 1813—1818. Wiesbaden, 1963.
594. Die Habsburger Monarchie. 1848—1918. Bd I—II, Wien; Bd I. Die wirtschaftliche Entwicklung, 1973. Bd II. Verwaltung und Rechtswesen, 1975.
595. *Hajnóczy J.* Politikai munkái. Budapest, 1964.
596. *Hallwich H.* Anfänge der Grossindustrie in Österreich. Wien, 1893.
597. *Hanák P.* Magyarország a Monarchiában. Budapest, 1975. 468 old.
598. Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn. Graz — Wien — Leipzig, 1927—1941. Bd 1—3.
599. Handbuch des Lemberger Statthaltereii — Gebiete in Galicien für das Jahr 1855. Lemberg, 1855.
600. *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1949. T. 2.
601. *Handelsman M.* Rozwój narodowości nowoczesnej. Warszawa, 1973.
602. *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. 1848—1918. Graz — Wien — Köln, 1959—1962. Bd 1—2.
603. *Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Wien, 1953. 126 S.
604. *Hanuš J. F. F.* Procházka, český buditel a historik. Praha, 1910. 132 s.
605. *Hanuš J. F. M.* Pelcel, český historik a buditel. Praha, 1914. 148 s.
606. *Hanuš J.* Mikuláš Adaukt Voigt, český buditel a historik. Praha, 1910. 1015 s.
607. *Hanuš J.* Národní museum a naše obrození. Praha, 1921. Kn. 1. 364 s.
608. *Hautman H., Kropf R.* Die österreichische Arbeiterbewegung vom Vormärz bis 1945. Linz, 1974.
609. *Havlíček Borovský K.* Politik a novinář: Výbor z díla. Praha, 1956. 558 s.
610. *Heidler J.* Čechy a Rakousko v politických brožurách předběžných. Praha, 1920. 220 s.
611. *Helfert J. A.* Aufzeichnungen und Erinnerungen aus Jungen Jahren: Im Wiener konstituierenden Reichstag. Juli — Oktober 1848. Wien, 1904.
612. *Helfert J. A.* Geschichte der oesterreichischen Revolution im Zusammenhange mit der mittel-europäischen Bewegung der Jahre 1848—1849. Wien, 1907—1909. Bd 1—2.
613. *Heller E.* Fürst Felix zu Schwarzenberg, Mitteleuropas Vorkämpfer. Wien, 1933.
614. *Heltman W.* Demokracja polska na emigracji. Lipsk, 1866.
- 614a. Histoire de la Hongrie. Budapest, 1974. 757 p.
615. Historia Polski. Warszawa, 1958—1963. T. 2, cz. 1—4; T. 3. cz. 1.
616. Historijska čitanka za hrvatsku povijest. 1. Do ukidanja feudalnih odnosa u Hrvatskoj g 1848. Zagreb, 1952. 232 s.
617. Historiographie Jugoslave 1955—1965. Beograd, 1965.
618. *Hitchins K.* The Rumanian national movement in Transylvania, 1780—1848. Cambridge (USA), 1969.
619. *Hoch K.* Čechy na prahu moderního hospodárství. Praha, 1936. 296 s.

620. *Hoffmann A.* Wirtschaftsgeschichte des Landes Oberösterreich. Salzburg, 1958. Bd 1—2.
- 620a. *Historia Śląska.* Warszawa, 1970. T. 1—2.
621. *Hóman B., Szeffü Gy.* Magyar történet. Budapest, 1935—1936. K. 1—5.
622. *Hörnigk Ph. W. von.* Österreich über alles, wenn es nur will. Wien, 1964.
623. *Hornowa E.* Ukraiński obóz postępowy i jego współpraca z polską lewicą społeczną w Galicji 1876—1895. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.
624. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936. 527 s.
625. *Horvat J.* Ante Starčević: Kulturno-povijesna slika. Zagreb. 1940.
626. *Horvat J.* Ljudevit Gaj. Zagreb, 1975.
627. *Horvat J.* Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962. 432 s.
628. *Horvat R.* Hrvatski pokret god. 1848. Zagreb, 1898—1899. D. 1—4.
629. *Horvat R.* Najnovije doba hrvatske povijesti. Zagreb. 1906. 296 s.
630. *Hofman A.* Die prager Zeitschrift: Ost und West. Berlin, 1957, 357 S.
631. *Hroch M.* Obrození malých evropských národů. Praha, 1971.
632. *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968. 173 s.
633. *Hrvatski narodni preporod u Dalmaciji i Istri.* Zagreb, 1969.
634. *Hučko J.* Sociálne zloženie a pôvod slovenskej obrodenskej inteligencie. Bratislava, 1974. 387 s.
635. *Husa V.* Geschichte der Tschechoslovakei. Praha, 1963. 499 s.
636. *Hribar I.* Moji spomini. Ljubljana, 1926. D. 1.
637. *Hýsek M.* Z počátku vědeckého badání obrozeniského. Praha, 1913, 18 s.
638. *Ideologia generației Române de la 1848 din Transilvania.* București, 1968.
639. *Imreh J.* Despre incepturile industriei capitaliste din Transilvania în prima jumătate a secolului al XIX-lea. București, 1955.
640. *Industria și bogățiile naturale din Ardeal și Banat.* Cluj, 1927.
641. *Az I.* Internacionálé és Magyarország. Budapest, 1964.
642. *Iorga N.* Choix de textes. București, 1972.
643. *Iorga N.* Histoire des Roumains de Transilvanie et de Hongrie. București, 1940. V. 1—2.
644. *Iorga N.* Histoire des roumains et de leur civilisation. București, 1922.
645. *Iorga N.* Influences étrangères sur la nation roumaine. Paris, 1923.
646. *Iorga N.* Istoria presei românești. București, 1922.
647. *Iorga N.* Istoria românilor din Ardeal și Ungaria. (De la mișcarea lui Horia pînă astăzi). București, 1915.
648. *Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez. 1790—1848.* Budapest, 1926.
649. *Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában (1867—1918)* [Kemény G. G.]. Budapest, 1952—1971. K. 1—5.
650. *Irinyi K.* Mitteleurop-terv és az Osztrák-Magyar politikai közgondolkodás. Budapest, 1973.
651. *Istoria României.* București, 1964. T. 3—4.
652. *Istra i Slovensko Primorje.* Beograd, 1952. 750 s.
653. *Iványi B., Gárdonyi A.* Egyetemi nyomda története. 1577—1927. Budapest, 1927.
654. *Iz starog i novog Zagreba.* Zagreb, 1957. 325 s.
655. *Jagoda Z.* O literaturze i zyciu literackim wolnego miasta Krakowa 1816—1846. Kraków, 1971. 374 s.
656. *200 Jahre österreichischen Unterrichtsverwaltung. 1760—1960.* Wien, 1960.
657. *Jakab E.* Szabadságharcunk történetéhez. Visszaemlékezések 1848—1849-re. Budapest, 1880.
658. *Janko O.* Zgodovina Celja in okolice. D. 1. Od začetka do leta 1848. Celje, 1971.
659. *Ján Kollár. 1793—1852' Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce «Slávy Dcery».* Vídeň, 1893.
660. *Janšák Št.* Slovensko v dobie uhorského feudalismu. Bratislava, 1932.
661. *Jänlichen M.* Zwischen Diffamierung und Wiederhall: Tschechische Poesie im deutschen Sprachgebiet 1815—1867. Berlin, 1967.

662. *Jarzębowski J.* Węgierska polityka Traugutta. Warszawa, 1938.
663. *Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.
664. *Jelačić Al.* Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji god. 1848—1849. i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925.
- 664a. *Jeneral Zamojski (1803—1868).* Poznań, 1960. T. 6.
665. *Jež T. T. (Z. Milkowski).* Od kolebki przez życie. Kraków, 1936. T. 2.
666. *Jirasek J.* Rusko a my: Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914. Praha — Brno, 1945—1946. D. 1—4.
667. *Josef Dobrovský.* 1753—1820: Sborník statí. Praha, 1929. 438 s.
668. *Josef Dobrovský 1753—1953: Sborník statí.* Praha, 1953. 596 s.
- 668a. *Jugoslovenski narodi pred prvi svetski rat.* Beograd, 1967.
669. *Jungmann J.* Boj o obrození národa: Výbor z díla. Praha, 1948. 263 s.
670. *Jungmann J.* Historie literatury české. Praha, 1825.
671. *Jungmann J.* Překlady. Praha, 1958. D. 2. 728 s.
672. *Juriček J. L'udovít Stúr.* Bratislava, 1971.
673. *J. V. Frič* a demokratické proudy v české politice a kultuře. Praha, 1956.
674. *Kačer M.* Václav Thám. Praha, 1965. 196 s.
675. *Kállay I.* Szabad királyi városok gazdalkodása Mária Terézia korában. Budapest, 1972.
676. *Kann R. A.* The Multinational Empire. Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy 1848—1918. N. Y., 1950. V. 1—2.
677. *Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz — Köln, 1964. Bd 1—2.
678. *Kann R. A.* Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Graz — Wien — Köln, 1962.
679. *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću. Zagreb, 1972. 365 s.
680. *Karaman I.* Valpovačko vlastelinstvo. Zagreb, 1962. 111 s.
681. *Kardel-Sperans E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1957. 400 s.
682. *Kárníková L.* Vývoj obyvatelstva v českých zemích 1754—1914. Praha, 1965. 402 s.
683. *Kárníková L.* Vývoj uhelného průmyslu v českých zemích do r. 1880. Praha, 1960.
684. *Karol Kuzmány (1806—1866): Sborník.* Martin, 1967.
685. *Kaiserin Maria Therasias politisches Testament.* München — Wien, 1952.
686. *Keleti K.* Hazánk és népe a közgazdaság és társadalmi statisztika szempontjából. Budapest, 1873.
687. *Kemény G. G.* A magyar nemzetiségi kérdés a törvények és tervezetek tükrében. 1790—1918. Budapest, 1946.
688. *Kemény G. G.* A szomszéd népekkel való kapcsolataink történetéből. Budapest, 1962.
689. *Kermavner D.* Začetki slovenske socialne demokracije. Ljubljana, 1963. 458 s.
690. *Kidrič F.* Dobrovský in slovenski preporod njegove dobe. Ljubljana, 1930.
691. *Kienast A.* Die Legion Klapka. Wien, 1900.
692. *Kieniewicz S.* Konspiracje galicyjskie (1831—1845). Warszawa, 1950. 236 s.
693. *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza. 1848—1849. Warszawa, 1957.
694. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 801 s.
695. *Kieniewicz S.* Ruch chłopski w Galicji w 1846 roku. Wrocław, 1951. 369 s.
696. *Kiszling R.* Fürst Felix zu Schwarzenberg: Der politische Lehrmeister Franz Josephs. Graz, 1952.
697. *Kiszling R.* Die Revolution im Kaisertum Österreich 1848—1849. Wien, 1948. Bd 1—2.
698. *Klabouch J.* Osvícenské právní nauki v českých zemích. Praha, 1958. 360 s.
699. *Klaczko J.* Studia dyplomatyczne: Sprawa polska — sprawa duńska (1863—1865). Kraków, 1903. Cz. 1—2.
700. *Klapka Gy.* Emlékeimből. Budapest, 1886.
701. *Klapka Gy.* Der Nationalkrieg in Ungarn und Siebenbürgen in den Jahren 1848—1849. Leipzig, 1851. T. 1.
702. *Klima A.* Manufakturní období v Čechách. Praha, 1955. 524 s.

703. *Klima A.* Pŕiručka k dějinám Československa v l. 1648—1848. Praha, 1963. 316 s.
704. *Klima A.* Revolucer. 1848. v českých zemích. Praha, 1974. 233 s.
705. *Knappich W.* Die Habsburger-Chronik. Salzburg, 1959.
706. *Koberdowa I.* Polityka Czartoryszczyzny w okresie powstania styczniowego. Warszawa, 1957. 236 s.
707. *Koberdowa I.* Polska Wiosna Ludów. Warszawa, 1967.
708. *Koči J.* Naše národní obrození. Praha, 1960. 256 s.
709. *Kolejka J.* Národnostní programy pro střední a jihovýchodní Evropu: Z dějin socialistické teorie národnostní otázky 1848—1917. Brno.
710. *Kollár J.* O literárnej vzajomnosti. Bratislava, 1954. 255 s.
711. *Kollár J.* Rozprawy o slovanské vzajemnosti. Praha, 1929. 242 s.
712. *Kolmer G.* Parlament und Verfassung in Osterreich. Bd 1. 1848—1869. Wien — Leipzig, 1902. 403 S.
713. *Koltay-Kastner J.* Iratok a Kossuth-emigráció történetéhez. Szeged, 1949.
714. *Koltay-Kastner J.* A Kossuth-emigráció Olaszországban. Budapest, 1960.
715. *Konrad H.* Nationalismus und Internationalismus: Die österreichische Arbeiterbewegung vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 1976.
717. *Kopetzky T.* Josef und Franz von Sonnenfels: Leben und Wirken eines edlen Bruderpaares. Wien, 1882.
718. *Kopp F.* Die Ereignisse der Pfingstwoche des Jahres 1848 in Prag und in dessen nächster Umgebung. Prag, 1848.
719. *Korač V.* Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1929. Knj. I. 286 s.
720. *Korrespondence P. J. Šafařika* [Francev]. Praha, 1927. D. I. 480 s.
721. *Korespondencija Rački-Strossmayer* [Šišić]. Zagreb, 1928—1931. T. 1—4.
722. *Körner A.* Die wiener Jakobiner. Stuttgart, 1972.
723. *Kossuth L.* Gesammelte Werke. Leipzig, 1850—1851. Bd 1—3.
724. *Kossuth L.* Iratai az emigrációból. Budapest, 1880—1900. K. 1—8.
725. *Kossuth L.* Összes munkái. Budapest, 1948—1956. K. 1—15.
726. *Kovács E.* Austria útja az 1867-es kiegyezéshez. Budapest, 1968.
727. *Kovács E.* Bem József. Budapest, 1954.
728. *Kovács E.* A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon. Budapest, 1959.
729. *Kovács E.* L'insurrection polonaise de 1863 et l'emigration hongroise. Budapest, 1960.
730. *Kovács E.* Népek országutján. Válogatott tanulmányok. Budapest, 1972.
731. *Kovács E.* A Kossuth emigráció és az európai szabadságmozgalmak. Budapest, 1967.
732. *Köváry L.* Erdélvország statisztikája. Kolozsvár, 1847.
733. *Köváry L.* Okmánytár az 1848—49-i erdélyi eseményekhez. Kövár, 1861.
734. *Kovijanič R.* Studie z dejin juhoslovansko-slovenských vzťahov. Martin, 1976.
735. *Kozik J.* Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1848. Kraków, 1973. 307 s.
736. *Kozik J.* Między reakcją a rewolucją: Studia z dziejów ukraińskiego ruchu narodowego w Galicji w latach 1848—1849. Kraków, 1975. 236 s.
737. *Kozłowski E.* Generał Józef Bem. Warszawa, 1958.
738. *Kozłowski E.* Generał Józef Hauke-Bosak (1834—1871). Warszawa, 1973. 456 s.
739. *K* počiatkom slovenského národného obrodzenia. Bratislava, 1964. 477 s.
740. *Kramer H.* Die Italiener unter der österreichisch-ungarischen Monarchie. Wien — München, 1954.
- 740a. *Kraus A.* Goethe a Cechy. Praha, 1896.
741. *Kristán A.* O delavskem in socialističnem gibanju na Slovenskem do ustanovitve jugoslovanske socijalne demokratičke stranke (1848—1896). Ljubljana, 1927.
- 741a. *Křížek J.* Národní gardy v r. 1848. Praha, 1954. 276 s.
742. *Krofta K.* Dějiny selského stavu. Praha, 1949.
743. *Krosl A.* Zemljiška odveza na Krajskem. Ljubljana, 1941.

744. [Kübeck] Aus dem Nachlass des Freiherrn Carl Friedrich Kübeck von Kübau; Tagebücher, Briefe, Aktenstücke. (1841—1855). Graz — Köln, 1960.
745. *Kudělka M.* Spor Gelasia Dobnera o Hajkovu Kroniku. Praha, 1964.
746. *Kudlich H.* Rückblicke und Erinnerungen. Wien-Pest-Leipzig, 1873. Bd 1—3. 80 S.
747. *Kvaternik E.* Politički spisi [Kuntić]. Zagreb, 1970.
748. [Kvaternik E.]. Promemoriya princu Jérômeu Napoléonu. Zagreb, 1936. 76 s.
- 748a. *Lackó M.* Ipari munkásságunk összetételének kialakulása. 1867—1949. Budapest, 1961. 208 old.
749. *Lebl A.* Revolucionarni pokret u Vojvodini 1848—1849. Novi Sad, 1960.
750. *Leger L.* La renaissance tcheque du XIX siècle. Paris, 1911.
751. *Legiša L., Stodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959. Zv. 1—2.
752. *Lengyel M.* Reformersors Ausztriában. Budapest, 1969.
753. *Lepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870. Warszawa, 1967. 539 s.
754. *Lepucki H.* Działalność kolonizacyjna Marii Teresy i Josefa II w Galicji 1772—1790. Lwów, 1938. 208 s.
755. *Leśniewski A.* Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego 1863 roku. Łódź, 1962.
756. *Levstikov* zbornik. Ljubljana, 1933.
757. *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej w epoce porzobiorowej. Warszawa, 1957. Cz. 1—2.
758. *Lisicki H.* Antoni Zygmunt Helcel. 1808—1870. Lwów, 1882. T. 1—2.
759. Literatura česká XIX. století. Praha, 1903. D. 1—2.
760. *Lomonosov, Schlözer, Pallas.* Berlin, 1962.
761. *Lončar D.* Politično življenje slovencev (1797—1919). Ljubljana, 1921.
762. *Lopašić R.* Karlovac. Zagreb, 1879.
763. *Łopuszański B.* Stowarzyszenie Ludu Polskiego: Geneza i dzieje. Kraków. 1975. 395 s.
764. *Łoziński B.* Agenor hrabia Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich. (1846—1859). Lwów, 1901.
765. *Łoziński B.* Galicyjski sejm stanowy (1817—1845). Lwów, 1905. 139 s.
766. *L'udovít Stúr: Zivot a dielo.* Bratislava, 1956.
767. *L'udovít Stúr und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava, 1969.
768. *Lukács L.* Magyar függetlenségi és alkotmányos mozgalmak. 1849—1867. Budapest, 1955.
769. *Lupaş-Vlasiu M.* Aspecte din istoria Transilvaniei. Sibiu, 1945.
770. *Lupşa St.* Biserica ardeleană şi «unirea» în anii 1697—1701. Bucureşti, 1949.
771. *Maas F.* Der Josephinismus: Quellen, 1760—1790. Wien, 1951.
772. *Macartney C. A.* The Habsburg Empire 1790—1918. London, 1968.
773. *Maciu V. e. a.* Introduction à l'histiriographie roumaine jusqu'en 1918. Bucureşti. 1964.
774. *Macrea D.* Lingvişti şi filologi români. Bucureşti, 1959.
775. Magyar jakobinusok iratai [Benda]. Budapest, 1952—1957. K. 1—3.
776. A magyar forradalmi munkásmozgalom története. Budapest, 1972. 655 s.
- 776a. A magyar irodalom története 1849-ig. Budapest, 1964. 534 old.
777. A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. Budapest, 1951. K. I.
778. Magyarország története 1848—1918. Budapest, 1972. 4. k. 654 old.
779. Magyar történeti szöveggyűjtemény. 1526—1790. Budapest, 1968.
780. A Magyar Tudományos Akademia másfél évszázada. 1825—1975 [Pach Zs. P.]. Budapest, 1975. 548 s.
781. *Mainuš F.* Vlnářství a bavlnářství na Moravě a ve Slezsku v XVIII. století. Praha, 1960. 248 s.
782. The Making of Italy. 1796—1870 [Smith]. N. Y., 1968. 428 p.
783. *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1928. Zv. 1. 213 s.
784. Magyarország történeti demografiája [Kovacsics]. Budapest, 1963. 443 s.

785. *Marasse M.* Dzieła ekonomiczno-polityczne i statystyczne. Kraków, 1887. T. 1.
786. *Markuš A.* Sedliačke povstanie v Zemplíne roku 1831. Bratislava, 1951.
787. *Marczali H.* Magyarország története III. Károlytól a Bécsi kongresszusig. 1711—1815. Budapest, 1898.
788. *Marczali H.* 1790/91-iki országgyűlés. Budapest, 1907.
789. *Marx J.* Die Wirtschaftlichen Ursachen der Revolution von 1848 in Österreich. Graz — Köln, 1965.
790. *Matica Hrvatska.* 1842—1962. Zagreb, 1963. 434 s.
791. *Matica Slovenská y našich dejinách.* Bratislava, 1963.
792. *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1873. 160 s.
793. *Matković P.* Geografsko-statistički nacrt Austrougarske minarhije. Zagreb, 1874.
794. *Mraz A.* Matica Slovenska v rokoch 1863—1875. Turč. sv. Martin, 1935.
797. *May A.* The Habsburg Monarchy. 1867—1914. N. Y., 1968.
798. *Mayer F.-M., Kaindl R.-F., Pirchegger H.* Geschichte und Kulturleben Österreichs. Wien, 1960. Bd 2.
799. *Mayer F. M.* Geschichte Österreichs. Wien, 1901. Bd 2.
800. *Mazzini G.* Scritti editi et inediti. Imola, 1906—1961. V. 1—101.
801. *Mazzini e il Mazzinianesimo.* Atti del XLVI congresso di storia del Risorgimento italiano. Roma, 1974.
802. *McLuigan D. G.* Familie Habsburg. 1273 bis 1918. Wien, 1967.
803. *Mejdřická K.* Čechy a francouzská revoluce. Praha, 1959.
804. *Melik V.* Volitve na Slovenskem 1861—1918. Ljubljana, 1965. 439 s.
805. *Mencel T.* Galicja Zachodnia 1795—1809' Studium z dziejów ziem polskich zaboru austriackiego po III rozbiórce. Lublin, 1976. 522 s.
806. *Mérei Gy.* Magyar iparfejlesztés. 1790—1848. Budapest, 1951.
- 806a. *Mérei Gy.* A magyar polgári partok programjai 1867—1918. Budapest, 1971. 384 s.
807. *Mésáros J.* K problematíkie prežitkov feudalizmu na Slovensku v druhej polovici XIX. storočia. Bratislava, 1955. 143 s.
808. *Mésáros J.* Rol'nická a národnostná otázka na Slovensku 1848—1900. Bratislava, 1959.
809. *Město vidim veliké: Cizinci o Praze.* Praha, 1940.
810. *Metternich.*— Buol-Schauenstein. Briefe aus den Jahren 1852—1859. München, 1934.
811. *Metternich K. W.* Memoirs. T. 5.
812. *Metternich.* Aus Metternichs Nachgelassenen Papieren. Wien, Bd I—VIII. 1880—1884.
813. *Mezei S.* Razvoj industrije u Bačkoj. Novi Sad, 1959.
814. *Mihovilović J.* Trst: Etnografski i ekonomski prikaz. Zagreb, 1946. 386 s.
815. *Mikoletzky H. L.* Kaiser Franz I. Stephan und der Habsburgisch-Lothringische Familienvermögen. Wien, 1962.
816. *Milanović B.* Hrvatski narodni preporod u Istri, 1797—1882. Pazin, 1967.
817. *Mitkowski Z.* Od kolebki przez życie. Kraków, 1936. T. 2.
818. *Mitkowski Z.* W Galicji i na Wschodzie. Poznań, 1880.
819. *Milleker F.* Geschichte der Banater Militärgrenze. 1764—1873. Pančevo, 1925. 367 S.
820. *Milutinović K.* Vojvodina i Dalmacija 1760—1914. Novi Sad, 1973. 394 s.
821. *Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.
822. *Mirnić J.* Radnički pokret u Bačkoj. Novi Sad, 1953.
823. *Miskolczy J.* Ungarn in der Habsburger-Monarchie. Wien, 1959. 212 S.
824. *Mitrofanov P. V.* Joseph II: Seine politische und kulturelle Tätigkeit. Wien — Leipzig, 1910.
825. *Mochnacki M.* Pisma rozmaite: Oddział rewolucyjny. Poznań, 1863.
826. *Mocșary Lajos.* Válogatott írásai. Budapest, 1958.
827. *Moffat M. M.* Maria Theresia. Lwów, 1911.
828. *Mohorič J.* Industrializacija Mežiške doline. Maribor, 1954.
829. *Mohorič J.* Rudnik živega srebra v Idriji. Ljubljana, 1960.

830. *Mohorič J.* Zgodovina obrti in industrije v Trziču. Ljubljana, 1957.
831. *Molisch P.* Briefe zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1918. Leipzig, 1934.
832. *Mommsen H.* Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat (1867—1907). Wien, 1963.
833. *Mrazek O.* Vývoj průmyslu v českých zemích a na Slovensku od manufaktury do r. 1918. Praha, 1964. 494 s.
834. Munkások és parasztok mozgalmai Magyarországon 1849—1867. Iratok. Összegyűjtötte és szerk. Sashegyi Oszkár. Budapest, 1959.
835. *Münz T.* Filozofia slovenského osvietenstva. Bratislava, 1961.
836. *Murgu E.* Scieri. București, 1969.
837. *Murko M.* Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Graz, 1897.
838. *Myl'nikov A. S.* Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích 18. st. Praha, 1974.
839. Nagodba: Svi zakoni o nagodbi. Zagreb, 1906. 62 s.
840. *Nejedlý Z.* Velké osobnosti. Praha, 1951.
841. A nemzet ideológia multja és jelene. Budapest, 1966.
842. *Neuhaus G.* Die Beziehungen zwischen der deutschen und österreichischen Arbeiterbewegung im letzten Drittel des 19. Jahrhundert. Leipzig, 1974.
843. *Neustaedter J.* Le ban Jellačić et les événements en Croatie depuis l'an 1848. Zagreb, 1940. T. 1. 470 p.
844. *Niederhauser E.* Nemzetek születése Kelet-Európában. Budapest, 1976.
845. *Novak G.* Prošlost Dalmacije. Zagreb, 1944. T. 1—2.
846. *Novotný J. M. V.* Kramerius. Praha, 1973. 366 s.
847. *Novotný J.* Češi a Slováci za národního obrození a do vzniku československého státu. Praha, 1968. 224 s.
848. *Novotný J.* Slovanská lipa 1848—1948: K dějinám prvního českého politického spolku. Praha, 1976. Sv. 1—2.
849. *Obermann K.* Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin, 1953.
850. *Okač A.* Český sněm a vláda před březnem 1848. Praha, 1947.
851. *Oravetz V.* Les impressions françaises de Vienne. 1567—1850. Szeged, 1930.
852. *Ormis J.* Bibliografia Jana Kollára. Bratislava, 1954.
853. *Ormis J. V.* Bibliografia L'udovita Štúra. Martin, 1958.
854. *Orožen J.* Zgodovina Trbovelj, Hrastnika in Dola. Trbovlje, 1958.
855. *Ostaszewski-Barański K.* Rok złudzeń (1848). Zloczów, (1898). 460 s.
856. Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. 1076 S.
857. Der österreichisch-ungarische Ausgleich von 1867. Wien — München, 1967.
858. Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966.
859. Ost-West-Begegnung in Österreich. Wien — Köln — Graz, 1976.
- 859a. Otázky dějin střední a východní Evropy. Brno, 1975.
860. Otázky vývoje kapitalismu v českých zemích a v Rakousku-Uhersku do roku 1918. Praha, 1957. 276 s.
861. *Otruba G.* Die Wirtschaftspolitik Maria Theresias. Wien, 1963.
862. O vzajomných vzťahoch Čechov a Slovakov. Bratislava, 1956.
863. *Păcățian T. V.* Cartea de aur sau luptele politice naționale ale românilor de sub corona ungară. Sibiu, 1904—1915. V. 1—8.
864. *Pal Magda.* Magyarországnak és határőrző katonaság vidékének legujább statisztikai leírása. Pest, 1819.
865. *Palacký F.* Idea státu Rakouského. Praha, 1865.
866. *Palacký F.* Spisy drobné. Praha, 1898. D. 1.
867. *Palmer A.* Metternich. London, 1972.
868. *Palmer R.* The Age of the Democratic Revolution: A political History of Europe and America, 1760—1800. Princeton, 1959—1964. V. 2.
869. Památník slovenskej literatury. Martin, 1970.
870. Pamětní zasedání sněmu Království Českého v měsíci únoru r. 1867 a jeho rozpustění. Praha, 1867. 76 s.

871. Pamiętnik X powszechnego zjazdu historyków polskich w Lublinie. Warszawa, 1968. T. 1.
872. Pamiętniki spiskowców i więźniów galicyjskich w latach 1832—1846 (Opr. K. Lewicki). Wrocław, 1954. 288 s.
- 872a. Pándi P. «Kisértetjárás» Magyarországon. Budapest, 1972. 1—2.
873. Papiu-Ilarian A. Independența constituțională a Transilvaniei. București, 1861.
874. A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában 1848—1914: Tanulmányok [Szabó]. Budapest, 1965. K. 1—2.
875. A Pörizsi Kommün: Tanylmánykötöt. Budapest, 1973.
876. Pascu S., Hanga V. Crestomație pentru studiul istoriei Statului și Dreptului. R. P. R., București. V. 3.
877. Paul K. P. J. Šafařík. Život a dílo. Praha, 1961. 355 s.
878. Pavlinović M. Mihovil Pavlinović i narodni preporod u Dalmaciji od godine 1848.—1887. u svijetlu nepoznatih izvora. Zagreb, 1936. 208 s.
879. Paziński memorial. 1970. Rieka, 1970.
880. Peez A. Rückblick auf die Geschichtsperiode 1867—68. Wien, 1869.
881. Penkert H. Die Slawen der Donaumonarchie und die Universität Jena. 1700—1848: Ein Beitrag zur Literatur und Bildungsgeschichte. Berlin, 1958.
882. Pešková J. Utopický socialismus y Cechách v XIX. století. Praha, 1965.
- 882a. Petőfi tüze. Budapest, 1972. 578 s.
883. Petraň J. Nėvolnické povstání r. 1775. Praha, 1973.
884. Petre F. Poizku ilirizma pri slovincih (1835—1849). Ljubljana, 1939.
885. Petrović R. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX st. Sarajevo, 1968.
886. Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Warszawa, 1953. T. 1—2.
887. Pisacane C. La guerra d'Italia del 1848—1849. Milano (1946).
889. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956. 533 s.
890. Pisma pisana d-ru Ljudevitu Gaju i neki njegovi sastavci. (1828—1850). [Deželić], Zagreb, 1909.
891. Plač Koruny České čili upřimná slova Staro-čecha propovedená milým krajanům leta 1866. Praha, 1866.
892. Placht O. Lidnatost a společenská skladba českého státu v 16—18. st. Praha, 1957. 370 s.
893. Plaschka R. Von Palacky bis Pekar. Geschichtswissenschaft und Nationalbewusstsein bei den Tschechen. Wien, 1955.
894. Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.
895. Pliverić J. Beiträge zum ungarisch-kroatischen Bundesrechte. Agram, 1866.
896. Pol W. Pamiętniki /Opracował K. Lewicki. Kraków, 1960.
897. Polić M. Parlamentarna povijest kraljevina Hrvatske, Slavonje i Dalmacije. Zagreb, 1899, 1900. Zv. 1—2.
898. Polacy w Austrii: Materiały międzynarodowego sympozjum naukowego. Kraków, 1976. 288 s.
899. Popiel P. Pisma. Kraków, 1893. T. 1.
900. Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj. Zagreb, 1958. 534 s.
901. Die Pragmatische Sanktion. Authentische Texten samt Erläuterungen. Wien, 1913.
902. Pražák R. Maďarská reformovaná inteligence v českém obrození. Praha, 1962.
903. Prehled československých dějin. 1848—1918. Praha, 1960. D. 2, sv. 1.
904. Prelog M. Pout' slovanů do Moskvy roku 1867. Praha, 1931. 183 s.
905. Prelog M. Slavenska renesansa. 1780—1848. Zagreb, 1924.
906. Pribram A. Austria-Hungary and Great Britain. London, 1951.
907. Pribram A. Geschichte der österreichischen Gewerbepolitik von 1740 bis 1869. Leipzig, 1907. Bd 1. 1740—1798. 634 S.
908. Prijatelj J. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1955—1966. Zv. 1—5.
909. Privreda Hrvatske XVII—XIX stoljeća. Zagreb, 1957.
910. Problémy národního a socialistického hnutí v dějinách Československa a Jugoslávie od roku 1867. do konce 19. století. Praha, 1974. 300 s.

911. *Prodan D.* Supplex Libellus Valachorum. Cluj, 1948.
912. *Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie.* Bad Godesberg, 1973.
913. *Prokeš J.* Počátky české společnosti nauk do konce XVIII st. Praha, 1938. D. 1. 1774—1789. 362 s.
914. *Protokoll über die Verhandlungen des Allgemeinen Deutschen Sozialdemokratischen Arbeiterkongresses zu Eisenach am 7., 8., und 9. August 1869.* Reproduktion. Berlin, 1969.
915. *Die Protokolle des österreichischen Ministerrates. 1848—1867.* Wien, 1971. VI. Abteilung. Bd 1.
916. *Protopescu J.* Contribuții la istoria învățământului din Transilvania. 1774—1805. București, 1906.
917. *První kroky k vítězství. Čtení o počátcích našeho dělnického hnutí.* Praha, 1966.
918. *Prvo radničko društvo u jugoslavenskim zemljama — Osijek, 1867.* Sl. Brod, 1969.
919. *Pulszki F.* Életem és korom. Budapest, 1880.
920. *Purš J.* Dělnické hnutí v českých zemích 1849—1867. Praha, 1961. 148 s.
921. *Purš J.* Průmyslová revoluce: Vývoj pojmu a koncepce. Praha, 1973.
922. *Purš J.* Průmyslová revoluce v českých zemích. Praha, 1961.
- 922a. 1848: *Quaderni di Rinascita*, s. l. s. a.
923. *Quellenbuch zur Österreichischen Geschichte.* Wien, 1956. Bd 1—2.
924. *Radimský J., Wurmová M.* Petice moravského lidu k sněmu r. 1848. Praha, 1955.
925. *Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti u Zadru.* Zadar, 1961. Sv. 8. 477 s.
926. *Ramovš F.* Karťa slovenských narečij. Ljubljana, 1935.
927. *Rapant D.* Slovenské povstanie roku 1848—49: Dejiny a dokumenty. Bratislava, 1937—1956. T. 1—3.
928. *Rapant D.* Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842: II. Dokumenty. Lip-tovský Sv. Mikuláš, 1934.
929. *Rapant D.* «Tatrin». Martin, 1950.
930. *Rauchenstein M.* Kaiser Franz und Erzherzog Carl. München, 1972.
931. *Rebro K.* Urbárska regulácia Mária Terézie a poddanské úpravy Josefa II na Slovensku. Bratislava, 1959.
932. *Redlich J.* Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin, 1929.
933. *Redlich J.* Das österreichische Staats- und Reichsproblem. Leipzig, 1920—1926. Bd 1—2.
935. *Révai J.* Marxizmus, népiesség, magyarság. Budapest, 1955.
936. *Révai J.* Petőfi. Budapest, 1973.
937. *Revai J.* Válogatott irodalmi tanulmányok. Budapest, 1960.
938. *Revoluce 1848—1849 ve střední Evropě: Sborník referátů z mezinárodního vědeckého symposia historiků ve Bechyni (10.—11.září 1973).* Praha, 1974. 227 s.
940. *Rezek A.* Dějiny prstonárodního hnutí náboženského v Cechách od vydání tolerančního patentu až do naše časy. Praha. 1887. C. 1.
941. *Robek A.* Společenský a rodinný život pražských dělníků v první polovině XIX st. Praha, 1975. 242 s.
942. *Rok 1846 w Galicji: Materialy źródłowe [Sieradzki, Wycech].* Warszawa, 1958.
943. *Rok 1848 w Polsce: Wybor źródeł [Kieniewicz].* Wrocław, 1948.
944. *Romani M.* L'agricoltura in Lombardia dal periodo delle riforme al 1812. Milano, 1957.
945. *Rota E.* Problema italiana del 1700 al 1815' L'idea unitaria. Milano, 1938.
946. *Roubík F.* Petice venkovského lidu z Čech k Národnímu výboru r. 1848. Praha, 1954. 544 s.
947. *Rozdolski R.* Die grosse Steuer- und Agrarreform Joseph II. Warszawa, 1961.
948. *Rozdolski R.* Stosunki poddańcze w dawnej Galicji. Warszawa, 1962. T. 1.

949. Rukopisy královědvorský a zelenohorský: Dněšní stáv poznání. Praha, 1969. 422 s.
950. *Russjan L.* Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848—1849. Warszawa, 1934.
951. *Ruzsás L.* Városi fejlődés a Dunántulon a 18.—19. században. Budapest, 1964.
952. *Sabolović D.* Imbro Ignjatijević Tkalac. Zagreb, 1957.
953. *Sándor V.* Nagyipari fejlődés Magyarországon. 1867—1900. Budapest, 1954.
954. *Safárik P. J.* Slovanský národopis. Praha, 1955.
955. *Sacher-Masoch L.* Polnische Revolutionen: Erinnerungen aus Galizien. Praha, 1863. XII. 386 S.
956. *Salamon F.* A magyar királyi szék betöltése és a Pragmatica sanctió története. Pest, 1866.
957. *Salz A.* Geschichte der böhmischen Industrie in der Neuzeit. München—Leipzig, 1913. 636 S.
958. *Sándor P.* A jobbagyirtok történeti-statisztikai vizsgálatához 1786—1853. Budapest, 1961.
959. *Sárközi L.* Az Erdélyi százok 1848—1849-ben. Budapest, 1974.
960. *Sashegyi O.* Zensur und Freiheit unter Josef II. Budapest, 1958.
961. *Sawicki-Stella J.* Galicja w powstaniu styczniowym. Lwów, 1913. 199 s.
962. *Spiesz A.* Manufakturne obdobje na Slovensku. 1725—1825. Bratislava, 1961.
963. *Schauer D.* Prva doba našega združništva. Ljubljana, 1945.
964. *Schlitter H.* Aus Österreichs Vormärz. Wien, 1920. Bd 2—3.
965. *Schnür-Reptowski S.* Galiciana. 1778—1812. Lwów, 1896.
966. *Schnür-Reptowski S.* Obrazy z przeszłości Galicji i Krakowa (1772—1858). Lwów, 1896. T. 1—2.
967. *Schnür-Reptowski S.* Z przeszłości Galicji (1772—1862). Lwów, 1894. T. 1—2.
969. *Serejski M. H.* Naród i państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1973.
970. *Sernec J.* Spomini. Ljubljana, 1927.
971. *Sesták M.* Revoluční spolupráce E. Kvaterníka s J. V. Fričem v letech 1863—1864. Praha, 1965. 75 s.
972. *Seton-Watson R. W.* The Southern Slav question and the Habsburg Monarchy. London, 1911. 463 p.
973. *Schamschula W.* Die Anfänge der tschechischen Erneuerung und das deutsche Geistleben 1740—1800. München, 1973. 338 S.
974. *Schmidt E.* Statistik des Österreichischen Kaiserstaates. Wien, 1860.
975. *Schwartner M.* Statistik des Königreichs Ungarn. Ofen, 1809—1811. T. 1—3.
976. *Schwarzenberg A.* Prince Felix Schwarzenberg: Prime minister of Austria. 1848—1852. N. Y., 1946.
977. *Schwicker J.* Geschichte der österreichischen Militärgrenze. Wien, 1883. 446 S.
978. La Sicilia e l'unita d'Italia. Milano, 1962.
979. *Sidak J.* Studije iz hrvatske povijesti XIX stolecja. Zagreb, 1973.
980. *Sidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskog naroda 1869—1914. Zagreb, 1968.
981. *Silagi D.* Jakobiner in der Habsburger-Monarchie. Wien—München, 1962.
982. *Simon I.* A magyar irodalom. Budapest, 1973.
983. *Sisić F.* Hrvatska povijest. U Zagrebu, 1913. D. 3.
984. *Skedel A., Weiss E.* Der politische Nachlass des Grafen Eduard Taaffes. Wien, 1922.
985. *Skowronek J.* Polityka bałkańska Hotelu Lambert (1833—1856). Warszawa, 1976. 274 s.
986. *Sladkovský K.* Výbor z politických řečí a uvah. Praha, 1889.
987. *Slaviček K.* Tajná politická společnost Český Repeal. Praha, 1947.
988. Slawen, Russen, Germanen: Ihre gegenseitige Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft. Leipzig, 1843.

989. Slavica v české řeči. D. I. České překlady ze slovanských jazyků do roku 1860. Praha, 1955. 168 s.
990. *Śliwowska W.* W kręgu poprzodników Hercena. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971.
991. Slovaci a ich národný vývin. Bratislava, 1969.
992. Slovanská vzajemnost. 1836—1936. Praha, 1938.
993. Slovanské spisovné jazyky v době obrození: Sborník. Praha, 1974.
994. Slovanský sjezd v Praze roku 1848: Sbírnka dokumentů [Začek]. Praha, 1958.
995. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968.
996. Slovensko: Dějiny. Bratislava, 1971.
997. *Smetana A.* Sebrané spisy filosofické. Praha, 1903. D. 1.
998. *Smičiklas T.* Nacrt života i djela biskupa J. J. Strossmayera. Zagreb, 1906. 443 s.
999. *Smolka K.* Dziennik 1848—1849 w listach do żony. Warszawa — Kraków, 1913. T. LXI. 369 s.
1000. *Sommer L.* Die österreichischen Kameralisten in dogmengeschichtlicher Darstellung. Wien, 1920—1925. Bd 1—2.
1001. *Solle Zd.* Internacionala a Rakousko: I Internacionala a počátky socialistického hnutí v zemích vývalé habsburské monarchie. Praha, 1966.
1002. *Solle Zd.* Průkopníci: Josef Boleslav Pecka, Ladislav Zapotocký, Josef Hybeš. Praha, 1975. 239 s.
1003. *Solle Zd.* Socialistické dělnické hnutí a česká otázka 1848—1849. Praha, 1969.
1004. *Söllner J.* Statistik Grossfürstentums Siebenbürgen. Hermannstadt, 1856.
- 1004a. *Somogyi E.* A birodalmi centralizációtól a dualizmusig. Budapest, 1976. 225 s.
1005. *Somogyi E.* Valasztójog és parlamentarizmus a dualizmuskori Ausztriában. Budapest, 1968.
1006. *Sorn J.* Razvoj papirnice Vevče. Ljubljana, s. a.
1007. *Sötér I.* Eötvös József. Budapest, 1953.
1008. Soupis pramenů k dějinám feudálního útisku. Praha, 1954.
1009. Spectrum Austriae. Wien, 1957.
1010. *Spinčić V.* Narodni preporod u Istri. Zagreb, 1924.
1011. *Spira Gy.* A magyar forradalom 1848—49-ben. Budapest, 1959. 676 old.
1012. *Spira L.* Lehrheft zur Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung. Wien, 1952.
1013. Sprawozdanie stenograficzne z rozpraw galicyjskiego Sejmu krajowego. Lwów, 1869.
1014. *Springer A.* Statistik des österreichischen Kaiserstaates. Wien, 1840.
1015. *Srb A.* Ludwig Kossuth a česká otázka r. 1871. Praha, 1893.
1016. *Srbik H.* Metternich, der Staatsmann und der Mensch. München, 1925. Bd 2.
1017. *Stadtmüller G.* Geschichte der habsburgischen Monarchie. Stuttgart — Mainz, 1966.
1018. *Stanislav B. K.* Havlíček Borovský. Praha, 1954.
1019. *Starčević A.* Diela. Zagreb, 1894. Sv. 3.
1020. *Starčević A.* Ustavi Francezke. Zagreb, 1889.
1021. *Stasiewicz J.* Poglądy na naukę w Polsce okresu oświecenia na tle ogólnoeuropejskim. Wrocław — Kraków, 1967. 225 s.
1022. Statisztikai adatok a magyar mezőgazdaság történetéhez. 1767—1867. Budapest, 1973.
1023. Statistisches Handbuch der Österreichisch—Ungarischen Monarchie für das Zeitraum 1867—1876. Wien, 1878.
1024. Staatsgrundgesetze der Österreichischen Monarchie. Wien, 1861.
1025. *Steiner H.* Die Arbeiterbewegung Österreichs. 1867—1889. Wien, 1964.
1026. *Stekl H.* Österreichs Aristokratie im Vormärz. Wien, 1973.
1027. Stenografische Protokolle über die Sitzungen der Abgeordneten des Reichsrates. Wien, 1869—1871.
- 1027a. Stenografische Sitzungsprotokolle der Delegation des Reichsrates. Zweite Session. Wien, 1869; Dritte Session. Wien, 1871.

1028. *Stojsavljević B.* Gornjaci. Zagreb, 1959.
1029. *Stojsavljević B.* Suma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji poslije 1848. Zagreb, 1961.
1030. Strahovská knihovna. Praha, 1967. D. 2.
1031. *Strčić P.* Prvi tabor Hrvata Istre i Kvarnerskih otoka. Rijeka, 1971.
1032. *Strossmayer J. J., Rački F.* Politički spisi: Rasprave, članci, govori, memorandumi [Koščak]. Zagreb, 1971. 562 s.
1033. *Siruś (Stella-Sawicki J.).* Moje wspomnienia. (1831—1910). Lwów, (1921). VII. 186 s.
1034. Studia nad rozwojem narodowym Polaków, Czechów i Słowaków. Kraków, 1976.
1035. Stúdie o slovensko-mad'arských literárnych vzťahoch. Bratislava, 1972.
1036. Studie z obecných dějin. Praha, 1972.
1037. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Budapest, 1961.
1038. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Graz — Köln, 1953.
1039. Studies on the History of the Hungarian Working Class Movement (1867—1966). Budapest, 1975. 438 s.
1040. Studii și referate despre N. Balcescu. București, 1953. V. 1.
1041. *Stúr L.* Politické staté a prejavy. Bratislava, 1954.
1042. *Stúr L.* Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Bratislava, 1931.
1043. *Sturdza Al. A. C.* La terre et la race roumaines depuis leurs origines jusqu'à nos jours. Paris, 1904.
1044. *Sturmberger H.* Der Weg zum Verfassungstaat: Die politische Entwicklung in Oberösterreich von 1792—1861. Wien, 1962.
1045. *Sulek B.* Hrvatski ustav ili konstitucija godine 1882. Zagreb, 1883. 311 s.
1046. *Sulek B.* Izabrani članci. Zagreb, 1952.
1047. *Svobodova Z.* Dobrovský a německá filologie. Praha, 1955.
1048. Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. Warszawa, 1973. 411 s.
1049. *Szabad Gy.* Forradalom és kiegyezés választóján. Budapest, 1967. 644 old.
1050. *Szabó J.* A jobbágybirtok problémái 1848—1849-ben. Budapest, 1948.
1051. *Szacka B.* Stanisław Staszyc: Portret mieszczanina. Warszawa, 1962.
1052. *Szacki J.* Ojczyzna, Naród, Rewolucja: Problematyka narodowa w polskiej myśli szlachecko-rewolucyjnej. Warszawa, 1962.
1053. *Szauder J.* Felvilágosodás és romantika határan. Budapest, 1970.
1054. *Széchenyi I.* Beszédei. Budapest, 1887.
1055. *Szekfü Gy.* Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez, 1790—1848. Budapest, 1926.
- 1055a. *Szekfü Gy.* Magyar történet. Budapest, 1936. K. 5. 690 s.
1056. Szomszedság és közösség. Délszlav-magyar irodalmi kapcsolatok. Budapest, 1972. 550 s.
1058. Tafeln zur Statistik der Österreichischen Monarchie. 1841, 1842—1847. Wien, 1844, 1845—1853.
1059. *Táncsics M.* Válogatott írásai. Budapest, 1957.
1060. *Tandler E.* Die industrielle Entwicklung Siebenbürgens. Kronstadt, 1909.
- 1060a. Tanulmányok a parasztság történetéhez Magyarországon. 1711—1790. Budapest, 1952.
1061. Tanulmányok az erdélyi kapitalizmus kezdeteiről. București, 1956.
1062. Tanuságtévők. Budapest, 1974. K. 1.
1063. *Tapié V.* Monarchie et peuples du Danube. Paris, 1969.
1064. *Taube F.* Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slawonien und des Herzogthums Syrmien. Leipzig, 1778. Bd 1—2.
1065. *Taylor A. J. P.* The Struggle for Mastery in Europe. 1814—1918. Oxford, 1954.
1066. *Teleki L.* Válogatott munkái. Budapest, 1961. K. 1—2.
1067. Temišvarski sabor 1790 [Gavrilović, Petrović]. Novi Sad — Sremski Karlovci, 1972.

1069. Texte zur österreichischen Verfassung-Geschichte. Von der Pragmatischen Sanktion bis zur Bundesverfassung (1713—1916). Wien, 1970.
1070. *Tezner Fr.* Die Wandlungen der österreichisch-ungarischen Reichsidee. Wien, 1905.
1071. *Thim J.* Magyarországi 1848—49-iki szerb fölkelés története. Budapest, 1930. K. 1—3.
1072. *Thirring G.* Magyarország népeisége II. József korában. Budapest, 1938.
1073. *Tibenský J.* Chvaly a obrany slovenského národa. Bratislava, 1965.
1074. *Trócsányi Zs.* Wesselényi Miklós. Budapest, 1965. 560 s.
1075. *Tibenský J.* J. Papanek—J. Sklenar, obrancovia slovenskej národnosti v XVIII st. Martin, 1958.
1076. *Tieftrunk K.* Dějiny Matice české. Praha, 1881.
1077. *Tobolka Zd.* Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Praha, 1932—1933. T. 1—2.
1078. Történelmünk a jogalkotások tükrében. Budapest, 1966.
- 1078a. *Tóth Z. J.* Bălcescu Miklós élete. Budapest, 1958. 243 s.
1079. *Tóth Z. I.* Magyarok és románok: Történelmi tanulmányok. Budapest, 1966. 496 old.
1080. *Trapl M.* Novinář Jan Oheral. Brno, 1969.
1081. *Tremel F.* Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs. Wien, 1969.
1082. *Tritsch W.* Metternich und sein Monarch. Darmstadt, 1952.
1083. *Trmal E.* Vzpomínky na český Repeal. Praha, 1902.
1084. *Trócsányi Z.* Az erdélyi parasztság története. Budapest, 1956.
1085. *Turba G.* Die Pragmatische Sanktion mit besonderer Rücksicht auf die Länder der Stephanskronen. 1703—1744. Wien, 1906.
1086. *Tyrowicz M.* Julian Maciej Goslar. Warszawa, 1953.
1087. *Tyrowicz M.* Prawda i mit w biografii Juliana Maceja Goslara (1820—1852). Warszawa, 1972. 315 s.
1088. *Tyrowicz M.* Sprawa ks. Piotra Sciegiennego. Warszawa, 1948. 203 s.
1089. *Uhlirz K.* und *Uhlirz M.* Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn. 4 Bände. Wien, 1927—1944.
1090. Unification of the Rumanian National State. București, 1971.
1091. *Ureche G.* Letopisețul Țării Moldovei. București, 1956.
1092. *Ursu H.* Avram Jancu. București, 1966.
1093. *Vaclavek B.* Český listář. Praha, 1849.
1094. *Václavková* Olomouc. 1972. Praha, 1975.
1095. *Vágvölgyi T.* A magyar jakobinusok köztársasági mozgalma. Budapest, 1968.
1096. *Valjavec F.* Geschichte der deutschen Kulturbeziehungen in Südosteuropa. München, 1958. Bd 3.
1097. *Vallotton H.* Kaiserin Maria Theresia. Hamburg, 1968. 312 S.
1098. *Vañeček V.* Dějiny státu a práva v Československu. Praha, 1961. 662 s.; 3 dop. a přeprac. vydání. Praha, 1975. 582 s.
1099. *Varga J.* A jobbágyfelszabadítás kivívása 1848-ben. Budapest, 1971.
1100. *Varga J.* A jobbágyi földbirtoklás típusai és problémái 1767—1849. Budapest, 1967.
1101. *Városová E.* Slovenské obrodenecké myslenie: Jeho zdroje a základne ideji. Bratislava, 1963.
1102. *Vavra J.* Osvicenská éra v česko-ruských vědeckých stycích. Praha, 1977.
1103. *Vežić M.* Urbar hrvatsko-slavonski. Zagreb, 1882. 610 s.
1104. *Vigevano A.* La legione ungherese in Italia. Roma, 1924.
1105. *Vincze E.* Az útkeresés évtizedei. Budapest, 1977.
1106. *Vidmar J.* Kulturni problem slovenstva. Ljubljana, 1932. 93 s.
1107. *Vlček J.* Dějiny české literatury. Praha, 1951. D. 2.
1108. *Vodička F.* Cesty a cíle obrozenecké literatury. Praha, 1958. 327 s.
1109. *Voinovitch L.* La Dalmatie, l'Italie et l'unité Yougoslave (1797—1917). Genève—Bale—Lyon, 1917. 375 s.
1110. *Volj J. a. Volj M.* Příspěvky k životu a dílu J. Dobrovského. Praha, 1935.
1111. *Vondraček J.* Dějiny českého divadla: Doba obrozenecká, 1771—1824. Praha, 1956.

12. *Vörös K.* Egy világváros születése. Budapest, 1973.
13. *Vošnjak J.* Slovenski tabori. Maribor, 1869.
14. *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1905—1906. T. 1—2.
15. *Vraz S.* Dela. Zagreb, 1863—1866. D. 1—3.
16. *Vrbová P.* Hlavní otázky vzniku a vývoje českého strojírenství do r. 1918. Praha, 1959.
17. *Vyvíjalová M.* Juraj Palkovič (1769—1850). Bratislava, 1968.
- 17a. *Waldapfel E.* A független magyar külpolitika 1848—1849. Budapest, 1962. 379 old.
18. *Waldapfel J.* A magyar irodalom a felvilágosodás korszakában. Budapest, 1963.
19. *Walter F.* Die österreichische Zentralverwaltung: Die Zeit Franz II(I) und Ferdinand I (1792—1848). Wien, 1956. Bd 1—2.
20. *Walter F.* Die Geschichte der österreichischen Zentralverwaltung in der Zeit Maria Theresias. Wien, 1938.
21. *Walter Fr.* Die Wiener Südostpolitik im Spiegel der Geschichte der zentralen Verwaltung. München, 1959.
22. *Walter Fr.* Männer um Maria Theresia. Wien, 1951.
23. *Wandruszka A.* Das Haus Habsburg. Wien, 1956.
24. *Wandruszka A.* Leopold II. Wien — München, 1964—1965. V. 1—2.
25. *Wandruszka A.* Schicksalsjahr 1866. Graz — Wien, 1966.
- 25a. *Wangermann E.* The Austrian Achievement. 1700—1800. L., 1973.
26. *Wendel H.* Aus dem südslawischen Risorgimento. Gotha, 1921. 199 S.
27. *Wendel H.* Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit. Frankfurt am M., 1925. 790 S.
28. *Wereszycki A.* Austria a powstanie styczniowe. Lwów, 1930.
29. *Wereszycki H.* Historia Austrii. Wrocław, 1972. 379 S.
30. *Wereszycki H.* Pod berłem Habsburgów: Zagadnienia narodowościowe. Kraków, 1975. 313 s.
31. *Wertheimer E.* Graf Julius Andrássy, sein Leben und seine Zeit. Stuttgart, 1910—1913. Bd 1—3.
32. *Wiatr J.* Naród i państwo. Warszawa, 1969.
33. *Widmann K.* Franciszek Smolka, jego życie i zawód publiczny: Od roku 1810 do 1849. Lwów, 1886. 991 s.
34. *Wiesiołowski M.* Rys statystyczny — geograficzny Galicji austriackiej. Poznań, 1842.
35. *Willy A.* Das Theresianische Österreich und das XVIII. Jahrhundert. München — Berlin, 1930. 31 S.
36. *Winter E.* Barock, Absolutismus und Aufklärung in der Donaumonarchie. Wien, 1971.
37. *Winter E.* Frühaufklärung. Berlin, 1966.
38. *Winter E.* Frühliberalismus in der Donaumonarchie: Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790 bis 1868. Berlin, 1968. 424 S.
39. *Winter E.* Der Josefismus: Die Geschichte der österreichischen Reformkatholizismus. 1740—1848. Berlin, 1962. 380 S.
40. *Winter E.* Revolution, Neoabsolutismus und Liberalismus in der Donaumonarchie. Wien, 1970.
41. *Winter E.* Romantismus, Restauration, Liberalismus im Vormärz. Wien, 1968. 246 S.
42. Die Wirtschaftsgeschichte Österreichs. Wien, 1971.
43. *Wisłocki W. T.* Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska. Lwów, 1927. 227 s.
44. *Wojnarowski T.* Das Schicksal des ukrainischen Volkes unter polnischen Herrschaft. Wien, 1921.
45. *Wollman F.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968.
- 45a. *Wollman F.* Slovanství v jazykové literární obrození u Slovanů. Praha, 1958.
46. W stulecie Wiosny Ludów 1848—1948 [Gąsiorowska]. Warszawa, 1948—1953. T. 1—5.
47. *Wybranowski R.* Pamiętniki. Lwów, 1962. T. 2.

1148. Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864. Lwów, 1894. T. 3. 496 s.
1149. *Wyka K.* Teka Stańczyka na tle historii Galicji w latach 1849—1859. Wrocław, 1951. 226 s.
1150. *Xenopol A. D.* Etudes historiques sur le peuple roumain. Jassy, 1888.
1151. Za izboljšanje živlenskih pogojev našega kmetijstva. 1938.
1152. *Začek V.* Cechové a Poláci v roku 1848. Praha, 1948. C. 1—2.
1154. *Začek V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935. 234 s.
1155. *Začek V.* Počátky národního obrození slovanského obyvatelstva ve Slezsku. Ostrava, 1959. 67 s.
1156. *Začek V.* František A. Zach. Praha, 1977. 322 s.
1157. *Začek V.* Z revolučných a politických polsko-slovenských stykov v dobie predmarcovej. Bratislava, 1966. 215 s.
1158. *Zawadzki W.* Pamiętniki życia literackiego w Galicji. Kraków, 1961. 446 s.
1159. Z dějin československo-ukrajinských vzťahov. Bratislava, 1957.
1160. Z dějin mad'arsko-československých vztahů. Praha, 1959.
1161. *Zdrada J.* Zmierzch Czartoryskich. Warszawa, 1969.
1164. *Zeil W.* Bolzano und Sorben: Ein Beitrag zur Geschichte des «Wendischen Seminars» in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, 1967. 264 S.
1165. *Zejszner L.* Krótki opis historyczno-geologiczny i górnicy Wieliczki. Berlin, 1843.
1166. *Teithammer A. O.* Zur Geschichte der böhmischer Ausgleichversuche (1865—1871). Praha, 1912—1913. T. 1—2.
1167. *Ziemiałkowski F.* Pamiętniki. Kraków, 1904. Cz. 1—4.
1168. [Zois S.]. Zoisova korespondencija. Ljubljana, 1939—1941. Sv. 1—2.
1169. *Zöllner E.* Geschichte Österreichs. Wien, 1962.
1170. *Zychowski M.* Rok 1846 w Rzeczypospolitej Krakowskiej i w Galicji. Warszawa, 1956. 269 s.
1171. 200 Jahre österreichischen Unterrichtsverwaltung. 1760—1960. Wien, 1960.
1172. *Zwitter F.* Prebivalstvo na Slovenskem od XVIII st. do današnjih dana. Ljubljana, 1936.
1173. *Zwitter F., Sidak J., Bogdanov V.* Nacionalni problemi v habsburški monarhiji. Ljubljana, 1962.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

- 1*. *Raymond et Koth.* Tableau statistique de la monarchie Autrichienne. Paris, 1802, p. 74.
- 2* *Sulek B.* Sta nameravaju Iliri? Beograd, 1844, s. 81—82.
- 3*. Alphabetisches Verzeichnis aller Ortschaften Galiziens und der Bukowina. 1830. Lemberg, 1832.
- 4*. *Bessenyei György.* Egy Magyar Társaság iránt való Jámbor Szandék. Pest, 1781.
- 5*. *Táncsics Mihály.* Józánész. Pest, 1848, 312 l.
- 6*. ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3, д. 77, ч. 1, л. 6—7, 25—26.
- 7*. ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3, д. 77, ч. 2, л. 20—22.
- 8*. *Dobrowsky J.* Über die Ergebenheit und Anhängigkeit der slawischen Völker an das Erzhaus Österreich. Prag, 1791.
- 9*. CCM, 1871, s. 272.
- 10*. CCM, 1871, s. 70, 263.
- 11*. *Jungmann J.* Historie literatury české. Praha, 1825.
- 12*. Pražské noviny, 1835, N 92.
- 13*. CCM, 1845, s. 455—471; 1847, s. 652—666.
- 14*. *Havlíček-Borovský.* Slovan a Cech.— Pražské noviny, 1846, N 14—21.
- 15*. Květy, 1846, N 29, s. 115; N 52, s. 208, N 69, s. 277.
- 16*. Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky. Praha, 1846.

- 17*. *Sulek B. Sta nameravaju Iliri? Beograd, 1844, s. 1.*
- 18*. *Rakovac D. Mali katehizam za velike ljude. Zagreb, 1842; Sulek B. Sta nameravaju Iliri? s. 133, 134.*
- 19*. *Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, 1835, N 10, s. 38; N 48, s. 292, 293.*
- 20*. *Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, 1836, N 27, s. 108.*
- 21*. *Narodne novine, 2.VI 1847, s. 174; 18.IX 1847, s. 298.*
- 22*. *Narodne novine, 20.VIII 1845; 30.VIII 1845; 6.IX 1845; 15.IX 1947; 18.IX 1847; 25.IX 1847.*
- 23*. *Броневский В. Путешествие из Триеста до С.-Петербурга в 1810 году. М., 1828, с. 31, 77—80, 109, 124—125.*
- 24*. *Новый сербский летопис, 1841, ч. 1, с. 10; Сербский летопис, 1842, ч. 1, с. 122, 123, 127; Сербский летопис, 1846, ч. III, с. 131.*
- 25*. *Сербский Народный лист, 1835, с. 177—179.*
- 26*. *Новый сербский летопис, 1840, ч. 1, с. 4—6, 25, 27, 29, 37, 39.*
- 27*. *Gazeta de Transilvania, 1845, N 27.*
- 28*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 152, оп. 2, д. 3008, л. 33.*
- 29*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 152, оп. 2, д. 3019, л. 39—43.*
- 30*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 146, оп. 5, д. 3018, л. 73—74; д. 3183, л. 22—45.*
- 31*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 146, оп. 5, д. 3183, л. 211—213; д. 3209.*
- 32*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 152, оп. 2, д. 7649, л. 14, 32—35.*
- 33*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 146, оп. 7, д. 2772, л. 123.*
- 34*. *ЦГИА УССР во Львове, ф. 146, оп. 6, д. 4463 (за 1846 г.).*
- 35*. *Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, 1838, N 30, 47; 1839, N 17, 19, 20, 30; 1840, N 8, 17; 1841, N 33, 36; 1842, N 11, 24, 34; 1844, 35; 1845, N 31.*
- 36*. *Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, 1845, N 18.*
- 37*. *Buturnica igrokazah narodnoga kazališta od Drag. Galca. U Zagrebu, 1842.*
- 38*. *Květy, 1844, N 49, s. 196.*
- 38a*. *Архив АН СССР. Ленингр. отд., ф. I, оп. 3, № 21, л. 114, 140—141 и др.*
- 39*. *Архив АН СССР. Ленингр. отд., ф. I, оп. 2, № 39, л. 59.*
- 40*. *Архив АН СССР. Ленингр. отд., ф. I, оп. 3, № 40, л. 189.*
- 41*. *Архив АН СССР. Ленингр. отд., ф. I, оп. 3, № 21, л. 140—141.*
- 42*. *Новый Санкт-Петербургский вестник, 1786, с. 137—145.*
- 43*. *ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, № 1550.*
- 44*. *Tablic B. Poezye. Vacov, 1806, d. 1, s. VI.*
- 45*. *ССМ, 1874, s. 134.*
- 46*. *Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čehy, Morawany a Slováky. Praha, 1846.*
- 47*. *Carniola, 1910, N 1, s. 263.*
- 48*. *Normann H. Österreich, wie es ist. Leipzig-Löwenberg, 1833, Bd 1—2; Он же. Buch der Freieheit oder Geist des 19-ten Jahrhunderts von einem ausgewanderten Oesterreicher. Leipzig — Meissen, 1834.*
- 49*. *Schuselka F. Österreichische Vor- und Rückschritte. Hamburg, 1847, S. 265—282.*
- 50*. *Politische Memorabilien aus Österreichs Neuzeit. Leipzig, 1844, S. 179—182.*
- 51*. *ССМ, 1871, s. 341.*
- 52*. *Thun L. Ueber den gegenwärtigen Stand der böhmischen Literatur und ihre Bedeutung. Prag, 1842.*
- 53a*. *Danica horvatsko, slavonska i dalmatinska, 1847, N 5, s. 18.*
- 53a*. *Сербске летописи, прва частица. У Будиму, 1824 (фактички 1825.—Ред.).*
- 54*. *Ueber die literarische Wechselfeitigkei zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation von Johann Kollar. Pesth, 1837.*
- 55*. *Kollár J. Rozpravy o jmenách, počátkoch i starožitnostech národu slavskeho a jeho kmenů. V Budine, 1830; Kollár J. Dobře vlastnosti národu slovanského (1822).— In: Kollár J. Rozpravy o slovanské vzajemnosti. Praha, 1929.*

- 55а*. Новый сербский летопис, 1839, ч. III, с. 93—124.
- 55б*. *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958, с. 223.
- 56*. Oesterreichische Zeitung, 31.III, 1.IV 1848.
- 57*. Archivio triennale delle cose d'Italia. Capolago, 1850—1852, v. 1, p. 493.
- 58*. Archivio triennale delle cose d'Italia. Capolago, 1850—1852, v. 2, p. 72, 202, 274.
- 59*. *Kopp F.* Die Ereignisse der Pfingstwoche des Jahres 1848, in Prag und dessen nächster Umgebung. Prag, 1848, S. 116—117.
- 60*. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Архив Э. и Г. Косты, ф. 979, оп. 1, д. 186.
- 61*. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Архив Э. и Г. Косты, ф. 979, оп. 1, д. 195.
- 62*. OL, Az 1848—1849-i miniszteriumok levéltára. Országos Ideiglenes Bizottmány iratai 1848: 141. 1848, apr. 4.
- 63*. Siebenbürger Bote, 15.XI 1848.
- 64*. Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske, 27.XII 1878.
- 65*. «Деяния Народа Сербского и Патриарха Иосифа Раячича, лета 1948/9 и послед.», т. 1.—Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, док. 318, л. 402 об., 404 об.
- 66*. Slavenski jug, 31.VIII 1849, s. 202.
- 67*. Slavenski jug, 23.VIII 1849.
- 68*. *Vukotinić Lj.* Nekoja glavna pitanja našeg vremena. Zagreb, 1848, s. 24—25.
- 69*. Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske, 5.VII, 18.VIII, 20.VII 1848.
- 70*. Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske, 22.III, 27.III, 29.III 1848.
- 71*. Saborske novine, 6.VI.
- 72*. Zapisnik sabora trojedne kraljevine Dalmatinske, Hèrvatske i Slavonske. Zagreb, 1848, s. 9—15.
- 73*. Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske, 18.VIII 1848.
- 74*. Slavenski jug, 10.III 1849, 12.IV 1849.
- 75*. Slavenski jug, 18.VIII 1849.
- 76*. Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835—49.—Збірник фільологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка, 1909, т. 10—11, с. 226—237.
- 77*. ЦГИА УССР во Львові, ф. 146, оп. 7, д. 2710, л. 34—48; д. 2732, л. 22—24, 31—48.
- 78*. ЦГИА УССР во Львові, ф. 152, оп. 2, д. 6964, л. 3, 7; д. 6965, л. 4, 5; Протокол входящей корреспонденции Президиума Галицийского губернского управления, 1848, № 4564, 8153, 9218, 11591. См. также: *Borys Wl.* Do historii ruchu społeczno-politycznego studentów Uniwersytetu i młodzieży rzemieślniczej Lwowa w latach 1832—46.—РН, 1963, N 3, s. 424, 427; *Борис В. О.* До питання про початок робітничого руху в Галичині (1848—1850 рр.).—Доповіді та повід. ЛДУ, Львів, 1958, вип. 8, ч. 1, с. 65.
- 79*. Verhandlung des österreichischen Reichstags in Wien. 1848, Bd 1, S. 585, 586.
- 80*. ЦГИА УССР во Львові. Протокол входящей корреспонденции Президиума Галицийского губернского управления, 1849.
- 81*. Gazeta narodowa, 1848, N 65. См. также: *Франко І.* Jak świat światem... (До стор. 1848 року).—Житє і Слово, 1896, кн. 3, № 5, с. 218—221.
- 82*. Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835—49.—Збірник фільологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка, 1909, т. 10—11, с. 238—239.
- 83*. Зоря Галицька, 23.V 1848, № 2.
- 84*. Зоря Галицька, 15.V 1848, № 1.
- 85*. ЦГИА УССР во Львові, ф. 180, оп. 1, д. 3, л. 88—89, 107—112; оп. 2, д. 6, л. 9—10, 13—16; д. 16, л. 6—7, 85, 112—115; д. 17, л. 38—39; см. также: Класова боротьба селянства Східної Галичини. 1772—1849. Київ, 1974, с. 451—452, 492—489.
- 86*. ЦГИА УССР во Львові, ф. 146, оп. 7, д. 2822, с. 9—10.

- 86а*. *Созанський І.* З літературної спадщини Василя Ільницького.— Збірник Наукового товариства ім. Шевченка, т. 66, с. 1—59.
- 87*. *Головацький Я.* Исторический очеркъ основанія Галицко-русской Матиці и справозданье первого собору ученыхъ и любителей народного просвѣщенія. Львів, 1850.
- 88*. Зоря Галицька, 13.VI 1848, № 5.
- 89*. Зоря Галицька, 18.IV 1849.
- 90*. *Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske*, 15.VI 1848.
- 91*. *Grada za povijest književnosti hrvatske*. Zagreb, 1948, sv. 16, s. 112.
- 92*. *Slavenski jug*, 1.XI 1848.
- 93*. *Slavenski jug*, 1.IX 1848.
- 94*. *Mažuranić I.* Hèrvati madjarom. Karlovac, 1848, s. 11; *Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske*, 29.VI, 9.IX 1848.
- 95*. *Slavenski jug*, 18.X, 22.X 1848.
- 96*. *Slavenski jug*, 1.XII 1848.
- 97*. *Slavenski jug*, 8.XI, 12.XI 1848.
- 98*. *Slavenski jug*, 15.XI, 29.XI 1848.
- 99*. *Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske*, 20.IV 1848.
- 100*. *Slavenski jug*, 20.VII 1848.
- 101*. Красный архив, 1938, № 4—5, с. 191.
- 102*. *Slavenski jug*, 1.V 1849.
- 103*. *Slavenski jug*, 12.V, 29.VII 1849.
- 104*. *Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske*, 20.IV 1848.

ССЫЛКИ НА СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЯХ

- Аб.* Послѣдні руски борці з польских повстань.— Діло, 1888, № 182.
- Барсков Я.* Книги из собрания А. Н. Радищева.— Дела и дни. 1920, кн. 1, с. 397 (№ 17, 82, 83, 86).
- Борис В. О.* Революційна література «Загальної конфедерації польського народу» (1837—1838 рр.).— Укр. слов'янознавство, 1971, вип. 4.
- Динеева С. А.* Фрагменты из произведений Августа Сметаны.— Научн. докл. высш. школы. Филол., 1972; *Динеева С. А.* Философское наследие Августина Сметаны и его оценка в чешской марксистской философии.— Историко-философский сборник, 1972, с. 168.
- Динеева С. А.* Августин Сметана и русские революционные демократы.— Историко-философский сборник, 1974, с. 64.
- Достян И. С.* Политические идеи Общества соединенных славян.— Сов. славяновед., 1968, № 4, с. 19—30.
- Достян И. С.* Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.— Сов. славяновед. 1970, № 5.
- Дьяков В. А.* Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов.— Сов. славяновед. 1971, № 5.
- Карпинец І.* Галицькі залізні гуті та їх продукція в рр. 1772—1848.— Збірник Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Львів, 1937, т. 154, с. 153.
- Костиш С.* Орфелин и терезіянске школске реформе.— Зборник МС за књижевност и језик, 1973, књ. 21, ч. 1.
- Матула В.* Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура.— Сов. славяновед., 1978, № 2, с. 59—60.
- Мельникова И.* Закарпатская Украина в революции 1848 г.— ВИ, 1948, № 8, с. 80.
- Миллер И. С.* Накануне отмены барщины в Галиции: Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40-х годах XIX столетия.— УЗИС, 1949, т. 1, с. 165.
- Милютинович К.* Из истории Новог Сада у доба Кочине крајине и Првог

српског устанка.— Зборник МС. Серија друштвених наука, 1954, № 7, с. 68—69.

Мокутер И. Сознание славянской общности в сербской литературе XVIII в.— *Studia slav. hung.*, 1968, v. 14, p. 269—282.

Мыльников А. С. Вольтер и Чехия.— *Slavia*, 1971, N 3, s. 383.

Мыльников А. С. У истоков организации науки в Чешских землях.— Вопросы истории естествознания и техники, 1974, вып. 1, с. 80—83.

Мыльников А. С. В. Н. Татищев и «Чешская хроника». В. Гайка.— *Сов. славяновед.*, 1977, № 2, с. 59—66.

Невлер В. Е. Политическая борьба в Венеции в первые месяцы республики 1848 года.— *ВИ*, 1976, № 5.

Никитин С. А. Славянские народы в революции 1848 г.— *ВИ*, 1848, № 7, с. 27—43.

Никитин С. А. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 году.— *УЗИС*, 1949, т. I, с. 85—118.

Никольский С. В. О знакомстве Ф. Л. Челаковского с декабристским журналом.— *УЗИС*, 1954, т. 8, с. 323—349.

Орлик И. И. Крестьянское движение в Венгрии в первые месяцы буржуазной революции 1848—1849 годов.— *Нов. и новейш. ист.*, 1959, № 4, с. 72—92.

Полянина Г. В. «Подорож по Галицькій та Угорській Русі» Я. Ф. Головацького та значення цього твору для слов'янознавства.— *Укр. слов'янознавство*, 1970, № 3, с. 55—63.

Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии.— *Вестник Европы*, 1889, кн. 7, с. 708.

Ракић Л. Велики Бечкерек (Зрењанин) револуционарне 1848—1849 године.— *Зборник друшт. науке*, 1964, св. 39, с. 6—8.

Станчев С. Хердер и славянство.— *Език и литература*, 1973, № 1, с. 3—5.

Стеблій Ф. До 160-річчя з дня народження М. А. Мінчакевича.— *Укр. істор. журнал*, 1968, № 7, с. 131—133.

Стеблій Ф. Про «Інструкцію для учителів руського народу» К. Ценглевича.— *Укр. істор. журнал*, 1972, № 4, с. 105—106.

Удальцов И. И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году.— *УЗИС*, 1949, т. I, с. 57—84.

Федоров В. И. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848—1849 годов.— *ВИ*, 1957, № 7, с. 93—95.

Франко І. Стара Русь.— *Літ.-наук. вісник*. Львів, 1906, т. 35, с. 390—391.

Фрейдзон В. И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях.— *Сов. славяновед.*, 1969, № 4.

Цинко К. Ц. Національне питання на Буковині в період революції 1848 р.— *Наукові записки / Чернівцьк. держ. ун-т*. Львів, 1956, т. XVIII. Серија історичних наук, вип. 1, с. 35—36.

Чуркина И. В. Политическая программа Матии Маяра в 1848 г.— *Сов. славяновед.*, 1969, № 5.

Шпира Д. Націонална политика левице у пештанској револуцији марта 1848.— *Зборник за историју*, 1970, № 1, с. 31—34.

Шульга И. И. Об особенностях аграрных отношений Закарпатской Украины в период кризиса феодально-крепостнических отношений (конец XVIII — первая половина XIX в.).— *Ежегодник по агр. ист.* (1964), 1966.

Arató Endre. Magyar-szláv kulturális kapcsolatok a 19. század első felében.— *Magyar Tudomány*, 1975, N 18—19, 486.1.

Badalić J. Ruski pisci u knjizevnosti hrvatskog preporoda.— *Hrvatsko kolo*, 1946, s. 347, 348—352.

Balázs Eva H. Contribution à l'étude de l'ère des lumières et josephinisme en Hongrie.— *Acta Historica*, 1964, v. XXX, N 4, p. 35.

Bernardello A. La paura del comunismo e dei tumulti popolari a Venecia e nelle province venete nel 1848—49.— *Nuova rivista storica*, 1970, N 1—2, p. 70, 72.

Borys Wł. Nieznaný Manifest «Konfederacji Powszechnej Narodu Polskiego» (z r. 1837).— *Malopolskie Studia Historyczne*, 1962, N 1—2, s. 44—48.

Bren P. Abbé Martin Kuralt mej leti 1815—1823.— *Carniola*, 1919, s. 101—103.

- Butvin J.* Zjednovacie snahy v slovenskom národnom hnutí v tridsiatych rokoch XIX. st.—Hist. štúdie, 1963, t. 8, s. 7—67.
- Butvin J.* L'udovit Stúr a problémy slovenského hnutia-obrodenia.—Sborník Filoz. fak. Univ. Komenského. Hist., 1966, s. 126—127.
- Butvin J.* K problematike slovanskej myšlenky u Slovákov v 20. až 30-tych rokoch 19. stor.—Sborník Filoz. fak. Univ. Komenského. Hist., 1967, s. 67—75.
- Chalupy F.* Obrany jazyka a národnosti české.—Ruch, 1883, s. 184—186.
- Cechová G., Martinek J.* Národní vybor v r. 1848.—Sb. arch. prací, 1954, N 1, s. 3—80.
- Della Peruta F.* Le condizioni dei contadini lombardi nel Risorgimento.—Società, 1951, N 2, s. 261.
- Della Peruta F.* I contadini nella rivoluzione lombarda del 1848.—Movim. operaio, 1953, N 4, p. 543, 554—565, 568—569.
- Djakow Wl.* Edward Dembowski i rewolucyjne spiski na początku lat czterdziestych XIX wieku.—Pamiętnik Literacki, 1973, z. 2, s. 261—283.
- Dyma M. K. S.* Amerling, průkopník slovanské vzájemnosti.—SP, 1958, N 9, s. 319.
- Engel-Janosi F.* Josefs II Tod im Urteil der Zeitgenossen.—Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, 1959, Bd. 17.
- Fried J.* Mad'ari o Palackém.—Slavia, 1973, N 4, s. 421—424.
- Fuka M.* Materialy k dílu St. Vydry, českého matematika z konce 18 st.—Sborník pro dějiny přírodních věd a techniky, 1957, t. 3, s. 181, 185.
- Gavrilovič S.* Agrarní nemiri u Križevackoj i Varaždinskoj županiji 1848—1850.—HZ, 1960, s. 51—52.
- Gavrilovič S.* Virovitická županija u revoluciji 1848—1850.—ZH, 1961, s. 2—7, 69.
- Göllner C.* Betrachtungen zum fortschrittlichen Denken der Siebenbürger Sachsen im XIX. Jahrhundert.—Forschungen, 1958.
- Haas A. G.* Metternich and the Slavs.—Austrian History Yearbook. Houston, 1970, v. IV—V.
- Hanuš J. P. J.* Safarika «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten». Bratislava, 1927, N 1, s. 20—22.
- Hanzal J.* Příspěvek k ohlasu francouzských demokratických názoru v české právnícké literatuře a publicistice druhé poloviny XVIII st.—Právněhist. studie, 1967, t. 13, s. 67.
- Hanzal J.* Palackého kulturní program před rokem 1848.—CL, 1976, N 2, s. 122—132.
- Hroch M.* Tzw. obrození malých národů jako problem komparativního studia sociálních dějin.—Sl. sborník, 1970, N 3.
- Hyršlová K. F.* Schiller und die tschechische nationale Wiedergeburt.—Zeitschr. Slawistik, 1957, Bd 2, N 1, S. 67—69.
- Kimball S. B.* The Austro-Slav Revival: a Study of Nineteenth—Century Literature Foundation.—Transact. Amer. Phyl. Soc., 1973, v. 63, N 4.
- Kindlovics Kálmán.* A szerb Matica Letopisz-ának első évtizede.—Magyar könyvszemle, 1976, N 3, 236. l.
- Kosáry Domokos.* Napóleon és Magyarország.—Századok, 1971, N 3—4, 554. l.
- Košćak V.* Maďaronska emigracija 1848.—HZ, 1950, s. 39—124.
- Kun M. M. A.* Бакунин и венгерское национально-освободительное движение 1847—1864.—Studia Slav. Hung., 1973, v. XIX, p. 184—186.
- Kutnar F.* Předehra velkého Leopoldovského sněmu r. 1790.—ČSCH, 1968, N 4, s. 669—686.
- Lončar D.* Anton Globočnik in slovenski narodni program 1848 leta.—Carniola, 1912, s. 208.
- Makkai László.* Az allodiumok gabonatermelése.—Agrartörténeti Szemle, 1968, N 1—2, 65—69. l.
- Malysz Elemér.* A magyarországi polgárság a francia forradalom korában.—Bécsi Magyar Tört. Int., 1931, 1 k.
- Matula V.* Revolúcia 1848—1849 a Slováci.—HČ, 1974, N 2, s. 219.
- Moritsch A.* Gedanken eines zweisprachigen Südkärntners zum österreichischen

- Staatsbewusstsein.— Das gemeinsame Kärnten. Skupna Koroška. 1975, H. 3, S. 68.
- Novák M.* Austroslavismus, příspěvek k jeho pojetí v době předbřeznové.— SAP, 1956, N 1, s. 26.
- Novák M.* Rakouská policie a politický vývoj v Čechách před r. 1848.— SAP, 1953, N 1—2, s. 84.
- Novak V.* Slomšek saradnik v Gajevoj «Danici Ilirskoj».— Glas. Muz. društva Slov., 1939, s. 374.
- Novotný J.* Zur Problematik des Beginns der industriellen Revolution in der Slowakei.— Historica, 1962, t. IV.
- Novotný J.* Češi a Slováci v národně politických bojích od slovanského sjezdu do porážky revoluce 1848—1849.— HC, 1968, N 3, s. 325.
- Novotný J.* K politickej činnosti P.-J. Safárika za revolucije 1848—1849.— HC, 1970, N 4, s. 554.
- Novotný J.* K projektům společného státně politického řešení české a slovenské otázky za revoluce 1848—1849.— Zbornik Filoz. fak. Univ. Komenského. Hist., 1971, s. 87—96.
- Pražák R.* K ohlasu uherského jakobínského hnutí v českých zemích na sklonku 18. st.— Sbornik prací Filoz. fak. Brněnské univ. Rada. hist., 1971—1972, N 18—19, s. 53—59.
- Prokeš J.* Osudy prvního vydání Balbínovy «Obrany jazyka českého».— ČCM, 1925, s. 245—259.
- Purš J.* K otázce průmyslové revoluce v hlavních odvětvích textilního průmyslu.— ČSCH, 1954, N 1.
- Rozdolski R.* Nowe dokumenty do historii zniesienia pańszczyzny w Galicji w 1848.— PH, 1962, N 1, s. 120.
- Spira Gy.* A 48-as forradalom magyar sajtóösságairól.— Századok, 1975, N 3—4, 443. l.
- Stebelski P.* Lwów w 1848 r.— KH, 1909, z. 4, s. 599.
- Stranjaković D.* Misja Franciszka Zacha w Zagrzebiu w 1848 roku.— PH, 1961, t. 52, z. 2, s. 305—308.
- Sucić J. D., Mot T. M.* Eftimie Murgu.— Studii Rev. de Istorie, 1970, N 6, p. 1109—1117.
- Sugar P. F.* The Influence of the Enlightenment and the French Revolution in the Eighteenth Century Hungary.— Journal Central Europ. Aff., 1958, N 4, p. 331.
- Svobodová V. K.* K otázce vztahů mezi českou a německou lidovou kulturou na západní Moravě.— ČMM, 1975, N 3—4, s. 253—259.
- Sidak J.* Prilozi historiji stranačkih odnosa c Hrvatskoj uoči 1848.— HZ, 1960, s. 203—205.
- Sidak J.* Austroslavizam i slavenski kongres u Pragu 1848.— HP, 1960, N 3—4, s. 215.
- Sidak J.* O tobožnjoi detronizaciji Habsburgovaca u hrvatskom saboru 1848.— HZ, 1963.
- Simeček Z.* Studium českých dějin, slavistika a austroslavismus: K vývoji státní ideologie v Čechách v 18. a na počátku 19. století.— SP, 1977, N 2, s. 141.
- Sindelář B.* O významu nejstarších překladů ze spisů B. Franklina do češtiny.— ČMM, 1956, N 1—2, s. 197—198.
- Smerda M. F.* Palacký a česká národní ideologie v době obrození.— SP, 1976, N 3, s. 202—210.
- Topolski J.* Rozwój gospodarczy a formowanie się narodu.— KH. 1975, N 3, s. 538—539.
- Urfus V.* Na okraj proticentralistických stanovisek v Čechách po polovině 18. st.— Právněhistorické studie. Praha, 1973, t. 17, s. 173—192.
- Urfus V.* Profesor českého státního práva J. Veith a osvícenský patriotismus v Čechách na přelomu 18. st.— Acta Univ. Car. Historia Universitatis Carolinae Pragensis, 1971, T. 10, f. 2, p. 31—46.
- Valenčíč V.* Prebivalstvo kamniškega področja skozi tri stoletja.— Kamniški zbornik, 1958, N 4, s. 75.
- Vávra J.* Protifeudální povstání sedmdesátých let 18. st. v českých zemích a v

- Rusku ve světle diplomatických relací a soudobého tisku.— Acta Univ. Carol., 1962.
- Vávra J. Dopisy M. Béla petrohradským akademikům.— Hist. studie, 1963, t. 8, s. 199—240.
- Vávra J. Čestí osvícenci a obrozenci o agrární otázce v Rusku.— Slov. hist. studie, 1972, t. 9.
- Vávra J. Ruský zájem o tereziánsko-josefinské agrární reformy.— SH, 1972, t. 19, c. 2.
- Vávra J. Dekabristé a česká obrozenecká společnost.— SH, 1976, t. 24, s. 124—125.
- Zwitter F. Problem narodnega preroda pri južnih slovanih v Avstriji i legitimizem in narodnostno načelo.— ZC, 1955, s. 166.
- Zychowski M. I pollachi e il movimento di liberazione in Italia (1833—1849).— Problemi del Risorgimento, 1962, p. 310.
- Začek V. Česko-polská diskuse o austroslavismu r. 1842—43.— Slavia, 1963, N 2, s. 227—239.
- Živančević M. Ilirska varijanta ideje o slavenskoj uzajamnosti.— Kolo, 1966, N 8—10, s. 227.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ, ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Балк. исслед.	Балканские исследования. Москва
ВИ	Вопросы истории. Москва
ВЕ	Вестник Европы. СПб.
Вопр. ист. естествознания	Вопросы истории естествознания
Годишњак БиХ	Годишњак Друштва Историчара Босне и Херцеговине
Годишњак фил. фак. НС	Годишњак Филозофског факултета, Нови Сад
ГМ	Голос минувшего, СПб.
Доповіди та повід. ЛДУ	Доповіди та повідомлення ЛДУ ім. Івана Франка. Львів
Ежегодник по аграр. ист.	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
ЗНТШ	Збірник Наукового товариства ім. Шевченка. Львів
Зборник друшт. науке	Зборник за друштвене науке, Матица Српска. Нови Сад
Зборн. ист.	Зборник за историју. Нови Сад
Зборник МС	Зборник Матице Српске. Нови Сад
Ист.-фил. сборник	Историко-философский сборник, Москва
ИЧ	Историјски часопис. Београд
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Москва
Лит. слав. народов	Литература славянских народов, Москва
Літ.-наук. вісник	Літературно-науковий вісник. Львів
Наукові записки ІСН	Наукові записки Інституту суспільних наук. Львів
Научн. докл. высш. школы	Научные доклады высшей школы, Москва
Нов. и новейш. ист.	Новая и новейшая история. Москва
Сл. арх.	Славянский архив. Москва
УЗИС	Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Москва
Срп. лет.	Српски летопис. Будим
Укр. слов'янознавство	Українське слов'янознавство, Львів
Укр. ист. журнал	Український історичний журнал. Київ.
Acta Univ. Carol.	Acta Universitatis Carolinae, Praha
Analele	Analele Institutului de Istorie. Cluj
Arch. Soz	Archiv für Sozialgeschichte. Hannover
BGA	Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Berlin
Bécsi Magyar Tört. Int.	A bécsi Magyar Történeti Intézet Evkönyve, Wien
ČL	Česka literatura, Praha
ČSP	Časopis zu suvremenu povijest. Zagreb
ČSN	Český časopis historický, Praha

ČCM	Casopis českého musea, Praha
ČMM	Casopis matice moravske, Brno
ČSCH	Ceskoslovenský časopis historický, Praha
Forschungen	Forschungen zur Volks- und Landeskunde, Cluj
Hist. štúdie	Historické štúdie. Bratislava
HČ	Historický časopis, Bratislava
HP	Historijski pregled. Zagreb
HZ	Historijski zbornik. Zagreb
Hist. Zeitschr.	Historische Zeitschrift
Hrv. kolo	Hrvatsko kolo. Zagreb
Glas. muz. društva Slov.	Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo. Ljubljana
Études hist.	Études historiques. Budapest
Jahrb. Wirtschaftsgesch.	Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin
Journal of Central Europ Aff.	Journal of Central European Affairs. New York
JIC	Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd
KH	Kwartalnik historyczny. Warszawa
LMS	Letopis Matice Slovenske. Ljubljana
LF	Listy filologicke. Praha
Małopolskie Studia Hist	Małopolskie Studia Historyczne. Kraków
Mitteilungen Österr. Gesch.	Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Graz — Köln — Wien
Le mov. soc.	Le mouvement social. Paris
Novim. operaio	Movimento operaio. Milano
Nouvelles études hist.	Nouvelles études historiques. Budapest
Nouv. études d'hist.	Nouvelles études d'histoire. București
Nouva riv. storica	Nuova rivista storica. Milano
Österr. in Gesch. Kultur	Österreich in Geschichte und Kultur, Wien
Österr. Osthefte	Österreichische Osthefte. Wien
Pravnehist. studie	Pravnehistorické studie. Praha
PH	Przegląd historyczny. Warszawa
Radovi hrv.	Radovi Instituta za hrvatsku povijest. Zagreb
Radovi BiH	Radovi. Naučno društvo N. R. Bosne i Hercegovine. Sarajevo
Rev. rom. de studii intern.	Revista româna de studii internaționale. București
Rocznik Bibl. PAN	Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie
Rozprawy CSAV	Rozprawy Československé Akademie Věd. Praha
Sb. arch. praci	Sbornik archivních praci. Praha
Sborník Filoz. fak. univ Komenského. Hist.	Sbornik Filozofické fakulty university Komenského. Historica. Bratislava
Sborník praci Filoz. fak. Brnenské univ. Rada hist. Slavia	Sborník praci Filozofické fakulty Brnenské university. Rada historicka, Brno
Slav. East Europ. Review	Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. Praha
Sl. sborník	The Slavonic and East European Review. London
SP	Slezský sborník. Opava
Slov. hist. studie	Slovansky přehled. Praha
Socialist. misel	Slovanské historické studie. Praha
SH	Socialistična misel. Ljubljana
	Studia Historyczne. Warszawa

Studia Hist.	Studia Historica. Budapest
Studia Hist. Slov.	Studia Historica Slovaca. Bratislava
Studia Slav. Hung.	Studia Slavica Hungarica. Budapest
Studii Rev. de Istoria	Studii Revista de Istorie. Bucureşti
T. Sz.	Történelmi Szemle. Budapest
Transact. Amer. Phil. Soc.	Transactions of American Philosophical Society
Zbornik Hist. In-ta JA	Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenske Akademije. Zagreb
Zbornik hist. školstva	Zbornik za historiju školstva i prosvjete. Zagreb
Zbornik In-ta J. A. u Zadru	Zbornik Instituta Jugoslavenske Akademije u Zadru
Zeitschr. Slawistik	Zeitschrift für Slawistik. Berlin
Zeszyty Univ. Jagell.	Zeszyty naukowe Uniw. Jagellońskiego. Prace historyczne. Kraków
ZČ	Zgodovinski časopis. Ljubljana
АВПР	Архив внешней политики России. Москва
ЦГВИА	Центральный Государственный Военно-исторический Архив. Москва
ЦГИА	Центральный Государственный исторический архив. Ленинград
ЦГИА УССР во Львове	Центральный Государственный исторический архив Украинской ССР. Львов
OL	Országos Levéltar (Государственный архив Венгрии)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айвазовский И. 254
 Александр-Леопольд 132
 Александр I 250
 Альбрехт I. 19
 Альбрехт II 19
 Альгаротти Ф. 143, 353
 Амброж 404
 Амерлинг К. 176
 Аморт В. 261
 Ангеллович А. 93, 94
 Анджелкович К. 214
 Андраши Д. 496, 497
 Андрусак Г. 472
 Анна Ягеллонская 20
 Аппони Д. 142
 Аристофан 238
 Арнольд Э. 176, 180, 310, 392, 394—
 396, 399—401
 Ауэрсперги 78, 80
- Бабенберги 19**
 Байер Т. 248
 Байза И. 181, 291
 Байрон Дж. 239
 Бакунин М. 263, 338, 401, 518, 520,
 521, 523, 525, 526, 538
 Балаша Ф. 41, 42
 Балог О.-П. 131, 132, 308, 309
 Балтич М. 210, 270
 Бальбо Ч. 149
 Балугьянский М. 256
 Бан М. 433, 439
 Бантыш-Каменский Д. 262
 Банффи 82
 Барициу Г. 223, 315, 424, 426
 Барнуциу С. 223, 224, 425, 426, 428—
 430, 515
 Бароци Ш. 126, 239
 Барчай А. 126, 239
 Баттяни А. 130
 Баттяни Л. 138, 142, 308, 373, 375, 376,
 415, 417—419, 533
 Баттяни И. 275, 454, 491
 Бачани Я. 135, 136
 Баязид I 17
 Беккариа 35
 Белани Я.-С. 535
 Белевский А. 228, 271
 Белинский В. 263
 Бель М. 258, 261, 274, 291
 Бем Ю. 380, 431, 497, 544
 Берзевици Г. 128, 129, 136, 291, 306
 Беринг И. 257
- Бернолак А. 181—183, 266, 267, 275,
 291, 325, 331
 Бернулли Д. 248
 Берше А. 293
 Берше Л. 146
 Бестужев А. 159
 Бети 411
 Бетлен Г. 21
 Бетлен Я. 82, 222, 424
 Бехер И. 52
 Бешенеи Д. 102, 126, 127, 133, 239, 291,
 295, 302, 316
 Блейвейс Я. 106, 209, 270, 403, 405,
 406
 Блудек Б. 535
 Бобиньский Ф. 159
 Богданович П. 261
 Богданьский Г. 157
 Богович М. 243
 Богорич А. 207, 208, 209
 Бодянский О. 251, 254, 256, 264
 Болиак Ч. 427
 Больцано Б. 180, 272
 Бомарше П.-А. 206, 239
Бондарчук В. 16
 Борискевич И. 475, 478
 Борковский К. 159
 Борн И. 1249
 Боши А. 146
 Братш И. 500
 Браунер Ф. 176, 177, 179, 393, 394, 397
 Брлич А.-Т. 459, 461, 508
 Броз М. 446
 Броневский В. 211, 260
 Буало Н. 238
 Будаи-Деляну И. 222
 Бурбоны 22, 25, 236
 Бутяну И. 424
 Бэлческу Н. 310, 426, 427, 431, 432,
 496
 Бюргер 238, 244
- Вавра-Гашталльский В. 180, 395**
 Вагилевич И. 228—270, 292, 297, 476
 Вай А. 142
 Вапинский 111
 Василевский Т. 162, 163
 Васильев П. 498
 Вашвари П. 141, 412
 Вейтлинг В. 245
 Велепольский А. 160, 342
 Веневитинов Д. 255
 Венелин Ю. 254

- Венжик А. 160
 Верри П. 143, 353
 Верстовский А. 254
 Вешелевы М. 139, 140, 222, 419, 427
 Виланд К.-М. 170, 237, 238, 242
 Виндишгрец А. 372, 397, 421, 459, 495, 541, 543
 Вниклер Л. 500
 Винсгейм Х. 258
 Витезович П.-Р. 194
 Виткович М. 275, 276
 Виттельсбах К.-А. 25
 Вираг Б. 353
 Вишневыскы Т. 348
 Владимиреску Т. 218
Владиславлева Т. 16
 Владислав Ягеллон, король 18, 20
 Водник В. 206—208, 212, 239, 270, 291, 354
 Вольтер Ф. 35, 170, 185, 221, 235—239, 246
 Востоков А. 251, 256, 340
 Воцель Я. 176, 177, 315
 Воцель И. 312
 Враз С. 201, 210, 211, 243, 255, 269, 270
 Врбанчич С. 267, 332, 448
 Вунч И. 217, 253, 275
 Вуйцицкий К. 228, 271
 Вукович 439
 Вукотинович Л. 196, 199, 201, 243, 446, 517
 Вуяновский С. 242
 Высоцкий Ю. 498
 Габсбург 6, 7, 10, 17—19, 21—30, 32—34, 40, 42, 46, 47, 49—51, 53, 63, 64, 75, 76, 86—88, 90, 91, 99, 104, 125, 128, 131, 138, 157, 166, 178, 195, 210, 213, 214, 218, 224, 236, 247, 249, 258, 273, 277, 284, 285, 287, 305, 309, 311, 318, 323, 334, 335, 342, 366, 369—371, 373, 375, 379, 395, 400, 401, 404, 408, 411, 413, 422, 423, 425, 427, 430, 437, 440, 441, 443, 449, 459, 462, 466, 467, 471, 481, 490—492, 496, 497, 507, 508, 513, 516, 517, 526, 531, 533, 539, 545
 Гавличек-Боровский К. 175, 176, 178, 179, 250, 251, 255, 270, 277, 313, 324, 337, 347, 393, 394, 398, 399
 Гавличек Ф. 180
 Гаек В. 261
 Гай Л. 46, 140, 194, 196, 198, 201, 203, 208, 210, 216, 242, 243, 254, 255, 267, 270, 275, 296, 314, 317, 331, 332, 345, 346, 354, 356, 407, 439, 446, 451
 Галахов А. 255
 Галац Д. 244
 Галеане-Напионе Ф. 143
Галкович Б. 16
 Гальди М. 144
 Гаммерштейн Н. 480, 481
 Ганка В. 170—172, 175, 262, 264, 270, 293, 298
 Ганке Я. 169, 171, 238, 266, 354
 Ганрих Ф. 461
 Гарасевич М. 225
 Гаршанин И. 439
 Гарибальди Д. 378, 391, 494, 499, 532
 Гарматий В. 473
 Гауч 396
 Гегель Г.-В. 185, 241—243
 Гейне Г. 243
 Геллерт К. 237, 242, 244
 Гельм Ф. 244
 Георгиевич М. 437
 Герберштейн К. 206
 Гербарт 242
 Гергей А. 380
 Гердер И.-Г. 170, 185, 198, 219, 238, 240, 241, 242, 333
 Геркель Я. 344
 Герцен А. 265, 334, 338
 Геснер 237, 242, 244
 Гесс М. 245
 Гёллнер К. 428
 Гёте И. 170, 238—240, 243
 Гибль Я. 235
 Гильтенбранд А. 224
 Главач И. 461
 Глинка М. 254
 Глинка Ф. 259, 262
 Глобочник А. 207, 407
Гогина К. 16
 Гоголь Н. 179, 231, 251, 254, 479
 Гогенцоллерны 366
 Годжа М. 188, 191, 462, 507
 Гожковский Ф. 154
 Гой С. 473
 Голлый Я. 183, 185, 275
 Головацкий Я. 228—230, 270, 271, 292, 297, 310, 357, 474, 478, 479
 Гольдмарк И. 410
 Голуховский А. 477, 483
 Гольбах П. 237
 Гольдсмит 238
 Гольбейн Ф. 244
 Гольдбах Хр. 248
 Гораций 238
 Гордажевский 279
 Горошкевич Ю. 226
 Гросляр Ю. 163—165, 227, 468
 Готшед И. 248
 Гоциньский С. 159—161
 Грабовский М. 342
 Грдличка Я. 181, 182, 266, 291, 324, 353
 Гребенка Е. 228, 231
 Греч Н. 351

- Григорович В. 255, 259, 264
 Грибоедов А. 262
 Гримм Я. 242
 Гриневецкий М. 225, 256
 Грлович А. 407
 Громатко Я. 273
 Гросс-Хофингер А. 287
 Гроций 221
 Грюн К. 243, 245
 Гудзак И. 226
 Гулак Н. 263
 Гулак-Артемовский П. 228
 Гуолфингер-Штайнсберг Ф. 249
 Гурбан И.-М. 189, 191, 192, 241, 249, 267, 268, 270, 457—459, 462, 507, 520
 Гус Я. 259
 Гутеман О. 205
 Гушалевич И. 478
- Давидович Д.** 217
Д'Адзелио М. 149
 Давыдов В. 263
 Давыдов Д. 254
 Дайнко П. 208, 210, 270
 Далматин Ю. 207
 Дакснер Ш. 192, 310
 Даничич Дж. 216
 Дверницкие 87
 Деак Ф. 142, 294
 Дежман Д. 404
 Делиль Ж. 248
 Дембиньский Г. 497, 498
 Деметер Д. 201, 243, 255
 Дембовский Э. 163—165, 227, 307, 316, 349, 468
 Державин Г. 251, 252, 253
 Деркос И. 194
 Дефо Д. 275
 Дечи Ш. 133
 Дёбрентеи Г. 260
 Джанни Ф. 292
 Дженовези А. 143
 Джоберти В. 149, 150, 388, 500, 501
 Джоя М. 144
 Дзедушицкий В. 154
 Дзедушицкий К. 159
 Дивиш П. 249
 Дидро Д. 235, 237
 Дмитрасинович Т. 162
 Дмоховский Г. 159
 Добльгоф А. 477
 Добнер Г. 168, 248, 249, 261, 277, 291, 295, 353
 Добровский И. 168, 172, 178, 179, 183, 216, 237, 238, 241, 246, 249, 250, 262, 267—269, 272, 273, 277, 295, 296, 310, 323, 340
 Добрянский А. 483
 Довгович В. 231
 Дожа Д. 273
- Доленга-Ходаковский З. 256
Досталь М. 16
 Драгош И. 496
 Драшкович И. 128
 Драшкович Я. 195, 200, 317, 342
 Дробнич И. 242
 Дугонич А. 133
 Дурандо Д. 149
 Дурбешич И. 453
 Дунин-Борковский Л. 466
 Духа Ф. 245
 Духнович А. 231, 275, 483
 Дыбовский 279
Дьяков В. 16
- Езерский Ф. 152, 316
 Екатерина II, императрица 27
 Елачич И. 377, 406, 408, 421, 428, 439, 444, 447, 450—452, 454, 456, 459, 460, 495, 504, 509—511, 517, 520, 521, 540—542
 Елизавета, императрица 26
 Еран Л. 209
- Ез П.** 135
- Жерявич Ф.** 314
 Жигмонд (Сигизмунд) Люксембургский 17
 Жиграи Я. 135
 Жижаль В. 392
 Жуковский П. 253
- Зай К. 189
 Залеский В.-М. 471
 Залеский Л. 160
 Заливский Ю. 158, 159
 Зап К. 228, 251, 271
 Запольяи Я. 20
 Зарник В. 407
 Зах Ф. 505, 525, 526
 Зейлер Х. 272
 Зейме 243
 Земляковский Ф. 162, 163, 463
 Зенкович Л. 160, 472
 Злобицкий В. 273
 Зоненфельз И. 167, 285, 286
 Зринский Н. 274
 Зубов Н. 263
 Зубрицкий Д. 256, 270
 Зыгмунт (Сигизмунд), король 18
- Изабелла, королева** 20
 Иоргович П. 222
 Иордан И. 248, 261
 Иордан Я. 272
 Иосиф I 23, 35, 45
 Иосиф II 27, 28, 37—42, 49, 56—58, 80, 84, 88, 90, 96, 127—129, 131, 132,

- 168, 169, 206, 221, 225, 236, 238, 258,
259, 288, 310
Иошика 83
Ирани Д. 412
Иречек Й. 399
Ирины Й. 412
Исламов Т. 15, 16
- Иованович Й.** 214, 216
- Кабе** 245
Кавур К. 150, 388
Казати 372
Казинци Ф. 126, 133, 135, 136, 239, 291,
295
Кайсаров А. 254, 262
Камарит Й. 170
Каминьский 499
Кампелик К. 176, 269, 277
Кампелик Ф. 229, 235, 310, 355, 359
Кампраузен Л. 364
Кант И. 240
Кантакузино М. 353
Капушак И. 473, 487, 528
Караджич В. 201, 215, 216, 253, 254,
262, 269, 296, 346
Кара-Георгий 212
Карамзин Н. 250, 251, 255, 258
Карл V, император 20, 23
Карл VI, император 23—25
Карл-Август Веймарский 40
Карл-Альберт, король 149, 150, 372,
375, 388
Карл Смелый (Бургундский) 20
Карли Дж. 143, 353
Карлос I, король 20
Каройи 81
Кастильоне 469, 470
Касторский М. 255
Катона Й. 355
Кауниц А. 26, 35, 43
Кауницы 78
Квитка-Основьяненко Г. 228, 231, 479
Кемь Д. 82, 222
Кеневич С. 155, 161
Кеппен П. 251, 254—256, 260, 262
Кереш Ш. 319
Кернер Т. 243, 244
Керестури 257
Кечкеш Э. 416
Кёлчен Ф. 293
Килиан 268
Киндерманн Ф. 39, 40
Кинские 177
Кинский Ф.-Й. 237
Кипару Т. 223
Киреевский П. 254
Киреевские 264
Кирин В. 16
Кишфалуди К. 293
- Клайн И. 291
Клацель Ф.-М. 175
Клицпера В. 172, 355
Клопшток Ф.-Г. 221, 237, 238, 243
Клошка 100
Кнедльганс-Либлинский Я. 180, 399,
400
Книгге А. 244
Кничанин С. 439, 440
Кобылица Л. 100, 482, 528, 544
Ковачич Д. 353
Ковачич Й. 260
Козар П. 473
Козачинский Э. 251
Козлер П. 404, 407
Колонич 22
Коловрат-Краковский Л.-И. 38, 46
Коловраты 78, 177
Коллар Я. 184—188, 191, 194, 209, 228,
231, 240, 241, 249, 255, 260—262,
266—271, 275, 277, 278, 293, 298, 314,
318, 324—334, 337, 344—346, 461,
462
Коллер К. 108
Коллонтай Г. 152, 153, 316
Кольцов А. 254
Комарницкие 87
Коменский Я. 261
Компаневич В. 256
Конарский Ш. 160, 226
Константин, великий князь 214
Конфалоньери Ф. 81
Копецкий М. 172
Копп Ф. 398, 401
Копитар Е. 206—208, 210, 212, 238, 251,
262, 269, 270, 271, 273, 296, 314, 331,
340
Корвин М., король 20
Коровин 257
Корытко Э. 209
Костыгова Н. 16
Костюшко Т. 151, 153, 154
Котляревский И. 228, 231, 479
Коубек Я. 228, 270
Коцебу А. 244
Кочевар С. 210, 270
Кошут Л. 46, 108, 138—140, 142, 191,
202, 294, 306, 308, 309, 356, 376, 377,
380, 390, 409, 410, 413, 414, 416,
420—422, 427, 429, 461, 495, 496, 500,
501, 541
Краль Я. 189, 192, 310, 457, 458, 461
Крамериус В.-М. 171, 172, 179, 184,
249
Красицкий К. 158
Кребильон 235
Кремпл А. 207
Крестич Н. 437, 455
Криг 469
Крижанич Ю. 322

- Крижановский Р. 226
 Крипякевич И. 480
 Крылов И. 251, 254
 Кузманн К. 187, 268
 Кузманич А. 204
 Кукольник В. 256
 Кукулевич-Сакцинский И. 196, 201, 203, 242—244, 269, 314, 407, 510, 517, 518, 522
 Кулиш П. 263
 Кульмер Ф. 508, 513, 540
 Кульчинский И. 226
 Кульчицкий Г. 226
 Кушердей Б. 205, 206, 211, 238, 248, 251, 270, 291
 Кундек И. 194
 Куницкий Ю. 498
 Куральт М. 206, 212
 Курелац Ф. 270, 271
 Кушлан Д. 407, 455, 459, 496, 497, 517, 519
 Кюхельбекер В. 263
- Лавривский Ю. 475**
 Лавровский И. 225, 255
 Лазаревич Н. 275
 Лайош (Людовик) Ягеллон, король 20
 Ламартин 239
 Ламберги 80
 Ламенне Ф. 245
 Ланчетти 144
Лаптева Л. 16
 Латтанци 144
 Л'Аурора 144
 Лаурнан А.-Т. 426
 Лацкович Я. 134, 135, 309
 Лашшу И. 257
 Левашов 257
 Левницкие 87
 Левницкий М. 93
 Левницкий И., писатель 478
 Ледерер 415
 Лейбниц 221
 Лелевель И. 158, 159, 279, 316, 348
 Леменьи И. 222, 223
 Ленау 243
 Ленер Л. 378, 511
 Ленин В. 5, 9—11, 111, 112, 117, 120, 234, 235, 264, 281, 283, 284, 294, 299, 302, 303, 364, 365, 488, 489, 490, 491, 532, 536, 537
 Леопольд I, император, король 91
 Леопольд II, император, король 28, 41, 42, 132, 134, 153, 168, 311
 Лепехин И. 257
 Лепковский Т. 152
 Лермонтов М. 231, 251, 254, 255
 Лессинг Г. 170, 237, 238, 242
Лещиловская И. 16
- Либельт К. 523—525
 Линда И. 293
 Линде С. 344
 Линхарт А. 206, 208—210, 212, 238, 291, 296, 310, 318, 353
 Лисинский В. 202
 Лобковицы 177
 Лобковиц А. 157
 Лодий П. 224, 256
 Локк Дж. 237
 Ломоносов М. 248, 249, 252, 253, 261, 262, 267
 Луи-Блан 245
 Лукашевич Л. 160
 Лукнан 238
 Любомирский Е. 466, 524
 Люксембургри 19
- Магеру 427**
 Магарашевич Г. 216, 253
 Мадарасы 138
 Мадарас И. 141, 420
 Мадарас Л. 420, 421
 Мадзини Дж. 147—149, 278—280, 306, 308, 317, 358, 389, 390, 532
 Мажуранич И. 201, 242
 Мазуркевич Л. 227
 Майлат Я. 83, 260
 Майков А. 254
 Майор П. 219, 220, 222, 276, 353
 Максимилиан I Габсбург, император 18, 20
 Максимович М. 256
 Маливский Ш. 52
 Малиновский С. 160, 161
 Малый Я. 176, 179, 242
 Манин Д. 372, 386, 387, 494, 500
 Манцони 239
 Марек А. 170, 175, 249
 Мария Бургундская 20
 Мария-Терезия 25—27, 34—37, 42, 49, 55, 56, 74, 80, 89, 90, 94, 95, 97, 219, 235, 238, 258, 259, 285
 Мария-Антуанетта 28, 236
 Мария-Луиза Габсбургская 29
 Маринони Д. 248, 258
 Маркс К. 38, 91, 112, 113, 152, 165, 245, 247, 283, 288, 343, 352, 363, 365—367, 431, 473, 495, 497, 526, 531, 532, 536, 537—540
 Маркович С. 265
 Мармон 44
 Мармонтель 235, 239
 Мартинович И. 129, 134, 135, 224, 286, 309
 Мартини К. 285
 Матич П. 448
 Матушка Ю. 269
 Матьяш Корвин, король 16
 Маха К.-Г. 171, 176, 238, 268

- Мацеёвский В. 256
 Маяр-Зильский М. 210, 211, 270, 332, 344, 403—405
 Меднянски А. 260
 Мейснёр А. 238
 Мелинг А. 416
 Менцль Я. 180
 Мерославский Л. 498, 499
 Месарош О. 183
 Метелко Ф. 208, 270
 Меттерних К. 29, 43—46, 49, 78, 125, 190, 285, 288, 361, 394, 402, 456, 474
 Мехеши И. 220
 Миклошич Ф. 210, 296
 Миковец Ф.-Б. 535
 Мику-Клайн С. 219, 276, 291, 353
 Мику И. 219
 Микшичек М. 400
 Милетич С. 443
Миллер И. 16
 Миллер Г. 248, 258
 Мильтон Дж. 238
 Минчакевич М. 226
 Миронюк 544
 Михай Храбрый 220
 Михайловнч Ю. 217
 Миханович А. 194, 243
 Мицкевич А. 187, 239, 337, 463, 498, 499
 Мога В. 222, 223
 Могильницкий А. 474, 479
 Могильницкий И. 225, 292
 Мольер 238
 Мольтке К. 470
 Момбелли Н. 263
 Монтанелли Д. 390
 Монтескье 128, 132, 221, 235, 236
 Монти А. 501
 Моргенталер П.-Г. 52
 Мох Р. 474, 478
 Мохнацкий М. 157, 306
 Мразович А. 242
 Мудрый Я. 229
 Муравьев-Апостол С. 263
 Муратори Л.-А. 248
 Мургу Э. 430
 Мурко А. 210
 Муршец 270
 Мушицкий Л. 252, 253, 254, 275
Мыльников А. 15, 16

 Надеждин Н. 250, 254, 255
 Наполеон Бонапарт 7, 28, 29, 42, 43, 61, 135, 144, 145, 154, 170, 184, 206, 251, 252, 292, 311, 336, 340, 357, 360, 541
 Небеский В. 176
 Негош П. 269
 Неедлы Я. 296, 323
 Немчич-Гостовинский А. 243
 Непомуцкий Я. 277
 Нерри П. 292
 Нессельроде К. 519
 Никоарэ М. 222
 Николай I, император 175, 179, 250, 264, 498, 518, 519, 523
 Новиков Н. 250, 261
 Новицкий Н. 159, 160
 Новосельский 279
 Нопча 83
 Носак Б. 535

 Обрадович Д. 27, 212, 213, 215—217, 242, 252, 254, 275, 291, 296, 318
 Одовский А. 263, 350
 Опиц Я. 249
 Орлай И. 256
 Орожен В. 270
 Орфелин З. 212, 275, 291, 318
 Орци 131
 Острожинский О. 505, 506, 511, 515, 519

 Павликовский Ю. 154
 Павликовский Г. 471
 Павлец Я. 448
 Павлович Т. 216, 217, 271, 438
 Павлович А. 231
 Пазини Л. 500
 Паисий Халендарский 275
 Палацкий Фр. 171, 173, 174, 176, 177, 250, 260, 270, 272, 277, 393—395, 397—399, 501, 504—506, 514, 523
 Палффи 81
 Палкович И. 250, 269, 275
 Палкович Ю. 181—185, 266, 325
 Паллас П. 249
 Папанек Ю. 182, 324, 353
 Папар 87
 Папуу—Иллариан А. 424, 428
 Паскевич 498, 523
 Паули Ж. 228, 271
Пашаева Н. 16
 Пейчели Я. 126, 133, 239
 Пельцль Ф. 168, 178, 179, 291, 295, 310
 Перген Я.-А. 36
 Перцель 497
 Петёфи Ш. 140—142, 192, 307, 359, 411, 412, 414, 420, 459
 Петр I, император 23, 256, 258, 320
 Петр II Петрович Негош 216
 Петтити И. 149
 Петкович В. 159
 Петранович Б. 204
 Петрович Г. 251, 271
 Петруский И. 158
 Пец И. 248
 Пиариу-Мольнар И. 220
 Пий IX 384, 388, 389
 Пиллерсдорф 369

- Платен 243
 Погодин М. 251, 255, 256, 264, 265, 393
 Поджио И. 263
 Подлипский И. 229, 310, 359, 400
 Подманички И. 131
 Подолецкий Я.-К. 472
 Подолинский В. 477, 498
 Поль В. 160, 228, 271
 Полевой Н. 254
 Попель М. 226
 Попель П. 160
 Поп 238
 Попович М. 255
 Порро-Ламбертенги 81
 Посацкий П. 473
 Потоцкий А. 470
 Похлин М. 205, 353
 Прагловский Ю. 162
 Прай Д. 353
 Прай И. 277
 Преис П. 251, 255
 Прерадович П. 243
 Пресль Я. 172, 173
 Прешерн Ф. 206, 208, 209, 212, 239, 269, 270, 293, 331, 354
 Примич Я. 207, 251
 Пристер Е. 285
 Прица М. 504
 Прокопчиц Е. 475
 Прохазка И. 238
 Прудон П. 393
 Пршемысл II Оттокар, король 19
 Пугачев Е. 249
 Пульски Ф. 139, 496
 Путник М. 41
 Пухмайер А. 172, 173, 185, 238, 250
 Пухнер 424, 429, 431
 Пушкин А. 187, 231, 251, 253—255, 257, 263
 Пущин И. 350
 Рааб Ф.-А. 61, 90
 Равникар М. 207
 Радак Дж. 435
 Радецкий 370, 372, 385, 386, 499
 Радичевич Б. 216
 Радищев А. 258, 262, 350
 Разумовский К. 258
 Раич Й. 27, 253, 275, 353
 Райский Т. 160
 Раковац Д. 194, 196, 243
 Ракоци II Ференц 23, 24, 256
 Ранке Л. 242
 Рачинский Е. 256
 Раянич Й. 436, 438, 440—443, 496, 540, 543
 Реван И. 415
 Реван М. 133
 Рейналь 237
 Рельштаб 244
 Репа И. 231
 Речей А. 424
 Рибай Ю. 181, 269, 291, 325
 Ригельман Н. 255
 Ригер П. 285, 397, 407, 505
 Ригер Ф. 176, 177, 179, 496
 Ридель А. 286
 Риттер П. 322
 Робеспьер М. 414
 Рожнай 185
 Романьози Д. 146, 293, 317
 Ромб Я. 473
 Росетти К. 427
 Ротаридес 457, 458
 Руге 245
 Рудольф I 19
 Рукавина 543
 Рулик Я. 172, 249
 Рупперт Л. 180, 397
 Руссо Ж. 129, 132, 185, 221, 235—238
 Рюкерт 243
 Рылеев К. 263
 Сабатовские 87
 Сабина К. 176, 180, 250, 310, 324, 356, 392, 396, 397, 399, 400, 401, 523
 Савойский Е. 22
 Сазонов Н. 263
 Салади Ш. 182
 Свидзиньский К. 160
 Свитен Герхард ван 35—37, 248, 285
 Свобода В. 170
 Сейбт К. 168, 211, 250, 275
 Семенский Л. 228, 271
 Семере Б. 420, 530
 Сентмарьян Ф. 135
 Сенянин Д. 211
 Сен-Симон К. 245
 Сенковский О. 253
 Сен-Жюст Л.-А. 414
 Сечени П. 142
 Сечени Ф. 277
 Сечени И. 108, 137—140, 294, 306, 307
 Сигзмунд 18, 19
 Сковорода Г. 259
 Скополи И.-А. 261
 Скородинский Н. 93
 Сладковский К. 180, 397, 401, 523
 Сломшек А.-М. 210, 211, 270, 403
 Сметана А. 241, 242, 245, 400
 Смоле А. 209, 212
 Смолер Я. 272
 Смолька Ф. 160, 163, 463, 467
 Собеский Я. 22
 Соларчик Ш. 135
 Сомберский А. 259
 Спешнев Н. 263
 Срезневский И. 251, 254, 255, 264
 Стадион Р. 396

Стадион Ф. 468, 470, 474, 476
Стальмах П. 525
Стаматович П. 216, 525
Старчевич Ш. 204
Сташиц С. 152
Стеблий Ф. 16
Стеллер 257
Стефан К. 251
Страницкий И. 285
Стратимирович С. 213—215, 252, 254
Стратимирович Дж. 437, 440, 441, 497, 540
Строганов 265
Суботич И. 216, 217, 437
Суботич В. 243
Суворов А. 168, 211, 250, 275
Суворов М. 252
Сумароков А. 252
Сцеженный П. 163, 307, 316, 349

Таблиц Б. 181, 185, 266, 269, 325
Тайз А. 277
Тальвирская З. 16
Там В. 172
Тамм К. 171, 266, 354
Танчич М. 140, 141, 307, 412, 415, 420—422, 459
Татищев В. 261
Текели С. 214, 215
Телеки Л. 82, 422, 496
Теодорович 543
Тешшедик С. 273
Тилли 21
Тимур 17
Товарницкий И. 111, 475
Толди Ф. 257
Томек В. 176, 399
Томичек Я. 176, 359
Томмазео Н. 386, 500
Топалович М. 255
Троян П. 179
Трнка Ф. 175
Трнский И. 243
Трстеньяк Д. 210, 211
Трубар П. 207
Тун Л. 177, 178, 312, 341, 342, 397, 399, 508
Тун И.-М. 326
Туркуроды 87
Турны 78, 80
Туровский К. 228, 271
Тургенев А. 254, 263
Тыл И.-К. 175
Тыссовский Я. 164

Ужаревич Я. 242
Уланд 243, 244
Уласло I, король 18
Улих Г. 224

Унгар К.-Р. 169
Устиянович Н. 474, 478, 479

Фалецкий И. 224
Фальковский И. 259
Фандли Ю. 181, 183, 291, 311, 324
Федоровичи 87
Фейербах Л. 243, 245
Фейерпатаки-Белопотоцкий Г. 268
Фелбигер И.-И. 36
Фердинанд, император, король 20, 26, 43, 369, 377, 428, 429, 438
Фештетич 81
Филанджьеры Г. 143, 353
Филипп Габсбургский 20
Филипп II 20, 25
Филипович И. 446
Фихте 240, 241
Фишхоф А. 410
Фойгт М. 168, 179, 237, 291, 295
Франклин Б. 235, 246
Франко И. 259, 474, 475
Франц II, император, король 20, 28, 29, 42—44, 169, 285, 288
Франц-Иосиф 377
Франц-Стефан Лотарингский 26, 27
Францисци Я. 188, 192, 310
Фредро 463
Фрейдзон В. 16
Фридрих III 20
Фридрих Пфальцкий, курфюрст 21
Фридрих II 27
Фрич И.-В. 180, 265, 396, 397, 399, 407, 523, 535
Фурье Ш. 245
Фюстер А. 406, 487

Хаджич И. 216
Хайноци И. 129, 130, 135, 306
Халупка С. 269
Харцьева Г. 16
Хаугвиц Ф.-В. 53
Хебенштрайт Ф. 286
Хельтман В. 472
Хельцель А. 159, 160, 164, 524
Херкалович С. 255
Херман Р. 161
Хеферн Р. 160, 463
Хёрнигк Ф. 52
Хомяков А. 255, 264, 351
Хорват И. 258, 260
Хория 100
Храбровский 375
Хуана (Испанская) 20
Хуньяди Я. 18
Хуца-Венелин Ю. 256
Хшановский В. 498
Хшонстовский Э. 161

- Цар 270
 Цаф О. 270
 Цегнар Ф. 404
 Ценглевич К. 226, 230
 Цигале М. 404
 Циммерман Я. 311
 Цойс С. 80, 206, 207, 212, 291
 Цойсы 62, 80
- Чарторьский А. 160, 342, 496, 535
 Чезарини 18
 Челаковский Ф. 170—172, 175, 179, 250,
 264, 270, 272, 277, 293, 324
 Черне 406
 Чернины 177
 Черноевич А. 22
 Чернышевский Н. 254, 259, 265
 Чипариу Т. 424
 Чириков 257
 Чокке И. 244
 Чоп М. 209, 239, 270
Чуркина И. 16
- Шагуна А. 425, 426, 429, 430
 Шайнович Я. 319
 Шамиссо А. 243
 Шатобриан Ф.-Р. 238
 Шафарик П.-Й. 173—175, 179, 184, 191,
 194, 216, 241, 249, 250, 255, 262, 264,
 267—271, 273, 277, 323—328, 330, 340,
 393, 394, 397, 398, 524
 Шашкевич М. 228, 229, 270, 275, 292,
 297, 479•
- Шварценберг Ф. 377, 495, 510
 Шевченко Т. 228, 263, 350, 477
 Шекспир В. 238
 Шеллинг Ф. 241
 Шембера А. 175
 Шенборн 81
 Шепановский Я. 160
 Шиллер Ф. 170, 238, 240, 243
 Шимечек З. 311
 Шинкай Г. 219, 220, 276, 291, 353
 Шилуш Й. 194
 Шишков А. 264
 Шлецер А.-Л. 239, 242
 Шнейдер М. 251
 Шпаравен А. 407
 Шпира Д. 415
 Шрауд Ф. 275
 Шредер В. 52
 Штепанек Я. 172, 355
 Штернбергн 177
 Штернберг 249
- Штиглиц Г. 244
 Штоос П. 194
 Штольцман 279
 Шторц Я. 472
 Штробах А. 179
 Штротмайер Й. 503
 Штур Л. 188, 190, 191—193, 231, 233,
 240, 241, 249, 261, 266, 268, 270, 277,
 294, 296, 315, 333, 335, 346, 347, 356,
 360, 457, 459—462, 504, 505, 520, 521,
 524, 535
 Шузелка Ф. 287
 Шулек Б. 85, 196, 502
 Шумахер И. 258
 Шупликац Й. 503
- Эберт Э. 244
 Эйлер Л. 248, 258
 Эйншпиллер А. 404
 Энгелен И. 277
 Энгельс Ф. 19, 30, 33, 46, 47, 52, 58,
 114, 122, 142, 156, 165, 176, 245, 247,
 285, 288, 298, 304, 307, 334, 348, 349,
 359, 362, 363, 365—367, 369, 371, 372,
 376, 378, 379, 383, 431, 473, 482, 487,
 488, 490, 492, 495, 497, 513, 526, 531,
 536—545
 Эрбен К. 176, 269, 270, 399
 Эрдеди 81
 Эренберг Г. 160, 161
 Эстерхази 81, 82, 108
 Этвэш 294
- Югасевич И. 231
 Юм 237
 Юнгман Й. 102, 169—171, 173—176,
 179, 185, 235, 237, 238, 241, 248—250,
 262, 269, 273, 293, 295, 298, 311, 318,
 323, 324, 325, 332, 344, 354
- Яблоновский В. 342
 Яблоновский С. 470
 Яблоньский Г. 479
 Ягеллоны 18
 Яков I, король 21
 Янечек Б. 535
 Янкович Т. 242
 Янкович М. 277
 Янку А. 424, 431, 496
 Япель Ю. 239
 Ярник У. 211, 251, 270
 Ястржембский И. 263
 Яхим Ф. 228, 271
 Яхимович Г. 474, 475

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аахен** 26
Абауй, комитат 97
Австрия, Австрийская империя, Австро-Венгрия, габсбургская монархия 5—11, 13, 15, 17—33, 35—37, 42, 44, 45, 47, 49—52, 54—59, 62, 64, 69, 73, 75—78, 81, 87, 89, 90, 92, 94, 96, 99, 100, 107, 109, 111, 113, 116, 120, 122—125, 131, 138, 142, 147, 148—151, 153—155, 158, 159, 162, 163, 166, 168, 170, 177, 178, 181, 195, 199, 206, 210, 213, 214, 218, 224, 228, 231—236, 245—252, 254—256, 258, 259, 261, 262, 264—266, 268, 271—273, 278—285, 287—293, 295—299, 303—305, 309, 310, 312—315, 318, 319, 321—323, 326, 327, 333, 335, 336, 338, 339, 341, 342, 344, 347, 349, 350, 355, 357—361, 365—370, 372, 373, 377—379, 381—386, 388—391, 393—395, 399, 400, 402, 404—409, 412, 423, 424, 427, 431, 432, 436, 437, 439, 440, 445, 446, 451, 454, 459, 460, 462, 465—467, 472, 479, 482, 484—492, 494, 495, 499—507, 509—511, 514, 515, 518—521, 523, 525—527, 529, 531, 532, 536—538, 540, 542
Австрия, Верхняя 25, 29—31, 53, 55, 59, 62, 78
Австрия, Внутренняя 45
Австрия, Нижняя 30, 31, 53, 54, 57, 59, 61, 65, 66, 74, 78, 116, 122, 288
Аграм см. Загреб
Адда, р. 63
Адриатическое море 29, 149, 214
Азия, Малая 212
Албания 196
Альпы 144
Альфелд 68
Америка 126, 280
Анатолия 17
Англия, Британия 23, 25, 26, 28, 59, 73, 81, 134, 143, 145, 246, 358, 365, 370, 375, 380, 382, 490, 539
Апеннинский полуостров 29, 357, 372, 375
Аустерлиц, Славков 29
Бавария 19, 25, 27
Балканский полуостров 6, 17, 22, 197, 503
Балканы 5, 22, 118, 213, 214, 319, 331, 342, 394, 440, 447
Балтийское море 149, 422
Банат 25, 31, 32, 49, 55, 68, 83, 89, 97, 98, 134, 214, 221, 222, 224, 252, 297, 426, 430, 433, 435—438, 443, 446, 497, 505
Банска-Бистрица 67, 183, 187, 266, 268
Банска-Штъявница 128, 184, 192, 261, 416, 457
Баранья 83, 433, 436
Бачка 31, 68, 83, 252, 433, 435, 436, 442, 443, 446
Белая Гора 21
Белград 20, 23, 25, 28, 203, 278, 439, 496, 497
Белградский пашалык 251
Белоруссия 160, 226
Бельгия 23, 25—29, 35, 45, 361, 368
Бельск 472
Бережаны 478
Берлин 28, 364
Беюш 221
Бистрица, комитат 324
Бихар, комитат 132
Блаж 220, 221, 223, 425, 426, 431, 432
Болгария 17, 196, 214, 446
Боровле 60
Боршод, комитат 81, 132
Босния и Герцеговина 7, 23, 195, 196, 214, 262, 446, 505
Бохненский округ 473
Братислава см. Пожонь
Брашов, Брашшо, Кронштадт 70, 110, 220, 223, 274, 427, 428
Брента, р. 387
Брешия 385, 500
Брно, Брюн 52, 60, 62, 113, 120, 121, 268, 269, 279, 395, 398
Брянца, провинция 386
Буда, Обуда, Пешт, Пешт-Буда 20, 22, 42, 67, 70, 73, 104, 109, 115, 121, 122, 126, 128, 130—131, 135, 137, 182, 184, 185, 187, 194, 212, 217, 219, 221, 254, 259, 260, 267, 269, 274—276, 321, 331, 332, 344, 355, 357, 359, 367, 369, 373, 374, 377, 408—417, 421, 423, 433, 437, 512, 527, 536, 541, 542
Будшин 272
Буковина 16, 27, 30, 32, 49, 50, 65, 71, 72, 74, 75, 85, 88, 89, 100, 101, 105, 111, 218, 224, 230, 231, 297, 472, 473, 481—483, 486, 527, 528, 529, 544
Бухарест 218
Ваграм 29
Валахия, Валашское княжество 18, 31,

- 32, 134, 214, 218, 220, 223, 262, 276,
297, 426, 427, 430, 432
- Вальтеллина, провинция 385
- Вараждин 128, 201
- Вараждинская жупания 200, 315
- Варна 18
- Варшава 23, 128, 154, 157, 158, 160, 161,
175
- Варшавское княжество 29, 154, 155,
292, 360
- Ватикан 90, 278
- Вац 71
- Ваш, комитат 81
- Веймар 40, 131
- Велики-Бечкерек 435
- Венгрия, Венгерское королевство, зем-
ли короны св. Иштвана (Стефана)
15, 17, 18, 20—26, 28, 30—38, 40—43,
45—47, 49, 54—58, 62, 65—71, 74, 75,
77, 81—87, 89—93, 96, 98, 104, 105,
108—111, 115, 116, 118, 120, 121, 123,
125—131, 133—136, 138—140, 142,
167, 182, 183, 185, 189, 192, 194—196,
198, 199, 202, 203, 214, 218, 219, 222—
224, 231, 233, 235, 236, 239, 240, 244,
245, 252, 256—262, 268, 271—278, 280,
282, 287, 291, 294, 295, 298, 300, 304,
305, 307—309, 311—313, 316, 317, 328,
334, 335, 346, 353, 354, 357, 359—361,
367—371, 373—380, 382, 390, 398, 400,
404, 408—410, 412, 414—417, 419—
424, 426—440, 443, 445, 447, 449—451,
453—462, 466, 472, 481, 483, 485, 487—
493, 495—501, 503, 506, 507, 510, 511,
515, 519—521, 524, 526—534, 539—542
- Вена 18, 20—24, 27—30, 32, 33, 43, 44,
46, 47, 49, 50—52, 54, 55, 59, 62, 66,
74, 77, 78, 83, 84, 93, 100, 109, 119,
122, 125—127, 129, 131, 134, 155, 156,
166, 183, 194, 195, 210, 217, 218, 221,
229, 235—237, 239, 248, 258, 260, 261,
272, 273, 275, 283, 285, 286, 288, 292,
304, 305, 309, 313, 314, 321, 344, 368,
369, 372, 376—378, 380, 395—400, 402,
403, 406, 407, 409—412, 419, 421, 423,
427, 428, 443, 454, 460, 462, 463, 466,
468, 469, 472, 475, 477, 479, 480, 482,
483, 488, 490, 491, 495, 497, 504, 512,
516, 517, 522, 523, 527, 536, 540, 542,
543
- Венецианская область, Венето 32, 63,
64, 80, 86, 107, 114, 116, 239, 386, 387,
404
- Венецианская республика 28, 29, 33,
494, 500
- Венеция, 22, 25, 29, 44, 64, 80, 121, 144,
146, 149, 278, 370—372, 375, 378, 386—
388, 391, 498, 500, 501, 527
- Верона 80, 278, 500
- Верховина 402, 482
- Веспрем, комитат 81
- Вижицкий округ 482
- Византийская империя 18
- Вилагош 380, 429
- Висла, р. 73, 165
- Вировитицкая жупания 33
- Воеводина 31, 41, 63, 68, 70, 88, 98, 101,
105, 111, 116, 118, 121, 212, 217, 252,
266, 341, 346, 375, 405, 418, 432—443,
445—447, 451, 456, 497, 503, 504, 507,
512, 513, 515, 525, 527, 529—531,
533—535, 540, 542, 543
- Военная граница 25, 29, 30, 33, 34, 50,
73, 98, 118, 193, 200, 204, 374, 413,
418, 432—434, 436, 438, 439, 442, 445,
447, 448, 450—453, 455, 456, 485, 543
- «Восточная марка», «Osterrichi»,
«Marca Orientalis» (Австрия) 19
- Вране 435
- Вроцлав, Бреслау, Бреславль 272, 520
- Габсбургов монархия, держава, Ду-
найская монархия см. Австрия
- Галиция, Галиция Восточная, Запад-
ная, Королевство Галиция и Лодо-
мерия 16, 27, 28, 30, 32, 37, 44, 45,
49, 54, 57, 62, 65, 66, 71—75, 85—89,
93, 99—101, 105, 110, 116, 119, 121,
129, 151, 154—166, 224—230, 244, 255,
262, 266, 274, 278—280, 282, 292, 295,
297, 300, 302, 304, 307, 308, 310, 331,
338, 341, 347, 348, 356, 358—360, 380,
463—469, 471—483, 486, 487, 496—
498, 512, 514, 515, 519, 520, 523—525,
527—529, 532, 534, 536
- Галле 126, 188, 240
- Ганкенштейн 266
- Германия 7, 20, 22, 24, 25, 27, 29, 46,
54, 60, 73, 107, 274, 285, 287, 288,
312—314, 320, 328, 364—368, 370,
371, 375, 378, 379, 381, 390, 394,
395, 403, 428, 488, 490, 492, 494, 502,
509, 515, 517, 523, 525, 536, 538, 539
- Германский союз 29, 366, 371
- Гемёр, комитат 97
- Гейдельберг 221
- Голландия 23, 26, 328
- Гонт 457
- Горица 53, 406
- Горни-Бечей 435
- Градишка 53
- Грац 63, 109, 210, 270, 286, 321, 403—
406
- Гробник 448, 453
- Губертсбург 27
- Дакия 432
- Далмация 28, 29, 31—33, 45, 50, 63, 70,
79, 84, 88, 134, 193, 194, 196, 200, 203,

- 205, 212, 262, 278, 282, 297, 355, 405, 439, 445, 446, 456, 499, 505, 525
- Дания 328
- Дебрецен 377, 413, 422, 423
- Днестр, р. 73
- Драва, р. 33
- Дрезден 26, 237
- Дубровницкая республика 33, 88
- Дунай, р. 19, 23, 62, 70, 137, 215, 324, 503
- Дунайские княжества, Валахия и Молдова 32, 219, 222, 274, 368, 426, 432, 496
- Дунайский бассейн 17—19, 21, 50, 122, 247, 258, 274, 285
- Дьёр 276
- Дьёр, комитат 413
- Европа 7, 17, 19, 21, 26, 28, 35, 40, 43, 45, 109, 122, 126, 148, 182, 212, 222, 228, 241, 278, 290, 319, 320, 330, 332, 339, 364, 368, 374, 377, 378, 382, 383, 391, 394, 400, 431, 434, 440, 441, 450, 453, 462, 465, 466, 488—491, 494, 514, 515, 521, 531, 532, 537
- Европа, Восточная 22, 165, 338
- Европа, Западная 5, 9, 13, 234, 242, 246, 247, 364
- Европа, Центральная 5, 6, 8, 21, 22, 29, 219, 364, 381, 382, 489, 526, 536, 538
- Европа, Юго-Восточная 5, 6, 7, 8, 219, 447
- Жепнево 159
- Жешовский округ 162
- Задар 204
- Загреб, Аграм 70, 85, 122, 128, 196, 201—204, 216, 242, 244, 270, 276, 354, 355, 359, 374, 390, 438, 444, 450, 460, 535, 540, 541, 543, 544
- Загребская жупания 81, 100, 202
- Закарпатье, Закарпатская Украина 16, 67, 68, 70, 83, 88, 89, 97, 116, 224, 231, 255, 256, 257, 297, 482, 483, 497, 515
- Заксенланд 223, 428, 429
- Зала, комитат 81
- Зальцбург 29, 30, 31
- Западная (Малая) Валахия 23
- Зволен 360
- Земплен, комитат 97, 132
- Земун 70, 109, 432, 442, 527
- Идрия 114, 402
- Иена 126, 174, 183, 185, 221, 240
- Иллирийские провинции 29, 44, 61, 206, 207, 212, 292, 357
- Иллирия 38, 45, 134, 197, 499
- Иллирия Великая, Венгерская 195—198, 317
- Иллирия, королевство 45, 317
- Инсбрук 286, 369, 376, 440
- Испания 20, 25, 26, 537
- Истрия 28, 31, 33, 45, 63, 70, 194, 196, 205, 445
- Италия 7, 20, 23, 25, 26, 29, 41, 63, 64, 107, 143—150, 205, 278, 279, 285, 306, 308, 320, 335, 356—358, 364, 367, 368, 372, 375, 376, 378, 379, 382, 384, 388—390, 403, 409, 413, 419, 436, 487, 488, 493, 495, 498—500, 511, 527, 532, 538, 542
- Итальянское королевство 292
- Камна-Горица 60
- Камницкий округ 95
- Канада 235
- Каринтия 19, 29—32, 45, 53, 57, 60, 62, 63, 87, 95, 114, 195, 196, 209, 210, 403—405, 446, 515
- Карловац 122, 194, 201, 244, 276, 355
- Карпаты 219, 479
- Кежмарок 184, 187
- Келецкая губерния 163
- Кечкемет 276
- Киев 256
- Кикинда 435, 436
- Клагенфурт, Целовец 63, 210, 403
- Кладно 113
- Клуж, Коложвар 221, 222, 274, 408
- Коломыя 479, 480
- Комаром 126, 259, 413
- Комо 385, 386
- Константинополь 18
- Кошице, Кашша 126, 128, 183, 259, 324
- Крагуевац 276
- Крайна 19, 29—32, 45, 53, 57, 60, 62, 63, 80, 87, 95, 195, 196, 206, 209, 210, 269, 322, 402—405, 407, 446
- Краков 105, 116, 121, 155, 159, 160, 164, 165, 358, 369, 371, 463, 466, 467, 469—473, 527, 530
- Краковская республика 32, 210, 403
- Кремона 385
- Кромержиж, Кремзир 378, 543
- Кропа 60
- Крымское ханство 18
- Кустоцца 372
- Куфштейн 136, 468
- Латизана 387
- Левоча 188, 189
- Ледовитый океан 323
- Лейпциг 221, 247, 287
- Лекко 384
- Либерец 395
- Либерецкий край 113
- Ливорно 375
- Лигурия 262
- Липтовски-св.-Микулаш 188, 458

- Литва 160, 226
 Ломбардия 28, 29, 44, 63, 64, 80, 81, 96, 101, 107, 114—116, 118, 144—146, 149, 239, 279, 370, 372, 375, 384—386, 388, 390, 391, 498, 499, 512
 Лотарингия 27
 Ломбардо-Венецианское королевство, область 30, 32, 49, 63—65, 74, 75, 80, 87, 95, 104, 107, 111, 118, 121, 142, 146, 239, 300, 368, 372, 378, 384, 389, 499
 Ломбардская долина 63
 Лондон 279, 367
 Лорео 387
 Лугож 430
 Лужицы 271, 272
 Луцк 152
 Львов 40, 71, 93, 105, 116, 119, 121, 156—158, 161, 206, 224, 227, 228, 268, 270, 276, 358, 371, 390, 463, 465, 466, 468—471, 473—475, 478, 480, 481, 527, 530
 Люблина, Лайбах 44, 45, 63, 117, 121, 210, 251, 268, 402, 404, 406, 407, 439, 505
 Мантуя 385, 386
 Марамуреш, Марамуреш, комитат 81, 430
 Марессо 386
 Марибор, Марбург 60
 Марош, р. 25
 Меленци 435
 Милан 28, 63, 80, 81, 121, 129, 145, 279, 371, 372, 384—386, 409, 495, 499, 500, 527
 Митровица 432, 527
 Мишкольц 128, 410, 413
 Миява 457
 Модена 29, 372
 Мола 435
 Молдова, Молдавское княжество 18, 31, 32, 214, 218, 220, 276, 297, 362, 427, 430
 Моравия 21, 24, 25, 29, 30, 47, 49, 53, 55, 56, 61, 62, 65, 75, 78, 87, 90, 102, 113, 120, 166, 174, 175, 267, 273, 274, 297, 303, 338, 377, 395, 460, 496, 502
 Моравия, Великая; Великоморавская держава 182, 187, 277
 Морея 18
 Москва 15, 249, 253, 255, 256
 Мохач 20
 Мурано 388
 Насод 83
 Неаполитанское королевство 25, 43, 142, 145, 292, 388
 Неаполь 144, 278, 388, 409, 495, 532
 Нидерланды 20
 Нижний Дунай 18
 Никополь 17
 Нитра 183
 Нитра, комитат 132, 324
 Новара 378
 Нови-Бечей 435
 Нови-Сад, Нейзац, Уйвидек 68, 121, 174, 212, 213, 276, 355, 432—434, 527
 Новоград 453
 Норвегия 328
 Османская империя, Турция, Турецкая империя 5, 6, 17, 20, 22, 25, 28, 30, 31, 33, 109, 135, 148, 154, 214, 218, 252, 265, 314, 342, 368, 439, 440, 446, 447, 451, 520
 Оломоуц, Ольмюц 62, 248, 291, 377
 Оляши 182
 Орава 457
 Орашtie, Сасварош 428
 Орядя, Надьварад 220, 221, 276, 410, 430
 Оснек, Эссек 128, 276
 Остравско-Карвинский район 113
 Паданская долина 386
 Падуя 80, 121, 387
 Палермо 409
 Панчево 217, 413, 432, 527
 Папское государство, область 145, 376, 388, 532
 Париж 27, 28, 45, 130, 136, 154, 245, 263, 286, 359, 375, 403, 409, 422, 495, 496, 517
 Парма 26, 29, 142, 292, 372
 Перлез 439
 Пернумия 387
 Пескьера 500
 Петербург 211, 249, 251, 255, 256, 258, 261, 264
 Петрово-Село 435
 Печ 276
 Пешт см. Буда, Пешт-Буда
 Пешт, комитат 132
 Пльзень 113, 173, 237
 По, р. 64, 81
 Поважская область 67
 Подрощица 402
 Подунавье 129
 Подъюнская долина 403
 Пожегская жупания 33
 Пожонь, Прессбург, совр. Братислава 25, 29, 42, 67, 71, 126, 128, 132, 174, 183, 184, 187, 192, 217, 240, 245, 259, 266, 269, 321, 408, 413, 414, 433, 435, 457
 Пожонь, комитат 81, 132
 Познань 279, 367, 466, 538
 Познаньское княжество 466, 469, 523
 Полезинне 80

- Полезине-ди-Ровиго 387
 Польское королевство 32, 45, 46, 73, 156—158, 162, 163, 279, 341, 342, 349, 360, 498
 Польша 18, 22, 27, 29, 30, 49, 54, 99, 100, 148, 150—157, 161, 163—166, 175, 226, 228, 259, 262, 316, 317, 326, 349, 351, 357, 367, 375, 390, 466, 467, 488, 494, 499, 504, 513, 520, 521, 523—526
 Португуаро 387
 Прага 21, 39, 60, 62, 113, 114, 120, 121, 168, 172—174, 176, 179, 236, 237, 249, 255, 261, 266, 267, 269—273, 354—357, 359, 371, 380, 390, 391, 393, 395—398, 400, 401, 407, 419, 459, 460, 495, 501, 502, 518, 520, 522, 526, 527, 530, 541, 542
 Прешов 187—188, 217
 Прекомурье 209, 404
 Приморье 29—32, 54, 63, 193, 209, 404
 Пруссия 25—29, 32, 40, 49, 145, 153—155, 159, 245, 272, 311, 314, 341, 365, 366, 369, 377—379, 466, 467, 497, 499
 Пшемьсл, Перемышль 71, 480
 Пьемонт см. Сардинское королевство
 Пьяченца 26
 Рейн, р. 28
 Рейнский союз 29, 285
 Речь Посполитая 71, 99, 153, 164, 245, 315
 Риека, Фиуме 33, 68, 109, 195, 380
 Рим 90, 144, 278, 378, 389—391, 498, 499
 Римская республика 378, 391
 Римски-Шанац 439
 Ровна 183
 Рожнява 183
 Россия, Российская империя 22, 25, 27—29, 32, 44, 73, 139, 152, 155, 156, 158, 159, 160, 162, 168, 170, 178, 179, 186, 189, 210, 211, 213, 215, 225, 228, 231, 242, 247—259, 262, 264, 265, 280, 307, 311, 313, 314, 320, 323, 326, 327, 335—338, 341, 342, 348, 350, 351, 365, 368, 370, 400, 401, 477, 490, 497, 519, 524
 Русское государство, Русь, Древнерусское государство 18, 483
 Рупя, Репс, Кёхалом 428
 Саболч, комитат 81, 97, 132
 Сава р. 29, 33, 45, 70, 215
 Савойя 146, 150, 279
 Саксония 25, 126, 272
 Самбор 480
 Сан-Дона-ди-Пьяве 387
 Санокский округ 474
 Сардинское королевство, Пьемонт 63, 144—146, 149, 150, 279, 372, 378, 388—391, 440, 493, 494, 498, 500, 501, 532
 Сатмар, комитат 81, 97
 Священная Римская (Германская) империя 18, 19, 24, 26—29, 285, 288, 311, 333, 366, 367, 370, 371
 Сегед 217, 276, 413
 Седлец 154
 Секешфехервар 104, 276
 Сента 22
 Сент-Эндре 22
 Сербия 7, 17, 18, 23, 31, 32, 70, 92, 98, 109, 118, 196, 212—215, 217, 251, 252, 262, 270, 276, 342, 434, 436, 438—441, 446, 451, 503, 505, 520
 Сибю, Надьсебен, Германштадт 110, 220, 223, 274, 426, 427
 Сигишоара 428
 Силезия 26, 27, 30, 32, 37, 47, 53, 56, 62, 65, 71, 75, 166, 279, 302, 303, 472, 496, 497, 525
 Сисак 244, 355
 Сицилия 144, 498, 499
 Словакия 21, 50, 67, 70, 83, 98, 109, 121, 167, 183, 184, 187—191, 228, 240, 241, 255, 266, 268, 269, 278, 298, 318, 325, 330, 332, 333, 338, 343, 354, 359, 457, 458, 460—462, 507, 512, 515, 534
 Словения 50, 62, 63, 111, 207, 211, 239, 255, 266, 301, 403—405, 407, 408, 445, 502, 504, 507, 513, 515, 525
 Славония 22, 31, 33, 47, 50, 65, 68, 70, 73, 81, 84, 92, 96, 97, 134, 193—197, 262, 282, 380, 405, 436, 445, 446, 448, 449, 452, 454, 455, 505, 525
 Сольнок 71, 413
 Сомбор 276
 Спиш, Сепеш, комитат 67, 97, 328
 Средиземное море 23
 Срем, Срем, комитат 23, 25, 31, 33, 68, 98, 105, 204, 217, 252, 433, 435, 436, 443, 453, 505
 Сремски-Карловци 92, 212, 213, 252, 375, 405, 432, 433, 436, 438, 439, 527
 Станислав 478
 Стари-Бечей 435
 Сторожинецкий округ 482
 Стрый 480
 Суботица 413
 Тарнов 160—163, 473
 Тарнопольский округ 29
 Темешварский (Тимишский) Банат 23, 68, 212, 544
 Тернополь, Тарнополь 478
 Тимишоара, Темешвар 41, 68, 217, 413
 Тироль 19, 29—32, 54, 57, 288
 Тиса р. 20, 25, 70, 137, 411
 Тичино р. 63
 Токай 259
 Торонгал, комитат 442
 Торчин 152

- Тоскана, область 29, 41, 142, 146, 292, 375, 376, 388, 391, 498
- Трансильвания, Трансильванское княжество 20—24, 26, 31, 32, 34, 35, 38, 43, 45, 47, 49, 65, 67, 69, 70, 77, 81—83, 88, 89, 92, 93, 96, 100—102, 110, 121, 129, 130, 133, 134, 162, 218—224, 239, 245, 260, 274, 277, 291, 295, 297, 302, 315, 354, 375, 379, 380, 410, 413, 418, 419, 423—431, 496, 497, 502, 512, 514, 515, 527, 529, 530, 534, 544
- Тревизо 80
- Тренчин 269
- Тржич 60
- Триединое королевство 193, 194, 199, 200, 433, 434, 436, 437, 444, 445, 450—452, 456, 507, 544
- Триест, Трст 62, 63, 107, 109, 211, 402
- Трнава, Надьсомбат 71, 183, 274, 457
- Турополе, община 85, 202
- Тыргу-Муреш 223
- Тюбинген 221
- Ужгород 276, 483
- Украина, Украина Правобережная, Украина Приднепровская 73, 160, 225, 226, 228, 231, 252, 256, 263, 297, 350, 479
- Фейер, комитат 132
- Флоренция 278
- Фокшаны 28
- Форарльберг 30
- Франкское государство 19
- Франкфурт-на-Майне 366, 367, 394, 405, 406, 495, 501
- Франция 20, 23, 25—29, 40, 42, 45, 73, 81, 107, 122—124, 132, 134, 135, 143—145, 154, 155, 175, 206, 236, 298, 335, 336, 340, 357, 358, 361—364, 369, 370, 375, 378, 380—382, 392, 409, 422, 440, 490, 499, 537, 539
- Хевеш, комитат 81
- Херсон 27
- Хорватия 2, 22, 24, 29—31, 33, 34, 42, 45, 47, 50, 63, 65, 68, 73, 81, 85, 92, 96, 109, 111, 129, 133, 134, 139, 193—197, 202, 204, 205, 217, 244, 254, 255, 262, 266, 267, 270, 278, 282, 297, 300, 332, 342, 343, 345, 347, 374, 375, 380, 405, 408, 413, 436, 439, 443, 445, 446, 454, 456, 459, 485, 487, 491, 496, 499, 501—507, 510, 512, 513, 515, 525, 527, 529, 530, 533—535, 540—542, 544
- Хорватия и Славония 33, 38, 68, 70, 82, 84, 85, 98, 100, 105, 110, 116, 119, 121, 128, 193—195, 198—200, 202, 203, 355, 357, 359, 443, 444, 447—454, 456
- Царское Село 259
- Целе 60, 80
- Цетине 439
- Черновцы 482
- Черногория 32, 196, 446
- Черное море 23, 214, 323, 422
- Чехия, Богемия 18, 20, 21, 24, 25, 30, 40, 42, 45, 49, 51, 53, 55—57, 59—62, 65, 66, 75, 78, 87, 90, 113, 116, 167, 170, 174, 175, 177, 179, 181, 228, 241, 250, 255, 262, 267, 268, 282, 287, 298, 301, 303, 338, 341—343, 347, 354, 356, 359, 370, 372, 395—398, 404, 416, 460, 461, 496, 502, 507, 512, 514, 527, 530, 532, 535, 538
- Чехословакия 15
- Чешское королевство 47, 166, 176, 341, 391
- Шариш 67
- Шарош, комитат 97
- Шаштин 67
- Швейцария 107, 279, 358
- Швеция 25, 328
- Шерина 224
- Шлаланице 60
- Шопрон 184
- Штирия 19, 30, 31, 53, 56, 57, 62, 78, 87, 95, 195, 196, 209, 210, 403—405, 446, 515
- Штирия, Южная 63
- Эльба р. 488
- Эннс р. 19
- Эрфурт 126
- Югославия 15
- Южные Нидерланды 23
- Яворов 478

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть первая	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ ДО 1848 г.	
Глава I	
<i>Монархия Габсбургов в эпоху позднего феодализма</i>	17
1. Образование многонациональной империи (17). 2. Этнополитическая структура и механизм господства Габсбургов (30). 3. Основные тенденции экономического развития (50)	
Глава II	
<i>Социальная структура формирующихся наций</i>	76
1. Дворянство (78). 2. Духовенство (88). 3. Крестьянство (94). 4. Ремесленники и мелкие торговцы (103). 5. Буржуазия (106). 6. Пролетариат (112). 7. Интеллигенция (117). 8. Роль городов в общественной жизни (120). 9. Социальная эволюция и общественные движения (122)	
Глава III	
<i>Общественная мысль и развитие национально-освободительных движений</i>	125
1. Венгры (мадьяры) (125). 2. Итальянцы (142). 3. Поляки (150). 4. Чехи (166). 5. Словаки (181). 6. Хорваты (193). 7. Словенцы (205). 8. Сербы (212). 9. Влахи (румыны) (218). 10. Украинцы (224)	
Глава IV	
<i>Международные и внутриимперские связи освободительных движений</i>	234
1. Общественные движения в среде угнетенных народов монархии Габсбургов и идейно-политическое развитие в Западной Европе (234). 2. Национально-освободительные движения и Россия (247). 3. Взаимосвязи славянских народов Австрийской империи. «Национальное сцепление» и социальные симпатии (265)	
Глава V	
<i>Общественная мысль и национально-политическое развитие народов Австрийской империи: сравнительная характеристика</i>	281
1. Национально-освободительные движения как система (281). 2. У истоков австрийского самосознания (284). 3. Этапы развития общественной мысли и идеологии национально-освободительных движений (289). 4. Социальная обусловленность и идейные принципы политических программ национально-освободительных движений (299). 5. Концепции славянской общности и проблема сотрудничества славян до 1848 г. (319). 6. Формы национально-освободительной борьбы (352)	

Часть вторая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ.

Глава VI

Основные этапы революции в Австрийской империи 363

1. Подъем революционного движения в Европе (363). 2. Революция в Австрийской империи (весна — осень 1848 г.) (368). 3. Переход реакции в наступление. Освободительная война венгерского народа (375). 4. Причины поражения революций 1848—1849 гг. (381)

Глава VII

Общественно-политические движения и их программы (обзор по народам) 384

1. Итальянцы (384). 2. Чехи (391). 3. Словенцы (402). 4. Венгры (мадьяры) (408). 5. Румыны (423). 6. Сербы Воеводины (432). 7. Хорваты (443). 8. Словаки (457). 9. Поляки (463). 10. Украинцы (472)

Глава VIII

Общественно-политические течения и их программы (типологический анализ) 484

1. Вводные замечания (484). 2. Революционные концепции ликвидации абсолютизма. Борьба за независимость (487). 3. Реформистские национально-политические течения. Австрославизм и федерализм (501). 4. Идея славянской общности в годы революции. Славянский съезд в Праге (518). 5. Характерные черты массовых движений и форм политической борьбы в годы революции (527). Маркс и Энгельс о некоторых проблемах национальных движений в Австрийской империи в 1848—1849 гг. (536)

Заключение 546

Библиография 548

Основоположники марксизма-ленинизма (548). Литература (551). Ссылки на источники (582). Ссылки на статьи в журналах и продолжающихся изданиях (585)

Сокращения названий журналов, продолжающихся изданий и научных учреждений 590

Указатель имен 593

Указатель географических названий 602

**ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Возникновение и развитие.

Конец XVIII в.— 1849 г.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*
Художественный редактор *И. В. Разина*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Корректоры *А. А. Смогилева, В. А. Шварцер*

ИБ № 15294

Сдано в набор 06.09.79.
Подписано к печати 30.11.79.
Т-16366. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 38,75. Уч.-изд. л. 44,4
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 2303
Цена 5 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве «Наука»
готовятся к печати:

Миллер И. С.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XIX В.

25 л., 2 р. 50 к.

В книге собраны новейшие исследования крупного советского слависта, посвященные актуальным проблемам истории общественного и национально-освободительного движения в России, Польше и Австро-Венгрии в период перехода от феодализма к капитализму. В первом разделе сборника публикуются работы о восстании 1863 г. и русско-польских революционных связях 60-х годов XIX в. Во втором разделе собраны исследования по истории революционной ситуации в России 1859—1861 гг. В третий раздел включены работы по методологическим проблемам сравнительно-исторического изучения истории народов Центральной Европы в XIX в.

1 кв. 1981 г.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

10 л., 1 р. 20 к.

Сборник содержит историографические статьи и обзоры, освещающие современное состояние славяноведения и балканистики в зарубежных странах. Включенные в сборник материалы касаются деятельности международных организаций и национальных научных центров в названных областях науки, характеризуют отдельные издания и разработку некоторых важных проблем в специальной литературе, преимущественно за последние годы.

IV кв. 1980 г.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА.

35 л., 4 р.

В книге рассматриваются вопросы, связанные с освободительными движениями народов Австрийской империи в период утверждения капитализма и формирования наций (вторая половина XIX в.). Исследования носят комплексный сравнительно-исторический характер, основаны на широкой документальной базе, содержат важные обобщения и новые выводы. Авторы уделяют большое внимание процессам формирования рабочего класса и становления социалистического движения у каждого из народов империи.

1 кв. 1981 г.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
375009-Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28;
343900 Краматорск, Донецкая обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199004 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220072 Минск, Ленинский проспект, 72;
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22,
142292 Пущино, Московская обл., «Академкнига»;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
30	11 св.	королевством	королевством, а также великое княжество Трансильвания),
45	10 св.	1917 г.	1817 г.
302	9 стр.	«сельского»	«земского»
305	6 св.	(итальянцы)	(итальянцы),
498	16 стр.	Федорова	Федоров
527	21 св.	началу	началу

Заказ 2303

Б. р. 28. х

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

